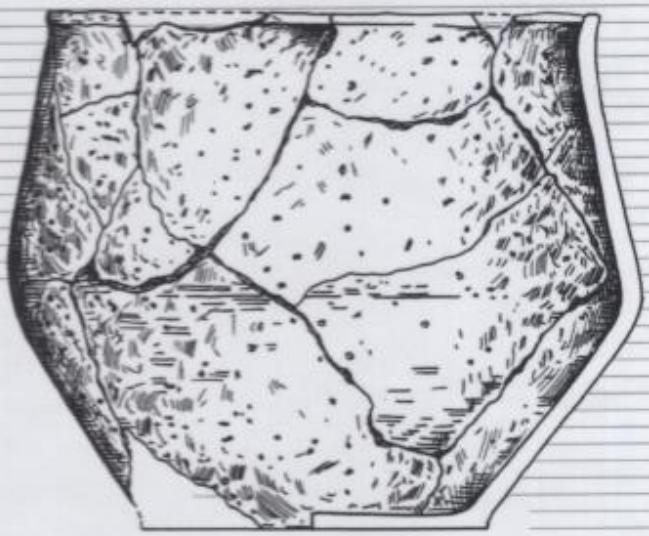
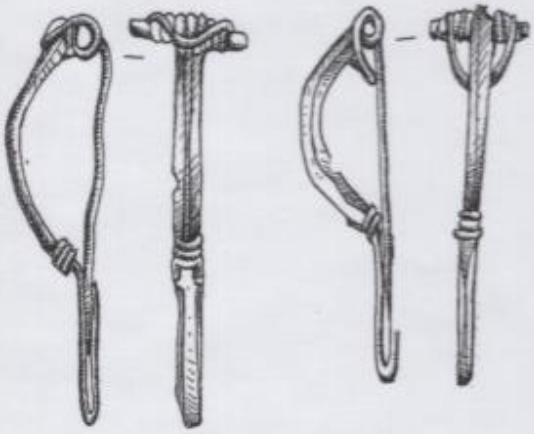
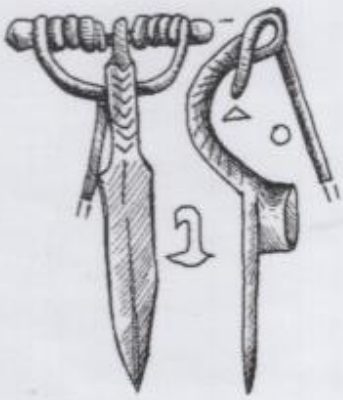
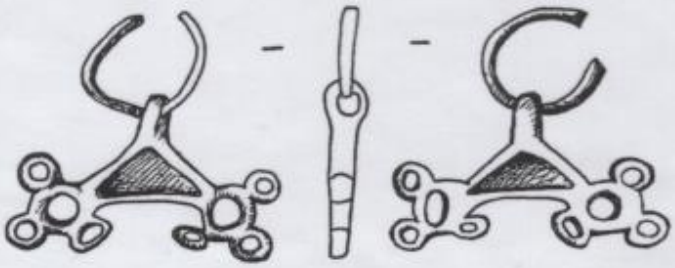
Н. Н. ДУБИЦКАЯ

ДРЕВНОСТИ МОГИЛЕВСКОГО И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ в I–V вв.









НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

Н. Н. ДУБИЦКАЯ

ДРЕВНОСТИ МОГИЛЕВСКОГО И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ в I–V вв.

Минск
«Беларуская навука»
2023

УДК 904(476)“02/06”
ББК 63.4(4Беи)
Д79

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук С. П. Витязь,
кандидат исторических наук, доцент А. М. Медведев

Дубицкая, Н. Н.

Д79 Древности Могилевского и Гомельского Поднепровья в I–V вв. / Н. Н. Дубицкая. – Минск : Беларуская навука, 2023. – 449 с. : ил.
ISBN 978-985-08-3049-4.

Монография посвящена историко-археологическому изучению Могилевского и Гомельского Поднепровья в I–V вв. В научный оборот вводится полностью материал, дана историческая и хронологическая интерпретация таких эталонных памятников, как селища и могильники Абидня и Тайманово. На основе материалов этих памятников выделена новая археологическая культура – культура Абидня (II–V вв.). На их фоне продемонстрированы сложность и многогранность этнических процессов, происходящих на данной территории в первой половине I тыс. н. э.

Рассчитана на ученых, преподавателей вузов и средней школы, студентов, а также всех, кто интересуется древней историей Беларуси.

УДК 904(476)“02/06”
ББК 63.4(4Беи)

ISBN 978-985-08-3049-4

© Институт истории НАН Беларуси, 2023
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2023

ВВЕДЕНИЕ

Могилевское и Гомельское Поднепровье – компактный историко-географический регион на юго-востоке современной Беларуси. В физико-географическом отношении он в основном соответствует белорусскому участку Приднепровской низменности и охватывает могилевское и гомельское течение р. Днепр с его притоками. Наиболее крупными притоками р. Днепр в регионе являются правый приток р. Березины (нижнее течение), по левой стороне – гомельский участок р. Сож с его притоками. В изучаемый регион входит также среднее течение р. Птичь – левого притока р. Припять. На севере Приднепровская низменность доходит до Могилева, ее восточная граница совпадает с началом Брянских равнин и границей Беларуси и России, южная граница – с границей Беларуси и Украины, на западе охватывает восточную часть Полесской низменности.

Монография посвящена актуальной проблеме современной историографии о расселении славянского населения в лесной зоне Восточной Европы. До недавнего времени в археологической литературе постзарубинецкие памятники (I–II вв.), или, как их называют некоторые другие исследователи, позднезарубинецкие памятники, не выделялись в отдельный культурный горизонт. В то же время постзарубинецкие древности Верхнего Поднепровья явились той основой, на которой в конце II – начале III в. сформировалась культура Абидня, либо, как ее ранее называли, верхнеднепровский вариант киевской культуры. Время ее существования – III–V вв. Культура Абидня отличается по основным критериям от соседних культур второй четверти I тыс. н. э. лесной и лесостепной зон Восточной Европы (планировка, домостроительство, погребальный обряд, материальная культура), что дает основание выделить данные древности в особую археологическую культуру. В решении данной проблемы большое значение имеет изучение памятников первой половины I тыс. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья, прежде всего – наиболее изученных памятников этого периода в лесной зоне Восточной Европы, таких как Абидня и Тайманово. В результате их исследований, а заслуга в их изучении принадлежит известному белорусскому археологу Л. Д. Поболю, получен обширный фактологический материал. Введение данного материала в научный оборот с недоступной ранее полнотой позволяет изучить многие вопросы истории населения лесной зоны Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э.

Автор выражает благодарность Марии Трофимовне Игнатенко за помощь в оформлении иллюстративного материала.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ. ПОСЕЛЕНИЯ. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА

1.1. История исследования вопроса

История, культурная и этническая принадлежность населения Могилевского и Гомельского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. являлись предметом изучения многих отечественных и зарубежных исследователей. Основная отправная точка – это расселение в Верхнем Поднепровье в конце III – начале II в. до н. э. зарубинецких племен, потомки которых сыграли важную роль в дальнейшей истории данного региона. Верхняя дата классической зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье, по материалам Чаплинского могильника, – середина – вторая половина I н. э. [151, с. 9; 123, с. 264]. Именно на этот период приходится формирование постзарубинецких древностей в данном регионе.

Причина прекращения существования классических зарубинецких памятников в Белорусском Поднепровье до конца не выяснена. Если для Среднего Поднепровья и Припятского Полесья она кроется во внешней экспансии либо возможных кардинальных изменениях климатических условий, то для Верхнего Поднепровья эти факторы неприемлемы. Во всяком случае исследователи полагают, что политическая ситуация в регионе в данный период была достаточно спокойной, также никаких существенных природных катаклизмов не отмечено. Очевидно, эта причина кроется в иных факторах.

Зарубинецкие племена пришли в Припятское Полесье в конце III в. до н. э. [152, с. 178], несколько позже они начали расселяться вверх по Днепру [152, с. 177]. Это период заката милоградской культуры не только в Припятском Полесье, но и Верхнем Поднепровье. Данный фактор способствовал тому, что расселявшееся зарубинецкое население занимало прежние милоградские городища и легко мирным путем ассимилировало оставшееся милоградское население. Мирный характер ассимиляции местного населения, к примеру, косвенно подтверждается заимствованием зарубинецким населением у местного милоградского населения многих технико-технологических приемов. «Милоградская» специфика, несомненно, придала свои особенности материальной культуре верхнеднепровских зарубинцев.

После распада классической зарубинецкой культуры оставшееся население продолжало сохранять зарубинецкие черты в своей материальной куль-

туре, благодаря чему памятники первой четверти I тыс. н. э. получили название позднезарубинецких, или, вернее, постзарубинецких древностей. Впервые древности первой четверти I тыс. н. э. были исследованы на территории Киева и его окрестностей в конце 40 – начале 50-х гг. XX в. Эти материалы, а также некоторые другие материалы из Среднего Поднепровья (Новые Безрадичи, Ходосовка и др.) легли в основу концепции В. Н. Даниленко о позднезарубинецких памятниках киевского типа [75, с. 27–29; 76, с. 65–92].

В белорусской историографии до недавнего времени древности этого населения не расчленялись на отдельные культурные общности, а, по сути, рассматривались как дальнейшее поступательное развитие зарубинецкой культуры. Ведущим представителем прямого развития зарубинецкой культуры и ее перерастания в восточнославянские древности в белорусской историографии являлся Л. Д. Поболь – исследователь основных памятников этого периода в Могилевском и Гомельском Поднепровье (Чаплин, Абидня, Тайманово, Нижняя Тощица и др.). В развитии зарубинецкой культуры Л. Д. Поболь выделял ранний (III в. до н. э. – II в. н. э.) и поздний (II–V вв.) этапы [243, с. 182, 240–241; 253, с. 11–42, 429–429].

Следует отметить, что до настоящего времени наиболее тщательно изученным памятником зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье являются городище и могильник Чаплин. Практически все выводы по верхнеднепровскому варианту зарубинецкой культуры основываются на материалах этого памятника. Однако Чаплин расположен на крайнем юге региона, что не дает оснований для подобных выводов, так как собственно классические зарубинецкие материалы происходят из памятников до впадения р. Березины в р. Днепр (Горошков, Милоград и др.). Различия между классическими зарубинецкими древностями и древностями зарубинецкого облика северной части Могилевского и Гомельского Поднепровья (выше впадения р. Березины в р. Днепр) были замечены давно. На эти различия Л. Д. Поболь указывает при характеристике материалов городища Щатково, расположенного на нижней Березине. Одной из характерных особенностей керамического комплекса северных древностей зарубинецкого облика является значительный процент посуды, покрытой штриховкой – 19,8 % [240, с. 209, табл. 1]. Второй момент – небольшое по сравнению с южными памятниками количество лощеной посуды, лощеная керамика на городище Щатково составляет 0,1 % (13 фрагментов) [240, с. 209, табл. 1].

Существенные различия между классическими зарубинецкими памятниками, расположенными ниже впадения р. Березины в р. Днепр, и памятниками зарубинецкого облика, расположенными выше ее впадения, привели к тому, что в начале 80-х гг. XX в. А. М. Обломский выделил в верхнеднепровском варианте зарубинецкой культуры две территориальные группы: Горошков-Чаплин и Чечерск-Кистени [219, с. 16]. А. М. Обломский датирует

группу Горошков-Чаплин II в. до н. э. – II в. н. э., группу Чечерск-Кистени – I в. н. э. [219, с. 19]. Финал существования чечерской группы, по А. И. Дробушевскому, – середина – третья четверть I в. н. э. [84, с. 313]

Появление памятников с зарубинецкими материалами в средней части Белорусского Поднепровья М. Б. Щукин связывает с сарматским вторжением на зарубинецкие поселения Среднего Поднепровья [317, с. 52], в результате которого зарубинецкое население вынуждено было подниматься вверх по течению Днепра и занимать прежние милоградские городища (Отрубы, Красная Горка, Петровичи, Щатково). Продвижение потомков классической зарубинецкой культуры вверх по течению Днепра также связывал с набегами сарматов-кочевников на зарубинецкие поселения в Среднем Поднепровье П. Н. Третьяков [303, с. 57–58]. Именно в I в. н. э. опустели среднеднепровские зарубинецкие городища и на зарубинецких могильниках не встречаются захоронения этого времени [303, с. 57–58]. Подобные суждения излагались в работах Е. В. Максимова [192, с. 77–78], К. В. Каспаровой [151, с. 16]. Несколько иной позиции придерживаются Р. В. Терпиловский и А. М. Обломский. Они связывают массовую миграцию зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья на север, вверх по течению Днепра, а также опустение зарубинецких поселений в Припятском Полесье с комплексом причин, основную из которых видят в резких природных изменениях [295, с. 21–22; 297, с. 14–15]. Одной из причин кризиса зарубинецкой культуры М. Б. Щукин называет также эпидемию [318, с. 74].

Таким образом, современная наука не в состоянии четко объяснить причины распада зарубинецкой культурной общности. Так или иначе, факт остается фактом: на рубеже н. э. в ареале зарубинецкой культуры произошли серьезные изменения, которые привели к массовой миграции зарубинецкого населения в различных направлениях, в том числе вверх по течению Днепра.

В начале I в. н. э. потомки зарубинецкого населения под воздействием комплекса причин расселялись вдоль Днепра и его крупных притоков не только в пределах Белорусского Поднепровья, но и в Среднем Поднепровье, Подесенье, в восточном, северо-восточном, юго-западном направлении, образовывая культурные группы типа Марьяновки, Лютеж, Почеп, Гриней, Картамышево-2, Терновки-2. В научной литературе они получили название «позднезарубинецкие древности» [295, с. 22–30; 223, с. 40–43], несмотря на то, что во многом отличаются от классических зарубинецких древностей.

Что касается «позднезарубинецких» и «постзарубинецких» древностей, то различия между этими понятиями неоднократно обсуждались в научной литературе. Большинство исследователей связывают с этими понятиями древности первой четверти I тыс. н. э. и рассматривают как дальнейшее развитие «зарубинецкой линии». Особой позиции придерживается Л. Д. Поболь, который связывает позднезарубинецкий период, как было отмечено

выше, не с первой четвертью, а со второй четвертью I тыс. н. э. Древности первой четверти (до II в. включительно), по его мнению, продолжают относиться к классической зарубинецкой культуре.

Первоначально понятие «позднезарубинецкие древности» рассматривалось как прямое продолжение развития зарубинецкой культуры в новых условиях [303, с. 58–59]. В дальнейшем они становятся основой для формирования древностей киевского типа, которые в свою очередь являются генетическими предшественниками раннесредневековых культур третьей четверти I тыс. н. э. типа Пеньковки и Колочина [303, с. 60–62]. Схожей позиции придерживался Е. В. Максимов, который относил к позднезарубинецким памятникам древности типа Лютежа, Почепа, поздние комплексы Чаплина, на базе которых в конце II в. сформировалась киевская культура, явившаяся основой для создания раннесредневековых культур, которые он считал славянскими культурами [192, с. 153].

А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский рассматривают позднезарубинецкие древности как не совсем однородное в культурном и этническом смысле историческое явление. По мнению вышеуказанных авторов, их нельзя объединять в отдельную культуру [297, с. 12–13], что, собственно, имеет ряд оснований. В Белорусском Поднепровье к позднезарубинецким памятникам А. В. Дробушевский относит древности типа Симонович, которые он датирует концом I – второй половиной II в. на том основании, что, на его взгляд, часть керамической посуды из Симонович имеет архаичный облик [86, с. 125]. Р. В. Терпиловский полагает, что памятники типа Симонович занимают промежуточное положение между памятниками типа Чечерск-Кистени и типа Грини [295, с. 32]. Его позицию разделяет и А. И. Дробушевский, который рассматривает появление поселений типа Симонович как продвижение потомков чечерской группы в западном направлении [86, с. 125]. В любом случае, даже если согласиться со столь ранней датировкой поселения Симоновичи, относить памятники типа Симонович к позднезарубинецким не совсем корректно, поскольку памятники типа Чечерск-Кистени уже сами являются «продуктом» смешения населения классической зарубинецкой и местных культур.

Самая непростая этнокультурная ситуация в первой половине I тыс. н. э. сложилась в Припятском Полесье. После рубежа н. э. активная жизнь в этом регионе затухает. Как полагает К. В. Каспарова, верхняя хронологическая граница существования классической зарубинецкой культуры в Припятском Полесье, судя по анализу «воинских» и «рамчатых» фибул, не переходит середину I в. н. э. [149, с. 139]. Затем в регионе жизнь замирает и возобновляется только в середине II в. н. э. [149, с. 137, рис. 2]. Некоторые исследователи полагают, что после распада классической зарубинецкой культуры часть ее носителей устремилась на территории Понеманья, Предполесья и сред-

ней Березины [127, с. 54]. Только в последние годы в Припятском Полесье выявлены отдельные памятники первой четверти I тыс. н. э. Материалы этого времени на селище у д. Курадово, левый берег Припяти (раскопки В. С. Вергей), датируются серединой I – III вв. [35, с. 5–24], на селище у пос. Давыд-Городок, р. Горынь, правый берег Припяти (раскопки А. Н. Белицкой) – рубежом II/III – началом III в. [47, с. 107–123; 48, с. 177–179]. Столь незначительный материал дает основание для разных трактовок его интерпретации.

В. Г. Белявец относит древности типа Курадово к полесскому постзарубинецкому горизонту и высказывает предположение, что он сложился на основе взаимопроникновения традиций полесского варианта зарубинецкой культуры и населения культур лесной зоны с левобережья Припяти (культуры штрихованной керамики, а также потомков зарубинецкой культуры верхнеднепровского варианта) [39, с. 384–385]. Причем, как он считает, присутствие элементов материальной культуры, присущих населению Верхнего Поднепровья, объясняется не участием населения из этого региона, а близостью культурных компонентов в сложении постзарубинецкого горизонта как в Полесье, так и Верхнем Поднепровье [39, с. 385]. В то же время А. Н. Белицкая является в какой-то мере последовательницей точки зрения Л. Д. Поболя об автохтонном развитии населения Припятского Полесья от классической зарубинецкой культуры через ее поздний этап к раннеславянским культурам с участием в их формировании разных соседних культурных компонентов (культуры Абидня, вельбарской, черняховской) [49, с. 498].

В целом, сторонники понятия «постзарубинецкие» древности (М. Б. Щукин и др.) полагают, что древности первой четверти I тыс. н. э., в том числе в Белорусском Поднепровье, сформировались в результате влияния наследия зарубинецкой культуры на местные культуры восточноевропейской лесной зоны. В частности, тот же М. Б. Щукин сомневался в принадлежности чечерской группы из Белорусского Посожья к зарубинецкой культуре и рассматривал данную культурную группу как особое этнокультурное явление, которое сформировалось на границе верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры и культуры штрихованной керамики [319, с. 138]. Он вообще считал, что роль собственно зарубинецких элементов в сложении в дальнейшем таких культурных явлений второй четверти I тыс. н. э., как Абидня и Тайманово ничтожна [320, с. 243].

Действительно, древности первой четверти I тыс. н. э. Белорусского Поднепровья сформировались в результате смешения потомков классической зарубинецкой культуры и местного населения лесной полосы, прежде всего, носителей культуры штрихованной керамики, а также под влиянием культурных традиций днепро-двинской и юхновской культур. Само население зарубинецкой культуры, расселяясь вдоль р. Днепр, постепенно утрачивало собственные латенские традиции и приобретало местные традиции. В ре-

зультате данного процесса «латенизированность» зарубинецкой культуры к рубежу н. э. заметно снизилась. Особенно четко этот процесс прослеживается в направлении с юга на север. К моменту формирования древностей I–II вв. н. э. зарубинецкая культура представляла собой уже другое явление, чем в период ее формирования и расцвета, поэтому эти древности правильнее называть не позднезарубинецкими, а постзарубинецкими древностями.

Древности второй четверти I тыс. н. э. лесной и лесостепной зоны Восточной Европы до недавнего времени объединялись в единую культурно-историческую общность – киевскую культуру. Памятники киевской культуры выделены в 70-е гг. XX в. В. М. Даниленко [76, с. 65–92]. В настоящее время накопленный археологический материал позволяет некоторые варианты киевской культуры выделить в особую культурную общность. Так, верхнеднепровский вариант киевской культуры выделен в особую культурную общность – культуру Абидня [101, с. 239–243]. Основой для формирования культуры Абидня в конце II в. явились постзарубинецкие древности Верхнего Поднепровья с участием местного населения, которое на каждой территории киевской культуры имело свои особенности. Различным также было опосредованное влияние через местное население других, более отдаленных культурных влияний (западных, южных, восточных, северных). В результате различных и отличных от других территорий культурных взаимовлияний и взаимопроникновений к концу II – началу III в. в Белорусском Поднепровье сложился круг памятников, который по ряду особенностей в материальной культуре отличается от классических киевских древностей (Среднее Поднепровье, Подесенье).

Этот круг памятников получил название культуры Абидня, или абидненской культуры, по названию первого исследованного памятника – поселения и могильника Абидня. Для населения культуры Абидня характерно проживание на селищах, расположенных, как правило, на первой надпойменной террасе. В домостроительстве широко представлены полуземляночные постройки преимущественно срубной, реже столбовой конструкции. Жилые полуземляночные постройки с центральным опорным столбом были редким явлением (Абидня, Гудок, Дедново). Отапливались жилища в основном каменными очагами, или печами-каменками. Погребения осуществлялись в грунтовых могильниках по обряду кремации, преимущественно в ямах. Урновые захоронения появляются на позднем этапе и составляют небольшой процент (Тайманово, Нижняя Тощица, Новый Быхов). Переходным звеном в погребальной обрядности являются смешанные (в заполнении ямы и урне) погребения (Тайманово, Нижняя Тощица). Известны особые ритуальные и символические захоронения (Дедново, Тайманово, Абидня). Наблюдается близость в керамическом комплексе и других предметах материальной культуры для всего круга памятников культуры.

1.2. Территория распространения памятников первой половины I тыс. н. э.

Памятники первой половины I тыс. н. э., в том числе памятники римского времени культуры Абидня, группируются в Белорусском Поднепровье на территории Могилевской и Гомельской областей (рис. 1). Население, оставившее постзарубинецкие древности типа Дражня-Петровичи (I–II вв.), как и предыдущие зарубинецкие племена, для проживания использовало прежние милоградские городища, которые в ряде случаев дополнительно укрепляли (Щатково, Петровичи, Красная Горка, Отрубы). В отдельных случаях население проживало на селищах (Дражня). Селища располагались на надпойменных террасах. В то же время постзарубинецкое население более южных территорий (Среднее Поднепровье, Подесенье) окончательно оставило городища и проживало только на селищах, преимущественно в низких местах [33, с. 67–86].

Постзарубинецкий горизонт на городищах Белорусского Поднепровья невыразительный, свидетельствует о непродолжительном периоде проживания. Аналогичная картина наблюдается и на селищах. Единственное постзарубинецкое селище, на котором производились раскопки, – это селище Дражня, расположенное на террасе левого берега безымянной речки, впадающей в Березину (правый берег). Основной материал – обломки керамических сосудов, иногда украшенные по краю венчика насечками и вдавлениями. Лощеная посуда составляет не более 2 %. Часть посуды покрыта штриховкой, причем ее доля значительно увеличивается с юга на север (Отрубы – 4–6 %, Красная Горка – до 18 %). В элементах декора ощущается влияние юхновских традиций (тычковый орнамент) (Красная Горка). Датирующих вещей крайне мало. Раскопки производили Л. Д. Поболь (Щатково), М. И. Лошенков (Петровичи, Старое Красное), Н. Н. Дубицкая (Дражня, Красная Горка, Отрубы).

Во второй четверти I тыс. н. э. население в Белорусском Поднепровье окончательно оставляет городища и переходит жить на селища. Селища римского времени известны вдоль средних и небольших притоков Днепра и занимают склоны первых надпойменных террас, а также возвышенности среди поймы. Причем в абсолютном большинстве во II–V вв. селища размещались по краям первых надпойменных террас (77,85 %) со средней высотой 4,8–4,87 м над уровнем поймы, также наблюдается тенденция расположения поселений на землях, пригодных для пашенного земледелия [298, с. 191–192].

При определении крайних точек распространения памятников культуры Абидня и достоверности границ ареала используются только те памятники, на которых осуществлялись раскопки и получены достоверные ма-

териалы. Западным памятником является поселение и могильник Симоновичи в среднем течении р. Птичь. На востоке – притоки среднего течения р. Сож. Южная граница, скорее всего, проходит по линии г. Гомель, далее на запад до впадения р. Березины в р. Днепр и доходит до нижнего течения р. Птичь (Симоновичи, Жолвинец, Подлужье). Нижнее течение р. Птичь, как и все заболоченное левобережье р. Припять, обследовано недостаточно. Опорными памятниками являются поселения и могильники Абидня и Тайманово (рис. 1, 2, 3) (раскопки Л. Д. Поболя), расположенные на правом берегу р. Днепр, в северной части ареала. Раскопки также производили А. И. Дробушевский, Н. Н. Дубицкая, А. И. Ильютик, О. А. Макушников. Попытки расширить границы культуры, особенно в западном и северном направлении распространения памятников культуры Абидня на основании отдельных категорий находок, а также объединить древности культуры Абидня вместе с древностями памятников типа Заозерье, на наш взгляд, не вполне обоснованы [85, с. 164].

Как уже отмечалось, Л. Д. Поболь относил памятники второй четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье к позднему этапу зарубинецкой культуры, полагая, что эти древности являются прямым развитием зарубинецкой культуры на данной территории. Он значительно расширял ареал распространения древностей этого периода, включая Понеманье и Побужье, и относил к нему 517 поселений и 39 могильников [253, с. 37–40]. В последнее время с учетом значительного сужения ареала (от верхней части бассейна р. Днепр до устья р. Сож на юге и до Могилева на севере) насчитывается около 20 памятников этого периода [216, с. 290, 306, мал. 85]. Фактически памятников, при обследовании которых собран подъемный материал, в том числе керамика с расчесами, больше. Однако основываться следует только на материалах памятников, где производили стационарные работы и культурная принадлежность которых установлена. Тем более, что керамика с расчесами не может являться индикатором культурной принадлежности памятника вследствие своей малочисленности: количество такой керамики даже в Тайманово, керамическая коллекция которого является самой представительной, не превышает 1 %. Также не могут быть индикаторами отдельные категории находок, рассмотренные вне общего комплекса археологического материала из памятника. Следует четко разграничивать собственно ареал распространения памятников археологической культуры и импульсы этой культуры, которые могут проникать далеко за пределы основного ареала.

В настоящее время границы распространения памятников типа Абидни, а также попытки расширить ареал культуры за счет находок вещей с выемчатыми эмалями вызывают много споров и разночтений. Известно, что вещи с эмалями не являются культурными индикаторами древностей типа Абидни. Вещи с выемчатыми эмалями в римское время были широко распростра-

нены по всей Восточной Европе. Время их бытования приходится на вторую четверть I тыс. н. э. – период существования культур киевского круга, в том числе и культуры Абидня. Как было отмечено выше, не является культурным показателем древностей типа Абидни присутствие керамики с расчесами, доля которой даже на самых представительных памятниках культуры Абидня не превышает 1 %.

1.3. Поселения. Планировочная структура

1.3.1. Планировка поселений первой половины I тыс. н. э.

Наиболее тщательно изученный памятник, позволяющий судить о планировке поселений первой половины I тыс. н. э., – это поселение Тайманово. Поселение Тайманово располагается вдоль левого берега р. Белолички, притока Днепра, на первой надпойменной террасе. Полуземляночные постройки и примыкающие к ним хозяйственные объекты в виде ям и выносных каменных очагов растянулись вдоль берега речки компактными группами (рис. 3, 4). В Тайманово из 52 полуземляночных построек жилыми постройками, т. е. в которых имеется отопительное сооружение, являются 14 построек (№ 5, 6, 9, 15, 25, 26, 27, 29, 35, 38, 39, 46, 47, 49). Возможно, жилой также была постройка № 48. Остальные постройки, по-видимому, были хозяйственными либо у них не сохранилось отопительное сооружение.

Основной структурной единицей на поселении Тайманово, очевидно, являлась усадьба, состоящая из жилой постройки, хозяйственных построек и различных хозяйственных объектов (ям-погребов, выносных очагов). Примерами такого поселенческого комплекса могут служить полуземляночные постройки № 15, 16, 17 (рис. 5). Эти постройки были выявлены в раскопе X, который располагается вдали от основной изученной площади раскопов на самом краю террасы. Основой комплекса является полуземляночная постройка столбовой конструкции № 15 (рис. 5; 10, *1*, *2*). Постройка площадью 16,3 кв. м отапливалась с помощью открытого каменного очага, занимавшего серединное положение. С северо-запада к ней почти примыкала небольшая (9 кв. м) срубная полуземлянка № 17 без отопительного сооружения (рис. 5; 10, *4*, *5*). По-видимому, к данной усадьбе относилась и полуземляночная постройка № 16, которая располагалась в 9–10 м на северо-восток от постройки № 15 (рис. 5; 10, *3*). Это столбовая постройка без отопительного сооружения площадью 11 кв. м. Таким образом, хозяйственную единицу составляли жилая полуземлянка № 15 и две хозяйственные полуземляночные постройки № 16 и 17. Время сооружения постройки № 15 по фибулам – первая четверть I тыс. н. э. Постройки № 16 и 17 также датируются III–V вв., т. е., скорее всего, одновременны постройке № 15. В заполнении полуземлянки № 15 выявлено более 1500 обломков различных керамических сосудов,

большинство из которых принадлежат гладкостенным сосудам. В северо-восточном углу найден раздавленный горшок вытянутых пропорций с наибольшим расширением в верхней части (тип 1 по А. В. Ильютик) [138, с. 20]. Его высота – 26,9 см, диаметр по верху – 25 см, диаметр днища – 11,3 см, диаметр наибольшего расширения – 24,3 см. Венчик слегка отогнут, шейка выражена, плечико слабовыпуклое, высокое (рис. 47). Выявлен обломок сосуда с налепным валиком, украшенный насечкой. Керамика с налепным валиком представлена также в Абидне [138, рис. 8]. Лощеная посуда представлена, в частности, обломком ребристой миски, а также обломком горшка. Выявлена также посуда с расчесами и подштриховкой. Помимо различных бытовых и производственных вещей (ножи, пряслица, обломки тиглей) в заполнении полуземлянки найдены предметы мужского поясного набора: обломок железной согнутой проволоки (глубина 0,29 м), два бронзовых кольца (глубина 0,15 и 0,75 м), бронзовая трубочка (глубина 0,8 м). По-видимому, к мужскому костюму относились и бронзовые арбалетные фибулы с подвязной ножкой. Одна фибула со спинкой треугольной формы (тип А3б по Е. Л. Гороховскому) датируется 330–380 гг., скорее всего, первой третью IV в. [67, с. 44]. Вторая фибула с ромбической спинкой (тип А4а по Е. Л. Гороховскому) относится к 270–330 гг. [67, с. 43]. В заполнении полуземлянки найдена еще одна бронзовая фибула с восьмигранной в сечении спинкой (тип А5 по Е. Л. Гороховскому), которая датируется 230–270 гг. [67, с. 42]. Однако фибула происходит из верхних слоев заполнения (глубина 0,24 м) и не может быть достоверно привлечена к датировке постройки. Очевидно, данная усадьба принадлежала привилегированному представителю таймановской общины.

В заполнении постройки № 16 помимо многочисленных обломков сосудов, среди которых обломки от сосудов с расчесами и штриховкой, а также одного обломка лощеного сосуда, найдены развалы двух сосудов. Один из них с редкими расчесами высотой около 16 см, диаметром по тулову 12 см, диаметром днища 8,5 см. Верхняя часть горшка не сохранилась (рис. 42, *2*). Второй горшок биконической формы, диаметр горшка по горловине около 27 см, ребро находилось в 10,5 см от верха, диаметр по ребру 30 см.

В верхней части постройки № 17 в эпоху Древней Руси был сооружен большой очаг, что отрицательно повлияло на сохранность полуземлянки. В хозяйственный комплекс также входят две ямы-погреба, расположенные с южной стороны постройки № 15.

Следует выделить крупный усадебный комплекс, состоящий из жилой полуземлянки (№ 29), двух хозяйственных (№ 28, 30), выносных очагов и хозяйственных ям (рис. 4). Полуземлянка № 29 срубной конструкции площадью 16 кв. м (рис. 13, *4*). В северо-западной части, ближе к северному углу, сохранились остатки разобранной печи-каменки. Можно предположить,

что постройка № 29 – жилище воина, подтверждением чему являются находки железной бритвы (рис. 69, *1*), фрагмента железного удила (рис. 72, *5*), железного пластинчатого кресала с петлей длиной до 4,8 см (рис. 68, *9*), бронзовой поясной подвески (рис. 73, *3*), бронзовой заклепки. Бритва из постройки № 29 относится к типу 4 по А. А. Александрову [24, с. 26–29]. Похожая бритва с изогнутым лезвием и уступами, только несколько крупнее, происходит из погребения № 37 пшеворского могильника Цыбловице Дуже, которое датируется временем C1a (200–220 гг.) [335, s. 20, taf. XXVIII: 8]. Поясная бронзовая подвеска длиной 4,0 см изготовлена из пластины шириной 7,0 см, толщиной 0,2 см, в нижней части скреплена заклепкой диаметром 0,2 см.

Хозяйственная полуземляночная постройка № 28 расположена восточнее постройки № 29 (рис. 13, *3*). Она также имеет срубную конструкцию стен, площадь котлована 15,2 кв. м. В верхней части заполнения полуземлянки найдены обломок орнаментированного бронзового браслета и красная стеклянная бусина. Эти вещи, очевидно, отношения к постройке не имеют. Собственно из заполнения постройки происходит бронзовый пинцет с зажимом длиной 4,8 см (глубина 0,39 м) (рис. 69, *8*). Очень похожий пинцет, только больших размеров (длина 7,9 см), найден в погребении 49 кургана 1 могильника Нетта в Северо-Восточной Польше. Погребение датируется позднеримским временем D (350–450 гг.) [326, s. 21, pl. XXVI: gr. 49, 1]. На хозяйственное назначение постройки (клеть) указывают находки пяти лепных горшков, перевернутых вверх дном, которые располагались вдоль восточной стены. Один из них располагался посередине стенки. Он имеет слабопрофилированную форму, слабовыраженную шейку с чуть отогнутым венчиком, с наибольшим расширением примерно на середине высоты (рис. 56, *2*). Его параметры: высота 15,2 см, диаметр верхней части 10,5 см, диаметр наибольшего расширения 11,7 см, диаметр днища 7,2 см. Такие формы не характерны для Абидни, отсутствуют они и в классификации керамики киевской культуры по Р. В. Терпиловскому. Два серолощеных с небольшим ребром горшка, вставленных друг в друга, находились в юго-восточном углу постройки, у большего из сосудов имелось кольцевое углубление на днище (тип 3.К3.1 по А. В. Ильютик) [138, с. 18–36] (рис. 48, *3*, *4*). Очень похожий по форме, но нелощеный горшок выявлен в смешанном погребении № 72 Таймановского могильника. В северо-восточном углу найдены еще два раздавленных горшка тюльпановидной формы с наибольшим расширением примерно посередине высоты (тип I.4 по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 47, рис. 8], у одного из них имелись два отверстия для подвешивания (рис. 60, *2*, *3*). Также один горшочек выявлен в северо-западной части постройки. Его высота 2,5 см, диаметр верхней части 4,8 см, диаметр днища 3,5 см (рис. 64, *5*). В непосредственной близости от полуземлянки выявлены два выносных очага и две хозяйственные ямы (рис. 21).

Вторая хозяйственная полуземляночная постройка № 30 крупнее по размерам (рис. 14, *1*). Это также срубная постройка площадью 18 кв. м, располагается на северо-западе от полуземлянки № 29. Постройка погибла во время пожара. В постройке помимо обломков посуды (833 фр.) выявлены различные вещи, среди них железный серп, посоховидная булавка с ромбическим сечением круглой головки, бронзовое кольцо и пронизь, каменная формочка для отливки украшений, обломок тигля. Наличие литейной формочки и обломка тигля может свидетельствовать о прозводственном назначении данной постройки. Рядом с постройкой, с восточной стороны, располагались две ямы-погреба овальной формы. Постройка № 29 относится к III – началу IV в. Постройка № 28 существовала в IV – начале V в. Можно предположить, что первоначально усадьба состояла из двух полуземляночных построек – жилой № 29 и хозяйственной № 30. Хозяйственная полуземлянка № 28 была сооружена позже.

Не исключено, что усадебный комплекс составляли полуземляночные постройки № 6, 20, 21 (рис. 4). Полуземляночная постройка № 6 представляет собой небольшую срубную постройку, площадь котлована 12,6 кв. м, площадь сруба 8,4 кв. м (рис. 7, *3*, *4*). Постройка погибла во время пожара. Отапливалась полуземлянка очагом, который размещался почти посередине помещения, в его северо-западной части. Пол в постройке деревянный. Крыша, судя по сохранившимся остаткам перекрытия, была двускатная. В заполнении выявлены обломки керамической посуды, среди них обломки лощеных горшков, в том числе горшка с загнутым внутрь верхом (форма С для керамики Абидни по А. В. Ильютик) [138, с. 20]. Сосуды с загнутым внутрь краем Р. В. Терпиловский и Н. С. Абашина [294, с. 47], а также Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев [179, с. 36] относят к типу 6. Р. В. Терпиловский отмечает, что редкие для киевской культуры сосуды с вогнутым внутрь краем спорадически встречаются на памятниках разных территорий и этапов [294, с. 51]. В нижней части заполнения постройки, на материке, найден раздавленный лощеный ребристый горшок. Диаметр горшка 16,5 см, диаметр днища 11 см, высота 19,5 см. Ребро находилось в средней части (рис. 48, *1*). Л. Д. Поболь полагал, что типологически данный сосуд является одним из самых древних на поселении и датируется не позднее II в. н. э. Похожий по форме, только нелощеный горшок происходит из погребения № 72 могильника Тайманово [257, с. 59, рис. 15, *10*]. Среди горшков Абидни наиболее типологически близок к данному сосуду нелощеный горшок из полуземлянки № 14 (тип 3, форма К3) [138, с. 20–21]. Однако горшок из Абидни был значительно крупнее. Его диаметр по венчику 32 см [254, с. 107, рис. 56, *4*]. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев биконические сосуды с ребром в средней трети относят к типу Р-2 и считают их характерными для деснинского варианта киевской культуры [179, с. 68]. Постройка № 6 относится к III–V вв.

К этому же времени относятся хозяйственные, без отопительного сооружения полуземлянки № 20 и 21.

Полуземлянка № 20 расположена севернее постройки № 6 (рис. 12, *1*). Это крупная постройка срубной конструкции, площадь котлована – 17,6 кв. м. Постройка частично повреждена поздними хозяйственными сооружениями. Юго-западную стенку частично разрушил поздний каменный очаг, западный угол также нарушила поздняя хозяйственная яма. В заполнении постройки наряду с обломками глиняной посуды, некоторыми бытовыми вещами (обломки пряслиц) найдена красная стеклянная бусина (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) [372, s. 33]. Однако незначительная глубина залегания находки, выше уровня выявления контуров постройки, дает основание сомневаться в ее принадлежности к комплексу полуземлянки.

Полуземлянка № 21 располагалась северо-западнее постройки № 20, почти вплотную (рис. 12, *2*). Это небольшая, очевидно, срубная постройка. Площадь котлована 10,4 кв. м. Почти в центре постройки, на глубине 0,6 м, лежал большой кусок шлакированного железа. К данному хозяйственному комплексу также относится большая хозяйственная яма-погреб (2,0×1,5 м). Она располагалась в 2 м восточнее полуземлянки № 6.

Также, по-видимому, единый усадебный комплекс могли составлять жилая полуземляночная постройка № 9 и две хозяйственные полуземляночные постройки № 10 и 12. Возможно, к этому комплексу могла относиться и полуземлянка № 33 (рис. 4). Полуземлянка № 9 – небольших размеров срубная постройка, площадь котлована 10,2 кв. м, площадь самой постройки – 8,7 кв. м (рис. 8, *3*). Отапливалось жилище печью-каменкой, расположенной в северо-восточном углу, пол в постройке деревянный, из плах. Жилище погибло во время пожара.

Хозяйственная полуземлянка № 10 находилась в 3 м на северо-запад от постройки № 9 (рис. 8, *4*). Это постройка со срубной конструкцией стен несколько больших размеров, площадь котлована 13,7 кв. м, без отопительного сооружения. Пол, очевидно, был также деревянный.

Полуземляночная постройка № 12 располагалась на северо-восток от постройки № 10 (рис. 9, *2*). Постройка имела столбовую конструкцию стен с центральным опорным столбом. Площадь котлована 15,4 кв. м. Пол, очевидно, также был деревянный, никакого отопительного сооружения не выявлено. В заполнении полуземлянки помимо обломков горшков, бытовых вещей (пряслица, обломок железного изделия) выявлены две стеклянные бусины. Одна из них – зеленая, удлиненно-овальной формы, глубина 0,35 м (тип 8 по М. Темпельманн-Мачинской), такие бусы были особенно характерны для периода B2/C1 – C2 (170–310 гг.), хотя встречаются на протяжении всего римского периода [372, tabelle 8, s. 94]. Вторая бусина – синяя, прямоугольной формы (тип 105, 108 по М. Темпельманн-Мачинской). Время бытования

таких бус также B2/C1 – C2, но они могли встречаться до фазы D [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска датирует эти бусы более узко – C1b – C2 (220–310 гг.) [378, s. 94, rys. 9: 21; 379, s. 103]. Следовательно, исходя из датировки бус, постройка могла существовать между 170 и 310 гг. Очевидно, в это же время существовали постройки № 9 и 10.

Полуземлянка № 33 располагалась немногим более 6,0 м на запад от полуземлянки № 9. Это почти наземная (глубина в материке 0,1 см), вероятно, срубная постройка. Сохранилась лишь северо-западная часть постройки. Судя по выявленной в заполнении керамике, постройка синхронна по времени с полуземлянками № 9, 10, 12.

Возможно, к данному усадебному комплексу могла относиться хозяйственная полуземляночная постройка № 11, расположенная в 7,0 м юго-западнее жилой полуземлянки № 9 (рис. 4). Полуземлянка № 11 имеет срубную конструкцию стен, площадь котлована 15,3 кв. м, без отопительного сооружения (рис. 9, *1*). Постройка погибла во время пожара. В заполнении выявлены обломки керамических сосудов, аналогичные найденным в постройках № 9, 10, 12, 33, в том числе с расчесами и лощеные, среди лощеных встречен обломок ребристого сосуда.

По-видимому, один хозяйственный комплекс составляют полуземляночные постройки № 42, 43, 44, 45 (рис. 4). Постройки располагаются тесной группой, на расстоянии не более 1,0 м. Постройки № 43 и 45 частично перекрывают друг друга (рис. 17, *2*). Полуземлянка № 45 более ранняя, ее северная часть располагалась под нижней частью полуземлянки № 43. В хозяйственный комплекс входит также выносной каменный очаг, расположенный на границе с полуземлянкой № 42. Все постройки не имеют отопительного сооружения и являются хозяйственными. Все четыре полуземлянки имеют столбовую конструкцию стен и центральный опорный столб. В постройке № 42 пол был деревянным, в остальных – земляной. Площадь котлована полуземлянки № 42 – 15,1 кв. м (рис. 16, *1*). Полуземлянка № 43 – самая крупная на селище, площадь ее котлована составляет 22,9 кв. м (рис. 17, *2*). Площади котлованов построек № 44 (рис. 17, *3*) и № 45 (рис. 17, *2*), соответственно, 17,6 кв. м и 17,3 кв. м. Полуземлянка № 42 погибла в огне, в ее заполнении выявлены некоторые бытовые вещи (пряслица, обломки пирамидальных грузил), обломки керамических горшков, в том числе 2 обломка днищ от сосудов с поддонами. Следует отметить, что сосуды с поддонами также выявлены в полуземлянках № 43 (1 фр.) и № 44 (5 фр.), в более ранней полуземлянке № 45 такой посуды не найдено. Следовательно, можно предположить, что полуземляночные постройки № 42, 43 и 44 одновременны. Из заполнения полуземлянки № 44 также происходят развалы от двух сосудов (рис. 61, *2*, *4*). Один из сосудов удалось полностью собрать (рис. 61, *2*). Он представляет собой горшок вытянутых пропорций с наибольшим рас-

ширением посередине высоты (тип 3 по А. В. Ильютик) [138, с. 21, рис. 3: 5]. Его высота 17,8 см, диаметр по верху 10,2 см, диаметр наибольшего расширения 11,7 см, диаметр днища 6,9 см. Такие горшки встречаются в Тайманово, как на поселении, так в могильнике, в то же время очень редки в Абидне и совершенно отсутствуют в древностях киевского типа Подесенья и Среднего Поднепровья. Аналогии им можно найти в керамическом комплексе колочинской культуры (вид 1 по О. А. Макушникову) [196, с. 219, рис. 1]. В заполнении постройки также найдены пряслица, крупный обломок пирамидального грузила черняховского типа. На памятниках киевского типа пирамидальные грузила появляются на позднем этапе их развития – IV – первой половины V в. [294, с. 63, рис. 14: 20]. Найдены также железная шпора (глубина 0,4 м) (рис. 72, *1*) и синяя стеклянная бусина с вогнутыми боками (рис. 84, *21*) (аналогий бусине не выявлено). С тыльной стороны шпоры закреплен четырехгранный шип, который изнутри заклепан. В. Б. Перхавко относил шпору из Тайманово к V типу, варианту А и считал, что подобные шпоры доживали до начала третьей четверти I тыс. н. э. [232, с. 113–126]. В черняховских древностях шпоры типа 3, в том числе с заклепанным шипом, датируются в пределах позднеримского и гуннского времени [189, с. 310, рис. 8: 5, 6, 13, 14].

Таким образом, полуземлянка № 44 является одной из наиболее поздних построек на поселении и могла дожить до середины V в. Следовательно, к этому времени могли относиться полуземлянки № 42 и 43. Полуземлянка № 45 существовала несколько раньше. По функциональному назначению данные полуземлянки, учитывая их достаточно крупные размеры, могли иметь чисто хозяйственное предназначение (амбар, клеть) и использоваться для жилья в летнее время, а также выполнять какие-либо общественные функции.

Ближайшие к ним жилые полуземлянки – это постройки № 47 и 48 (рис. 4). Полуземлянка № 47 расположена примерно в 3,2 м северо-западнее полуземлянки № 42 (рис. 18, *1*, *2*). Постройка погибла при пожаре. Это небольшая постройка столбовой конструкции, площадь котлована 12,3 кв. м, площадь самой постройки 10,2 кв. м. Жилище отапливалось печью-каменкой, которая располагалась в северной части. Пол в постройке был деревянный. В заполнении постройки выявлены обломки лепных сосудов, в том числе венчик серолощенного горшка, отдельные бытовые вещи (обломки пряслиц, грузил, в том числе пирамидальных, нож, шило). Рядом с полуземлянкой располагались три хозяйственные ямы, одна из которых имела подквадратную форму площадью 4 кв. м.

Полуземлянка № 48 находится в 2,0 м западнее полуземлянки № 44 (рис. 18, *3*). Жилище также погибло при пожаре. По своим конструктивным особенностям постройка № 48 схожа с полуземлянкой № 47: такая же столбовая конструкция стен, те же размеры (площадь котлована 12,3 кв. м), пол в постройке деревянный, отапливалось жилище печью-каменкой. В построй-

ке помимо многочисленных обломков гладкостенных горшков выявлены обломок лощеного горшка и крупные обломки горшка с защипами. Посуда с защипами по тулову также найдена в Симоновичах, Дедново [134, с. 29]. Защипной орнамент имеет, скорее всего, северное происхождение. В частности, на поселениях Литвы он встречается на протяжении всего I тыс. н. э. [74, с. 24], на белорусских памятниках – в IV–V вв. [133, с. 35]. Возле северо-западного угла полуземлянки находилась хозяйственная яма, в которой выявлен развал горшка.

Можно предположить, что жилые полуземлянки № 47 и 48 вместе с полуземляночными постройками № 42, 43, 44 и, возможно, № 45 составляли либо один усадебный двор, либо несколько соседских дворов-усадеб (рис. 4). Время возникновения этих усадеб относится не ранее конца III – начала IV в., причем некоторые постройки (полуземлянки № 42, 43, 44) могли существовать до середины V в.

Очевидно, к этому периоду может относиться и жилая полуземляночная постройка № 49 (рис. 4). Полуземлянка расположена несколько в отдалении, примерно в 15,0 м на юг от полуземлянки № 48 (рис. 18, *3*). Она расположена на самом краю раскопа XLII, южнее которого территория поселения не изучалась. Очевидно, данная полуземлянка также могла являться составной частью усадебного комплекса. Это небольшая срубная постройка, площадь котлована 10,2 кв. м, также отапливалась печью-каменкой, расположенной в северо-восточном углу. В заполнении постройки выявлен развал приземистого биконического горшка (рис. 50, *1*). Его высота 23,5 см, диаметр верхней части также 23,5 см, диметр днища 14,3 см. Ребро располагалось примерно посередине высоты горшка, диаметр по ребру 23,8 см, толщина стенок 0,8 см. Край венчика почти не отогнут, шейка не выражена (тип 3К2 по А. В. Ильютик) [138, с. 20, 21] и (тип II2в по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 47, рис. 8]. Подобные горшки, по мнению А. В. Ильютик, находят аналогии в керамике культуры штрихованной керамики бассейна Березины [138, с. 18–36]. В Абидне, в отличие от Тайманово, биконические формы встречаются довольно редко (тип 3 по А. В. Ильютик) [138, с. 20, 21]. Р. В. Терпиловский считает, что биконические горшки (тип II2е) наиболее типичны для заключительного этапа киевской культуры [295, с. 40].

Скорее всего, такой же единый хозяйственный комплекс могли образовывать хозяйственные полуземлянки № 1, 2, 3, 4 (рис. 4). Полуземлянка № 1 срубной конструкции без отопительного сооружения, площадь котлована 11,5 кв. м (рис. 6, *1*). В заполнении найдены обломки лепной посуды, в том числе венчик серолощеного горшка. Севернее постройки № 1 располагалась крупная хозяйственная яма удлиненной формы (2,0×1,7 м).

Полуземлянка № 2 находилась в 4,0 м южнее полуземлянки № 1 и перекрывала восточную часть более ранней полуземлянки № 3 (рис. 6, *2*).

Это также срубная постройка, площадь котлована 14,4 кв. м. Почти в центре полуземлянки у самого дна лежали обломки двух крупных сосудов типа корчаг (рис. 37, *1*, *2*). Диаметр горловины самого крупного горшка 37,0 см, диаметр второго горшка 33,0 см (тип 2 для округлобоких горшков Абидни по А. В. Ильютик) [254, с. 102, рис. 37], (тип 1а по Р. В. Терпиловскому для посуды киевской культуры) [294, с. 46]. Находки корчаг, в которых обычно хранилось зерно, в центре постройки в какой-то мере могут указывать на хозяйственное предназначение полуземлянки № 2.

Восточная часть полуземлянки № 3 разрушена при строительстве полуземлянки № 2. Это срубная постройка размерами несколько меньше, чем полуземлянка № 2, площадь котлована 12,9 кв. м. Не исключено, что она могла являться жилой постройкой, а отопительное сооружение могло быть разобрано при строительстве постройки № 2.

Полуземлянка № 4 находилась в 4 м юго-западнее полуземлянки № 3 (рис. 6, *3*, *4*). В отличие от предыдущих построек, она имела столбовую конструкцию стен с центральным опорным столбом. Площадь котлована также 12,9 кв. м. Восточная часть полуземлянки разрушена траншеей времен Великой Отечественной войны. В древности постройка погибла при пожаре. Конечно, можно предположить, что отопительное сооружение могло находиться в разрушенной восточной части сооружения, а вернее, в его северо-восточном углу. Однако все раскопанные полуземлянки с центральным опорным столбом в Тайманово были нежилыми и не имели отопительного сооружения. В заполнении постройки найдены обломки лепной посуды и некоторые бытовые вещи (обломки тигля, пряслиц, пирамидального грузила). Таким образом, очевидно, полуземляночные постройки № 1, 2, 4, а также, возможно, № 3 могли составлять общий хозяйственный двор.

Аналогичный хозяйственный комплекс также могли составлять полуземляночные постройки № 31, 32А и 32Б (рис. 4). Полуземлянка № 31 представляла собой небольшую срубную постройку, площадь котлована 10,9 кв. м (рис. 14, *2*). В заполнении постройки выявлено почти 650 обломков посуды, в том числе с расчесами и лощеных, некоторые железные изделия (обломок удил из двух частей (глубина 0,35 м), острие), 3 пряслица. Обнаружены также обработанные кремни и кости домашних и диких животных. В южной части постройки лежал небольшой лепной горшочек. Высота горшка 11,5 см, диаметр по верху 8,8 см, диаметр днища 5,6 см, диаметр наибольшего расширения 9,2 см. Венчик слегка отогнут, шейка слабо выделена, наибольшее расширение приходится примерно на середину высоты (рис. 56, *4*). Примерно такой же горшочек, только несколько больших размеров найден в полуземлянке № 28. Похожий горшок происходит из урнового захоронения № 55 могильника Тайманово [257, с. 34, рис. 16: 1]. Помимо названных находок в заполнении постройки выявлены различные бронзовые изделия, среди них

бронзовая лунница с красной (выемки) и зеленой (концевые щитки) эмалью (глубина 0,6 м), кольцо-пронизь (глубина 0,45 м), кольцо из ромбической проволоки (глубина 0,5 м), пластинка (глубина 0,45 м), слиток (глубина 0,72 м). С бронзолитейным производством связаны находки льячки и 6 тиглей. Стилистически лунница из постройки № 31 (рис. 81, *5*) тяготеет к типу IB (по И. К. Фролову), который датируется первой половиной IV в. [305, с. 116, табл. 2]. В Днепровском Левобережье подобные лунницы, но только с красной эмалью (тип Картамышево-2 – Шмырево), относятся к более раннему времени – середине – второй половине II в. н. э. [78, с. 77–79]. Таймановские лунницы с выемчатыми эмалями датируются III – возможно, началом IV в. Подобный набор бронзовых изделий (сырье, полуфабрикат, готовые изделия) вместе с приспособлениями для плавки и разливки цветных металлов может свидетельствовать, что в полуземлянке № 31 находилась мастерская мастера бронзолитейных дел. Это редкий случай, когда удалось увязать постройку с бронзолитейной мастерской. На поселении Абидня бронзолитейными мастерскими могли быть полуземлянки № 18 и 20. Возможно, бронзолитейными мастерскими являлись полуземлянки № 28, 29, 30, причем полуземлянки № 29 и 30 составляли один производственный комплекс [278, с. 85].

На соседних территориях как бронзолитейные мастерские использовались постройка на селище Почеп, жилище 3 поселения Роище и жилище 1 поселения Киселевка 2 (Подесенье) [295, с. 80]. Также в хозяйственный комплекс полуземлянки № 31 входили выносной очаг, расположенный с южной стороны постройки, и три хозяйственные ямы, которые находились в восточной стороне постройки (рис. 22). Западная хозяйственная яма располагалась примерно между (чуть восточнее) постройкой № 31 и постройками № 32А и 32Б.

Полуземлянки № 32А и 32Б находились примерно в 4,0 м севернее полуземлянки № 31. Более ранняя полуземлянка № 32Б находилась под постройкой № 32А (рис. 14, *3*, *4*). Она представляла собой срубную постройку с деревянным полом, площадь сруба 9,6 кв. м. В заполнении найдены мелкие обломки керамических сосудов типа верхней постройки. Постройка погибла при пожаре. Не исключено, что это была жилая полуземлянка, а отопительное сооружение было разобрано при строительстве полуземляночной постройки № 32А. Полуземлянка № 32А примерно на 80 % перекрывала полуземлянку № 32Б (рис. 14, *3*). Это также постройка со срубной конструкцией стен площадью 15,3 кв. м, без отопительного сооружения. В заполнении найдены обломки керамических сосудов. Вещи представлены обломком ножа, бронзовым височным кольцом с ромбовидным сечением (глубина 0,2 м). Височные кольца из ромбической проволоки известны на памятниках междуречья Днепра и Западной Двины, Псковщины (селищах Бельцицах, Каменная Лава, могильнике Фролы) [179, с. 60]. Найден целый тигль

с подтреугольным оформлением верха. Тигли с подтреугольным оформлением верха характерны не только для Тайманово, они часто встречаются в Абидне [254, рис. 19; рис. 24: 5, 6; рис. 31: 4, 5; рис. 35: 3]. Также выявлены обломки двух стеклянных бусин – зеленой (глубина 0,3 м) (рис. 84, *9*) и красной (глубина 0,6 м) (рис. 84, *8*). Зеленая бусина бочковидной формы типа бисера (тип 24 по М. Темпельманн-Мачинской). В Центральной Европе такие бусы бытовали на протяжении всего позднеримского периода, хотя встречаются и в раннеримский период [372, tablele 8, s. 94]. Более узкую дату для таких бус дает Т. Ставярска – 200–310 гг. (С1 – С2) [368, s. 103, rys. 14: 66, 67]. Красная бусина подпрямоугольной формы – «плоский кирпичик» (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) [372, s. 33]. Таким образом, полуземлянки № 31 и 32А (32Б) существовали примерно в одно время (200–310 гг.) и могли образовывать один хозяйственный комплекс, в котором полуземлянке № 31 отводилась роль бронзолитейной мастерской. Возможно, судя по находке тигля, мастерской могла быть и полуземлянка № 32А.

Не исключено также, что единую хозяйственную единицу могли составлять полуземляночные постройки № 22, 23, 24 (рис. 4). Они размещены примерно по одной линии, постройка № 24 – с некоторым смещением на юг. Центральное положение занимала полуземлянка № 22 (рис. 12, *3*). Это постройка срубной конструкции, площадь котлована 16,4 кв. м, без отопительного сооружения. В постройке найдены 1000 обломков керамических сосудов, 3 пряслица, железное острие, точильный брусок.

Полуземлянка № 23 расположена примерно в 8,0 м на восток от полуземлянки № 22. К сожалению, полуземлянка изучена не была, так как она почти полностью уничтожена во время дождя. Судя по контурам, это была постройка площадью 14,7 кв. м, скорее всего, хозяйственного назначения (если бы это была жилая постройка, то отопительное сооружение хотя бы частично сохранилось).

Полуземлянка № 24 находилась примерно в 4,0 м юго-западнее постройки № 22. Это небольшая срубная постройка без отопительного сооружения, площадь котлована 9 кв. м, нижняя часть которого слегка углублена в материк (на 4–5 см). В заполнении постройки найдены обломки лепной керамической посуды, в том числе обломок стенки ребристого сосуда и обломок глиняной сковородки.

Что касается остальных построек, то их не удалось увязать с другими постройками. В частности, жилые полуземляночные постройки № 25 и 26 расположены недалеко друг от друга. Полуземлянка № 25 находится примерно в 4,0 м на северо-запад от полуземлянки № 26 (рис. 4). Однако эти постройки относятся к разным хронологическим периодам. Полуземлянка № 25 – это срубная постройка, площадь котлована которой составляет

17,6 кв. м (рис. 12, *4*). Отопительное сооружение располагалось в северо-восточном углу. Оно представлено остатками, по-видимому, глинобитной печи либо отопительного сооружения, обмазанного глиной. Однако не исключено, что в качестве отопительного сооружения мог выступать открытый очаг в яме. В тексте отчета Л. Д. Поболя указано, что в северо-восточной части полуземлянки расчищены две ямы. Одна из них круглая, диаметром 0,55 м и глубиной от уровня зачистки 0,3 м, она заполнена культурным слоем с золой и углем, вторая яма – овальная, 0,55×0,4 м, глубиной 0,35 м от уровня зачистки, заполнена культурным слоем. Очаги в неглубоких ямах типичны для соседних территорий киевской культуры [295, с. 36]. В заполнении постройки найдены обломки лепной глиняной посуды, в том числе с расчесами и лощеной, два обломка сковородок, некоторые бытовые вещи (пряслица, обломок ножа), куски шлака, в том числе с красными натеками. В северо-восточном углу жилища, на глубине 0,32 м от современной поверхности, т. е. выше уровня котлована, найдена бронзовая лунница с красной (в треугольном заполнении) и белой (в двух круглых углублениях) эмалью (рис. 81, *2*). Согласно классификации И. К. Фролова, подвески имеют треугольную форму, с треугольным эмалевым полем, круглыми конечными щитками и круглыми отростками с эмалью, они относятся к типу IIВ и датируются им IV–V вв. [305, с. 115–116, табл. 1, 2]. У данной лунницы отростки не заполнены эмалью и, скорее всего, она относится к более раннему типу IIБ. Несмотря на то что лунница могла и не относится непосредственно к заполнению полуземлянки № 25, постройка по совокупности находок может датироваться III–IV вв. Вблизи постройки, с южной стороны, находился выносной каменный очаг.

Полуземлянка № 26 представляет собой срубную постройку, площадь котлована 17,6 кв. м (рис. 13, *1*). Постройка погибла во время пожара, сохранились остатки сруба и деревянного пола, площадь сруба 7,2 кв. м. Полуземлянка отапливалась печью-каменкой, расположенной в северо-восточном углу. С южной стороны прослеживается вход в жилище, сохранился порог. Особенностью данной полуземлянки является то, что в ней лучше, чем в других полуземляночных постройках сохранились элементы интерьера. Под нижним бревном южной стенки, между порогом и углом, найден лепной горшок вытянутых пропорций с расширением примерно посередине высоты, верхняя часть горшка обломана (рис. 61, *3*). Такие горшки характерны для колочинского керамического комплекса (вид I по О. А. Макушникову) [196, с. 217–233]. В заполнении постройки также найдены обломок глиняной сковородки с высоким бортиком, некоторые бытовые вещи (нож, рыболовный крючок, пряслица, брусок). Несмотря на то что в постройке не выявлено узко датируемых находок, полуземлянка № 26 относится к числу

самых поздних построек на поселении и может датироваться V – возможно, началом VI в. Таким образом, полуземлянки № 25 и 26 не могли составлять единый усадебный комплекс, поскольку существовали в разное время.

В аналогичной ситуации находятся полуземляночные постройки № 35, 36 и 40 (рис. 4). Полуземляночная постройка № 35 частично перекрывала более раннюю постройку № 36. Полуземлянка № 36 представляла собой срубную постройку, площадь котлована которой составляла 16 кв. м (рис. 15, *3*). Полуземлянка № 35 – также срубная постройка несколько меньших размеров, площадь котлована – 12,6 кв. м (рис. 15, *2*). Постройка погибла во время пожара. Сохранились обгорелые остатки сруба и деревянного пола. Площадь сруба 9,92 кв. м. В северо-восточном углу располагалась печь-каменка. Не исключено, что полуземлянка № 36 также была жилой постройкой, а отопительное сооружение, скорее всего печь-каменка, было разобрано при строительстве постройки № 35. В северо-западном углу найдены два перевернутых вверх дном горшка. Оба горшка практически одинаковой формы с незначительно отогнутым венчиком, вытянутых пропорций, наибольшее расширение приходится примерно на середину высоты. Один горшок несколько крупнее второго горшка. Параметры первого горшка: высота 27,7 см, диаметр верхней части 21,2 см, диаметр наибольшего расширения 21,0 см, диаметр днища 13,0 см (рис. 57, *1*). Параметры второго горшка: высота 24,5 см, диаметр верхней части 17,7 см, диаметр наибольшего расширения 17,2 см, диаметр днища 11,2 см (рис. 57, *2*). Такие горшки характерны для Тайманово, но не типичны для Абидни. Скорее всего, полуземлянка № 36 была не намного древнее полуземлянки № 35. Обе постройки относятся ко второй четверти I тыс. н. э. С северной стороны построек, в 0,8 м располагалась большая хозяйственная яма диаметром 2,0 м и глубиной 1,0 м. Яма многослойная (6 прослоек), очевидно, ее использовали длительное время как владельцы постройки № 36, так и постройки № 35 (рис. 20, *4*).

Что касается полуземляночной постройки № 40, то это самая маленькая срубная хозяйственная постройка из изученных построек на поселении, площадь котлована 8,6 кв. м. Постройка сооружена на месте грунтового погребения № 189 и расположена в 6,0 м на юго-запад от полуземлянок № 35 и 36 (рис. 16, *3*). В заполнении постройки помимо обломков лепных керамических сосудов выявлена железная пряжка с вогнутыми сторонами (глубина 0,56 м) (рис. 70, *15*). Такие пряжки имеют широкие аналогии в балтских древностях (4 подтип по Е. Бутенасу) и датируются VIII–IX вв. [332, s. 37–56; 128, с. 205, рис. 26]. Однако они встречаются и в более раннее время, в частности, в западнобалтских могильниках в погребениях второй половины V – первой половины VIII в. (Митино) [287, с. 340, 453]. На более раннюю датировку постройки указывают также находки из заполнения постройки обломков лощеной посуды и сосудов с расчесами. На рас-

стоянии 2 м на северо-запад от полуземлянки располагалась хозяйственная яма. Следовательно, полуземляночные постройки № 35, 36 и 40 являются разновременными и не могут образовывать единого усадебного комплекса.

Особняком расположена жилая полуземлянка № 27 (рис. 4). Это постройка столбовой конструкции, с деревянным полом, прослежен вход с южной стороны (рис. 13, *2*). Полуземлянка отапливалась очагом, занимавшим срединное положение. Постройка погибла при пожаре. Площадь котлована 24 кв. м, площадь самой постройки 12,2 кв. м. Это самая заглубленная полуземляночная постройка на поселении. Глубина от уровня зачистки составляет 0,8–0,9 м. В заполнении постройки выявлены около 6000 обломков глиняной посуды, в том числе с расчесами, подштриховкой и лощеная, орудия труда и различные бытовые вещи, среди них серп (глубина 0,9 м), обломок топора (глубина 0,8 м), ножи, шилья, острия, язычок пряжки, обломки глиняных тиглей, грузил, грузика, пряслица, украшения, в том числе бронзовая трапециевидная подвеска (глубина 0,8 м), бронзовая трубочка (глубина 0,75 м), четыре стеклянные бусины. В верхней части заполнения полуземлянки (глубина 0,32 м) выявлена бронзовая фибула с подвязной ножкой (рис. 86, *5*). Фибула датируется по Е. Л. Гороховскому 230–270 гг. [67, с. 42]. К датирующим вещам относятся фибула и четыре бусины. Фибула и одна красная бусина (глубина 0,35) происходят из верхних слоев заполнения постройки (контуры полуземлянки выявлены на глубине 0,4 м) и могут не иметь к ней отношения. Остальные бусины найдены в нижних слоях заполнения, из них красная бусина овальной в сечении формы (глубина залегания находки 0,6 м) – тип 41 по М. Темпельманн-Мачинской. Время бытования таких бус – период C1b – D (220–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Т. Ставярска такие бусы (тип F 2.3) датирует несколько уже – C1b – C2 (220–310 гг.) [369, tabl. III; 370, s. 88]. Вторая красная бусина цилиндрической формы (глубина 0,75 м) – тип 142 по М. Темпельманн-Мачинской. Бусина имеет широкий период бытования B1–D (15–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. У Т. Ставярской подобная бусина происходит из могильника Потчеб (тип F 3.1) и датируется периодом C2 (260–310 гг.) [370, s. 27]. Многогранная бусина синего стекла – в сечении подквадратной формы (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской).

Такие бусы в Центральной Европе преимущественно бытовали в период C2 (260–310 гг.), иногда встречались раньше (C1b) и доживали до конца римского периода [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска многогранные бусы с квадратным сечением (тип F 11.1) в основном датирует временем C1b – C2 (220–310 гг.) (Борковице, погр. III) [370, s. 90]. В Северном Причерноморье граненые бусы из голубого и синего стекла (тип 135 по Е. М. Алексеевой) характерны для II–IV вв. [25, с. 70, табл. 33: 41]. Таким образом, благодаря найденным бусинам время существования полуземлянки № 27 укладывается в хро-

нологический диапазон (200–310 гг.) и позволяет отнести данную постройку к числу наиболее ранних построек на поселении. Найденная в верхних слоях фибула не противоречит этой дате. Ближайшая жилая полуземлянка № 29, расположенная в 14,0 м на север, существовала примерно в это же время.

Что касается жилой полуземляночной постройки № 5, то она располагалась приблизительно на одной линии с полуземляночными хозяйственными постройками № 4 и 7, но на довольно большом расстоянии от них (8–10 м) (рис. 4). Полуземляночная постройка № 5 представляет собой полуземлянку столбовой конструкции, площадь котлована 12,6 кв. м, площадь самой постройки 9,3 кв. м (рис. 7, *1*, *2*). Постройка погибла во время пожара. У западной стенки в средней части выявлено 14 обожженных камней – остатки каменного очага или, возможно, разрушенной печи-каменки. В заполнении выявлены обломки лепной керамической посуды, два пряслица, бронзовая пластинка. Вся керамика сильно измельчена. Скорее всего, постройка № 5 не связана с полуземлянкой № 4, расположенной в 10,0 м на северо-восток.

В 8,0 м на запад от постройки № 5 расположена отдельно стоящая полуземлянка № 7 (рис. 4). Это вторая по размерам постройка на поселении среди раскопанных полуземлянок (рис. 8, *1*). Она имела столбовую конструкцию с центральным опорным столбом. Площадь котлована 20,6 кв. м. Следует отметить, что самая крупная полуземлянка № 43 – также столбовая постройка с центральным опорным столбом. Пол в постройке земляной, отопительное сооружение отсутствует. Как и все полуземлянки с центральным опорным столбом, полуземлянка № 5 являлась хозяйственной постройкой и могла выполнять функции амбара, на что указывают, в частности, крупные размеры, земляной пол. Находки представлены в основном обломками керамической посуды, в том числе сосудами с расчесами и лощеными. Ряд обломков коричневого лощеного сосуда происходит от одного горшка. Остальные находки (два пряслица, фрагмент ножа, бронзовое кольцо) происходят из верхней части заполнения постройки и могли попасть туда из культурного слоя. Очевидно, обе полуземлянки (и постройка № 5, и постройка № 7) относятся к одному хронологическому периоду. Однако соотнести их довольно затруднительно. Они расположены достаточно далеко друг от друга. Изолированное местоположение и крупные размеры полуземлянки № 7 могут указывать на то, что она могла выполнять функцию общественного хранилища зерна и не принадлежала одной семье.

Изолированной является также полуземляночная постройка № 41 (рис. 4). Полуземлянка № 41 – одна из самых маленьких срубных построек на поселении (рис. 16, *4*). Площадь котлована всего 8,6 кв. м. Она также относится к числу самых заглубленных построек, глубина от уровня зачистки 0,8 м. Отопительное сооружение отсутствует. В заполнении постройки собрано более 4000 обломков посуды, в том числе с расчесами (16 фр.) и ло-

щеных (8 фр.). На дне постройки, у северо-западной стенки, выявлен раздавленный горшок (глубина 0,95 м), верхняя часть горшка не сохранилась. На хозяйственное назначение постройки указывают также находки обломков пряслиц, пирамидальных грузил, тигля. В хозяйственный комплекс входят две хозяйственные ямы, одна круглая – расположена возле северной части постройки, вторая овальная – находится возле южной части. Время существования постройки – конец III – начало V в.

Расположенную сравнительно недалеко жилую полуземлянку № 38 с печью каменкой в углу нельзя увязать с ней, так как они, скорее всего, относятся к разным хронологическим периодам. Полуземлянка № 38 была сооружена позднее постройки № 41 – конец IV – начало V в.

В таком же изолированном положении находится жилая полуземляночная постройка № 46 (рис. 4). Это постройка срубной конструкции (рис. 17, *4*). Площадь котлована 13,3 кв. м. Постройка погибла в огне, сохранились нижние сожженные бревна сруба. Площадь сруба 10,5 кв. м. Постройка отапливалась печью-каменкой, расположенной в северо-восточной части жилища. Во всех трех углах (северо-восточном, юго-восточном, юго-западном) находились скопления раздавленных горшков. Помимо обломков керамических сосудов в постройке найдено пряслице и обломки глиняных грузил. Ближайшая хозяйственная яма расположена от жилища приблизительно в 5,0 м на юг.

Особняком располагается полуземляночная постройка № 37 (рис. 4). Это хозяйственная постройка срубной конструкции без отопительного сооружения (рис. 15, *4*). Площадь котлована 14,4 кв. м. В заполнении найдено более 40 обломков керамических сосудов, в том числе с расчесами и лощеных, обломок пряслица. Севернее полуземлянки имеется хозяйственная яма, которая могла относиться к данной постройке. Ближайшая к ней постройка находится почти в 8,0 м на северо-восток – это хозяйственная, слегка углубленная постройка № 33. Однако постройка № 33, по-видимому, больше относится к усадебному комплексу, состоящему из жилой полуземлянки № 9 и хозяйственных полуземлянок № 10 и 12.

Аналогичная ситуация с полуземляночными постройками № 8 и 34 (рис. 4). Постройки расположены на расстоянии 15,0 м друг от друга. Полуземляночная постройка № 8 столбовой конструкции с центральным опорным столбом (рис. 8, *2*). Площадь котлована 16 кв. м. Как и у всех построек в Тайманово с центральным опорным столбом, в данной полуземлянке отопительное сооружение отсутствует, она выполняла хозяйственные функции. В заполнении постройки кроме многочисленных обломков керамических сосудов выявлены два целых сосуда. Один из них, слегка подлощенный, лежал на боку в северной части постройки (рис. 48, *2*), второй сосуд располагался в южной части постройки (рис. 57, *3*). Оба сосуда

имеют наибольшее расширение в средней части тулова и относятся к типу 3 для абидненских горшков [138, с. 20]. Лощеный горшок имел скругленное ребро. Близкий по форме, но крупнее по размерам лощеный биконический горшок найден в заполнении полуземлянки № 6 Тайманово. Такие горшки Р. В. Терпиловский относит к типу II2в [294, с. 46–49]. По его мнению, приземистые биконические горшки типа II2б и II2в широкое распространение получают на среднем этапе и особенно (тип II2в) на заключительном этапе киевской культуры [295, с. 40]. Второй нелощеный горшок имел более вытянутые пропорции. Типологически близкий сосуд найден в погребении № 39 могильника Тайманово. Найден также развал нелощеного горшка вытянутых пропорций, верхняя часть горшка не сохранилась (рис. 60, *1*). Такие горшки имеют аналогии в керамическом комплексе Каменево-2 [295, рис. 59: 15, 16]. Материалы Каменево-2 относятся к финалу киевской культуры и датируются концом IV – первой половиной V в. [294, с. 160]. Найдена небольшая подлощенная мисочка, верхняя часть не сохранилась. Кроме того, в заполнении полуземлянки найдены различные бытовые вещи (пряслица, шило, каменный брусок), а также бронзовая подвеска-лунница серповидной формы с отверстием (глубина 0,35 м) (рис. 80, *9*). Похожая пластинчатая подвеска-лунница найдена на поселении Глеваха, которое датируется второй половиной III – началом IV в. [295, с. 43]. На основании анализа археологических материалов (подвеска-лунница, керамические сосуды) сооружение постройки № 8 можно отнести к IV в., скорее всего, к середине IV в.

Полуземляночная постройка № 34 расположена на самом краю надпойменной террасы (рис. 4). Это срубная постройка без отопительного сооружения (рис. 15, *1*). Площадь котлована 15,5 кв. м. В заполнении найдены обломки лепных керамических сосудов, многие из которых повторно обожжены. Возможно, постройка погибла во время пожара. Найдены вещи бытового назначения – обломки пряслиц, грузила, железное острие, обломки бронзовых и железных изделий, кремневый нож, а также кости диких и домашних животных. Полуземлянка, очевидно, выполняла какие-то хозяйственные функции (сарай и т. д.) и существовала в рамках второй четверти I тыс. н. э. Соотнести ее в единый хозяйственный комплекс с полуземлянкой № 8 можно весьма условно.

Изолированно от других полуземляночных построек расположена постройка № 50 (рис. 4). Она находится в 8,0 м на юг от могильника. Это слегка углубленная постройка (глубина в материке 0,15 м) является самой просторной срубной постройкой на поселении (рис. 19, *1*). Площадь котлована 17,8 м. Постройка являлась хозяйственной, так как в ней отсутствовало отопительное сооружение. В заполнении постройки выявлено очень мало обломков керамических сосудов, всего 25 фр., из них 2 фр. относились к сосудам с расчесами. Рядом с восточным краем постройки, на глубине 0,3 м

найден бронзовый пинцет (рис. 69, *7*). О конкретном назначении данной постройки судить сложно. Учитывая близость расположения к могильнику и очень незначительное количество вещей бытового назначения (обломков керамической посуды и др.), можно предположить, что она каким-то образом могла быть связана с могильником и погребальной обрядностью.

Также изолированно расположена полуземляночная постройка № 51 (рис. 4). Однако, в отличие от постройки № 50, данная полуземлянка расположена достаточно далеко от могильника. Она находится на самой окраине раскопа 49, южнее которого раскопки уже не производились, поэтому не исключено, что в действительности она могла быть частью какого-то усадебного или хозяйственного комплекса. Полуземлянка № 51 – самая маленькая постройка с центральным опорным столбом на поселении (рис. 19, *2*). Площадь котлована всего 8,96 кв. м. Как и у всех построек с центральным опорным столбом в Тайманово, у данной полуземлянки не было отопительного сооружения, она являлась хозяйственной постройкой. Скорее всего, это было хранилище продуктов. В заполнении постройки выявлены многочисленные обломки, относящиеся к разным сосудам. Л. Д. Поболь считает, что выявленные обломки относятся к 20–25 сосудам. Многие крупные обломки удалось склеить. Так, были собраны части гладкостенного горшка (рис. 42, *3*), значительная часть слегка ребристого горшочка (рис. 48, *5*), почти полный профиль темно-коричневого лощеного горшка (рис. 46, *2*), придонные части трех нелощеных горшков. В одном скоплении лежало до 30 обломков крупного горшка с расчесами (рис. 38, *2*) (тип I2 по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 45, рис. 8], (тип 1 по А. В. Ильютик) [138, с. 18–36]. Кроме того, в заполнении постройки найдены пряслица, обломки стеклянных изделий, обломок бронзового ребристого, в сечении почти треугольного, колечка (глубина 0,4 м) (рис. 79, *5*). В верхней части заполнения найден обломок стеклянной полихромной мозаичной бусины (глубина 0,2 м) (рис. 84, *29*). Мозаичные бусы (тип 362 по М. Темпельманн-Мачинской) характерны для среднего этапа позднеримского времени (фаза C1b – C2) (220–310 гг.) [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска мозаичные бусы (тип O27 F22) также датирует этим же временем [369, tabl. III]. На территории Польши бусы с цветочными розетками выявлены в могильнике Швайцария, курган VII, погребение 2, время С (200–350 гг.) [370, s. 73–74] и в могильнике Осова, курган 74 [368, s. 220], который относится к периоду B2/C1 – C1 (170–260 гг.). В городах Северного Причерноморья похожие мозаичные бусы были распространены в первых веках н. э. [26, табл. 49: 13–16, 18]. Бусы с декором в виде цветков-розеток (группа I по О. С. Румянцевой) в бассейне Оки и Среднего Поволжья бытовали в основном с III – конца IV – начала V в. [275, с. 90–110].

С западной стороны могильника, на значительном расстоянии друг от друга располагались полуземляночные постройки № 13, 18, 19 (рис. 4).

Полуземлянка № 18 является самой северной изученной постройкой на поселении (рис. 11, *1*, *2*). Она расположена вдали от остальных полуземляночных построек, в непосредственной близости к могильнику. Примерно в 3,0–4,0 м восточнее и юго-восточнее постройки находятся погребения № 169, 174 и 172. Все эти погребения ямные, безынвентарные. Постройка представляла собой сооружение столбовой конструкции с центральным опорным столбом без отопительного сооружения. Площадь котлована 14,4 кв. Постройка погибла во время пожара, поэтому сохранились обгорелые остатки деревянных стен и плах деревянного пола. Площадь самой деревянной постройки 10,8 кв. м. В заполнении выявлено около 900 обломков керамической посуды, в том числе с расчесами и лощеной. Найдены также различные бытовые вещи и их обломки (пряслица, нож железный, фрагменты железных изделий). Датирующие вещи представлены находками красной стеклянной бусины (глубина 0,45 м) и фрагментированной железной пряжки с круглой рамкой (глубина 0,43 м). Бусина подпрямоугольной формы изготовлена из глухого стекла (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской). Время бытования таких бус – ранняя фаза позднеримского времени по М. Темпельманн-Мачинской [372, s. 33] или 220–310 гг. (C1b – C2) по Т. Ставярской [370, s. 88]. В Северном Причерноморье бусы в виде плоских дисков из глухого красного стекла встречаются в комплексах второй половины I–IV вв. (тип 71 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 68, табл. 33: 20]. Пряжка относится к группе С, тип 14 по классификации Р. Мадыды-Легутко [354, taf. 7: 14]. На территории Польши период массового поступления пряжек с круглой рамкой приходится на фазу B2 и на раннюю фазу позднеримского периода [353, s. 365]. Но для фазы B2 характерны пряжки с удлиненным выступом за рамку в форме шипа [353, s. 351–410], т. е. пряжка из полуземлянки № 18, скорее всего, будет относиться к ранней фазе позднеримского периода – B2/C1 – C1a, что полностью согласуется со временем бытования бусины. Также в заполнении постройки найден обломок гончарного сосуда terra siggilata (глубина 0,5 м).

Особый интерес представляют такие находки, как обломок тигля и обломок глиняной литейной формочки, а также кальцинированные косточки (около 10 шт.). Находки тигля и литейной формочки могут свидетельствовать о нахождении в постройке бронзолитейной мастерской, но это не совсем согласуется с находками кальцинированных косточек. В то же время присутствие кальцинированных косточек неудивительно с точки зрения близости постройки к могильнику и возможного использования ее для ритуальных целей. Скорее всего, в действительности постройка являлась мастерской, но иногда, пользуясь близостью расположения постройки к могильнику, ее могли использовать в ритуальных целях. В 1,0 м от северной стенки постройки находилась хозяйственная яма.

Полуземлянка № 19 располагалась в 34,0 м юго-восточнее полуземлянки № 18. Она представляла собой постройку столбовой конструкции без отопительного сооружения, но без центрального опорного столба (рис. 11, *3*, *4*). Площадь котлована 10,7 кв. м. Полуземлянка также погибла во время пожара. По сожженным остаткам деревянных стен удалось восстановить площадь самой постройки – 9 кв. м. В заполнении полуземлянки найдены обломки керамических сосудов, в большинстве своем от гладкостенных сосудов, есть обломки от лощеных сосудов и сосудов с расчесами. Выявлен крупный раздавленный горшок с расчесами (рис. 38, *1*). Размеры сосуда: высота 35,3 см, диаметр по верху 38,7 см, диаметр наибольшего расширения 43,4 см, диаметр днища 15,0 см. Наибольшее расширение приходится на верхнюю часть сосуда. Горшок приземистый – диаметр верха больше высоты. Крупные сосуды (корчаги) подобных форм характерны для керамического комплекса Абидни [138, рис. 1]. Одна такая корчага из Абидни [138, рис. 1: 1] происходит из полуземлянки № 24, которая датируется по голубой бусине подпрямоугольной формы – «кирпичик» (тип 88, 89 по М. Темпельманн-Мачинской) – ранней фазой позднеримского периода [256, с. 127]. Также в заполнении полуземлянки № 19 выявлены различные бытовые вещи (пряслица, железный нож), украшения (бронзовые пронизка (глубина 0,5 м) и кольцо (глубина 0,52 м), обломок стеклянной красной бусины), найден венчик серолощеного горшка со свастикой. Бусина из полуземлянки (глубина 0,39 м) имеет цилиндрическую форму (рис. 83, *15*) (тип 142 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы изредка, но встречались на протяжении всей первой половины I тыс. н. э. (B1 – D) (15–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Т. Ставярска бусы цилиндрической формы на территории Польши датирует уже 15–310 гг. (B1 – C2) [369, tabl. I, II, III]. В Северном Причерноморье такие бусы особенно характерны для I–III вв. (тип 57 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 67, табл. 33: 11]. Похожая бусина найдена в полуземлянке № 27. По совокупности находок полуземлянка № 19 относится к числу наиболее ранних построек на поселении.

Самой западной постройкой в Тайманово является полуземлянка № 13. Она расположена примерно в 43,0 м на запад от полуземлянки № 19. К сожалению, плана постройки не сохранилось. Предположительно, это была постройка столбовой конструкции, площадь котлована 15 кв. м. Отопительное сооружение не сохранилось, но в тексте полевого отчета Л. Д. Поболя указано, что в северо-восточном углу постройки имелась яма овальной формы, размеры которой составляли 1,35×0,55 м, глубина в материке 0,25 м. Не исключено, что эта яма могла иметь отношение к отопительному сооружению. В заполнении постройки выявлены обломки керамических сосудов, в основном от гладкостенных сосудов, но есть от сосудов с расче-

сами и лощеных. В частности, найдена верхняя часть лощеного ребристого горшка, в северо-западном углу постройки лежала высокая раздавленная миска. Она представляла собой емкость почти непрофилированной формы, без шейки, край венчика чуть отогнут (рис. 64, *2*). Высота миски 10,0 см, диаметр верхней части 14,4 см, диаметр днища 10,6 см. В заполнении постройки также найдены обломки тигля и пряслице.

Полуземлянка № 39 была выявлена на краю карьера в раскопе XXX, вдали от основной площади раскопов (рис. 4). Сохранилась лишь северо-восточная часть постройки, в северной части – остатки от печи-каменки (рис. 12, *2*). Помимо обломков керамической посуды и отдельных бытовых вещей (пряслице, железное острие) в заполнении полуземлянки найдена массивная стеклянная золоченая бусина (тип 25 по Е. М. Алексеевой) (рис. 84, *16*). В Северном Причерноморье золоченые бусы бытовали в I–III вв. [25, с. 31, табл. 26: 70]. Если для античности характерны мелкие украшения, то бусы римского времени значительно крупнее и массивнее [25, с. 28–29]. М. Темпельманн-Мачинска золоченые бусы (тип 387) относит к раннему периоду позднеримского времени и датирует 15–220 гг. (период B1 – C1b) [372, tabelle 8, s. 95], причем чаще всего они встречаются в период B1 – B2/C1 (15–200 гг.) [372, s. 64–65]. Т. Ставярска бусы с золотой прокладкой на западнобалтских землях датирует концом II – началом III – IV вв. [368, s. 177–233]. Золоченые бусы с выступами на концах (тип F13, seria 2) она относит к фазе B2/C1 – C1a (170–220 гг.) [369, s. 41]. Таким образом, сама полуземляночная постройка № 39 может относиться к 170–220 гг. и являться одной из самых ранних полуземляночных построек и самой ранней полуземлянкой с печью-каменкой на поселении.

Очевидно, на поселении Тайманово существовали и наземные постройки. Однако проследить их остатки весьма сложно. При зачистке материка в Тайманово расчищено множество столбовых ям, но увязать их с конкретными постройками не представляется возможным. Не исключено, что к наземным постройкам могли относиться два каменных очага в кв. 155 и 156, раскоп XX. Оба очага располагались на расстоянии 1,0 м друг от друга. Вокруг очага в кв. 156 найдено большое количество вторично обожженных обломков керамических гладкостенных сосудов, шлак, кость животного. Исследователь памятника Л. Д. Поболь в своем полевом отчете отмечает, что при изучении культурного слоя над очагами на глубине 0,2 м выявлено пятно черной, сильно обожженной земли размерами 6×6 м (контуры очагов прослежены с глубины 0,3 м). В северо-восточной части пятна найден раздавленный горшок VI–VII вв., т. е., скорее всего, это наземная постройка не относилась ко второй четверти I тыс. н. э. Толщина обожженной прослойки 0,2 см. Также, возможно, следы наземной постройки выявлены в раскопе XXII, в кв. 60, 62, 68, 69, где отмечено скопление обожженной глины и песка на глубине 0,3–0,4 м от дневной поверхности.

Поселение Абидня располагается на песчаных всхолмлениях поймы левого берега р. Адаменка (правый приток Днепра), в урочище Абидня. На поселении изучено 30 полуземляночных построек [254, с. 102–153; 256, с. 124–142]. 14 полуземлянок (№ 1, 4, 5, 7, 11, 12, 13, 14, 16, 24, 25, 26, 29, 30) имели отопительное сооружение и являлись жилыми, остальные выполняли хозяйственные либо какие-то общественные функции. Не исключено, что часть из них могла использоваться для жилья в летний период. Значительная часть построек (23) выявлена во время раскопок 1960 г., когда территория селища вскрывалась сплошной площадью [254, с. 114, рис. 1]. Абидненские полуземлянки представляли собой сооружения в основном срубной конструкции (20 построек). Остальные полуземлянки – столбовой конструкции, выявлена жилая постройка с центральным опорным столбом (№ 4). Отапливались жилые полуземлянки открытыми очагами, в одном случае зафиксированы остатки глинобитной печи (постройка № 29). Деревянные полы, в отличие от Тайманово, ни разу не зафиксированы.

По-видимому, основной структурной единицей на поселении Абидня, как и в Тайманово, являлась усадьба, состоящая из жилой постройки и хозяйственных объектов. В качестве примера можно привести комплекс полуземляночных построек (№ 14, 15, 18). Срубная постройка № 14 являлась жилой, она отапливалась очагом, расположенным в северо-западном углу жилища. Хозяйственные постройки № 15 и 18 также являлись срубными, в полуземлянке № 18 отмечен обожженный земляной пол. Судя по обломкам бронзовых орнаментированных трубочек, постройка № 18 относится к III в. Помимо обломков бронзовых трубочек в полуземлянке выявлен ряд находок, которые указывают на производственное назначение постройки (бронзолитейная мастерская?), – слиток кованой бронзы, льячка. Не исключено, что производственное назначение имела полуземлянка № 20.

Полуземлянки столбовой конструкции № 19 и 20 относятся к числу наиболее ранних комплексов на поселении Абидня (конец II – начало III в.). В постройке № 19 найдены золоченая бусина (тип 387 по М. Темпельманн-Мачинской), из верхних слоев заполнения происходит орнаментированная бронзовая трубочка. Больше предметов найдено в полуземлянке № 20, которая датируется первой половиной III в. Помимо находок, имеющих чисто производственное назначение (слиток кованой бронзы, тигль, пряслица), в заполнении постройки найдены различные изделия из бронзы (посоховидная булавка, хомутик для ножен, лунница с красной эмалью среднеднепровского типа), ряд изделий из железа, в том числе фибула (группа VI, тип 158 по классификации О. Альмгрена), D-образная пряжка, а также подвеска из краснолакового сосуда (terra sigillata). Находящаяся южнее срубная жилая полуземлянка № 1 отношения к постройкам № 19 и 20 не имеет, поскольку, судя по радиокарбонному анализу, возраст постройки, скорее всего, – вторая половина III в.

К ранним также относится комплекс, состоящий из срубных построек № 7 и 8. В заполнении жилой полуземлянки № 7 выявлена ранняя золоченая бусина, полуземлянка № 8 представляла собой слабо углубленную (глубина в материке 0,2 м) хозяйственную постройку. К началу III в. относится жилая столбовая полуземлянка № 24 (плоская голубая бусина – тип 88–89 по М. Темпельманн-Мачинской, корчага ранних форм). Недалеко от постройки, южнее, находилась домница для выплавки железа [140, с. 200–201; 142, с. 202–203].

Остальные полуземлянки суммарно датируются III в. К наиболее поздним на поселении Абидня (середина – вторая половина III в.) относится комплекс, состоящий из жилых срубных полуземлянок № 29 и 30 и хозяйственной срубной полуземлянки № 28. Полуземлянка № 30 с открытым очагом в юго-западном углу более ранняя, на ее месте затем была сооружена полуземлянка № 29 с глинобитной печью в юго-восточной части. Это единственный известный случай использования глинобитной печи не только на поселении Абидня, но и в регионе. В постройке № 28 была найдена железная фибула с подвязной ножкой – 230–270 гг. по Е. Л. Гороховскому [67, с. 44].

1.3.2. Жилища и хозяйственные постройки в I–V вв. н. э. населения Могилевского и Гомельского Поднепровья

Домостроительство – важный фактор материальной культуры, который отражает основные черты и представления населения о собственном быте, исходя из существующих природных и социально-экономических условий. Зарубинецкие племена, расселяясь вверх вдоль Днепра и его крупных притоков, привнесли свои традиции в домостроительство, которые сформировались в природно-климатических условиях лесостепной зоны. Оказавшись в более суровых климатических условиях смешанных лесов, их потомки восприняли местные, адаптированные к существующим условиям домостроительные традиции, причем интенсивность этой замены отчетливо прослеживается с юга на север. Однако это не простая замена одной традиции на другую, а, скорее всего, синтез пришлых и местных традиций, в результате чего выработались наиболее оптимальные, приспособленные к местным климатическим условиям домостроительные традиции. Данный процесс синтеза в значительной степени объясняет разнообразие конструктивных схем жилищ, особенно на раннем этапе.

На постзарубинецких памятниках Белорусского Поднепровья жилые и хозяйственные постройки не известны. Это связано, очевидно, с отсутствием «чистых» памятников, а также с незначительным постзарубинецким культурным горизонтом на смешанных памятниках. На единственно известном постзарубинецком памятнике (селище Дражня) остатков построек

не выявлено. В этой связи о домостроительных традициях постзарубинецкого населения Белорусского Поднепровья можно судить косвенно на основании аналогий с домостроительством соседних территорий.

Для населения первой четверти I тыс. н. э. Среднего Поднепровья основным типом построек были прямоугольные (62 %) и квадратные (37 %) полуземлянки (89 %) срубной конструкции (62 %). Жилые постройки отапливались открытыми очагами, расположенными на уровне пола или в ямке, позднее (II–III вв.) появляются глинобитные печи [193, с. 34–35].

В Припятском Полесье на территории Беларуси к первой четверти I тыс. н. э. исследователи относят 6 жилых построек (Хотомель-2 – 4 постройки, Струга 1 и Казаргать) [49, с. 457]. Постройки представлены полуземлянками прямоугольной и квадратной формы, в основном срубной конструкции. Иногда встречаются постройки столбовой конструкции, в том числе с центральным опорным столбом (Хотомель-2). Отапливались жилища очагами и глинобитными печами, которые чаще имели угловое расположение [49, с. 477]. По-видимому, к первой четверти I тыс. н. э. также относится углубленное жилище из селища вблизи Давыд-Городка. Жилище почти квадратной формы столбовой конструкции, отапливалось глинобитным очагом, расположенным в северо-восточном углу. Исследователь памятника А. А. Егорейченко относил его к позднему этапу функционирования селища, время бытования селища – конец I тыс. до н. э. – первая половина I в. н. э. [123, с. 124, 285]. Также в Припятском Полесье известны полуземляночные хозяйственные постройки этого периода (Струга 1) [49, с. 479–480].

В белорусской части Днепровского Левобережья также известны наземные и полуземляночные жилые и хозяйственные постройки (Уваровичи, Волчас, Ворновка, Нисимковичи, Шепотовичи) [86, с. 49]. Однако все их однозначно отнести к первой четверти I тыс. н. э. не представляется возможным. Например, зарубинецкий горизонт Шепотовичского городища датируется концом II в. до н. э. – I в. н. э. На городище выявлено два открытых очага, которые А. И. Дробушевский связывал с наземными постройками столбовой или срубной конструкции, причем в одном из них выявлена раздавленная лощеная миска ранних типов [80, с. 33–51].

Городище Уваровичи датируется VII в. до н. э. – I в. н. э. К зарубинецкому горизонту относятся остатки двух построек по одному источнику [79, с. 363–364] либо шести построек по другому источнику, в том числе длинный дом столбовой конструкции в одной части и срубной – в другой части, с несколькими очагами разных типов [86, с. 49–50]. В любом случае трудно сказать, относятся ли они к первой четверти I тыс. н. э. Что касается длинных наземных жилищ, то А. И. Дробушевский в одной из своих публикаций напрямую связывает их с влиянием юхновских традиций в домостроении [79, с. 363–364], в другой же публикации он полагает, что длинные дома связаны с оборони-

тельной системой укреплений и не могут считаться этнокультурным признаком, так как существовали в Восточной Европе вплоть до средневековья [86, с. 50]. Думается, что в данном случае – это не совсем корректное сравнение. Деревянные срубные клети в валу детинца древнерусских городов, которые в некоторых случаях были постоянно заселены, не имели никакого отношения к длинным домам, в которых проживала патриархальная семья эпохи раннего железного века.

По-видимому, к первым векам н. э. может относиться только постройка № 2 на городище Волчас, которая представляла собой полуземлянку с центральным опорным столбом [86, с. 49].

Как полагают некоторые исследователи (А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский и др.), часть верхнеднепровского постзарубинецкого населения (по их мнению, носители традиций памятников типа Кистени-Чечерск) по каким-то причинам мигрировала в конце I – начале II в. в Среднее Поднепровье и образовала там группу памятников типа Гриней [221, с. 94–102; 295, с. 29–30]. Основным типом жилищ на таких поселениях, как Гриней были полуземлянки срубной конструкции с центральным опорным столбом, в углах выявлены остатки очагов с вымощенным черепками подом [295, с. 32]. Ряд исследователей полагают, что в Среднем Поднепровье на заключительной стадии зарубинецкой культуры произошла смена в домостроительстве столбовой конструкции на срубную конструкцию, которая в дальнейшем стала доминирующей [31, с. 229].

Таким образом, на основе столь неполного и не всегда точного материала можно сделать следующие предварительные выводы. Несомненно, население первой четверти I тыс. н. э. Белорусского Поднепровья продолжало традиции в домостроении предшествующего зарубинецкого населения с учетом местных природно-климатических и культурных особенностей. Сложность для сопоставления заключается в том, что единственным зарубинецким памятником, по которому можно судить о домостроении в тот период в Белорусском Поднепровье, является городище Чаплин. Жилые постройки на городище представляли собой наземные или слегка углубленные сооружения столбовой конструкции, которые отапливались открытыми очагами [300, с. 123–130; 245, с. 15–30]. В пользу того, что на основании только одного памятника нельзя делать выводы по всему региону, свидетельствует выявление полуземлянки, по-видимому, срубной конструкции на городище Липняки Лоевского района [72, с. 68]. Полуземлянки были характерны и для полесского региона в зарубинецкий период (Велемичи, Отвержичи, Ремель). В первой половине I тыс. н. э. в Припятском Полесье продолжали также сооружать полуземлянки. Очевидно, полуземляночные постройки доминировали в домостроительстве первой четверти I тыс. н. э. и в Белорусском Поднепровье.

Сложно представить, что приемы домостроения носителей памятников типа Гриней использовались в домостроении Белорусского Поднепровья. Если способ возведения полуземлянок срубной конструкции не вызывает возражений, то такой элемент, как центральный опорный столб в жилых постройках в Белорусском Поднепровье фиксируется начиная со второй четверти I тыс. н. э. и то в редких случаях (Гудок, Абидня, Дедново). В то же время в Среднем Поднепровье жилые полуземлянки с центральным опорным столбом зафиксированы во всех группах постзарубинецких памятников (Оболонь, Почеп, Картамышево-2) [221, с. 37–38, 161–163; 295, с. 28]. Также ни разу на протяжении первой половины I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье не была зафиксирована вымостка пода очага черепками, в то же время этот элемент характерен для домостроения Среднего Поднепровья и Подесенья.

Жилые и хозяйственные постройки культуры Абидня (III–V вв.) представлены полуземляночными и наземными сооружениями. Лучше всего исследованы полуземляночные постройки, которые являлись доминирующим типом сооружений. О наземных постройках известно немного, в лучшем случае можно фиксировать их присутствие на некоторых памятниках (Тайманово, Абидня, Симоновичи).

Всего в ареале культуры Абидня известно 88 полуземляночных построек на 8 памятниках (Тайманово, Абидня, Прудок, Щатково, Дедново, Симоновичи, Нижняя Тощица, Гудок). Основная часть полуземлянок происходит из Тайманово (52 постройки) и Абидни (30 построек). Полуземлянки Тайманово представлены постройками различной конструкции: 1) полуземлянки срубной и столбовой конструкции с печью-каменкой, в основном в северо-восточном углу (11 построек, из них только одна постройка столбой конструкции – полуземлянка № 5, остальные срубные); 2) полуземлянки столбовой конструкции с центральным опорным столбом (11 построек); 3) постройки столбовой конструкции без центрального столба, с каменным очагом или простым огнищем (3 постройки); 4) постройки столбовой и срубной конструкции, где отопительное сооружение не сохранилось (27 построек). Последние постройки являются самой представительной категорией на поселении. Чаще всего это хозяйственные постройки. Исследователь памятника Л. Д. Поболь считает, что в ряде подобных построек в древности существовали печи-каменки, которые затем были разобраны [252, с. 343]. Это предположение косвенно подтверждает факт частичного перекрытия одних жилищ другими (постройки № 2, 3, 35, 36, 43, 44). Факт перекрытия одной постройки другой отмечен и на поселении Абидня (постройки № 11, 12, 29, 30). Аналогичную конструкцию имеют полуземляночные постройки из других памятников.

В ареале достоверно известно о 35 жилых полуземляночных постройках (табл. 1–8). К жилым полуземлянкам относятся только постройки, где

сохранилось отопительное сооружение. Остальные полуземлянки без отопительного сооружения либо являлись хозяйственными, либо отопительное сооружение было разобрано еще в древности, и достоверность отнесения их к жилым постройкам является недоказанной. Объяснение, что жилища могли не иметь отопительного сооружения по каким-то причинам из-за отсутствия традиции сооружения стационарного отопительного сооружения либо строительства отопительных сооружений только в холодное время или по каким-то другим причинам, является неубедительным [31, с. 227].

В Тайманово по конструктивным особенностям стен преобладают срубы (33 постройки), со столбовой конструкцией стен – 18 построек, конструкция стен одной постройки не выяснена (табл. 1) (рис. 5–19). В Абидне из 30 построек конструкция стен определена у 27 полуземляночных построек, конструкция стен у трех полуземлянок не определена, из них 20 построек имели срубную конструкцию стен, 7 построек – столбовую (табл. 2). На остальных памятниках известно о 5 срубных полуземлянках (Щатково, Нижняя Тощица, Прудок, Симоновичи), 2 столбовых полуземлянках (Дедново, Гудок) (табл. 3–8).

Обычно сооружения выделяются правильным пятном, более интенсивно окрашенным, чем окружающий культурный слой. Заполнение построек, как правило, темно-серое или черное гумусное с примесью желтого материкового песка. Многие постройки в древности сгорели, в результате в таких сооружениях сохранились пережженные остатки стен, иногда остатки деревянного пола, перекрытия крыши.

Контуры построек чаще всего выделялись на глубине 0,2–0,3 м от современной дневной поверхности. По степени заглубленности в материк полуземлянки подразделяются на: 1) почти наземные, или слегка углубленные (до 0,15 м); 2) средней углубленности (до 0,4 м); 3) сильно заглубленные (до 0,6–0,8 м, иногда 0,95 м) (полуземлянка № 5 из Абидни). Все слегка углубленные постройки не имели отопительного сооружения и, очевидно, являлись хозяйственными.

Основная форма полуземляночных жилищ прямоугольная, иногда квадратная. Исключение составляет таймановская постройка № 14 (рис. 9, *3*). Она имеет широкий вход с восточной стороны, отопительное сооружение отсутствует. Контуры постройки выявлены на глубине 0,4 – 0,6 м от дневной поверхности. Глубина дна 1,0 м от современной дневной поверхности. На расстоянии 4 м на юго-восток от полуземлянки находилась яма-погреб овальной формы. В заполнении ямы вместе с обломками керамической посуды найдена бронзовая лунница с красной эмалью. По-видимому, постройка вместе ямой-погребом составляла хозяйственный комплекс. Также несколько выделяется по форме жилая полуземлянка № 26 из Абидни. Она имеет форму вытянутого прямоугольника с округлыми углами (4,5×2,5 м). Постройка отапливалась очагом, расположенным в северо-восточном углу,

в юго-восточной части находилась неглубокая (0,1 м от уровня пола) хозяйственная яма [256, с. 125–126, рис. 8]. Следует отметить, что яма-погреб внутри постройки отмечена и в полуземлянке № 8 из Абидни, погреб находился в северо-западной части постройки, глубина от уровня пола 0,45 м [254, с. 105, рис. 6].

Ориентированы полуземлянки Тайманово чаще всего по странам света либо по линиям север-северо-запад на юг-юго-восток и северо-запад на юго-восток. Ориентировка северо-восток на юго-запад встречается гораздо реже, в то же время это ведущая ориентировка полуземляночных построек Абидни. В Абидне также зафиксирована ориентировка стен с востока на запад (постройка № 26). Постройки на других памятниках имеют ориентировку в основном по линии северо-запад на юго-восток, иногда по линии север-северо-запад на юг-юго-восток (Гудок) либо по сторонам света (Симоновичи). Увязать ориентировку с каким-то типом построек не удалось.

Площадь котлованов полуземлянок 6–24 кв. м. Дома на поселении Тайманово были срубной (33 постройки) и столбовой (18 построек) конструкции. Конструкция полуземлянки № 23 не установлена (табл. 1). На поселении Абидня 20 построек имели срубную конструкцию стен и только 7 построек – столбовую конструкцию. Конструкции полуземлянок № 3, 6, 23 не определены (табл. 2). Срубная конструкция построек выявлена на поселениях Щатково (2 постройки) (табл. 3), Нижняя Тощица (табл. 4), Прудок (табл. 7), Симоновичи (табл. 8). Столбовая конструкция – на поселениях Гудок (табл. 5) и Дедново (табл. 6). Таким образом, преобладали срубы.

Судя по сохранившимся остаткам сожженных построек, стены складывались из бревен толщиной до 30 см. Использование толстых бревен для постройки жилищ, очевидно, определяется приспособлением жилищ к условиям континентального климата Верхнего Поднепровья. В отдельных постройках стены сохранились до трех-четырех венцов (постройки № 18, 26 Тайманово). Отмечено несколько видов крепления углов. Прежде всего, концы бревен заходили друг за друга (рубка в «в обло», «в чашку») (постройка № 6 Тайманово). К сожалению, не удалось проследить, где вырезали «чашку»: в верхнем или нижнем бревне. Считается, что «чашка» в нижнем бревне является более древним способом, в то время как «чашка» в верхнем бревне, которая появилась значительно позже, технически более совершенна, так как вода в этом случае не застаивается и угол не гниет [43, с. 68]. На поселении Тайманово также отмечена и другая техника крепления углов построек, когда торцы бревен вплотную примыкали друг к другу (постройки № 18, 19, 26, 46). К сожалению, графическое изображение сожженных остатков на планах жилищ и описание в текстах отчетов не позволяют четко определить технику крепления углов. Скорее всего, мы имеем дело с двумя типами техник. Во-первых, для срубной конструкции стен – это рубка без остатка, «в лапу».

Во-вторых, для столбовой конструкции – способ горизонтальной закладки бревен в вертикальные пазы, «шулы».

Интересной в этом отношении является полуземлянка № 26 из Тайманово (рис. 13, *1*) [236, с. 88–93]. Л. Д. Поболь в полевом отчете отмечает, что в юго-западном и юго-восточном углах сожженной постройки бревна вплотную примыкают друг к другу [261, с. 146–147]. В публикации сообщается, что бревна не соединялись одно с другим врубками, а концы бревен запускались в пазы к центру столба, т. е. постройка имела столбовую конструкцию стен. Однако в постройке не сохранились ямы от столбов. Вряд ли можно согласиться с мнением, что присутствующие первоначально опорные столбы, судя по реконструкции, закопанные в материк, уцелев во время пожара (имеется в виду их нижняя часть), со временем полностью сгнили, не оставив никаких следов. Если бы они действительно были вкопаны в материк, то следы от ям непременно сохранились, поскольку жилище достаточно углублено (0,9–1,0 м от уровня современной дневной поверхности). Можно, конечно, предположить столбовую конструкцию стен на нижней обвязке. Однако настораживает достаточно большое пространство между стенками земляного котлована и остатками деревянной постройки, что как раз подтверждает вероятность именно срубной конструкции стен. Также не совсем ясно, каким образом в данном случае могла достигаться устойчивость столбовой системы крепления стен, которая сама по себе вряд ли была таковой. Очевидно, наиболее простым решением являлось бы вбивание с внутренней стороны угла дополнительного штыря (рис. 13, *1*). Однако этот прием не удалось зафиксировать. По-видимому, постройка № 26 все же имела срубную конструкцию стен. На это указывают отсутствие столбовых ям, значительное расстояние (до 0,5 м) между стенками котлована и деревянной конструкцией стен, которое засыпалось землей [269, с. 120].

Площадь срубов составляла 7–11 кв. м. Дома столбовой конструкции, в частности на поселении Тайманово, были просторнее (9–12 кв. м). Исключение составляет постройка № 51, площадь которой, по-видимому, не превышала 8 кв. м (рис. 19, *2*).

В постройке № 46 из Тайманово под нижний венец юго-восточного угла была положена чурка длиной 0,35 м – остатки деревянного «стула». В заполнении построек встречаются куски глиняной обмазки (постройки № 25, 28, Тайманово), свидетельствующие о том, что стены были в ряде случаев дополнительно промазаны глиной.

В свою очередь полуземлянки столбовой конструкции подразделяются на два типа. К первому типу относятся постройки с центральным опорным столбом. В Тайманово, например, известно 11 таких построек (табл. 1). Центральный опорный столб располагался либо в центре постройки, либо был несколько смещен в сторону. Площадь котлованов полуземлянок с централь-

ным столбом из Тайманово, как правило, составляла 15–23 кв. м. Исключением из общей традиции являются постройки № 4, 16, 51, площадь котлованов которых составляет 9–13 кв. м. Ни в одной из построек подобной конструкции не выявлено отопительного сооружения. С одной стороны, крупные размеры, отсутствие отопительного сооружения наталкивают на мысль, что постройки с центральным опорным столбом сооружались для хозяйственных целей (амбаров и т. п.). С другой стороны, в некоторых из таких построек выявлены находки далеко не хозяйственного назначения. Например, это лунница в постройке № 8, бусы в постройках № 12, 44, впрочем, это могли быть случайные потери. На поселении Абидня из 30 полуземляночных построек выявлена только одна постройка столбовой конструкции с центральным столбом (постройка № 4) (табл. 2). Это небольшое сооружение, площадь котлована которого составляет 7,8 кв. м. В северном углу отмечено скопление золы диаметром 0,4 м, очевидно, это был очаг [254, с. 103, 115, рис. 3]. Жилые полуземлянки с центральным опорным столбом известны на поселениях Дедново (табл. 6) и Гудок (табл. 5). Полуземлянка на поселении Гудок представляет собой сооружение с площадью котлована 13,3 кв. м, с печью-каменкой в южном углу [197, с. 278]. Это единственная известная полуземлянка с центральным опорным столбом и печью-каменкой в ареале древностей киевского типа. Небольшая полуземлянка на поселении Дедново (9,3 кв. м) отапливалась очагом в северо-восточном углу [135, с. 53]. Полуземлянки с центральным опорным столбом широко представлены в древностях III–VII вв. Подесенья и Днепровского Левобережья [68, с. 26; 294, с. 31; 223, с. 43–49; 295, с. 36]. В целом, наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению полуземляночных построек с центральным опорным столбом с юга на север.

Второй тип построек столбовой конструкции – это постройки без центрального опорного столба. К этому типу относятся 8 полуземлянок из Тайманово (табл. 1). Характерной особенностью таких построек является наличие столбовых ям по углам, а также в ряде случаев – по периметру котлована полуземлянки. В отличие от полуземлянок с центральным столбом, в этих постройках в некоторых случаях сохранились отопительные сооружения. Это каменные очаги (постройки № 5, 15) или просто открытые очаги (постройка № 27). Каменный очаг в постройке № 15 и очаг в постройке № 27 занимали центральное положение. Каменный очаг в постройке № 5 располагался у западной стенки посередине. В постройке № 47 выявлена печь-каменка в северной части. Возможно, печь-каменка была и в постройке № 48. Исследователь памятника Л. Д. Поболь отмечал, что она была разобрана в древности [261, с. 153].

В Абидне известно 6 построек данного типа (табл. 2). Из них две полуземлянки (№ 24 и 25) являлись жилыми и отапливались очагами, располо-

женными в северо-восточной части жилища (постройка № 24) и восточной части (постройка № 25).

Отопительные сооружения в полуземляночных постройках селища Тайманово представлены открытыми очагами, печами-каменками, в постройке № 25 не исключено наличие остатков глинобитной печи (табл. 1). Из вскрытых на поселении Абидня полуземляночных построек предположительно печь-каменка могла быть в срубной полуземлянке № 1, хотя не исключено, что это остатки каменного очага [254, с. 102]. Остатки печей-каменок сохранились в 9 полуземлянках Тайманово (постройки № 9, 26, 29, 35, 38, 39, 46, 47, 49) (табл. 1). Практически все печи-каменки зафиксированы в постройках срубной конструкции. Исключение составляет постройка столбовой конструкции № 47, в которой сохранилось несколько камней от разобранной печи-каменки вблизи северной стенки. Не исключено наличие печи-каменки и в постройке столбовой конструкции № 48, разобранной в древности. По-видимому, на поселении широко практиковался разбор печей-каменок в заброшенных жилищах. Л. Д. Поболь считал, что печи-каменки существовали и впоследствии были разобраны в постройках с центральным опорным столбом № 42–45 [252, с. 343]. Следует отметить, что единственный достоверный случай присутствия печи-каменки в постройке с центральным опорным столбом зафиксирован на поселении Гудок в Посожье [197, с. 278]. На других памятниках печи-каменки отмечены на поселении Щатково (срубная полуземлянка № 1) [240, с. 228, рис. 20, с. 231], возможно, в срубной полуземлянке в Нижней Тощице [238, с. 132–133], в срубной полуземлянке на поселении Прудок [87, с. 42–43].

Почти все печи-каменки, выявленные в Тайманово, занимают северо-восточный угол жилища, иногда они отмечены в северо-западной части (постройка № 29) (рис. 12, *6*) либо вблизи северной стенки (постройки № 39, 47) (рис. 15, *2*; 17, *1*). В любом случае они располагались в северной части жилища напротив входа (табл. 1). На других памятниках иногда каменки занимали другое местоположение, например, в Щатково печь располагалась в восточном углу (табл. 3), в Гудке занимала южный угол (табл. 5). Форма печей прямоугольная (Гудок). Печи складывались из необработанных камней без связующего материала. Для нижней части и боковых стенок использовались крупные, часто плоские камни. Например, для боковой стенки печи в таймановской постройке № 38 приспособлен пришедший в негодность жернов. Поды печей располагались на материковом полу либо даже были врезаны в него на несколько сантиметров (постройка № 46, Тайманово). Если в жилище был деревянный пол, то не исключено такое сооружение, как опечек. Скорее всего, это были срубные опечки, так как для столбовой конструкции опечка необходимо сохранение ям от столбов. Возможно разме-

щение печи на подсыпке из гумусированного грунта. Перед печами иногда расположены предпечные ямы (постройка № 46, Тайманово).

Отопительные сооружения в Тайманово в виде открытых очагов выявлены в 4 полуземлянках (постройки № 5, 6, 15, 27) (табл. 1). Все постройки с очагами, за исключением полуземлянки № 6 со столбовой конструкцией. В постройках № 5, 15 выявлены каменные очаги. Они представляли собой скопление обожженных мелких камней. Диаметр очагов 0,6–0,8 м, высота до 0,3 м. В постройках № 6, 27 они прослежены в виде участков обожженной земли. В постройке № 6 очаг диаметром 0,6 м находился на глубине 0,6 м от поверхности, очевидно, на уровне деревянного пола, высота подсыпки под очагом составляла 0,2 м. Занимали очаги либо серединное положение в жилище (постройки № 15, 27), либо находились в северо-восточной части жилища (постройка № 6) или вблизи западной стенки (постройка № 5).

В Абидне очаги являлись ведущим типом отопительного сооружения (табл. 2). Они зафиксированы в полуземлянках как срубной (9 построек), так и столбовой конструкции (3 постройки) (табл. 2). Очаги занимали чаще всего угловое положение, даже в полуземлянке № 4 с центральным опорным столбом очаг находился в северном углу. Для расположения очага предпочтение отдавали северной части жилища, хотя в ряде случаев отмечено его нахождение в южной части (срубные постройки № 7, 11, 12, 30). Очаги на поселении представлены как в виде каменного очага, так и простого огнища. Причем в постройках столбовой конструкции зафиксированы очаги только в виде огнища (постройки № 4, 24, 25). В срубных постройках выявлены как огнища (постройки № 5, 7, 13, 16, 26), так и каменные очаги (постройки № 11, 12, 14, 30), возможно, каменный очаг был и в постройке № 1 [254, с. 102–153; 256, с. 124–142].

Северное расположение очагов в полуземлянках отмечено и на других памятниках (Щатково, Дедново).

Использование камней для возведения отопительных сооружений сокращается с севера на юг. В Днепровском Левобережье камень используется редко и в небольших количествах, типичны печи с подбоями [156, с. 132].

В полуземлянке № 25 Тайманово в северо-восточном углу земля сильно обожжена, здесь на разной глубине выявлено 84 обломка глиняной обмазки. Возможно, это могут быть остатки глинобитной печи (рис. 12, *4*). Сильно расплывшаяся глинобитная печь подковообразной формы, расположенная в юго-восточной части жилища, отмечена в полуземлянке № 29 на селище Абидня. Печь была сооружена на материке, на прослойке из желтого песка [256, с. 126, 133, рис. 10]. Относительно таймановской постройки не исключено, что это может быть разобранная печь-каменка, сооруженная на уровне материка, щели которой были замазаны глиной. В тексте полевого отчета

Л. Д. Поболь сообщает, что в северо-восточной части жилища на дне было расчищено две ямы. Первая яма была заполнена культурным слоем с углем и золой. Она имела диаметр 0,55 м и глубину 0,3 м от уровня зачистки. Вторая яма размером 0,55×0,4 м была углублена в материк на 0,35 м. Однако на плане эти ямы не отмечены [261, с. 146]. Не исключено, что они имеют прямое отношение к отопительному сооружению.

Полы в полуземляночных постройках были деревянные и земляные, в редких случаях глиняные (постройка № 38, Тайманово). Толщина глиняного пола достигала нескольких сантиметров. Деревянные полы зафиксированы только в Тайманово, на других памятниках они не известны. Деревянный пол прослежен во многих постройках, где сохранились остатки сожженных деревянных конструкций (постройки № 6, 9, 18, 26, 27, 32Б, 35). Полы изготавливались из сосновых плах шириной до 0,3 м. Вблизи печей полы могли мостить жердями или тонкими досками. Это, например, зафиксировано в полуземлянке № 26, где основной пол вымощен толстыми плахами, а у печи – жердями. Как правило, это постройки срубной конструкции. Встречаются деревянные полы и в полуземлянках столбовой конструкции (постройки № 12, 16, 18, 27, 42, 47, 48). На наличие деревянного пола также указывает прослойка угля и золы толщиной 3,0–5,0 см по дну постройки (постройки № 1, 10, 12, 20, 21, 22, 48).

Деревянный пол в полуземляночных жилищах не характерен для более южных памятников. Там бытовал материковый пол, если пол не достигал материка, то его промазывали глиной. В условиях более суровой зимы дома необходимо было дополнительно утеплять. Именно этим можно объяснить широкое использование деревянных полов на селище Тайманово. Условиями холодной зимы объясняется и тот факт, что деревянные плахи пола в жилищах на поселении Тайманово клались не на землю, а на поперечные лаги (постройки № 26, 27, 47). В тех случаях, когда уровень материкового основания пола был неровным, разницу в уровне выравнивали следующим образом: на более высоких участках плахи укладывали прямо на материк, на пониженных участках под плахи подкладывались лаги (постройка № 27).

Однако на соседних поселениях, расположенных в сходных климатических условиях, деревянные полы не зафиксированы. Очевидно, широкое распространение деревянных полов в полуземляночных постройках именно поселения Тайманово все-таки связано с более высоким социальным статусом населения селища по сравнению с окрестными поселениями.

Вход в полуземляночных постройках поселения Тайманово зафиксирован с южной стороны (постройки № 26, 27) (рис. 13, *1*, *2*). В постройке № 26 сохранились остатки сожженного деревянного порога. Южное расположение входа характерно для северного нахождения отопительного сооружения в жилище. Если отопительное сооружение расположено в южной части, на-

пример, в южном углу, как на поселении Гудок, то вход находился в северо-западном углу. Различное расположение входа зафиксировано и для хозяйственных построек, которые не имели отопительного сооружения. Так, например, на поселении Абидня вход отмечен как с северной (постройка № 27), так и южной стороны (постройка № 28).

Крыша в полуземляночных жилищах Тайманово, по-видимому, чаще всего была двускатной. В некоторых постройках, погибших в огне, в центральной части сохранились остатки деревянного перекрытия крыши (постройки № 6, 27). Двускатные крыши присутствовали и на поселении Абидня, хотя в отдельных случаях крыша могла быть четырехскатной. Так, наличие четырехскатной крыши исследователь памятника Л. Д. Поболь предполагает в жилой срубной полуземлянке № 7 [254, с. 105, рис. 5]. Хотя, на наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с двускатной крышей, поскольку на рисунке отчетливо видна сгоревшая центральная балка. Остатки кровли зафиксированы также для столбовой постройки № 20 и срубной № 21 Абидни [254, с. 109–110, рис. 17, 18]. В постройках срубной конструкции крыша опиралась на срубные стены. В постройках столбовой конструкции крыша могла крепиться либо на длинных «сохах», либо на коротких «полусошках». Очевидно, на поселениях Абидня и Тайманово чаще использовался второй вариант крепления крыши, так как для длинных сох необходимо было наличие столбовых ям посередине противоположных стен, как, например, прослежено в полуземляночной постройке на городище Колочин [290, с. 97–137]. Конструкция крепления крыши на «полусошках» хорошо известна по этнографическим материалам [231, с. 9] и вполне возможно, что бытовала в древности наряду с длинными сохами. Очевидно, двускатная крыша была характерна для всех типов полуземлянок столбовой конструкции, как без центрального опорного столба, так с центральным столбом. Основанием этому может служить наличие в ряде случаев ям от столбов вдоль противоположных стен по одной оси с центральным столбом. В некоторых случаях эти ямы, иногда сдвоенные, выходили за пределы котлована (постройка № 8 Тайманово), т. е. крыша нависала над стеной, получался навес, под которым мог храниться сельскохозяйственный инвентарь. Похожая конструкция крыши выявлена в полуземляночной постройке на городище Колочин I [290, с. 97–137]. Можно предположить, что массивный центральный столб постепенно утрачивал свою конструктивную необходимость для поддержания кровли, но продолжал существовать в силу традиций в домостроении того периода.

В заполнении полуземлянок выявлен разнообразный вещевой материал, в том числе вещи, имеющие достаточно точные датирующие характеристики. Одной из наиболее богатой в этом отношении в Тайманово является полуземлянка № 15 столбовой конструкции с каменным очагом в центре. В заполнении постройки помимо других находок были найдены три бронзо-

вые фибулы, три стеклянные бусины (две синие и одна зеленая), но для датировки полуземлянки можно использовать только две фибулы. Одна из них – это бронзовая арбалетная фибула с подвязной ножкой с железной основой, на которую намотана пружина (тип А3б по Е. Л. Гороховскому) (кв. 3, глубина 0,5 м) высотой 5,8 см, длина приемника 2,1 см, длина полукруглой спинки 3,3 см, в сечении имеет треугольную форму. Приемник по ребру украшен точками. Пружина насчитывает 6 витков на оси из проволоки диаметром 0,2 см. Тетива наружная. Толщина иглы 0,2 см (рис. 86, *2*). Фибула датируется 330–380 гг., скорее всего, первой четвертью IV в., даже концом III в. [67, с. 44]. Вторая – это арбалетовидная фибула с подвязной ножкой (тип А4а по Е. Л. Гороховскому) (кв. 3, глубина 0,56) высотой 5,2 см, длина приемника 2,1 см, длина полукруглой в сечении ромбической спинки 3,1 см, размер спинки 0,4×0,4 м. Пружина состоит из 6 витков из проволоки диаметром 0,2 см. Тетива внутренняя. Игла изготовлена из круглой проволоки диаметром 0,2 см (рис. 86, *3*). Фибула датируется 270–330 гг. [67, с. 43]. Третья бронзовая арбалетная фибула с подвязной ножкой также с железной основой, на которую намотана пружина (тип А5 по Е. Л. Гороховскому) имеет высоту 6,2 см, длина приемника 2,5 см, длина спинки полукруглой формы 3,6 см, в сечении спинка восьмигранная, ее размер 0,5×0,5 см. Спираль пружины по 4 витка с двух сторон из проволоки диаметром 0,2 м. Тетива наружная. Диаметр иглы 0,2 см (рис. 86, *4*). Датировка этой фибулы 230–270 гг. [67, с. 42]. Однако фибула была найдена в кв. 3 на глубине 0,24 м и не может быть достоверно привлечена для датировки постройки, поскольку происходит из слоя распашки. Контуры полуземлянки начали выявляться на глубине 0,2 м, т. е., по всей вероятности, эта фибула происходит из культурного слоя и отношения к постройке не имеет.

То же можно сказать о бусинах. В тексте полевого отчета Л. Д. Поболь сообщает о трех стеклянных бусинах – одной зеленой и двух синих. На плане, в перечислении индивидуальных находок указана только зеленая бусина. Она происходит из кв. 2, глубина 0,23 м. Из текста отчета и коллекционной описи следует, что две синие бусины также найдены на глубине до 0,2 м, т. е. из слоя распашки и, по всей видимости, отношения к постройке не имеют. Таким образом, две бронзовые фибулы (тип А3б и тип А4а по Е. Л. Гороховскому), найденные в заполнении полуземлянки (глубина 0,5 и 0,56 м от современной поверхности), дают дату конца III в. с переходом на начало IV в. Л. Д. Поболь по фибулам датирует постройку III–IV вв. [261, с. 143–144].

Еще одна бронзовая арбалетовидная фибула с подвязной ножкой (тип А5, ранняя группа по Е. Л. Гороховскому) (рис. 86, *5*) происходит из заполнения полуземлянки № 27. Полуземлянка № 27 имеет столбовую конструкцию стен, она отапливалась открытым очагом, расположенным в средней части жилища. Фибула высотой 5,9 см имеет изогнутую в виде полукруга

спинку. В сечении спинка полукруглая с гранями, ширина сечения 0,6 см, высота 0,3 см. Длина ножки 2,4 см, выполнена из прямоугольного в сечении стержня размером 0,5×0,3 см. Длина пружины 3,3 см. Фибула датируется 230–270 гг. [67, с. 42]. Однако фибула происходит из верхней части заполнения жилища, глубина 0,32 м от уровня современной дневной поверхности, в то же время контуры полуземлянки начали прорисовываться на глубине 0,4 м от дневной поверхности, т. е. вполне возможно, что фибула могла попасть туда из культурного слоя и отношения к постройке не имеет.

Бронзовые подвязные фибулы, аналогичные найденным в постройках № 15 и № 27, находят многочисленные аналогии в древностях римского времени на территории Польши, где суммарно датируются периодом C1 – C2 (200–310 гг.) [343, taf. XLII, gr. 147; LXXV, gr. 300; LXXVI, gr. 307; 39, taf. LXXVII: 1; CXXIII: 4, 5; CXLVI: 1, 2].

В заполнении жилища № 27 найдены также 4 стеклянные бусины. В тексте полевого отчета отмечено, что в заполнении постройки найдено 4 красные стеклянные бусины. Из коллекционной описи выясняется, что выявлено три красные и одна синяя бусины, причем одна красная бусина найдена на глубине 0,35 м от современной поверхности и может не иметь отношения к данной полуземлянке [261, с. 147–148]. Вторая бусина красного цвета (кв. 36а, глубина 0,6 м) (рис. 84, *27*) овальной в сечении формы высотой 0,5 см, диаметр бусины 0,9 см, диаметр отверстия 0,3 см (тип 41 по М. Темпельманн-Мачинской). Время ее бытования – период C1b – D (220–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Т. Ставярска такие бусы (тип F 2.3) датирует несколько уже – C1b – C2 (220–310 гг.) [369, tabl. III; 370, s. 88]. Третья красная бусина имеет цилиндрическую форму (кв. 36а, глубина 0,75 м) (рис. 84, *30*). Высота бусины 1,7 см, диаметр 0,8 см, диаметр отверстия 0,5 см (тип 142 по М. Темпельманн-Мачинской). Бусина имеет широкий период бытования B1 – D (15–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. У Т. Ставярской подобная бусина происходит из могильника Потчеб (тип F 3.1) и датируется более узким хронологическим периодом – C2 (260–310 гг.) [370, s. 27]. Четвертая бусина синего цвета (кв. 41а, глубина 0,6 м) (рис. 84, *28*). Она фрагментирована, многогранная, плоская, в сечении подквадратной формы, ее размеры 0,7×0,7 см, высота бусины 0,9 см, диаметр отверстия 0,2 м (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы в Центральной Европе в основном бытовали в период C2 (260–310 гг.), иногда встречались раньше (C1b) и доживали до конца римского периода [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска многогранные бусы с квадратным сечением (тип F 11.1) датирует временем C1b – C2 (220–310 гг.) (Борковице, погр. III) [370, s. 90]. В Северном Причерноморье граненые бусы из голубого и синего стекла (тип 135 по Е. М. Алексеевой) характерны для II–IV вв. [25, с. 70, табл. 33: 41]. Таким образом, по бусинам время существования полуземлянки № 27 укладывается в хронологический диапа-

зон (200–310 гг.) и позволяет отнести данную постройку к жилищам раннего этапа функционирования селища. Найденная в верхних слоях фибула не противоречит этой дате. Л. Д. Поболь постройку № 27 относит к концу второй четверти I тыс. н. э. [261, с. 147–148].

Две бусины также выявлены в заполнении полуземлянки столбовой конструкции стен с центральным опорным столбом № 12. Одна бусина (кв. 23, глубина 0,35 м) изготовлена из стекла зеленого цвета удлиненно-овальной формы, диаметром 0,7 см, диаметр отверстия 0,1 см, высота 0,6 см (рис. 83, *5*) (тип 8 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы были особенно характерны для периода B2/C1 – C2 (170–310 гг.), хотя встречаются на протяжении практически всего римского периода от фазы B2 до фазы D (70–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Вторая бусина синего цвета (кв. 23, глубина 0,3 м) прямоугольной формы диаметром 0,7 см, диаметр отверстия 0,2 см, высота 0,5 см (рис. 83, *7*) (тип 105, 108 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы были распространены в период B2/C1 – C2, но могли встречаться до фазы D (170–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска датирует подобные бусы (тип F 3.3) более узким хронологическим периодом – (C1b – C2) (220–310 гг.) [368, s. 94, rys. 9: 21; 369, s. 103]. Следовательно, исходя из датировки бус, постройка могла существовать между 170 и 310 гг. и также относится к раннему периоду.

Красная бусина из глухого стекла в сечении подпрямоугольной формы (плоский «кирпичик») происходит из заполнения полуземлянки № 18 с центральным опорным столбом (глубина 0,45) (рис. 82, *16*). Высота бусины 1,2 см, размер 0,9×0,4 м см, диаметр отверстия 0,2 см (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской). М. Темпельманн-Мачинская относит эти бусы к ранней фазе позднеримского времени [372, s. 33]. Периодом (C1b – C2) (220–310 гг.) датирует такие бусы (тип F9) Т. Ставярска [370, s. 88]. Вместе с бусиной в заполнении постройки найдена железная пряжка круглой формы (глубина 0,43 м) (рис. 70, *4*). Пряжка изготовлена из стержня круглого сечения диаметром 0,4 см, диаметр пряжки 3,2 см, длина сохранившейся части язычка 2,2 см (глубина 0,43 м). Пряжка фрагментирована и относится к группе C, тип 14 по классификации Р. Мадыды-Легутко [354, taf. 7: 14]. На территории Польши период массового поступления пряжек с круглой рамкой приходится на фазу B2 и раннюю фазу позднеримского периода [353, s. 365]. Но для фазы B2 характерны пряжки с удлиненным выступом за рамку в форме шипа [353, s. 351–410], т. е. пряжка из полуземлянки № 18, скорее всего, будет относиться к ранней фазе позднеримского периода – B2/C1 – C1a, что полностью согласуется со временем бытования бусины. Также в заполнении постройки найден обломок гончарного сосуда terra siggilata (кв. 168, глубина 0,5 м). Л. Д. Поболь датирует полуземлянку № 18 второй четвертью I тыс. н. э. [261, с. 144–145].

Аналогичная бусина (красный плоский «кирпичик») найдена в заполнении полуземлянки срубной конструкции № 20 (кв. 10, глубина 0,17 см) (рис. 83, *18*). Бусина в сечении подпрямоугольная, ее размеры 0,9×0,4 см, высота 1,3 см, диаметр отверстия 0,1 см (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской). Однако незначительная глубина залегания находки, выше уровня выявления контуров полуземлянки, дает основание сомневаться в ее принадлежности к комплексу постройки. Л. Д. Поболь также относит постройку № 20 ко II–V вв. [261, с. 145].

Такая же бусина выявлена в заполнении срубной полуземлянки № 28 (кв. 12, глубина 0,28 м) (рис. 84, *7*). Бусина в сечении прямоугольной формы размером 1,2×0,6 м с отверстием овальной формы 0,5×0,2 м, длина бусины 1,5 см. Как было отмечено выше, время бытования таких бус – ранняя фаза позднеримского времени. В заполнении постройки № 28 найдены бронзовый пинцет (кв. 12, глубина 0,39) (рис. 69, *8*) и обломок декорированного прочерченным орнаментом бронзового браслета (кв. 12, глубина 0,18 м) (рис. 79, *14*). Длина пинцета 4,8 см, ширина в верхней части 0,4 см, в нижней расширяющей части 1,2 см. Пинцет изготовлен из пластины толщиной 0,2 см. Однако все эти находки, за исключением пинцета, могут не иметь отношения к комплексу жилища и происходить из культурного слоя, поскольку найдены намного выше собственно заполнения постройки. Как отмечалось в отчете, контуры жилища № 28 начали прослеживаться на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности. В то же время глубина находки браслета составляет 0,18 м, бусины – 0,28 м, пинцета – 0,39 м. Таким образом, только пинцет может иметь отношение к комплексу данной полуземлянки. Относительно датировки пинцета существуют несколько точек зрения.

Л. Д. Поболь считал, что пинцет характерен для позднеримского времени и в целом датировал постройку концом II – началом третьей четверти I тыс. н. э. [261, с. 148]. В. И. Шадыро полагает, что подобные пинцеты характерны после половины I тыс. н. э. по аналогии с балтскими древностями, где они ранее середины I тыс. н. э. не встречаются [309, с. 65]. Серия бронзовых пинцетов происходит из Белорусского Понеманья (Засвирь, Микольцы) [132, с. 56, 83, мал. 49: 11, 12]. Бронзовый пинцет выявлен на селище Лужесно возле Витебска в слое с керамикой верхнего горизонта Банцеровщины [316, с. 261, 268, мал. 6: 4]. Бронзовый пинцет без зажима найден на городище Мысли. А. А. Егорейченко указывает на его аналогии в могильнике Крапковице и могильнике Хмелев Пясковы (погребение 20, фаза B2) [126, с. 82, табл. 52: 4]. В римское время бронзовые пинцеты были довольно широко представлены у племен вельбарской культуры [371, s. 127–143]. Очевидно, именно через вельбарцев пинцеты начали проникать в Верхнее Поднепровье. По-видимому, постройку можно отнести к IV – началу V в.

Красная стеклянная бусина цилиндрической формы выявлена в заполнении полуземлянки столбовой конструкции № 19 (глубина 0,39 м) (рис. 82, *15*). Высота бусины 1,8 см, диаметр 1 см, диаметр отверстия 0,6 см (тип 142 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы бытовали практически на протяжении всей первой половины I тыс. н. э. (B1 – D) (15–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Т. Ставярска бусы цилиндрической формы на территории Польши датирует несколько уже – временем от B1 до C2 (15–310 гг.) [369, tabl. I, II, III]. В Северном Причерноморье такие бусы характерны для I–III вв. (тип 57 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 67, табл. 33: 11]. Аналогичная красная цилиндрическая бусина найдена в полуземлянке № 27.

В заполнении срубной полуземлянки № 32А обнаружены обломки двух стеклянных бусин. Одна из них – бочковидная бусина зеленого цвета типа бисера – происходит из верхних слоев заполнения постройки (кв. 94, глубина 0,3 м) (рис. 84, *9*). Высота бусины 0,4 см, диаметр 0,4 см, диаметр отверстия 0,15 см (тип 24 по М. Темпельманн-Мачинской). В Центральной Европе такие бусы бытовали в основном на протяжении всего позднеримского времени (B2/C1 – D) (170–450 гг.), хотя встречаются и в раннеримский период [372, tabelle 8, s. 94]. Более узкую дату для таких бус дает Т. Ставярска – 200–310 гг. (C1 – C2) [368, s. 103, rys. 14: 66, 67]. Вторая бусина подпрямоугольной формы изготовлена из глухого красного стекла – «плоский кирпичик» (200–310 гг.) (рис. 84, *8*). Очевидно, к этому же времени относится и полуземлянка № 32Б. Л. Д. Поболь датировал полуземлянки № 32А и 32Б второй четвертью I тыс. н. э. [261, с. 149].

Бусина синего цвета округлой формы с вогнутыми боками выявлена в заполнении полуземлянки с центральным опорным столбом № 44 (рис. 84, *21*). Высота бусины 0,9 см, диаметр 1 см, диаметр отверстия 0,25 см. Аналогий данной бусине пока не найдено. Из этой же полуземлянки происходит обломок железной шпоры с отогнутыми крючками и четырехгранным шипом (кв. 59, глубина 0,4 м). Ширина шпоры 8,3 см, высота 5 см. Шпора изготовлена из пластины прямоугольного сечения шириной 0,4 см, толщиной 0,3 см, в центральной части дуга расширяется и принимает форму ромба с округлыми углами 2,5×2,5 см, в центральной части которого находится четырехгранный шип высотой 1,2 см. Шип изнутри заклепан, что является особенностью данной шпоры (рис. 72, *1*). Л. Д. Поболь в свое время не нашел ей прямых аналогий и считал местным подражанием античным шпорам [261, с. 152]. Шпору с отогнутыми крючками и шипом Л. Д. Поболь также нашел на селище Щатково и датировал ее позднеримским временем (III–IV вв.) [240, с. 239; рис. 23, *9*]. В. Б. Перхавко относит шпору из Тайманово к V типу, варианту А и считает, что подобные шпоры доживали до начала третьей четверти I тыс. н. э. [232, с. 113–126]. Шпоры с двумя крючками для фиксации хорошо известны в Восточной и Центральной Европе в позднеримское время.

Появление в лесной зоне Беларуси и России таких шпор М. Казанский связывает с группами мигрирующего постзарубинецкого населения [147, с. 264–265]. В черняховских древностях шпоры типа 3, в том числе с заклепанным шипом, датируются в пределах позднеримского и гуннского времени [189, с. 310, рис. 8: 5, 6, 13, 14]. В дальнейшем шпоры с отогнутыми крючками и шипом на территории Польши в закрытых комплексах характерны для VI–VII вв. [364, s. 349–362]. Л. Д. Поболь относит постройку № 44 к IV–V вв. [261, с. 152].

Еще одна полуземлянка с центральным опорным столбом № 51 может датироваться на основании найденного обломка полихромной мозаичной бусины (рис. 84, *29*). Бусина изготовлена из непрозрачного темно-зеленого стекла, декорирована повторяющимся узором в виде цветка с красными и белыми точками в центре и белыми и желтыми лепестками вокруг. Бусина бочковидной формы высотой 1,1 см, диаметром 1,5 см, диаметр отверстия 0,6 см (тип 362 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы характерны для среднего этапа позднеримского времени (фаза C1B – C2) (220–310 гг.), хотя встречаются и на раннем этапе позднеримского периода [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска мозаичные бочковидные бусы «z motywem rozetek» (тип O27 F22) датирует, преимущественно, этим же временем [369, tabl. III]. На территории Польши бусы, декорированные цветочными розетками, найдены в могильнике Швайцария, курган VII погребение 2, который датируется временем C (200–350 гг.) [370, s. 73–74], и могильнике Осова, курган 74 [368, s. 220], который относится к периоду B2/C1 – C1 (170–260 гг.). В городах Северного Причерноморья похожие мозаичные бусы были распространены в первых веках н. э. [26, табл. 49: 13–16, 18]. Круглая мозаичная бусина из глухого красного стекла происходит из поселения Абидня, там же найдена красная цилиндрическая бусина с мозаикой в виде розеток [139, с. 248–249, рис. 1: 33, 34].

Полихромные бусы с цветочными розетками (тип 60 по О. В. Бобровской) характерны для раннего этапа черняховской культуры (от второй трети III в.). Они выявлены в могильниках Верхнего Поднестровья – Чернелив-Русский, Романово-Село, Токи, Ружичанка, Петрикивцы, Косаново [44, с. 154, 165, рис. 7]. Аналогичные бусы происходят из вельбарского горизонта поселения Хренники на Стыри [159, с. 133]. Бусы округлой формы с декором в виде цветков-розеток (группа I О. С. Румянцевой) в бассейне Оки и Среднего Поволжья бытовали преимущественно с III – по конец IV в. – начало V в. [275, с. 90–110]. Однако необходимо отметить, что достоверность датировки постройки снижается на основании того, что бусина была выявлена на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности, в то время как контуры постройки начали выявляться на глубине 0,35 м от современной поверхности. Л. Д. Поболь датирует постройку по найденной бусине первыми веками н. э. [261, с. 153].

Также в постройке с центральным опорным столбом № 8 выявлена бронзовая пластинчатая подвеска-лунница серповидной формы (кв. 1, глуби-

на 0,35 м) (рис. 80, *9*). Длина подвески 6,8 см, ширина в центральной части 1,0 см, по краям 0,5 см. Похожая пластинчатая подвеска-лунница найдена на поселении Глеваха, которое датируется второй половиной III – началом IV в. [295, с. 43].

В полуземляночных постройках на поселении Тайманово найдены две бронзовые подвески-лунницы с выемчатой эмалью. Одна из них выявлена в полуземлянке срубной конструкции № 25 (рис. 81, *2*). Ширина лунницы 4,0 см, высота 2,8 см. Лунница имеет центральное треугольное поле 1,6×0,9 см, петлю для подвешивания длиной 1 см, шириной 0,6 см с отверстием овальной формы 0,4×0,2 см. Центральное поле украшено красной эмалью, боковые щитки также украшены белой эмалью, их диаметр 0,9 см с выемкой круглого диаметра 0,4 см. Щитки имеют по три отростка круглой формы диаметром 0,6 см с отверстиями диаметром 0,2 см. Лунница происходит из верхних слоев заполнения жилища (кв. 38, глубина 0,32 м). Контуры постройки начали обнаруживаться на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности). Очень похожая лунница найдена на позднезарубинецком среднеднепровском поселении Бобрава 3 (круг памятников Картамышево-2 – Терновка-2) [295, с. 158, рис. 20: 8]. Подвески треугольной формы, с треугольным эмалевым полем, круглыми конечными щитками и круглыми отростками с эмалью в соответствии с классификацией И. К. Фролова относятся к типу IIВ и датируются IV–V вв. [305, с. 115–116, табл. 1, 2]. У данной лунницы отростки не заполнены эмалью и, скорее всего, она относится к более раннему типу IIБ. Л. Д. Поболь датирует постройку № 25 II–V вв. [261, с. 146].

Вторая лунница с эмалью достоверно относится к заполнению срубной постройки № 31 (кв. 31, глубина 0,6 м) (рис. 81, *5*). Ее длина 3,2 см, высота 2,3 см, толщина 0,25 см. Лунница имеет узкое центральное поле длиной 1,3 см, шириной 0,45 см. Щитки круглой формы диаметром 0,7 см с выемкой диаметром 0,35 см и тремя круглыми выступами диаметром 0,4 см с выемками диаметром 0,2 см. Выемки заполнены красной эмалью. Лунница имеет ушко длиной 1,0 см, шириной 0,5 см с отверстием овальной формы 0,5×0,15 см, в которое продето колечко диаметром 1 см из проволоки диаметром 0,15 см. Концевые щитки украшены зеленой эмалью. Стилистически лунница тяготеет к типу IВ, который датируется первой половиной IV в. [305, с. 116, табл. 2]. Сочетание основного красного с дополнительно зеленым также характерно для среднего этапа развития лунниц (этап В) [305, с. 117]. В Днепровском Левобережье подобные лунницы, но только с красной эмалью (тип Картамышево-2 – Шмырево) относятся к более раннему времени – середине – второй половине II в. [78, с. 77–9]. Таймановские лунницы с выемчатыми эмалями датируются III – началом IV в.

Единственной датирующей вещью в срубных постройках с печью-каменкой в углу является массивная позолоченная бусина из частично вскрытой

полуземлянки № 39 (рис. 84, *16*). Бусина имеет форму плоского диска диаметром 1,4 см, толщиной 0,3 см с двумя выступами у места отверстия диаметром 0,2 см, высота бусины 1,8 см (тип 25 по Е. М. Алексеевой). В Северном Причерноморье золоченые бусы бытовали в I–III вв. [25, с. 32, табл. 26: 67, 68, 70]. Если для античности характерны мелкие украшения, то бусы римского времени значительно крупнее и массивнее [25, с. 29]. К IV в. разнообразие золоченых бус сокращается [25, с. 28–29]. В VI–VII вв. вместо золотых листков для прокладки стали использовать серебряные [77, с. 221]. М. Темпельманн-Мачинска золоченые бусы относит к раннему периоду позднеримского времени (тип 387) и датирует 15–220 гг. (период B1 – C1b) [372, tabelle 8, s. 94], причем чаще всего они встречаются в период B1 – B2/C1 (15–200 гг.) [372, s. 64–65].

Т. Ставярска бусы с золотой прокладкой на западнобалтских землях датирует концом II – началом III – IV вв. [368, s. 177–233]. Золоченые бусы с выступами на концах («z waleczkami»), тип F13, seria 2 (metalows folias) она относит к фазе B2/C1 – C1a (170–220 гг.) [369, tabl. II; 370, s. 41]. Такая бусина выявлена в вельбарском могильнике Прущ Гданьский, погребение № 211, которое датируется временем C1a (200–220 гг.) [358, s. 37, 172]. Золоченая бусина луковичной формы найдена на поселении Симоновичи (среднее течение р. Птичь) [93, с. 74]. Таким образом, время бытования крупных золоченых бус не переходит рубеж второй четверти I тыс. н. э. Этим временем, по-видимому, можно было датировать полуземлянку № 39, если бы не некоторые обстоятельства. В тексте отчета Л. Д. Поболь указывает, что бусина была найдена в заполнении постройки [261, с. 151]. Однако нигде (текст отчета, коллекционная опись, подписи к плану полуземлянки с перечислением находок) не указана глубина местонахождения бусины. Более того, на плане местонахождение бусины помечено вне постройки. К сожалению, выяснить истинное местонахождение бусины не удалось.

В заполнении срубной постройки № 29 найдена железная бритва (кв. 11б, глубина 0,45 м). Длина бритвы 8,6 см, длина черенка 4,5 см, ширина до 1,0 см, толщина 0,4 см. Черенок с двух сторон отделен уступами. Длина изогнутого лезвия 4,0 см, ширина до 1,9 см, толщина 0,4 см (рис. 69, *1*). Таймановская бритва относится к типу 4 по А. А. Александрову. Аналогичные бритвы найдены на городище Бураково и селище Кенте (Латвия) [24, с. 26–29]. Также бритва с изогнутым лезвием и уступами между лезвием и черенком, похожая на таймановскую, происходит из погребения № 37 пшеворского могильника Цыбловице Дуже, которое датируется временем C1a (200–220 гг.) [335, s. 20; taf. XXVIII: 8]. Очевидно, этим же временем может датироваться бритва из таймановской полуземлянки № 29. Большая же часть бритв датируется II–VI вв. К VII в. бритвы в Восточной Европе выходят из употребления [24, с. 26–29]. В этой же постройке также найдена бронзовая подвеска для пояса, в отчете Л. Д. Поболя – оковка ремня (кв. 16а, глубина 0,15–0,2 м) [261, с. 148–149].

Длина подвески 4,0 см, ширина 0,7см, изготовлена из пластины толщиной 0,2 см. В нижней части скреплена заклепкой диаметром 0,2 см (рис. 72, *3*).

В срубной полуземлянке № 38 с полом, подмазанным глиной, и печью-каменкой в углу в качестве боковой части печи использовался пришедший в негодность жернов. Жернов изготовлен из гранитной породы (группа IIА по Р. С. Минасяну). Он представлял собой нижнюю часть жернового постава. Жернова группы IIА по Р. С. Минасяну были распространены во второй четверти I тыс. н. э. в германо-черняховском ареале в римское время [210, с. 104–106]. Керамический комплекс из заполнения постройки, среди которого встречены обломки слабопрофилированных форм, не характерных для последней четверти I тыс. н. э., ребристых сосудов, посуды с расчесами и насечкой по краю венчика, и полное отсутствие форм керамики, характерных для VIII – IX вв., позволяют отнести постройку к более раннему времени. Гранитный жернов аналогичной формы был также найден на поселении Абидня в хозяйственной яме вместе с двумя зернотерками и лепной керамикой [140, с. 236, 238, рис. 28: 3; 142, с. 238, 240, рис. 28: 3].

Железная пряжка с вогнутыми сторонами происходит из срубной полуземлянки № 40 (кв. 68, глубина 0,56 м) (рис. 70, *15*). Пряжка изготовлена из стрежня круглого сечения диаметром 0,3 см. Длина пряжки 3,6 см, ширина до 2,7 см. Язычок длиной 4,1 см расположен вдоль длинной стороны пряжки. Такие пряжки имеют широкие аналогии в балтских древностях (4 подтип по Е. Бутенасу) и датируются VIII–IX вв. [332, s. 37–56; 128, с. 205: 26]. Аналогичные железные пряжки неоднократно находили на раннеславянских памятниках VIII–IX вв. на территории Беларуси [132, мал. 83: 1, 5, 6, 12]. Они, однако, встречаются и в более раннее время. Исследователь западнобалтского могильника Митино К. Н. Скворцов, в погребениях второй половины V – первой половины VIII в. которого встречены похожие пряжки, считает, что они бытовали на протяжении всего раннего средневековья [286, с. 78]. На более раннюю дату также указывают и другие материалы из заполнения постройки, в частности, находки обломков лощеных сосудов и сосудов с расчесами, а также отсутствие форм керамических сосудов VIII–IX вв.

Таким образом, из 52 полуземляночных построек Тайманово удалось уточнить датировку с разной степенью точности для 18 построек (34,6 %). Все эти постройки дают дату не позднее 450–500 гг.

К числу наиболее ранних построек следует отнести полуземлянку столбовой конструкции с очагом в средней части № 27 (200–310 гг.) и, возможно, частично вскрытую срубную полуземлянку с печью-каменкой в углу № 39 (170–220 гг.). К III – началу IV в. относятся постройки № 8, 12, 15, 18, 19, 20, 29, 31, 32А и 32Б, 51. К IV – началу V в. можно отнести полуземлянку № 28, концом IV – началом V в. датируется полуземлянка № 38. Не позднее середи-

ны V в. существовали полуземлянки № 40, 44. До конца V в. могла существовать полуземлянка № 26.

Несмотря на то что на поселении Тайманово срубная и столбовая конструкции стен полуземлянок существовали одновременно, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества срубных полуземлянок в течение времени. Всего в Тайманово 33 полуземлянки были срубными, 18 полуземлянок – столбовыми (табл. 1).

Существует разнообразие конструктивных схем. В то же время можно отметить некоторые конструктивные и хронологические особенности в домостроении на данном поселении. В частности, на поселении Тайманово все полуземлянки с центральным опорным столбом (11 построек, из них 5 построек датированы) были сооружены не позднее середины V в. По-видимому, все они выполняли хозяйственные функции: служили амбарами и т. д. Это были постройки довольно больших размеров без отопительных сооружений с земляными полами.

Срубные полуземлянки с печами-каменками в углу, очевидно, начали сооружаться в Тайманово еще на раннем этапе существования поселения. В частности, 170–220 гг. по золоченой бусине с уступчиками может датироваться частично вскрытая полуземлянка № 39, при условии, если эта бусина действительно происходит из заполнения постройки.

Полуземляночные жилища на поселении Тайманово, как правило, сооружались из толстых бревен, были широко распространены деревянные полы, в том числе на лагах, крыши были двускатные, т. е. это были прочные добротные постройки, определяющие достаточно высокое имущественное положение населения. Например, для поселения Абидня были характерны полуземляночные постройки с земляными полами, отапливаемые преимущественно открытыми очагами.

Из 30 полуземляночных построек поселения Абидня 8 построек в своем заполнении содержали датирующие вещи. Самые ранние постройки (конец II – начало III в.) датируются по золоченым бусам. Золоченая бусина (тип 387 по М. Темпельманн-Мачинской) выявлена в срубной жилой полуземлянке № 7 (гл. 0,5 м от уровня зачистки). Золоченая бусина (гл. 0,6 м) и бронзовая трубочка, орнаментированная рельефными валиками и концентрическими окружностями, найдены в столбовой полуземлянке № 19. Трубочка происходит из самых верхних слоев заполнения (гл. 0,25 м) и может не относиться к постройке. Обломки бронзовых трубочек с аналогичными орнаментами (гл. 0,5 м) также найдены в срубной полуземлянке № 18. Распространенным является мнение, что украшения, декорированные в том числе сферическим орнаментом, входят в круг «варварских» украшений с выемчатыми эмалями [295, с. 29].

К началу III в. относится жилая столбовая полуземлянка № 24. А. В. Ильютик датирует постройку серединой III в. [256, с. 127]. Из полуземлянки № 24 происходит стеклянная голубая плоская бусина «кирпичик» (тип 88–89 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы, как и красные «кирпичики» (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской), относятся к ранней фазе позднеримского времени [372, s. 88]. Также из этой постройки происходит корчага, которая имеет прямые аналогии в раннем керамическом комплексе Тайманово (полуземлянка № 19), а также на поселении Казаровичи, относящемуся к концу II – началу III в. [191, рис. 4: 8].

Большинство полуземлянок Абидни относится к III в. Первой половиной III в. датируется полуземлянка столбовой конструкции № 20. В заполнении постройки найдены железная фибула (группа VI, тип 158 по классификации О. Альмгрена) (гл. 0,3 м), железная D-образная пряжка (гл. 0,3 м), железная посоховидная булавка с завитком и ромбическим сечением головки, подвеска из обломка краснолакового сосуда terra siggilata (гл. 1,0 м). Близкая аналогия абидненской фибуле происходит из Кракова (Воля Душацкая). Такие фибулы бытовали в конце II – середине III в. [363, s. 133–134]. D-образные пряжки характерны для периода C1a [230, с. 91, рис. 5: 15]. Обломки краснолаковых сосудов, в том числе обломок чаши, декорированной ововами, относящийся к периоду C1a (200–220 гг.), найдены в Тайманово.

Срубная полуземлянка № 2 датируется III в. по бронзовой ручке (гл. 0,65 м). К этому времени, скорее ко второй половине III в., относится столбовая полуземлянка № 10. В ее заполнении найдены две красные бусины-«кирпичики» (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) (гл. 0,7 м), железная арбалетная, сильно коррозированная фибула с прямоугольной в сечении спинкой (гл. 0,5 м), бронзовая лунница с красной эмалью среднеднепровского типа (гл. 0,7 м) (тип ПД4 по И. К. Фролову) [305, с. 116]. И. К. Фролов датировал эту лунницу достаточно поздно – IV–V вв. [305, с. 116]. До VI в. доводит время бытования вещей с выемчатой эмалью В. Н. Слонов [288, с. 202]. В последнее время период изготовления вещей с выемчатой эмалью сужают до III в. [227, с. 123].

Серединой – второй половиной III в. датируется срубная полуземлянка № 28 по железной фибуле с подвязной ножкой. Время бытования фибулы 230–270 гг. (по Е. Л. Гороховскому) [67, с. 42]. В заполнении постройки также был найден горшок с максимальным расширением в верхней части высоты (тип 2S1 по А. В. Ильютик) [138, с. 26]. Такие горшки присутствуют и в керамическом комплексе Тайманово (тип I2), они наиболее характерны для III в.

Таким образом, время существования абидненских полуземляночных построек не выходит за рамки III в.

В заполнении полуземляночных построек из остальных памятников (Щатково, Нижняя Тощица, Гудок, Дедново, Прудок, Симоновичи) датирующих

вещей не найдено, поэтому они имеют широкую датировку бытования – III–V вв.

Сравнивая постройки культуры Абидня с постройками киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья в целом, можно отметить следующее. Для домостроительства культуры Абидня характерны полуземляночные постройки срубной и столбовой конструкции, с существенным преобладанием количества срубных полуземлянок. Полуземлянки с центральным столбом использовались преимущественно как хозяйственные (Тайманово). Традиция использования центрального опорного столба известна в Белорусском Поднепровье еще с милоградских времен. Продолжал использоваться центральный опорный столб и в зарубинецком домостроительстве [208, с. 37–38], т. е. это местная традиция, имеющая глубокие корни. Жилые полуземлянки отапливались печами-каменками, открытыми очагами, в единичных случаях отмечены глинобитные печи (Абидня, Тайманово). Практически все печи-каменки выявлены в срубных постройках. Печи-каменки всегда занимали угловое расположение. Угловое расположение очага, обычно вымощенного камнями, характерно для пшеворской культуры [321, с. 26]. Не исключена трансформация каменных очагов в печи-каменки, причем это происходит на раннем этапе культуры Абидня (полуземлянка № 39, Тайманово). Для Тайманово характерны деревянные полы, причем они отмечены не только в жилых, но и хозяйственных постройках. Наземные постройки были крайне редким явлением.

В то же время для синхронных по времени киевских памятников Среднего Поднепровья и Подесенья характерны полуземлянки столбовой конструкции, которые отапливались преимущественно открытыми очагами. Печи-каменки не встречаются. Жилые полуземлянки с центральным опорным столбом были обычным явлением. Полы земляные или глинобитные. На Киевщине известны жилища каркасно-плетневой конструкции с глиняной обмазкой [295, с. 36–38]. Также наблюдается устойчивая тенденция уменьшения использования камня при строительстве отопительных сооружений с севера на юг, для Днепровского Левобережья характерны печи с подбоями [156, с. 132].

Для более северных территорий (памятники типа Заозерье-Узмень) наземные постройки как пережиток домостроительных традиций прежних времен – довольно распространенное явление. Также для этой территории характерны углубленные постройки с «ваннообразным котлованом» с покатыми стенками и вогнутым дном, которые, по-видимому, служили хозяйственными сооружениями [179, с. 49–51]. Близкая по форме углубленная постройка (№ 14) выявлена на территории могильника Тайманово, где, очевидно, она выполняла сакральные функции.

В ареале культуры штрихованной керамики во второй четверти I тыс. н. э. продолжают развиваться прежние традиции в домостроительстве (длинные наземные дома). Полуземляночные постройки встречаются редко (Мысли, Ивань), отопительные сооружения представлены открытыми очагами [213, с. 28; 126, с. 68–69; 205, с. 31–34].

Полуземляночные постройки квадратной или подпрямоугольной формы срубной или столбовой конструкции были характерны для зарубинецкого [123, с. 236–243] и, очевидно, в последующем для постзарубинецкого домостроительства. Наряду с полуземлянками сооружались наземные постройки столбовой конструкции (Чаплин) [300, с. 124–126; 245, с. 15–30].

Не совсем понятно деление на две хронологические группы построек поселения Тайманово, которые якобы оставило разное в культурном отношении население [224, с. 137–156]. Смена населения (типа Абидни и верхнего горизонта Тайманово), по мнению некоторых исследователей, произошла около середины IV в. и далеко не мирным путем [306, с. 30]. Причем абидненское население сменило население, которое пришло из Подесенья (верхний горизонт Тайманово) [224, с. 145]. Если придерживаться этой точки зрения, то должны наблюдаться кардинальные изменения в домостроительстве, т. е. деснинские традиции (жилые полуземлянки с центральным опорным столбом и открытым очагом, поды очагов, выложенные черепками) должны вытеснить местные домостроительные традиции, однако этого не наблюдается. Полуземлянки с центральным опорным столбом известны в верхнеднепровском регионе еще с милоградских времен. Население культуры Абидня крайне редко использовало эти домостроительные традиции для сооружения жилых полуземлянок, в основном – для сооружения хозяйственных построек. Также не зафиксированы поды очагов, выложенные черепками. Тот факт, что в более ранних постройках чаще встречаются лощеная посуда, посуда с расчесами и формы сосудов, имеющие аналогии в зарубинецком и постзарубинецком гончарстве, а в поздних постройках (например, полуземлянках № 44, 26) – керамика, прототипы которой можно встретить уже в колочинском гончарстве, является следствием собственного развития культуры под влиянием различных внутренних и внешних факторов. Никаких обстоятельств, свидетельствующих о резкой одновременной смене населения, не отмечено.

Таким образом, традиции домостроительства у племен культуры Абидня являются продолжением и дальнейшим развитием традиций предшествующего домостроительства у зарубинецкого и постзарубинецкого населения в условиях лесной зоны. Появление печей-каменок можно рассматривать как дальнейшее развитие каменных очагов (пшеворская традиция) в условиях континентального климата. Первые печи-каменки появляются уже на раннем этапе развития культуры (начало III в.). Срубная полуземлянка

с печью-каменкой – наиболее оптимальный вариант жилища для достаточно суровых зимних условий Верхнего Поднепровья. Именно этот факт является одним из важных обстоятельств широкого распространения данного типа жилища в последующие периоды. Не исключено воздействие других факторов (культурных, экологических и др.). Для остальной территории распространения памятников киевской культуры второй четверти I тыс. н. э. (Среднее Поднепровье, Подесенье) характерны полуземляночные постройки столбовой конструкции, нередко с центральным опорным столбом, причем центральный опорный столб – обычный элемент в жилой полуземлянке. Отапливались постройки открытытми очагами, под которых выложен керамическими черепками, печи-каменки не встречаются. Все эти элементы кардинально отличают домостроительство Среднего Поднепровья и Подесенья от Белорусского Поднепровья и не характерны для домостроительства культуры Абидня.

1.3.3. Каменные очаги на памятниках культуры Абидня

В Тайманово выявлено 82 каменных очага, расположенных вне полуземляночных жилищ (табл. 9), аналогичные очаги выявлены в Абидне [140, с. 203; 142, с. 205]. Исследователь памятников Л. Д. Поболь полагал, что они принадлежали несохранившимся наземным и слегка углубленным постройкам [243, с. 173]. Подобные каменные очаги также выявлены на поселении Дедново (средняя Березина) [135, с. 49–53, рис. 1–3].

Каменные очаги Тайманово представляют собой наземные сооружения из камней разных размеров, углубленные в материк на 0,1–0,75 м. Форма очагов – от круглой до удлиненной. Максимальный диаметр круглых очагов – 0,8 м, максимальный размер удлиненных очагов – 1,4×1,15 м (табл. 9). Камни пережженные, как правило, перемешанные с золой и углем. В единичных случаях (очаг в кв. 67, раскоп XIII) над камнями прослежена прослойка обожженной глины. Камни в очагах расположены произвольно. Только в одном случае отмечена кладка камней в два ряда (раскопки 1971 г., очаг, кв. 708, 709, 677, 676). Количество камней в очагах колеблется от нескольких штук до нескольких сотен (необходимо учитывать, что многие очаги были разобраны еще в древности) (рис. 20, *1–3*).

Среди камней многих очагов встречаются, как правило, немногочисленные обломки керамических сосудов, единичные бытовые вещи (пряслице, обломки глиняного пирамидального грузила). Исключением является очаг с кладкой камней, в котором были найдены обломок глиняной сковороды, 145 фр. от трех сосудов, 5 обломков лощеных сосудов и обломки от четырех сосудов с расчесами. В верхней части очага в кв. 76, 81, раскоп XXXII, найден развал биконического горшка (рис. 51). Высота горшка 39,0 см, диа-

метр по венчику 27,0 см, диаметр днища 16,5 см, диаметр наибольшего расширения 30,0 см. Наибольшее расширение приходится примерно на середину высоты, чуть выше (тип 3 по А. В. Ильютик для горшков Абидни) [138, с. 20] и (тип II 2в по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 46]. В 7 очагах найдены кости и зубы животных (табл. 9) и только в одном очаге (кв. 12, раскоп XXXI) – кальцинированные косточки.

Местоположение каменных очагов в Тайманово различное. Особую группу составляют каменные очаги, расположенные на территории могильника и вблизи него (рис. 20, *1–3*). Как правило, они представляют собой сооружения из обожженных камней, плотно упакованные в очажных ямах, перемешанные с золой и угольками. Форма очажных ям округлая, реже овальная. Стенки очажных ям в основном отвесные (рис. 20, *1–3*). Среди камней встречаются немногочисленные обломки лепных сосудов. Исключение составляет очаг в кв. 708, 709, 676, 677, сооруженный из двух рядов камней, расположенных один над другим. Размеры очага 0,8×0,6 м, глубина дна от уровня зачистки 0,6 м. В отличие от других очагов на территории могильника, в данном очаге камни расположены в верхней части очажной ямы, внизу находится углистое заполнение, в котором выявлены многочисленные обломки глиняной посуды, в том числе обломки от трех вторично обожженных горшков. Исследователь памятника Л. Д. Поболь относит время сооружения данного очага ко II–III вв. н. э. Несмотря на то что в заполнении этих очагов не найдено кальцинированных косточек, можно предположить, что они являются особым видом погребений. Подобные погребения были выявлены в 1998 г. на синхронном по времени поселении Дедново на Березине. Кальцинированные косточки были выявлены в 14 погребениях из 19, в остальных погребениях кости не сохранились. Погребения в Дедново датируются железной фибулой с подвязной ножкой. Фибула найдена в погребении № 1, датируется по Е. Л. Гороховскому 230–270 гг. [135, с. 50]. В. Новаковский железные фибулы Almgren 161–162 датирует фазами C1a – C1b (200–260 гг.), отдельные экземпляры доживают до фазы C2 (260–310 гг.) [356, s. 133, rys. 2: 4–5]. Аналогичные погребальные объекты известны на поселении Абидня [140, с. 203; 142, с. 205].

Можно также предположить, что каменные очаги данной конструкции на территории могильника и вблизи него вообще никогда не содержали остатков кремации, а имели какое-то ритуальное назначение либо являлись захоронениями-кенотафами.

Подобные каменные очаги изредка встречаются и на соседней территории культуры поздней штрихованной керамики (Городище) [126, с. 69, рис. 17: 5]. А. А. Егорейченко полагает, что очаги подобного типа характерны только для южных территорий ареала культуры [126, с. 71]. Не исключено, что

мы имеем дело с прямым заимствованием местным населением культуры поздней штрихованной керамики у соседнего населения культурной общности типа Абидня.

Вторая группа – это очаги, расположенные вблизи полуземляночных жилищ и образующие вместе с полуземляночной постройкой и находящимися рядом хозяйственными ямами единый хозяйственный комплекс. Это очаги возле полуземляночных построек № 25, 28, 31, 42 (рис. 20, 21). Очаги этой группы имеют круглую в плане форму диаметром до 1,0 м. Камни в очажных ямах находятся в разрозненном состоянии. В заполнении встречаются немногочисленные обломки керамической посуды и кости животных. По-видимому, эта группа очагов являлась летними кухнями.

Третья группа – это очаги, расположенные вдали от полуземляночных жилищ и вне территории могильника. Такие очаги могли быть: 1) отопительными сооружениями наземных построек; 2) открытыми очагами, скорее всего, многофункционального назначения; 3) погребениями.

Две кальцинированные косточки были выявлены в неглубоком очаге подтреугольной формы, в его верхней части, ниже располагались обожженные камни, среди которых найдены 15 обломков посуды (очаг в кв. 12, раскоп XXXI). Верхнее расположение кальцинированных косточек позволяет усомниться в принадлежности их к данному очагу. Например, в Дедново косточки находились либо среди камней, либо на дне ямы [135, с. 49–70]. Не исключено, что косточки могли происходить из разрушенного более позднего погребения.

Очаги третьей группы имеют в плане круглую или овальную форму. Глубина очажной ямы до 1,0 м. По своему строению одна часть этих очагов близка к очагам первой группы, а другая – ко второй группе. Очаги, близкие по строению с очагами первой группы (10 очагов), как правило, круглой, реже овальной в плане формы, представляют собой сооружения из плотно упакованных камней, количество которых нередко достигает нескольких сотен. Камни перемешаны с золой и углем. Среди камней в отдельных очагах встречены немногочисленные обломки керамических сосудов, кости животных. Не исключено, что, несмотря на их некоторую отдаленность от могильника, эти очаги выполняли ту же функцию, что и очаги первой группы, т. е. являлись погребальными памятниками.

Часть очагов третьей группы была, по-видимому, связана с наземными или слегка углубленными постройками, например, очаги в кв. 155, 156, раскоп XX (Тайманово). В частности, вокруг очага в кв. 156 найдено большое количество вторично обожженных обломков горшков.

В основном ареале распространения памятников киевской культуры (Подесенье и Среднее Поднепровье) не являются редкостью открытые очаги,

поды которых вымощены в один или несколько слоев черепками и обмазаны глиной (Обухов 2, 3, 7; Глеваха; Колосовка; Воробьевка 2; Тазово; Авдеево; Гочево 1) [295, с. 38]. В Тайманово подобных очагов ни в жилищах, ни вне жилищ не выявлено. Аналогичная картина наблюдается и в Абидне [140, с. 203; 142, с. 205].

1.3.4. Хозяйственные ямы на памятниках культуры Абидня

При раскопках в Тайманово выявлено 357 ям, которые имели хозяйственное и другое практическое назначение (табл. 10). Все ямы можно подразделить на три большие группы: 1) ямы, расположенные вблизи полуземляночных построек и составляющие один хозяйственный комплекс; 2) ямы, расположенные на территории могильника, а также занятые погребениями; 3) ямы, расположенные вдали от полуземляночных построек и могильника. В Абидне известно 460 ям [140, с. 202; 142, с. 204], которые выполняли аналогичные функции.

К первой группе в Тайманово относится 30 ям. Все они располагаются вблизи полуземляночных построек. Ямы имеют различную форму, чаще всего круглую либо овальную, но встречаются ямы удлиненной формы (яма вблизи полуземлянки № 1 и две ямы у постройки № 15), а также подквадратной (яма у постройки № 47) и подтреугольной формы (одна из ям возле полуземлянки № 19). Глубина ям различная и составляет от 0,2 м до 1,0 м в зависимости от зачистки в материке. Одна из ям вблизи постройки № 38 так и не вышла на уровень материка, еще одна овальная яма у постройки № 41 имеет глубину 0,1 м в материке. Чаще всего у ям фиксируется глубина 0,2–0,5 м от зачистки в материке. Только 5 ям имеют глубину 0,7–1,0 м от уровня зачистки в материке, причем у самой глубокой ямы (глубина 1,0 м) вблизи построек № 35 и 36 при расчистке заполнения зафиксировано 6 прослоек, ее диаметр 2,0 м (рис. 20, *4*). Диаметр остальных круглых ям составляет 0,6–1,0 м. Овальные ямы имеют более крупные размеры, до 0,95–2,1 м в поперечнике. Примерно такие же размеры имеет удлиненная яма у постройки № 1 – 2,0×1,7 м, а также одна из удлиненных ям вблизи постройки № 15 – 2,0×1,0 м, вторая яма покрупнее – 4,0×2,0 м. Размеры подквадратной ямы у полуземлянки № 47 составляют 2,0×2,0 м, глубина дна в материке 0,35 м, вдоль стенок древесная труха. Очевидно, это остатки легкой хозяйственной постройки типа стойла. Стенки ям чаще всего отвесные. Только у одной крупной овальной ямы вблизи полуземлянки № 19 зафиксирована земляная ступенька.

Как правило, вблизи построек фиксируется одна хозяйственная яма, но в ряде случаев отмечено несколько ям. В частности, такой хозяйственный комплекс, насчитывающий две-три ямы вблизи постройки, отмечен

у полуземлянок № 15, 19, 30, 41, 47 Тайманово. Встречены также более крупные хозяйственные комплексы, в состав которых помимо хозяйственных ям входили открытые очаги. Например, хозяйственный комплекс полуземлянки срубной конструкции № 28 Тайманово состоит из двух открытых очагов, расположенных с восточной стороны постройки, и двух круглых в плане хозяйственных ям (рис. 21). Первая яма находилась в 1,3 м от юго-западного угла постройки, вторая – в 0,6 м западнее первой. Очаги, по-видимому, выполняли роль летних кухонь, в хозяйственных ямах могли храниться припасы. В частности, в одной из ям найдены куски обожженной бересты – остатки берестяной емкости. Также хозяйственный комплекс срубной полуземлянки № 31 поселения Тайманово состоит из открытого очага, расположенного рядом с постройкой, с ее южной стороны, а с восточной стороны полуземлянки располагались три хозяйственные ямы круглой в плане формы, в одной из ям найдены обломки керамической посуды (рис. 22). Следует отметить, что постройки № 28 и 31 не являлись жилыми. В них отсутствует какое-либо отопительное сооружение. Также, например, на дне постройки № 28, вдоль восточной стенки выявлены пять сосудов, перевернутых вверх дном, еще два сосуда найдено в северо-восточном углу. Горшочек, помимо обломков других керамических сосудов, найден в южной части постройки № 31. Необходимо отметить, что в обеих постройках найдены кости домашних животных (бык домашний, лошадь), а в постройке № 31 найдены кости лося (определение В. В. Щегловой). Скорее всего, постройки № 28 и 31 являлись хозяйственными сооружениями, например кладовыми, и вместе с выносными очагами и хозяйственными ямами составляли определенный хозяйственный комплекс.

Очаг и хозяйственная яма овальной формы выявлены также возле полуземлянки с центральным опорным столбом № 42. Как и все полуземлянки с центральным опорным столбом на поселении Тайманово, постройка № 42 не имела отопительного сооружения и была хозяйственной.

Следует отметить, что в Тайманово хозяйственные ямы выявлены и возле жилых полуземлянок (№ 6, 15, 35, 47, 48). Как правило, это одна яма. Возле постройки № 15 выявлены две ямы. Одна из ям неправильной формы расположена в 1,0 м от юго-западного угла жилища, в заполнении ямы найдено 29 фр. керамики, вторая яма удлиненной формы и находится в 2,0 м на юг от полуземлянки. Можно отметить, что особенностью расположения полуземлянки № 15 является ее местонахождение вдали от остальных полуземляночных построек поселения. Полуземлянка была сооружена почти на самом берегу р. Белолички. Постройка столбовой конструкции, размеры котлована 3,34×3,2 м (11 кв. м), отапливалась каменным очагом, расположенным в центре. Время бытования постройки – конец III – первая половина IV в. Рядом с ней, несколько севернее, располагается только полуземлянка № 17.

Это небольшая срубная хозяйственная постройка без отопительного сооружения, размеры котлована 3×3 м (9 кв. м). На северо-восток от постройки № 15 также находилась хозяйственная полуземлянка с центральным опорным столбом № 16 площадью 11 кв. м. Время сооружения этих построек III–V вв., т. е. они примерно одновременны полуземлянке № 15. Не исключено, что в данном случае мы можем иметь дело с особой хозяйственной единицей – двором, состоящим из жилой полуземляночной постройки столбовой конструкции, двух хозяйственных полуземлянок срубной и столбовой конструкции (возможно, это амбар или клеть) и двух хозяйственных ям.

Три хозяйственные ямы выявлены возле полуземлянки № 47. Первая яма подквадратной формы площадью 4 кв. м находится в 0,6 м южнее юго-восточной части полуземлянки. Вдоль стен ямы отмечена древесная труха. Очевидно, это остатки деревянных стен. В заполнении ямы найдено 8 фр. сосудов (от гладкостенных горшков и сосудов с расчесами), а также более 20 костей лошади. Вторая яма овальной формы располагалась рядом с юго-западным углом постройки. Третья хозяйственная яма овальной формы находилась в 1,8 м от северо-западного угла полуземлянки.

Заполнение хозяйственных ям, как правило, представляет собой темно-серый гумусированный песок. В ряде случаев заполнение слоистое. В частности, в яме вблизи построек № 35 и 36 отмечено 6 прослоек вместе с золой и углем (рис. 20, *4*).

В заполнении многих ям Тайманово встречены, как правило, немногочисленные обломки керамических горшков, изредка кости животных, куски шлака, отдельные изделия. Развал горшка происходит из ямы у постройки № 48. Лощеная светло-коричневая ребристая миска (рис. 63, *2*) вместе с обломком пряслица найдена в яме вблизи полуземлянки № 38. Венчик почти прямой, шейка слабо выражена, ребро приходится примерно на середину высоты. Высота миски 15,0 см, диаметр верхней части 18,8 см, диаметр наибольшего расширения тулова 20,8 см, диаметр днища 12,0 см.

Многочисленные обломки горшков (101 фр.), в том числе венчики с насечкой по краю, налепным валиком, выявлены в заполнении самой крупной круглой ямы вблизи построек № 35 и 36. В яме вблизи постройки № 14 найдена бронзовая лунница с красной эмалью (рис. 81, *6*). Следует отметить, что постройка № 14, расположенная на пограничье селища и могильника, по-видимому, имела особое сакральное значение. В квадратной в плане яме, расположенной вблизи постройки № 47, кроме обломков глиняной посуды выявлено более 20 костей лошади. Довольно много ям (13 ям) вообще не имеют никаких находок. В заполнении одной из ям вблизи постройки № 28 помимо обломков сосудов и пряслица встречена обожженная береста, очевидно, остатки какой-то берестяной емкости. В некоторых ямах (у постройки № 39) кроме обломков керамики выявлены зола и уголь. По-видимому,

яма имела какое-то производственное назначение. Нередко более ранние полуземляночные постройки перекрывались более поздними хозяйственными ямами. В частности, большая овальная яма разрушила восточную часть полуземляночной постройки № 33. Яма была заполнена гумусированным слоем вместе с углем и золой. Перекрытие одних объектов другими не является редкостью для Тайманово (более поздние полуземляночные постройки возводились на месте более ранних, на месте заброшенных полуземлянок сооружались хозяйственные ямы, на месте неиспользуемых хозяйственных ям – погребения).

Особую группу хозяйственных ям представляют ямы, расположенные на территории могильника и вблизи него. В данную категорию также входят заброшенные ямы, на месте которых позднее производились захоронения. В Тайманово насчитывается 23 таких ямы. Все ямы круглой и овальной в плане формы, диаметром от 0,5 до 2,7 м, три ямы имеют диаметр 0,2–0,4 м. Глубина ям от уровня зачистки колеблется от 0,1 до 1,0 м, одна из ям имеет глубину 1,45 м. На территории могильника хозяйственные ямы расположены вблизи погребений, в 1,0–2,0 м, в одном случае – в 6,0 м. В частности, такие ямы зафиксированы в 1,0 м от погребения № 145, в 2,0 м от погребения № 145, в 2,0 м от погребения № 154, в 1,0 м от погребения № 121, в 6,0 м от погребения № 117. Стенки ям отвесные. У одной из круглых в плане ям на дне отмечены четыре ямки от опор перекрытия. Очевидно, это было заглубленное деревянное сооружение, возможно, с крышкой.

Назначение этих ям определить сложно. Как правило, в их заполнении встречены обломки керамической посуды, в том числе развалы горшков, различные бытовые вещи, целые и в обломках, кости животных. Можно предположить, что какая-то часть из них была мусорными ямами, куда сбрасывали остатки тризны после погребения, а некоторые, в частности с крышкой, использовались для хранения.

В Тайманово также отмечены случаи, когда погребения совершаются в заброшенных хозяйственных ямах. Именно так совершенны захоронения № 196, 199, 200, 201, 202. Все они располагаются в верхней части большой овальной хозяйственной ямы на границе раскопов 45 и 49. Размеры ямы 6,0×5,6 м, на дне которой выявлены еще 2 ямы: одна овальная яма, глубиной от уровня зачистки 0,3 м и одна круглая яма, глубиной от уровня зачистки 0,25 м. В заполнении ямы помимо скопления кальцинированных костей, относящихся к погребениям, найдены 204 фр. керамических сосудов (гладкостенных и с расчесами), целое пряслице и обломок, три обломка железных изделий, железный гвоздь, обломок ручки стеклянного сосуда, 4 шлака, 5 кремней со следами обработки. Разделить, какие вещи относятся к погребальному инвентарю, а какие происходят из заполнения хозяйственной ямы, не представляется возможным. По-видимому, еще одно погребе-

ние было совершено в удлиненной яме в раскопе XLVII. В заполнении ямы найдены более 160 обломков от трех вторично обожженных сосудов, 2 кальцинированные косточки, 1 камень, 1 шлак. Можно предположить, что это либо разрушенное, либо ритуальное погребение.

В Тайманово в заброшенной хозяйственной яме было совершено погребение № 188, причем оно расположено вблизи полуземляночной постройки № 38. В Тайманово отмечен также случай, когда полуземлянка № 40 сооружена на месте более раннего грунтового захоронения (погребение № 189). Погребение находится в западной части полуземлянки ниже уровня земляного пола постройки.

Остальные хозяйственные ямы Тайманово расположены вдали от полуземляночных построек и территории могильника. Глубина ям от 0,1–1,15 до 1,6 м. Все они имеют круглую либо овальную форму, реже удлиненную, прямоугольную или подтреугольную форму. В единичных случаях встречены ямы подковообразной, неправильной формы, а также яма, состоящая из трех частей. Это яма вытянутой формы длиной 5,2 м, состоящая из трех ям неправильной овальной формы. Глубина от уровня зачистки первой самой крупной ямы – 0,45 м, глубина второй – 0,2 м, третьей – 0,4 м. В заполнении ямы помимо обломков керамических сосудов, двух кусков шлака, зуба животного и железного острия выявлены три кальцинированные косточки. Не исключено, что это также остатки разрушенного погребения. Стенки ям чаще всего плавно округлые, но встречаются вертикальные, почти отвесные.

В четырех случаях отмечены ступеньки, ступенька также прослежена у ямы овальной формы вблизи полуземлянки № 19. Как правило, это довольно глубокие ямы, глубиной от уровня зачистки в материке 1,0 м и ниже (две ямы в раскопе XII), хотя ступеньки встречаются и у менее глубоких ям.

Часто ямы-погреба в Тайманово имели деревянные крышки, а стенки ям обшивались досками. О наличии деревянных конструкций внутри ям свидетельствуют ямки от кольев на дне. В одной из ям (раскоп XXXI) были выявлены в трех местах обгоревшие столбики высотой 5,0–6,0 см – остатки сожженной внутриямной конструкции. Иногда ямки отмечены за пределами ямы, по ее внешнему периметру, свидетельствующие о каком-то наружном перекрытии (раскопы XII, XVII, XLI).

Следует отметить, что если ямы овальной или округлой формы в Тайманово выполняли, главным образом, роль ям-погребов, то ямы прямоугольной формы (7 ям) – это остатки углубленных небольших хозяйственных построек. Площадь котлованов таких ям от 2 до 6 кв. м. В одном случае (раскоп XXII) зафиксирована яма подпрямоугольной формы, размером 2,1×1,55 м, у которой по периметру отмечено скопление углей – остатки деревянных стен.

На поселении Тайманово также встречаются крупные ямы овальной либо неправильной овальной формы. По своему функциональному назначению

это также остатки от различных хозяйственных объектов. В частности, такая яма выявлена в раскопе XLVIII. Она имеет размеры 6,0×2,4 м, глубина в материке 0,6 м, по краям отмечено 13 ямок – остатки деревянного перекрытия. Яма неправильной формы расчищена в раскопе X, ее размеры 6,5×1,0–2,0 м, глубина в материке 0,5–0,7 м. Две крупные ямы удлиненно-овальной формы, почти одинаковых размеров расчищены в раскопе XII. Одна из них частично перекрывает полуземлянку № 25, ее размеры 4,0×2,3 м, глубина в материке 0,45 м, вторая – 4,2×2,5 м, глубина в материке 0,5 м. Характерной особенностью этих ям является то, что в их заполнении помимо многочисленных обломков керамических сосудов и некоторых других бытовых предметов выявлены куски глиняной обмазки, соответственно, 33 и 46 куска, свидетельствующие о каркасно-глинобитной конструкции стен этих хозяйственных сооружений. Куски глиняной обмазки встречены и в других хозяйственных ямах. В частности, в том же XII раскопе обмазка встречена еще в двух ямах овальной формы, причем в одной из этих ям на дне зафиксированы две ямки, расположенные друг напротив друга. Глиняная обмазка встречена еще в одной яме овальной формы в раскопе XLVI, размеры ямы 2,0×1,2 м, на дне ямы зафиксировано 10 ямок – остатки плетневого каркаса.

Крупные ямы овальной формы также встречены в раскопе V, одна из них имеет размеры 4,0×2,0 м, глубина в материке 1,1 м, вторая – 3,8×1,8 м, глубина в материке 0,2 м. В раскопе XLV выявлена овальная яма размером 3,2×2,9 м, глубина в материке 0,6 м, на дне которой расчищена 21 ямка – остатки кольевой конструкции. Крупная хозяйственная яма овальной формы 5,0×3,0 м и глубиной в материке 0,4 м отмечена в раскопе XLIX. Яма неправильной формы расчищена в раскопе XLVII, ее размеры 3,8×2,2 м, глубина в материке 0,7 м.

Заполнение ям представляет собой темно-серый гумусированный песок нередко с включениями углей и золы. Ряд ям имеет слоистое заполнение, состоящее из различных прослоек, в том числе с углем и золой.

Как правило, в заполнении ям Тайманово встречаются обломки различных керамических сосудов от нескольких штук до нескольких сотен обломков, в ряде случаев – развалы горшков и мисок. В абсолютном большинстве – это обломки лепных сосудов (горшков, мисок, сковородок), обломки гончарных сосудов встречаются в незначительном количестве. По-видимому, они попали из верхних слоев культурного пласта. На поселении Тайманово достоверно известна только одна хозяйственная яма, относящаяся к раннефеодальному периоду (раскоп XI, кв. 4). Так, обломки от двух лепных горшков выявлены в овальной яме в раскопе XXV. Раздавленный горшок найден в круглой яме в раскопе XXIX, кв. 80 (рис. 57, *4*), его высота 18,0 см, диаметр горловины 12,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова 13,5 см, диаметр дна 8,3 см. Венчик почти прямой, шейка слегка выделена. Наиболь-

шее расширение сосуда чуть выше середины его высоты (8,0 см от края венчика). Такая форма близка к типу I5 по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной (баночная форма) [294, с. 46], но отличается более развитым профилем.

Горшки данной формы широко представлены в Тайманово, как на поселении, так и в могильнике, но практически не встречаются в Абидне. В другой круглой яме этого же раскопа, кв. 44 выявлены два развала горшков и обломок коричневой лощеной ребристой миски (диаметр по ребру 22,0 см). Крупный горшок биконической формы (рис. 45, *2*) имеет высоту 33,6 см, диаметр горловины 30,0 см, диаметр наибольшего расширения тулова 32,5 м, диаметр днища 16,5 см, наибольшее расширение приходится на середину высоты (16,8 см от края венчика). Венчик прямой, шейка не прослеживается (тип 3 по А. В. Ильютик для Абидни) [138, с. 20], (тип II2 по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 46–47]. Второй горшок меньших размеров, по форме он аналогичен горшку из кв. 80 (рис. 58, *1*). Его высота 23,7 см, диаметр горловины 16,8 см, диаметр наибольшего расширения тулова 17,5 см, диаметр днища 10,0 см. Наибольшее расширение горшка отмечается немного выше середины высоты (10,0 см ниже края венчика). Развалы двух нелощеных горшков происходят из овальной ямы такого же раскопа XXV, кв. 6, 7, 11, 12. Один из них собран почти полностью, имеет наибольшее расширение тулова в верхней части, венчик слегка отогнут, шейка слабо выделена (рис. 43) (тип IIб по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 46]. Округлобокие горшки типа I1 характерны для ранних этапов киевской культуры [295, с. 40], они же составляют большинство в керамическом комплексе Абидни [138, с. 18–36]. Нижняя часть горшка вместе со 110 фр. других сосудов найдена в овальной яме в раскопе XXXI. Раздавленный ребристый горшок также выявлен в овальной яме-погребе в раскопе XLI (рис. 45, *1*). Горшок несколько асимметричной формы, его высота 23–24 см, диаметр горловины 18,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова 20 см, диаметр днища 10,5 см. Наибольшее расширение приходится на верхнюю часть высоты сосуда (тип II2а по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 46]. Р. В. Терпиловский полагает, что цилиндроконические сосуды типа II2а возникают на основе биконических сосудов на заключительном этапе киевской культуры [295, с. 40].

Помимо сосудов и их обломков в хозяйственных ямах находят различные хозяйственные и бытовые вещи, куски шлака, изредка кремневые изделия и кремни со следами обработки, довольно часто кости и зубы домашних, реже диких животных. В нижней части хозяйственной ямы-погреба (раскоп XXIII, кв. 6) выявлен скелет низкорослой коровы.

Из бытовых вещей наиболее частыми находками являются глиняные пряслица и их обломки, обломки ножей и других железных изделий, гвозди. Иногда встречаются обломки тиглей (раскоп XXII, кв. 24, 30, 31; XXIV, кв. 4а),

глиняных грузил (раскоп XXXIX, кв. 42). В верхней части ямы-погреба на глубине 0,3 м (раскоп XLIV, кв. 38) найден обломок лезвия железного серпа. Из овальной ямы-погреба в раскопе XXII вместе с 6 обломками сосудов происходит железный рыболовный крючок (глубина 0,5 м) (рис. 66, *15*).

В кв. 4а, раскоп XXIX Тайманово вместе с многочисленными обломками сосудов (более 100 фр.), среди которых 3 фр. сосудов с расчесами и 1 фр. от серолощеного горшка, с обломком тигля, каменным бруском выявлена двухчастная стеклянная бусина с позолотой (глубина 0,58 м) (тип 387b по М. Темпельманн-Мачинской) (рис. 84, *15*). Такие бусы в Центральной Европе особенно характерны для фазы B2 (70–170 гг.), хотя встречаются от фазы B1 до C1b (до 260 г.) [372, tabelle 8, s. 94]. Обломок красной пастовой бусины «плоский кирпичик» (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) также найден в частично вскрытой яме в раскопе XLII, кв. 31 (глубина 0,7 м) (рис. 84, *23*). Время бытования таких бус в Центральной Европе – ранняя фаза позднеримского времени [372, s. 33]. Т. Ставярска по материалам Северной Польши несколько сужает дату до периода C1b – C2 (220–310 гг.) [370, s. 88].

В раскопе XXIII Тайманово в круглой яме-погребе в кв. 6 на дне ямы найден обломок бронзовой фибулы с подвязной ножкой. Сохранилась нижняя часть ножки-приемника длиной 2,6 см (рис. 86, *7*). Л. Д. Поболь относит ее ко II–III вв.

В хозяйственной яме овальной формы, в ее верхней части (глубина залегания находки 0,2 м) в раскопе XIV, кв. 21 вместе с 17 фр. лепных сосудов и обломком глиняного пряслица выявлена железная бритва (рис. 69, *4*). Общая длина бритвы 6,0 см, длина серповидного лезвия 4,8 см, ширина 1,8 см, толщина 0,3 см, длина черенка 2,3 см, ширина 1,0 см, толщина 0,3 см (тип 3 по А. А. Александрову). Аналогии данной бритве имеются на городище Кенте (Латвия) и могильнике Ябара (Эстония). А. А. Александров большую часть бритв относит ко II–VI вв. [24, с. 26–29].

Также в верхней части ямы-погреба (кв. 37, глубина 0,2 м) раскопа XXXIX Тайманово вместе с обломком грузила и фрагментами керамики найдена железная пряжка с прямоугольной формой рамки (рис. 70, *1*). Размеры пряжки 3,6×2,5 см, изготовлена из круглого в сечении стержня диаметром 0,4 см, длина язычка 3,0 см. По классификации Р. Мадыды-Легутко такие пряжки относятся к группе G, тип 1 [354, taf. 13: 1], были наиболее распространены в период B2 (70–170 гг.), хотя отдельные экземпляры встречаются до времени C2 (260–310 гг.) [354, tabelle 3, 9]. Близкая по форме пряжка, относящаяся к этому периоду, происходит из городища Лабенщина [126, с. 87; табл. 59: 5].

Из ямы овальной формы раскопа XXXVI Тайманово вместе с биконическим пряслицем и обломком еще одного пряслица происходит обломок железной шпоры с пуговичным окончанием (кв. 59, гл. 0,4 м) (рис. 72, *4*).

Шпоры с пуговицеобразными зацепами В. Б. Перхавко относит к I типу и датирует I–III вв. [232, с. 117–120]. Находки подобных шпор в Среднем Поднепровье также относятся к этому периоду. Серединой II в. датируется бронзовая шпора с кнопкообразными зацепами из поселения Бобрица вблизи Канева [295, с. 23, рис. 3: 6], к этому же времени относится железная шпора из Новых Безрадич [294, с. 65, 79]. Более поздним периодом датирует шпору из Новых Безрадич М. Казанский – B2/C1 – C1a (170–220 гг.) (тип E по А. Гинальскому) [147, с. 264]. Шпоры с зацепами-кнопками также найдены на памятниках бассейна Западной Двины и Днепра (Цукровка, Слобода-Глушица), там они также датируются не позднее III в. [179, с. 61].

Таким образом, на основании изучения топографии и планировки поселений и могильников Могилевского и Гомельского Поднепровья первой половины I тыс. н. э. можно сделать следующие выводы. В первой четверти I тыс. н. э. постзарубинецкое население, расселяясь вверх по Днепру, использовало, как правило, уже обжитые места – городища предшествующего населения, вновь создаваемых селищ (Дражня) было немного. Следует отметить одну интересную особенность топографии памятников первой четверти I тыс. н. э. соседних территорий. В отличие от верхнеднепровских памятников население абсолютно всех соседних постзарубинецких групп (типа Лютеж, типа Почеп, типа Марьяновки, типа Картамышево-2, типа Гриней) проживало только на селищах [33, с. 67–72]. Ряд исследователей объясняют переход населения в этот период из городищ на селища изменениями климата [220]. В таком случае не совсем понятно, почему постзарубинецкое население Белорусского Поднепровья, практически находящееся территориально в близком соседстве, в этот период для проживания занимало городища предшественников и только в редких случаях создавало селища. Очевидно, помимо природно-климатических факторов существовали еще какие-то другие причины.

Однако уже к концу II – началу III в. население Белорусского Поднепровья полностью перешло на селища, причем для создания новых поселений также использовались уже удобные обжитые места. Этим объясняется присутствие в культурном слое поселений и могильников материалов предшествующих периодов начиная с эпохи неолита и бронзы, в ряде случаев эпохи мезолита (Тайманово). Топографически они, как правило, располагались на краю первой надпойменной террасы либо на возвышенностях среди поймы. Могильники располагались за пределами поселения и образовывали компактный погребальный массив (Абидня, Тайманово), иногда могильник отделялся от поселения какими-то естественными препятствиями (оврагами) (Симоновичи). Особую категорию представляли собой погребальные объекты в виде каменных очагов (Тайманово, Абидня, Дедново), которые нередко были расположены непосредственно на территории поселения. В аналогич-

ных топографических условиях (возвышенности среди поймы, край первой надпойменной террасы) располагались другие памятники первой половины I тыс. н. э. на территории Верхнего Поднепровья.

На поселениях существовали полуземляночные и наземные постройки (Абидня, Тайманово, Щатково, Симоновичи, Нижняя Тощица, Прудок, Дедново, Гудок). Что касается наземных построек, то их выделение затруднено в связи с небольшой мощностью культурного слоя на поселениях (до 0,4–0,5 м) и длительностью существования поселений. Наземные постройки могли быть жилыми помещениями, в основном летними или хозяйственными помещениями, либо могли выполнять прозводственные функции (домница вблизи полуземлянки № 24 в Абидне). Преобладали полуземляночные постройки. Полуземляночные постройки представлены тремя категориями: жилыми, хозяйственными и сакральными (полуземлянка № 14, Тайманово). Полуземлянки имели срубную и столбовую конструкцию стен. Преобладали срубные полуземлянки. Из 88 известных в ареале поуземляночных построек 58 (68,2 %) имели срубную конструкцию стен, 27 (31,7 %) имели столбовую конструкцию, из них у 14 полуземлянок присутствовал центральный опорный столб и только три из них были жилыми постройками (Абидня, Дедново, Гудок) (табл. 1–8). Конструкция стен трех построек не определена (Тайманово, Абидня) (табл. 1, 2). Полуземлянки располагались компактными группами либо в виде отдельно стоящих построек (рис. 3). Очевидно, ведущей планировочной единицей (Тайманово, Абидня) являлась усадьба, состоящая из жилой и нескольких хозяйственных полуземляночных построек и примыкающих к ним выносных очагов и хозяйственных ям.

В Тайманово удалось выделить четыре таких усадебных комплекса. Все они относятся к концу II – началу V в., в большинстве случаев – к III – первой половине IV в. Также один комплекс представляет собой либо одну большую усадьбу, либо две усадьбы родственных семей, состоящие из двух жилых и четырех хозяйственных полуземляночных построек. Время возникновения данного комплекса – конец III – начало IV в., он существовал до середины V в.

Аналогичная планировочная ситуация прослеживается в Абидне. К концу II – началу III в. относится комплекс, состояший из жилой (№ 7), хозяйственной (№ 8) построек и примыкающих к ним хозяйственных ям. К III в. относится комплекс, состоящий из жилой (№ 14) и двух хозяйственных полуземлянок (№ 15 и 18), причем постройка № 18 являлась бронзолитейной мастерской. К середине – второй половине III в. относится комплекс, состоящий из жилых (№ 30 – более ранняя и затем сооруженная на ее месте постройка № 29 с глинобитной печью) и хозяйственной (№ 28) полуземлянок. Существует предположение, что полуземлянки № 29 и 30 представляли собой один производственный комплекс с очагом и горновой печью на останце [278, с. 85].

Помимо усадеб в Тайманово удалось выделить три хозяйственных комплекса, состоящих из нескольких хозяйственных полуземляночных построек, выносных очагов и хозяйственных ям. Время возникновения этих комплексов также III–V вв. Самые ранние хозяйственные комплексы в Абидне датируются концом II – началом III в.

Усадебные и хозяйственные комплексы Тайманово и Абидни являлись весьма стабильными и долговременными планировочными единицами. Подтверждением этому является, в частности, тот факт, что нередко новые постройки сооружали на месте прежних полуземлянок, т. е. в границах территории усадьбы или хозяйственного комплекса (полуземлянки № 2 и 3; № 32А и 32Б; № 35 и 36; № 43 и 45 поселения Тайманово; полуземлянки № 11 и 12, № 29 и 30 поселения Абидни). Существование устойчивых усадебных комплексов на поселении Тайманово еще раз подтверждает тот факт, что резкой смены населения на поселении не было.

Удалось выделить и специализированные мастерские ремесленников в Тайманово и Абидне. В частности, в Тайманово бронзолитейными мастерскими являлись полуземляночные постройки № 31 и № 32А. Не исключено, что бронзолитейной мастерской служила таймановская полуземлянка № 18. В Абидне бронзолитейными мастерскими, по-видимому, были полуземлянки № 20 (конец II – начало III в.) и № 18 (III в.), возможно, полуземлянки № 28, 29, 30.

Отопительные сооружения представлены открытыми очагами, печками-каменками и глинобитными печами. Очаги выявлены в 19 полуземлянках как срубной (7), так и столбовой конструкции (13), из них только два очага расположены в центре столбовых полуземлянок (№ 15, 27, Тайманово), остальные находились в углу или имели боковое расположение. Расположение очагов в центре столбовых построек № 15 (каменный очаг) и № 27 свидетельствует об инородной домостроительной традиции, тем более, что из этих построек происходят фибулы западных образцов. Печи-каменки выявлены в 14 полуземлянках, все они срубной конструкции, за исключением полуземлянки (№ 47, Тайманово). Печи-каменки имели угловое расположение. Таким образом, наблюдается тенденция преобладания очагов в полуземлянках столбовой кострукции, печей-каменок – в срубной. Глинобитные печи выявлены только в двух случаях (№ 29 Абидня, № 25 Тайманово) (табл. 1–8).

Для Тайманово, Абидни и Дедново характерно наличие выносных каменных очагов. Такие очаги подразделяются на три группы. К первой группе относятся очаги, расположенные на территории могильника или вблизи него. Они представляют собой особую группу сооружений из обожженных камней, плотно упакованных в очажных ямах вместе с золой и углями. Эти очаги являлись погребальными объектами. Ко второй группе относятся очаги, расположенные вблизи полуземляночных построек и образующие

вместе с ними единый хозяйственный комплекс. Они служили летними кухнями. К третьей группе принадлежат очаги, расположенные вне могильника и вдали от полуземлянок. Они могли быть отопительными сооружениями наземных построек (раскоп XX, кв. 155, 156, Тайманово); очагами производственных объектов (домница южнее полуземлянки № 24, Абидня); очагами многофункционального назначения; погребениями. В вышеуказанных памятниках отсутствуют очаги, поды которых выложены черепками и обмазаны глиной, характерные для основного ареала киевской культуры (Среднее Поднепровье, Подесенье).

Хозяйственные ямы делятся на три большие группы: 1) ямы, расположенные вблизи полуземляночных построек и составляющие с ними единый хозяйственный комплекс; 2) ямы, расположенные на территории могильника, а также занятые погребениями; 3) ямы, находящиеся вдали от полуземляночных построек и вне территории могильника. По своему функциональному назначению это были ямы-погреба, как правило, они имели округлую или овальную форму. Часто ямы-погреба имели крышку, а стенки обшивались досками. В крупных ямах отмечена каркасно-глинобитная конструкция стен. В глубоких ямах отмечены ступеньки. Ямы прямоугольной формы площадью 2–6 кв. м – это остатки углубленных хозяйственных сооружений. Часть ям могла использоваться для сбора мусора, а также в них ссыпали уголь и золу после чистки очагов. В частности, ямы, заполненные золой и углем, выявлены в Абидне [140, с. 202, рис. 5; 142, с. 204, рис. 5].

В результате наблюдений за планировочной структурой поселений первой половины I тыс. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья удалось выделить некоторые моменты, связанные с социальной структурой населения, а также их профессиональными занятиями. Прежде всего, присутствие стабильных усадебных комплексов (Тайманово, Абидня) свидетельствует о существовании на поселении уже выделившихся из состава большой патриархальной семьи малых семей, которые имели четко ограниченную территорию усадьбы, за пределы которой они не переходили при строительстве новых построек. Помимо усадебных комплексов, принадлежащих одной семье, в Тайманово присутствуют крупные усадебные комплексы, состоящие из нескольких жилых и хозяйственных полуземляночных построек, которые могли принадлежать близким родственникам, например, родителям и взрослым детям (жилые полуземлянки № 47 и 48 и хозяйственные – № 42, 43, 44, 45).

Для жителей поселения Тайманово был характерен высокий уровень благосостояния по сравнению соседними одновременными поселениями, в частности, поселения Абидня. Об этом свидетельствуют добротные полуземляночные постройки, сооруженные из толстых бревен диаметром 0,2–0,3 м, были широко распространены деревянные полы, в том числе на лагах, причем

деревянные полы зафиксированы не только в жилых, но и хозяйственных постройках. Следует отметить, что деревянные полы известны начиная с ранних этапов существования поселения. Среди построек Тайманово выделяются постройки, в которых проживали наиболее привилегированные представители общины. В частности, привилегированный представитель общины, возможно, старейшина проживал в усадебном комплексе, состоящем из жилой полуземлянки № 15 и хозяйственных полуземлянок № 16 и 17. Усадебный комплекс, состоящий из жилой полуземлянки № 29 и хозяйственных полуземлянок № 28 и 30, принадлежал, по-видимому, профессиональному воину. Одному их привилегированных представителей общины принадлежала жилая полуземляночная постройка № 27.

Судя по характеру археологических находок из полуземляночных построек Абидни, на поселении проживали ремесленники и рядовые общинники. Особенностью поселения Абидня является абсолютное преобладание открытых очагов в качестве отопительных сооружений, которые чаще всего имели угловое расположение. Только на позднем этапе (вторая половина III в.) появляются глинобитные печи (постройка № 29), которые неизвестны на соседних поселениях. На поселении Абидня, как и на других остальных поселениях, деревянные полы были не зафиксированы. Использование открытых очагов является, по-видимому, местной особенностью домостроительства на поселении Абидня, поскольку не знать об использовании таких более прогрессивных отопительных сооружений, как печи-каменки на соседнем Тайманово абидненцы не могли. Также появление глинобитных печей могло бы свидетельствовать о каком-то новом культурном импульсе, если бы не единичный случай.

МОГИЛЬНИКИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э. МОГИЛЕВСКОГО И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ. ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Могильники первой половины I тыс. н. э. в Могилевском и Гомельском Поднепровье представлены грунтовыми погребениями по обряду кремации. Погребений, относящихся к первой четверти I тыс. н. э., известно немного: на Днепре – погребения в Чаплинском могильнике (86 погребений), часть погребений на Горшковском могильнике (всего изучено 67 погребений); могильник Юрковичи на Соже (19 погребений). В последние годы после продолжительного перерыва возобновились раскопки на Горошковском могильнике, однако результаты исследований опубликованы не полностью [61, с. 5–19; 62, с. 173–181]. Гораздо лучше изучены погребальные памятники второй четверти I тыс. н. э. – могильники Абидня (11 погребений), Тайманово (202 погребения), Новый Быхов (41 погребение – опубликовано, всего изучено 119 погребений), Нижняя Тощица (12 погребений), Красная Зорька (2 погребения); разрушенный могильник Симоновичи. Известны также ритуальные погребения (Абидня, Тайманово, Дедново).

Погребальные памятники, относящиеся к первой четверти I тыс. н. э. в Могилевском и Гомельском Поднепровье, представлены, прежде всего, частью захоронений в Чаплинском могильнике. Раскопки на Чаплинском могильнике производил Ю. В. Кухаренко – 44 погребения, 238 погребений изучил Л. Д. Поболь [249, с. 60]. Всего в Чаплине изучено 282 погребения, из них к раннеримскому периоду относится 86 погребений (табл. 11). Это только те погребения, в которых имеются датирующие вещи. Фактически погребений, относящихся к раннеримскому времени, больше, но мы будем рассматривать только погребения, достоверно относящиеся к этому периоду. Погребения в этот период совершались в удлиненных ямах, из 62 погребений, совершенных в округлых ямах, только пять относятся к раннеримскому периоду. Удлиненные ямы ориентированы вдоль Днепра, как правило, с северо-запада на юго-восток, иногда с некоторыми отклонениями.

Мощность слоя погребения 0,2–0,6 м, в большинстве случаев 0,2–0,3 м. Кости в погребениях чаще всего очищенные, хотя в количественном отношении разница небольшая (в 28 (32,5 %) погребениях кости очищенные, в 24 (27,9 %) – кости неочищенные, в остальных 34 (39,5 %) погребениях точно установить степень очищенности костей не представляется возможным).

В. В. Пилипцевич подчеркнул, что для верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, по материалам могильника Чаплин, характерно преобладание очищенных костей в погребениях [234, с. 17]. Следует отметить, что еще Ю. В. Кухаренко указывал на Чаплин как могильник с самым высоким показателем погребений с остатками костра среди зарубинецких могильников – 12,5 % [171, с. 16]. Правда, он не упомянул, к какому периоду существования могильника относятся такие погребения. Ю. В. Кухаренко указывал на могильник Гриневичи Вельки (Побужье) – 94,1 %, поскольку он имел более высокий показатель погребений с остатками костра [171, с. 16], который он датирует II в. [171, с. 52], в то время как конец зарубинецкой культуры в Припятском Полесье приходится на 40–70-е гг. I в. [149, с. 128–140]. В настоящее время могильник Гриневичи Вельки одни исследователи относят преимущественно к пшеворской культуре и датируют серединой I – серединой III в., в то же время отмечая присутствие других культурных компонентов, в том числе и зарубинецких [323, s. 17–59]. Преобладание погребений с остатками костра вызывает сомнение в принадлежности могильника к пшеворской культуре у других исследователей, для которой характерны как раз очищенные кости в погребениях. Могильник Гриневичи Вельки наряду с могильниками Красносельский 5, Тростяница, Радость они относят к особой группе западнобалтской культуры и датируют I–II вв. [205, с. 160–161]. Не исключено, что способ захоронения сожжений с остаками костра проник в Верхнее Поднепровье в начале I тыс. н. э. именно с этих территорий.

Характер размещения костей в погребениях различный. Помимо рассыпанных костей по дну ямы (22 погребений – 25,6 %), что, по мнению исследователей, является поздним явлением в погребальном обряде зарубинецких племен [234, с. 19], кости находились в скоплении, чаще всего в центре ямы (23 погребения – 26,7 %), а также в нескольких скоплениях, как правило, в двух других частях ямы (23 погребения – 26,7 %). Известны скопления костей в центре и других частях ямы (9 погребений – 10,5 %). Встречаются смешанные погребения, когда кости рассыпаны по дну ямы и в центре находится скопление (4 погребения – 4,6 %). Иногда с очищенными костями помещали золу из погребального костра с мелкими косточками (2 погребения – 2,3 %). В погребении № 143 кости были рассыпаны в центральной и юго-восточной частях, также около десятка костей находились в погребальном сосуде. Это единственный случай в Чаплине смешанного ямно-урнового погребения. Как правило, погребения в Чаплине единичные, за исключением нескольких (погребение № 128 – взрослый, ребенок; № 129 – взрослый, подросток).

Таким образом, для раннеримского периода на могильнике Чаплин характерны погребения как с очищенными (28), так и неочищенными (24) костями с некоторым преобладанием первых. Однако присутствие значительного количества погребений (34), где степень очищенности костей не опреде-

лена, не позволяет однозначно решить этот вопрос. Наиболее характерными элементами погребальной обрядности было размещение очищенных и неочищенных костей в скоплении в центральной части ямы (23), в двух скоплениях в разных частях ямы (23), а также рассыпание костей по дну ямы (22). Все погребения ямные, совершенные на стороне.

В керамический набор, как правило, входила миска, изредка две миски (погребение № 152). Горшки не всегда присутствовали в погребальном ассортименте. Миски обычно наклонены набок, ориентировка наклона различная. Всего в Чаплине миски отсутствуют в 71 погребении. Как известно, Л. Д. Поболь хронологически весь чаплинский могильник разделил на три стадии. Судя по данным сводных таблиц [249, с. 208–218], к первой стадии относилось 8 погребений без мисок, ко второй стадии – 16 погребений, к третьей стадии – 23 погребения. Таким образом, количество погребений без мисок увеличивалось к концу существования могильника. Из 86 погребений, отнесенных нами к раннеримскому времени, миски отсутствовали в 12 погребениях. Из этих погребений в четырех (№ 13, 42, 71, 171) в погребальный набор входили подковообразные фибулы, а лощеная посуда отсутствовала, в шести случаях (погребения № 47, 133, 181, 227, 229, 253) присутствовали фибулы позднелатенской схемы, в погребении № 223 выявлен топор-кельт, в погребении № 232 – копье. Можно предположить, что эти погребения без мисок являются одними из самых поздних в могильнике.

Чаплинские погребения с подковообразными фибулами относятся к раннеримскому периоду. Железные и в единичных случаях бронзовые (погребения № 13, 125, 129) подковообразные фибулы достаточно широко представлены в Чаплине (в 38 погребениях из 282) [249, с. 60–205]. Подковообразные фибулы в Чаплине встречены в ряде случаев вместе со среднелатенскими (погребения № 55, 117) и позднелатенскими фибулами (погребения № 33, 129, 131, 163, 222) [249, с. 74, 75, рис. 20: 12, 13; с. 122, 124, рис. 41: 11, 12, 15; 122, 126, рис. 41: 18, 20; с. 172, 174, 175, рис. 62: 3, 7], железными копьями и дротиками (погребения № 70, 99, 125, 261) [249, с. 90, 92, рис. 28: 12, 13; с. 104, 107, рис. 35: 6, 7; с. 120, 121, рис. 40: 20, 22; с. 194, 195, 197, рис. 70: 2, 3] и топорами-кельтами (погребение № 244) [249, с. 184, 186, 187, рис. 67: 2, 3]. В погребении № 184 копье найдено вместе с ножом с горбатой спинкой и бронзовой рукоятью [249, с. 155, 156, рис. 55: 8]. Относительно погребений № 55 и 117 есть сомнения. В погребении № 55 найден фрагмент железной фибулы (игла с витками), однако отнести ее к среднелатенской схеме – спорно. Что касается погребения № 117, то следует согласиться с ранее высказанным мнением: в данном случае мы имеем дело с двумя перекрывающими друг друга погребениями, одно из которых (с четырьмя среднелатенскими фибулами) является более ранним, подковообразная фибула, возможно, связана с более поздним погребением [233, с. 137]. Чаплинские погребения с под-

ковообразными фибулами В. В. Пилипцевич относит к пятому заключительному этапу зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье и также датирует раннеримским временем – 40–100 гг. [233, с. 138].

К сожалению, типология и датировка подковообразных фибул на памятниках Восточной Европы не разработаны. На территории Беларуси подковообразные фибулы встречаются на городищах культуры штрихованной керамики (Малышки, Горани), где датируются I в. до н. э. – II в. н. э. [205, с. 51]. Они достаточно широко представлены к востоку от современной территории Беларуси. По мнению В. В. Пилипцевич, они являются характерной чертой восточных культур рубежа н. э. – первых веков н. э. [235, с. 92]. В Западной Европе, в том числе на Британских островах, бытование подковообразных фибул, аналогичных по форме чаплинским (группы C и D по А. Буч), также относится к I – началу II в. [328, p. 34, 35, 145, 147]. В Чаплине преобладают фибулы типа C (I – начало II в.) [328, p. 145]. Таким образом, распространение подковообразных фибул ранних типов на территории Европы происходило примерно в одно и то же время – рубеж н. э. – I в. н. э. В Западной Европе были распространены различные варианты кольцевых (подковообразных) фибул с закатанными концами, особенно мантийская фибула (ромбическая железная форма прута, форма 1b) [339, s. 333–400]. В Белорусском Поднепровье выявлен только вариант с круглым сечением прута (форма 3) [339, s. 334, abb. 1: 7]. Фибула с круглым сечением прута в Западной Европе (тип 8.1.2 – 2990 по Е. Риха) встречалась с середины I до начала II в. [362, s. 177, taf. 47].

Позднелатенские фибулы в Чаплине представлены в основном железными, изредка бронзовыми рамчатыми и одночленными «воинскими» фибулами со сплошным приемником. Всего позднелатенские фибулы найдены в 46 погребениях. Среди «воинских» фибул в ряде случаев (погребения № 192, 229) выявлены поздние «почепские» варианты с отверстиями в приемнике [249, с. 192–194, рис. 56: 3; с. 177–178, рис. 63: 2], причем они найдены вместе с обычными «воинскими» фибулами. В Поднепровье такие фибулы бытовали в I в. до н. э. – I в. н. э. [27, с. 22–23, табл. 3: 12; 4: 3–5, 10–11]. Такие фибулы встречаются в пшеворских древностях в I в. н. э. (погребение № 131 Каменчик) [334, s. 35, taf. LXIX: 1]. В погребении № 152 вместе с железным копьем найдена рамчатая фибула с «клещевидной» головкой [249, с. 137, 140–141, рис. 47: 12]. Датировка такой фибулы – также I в. н. э. Изредка встречаются прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой верхнеднепровской серии (погребения № 25, 58) – датировка по А. К. Амброзу – I в. н. э., также проволочные фибулы с подогнутой ножкой, вариант I (погребение № 56) [27, с. 22–23, 48, табл. 9: 1–3; 11: 1–2]. В любом случае время бытования этих фибул не старше I в. н. э., возможно, начала II в. н. э.

Топор-кельт из погребения № 244 могильника Чаплин имеет длину 13 см, ширину лезвия 4,8 см, прямоугольное отверстие для рукоятки – 2,8×2,3 см при глубине 7,5 см [249, с. 184, 186]. Ближайшая аналогия чаплинскому топору из погребения № 244 примерно с такими же промерами (13,3–3,7–2,4× ×2,5–6,2 см) – топор-кельт из городища культуры штрихованной керамики Городище, где он датируется I–II вв. н. э. [205, с. 73–74]. Топоры-кельты аналогичной формы и близких размеров с прямоугольной втулкой выявлены еще в двух чаплинских погребениях (№ 223 и 236) [249, с. 169, рис. 60: 21, с. 174; с. 180, 183, рис. 65: 2]. Топор-кельт с четырехугольной втулкой найден в погребении № 42 могильника Горошков, его длина 15,5 см, ширина 5,3 см, размеры отверстия для рукояти 4,0×4,4–9,0 см [62, с. 179]. В пшеворских древностях такие топоры-кельты встречаются в раннеримских комплексах (B1) (погребение № 312, Каменчик) [334, s. 272, taf. CXLII: 6].

Копье из погребения № 232 имеет длину 26 см, длина пера 7,5 см, ширина пера 4 см, копье найдено вместе с кремневым отщепом [249, с. 179, рис. 63: 10]. Погребения с оружием Чаплинского могильника (копья, дротики, топор-кельт) В. В. Пилипцевич относит к раннеримскому времени (40–100 гг.). К этому же периоду (5-я заключительная стадия существования зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье) она относит и погребения с подковообразными фибулами [233, с. 134–143]. Таким образом, все погребения с оружием и подковообразными фибулами (50 погребений) в Чаплине относятся к I – началу II в. н. э. Захоронения с оружием, подковообразными фибулами, позднелатенскими типами фибул и без мисок в погребальном ассортименте могут относиться ко второй половине I – началу II в. Погребения с оружием связаны с влиянием пшеворской культуры.

По стеклянным бусам Л. Д. Поболь к третьей (поздней) стадии могильника также отнес 5 погребений (№ 115, 129, 133, 143, 253) [249, с. 221–222], одно из которых (№ 129) с подковообразной фибулой, остальные – с фибулами поздних типов. Таким образом, самые поздние погребения в Чаплине не старше конца I, возможно, начала II в.

Очевидно, к рубежу – началу первой четверти I тыс. н. э. относится погребение № 5 на могильнике в Горошкове (раскопки О. Н. Мельниковской 1958 г.), в котором помимо других вещей находился железный наконечник копья, железная среднелатенская фибула с треугольным щитком, железная подковообразная фибула [207, с. 195–205; 249, с. 45]. В последние годы раскопки на Горшковском могильнике проводит А. А. Дробушевский и Л. С. Воротинская. По данным на 2019 г., ими изучено 62 погребения, всего исследовано 67 погребений [61, с. 5–19; 62, с. 173–181]. Есть сведения, что изучено более 100 погребений. Подробно опубликованы результаты только раскопок 2014 г. [61, с. 5–19]. В 2014 г. ими было изучено 9 погребений (№ 6–14). Из 9 по-

гребений 4, судя по инвентарю, относятся к раннеримскому времени – № 6, 7, 9, 13. Все погребения ямные, форма ям овальная, кости рассыпаны по всей яме, наибольшая концентрация наблюдается ближе к центру.

Исследователи отмечают, что кости очищены от остатков костра [61, с. 16]. В то же время в описании погребений указывается, что кости лежали вперемешку с песком и углями [61, с. 8–12]. Интерес представляет погребение № 13 – явно инородное, очевидно, иноземного воина. В погребальный инвентарь входил наконечник железного копья, воткнутый острием вниз, что характерно для пшеворской культуры, а также железная «воинская» фибула с прогнутым корпусом западноевропейского происхождения. Похожая фибула была найдена на городище Малышки. А. М. Медведев датирует ее второй половиной I в. н. э. [205, с. 51, рис. 2.34: 3]. Близкие по форме фибулы (тип 1.5 по Е. Риха) бытовали в Западной Европе в 75–100 гг. [362, s. 56, tabel. 11]. Погребение № 50, в котором выявлена только перевернутая верх дном миска, без кальцинированных костей, исследователи могильника интерпретировали как погребение-кенотаф [62, с. 176]. Погребальный инвентарь представлен в основном мисками, только в одном случае найден горшок (погребение № 65), копьями, бронзовыми и железными позднелатенскими фибулами, подковообразными фибулами, топором-кельтом, также присутствуют железные ножи, изредка бусы. В Горошкове железные копья, как и в Чаплине, находили вместе с подковообразными фибулами (погребения № 5, 7, 9) и позднелатенскими фибулами (погребение № 13). Всего в Горошкове найдено 10 подковообразных фибул в 9 погребениях и 10 позднелатенских фибул в 8 погребениях [62, с. 178]. Таким образом, судя по характеру погребений и инвентарю, могильник в Горошкове аналогичен могильнику в Чаплине.

Примерно этим же временем (I – началом II в.) датируется второй поднепровский могильник – Юрковичи в Посожье. Правда, автор раскопок датирует его несколько шире – I в. до н. э. – I в. н. э. [81, с. 123]. Ряд погребальных комплексов юрковичского могильника близок к поздним чаплинским комплексам. В частности, в состав погребения № 2 входили наконечник копья и фрагментированная железная подковообразная фибула [81, с. 122, рис. 3: 8, 17]. Правда, длина копья, в том числе длина пера, значительно больше, чем чаплинские аналоги. В погребении № 11 вместе с глазчатой бусиной найден большой железный нож с изогнутой спинкой (длина около 30 см) с остатками костяной рукояти [81, с. 122, рис. 4: 6, 11], в Чаплине в погребении № 184 вместе с копьем также найден нож с изогнутой спинкой с бронзовой рукоятью меньших размеров. Железный нож с изогнутой спинкой вместе с копьем и позднелатенской фибулой происходит из инородного горошковского погребения № 13 [61, с. 12, рис. 6]. Железная фибула с рамчатым приемником из погребения № 8 могильника Юрковичи имеет многочисленные аналогии среди пшеворских древностей [334].

В качестве отличительных особенностей Юрковичского могильника (табл. 12) по отношению к Чаплину А. А. Дробушевский выделяет полное отсутствие лощеной посуды, в ассортименте – отсутствие мисок [81, с. 57]. Эти отличия он объясняет принадлежностью к различным группам зарубинецкого населения. Могильник Юрковичи он относит к чечерской группе зарубинецкой культуры [81, с. 123; 86, с. 57]. Своеобразие Юрковичского могильника позволило, в частности, некоторым исследователям исключить Юрковичский могильник из круга зарубинецких древностей [233, с. 138], с чем, собственно, автор раскопок не согласен [86, с. 56–57]. Этнографические отличия юрковичских погребений от поздних чаплинских погребений объясняются рядом причин. Прежде всего, территориальное расположение Юрковичского могильника ближе к ареалу юхновской культуры и, следовательно, ощущается более сильное ее влияние. Но основное отличие, на наш взгляд, заключается в том, что эти памятники оставило разное население. Несомненно, население зарубинецкого облика, населявшее поднепровские земли выше впадения Березины в Днепр (типа Кистени), являлось потомками верхнеднепровского зарубинецкого населения, которое уже впитало местные традиции предшествующего населения (типа Чаплин).

Расселяясь вверх вдоль Днепра и его притоков, зарубинецкое население типа Чаплин, соответственно, впитывало традиции того населения, с которым ему приходилось контактировать, причем это население было разным. Если население, которое расселялось вверх вдоль Днепра и Березины, контактировало в основном с племенами культуры штрихованной керамики (типа Кистени), то влияние культуры штрихованной керамики на население зарубинецкого облика, которое осваивало Посожье (типа Чечерск), было значительно слабее. Юрковичский могильник относится к кругу памятников типа Чечерск, которые сформировались в результате смешения традиций чаплинских зарубинцев с традициями местного населения (юхновского, днепро-двинского), частично культуры штрихованной керамики. Своеобразие Юрковичского могильника заключается, на наш взгляд, в несинхронности существования этих могильников. Начало функционирования Юрковичского могильника следует относить не к началу н. э., а ко второй половине I в. н. э. Именно к этому периоду в Чаплинском могильнике относятся погребения без мисок.

Согласно погребальному обряду, постзарубинецкое население Могилевского и Гомельского Поднепровья продолжало традиции предшественников: осуществлялись грунтовые захоронения в ямах по обряду кремации. В Чаплине это в основном удлиненные погребальные ямы, ориентированные преимущественно вдоль реки, только в пяти случаях (5,8 %) зафиксированы круглые ямы. В Горошкове также, очевидно, доминируют удлиненные ямы [62, с. 175]. В Юрковичах примерно поровну – 10 погребений совершено в удлиненных ямах и 9 погребений – в округлых ямах [81, с. 121]. Во всех

случаях кремация совершалась на стороне. Кости в Юрковичском могильнике преимущественно неочищенные – 15 погребений (78,9 %), в 4 погребениях (21 %) степень очищенности костей не определена. Решить однозначно вопрос о степени очищенности костей для раннеримских погребений Чаплинского могильника, как было отмечено выше, не представляется возможным, хотя, очевидно, намечается тенденция в сторону преобладания неочищенных костей. Трудно однозначно определить степень очищенности костей Горошковского могильника. В одном случае исследователи пишут, что кости очищены от остатков погребального костра [61, с. 16], в то же время в описании самих погребений указывается, что нередко кости были перемешаны с углями [61, с. 8–12].

Очевидно, в Горошкове можно предположить ситуацию, аналогичную для Чаплинского могильника. В Чаплинском могильнике кости размещались на дне ямы в скоплении, чаще в одном, иногда в нескольких, в ряде случаев (22 погребения – 25,6 %) кости рассыпаны по дну ямы. В Горошкове кости рассыпаны по всему заполнению могильной ямы, часто образуя скопления. В Юрковичском могильнике кости также нередко рассыпаны по яме (6 погребений – 31,6 %), в единичных случаях (2 погребения – 10,5 %) отмечены скопления в различных частях ямы. Чаще всего погребения индивидуальные, иногда отмечены в одной яме несколько погребений – взрослое и детское (погребения № 128, 129 Чаплин, смешанное погребение № 14 Юрковичи). Парное погребение № 42а и 42б (мужское и женское) выявлено в Горошкове. В Горошкове также известно коллективное (тройное) погребение № 48. Скопления, по-видимому, были характерны и для Юркович, известны также погребения, рассыпанные по дну ямы. В двух случаях в Юрковичах (погребения № 8, 15) зафиксированы сосуды, лежащие на боку, что характерно для зарубинецкого обряда (Чаплин). Однако для Юркович отмечены также особенности погребального обряда, которые неизвестны в Чаплине и Горошкове и, очевидно, свидетельствуют о более позднем возникновении Юрковичского могильника. А. А. Дробушевский определяет их как урновые захоронения (погребения № 8, 17) [86, с. 54]. Хотя, скорее всего, речь идет о смешанных погребениях (погребения № 8, 14, 17) [81, с. 119–129].

Смешанные захоронения – захоронения в яме и урне. Такой обряд погребения не характерен для Белорусского Поднепровья в первой четверти I тыс. н. э. и получает распространение уже в могильниках второй четверти I тыс. н. э. (Тайманово, Нижняя Тощица). Возможное смешанное захоронение в Чаплине – погребение № 143. Поздней традицией является, по-видимому, переворачивание урны вверх дном (погребение № 17). Такой обычай встречен на могильниках Белорусского Поднепровья второй четверти – середины I тыс. н. э. – Нижняя Тощица (урновое погребение № 8) и Новый Быхов (урновое погребение № 1) [251, с. 169, 178].

Присутствие смешанных погребений указывает на более позднее время бытования Юрковичского могильника по сравнению с Чаплинским могильником. К сожалению, Юрковичский могильник – единственный погребальный памятник внутри чечерской группы, и сопоставлять его не с чем. Однако определенные отличия Чаплинского, Горошковского и Юрковичского могильников налицо (отсутствие лощеной посуды и мисок в погребальном инвентаре, присутствие смешанных погребений). Наличие данных отличий, с одной стороны, указывает на влияние разных групп населения на погребальные традиции племен, которые оставили эти могильники. С другой стороны, свидетельствует о более поздней верхней границе бытования Юрковичского могильника: самые поздние погребения в Чаплине и Горошкове не выходят за рамки I в. н. э., в то время как использование Юрковичского могильника, скорее всего, переходит на II в. Несинхронна и нижняя граница существования могильников: могильник Юрковичи возник позднее Чаплинского и Горшковского могильников (вторая половина I в. н. э.).

Могильники второй четверти I тыс. н. э. в Могилевском и Гомельском Поднепровье, как было отмечено выше, представлены гораздо более широко. Особенно следует отметить могильник Тайманово (раскопки Л. Д. Поболя). Материалы таймановского могильника вносят весомый вклад в изучение погребальной обрядности населения III–V вв. Белорусского Поднепровья. Это крупнейший изученный могильник, насчитывающий 202 вскрытых погребения (табл. 15) (рис. 23–36). Захоронения осуществлялись по обряду кремации, совершенной на стороне, преимущественно в ямах. Выявлены округлые (71 %) и удлиненные (28 %) погребальные ямы. Кости чаще всего находились в заполнении ямы, также в 36 погребениях (18 %) кости рассыпаны по дну ямы. Отмечены скопления костей в захоронениях: в 9 погребениях – скопления в центре ямы, в одном погребении – скопления в центре и другой части ямы, в 16 погребениях – в других частях ямы (от одного до трех скоплений). В целом, размещение костей в скоплении в ямных захоронениях составляет 13 %. Размещение кремированных костей в скоплениях характерно для раннеримского времени (по материалам Чаплинского и Горошковского могильников). Встречаются скопления золы и углей, расположенные отдельно от костей (6 погребений). Погребения, как правило, были одиночные. Только в одном случае отмечено групповое ямное захоронение (погребение № 116 – взрослый и ребенок).

В Тайманово также изучены смешанные (в урне и в заполнении ямы) – 16 погребений (7,9 %) и урновые – 6 погребений (около 3 %). В одном из смешанных погребений (№ 106) урна накрыта горшком. У А. И. Сербова на могильнике Новый Быхов также упоминаются погребальные урны, перекрытые большими горшками [251, с. 161]. На могильнике Нижняя Тощица также погребальная урна в смешанном погребении № 1 покрыта сверху днищем

другого сосуда [251, с. 178]. В двух смешанных погребениях (№ 23, 157) и одном ямном (№ 58) горшки лежали на боку. Обычай класть погребальные сосуды на бок является пережитком традиции верхнеднепровских зарубинцев. В частности, в Чаплине эта традиция зафиксирована в большинстве погребений. Не исключено, что погребения № 23, 157 являются самыми ранними среди смешанных погребений на территории таймановского могильника. Тем более, кости и в яме, и в урне в этих погребениях не очищены от остатков погребального костра, что также может указывать на их раннее происхождение. Смешанные и урновые погребения относятся к среднему и позднему периодам существования могильника. По-видимому, смешанные захоронения предшествовали урновым.

В ямных погребениях кости обычно не очищены от остатков погребального костра, хотя не редкость, когда кости очищены – 32 погребения. В урны чаще всего ссыпали уже очищенные кости, иногда встречаются неочищенные кости (погребение № 9). Среди погребений таймановского могильника на долю с неочищенными от погребального костра костями приходится 57,5 % (116 погребений), очищенные кости встречены в 46 погребениях (23 %), в 32 погребениях (16 %) степень очищенности костей неизвестна. Обычно в смешанных погребениях в урне находились очищенные кости, хотя встречаются неочищенные (погребение № 23, 157), в заполнении ямы – неочищенные. Встречаются случаи, когда кости присутствуют только в яме, а погребальная урна пуста (погребение № 106). Как правило, погребения одиночные, хотя среди смешанных погребений встречаются и групповые захоронения (погребения № 89, 100). Погребальный обряд для детей и взрослых был одинаковый.

Погребальный инвентарь крайне беден, преобладают безынвентарные захоронения, особенно это характерно для погребений местных жителей. Большинство погребений было совершено между 220 и 450 гг. Урновые захоронения могли датироваться концом IV – серединой V в. К настоящему времени были опубликованы материалы 176 погребений [257, с. 28–60].

Не опубликованы материалы 25 погребений (№ 178–202), среди которых преобладают ямные погребения с кремацией, кости перемешаны с золой и углями. Выявлено одно урновое захоронение (№ 184), одно смешанное (№ 191). Одно ямное погребение (№ 187) имеет особенность в обрядности – рядом с основным погребением находится маленькая ямка с кремированными костями. Близкая аналогия такому элементу обрядности – ямное погребение № 25 могильника Новый Быхов, где рядом с основным погребением располагались три мелкие ямки с кальцинированными костями [251, с. 170]. Ямные погребения располагались в округлых (10 погребений) и овальных (8 погребений) ямах. Форма погребальной ямы погребения № 194 аморфная, близкая к округлой (1,2×1,15 м). Особенностью данного погребения

является присутствие на дне прослойки жирного смолистого вещества, под прослойкой находились 2 кремированные косточки, над прослойкой – остальные 16 костей. Погребение № 196 разрушено хозяйственной ямой. Погребения № 199–202 также находились в верхней части заполнения заброшенной хозяйственной ямы и их форму проследить не удалось (рис. 36).

Погребальный обряд данных захоронений беден, в основном это немногочисленные обломки керамики. Только в погребении № 197 найден обломок глиняного пряслица, 11 погребений из 25 – безынвентарные. В урновом и смешанном погребениях из инвентаря присутствовали только урны-сосуды. От урны из погребения № 184 сохранилась нижняя часть, частично сохранилась и урна из смешанного погребения № 191. Датировка данных погребений укладывается в общие хронологические рамки бытования могильника. Следует отметить, что урновое погребение № 184 находилось на юго-восточной окраине могильника. Однако в целом не прослеживается какой-либо закономерности в расположении ранних и поздних погребений. Также, очевидно, следует не согласиться с существовавшим ранее мнением, что смешанные погребения бытовали вместе с ямными на протяжении всего времени функционирования могильника [257, с. 28]. На раннем этапе существования могильника смешанные погребения, скорее всего, не практиковались, за исключением отдельных случаев (погребения № 23, 157).

Относительно аналогий и датировки сосудов, выявленных в погребениях могильника Тайманово, имеются определенные поправки. Ранее утверждалось, что горшки из погребений № 5, 17, 35, 39, 100, 106 не имеют аналогий в типологии Л. Д. Поболя и А. В. Ильютик и классификации Р. В. Терпиловского [257, с. 29], что, собственно, не вызывает возражений, однако требует некоторых уточнений. Эти горшки, действительно, имеют более позднее происхождение, чем сосуды из Абидни. Все они, за исключением сосудов из погребений № 35 и 39, встречены в смешанных и урновых погребениях. Смешанные и урновые захоронения не характерны для могильника Абидня. Однако, по-видимому, возможно пересмотреть датировку некоторых из них. В частности, В. В. Пилипцевич находит аналогии посуде из погребений № 5, 17, 35 (рис. 40, *1*, *3*; 41, *1*) в колочинской культуре (тип I по И. В. Зиньковской) [257, с. 29]. На наш взгляд, эти сосуды имеют более раннее происхождение. Все они относятся к типу I, вариант 2 по типологии керамики Тайманово и могут датироваться не позднее конца IV, возможно, самым началом V в. К тому же из погребения № 17 происходит железная пряжка овальной формы (тип В4 по Е. Л. Гороховскому), которая датируется последней четвертью IV – первой четвертью V в. [67, с. 42, 45, рис. 91]. Аналог ребристого горшка из смешанного погребения № 100 (тип II, вариант 4 по типологии керамики Тайманово) (рис. 55), помимо поздних комплексов поселения Обухов II (IV) в Среднем Поднепровье, выявлен на городище третьей

четверти I тыс. н. э. Черкасово в Оршанском Поднепровье [176, с. 186, 208, рис. 22: 1]. Первой половиной V в. датирует горшок из погребения № 100 А. В. Ильютик [141, с. 266; 143, с. 268]. В целом, горшки II типа (биконические сосуды) по типологии Тайманово не характерны для ранних комплексов, большинство из них относятся ко второй половине III – первой половине V в. В Абидне к ребристым относятся только три сосуда [138, с. 22]. К III типу по классификации керамики Тайманово относятся горшки из урнового погребения № 106 (вариант 4) (рис. 60, *4*), ямного погребения № 39 (вариант 5) (рис. 61, *1*). Горшки III типа появляются, скорее всего, ближе к IV в. Такие сосуды неизвестны в Абидне, практически отсутствуют в киевских древностях Среднего Поднепровья и Подесенья.

Остальные горшки могильника Тайманово из ямного погребения № 88, смешанных погребений № 59 (рис. 52, *1*), 72 (рис. 49, *2*), 106 (второй накрывающий горшок) (рис. 59, *2*), 141 (рис. 49, *2*) и урновых погребений № 55 (рис. 56, *1*), 66 (рис. 58, *2*), 71 (рис. 56, *3*), 163 (рис. 44) относятся ко второму и третьему типам классификации керамики Тайманово и датируются IV–V вв. Миниатюрный сосудик из погребения № 88 найден вместе с сильно деформированной в результате действия огня железной пряжкой с бронзовым язычком (рис. 70, *7*), датируемой IV в.

Всего в погребениях могильника Тайманово найдено пять пряжек. Помимо указанных выше урнового погребения № 17 (рис. 70, *10*) и ямного погребения № 88 (рис. 70, *7*), две железные пряжки круглой формы с утолщением передней части выявлены в ямном групповом погребении № 116 (рис. 70, *8–9*), пряжки относятся к концу IV – V вв. [130, с. 80; 112]. Круглая железная пряжка с хоботковидным язычком вместе с долотовидным железным кресалом происходят из ямного погребения № 2 (рис. 70, *14*). Такие пряжки относятся к варианту 18b по типологии Р. Мадыды [353, s. 355, tabl. V: 7, s. 360] и были распространены в позднеримское время D (350–450 гг.) [353, s. 377]. К этому же периоду относится долотовидное кресало (тип Дрезден-Добритц/Жерники Вельки) [367, s. 65–82].

III в. датируется комплекс ямного погребения № 156, где была найдена синяя четырнадцатигранная бусина (рис. 83, *14*) вместе фрагментом костяного гребня (рис. 69, *5*). Бусина относится к позднеримскому времени C2 (260–310 гг.) (тип 126–128 по М. Темпельманн-Манчиньской), хотя такие бусы могли бытовать как раньше – C1b (220–260 гг.), так и позднее – до 450 г. (период D) [372, tabelle 8, s. 95]. Вместе с бусиной в погребении найден кусок сплавившейся стекловидной массы синего цвета, который свидетельствует о присутствии ожерелья из синих бус. Обломок костяного гребня очень трудно увязать с каким-то типом из-за его фрагментарности. Внешне он похож на фрагмент одночастного гребня. Хотя некоторые исследователи видят в нем

обломок трехчастного гребня. В Юго-Восточной Европе одночастные гребни появляются во второй половине II – первой четверти III в. (C1a) [188, с. 170]. В Верхнее Поднепровье такие гребни, очевидно, попали несколько позже, на что указывает датировка бусины. Односторонние трехслойные гребни на черняховских памятниках использовались со второй трети III в. до конца IV в. [190, с. 84], что также укладывается в датировку погребения № 156. Погребальный инвентарь погребения – ожерелье из стеклянных бус, костяной гребень не характерен для местного погребального обряда и имеет западное происхождение. Однако единичные инородные погребения, в данном случае это погребение пожилого человека, не меняют общей этнокультурной картины в регионе и не свидетельствуют о проникновении в регион более или менее крупных группировок населения из вельбарско-черняховского ареала.

Таким образом, анализ погребальной обрядности и погребального инвентаря могильника Тайманово подтверждает датировку могильника – III – первая половина V в. [257, с. 30]. Оснований поднимать верхнюю хронологическую планку могильника Тайманово и связывать его с колочинскими древностями наряду с Нижней Тощицей нет [69, с. 10–17]. Самые поздние комплексы, которые действительно можно увязать с раннеколочинским горизонтом (до начала VI в.), связаны с поселением Тайманово. Это комплексы полуземлянки № 26, возможно, полуземлянки № 44, где выявлены наиболее поздние сосуды (тип III, вариант 6 по типологии посуды Тайманово), которые находят прямые аналогии в колочинской посуде (вид I по О. А. Макушникову) [196, с. 219, 221, рис. 1], а также некоторые вещи из культурного слоя (фибулы, бусы и т. д.).

На могильнике Абидня изучено 11 грунтовых погребений (табл. 13). Погребальный обряд практически аналогичен раннему и среднему этапам существования таймановского могильника. Все захоронения произведены в неглубоких ямах округлой, иногда овальной формы. Кремированные кости перемешаны с остатками погребального костра. Погребальный инвентарь беден, около 30 % всех погребений – безынвентарные.

К III в. относится погребение № 3, где найдены крупная бронзовая орнаментированная трапециевидная подвеска, железная посоховидная булавка с круглой головкой ромбического сечения, золоченая бусина (тип 387b по М. Темпельманн-Мачинской) и обломок биконического пряслица с большим отверстием [258, с. 61, рис. 2]. Крупные, богато орнаментированные трапециевидные подвески, как полагают А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский, могут входить в круг «изделий с выемчатой эмалью» [227, с. 119], с чем можно согласиться. Булавки с верхней частью круглой формы из стержня ромбической, реже круглой формы, по мнению А. М. Медведева, относятся ко II–III вв. [202, с. 193].

Этим же временем датируются и горшки из абидненских погребений № 2, 6, 7, 8. К числу наиболее ранних относятся горшки из погребений № 2, 6 (тип 1.2.S.2 по типологии А. В. Ильютик, тип I по типологии керамики Тайманово). В погребении № 2 найден также кремневый скребок. А. В. Ильютик полагает, что обычай помещать в захоронение кремневые орудия или отщепы характерен для раннего этапа культуры (конец II – III вв.) [141, с. 281; 143, с. 283]. Следует отметить, что обычай помещать кремневые изделия в погребения известен у верхнеднепровских зарубинцев. Так, в могильнике Чаплин находки кремневых изделий известны в 18 погребениях [249, с. 218], из них в 7 погребениях, относящихся к раннеримскому времени. Отмечен он в 5 погребениях могильника Новый Быхов (№ 5, 16, 19, 29, 33), погребении № 30 – обожженный камень, который, по-видимому, выполнял те же ритуальные функции, что и кремень [251, с. 169–171]. В то же время обычай класть в погребение кремневое изделие иногда встречается позднее, в колочинских захоронениях Курского Посемья (Княжий, Лебяжье-1, Картамышево-2) [177, с. 139, 140, 147].

Горшки из погребений № 7 и 8 могильника Абидня (тип 3.2 по классификации посуды Абидни, тип II по типологии керамики Тайманово) имеют более позднее происхождение. Такая керамика типична для III в., причем преобладает в середине – второй половине III в. В частности, аналогия горшку с оттянутым ребром из погребения № 7 присутствует в керамическом комплексе поселения Лавриков Лес (Среднее Поднепровье) – вторая половина III – первая половина IV вв. [294, рис. 39: 25].

Таким образом, время существования могильника Абидня, как и поселения, – конец II – III вв., возможно, первая четверть IV в.

Грунтовый могильник у д. Нижняя Тощица исследован Л. Д. Поболем в 1962–1963 гг. Изучено 12 погребений [251, с. 174–180]. По характеру погребальной обрядности этот могильник наиболее близок к могильнику Тайманово. Преобладает круглая форма погребальных ям (9 погребений), овальная форма зафиксирована для трех погребений. Четыре погребения относились к ямным, четыре – к смешанным, четыре – к урновым погребениям (табл. 15). Среди ямных погребений в трех захоронениях кости не очищены от пепла, в одном – очищены (погребение № 7). В трех смешанных погребениях в урнах кости очищены от следов сожжения, возле урн – перемешаны с остатками погребального костра. В одном смешанном захоронении (погребение № 1) кости в урне, накрытой днищем другого горшка, и в яме были очищены. В трех урновых погребениях кости были очищены от следов сожжения, в одном (погребение № 8) перемешаны с углями и пеплом, урна перевернута. Обычай накрывать урну другим сосудом отмечен в могильнике Тайманово (погребение № 106). Обычай переворачивать урну вверх дном зафиксирован на могильнике Новый Быхов (погребение № 1), правда, кости в данном

погребении очищены от золы. Из более ранних материалов – погребение № 17 в Юрковичах. Размещение кремированных костей в яме различное. Кости могли быть рассыпаны по яме (погребение № 1) либо находились в скоплениях в различных местах ямы (погребение № 5, 9).

К сожалению, в погребениях отсутствует датирующий материал, найдено только глиняное пряслице. Из восьми погребальных урн могильника Нижняя Тощица полные профили удалось восстановить только у трех урн. Все они хронологически укладываются в III – IV вв., с заходом на первую половину V в. К числу одних из наиболее поздних относится урна из погребения № 1 (тип 3.2 по А. В. Ильютик, тип II.2 для керамики Тайманово). Следует отметить, что горшки типа II.2 не характерны для ранних комплексов Тайманово и практически не встречаются в Абидне. На более позднюю дату погребения № 1 косвенно указывает обычай накрывать урну сверху другим сосудом. Этот обычай, как было упомянуто выше, отмечен в погребении № 106 могильника Тайманово. Урны из этого погребения относятся к наиболее позднему типу III для керамики Тайманово. Горшки этого типа отсутствуют в керамическом комплексе Абидня. В классификации Р. В. Терпиловского некоторые из них присутствуют только на заключительном этапе киевской культуры. Урны из погребений № 4, 8 датируются III–V вв. (типы 1.2 и 2.1 для керамики Абидни, тип I.2 для керамики Тайманово). Самым поздним из них является горшок из урнового погребения № 8, по времени синхронного с погребением № 1. А. В. Ильютик полагает, что погребение № 8 не выходит за рамки V в. [141, с. 259, 266; 143, с. 261, 268].

Грунтовый могильник у д. Новый Быхов в первой половине XX в. изучали вначале Е. Р. Романов, затем – А. И. Сербов, в 1952 г. – Ю. В. Кухаренко, в 1960-е гг. – Л. Д. Поболь [251, с. 160–173]. Подробно опубликовано 41 исследованное погребение (табл. 16), из них только три урновые, остальные ямные погребения (8 погребений изучил Ю. В. Кухаренко, 33 погребения – Л. Д. Поболь). Работы Е. Р. Романова опубликованы в краткой форме [273, с. 126]. В 1904 г. Е. Р. Романов на месте могильника обнаружил византийскую свинцовую пломбу VIII в. Раскопки И. А. Сербова не опубликованы. Им в 1925–1927 гг. изучено 72 грунтовых погребения, выявлено 8 урн [253, с. 394–395].

Могильник Новый Быхов синхронен могильникам Тайманово и Нижняя Тощица, верхняя граница его бытования в основном не выходит за рамки V в. На это указывает, в частности, радиоуглеродная дата погребения № 35 (IV в.) [251, с. 171]. Правда, эта дата неоткалибрована. В целом, погребальный обряд типичен для верхнеднепровских могильников. Преобладают грунтовые сожжения в округлых ямах. Кости, как правило, не очищены и перемешаны с остатками погребального костра. Кости рассыпаны по дну ямы, только в отдельных случаях зафиксированы скопления в разных частях погребальной ямы (погребения № 9, 22), также отмечены скопления золы и угля (погре-

бения № 13, 38, 39). Среди изученных захоронений к урновым относятся три погребения (погребения № 1, 32, 36). Кости в урновых захоронениях очищены от остатков погребального костра. В погребении № 1 кости были накрыты перевернутым ребристым горшком с широкой горловиной. Такой обычай не характерен для одновременных верхнеднепровских могильников. В частности, такой элемент обрядности встречен на могильнике Нижняя Тощица в погребении № 8 [251, с. 178], а также на более раннем могильнике Юрковичи (Посожье), погребение № 17 [81, с. 120]. Сам горшок не имеет аналогий среди керамического комплекса второй четверти I тыс. н. э. Ближайшая аналогия выявлена в колочинском керамическом комплексе (тип V по О. А. Макушникову) [196, с. 219, 221, рис. 1]. А. В. Ильютик считает погребение № 1 из Нового Быхова более поздним и датирует его V в. [141, с. 268; 143, с. 270]. К числу наиболее ранних относится ямное погребение № 20. В погребении найден лежащий на боку горшок стройных пропорций с расширением в верхней части высоты (тип I2 для керамики Тайманово). Такие горшки широко представлены в керамических комплексах Абидни, Тайманово, встречены в Нижней Тощице. Датируются III–IV вв., но особенно характерны для III в. Обычай помещать погребальный горшок в наклонном положении – пережиток зарубинецкой погребальной традиции, известен также в Тайманово.

Концом III – V вв. можно датировать урновое погребение № 36, в погребении найдена раздавленная урна (тип II1 для керамики Тайманово, тип II2в по Р. В. Терпиловскому). Примерно также датирует это погребение А. В. Ильютик [141, с. 264; 143, с. 266]. Такая керамика редко встречается в Абидне, в киевской культуре Среднего Поднепровья и Подесенья наиболее характерна для заключительного этапа культуры [295, с. 40]. Более позднюю дату (IV–V вв.) имеет урновое погребение № 32. В погребении был найден горшок-урна (тип III1 для керамики Тайманово) с очищенными от золы костями. Горшки III типа отсутствуют в керамическом комплексе Абидни, в классификации Р. В. Терпиловского некоторые из них присутствуют только на заключительном этапе киевской культуры. Известны также три горшка из раскопок Е. Р. Романова и И. А. Сербова [251, с. 163, рис. 1: 1, 8, 9]. Один ребристый горшок из раскопок Е. Р. Романова Л. Д. Поболь выявил в фондах Вильнюсского музея [251, с. 161, рис. 3: 1]. Ближайшая аналогия этому горшку – сосуд из смешанного погребения № 100 Тайманово (тип II4 по классификации посуды Тайманово). Большинство сосудов II типа относится ко второй половине III – первой половине V в. Два других биконических горшка происходят предположительно из раскопок И. А. Сербова [251, с. 163, рис. № 6, 8, 9]. А. В. Ильютик, рассматривая материалы могильника Новый Быхов, не учитывала данные сосуды на основании сомнительного их происхождения [141, с. 255; 143, с. 257]. На наш взгляд, основная причина не рас-

сматривать данные сосуды – их явное «колочинское» происхождение (тип III по классификации О. А. Макушникова). Данный тип является ведущим типом в колочинском керамическом комплексе [196, с. 219]. Погребение № 1, горшки И. А. Сербова – несомненный колочинский элемент, который бытование могильника выводит за рамки V в. Таким образом, основное время существования могильника Новый Быхов – вторая четверть I тыс. н. э., однако он продолжал использоваться некоторое время и в третьей четверти I тыс. н. э.

Разрушенный могильник с захоронениями кремированных останков в неглубоких ямах выявлен вблизи поселения Симоновичи [88, с. 10]. Из погребального инвентаря найдены только мелкие обломки керамических сосудов и кремневый отщеп.

Своеобразные погребальные памятники исследованы А. В. Ильютик на поселении Дедново (19 объектов). Они представляли собой ямы, плотно упакованные камнями, среди которых выявлены обломки керамических сосудов и кальцинированные косточки. Кремированные косточки выявлены в 14 из 19 объектов, в остальных погребениях кости не сохранились. Как правило, в верхней части заполнения ямы отмечен слой угля и золы. Погребения датируются по железной фибуле второй – третьей четвертью III в. [135, с. 49–70; 141, с. 274–275; 143, с. 276–277].

Аналогичные погребальные объекты также выявлены в Абидне (не менее 120 объектов) [141, с. 274–278; 143, с. 277–280] и Тайманово (17 объектов). В Абидне подобные сооружения выявлены на территории поселения рядом или между жилищами, в скоплении либо по одному-двум объектам. Кальцинированные косточки в их заполнении не упоминаются. Л. Д. Поболь связывал подобные каменные очаги с наземными постройками. А. В. Ильютик идентифицирует их с поминальниками, аналогичными дедновским [141, с. 278; 143, с. 280].

Особая группа каменных очагов (17 очагов) расположена на территории могильника Тайманово и вблизи него. Они также представляли собой ямы, плотно заполненные камнями вместе с золой и углями, встречаются немногочисленные обломки керамической посуды. Форма очажных ям округлая, реже овальная. Округлая форма очажных ям преобладает также в Дедново и Абидне. В отдельном случае камни находились в верхней части ямы, а внизу отмечено углистое заполнение с развалами вторично обожженных горшков. В таймановских объектах кальцинированных косточек не выявлено. Однако присутствие их на территории могильника не позволяет усомниться в их отношении к погребальной обрядности. По-видимому, они могли выполнять функции символических захоронений.

Подобные каменные очаги изредка встречаются и на соседней территории культуры поздней штрихованной керамики (Городище) [126, с. 69, рис. 17: 5]. А. А. Егорейченко считает, что очаги подобного типа характерны только

для южных территорий ареала культуры [126, с. 71]. Не исключено, что мы имеем дело с прямым заимствованием местным населением культуры поздней штрихованной керамики у соседнего населения культурной общности типа Абидня.

Погребения, отдаленно напоминающие дедновские и таймановские, присутствуют на могильнике Радость в Побужье. Однако камни в заполнении погребальных ям на могильнике Радость встречены спорадически, нередко отмечаются зольно-угольные прослойки в центральной части заполнения [36, с. 244–254]. Скорее всего, на могильнике Радость мы имеем дело с другой погребальной традицией, отличной от традиции Дедново и Тайманово.

Подобные захоронения не выявлены в Среднем Поднепровье и Подесенье. На этой территории отсутствуют смешанные погребения. Встречаются случаи ингумации (Приоскольское-2, Шишино 5) [295, с. 38–40]. Все эти черты отличают погребальный обряд населения культуры Абидня от погребального обряда соседних южных и юго-восточных культур киевского типа.

Следует также остановиться на постройках, выполняющих сакральные функции. Среди таких построек можно отметить полуземлянку № 14 в Тайманово. Полуземлянка расположена на территории могильника, окружена со всех сторон погребениями. Она имела широкий вход с восточной стороны, не содержала отопительного сооружения. Своеобразное сооружение, которое А. В. Ильютик связывает с погребальной обрядностью, выявлено в Абидне [141, с. 278–279; 143, с. 280–281]. Оно представляло собой котлован подпрямоугольной формы с неровными краями, в заполнении, выше и рядом выявлено большое количество мелких кремированных косточек, восточнее располагался каменный очаг-поминальник.

Таким образом, рассматривая развитие погребальной обрядности на протяжении первой половины I тыс. н. э. в Могилевском и Гомельском Поднепровье, можно подвести следующие итоги. В течение всего периода на этой территории, как и в предыдущее зарубинецкое время, безраздельно господствовали захоронения в грунтовых могильниках по обряду кремации. К сожалению, до сих пор не выявлены погребальные памятники синхронных по времени соседних культурных общностей (культуры штрихованной керамики), недостаточно изучена погребальная обрядность юхновской культуры, что не позволяет проследить процесс взаимодействия элементов погребальной обрядности данных культурных общностей и населения первой половины I тыс. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья в развитии.

В раннеримское время местное население в своей погребальной обрядности в основном продолжало традиции классической зарубинецкой культуры. Остатки кремации, как правило, помещались в удлиненные ямы, ямы округлой формы составляли незначительное количество. Кремированные

кости помещались в яму как в очищенном, так и неочищенном состоянии. С небольшим перевесом, очевидно, продолжали преобладать очищенные кости. Не исключено, что традиция помещать кости с остатками костра имеет западное происхождение и проникла в Верхнее Поднепровье в начале I тыс. н. э. из Побужья (Гриневичи Вельки). Кости, как правило, размещались в виде скоплений в центральной части ямы или в нескольких частях ямы либо были рассыпаны по дну ямы. В состав погребального керамического ассортимента по-прежнему входили миски. Миски часто были наклонены набок. Горшки не всегда присутствовали в ассортименте. Только на заключительном этапе существования Чаплинского могильника (ближе к концу I в.) миски постепенно исчезают из погребального ассортимента. В Чаплине максимальное количество погребений без мисок по Л. Д. Поболю приходится на заключительную третью стадию – 23 погребения. Всего к третьей стадии Л. Д. Поболь относит 126 погребений и датирует их серединой I в. до н. э. – началом II в. н. э. [245, с. 175]. Всего в Чаплине известно 12 погребений без мисок с вещами, относящимися к I в. н. э. (подковообразные и позднелатенские фибулы, оружие, топоры-кельты), которые можно отнести ко второй половине – концу I в. н. э. Именно эти погребения можно соотносить по времени захоронения с Юрковичским могильником. На заключительном этапе существования чаплинского могильника появляются единичные смешанные погребения – в яме и в урне, хотя, возможно, это случайность.

Население второй четверти I тыс. н. э. (культура Абидня) в погребальной обрядности в целом продолжало традиции предшественников – кремация в ямных захоронениях, кремированные кости, как правило, не очищены от остатков погребального костра (хотя не редкость и очищенные кости), бедный погребальный инвентарь, значительное количество безынвентарных погребений. Однако отмечается тенденция к изменению определенных элементов погребальной обрядности. В частности, наблюдается изменение соотношения удлиненных ям и ям округлой формы в сторону увеличения количества последних.

Получают распространение смешанные и на позднем этапе урновые захоронения. Смешанные захоронения (захоронения в яме и в урне) появляются еще в конце первой – начале второй четверти I тыс. н. э. (Юрковичи). В единичном случае обычай помещать кремированные кости в погребальный сосуд зафиксирован еще в Чаплине. Впрочем, не исключено, что это была случайность. В целом, для раннего этапа культуры Абидня они не характерны, в частности, они ни разу не встречены в Абидне. В Тайманово такие захоронения в небольшом количестве (7 %) встречаются на среднем и позднем этапах. Смешанные погребения известны и на могильнике Нижняя Тощица. На позднем этапе (IV – начало V в.) зафиксированы урновые захоронения (Тайманово, Новый Быхов, Нижняя Тощица). Урновые погребения также

представлены в небольшом количестве (Тайманово – 4 %), по несколько таких погребений известно в Нижней Тощице и Новом Быхове. В смешанных захоронениях встречаются как очищенные, так и неочищенные кости (Тайманово – 58 %). В урновых погребениях чаще всего кости очищены (Тайманово – 85 %). Очевидно, появление смешанного, а затем урнового обряда захоронения следует искать в зарубинецком погребальном обряде. Аналогичный обряд захоронения в дальнейшем характерен и для раннеколочинских древностей Белорусского Поднепровья. В этот период количество урновых погребений увеличивается (Демьянки, Колос, Хатки-Чистые Лужи), соответственно, число ямных погребений уменьшается (Демьянки) [197, с. 17]. Однако учитывая тот факт, что многие исследователи включают могильники Тайманово, Нижнюю Тощицу, Новый Быхов в круг колочинских памятников и рассматривают их вместе с действительно колочинскими могильниками [282, с. 32; 69, с. 10–17], трудно определить реальный процент урновых погребений, хотя, несомненно, их количество возрастает со временем.

Особенностью погребальной обрядности на среднем и позднем этапах культуры Абидня является появление в отдельных смешанных и урновых погребениях обычая покрывать урны другим сосудом (Тайманово, погребение № 106) или днищем сосуда (Нижняя Тощица, погребение № 1), а также переворачивать урны вверх дном, покрывая очищенные сожженные кости (Новый Быхов, погребение № 1) либо кости, перемешанные с золой (Юрковичи, погребение № 17; Нижняя Тощица, погребение № 8). В дальнейшем такие элементы могут продолжать встречаться в колочинской погребальной обрядности [197, с. 17]. Можно предположить, что обычай покрывать погребальную урну сосудом-клешем, по-видимому, пришел из пшеворской погребальной обрядности, которая в свое время могла заимствовать его из культуры подклешевых погребений.

Погребальный инвентарь погребений культуры Абидня небогатый – керамические сосуды и их обломки, бытовые вещи, изредка украшения. Инвентарь, указывающий на возможное захоронение воина-мужчины (пряжки), появляется на позднем этапе и представлен в основном в урновых погребениях. Погребения с оружием, в отличие от зарубинецких и постзарубинецких, неизвестны. По-видимому, это связано с изменением политической ситуации в регионе.

Для Белорусского Поднепровья второй четверти I тыс. н. э. характерны каменные очаги-поминальники (Абидня, Тайманово, Дедново). По своей структуре они отличаются от близких по строению сакральных объектов на западных территориях (Радость в Побужье) и, по-видимому, отражают другую погребальную традицию. Такие объекты также не встречаются на территории распространения классических киевских памятников (Среднее Подне-

провье, Подесенье), там не известны смешанные захоронения (в яме и урне). В то же время в Белорусском Понепровье не известны случаи ингумации.

Таким образом, погребальная обрядность населения культуры Абидня – результат дальнейшего развития сакральных традиций постзарубинецкого населения Белорусского Поднепроья первой четверти I тыс. н. э., в основе которых находились в переработанном виде с несомненным учетом местных верований традиции носителей зарубинецкой культуры. Элементы погребальной обрядности, которые появились на среднем и позднем этапах развития культуры Абидня, получили широкое распространение в могильниках населения колочинской культуры третьей четверти I тыс. н. э. Особенностями погребальной обрядности на всех этапах культуры Абидня являются крайняя бедность погребального инвентаря и отсутствие оружия, кремированные кости обычно не очищены в ямных погребениях, в то время как для зарубинецкой культуры характерны кости, очищенные от остатков погребального костра. На среднем этапе фиксируются смешанные захоронения, в которых кости, как правило, находятся только в яме, на позднем этапе появляются урновые погребения, их немного, кости обычно в урнах уже очищены от погребального костра. Зарубинецкое население было знакомо с обрядом погребения в урнах. Правда, такие погребения в качестве единичных встречаются в Припятском Полесье, чаще в Среднем Поднеровье, в Верхнем Поднепровье такой обряд был неизвестен [171, с. 15, табл. II]. Изредка урны прикрывали сверху обломками других сосудов (клёшами), кости в урнах были очищены от остатков костра [171, с. 17]. В последующем урны с очищенными и неочищенными от погребального костра костями характерны для колочинской культуры [198, с. 26].

Несомненно, верхнеднепровское население ощущало влияние различных западных культур на протяжении всего I тыс. н. э. В раннеримское время это влияние пшеворской культуры, не исключено западнобалтское влияние, в дальнейшем – вельбарско-черняховское влияние. Эти импульсы придавали своеобразный колорит местной культуре, в том числе на уровне погребальных традиций, однако кардинально их изменить не могли.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э. МОГИЛЕВСКОГО И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

3.1. Керамическая посуда населения I–V вв. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья. Керамическая посуда Тайманово

Основную категорию находок на поселении и могильнике Тайманово составляют обломки керамических сосудов. Подавляющее большинство сосудов, выявленных на памятнике, изготовлены вручную, без помощи гончарного круга.

Хронологически лепная посуда относится к нескольким периодам жизни на памятнике. Первый период представлен незначительным количеством керамики эпохи бронзы (77 фр.)[1]. Небольшое количество керамики представлено посудой, относящейся к милоградской культуре. Это посуда, украшенная ямками и насечками по шейке. Подавляющее большинство сосудов относится к I тыс. н. э., причем основная часть – это посуда второй четверти I тыс. н. э.

Гончарная посуда (5613 фр.) относится преимущественно к древнерусскому периоду.

По характеру обработки поверхности лепная посуда I тыс. н. э. подразделяется на нелощеную груболепную и лощеную. Первая категория посуды является преобладающей (173453 фр.). Среди нелощеной посуды следует выделить посуду, покрытую расчесами, встречается посуда со штрихованной поверхностью. Расчесы и штриховку следует рассматривать прежде всего не как орнаментальный мотив, а как технологический прием обработки поверхности. Расчесами и штриховкой покрывалась в основном внешняя поверхность сосуда. К сожалению, Л. Д. Поболь не отделял штрихованную керамику от керамики с расчесами, у него вся эта керамика относилась к категории керамики с расчесами. В настоящее время, пересматривая сохранившиеся коллекции, нельзя точно подсчитать, сколько керамики было покрыто расчесами, а сколько – штриховкой, так как имеющееся количество керамики на хранении уже не соответствует изначальному количеству. Скорее всего, эти категории были примерно равнозначны с некоторым пере-

[1] Для количественных подсчетов использовались данные из полевых отчетов Л. Д. Поболя.

весом в пользу керамики с расчесами. Если появление традиции покрывать сосуды штриховкой могут объясняться контактами с соседями (племенами культуры штрихованной керамики), то относительно появления расчесов дело обстоит несколько сложнее. Можно, конечно, согласиться с предположением, что трансформация штриховки в расчесы связана с распространением в Верхнем Поднепровье костяных гребней в результате проникновения на эти территории носителей вельбарской культуры либо, скорее всего, влияния носителей вельбарской культуры. Возможные способы нанесения расчесов на сосуды при помощи костяных гребней подробно рассмотрены Н. В. Лопатиным [179, с. 17–25]. Обломок подобного гребня найден в погребении № 156 могильника Тайманово. Появление костяных гребней в Белорусском Поднепровье, по-видимому, относится к середине III в. Не исключено, что для этой цели могли использоваться какие-то деревянные штампы, имитирующие гребни.

Однако не следует забывать, что сама керамика с расчесами в общем керамическом комплексе занимает весьма скромный процент. В частности, в Тайманово керамика с расчесами вместе с керамикой, покрытой штриховкой, составляет не более 2 % (3633 фр.). Подсчет части керамической коллекции Абидни, сохранившейся в настоящее время, показывает, что на долю керамики с расчесами приходится 11,5 %, штрихованная керамика составляет 5 % [138, с. 20]. Небольшой процент такая керамика занимает на соседних синхронных памятниках. В частности, в Симоновичах керамика с расчесами и покрытая штриховкой составляет соответственно 0,5 и 15,5 % [93, с. 67], в Дедново – 4,1 и 13,6 % [134, с. 28]. Некоторое несоответствие количественных данных объясняется временем бытования памятника, его географическим расположением, полнотой коллекцией, так как известно, что чем представительнее коллекция, тем точнее количественные данные по разным категориям коллекции. Самая представительная коллекция – керамическая коллекция Тайманово. Более высокий процентный показатель штрихованной керамики в Симоновичах и Дедново объясняется территориальной близостью памятников к ареалу культуры штрихованной керамики. Технологический прием покрывать необожженные сосуды расчесами не получил широкого распространения в керамическом производстве племен лесной полосы второй четверти I тыс. н. э. и к V в. прекратил свое существование.

Для гончарства второй четверти I тыс. н. э. лесной полосы Восточной Европы характерно резкое сокращение производства лощеной посуды, ухудшение качества лощения и «огрубление» керамической посуды в целом. Доля лощеной и подлощеной посуды в керамическом комплексе Тайманово составляет 0,5 % (896 фр.), причем лощеная посуда встречается только в ранних комплексах. Лощеная посуда в керамическом комплексе более раннего памятника Абидни составляет 2,7 % [138, с. 20].

Нелощеная, груболепная посуда орнаментировалась редко. Еще реже встречен декор на лощеной посуде. Обычный орнаментальный прием для нелощеной посуды – насечки, иногда защипы по срезу венчика. Этот вид декора как пережиток традиций зарубинецкого и постзарубинецкого гончарства в Тайманово характерен для посуды раннего этапа. Достаточно широко он представлен в Абидне [138, с. 20] и на других синхронных памятниках. Иногда насечками украшались венчики сосудов с расчесами (Тайманово, Абидня) либо со штриховкой (Абидня, Симоновичи). Из Тайманово происходит миска, украшенная насечками не только по срезу венчика, но и по ребру (рис. 61, *2*).

Изредка встречаются сосуды с налепным валиком (Абидня, Тайманово). В Абидне найден обломок сосуда с налепной подковкой [138, с. 20]. Посуда с налепными валиками и подковками в небольшом количестве встречается в керамическом комплексе киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья [294, с. 45]. Изредка такая посуда встречается на северо-восточных памятниках типа Заозерье-Узмень [179, с. 17].

В Тайманово встречен обломок сосуда с отпечатками ткани. Также в Тайманово обнаружены горшки со сквозными отверстиями. Из погребения № 100 таймановского могильника происходит биконический горшок, на днище которого изнутри было выполнено 85 хаотично расположенных ямок (рис. 54). В заполнении полуземлянки № 48 Тайманово найдены обломки горшка с защипами по тулову. Сосуды с защипным орнаментом также встречены в Симоновичах, Дедново [134, с. 29]. Защипы весьма характеры для позднего керамического комплекса культуры штрихованной керамики. Чаще всего таким образом орнаментировались ребристые сосуды [213, с. 33; 126, с. 77, табл. 44]. Защипной орнамент на керамических сосудах имеет северное происхождение. На поселениях Литвы он встречается на протяжении всего I тыс. н. э. [74, с. 24], на белорусских памятниках – в IV–V вв. [133, с. 35].

Из элементов декора на лощеных сосудах отмечен точечный орнамент (Тайманово) и прочерченный (Симоновичи). На лощеные сосуды наносили различные пиктограммы. В частности, солярный знак в виде свастики выявлен на обломке лощеного горшка из полуземлянки № 19 поселения Тайманово, которая относится к раннему этапу жизни на поселении (конец II – начало III в.). Изображение свастики имеется на пряслице из полуземлянки № 15. Как полагают исследователи (В. В. Седов, А. М. Обломский), нанесение различных гравировок на керамические сосуды является пережитком традиций пшеворской культуры, которые впоследствии ощущаются на позднезарубинецких либо постзарубинецких памятниках первой четверти I тыс. н. э. [284, с. 137; 226, с. 41]. Впрочем, изображение солярных знаков является общей индоевропейской традицией.

Из культурного слоя таймановского поселения происходят обломки лепной, декорированной ромбическим орнаментом миски (рис. 62, *1*), напоминающей вельбарские аналоги [378, s. 184, 186, rys. 7, 9], хотя, скорее всего, эта миска имеет черняховское происхождение. Из импортной посуды также выявлены обломки гончарной посуды terra siggilata (Абидня, Тайманово). В частности, в культурном слое поселения Тайманово найден обломок краснолаковой чаши с рельефным пояском из овов (рис. 78, *2*), обломок римского гончарного сосуда происходит из полуземлянки № 18 Тайманово. Подвеска из днища краснолакового сосуда происходит из полуземлянки № 20 поселения Абидня. Судя по анализу лака, выполненного сотрудниками Государственного Эрмитажа, обломок сосуда из Абидни относится ко II в. [243, с. 172]. В Тайманово и Абидне найдены также обломки амфор, в которых в Поднепровье доставляли вино и масло, однако из-за фрагментарности обломков датировать их невозможно.

В технологическом отношении гончарство племен культуры типа Абидня является иллюстрацией синтеза достижений предшественников. Рецептуру определяли сложные многокомпонентные составы. Наряду с известными рецептами (глина + дресва + шамот и глина + дресва + руда) широкое распространение в этот период получает рецепт глина + дресва + руда + шамот. На поселении Абидня именно этот рецепт составления формовочных масс являлся ведущим. Следует отметить, что измельченная болотная железная руда, появление которой относится к среднему периоду милоградской культуры (IV–III вв.), не являлась распространенным специальным отощающим компонентом. Она всегда была дополнительным специальным отощителем. Болотная железная руда – широко распространенный, но «капризный» в работе материал, требующий специальных навыков. Чаще всего использовался рецепт глина + дресва + шамот (Симоновичи). Вся посуда (как нелощеная, так и лощеная) изготавливалась по одинаковым рецептам. Особенностью верхнеднепровского гончарства в эпоху железного века и раннего средневековья является преобладание в сложных рецептах дресвы, применение шамота и руды в тонкоизмельченном состоянии. Южнее, в Припятском Полесье, дресва в сложных рецептах нередко уступает шамоту. Причем чем южнее, тем это отмечается чаще. Такое же соотношение специальных компонентов в сложных рецептах сохраняется и в более позднее время.

Обжиг посуды – костровой, производился в окислительной и преимущественно восстановительной газовой среде. Не исключено, что для обжига керамической посуды в Тайманово использовались выносные каменные очаги. Однако определенно сказать, что какие-то конкретно каменные очаги выполняли функцию приспособлений для обжига керамической посуды, не представляется возможным.

Ассортимент посуды представлен, главным образом, горшками различных размеров, мисками, сковородками (Тайманово, 31 фр.), дисками (Абидня), миниатюрными сосудами, стопками-плошками, встречается посуда с ручками (Тайманово, 2 фр.).

Для анализа керамической посуды поселения и могильника Тайманово использовались данные по **70 целым сосудам и полным формам**. Именно работа с целыми сосудами и полными формами наиболее верно отражает реальную картину керамической посуды. Для классификации керамики Тайманово использовались типология керамики Абидни А. В. Ильютик, типология керамики киевской культуры Подесенья и Среднего Поднепровья Р. В. Терпиловского и Н. С. Абашиной, типология керамики колочинской культуры Верхнего Поднепровья О. А. Макушникова. Речь шла не о создании какой-то принципиально новой классификации керамических сосудов, а о рассмотрении особенностей керамики Тайманово на фоне уже существующих классификационных схем.

Горшки. Все горшковидные сосуды Тайманово **(63 экз.)** относятся к трем основным типам.

Тип I – сосуды с максимальным расширением в верхней части высоты **(22 экз.)**, что составляет **34,9 %**. Это в основном сосуды крупных (корчаги) и средних размеров, найдены два миниатюрных горшочка, один из погребения № 58, второй лощеный – из культурного слоя. В свою очередь они подразделяются на шесть вариантов.

К *первому варианту* относятся корчаги. Это крупные сосуды для хранения зерна и других припасов, диаметр венчика от 28 до 40 см. В Абидне найдено 7 корчаг [138, с. 21]. **В Тайманово известно 6 таких сосудов**. Два развала корчаг, у которых сохранились верхние части (диаметр венчика 28 см и 36,6 см), происходят из полуземлянки № 2 (рис. 37, *1*, *2*). Очевидно, оба сосуда относятся к типу 1 для округлобоких горшков Абидни по А. В. Ильютик [138, с. 21] и типу 1а для посуды киевской культуры по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной [294, с. 45]. Целая корчага с расчесами найдена в полуземлянке № 19 (рис. 38, *1*). Горшок приземистый – диаметр верха больше высоты (диаметр венчика 43,5 см, высота 35,3 см), плечо сильно выпуклое, венчик немного отогнутый (тип 2, вариант К3 для ребристых сосудов по А. В. Ильютик) [138, с. 21, 22], (тип 2 для посуды киевской культуры по Р. В. Терпиловскому) [294, с. 45]. Крупные сосуды (корчаги) подобных форм характерны для керамического комплекса Абидни [138, рис. 1]. Одна такая корчага из Абидни [138, рис. 1: 1] происходит из полуземлянки № 24, которая датируется по голубой бусине подпрямоугольной формы – «кирпичик» (тип 88, 89 по М. Темпельманн-Мачинской) – ранней фазой позднеримского периода [256, с. 127]. Также подобный горшок найден в Абидне еще в полуземлянке № 14 [254, с. 167, 141, рис. 55]. Таймановская полуземлянка № 19 датирует-

ся III – началом IV в. Развал крупного горшка-корчаги с расчесами (диаметр верха 34,6 см) выявлен в полуземлянке № 51 (рис. 38, *2*). Горшок относится к типу 1 или 2 для округлобоких горшков по А. В. Ильютик [138, с. 20] и типу I2 для керамики киевской культуры по Р. В. Терпиловскому [294, с. 45, рис. 8]. Полуземлянка № 51 относится к тому времени, что и постройка № 19, – к III – началу IV в. Похожий горшок найден на поселении Симоновичи. Это крупный горшок с высокорасположенными и довольно слабовыпуклыми плечиками. Сосуд покрыт штриховкой, край венчика орнаментирован насечками [88, с. 9, рис. 2]. Развалы двух корчаг выявлены в хозяйственной яме, кв. 554, раскоп 1969 г. Тайманово. Диаметры венчика и максимального расширения первого сосуда равны 35,1 см (рис. 39), второй сосуд имеет более сильновыпуклые плечики (диаметр венчика 29 см, диаметр максимального расширения 32,8 см) (рис. 40). Сосуды относятся к типу 1 для округлобоких горшков по А. В. Ильютик [138, с. 20], к типу I16 – первый сосуд и 11а – второй сосуд по типологии Р. В. Терпиловского [294, с. 45, рис. 8].

Все корчаги из Абидни и преобладающая часть корчаг из Тайманово относятся к сосудам с максимальным расширением в верхней части высоты. В Тайманово они происходят из полуземлянок, относящихся к III – началу IV в. (постройка № 19, № 51, по-видимому, № 2). В более поздних комплексах Тайманово такие сосуды не встречены. Этим же временем датируется керамика Абидни (конец II – начало IV в.) [138, с. 20].

Ко *второму варианту* в Тайманово относятся сосуды стройных пропорций, в которых диаметр максимального расширения равен или ненамного превышает диаметр горловины сосуда, венчик отогнут, шейка выделена **(8 экз.)**. Горшки второго варианта происходят из смешанных погребений № 5 (рис. 41, *1*), № 23 (рис. 41, *2*), урновых погребений № 17 (рис. 41, *3*) и № 163 (рис. 44), ямного погребения № 35 (рис. 42, *1*). В погребении № 17 также найдена железная пряжка овальной формы с утолщением передней части и трехгранным язычком (тип В4 по Е. Л. Гороховскому) и датируется последней четвертью IV – первой четвертью V в. [67, с. 42, 45, рис. 91]. Горшки из погребений некрупные, высотой 20–24 см. Лучше всего сохранились горшки в погребении № 17 (высота 24 см, диаметр верха 18,5 см, диаметр наибольшего расширения 19,6 см, диаметр днища 11,5 см) и в погребении № 23 (высота 19,5 см, диаметр верха 12,5 см, диаметр наибольшего расширения 13,9 см, диаметр днища 9,5 см). Аналогии этим сосудам встречены в могильнике Нижняя Тощица (урны из смешанного погребения № 4 и урнового погребения № 8) [251, с. 178, рис. 12: 5, 7]. Следует отметить некоторые отличия: сосуд из погребения № 23 имеет более узкую горловину по отношению к максимальному расширению, тем не менее по общим пропорциям он вполне вписывается в данный вариант. Судя по находкам сосудов данного варианта, преимущественно из смешанных и урновых погребений, за исклю-

чением ямного погребения № 35 могильника Тайманово, а также находки пряжки из урнового погребения № 17 Тайманово, горшки данного варианта, очевидно, датируются не ранее IV в. К этому варианту можно отнести горшок из хозяйственной ямы (кв. 6, 7, 11, 12, раскоп XXV, Тайманово), его размеры: высота 26,8 см, диаметр горловины 24,4 см, диаметр наибольшего расширения 23,6 см, диаметр днища 13,8 см (рис. 43), а также сосуд из полуземлянки № 51 Тайманово, его размеры: высота 23 см, диаметр горловины 19 см, диаметр наибольшего расширения 21,6 см (рис. 42, *3*). Из верхних слоев постройки № 51 происходит бусина с мозаичным орнаментом. На европейской территории бусы с мозаичным орнаментом встречаются от II до середины IV в. Это более крупные горшки, чем погребальные сосуды, однако по общим пропорциям они вписываются в данный вариант. Очевидно, ко второму варианту мог относиться и сосуд с расчесами из полуземлянки № 16 Тайманово. Верхняя часть сосуда не сохранилась, однако максимальное расширение приходится на верхнюю часть корпуса, высота сосуда около 15 см, диаметр максимального расширения тулова 12 см, диаметр днища 9,8 см (рис. 42, *2*). Хозяйственная полуземлянка № 16 входит в комплекс с жилой полуземлянкой № 15, которая по фибулам датируется III – началом IV в.

К *третьему варианту* относятся сосуды с максимальным расширением выше середины высоты, но слабо отогнутым венчиком, почти без шейки **(4 экз.)**. Раздавленный горшок данного варианта выявлен в овальной яме-погребе в раскопе XLI Тайманово (рис. 45, *1*). Горшок несколько асимметричной формы, его высота 23–24 см, диаметр горловины 18,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова 20 см, диаметр днища 10,5 см. Наибольшее расширение приходится на верхнюю часть высоты сосуда (тип II2а по Р. В. Терпиловскому и Н. С. Абашиной) [294, с. 46]. Р. В. Терпиловский полагает, что цилиндро-конические сосуды типа II2а возникают на основе биконических сосудов на заключительном этапе киевской культуры [295, с. 40]. Развал горшка третьего варианта также происходит из культурного слоя поселения Тайманово, его размеры: высота примерно 23,2 см, диаметр горловины 17,8 см, диаметр наибольшего расширения 18,6 см (рис. 45, *3*). Возможно, к этому варианту мог относиться небольшой горшок из заполнения хозяйственной ямы (кв. 20, 25, раскоп XLIX, Тайманово), верхний край горшка обломан, его примерные размеры: высота около 15,5 см, диаметр наибольшего расширения 12,2 см, диаметр днища 8,9 см (рис. 45, *2*). Вместе с ним в заполнении ямы выявлены обломки лощеной посуды и посуды с расчесами. К этому варианту относится миниатюрный горшочек из погребения № 58 могильника Тайманово (рис. 64, *3*).

К *четвертому варианту* относятся сосуды приземистых пропорций, у которых диаметр горловины больше высоты сосуда, диаметр горловины

равен или немного меньше диаметра максимального расширения тулова, венчик слегка отогнут **(1 экз.)**. Такой сосуд происходит из культурного слоя поселения Тайманово (раскоп II), его размеры: высота 25,5 см, диаметр горловины 26,5 см, диаметр максимального расширения тулова 27 см (рис. 46, *1*), тип 3S по А. В. Ильютик [138, с. 18–36]. Похожий сосуд выявлен в погребении № 2 могильника Абидни. Судя по приведенным аналогиям, погребение относится к III в. [258, с. 61, 67, рис. 3: 2].

К *пятому варианту* относится сосуд из полуземлянки № 15 поселения Тайманово **(1 экз.)**, его высота 26 см, диаметр горловины 24,5 см, диаметр наибольшего расширения 24,3 см, диаметр днища 11,5 см (рис. 47). По профилировке верхней части сосуд напоминает сосуд четвертого варианта, однако отличается от предыдущего узким дном. В заполнении постройки также найдены фрагменты керамики с налепным валиком, обломок ребристой лощеной миски. Постройка по фибулам датируется III – началом IV в. По форме сосуд близок к тюпановидным сосудам по классификации Р. В. Терпиловского (тип I46), однако имеет более узкое дно [138, с. 46, 47]. В типологии А. В. Ильютик для керамики Абидни такие формы отсутствуют.

Шестой вариант представлен развалом коричневого лощеного горшка с сильновыпуклыми плечиками, шейка выделена, венчик слегка отогнут. Такой сосуд происходит из полуземлянки № 51 поселения Тайманово **(1 экз.)**, его размеры: диаметр горловины 18 см, диаметр наибольшего расширения тулова 21,8 см, диаметр днища 19,6 см (рис. 46, *2*), тип I1а по Р. В. Терпиловскому [294, с. 45, 46], тип 1S1 или 2S1 по А. В. Ильютик [138, с. 18–36].

Таким образом, сосуды I типа бытовали в Тайманово на протяжении III–IV вв., но особенно они типичны для III в. В количественном отношении характерны первый и второй варианты, возможно, третий вариант, остальные варианты представлены единичными экземплярами. Сосуды I типа являлись ведущей формой сосудов и в Абидне (94 %) [140, с. 203; 142, с. 205].

Тип II – сосуды биконической формы с максимальным расширением в основном посередине высоты (тип 3 по А. В. Ильютик) **(16 экз.)**, что составляет **25,4 %**. В этом типе выделяются четыре варианта.

К *первому варианту* относятся лощеные и нелощеные горшки с четко выраженным ребром, расположенным в средней части высоты, венчик слегка отогнут, реже прямо поставлен, шейка выделена слабо или не выделена совсем (тип II2в по Р. В. Терпиловскому) [294, с. 46, 47]. Это наиболее представительный вариант биконических горшков в Тайманово **(10 экз.)**. Очень близки между собой по форме и пропорциям лощеные горшки из полуземлянок № 6 и 8. Единственное отличие заключается в том, что горшок из постройки № 6 крупнее и венчик у него слегка отогнут, у горшка из постройки № 8 – почти прямо поставлен. Размеры горшка из постройки № 6: высота 19,5 см, диаметр венчика 16,5 см, диаметр наибольшего расширения

тулова 18,3 см, диаметр днища 11 см (рис. 48, *1*), горшок из постройки № 8 имеет высоту 10 см, диаметр венчика 9 см, диаметр наибольшего расширения 11,3 см, диаметр днища 6,3 см (рис. 48, *2*). Полуземлянка № 8 датируется по серповидной подвеске второй половиной III – началом IV в. Прямыми аналогиями горшку из постройки № 6 является нелощеный горшок из смешанного погребения № 72 могильника Тайманово, его размеры: высота 14,5 см, диаметр горловины 15,5 см, диаметр наибольшего расширения 16 см, диаметр днища 10,5 см (рис. 49, *2*), а также развал нелощеного горшка из культурного слоя поселения Тайманово (раскоп IV), его размеры: диаметр горловины 19,4 см, диаметр наибольшего расширения тулова 21,4 см (рис. 49, *1*).

Аналогиями к горшку из погребения № 72 также являются два ребристых лощеных горшка из полуземлянки № 28 селища Тайманово. Полуземлянка № 28 датируется по бронзовому пинцету IV – началом V в. Оба горшка имеют выраженное ребро примерно посередине высоты, слегка отогнутый венчик, причем венчик у большего горшка отогнут сильнее, т. е. диаметр его горловины больше диаметра наибольшего расширения, у второго горшка диаметр горловины меньше диаметра наибольшего расширения. Отличительной особенностью большего горшка также является наличие кольцевого углубления на днище. Размеры первого горшка: высота 14 см, диаметр горловины 15,5 см, диаметр наибольшего расширения 15,1 см, диаметр днища 7,6 см (рис. 48, *3*), размеры второго горшка: высота 26,8 см, диаметр горловины 12,9 см, диаметр наибольшего расширения 13,3 см, диаметр днища 8 см (рис. 48, *4*). К этому варианту относятся нижняя часть нелощеного горшка из смешанного погребения № 141: диаметр тулова по ребру 18,4 см, диаметр днища 12,2 см (рис. 50, *2*), развал небольшого нелощеного ребристого горшка из полуземлянки № 51: диаметр горловины горшка 12 см, диаметр наибольшего расширения 12,8 см, диаметр днища 5,5 см (рис. 48, *5*), развал крупного нелощеного горшка из очага, раскоп XXXII: его высота 39 см, диаметр горловины 27 см, диаметр наибольшего расширения 30 см, диаметр днища 16,5 см (рис. 51).

К этому же варианту, по-видимому, также может относиться нелощеный приземистый (его высота меньше диаметра горловины) биконический горшок из полуземлянки № 49 поселения Тайманово (тип 3К2 по А. В. Ильютик) [138, с. 18–36]. Размеры горшка: высота 23 см, диаметр горловины 24 см, диаметр наибольшего расширения 2,5 см, диаметр днища 15 см (рис. 50, *1*).

В целом, горшки биконической формы довольно слабо представлены в коллекции Абидни (тип 3 по А. В. Ильютик) – 3 целых формы, 24 фрагмента верхних частей и практически отсутствуют горшки первого варианта (тип II2в по Р. В. Терпиловскому) [138, с. 22]. Это не удивительно, так как, по мнению Р. В. Терпиловского, биконические горшки типа II2в типичны для заключительного этапа киевской культуры [295, с. 40]. В Тайманово

горшки первого варианта II типа выявлены в полуземляночных постройках № 6, 8, 28, 49, 51. Постройки № 8, 49, 51 датируются III – началом IV в. Примерно в это время существовала постройка № 6. Постройка № 28 относится к IV – началу V в. Горшки первого варианта, выявленные в могильнике, происходят из смешанных погребений (№ 72, 141), т. е. также относятся к среднему и позднему этапам существования поселения и могильника.

У горшков *второго варианта* Тайманово **(4 экз.)** имеется более округлое ребро, максимальное расширение тулова также приходится на середину высоты, венчик слегка отогнут или прямо поставлен, шейка не выделена (тип 3 по А. В. Ильютик для керамики Абидни) [138, с. 18–36], (тип II2в по Р. В. Терпиловскому) [294, с. 46, 47] (4 экз.). Все сосуды нелощеные. Один из таких горшков происходит из смешанного погребения № 59, его высота 25,5 см, диаметр горловины 20,5 см, диаметр наибольшего расширения 21,9 см, диаметр днища 13 см (рис. 52, *1*). К этому горшку весьма близок крупный горшок из культурного слоя поселения, раскоп IV. Его размеры: высота 38,8 см, диаметр горловины 30 см, диаметр наибольшего расширения тулова 34 см, диаметр днища 17 см (рис. 53). Из культурного слоя поселения происходит развал еще одного крупного сосуда, диаметр горловины 27,7 см, диаметр наибольшего расширения 26,9 см, диаметр днища 14,5 см (рис. 54, *1*). Данный сосуд отличается от предыдущего большей отогнутостью венчика (диаметр горловины больше диаметра максимального расширения тулова), шейка выделена. Еще один крупный сосуд выявлен в хозяйственной яме в раскопе XXIX, кв. 44 вместе с другим меньшим сосудом. В отличие от других сосудов варианта, венчик данного сосуда прямо поставлен, шейка отсутствует. Его размеры: высота 32,3 см, диаметр горловины 29,8 см, диаметр наибольшего расширения 32 см, диаметр днища 16,6 см (рис. 52, *2*). Крупные горшки второго варианта, по-видимому, выполняли функции сосудов-хранилищ (корчаг). Такие корчаги отсутствуют в Абидне, но характерны для колочинского керамического комплекса [196, с. 217–233].

Следует отметить, что горшки второго варианта II типа не характерны для ранних комплексов Тайманово и практически не встречаются в Абидне. Они, как и горшки первого варианта, относятся к типу II2в по Р. В. Терпиловскому, который особенно широкое распространение получил на заключительном этапе киевской культуры [295, с. 40]. Ребристые сосуды с максимальным расширением тулова на уровне середины высоты также характерны для колочинского керамического комплекса (III вид по О. А. Макушникову) [196, с. 217–233].

Третий вариант представлен одним нелощеным горшком с максимальным расширением тулова выше середины высоты, венчик прямо поставлен, шейка отсутствует **(1 экз.)**. Горшок происходит из культурного слоя поселения Тайманово, его высота 26,7 см, диаметр горловины 23,2 см, диаметр

наибольшего расширения тулова 25,5 см, диаметр днища 14,7 см (рис. 54, *2*). Горшок близок к типу II2а по Р. В. Терпиловскому [294, с. 46, 47].

К *четвертому варианту* относится ребристый сосуд из смешанного погребения № 100 могильника Тайманово **(1 экз.)**. Сохранилась нижняя часть горшка. Сосуд имеет оттянутое острое ребро, которое располагается примерно посередине высоты, днище узкое. На днище изнутри имеется 85 хаотично расположенных ямок. Этот крупный сосуд – погребальная урна, предполагаемая высота которой составляла 28–29 см, диаметр максимального расширения тулова 31,5 см, диаметр днища 14 см (рис. 55). Аналогии данному сосуду имеются в позднем комплексе поселения Обухов II (IV в.) в Среднем Поднепровье [163, с. 105, рис. 19]. Близкий по форме сосуд с оттянутым ребром выявлен на городище третьей четверти I тыс. н. э. Черкасово в Оршанском Поднепровье [176, с. 186, 208, рис. 22: 1]. А. В. Ильютик со ссылкой на тушемлянские аналогии датирует этот горшок первой половиной V в. [141, с. 266; 143, с. 268], с чем можно согласиться.

Таким образом, в целом горшки II типа не характерны для ранних комплексов Тайманово. Большинство сосудов данного типа относятся ко второй половине III – первой половине V в. Преобладают горшки первого варианта с четко выраженным ребром, расположенным в средней части сосуда, менее распространены горшки второго варианта с более округлым ребром, остальные варианты представлены единичными экземплярами.

Тип III – округлобокие горшки, которые составляют наиболее представительную категорию в керамическом комплексе Тайманово **(25 экз.)** – **39,7 %**. Все сосуды нелощеные, неорнаментированные. Они выявлены как на поселении, в том числе в составе комплексов, так и в погребениях. Горшки этого типа представляют собой сосуды вытянутых форм с максимальным расширением примерно посередине высоты. Выделено 6 вариантов. Встречены сосуды двух подтипов: 1) диаметр горловины меньше диаметра максимального расширения тулова; 2) диаметр горловины равен или почти равен максимальному расширению тулова. Как правило, венчики отогнуты, шейка выделена, хотя встречаются сосуды с прямым венчиком и отсутствием шейки. Горшки III типа отсутствуют в керамическом комплексе Абидни. В классификации Р. В. Терпиловского некоторые из них присутствуют только на заключительном этапе киевсколй культуры.

К *первому варианту* относятся сосуды **(12 экз.)** с отогнутым венчиком и выделенной шейкой, диаметр горловины чуть меньше диаметра наибольшего расширения тулова (первый подтип). Только в двух случаях (горшки из полуземлянки № 35 Тайманово) диаметр горловины чуть больше диаметра максимального расширения (второй подтип). Два сосуда этого варианта происходят из могильника Тайманово (урновые захоронения № 55 и 71). По графической реконструкции максимальное расширение тулова горшка

из погребения № 55 приходится чуть выше середины высоты (рис. 56, *1*), однако, на наш взгляд, в действительности максимальное расширение могло находиться примерно на середине высоты сосуда. Диаметр горловины сосуда 11,8 см, диаметр максимального расширения 13,2 см, диаметр днища 8,6 см, высота около 16 см. Близкий по форме горшок происходит из погребения № 71. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты, венчик отогнут, шейка выражена. Размеры горшка: высота 23 см, диаметр горловины 16 см, диаметр максимального расширения тулова 17,5 см, диаметр днища 11 см (рис. 56, *3*). Аналогичный сосуд выявлен на территории могильника Тайманово вне захоронений, сохранилась верхняя часть сосуда, диаметр горловины 14,2 см, диаметр максимального расширения тулова 15,5 см (рис. 58, *4*). В культурном слое поселения Тайманово выявлен еще один развал сосуда, аналогичный предыдущим. Сохранилась только верхняя часть сосуда, диаметр горловины 14 см, диаметр наибольшего расширения тулова 15,5 см (рис. 59, *1*).

Из полуземлянки № 8 селища Тайманово происходит целый сосуд, относящийся к данному варианту, высотой 17,7 см, диаметром горловины 11,8 см, диаметром максимального расширения 13 см, диаметром днища 9,4 см (рис. 57, *3*). По своей форме он аналогичен сосуду из погребения № 71 (рис. 56, *3*). Близкие по форме сосуды найдены в хозяйственных ямах поселения Тайманово, раскоп XXIX. Один горшок выявлен в яме в кв. 44, второй – в кв. 80. Первый сосуд найден вместе с крупным сосудом биконической формы (II тип, второй вариант). Его размеры: высота 23,7 см, диаметр горловины 17 см, диаметр наибольшего расширения тулова 17,6 см, диаметр днища 10,2 см (рис. 58, *1*). Высота второго сосуда 18,2 см, диаметр верха 12,8 см, диаметр наибольшего расширения 13,9 см, диаметр днища 8,6 см (рис. 57, *4*). Такие сосуды близки к типу I5б по Р. В. Терпиловскому (банковидная форма), однако у сосудов типа I5 диаметр венчика почти равен диаметру дна [294, с. 46, 47]. У таймановских сосудов такое соотношение пропорций не наблюдается. Как отмечает Р. В. Терпиловский, широкое распространение слабопрофилированных сосудов типа I5 характерно для заключительного этапа киевской культуры [294, с. 48, 49]. В частности, подобные сосуды отмечены в керамическом комплексе поселения Каменево-2 (Посеймье), которое относится к концу IV – началу V в. [295, с. 45–46, рис. 59]. Таймановская постройка № 8 также датируется серединой IV в.

Серия горшков первого варианта происходит из полуземляночных построек № 28, 31, 35 поселения Тайманово. Постройки № 31 и 35 датируются III – первой половиной IV в., постройка № 28 относится к позднеримскому времени. Из постройки № 35 происходят два совершенно одинаковых по форме горшка. Высота первого горшка 25,8 см, диаметр горловины 20 см, диаметр наибольшего расширения 19,8 см, диаметр днища 12,1 см (рис. 57, *1*).

Второй горшок имеет высоту 22,8 см, диаметр горловины 16,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова 16,1 см, диаметр днища 10,5 см (рис. 57, *2*). В полуземлянке № 31 найден небольшой горшочек высотой 12 см, диаметр верха 8,8 см, диаметр максимального расширения 9,2 см, диаметр дна 6 см (рис. 56, *4*). Горшок из постройки № 28 представлял собой керамическую емкость высотой 15,2 см, диаметр горловины 10,5 см, диаметр максимального расширения тулова 11,7 см, диаметр днища 7,2 см (рис. 56, *2*). Ближайшие аналогии этим горшкам – также горшки из погребений № 55 и 71 могильника Тайманово (рис. 56, *1*, *3*).

К первому варианту относится миниатюрный горшочек из погребения № 88 могильника Тайманово, датируется по пряжке IV в. Также к III типу, второму подтипу относится еще один миниатюрный сосудик из пограничной с могильником территории (рис. 63, *3*).

Горшки *второго варианта* отличаются от горшков первого варианта меньшей выпуклостью плечика, диаметр горловины у них равен или почти равен максимальному расширению тулова (второй подтип) **(5 экз.)**. Три горшка этого варианта происходят из могильника Тайманово (урновые захоронения № 66, смешанные погребения № 106 (второй накрывающий горшок), № 157). Развал небольшого горшка из погребения № 66 имеет диаметр горловины 9,2 см, венчик немного отогнут, шейка выражена (рис. 58, *2*). Аналогичен по форме горшок из погребения № 157. Диаметр его горловины почти равен максимальному расширению тулова, венчик слегка отогнут, шейка слабо выражена. Его размеры: высота около 13 см, диаметр горловины 8,7 см, диаметр максимального расширения тулова 8,9 см, диаметр днища 6,9 см (рис. 58, *3*). Такой же горшок происходит из погребения № 106. Горшок прикрывал сверху меньшую по размерам погребальную урну. Диаметр его горловины равен максимальному расширению тулова (по 12,8 см), диаметр днища 8 см, высота сосуда 18 см (рис. 59, *2*).

Ко второму варианту примыкает горшок из культурного слоя поселения Тайманово, раскоп II. Он наиболее близок по форме с горшком из погребения № 157. Его высота 21,4 см, диаметр горловины 14 см, диаметр наибольшего расширения 14,6 см, диаметр днища 10 см (рис. 59, *3*). По-видимому, к этому варианту относится нижняя часть сосуда из полуземлянки № 8, диаметр днища 9,4 см (рис. 60, *1*).

К *третьему варианту* относятся два тюльпановидных горшка из полуземлянки № 28 Тайманово **(2 экз.)** (тип I4 по Р. В. Терпиловскому) [294, с. 46, 47]. Постройка соответствует середине III – середине IV в. Один из них целый высотой 23,8 см, диаметр горловины 18 см, диаметр максимального расширения тулова 17,3 см, диаметр днища 10,9 см (рис. 60, *3*), у второго сохранился почти полный профиль без днища (диаметр горловины 16,6 см, диаметр наибольшего расширения 16,4 см) (рис. 60, *2*). По мнению Р. В. Терпилов-

ского, горшки типа I4, как и горшки типа I5, особенно характерны для заключительного этапа киевской культуры [294, с. 48, 49].

К *четвертому варианту* относится урна из погребения № 106 могильника Тайманово **(1 экз.)**. Диаметр горловины равен максимальному расширению тулова сосуда (по 9,4 см), венчик прямо поставлен, шейка отсутствует, высота сосуда 14 см, диаметр днища 6,5 см (рис. 60, *4*).

Пятый вариант представлен горшком из ямного погребения № 39 могильника Тайманово **(1 экз.)**. Высота сосуда из погребения № 39 около 19 см, диаметр горловины 12,2 см, диаметр максимального расширения тулова 14,8 см, диаметр днища 8,2 см, венчик прямо поставлен, шейка не выражена (рис. 61, *1*).

Шестой вариант представлен наиболее поздними лепными керамическими сосудами **(3 экз.)**. К ним относятся сосуды из полуземляночных построек № 44 и 26 селища Тайманово. В постройке № 44 выявлен целый сосуд сильно вытянутых пропорций со слабо выделенной шейкой и почти вертикальным венчиком (вид I2 по О. А. Макушникову) [196, с. 219, 221, рис. 1]. Высота сосуда 37,6 см, диаметр горловины 10,2 см, диаметр максимального расширения тулова 12 см, диамет днища 7,2 см (рис. 61, *2*). В этой же постройке найден развал еще одного горшка аналогичной формы несколько больших размеров (диаметр максимального расширения 13,4 см) (рис. 61, *4*). Постройка датируется первой половиной V в. Из полуземлянки № 26 происходит еще один горшок этой формы (вид I по О. А. Макушникову) [196, с. 219, 221, рис. 1]. Верхняя часть сосуда не сохранилась, диаметр максимального расширения тулова 10,1 см, диаметр днища 8 см (рис. 61, *3*). Постройка могла существовать до начала VI в.

Таким образом, горшки III типа появляются не ранее конца III – начала IV в. В Абидне такие горшки отсутствуют, на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья отдельные формы отмечены только для заключительного этапа существования культуры. В то же время таймановские горшки III типа имеют прямые аналогии в колочинском керамическом комплексе.

Миниатюрные сосуды. Миниатюрные сосуды в Тайманово представлены горшочками тех же типов, что и более крупные сосуды. Всего в Тайманово известны **четыре** таких **сосудика**. Три сосуда нелощеные, один лощеный. Один горшочек происходит из ямного погребения № 58, второй из ямного погребения № 88, где найден вместе с деформированной вследствие воздействия огня железной пряжкой IV в., третий горшочек выявлен на пограничной территории с могильником, четвертый найден в культурном слое поселения. Лучше всего сохранился горшочек из погребения № 58. Он представляет собой слабопрофилированную керамическую емкость, почти без шейки, с прямым венчиком, максимальное расширение несколько выше середины

высоты (тип I, вариант 3). Высота горшочка 7 см, диаметр горловины 5,3 см, диаметр максимального расширения тулова 5,5 см, диаметр днища 3,7 см (рис. 64, *3*). Удалось восстановить полный профиль горшочка из погребения № 88. Его высота 10,3 см, диаметр горловины 8,5 см, диаметр максимального расширения тулова 9 см, диаметр днища 7,2 см. К сожалению, не сохранилось графической реконструкции сосудика. Судя по промерам, он мог относиться к типу III, варианту I. У третьего горшочка из пограничной территории сохранилась только верхняя часть (рис. 63, *3*), край венчика отогнут, шейка выделена, диаметр горловины и диаметр максимального расширения тулова равны 6,7 см (III тип, второй подтип). Четвертый лощеный горшочек представляет собой керамическую емкость без венчика, максимальное расширение тулова приходится на верхнюю часть (тип I). Примерная высота сосудика 6,7 см, диаметр наибольшего расширения тулова 6,3 см, диаметр днища 4 см (рис. 63, *4*). В Тайманово были найдены обломки еще более мелких сосудиков высотой до 3 см.

Миски, плошки. В Тайманово выявлено **6 мисок и 2** маленькие **миски-плошки (5,6 %)**. 7 мисок выявлено на селище и одна миска найдена на пограничной территории между селищем и могильником. Две миски лощеные, остальные, в том числе плошки, нелощеные. Все миски, за исключением одной, местного производства. Две миски найдены в заполнении полуземляночных построек, одна – в каменном очаге, одна – в хозяйственной яме, остальные миски происходят из культурного слоя.

На поселении Тайманово в культурном слое (раскоп IV) найдены обломки верхней части декорированной ромбовидным орнаментом миски вельбарского облика, относящейся к периоду C1 – C2 по Р. Волангиевичу [378, s. 184, 186, rys. 7, 9]. Диаметр горловины 28,9 см (рис. 62, *1*). Миска, несомненно, имеет импортное происхождение. Некоторые исследователи считают ее прямым вельбарским импортом [40, с. 438]. Хотя не исключено, что данная миска имеет черняховское происхождение. Как полагает Б. А. Магомедов, для лепных черняховских мисок характерны многочисленные подражания, в том числе и столовой вельбарской посуде. Обычный декор на таких мисках – зигзаг или ряд треугольников [190, с. 48].

Следует отметить, что данная миска не единственная находка импортной посуды в Тайманово. На поселении неоднократно встречались обломки причерноморских амфор. Также найдены обломки гончарной посуды terra siggilata. Один из таких обломков найден в полуземляночной постройке № 18. Постройка датируется ранней фазой позднеримского времени (B2/C1 – C1a). В культурном слое поселения также найден обломок краснолаковой чаши с рельефным пояском из овов (рис. 78, *2*). На территории Польши обломки римской посуды с рельефным орнаментом в виде пояска из овов встречаются в период B2/C1 – C1b (170–260 гг.), но чаще всего в период C1a (200–220 гг.)

[374; 375]. На массовое распространение terra siggilta к северу от Карпат именно в период С1а указывает и А. Бурше [331, s. 144].

В полуземлянке № 13 найдена нелощеная непрофилированная миска без шейки, край венчика чуть отогнут, высота 10 см, диаметр горловины 14,4 см, диаметр днища 10,6 см (рис. 64, *2*). Такие миски отсутствуют в Абидне, нет их в классификации посуды киевской культуры Р. В. Терпиловского. Похожие мисковидные сосуды встречены в материалах могильника Чаплин, однако у этих мисок венчик, как правило, несколько загнут внутрь. Больше к чаплинским аналогиям тяготеет небольшая нелощеная непрофилированая миска-плошка, край венчика которой немного загнут внутрь. Мисочка происходит из культурного слоя поселения Тайманово, раскоп XXIII. Ее высота 4,4 см, диаметр горловины 7,5 см, диаметр днища 5,6 см (рис. 64, *4*). Л. Д. Поболь относит миску к концу II в. Аналогичные по форме миски встречены в Чаплинском могильнике (погребение № 110) [249, с. 111, рис. 36: 19]. В полуземлянке № 28 селища Тайманово также найдена маленькая нелощеная мисочка-плошка, возможно, выполнявшая роль стопки. Ее размеры: высота 2,5 см, диаметр верха 4,8 см, диаметр дна 3,5 см (рис. 64, *5*). Стопки имеются в керамическом комплексе Абидни [138, с. 23, рис. 6: 6]. Однако абидненская стопка имеет большую профилированность нижней части (оформление в виде подставки), в то время как у сосудика из Тайманово этот показатель отсутствует.

В Тайманово найдены четыре ребристые миски – две лощеные и две нелощеные. Одна лощеная миска происходит из пограничной территории поселения и могильника. Верхняя часть миски разрушена. Максимальное расширение тулова по ребру 20 см, диаметр днища 8,6 см (рис. 64, *1*). По оформлению профиля данная миска аналогична лощеной миске из Абидни (тип I для керамики Абидни) [138, с. 22; рис. 7: 1]. Вторая лощеная светло-коричневая миска обнаружена в хозяйственной яме западнее северо-западного угла полуземляночного жилища с печью-каменкой № 38. Миска биконической формы, максимальное расширение приходится на середину высоты, венчик вертикальный, шейка выделена (близка к типу II3в по Р. В. Терпиловскому, но данная миска более приземистая) [294, с. 46, рис. 8, с. 57]. Высота миски 15 см, диаметр верха 19,8 см, диаметр по ребру 21,6 см, диаметр днища 12 см (рис. 63, *2*).

Одна нелощеная ребристая миска выявлена в культурном слое поселения Тайманово. Миска сохранилась частично, ребро располагается ниже середины высоты, шейка не выделена. Высота миски 10,8 см, диаметр верха 19,6 см, диаметр по ребру 17,2 см, диаметр днища 8 см (рис. 63, *1*). Такие миски не известны в Абидне и на памятниках киевской культуры, но встречаются в керамическом комплексе колочинской культуры [196, с. 219, рис. 1]. По-видимому, они являются подражанием черняховским мискам. Однако в черняховском керамическом комплексе такую профилировку имеют миски

закрытых форм [190, с. 47–48, рис. 28], а таймановская миска относится к открытому типу. Еще одна нелощеная миска, изготовленная из кухонного теста, найдена в заполнении каменного очага на поселении, раскоп II, кв. 83 Тайманово. Максимальное расширение тулова приходится на верхнюю часть (тип I по А. В. Ильютик для керамики Абидни) [138, с. 20], (тип I1а по Р. В. Терпиловскому) [294, рис. 8]. Венчик несколько отогнут, шейка выделена. Верхний край венчика и тулово по его максимальному расширению украшены насечками. Высота миски 10,2 см, диаметр верха 15 см, максимальное расширение тулова 17,9 см, диаметр днища 10,5 см (рис. 62, *2*). Аналог данной миски известен на поселении типа Гриней Рябовка-3 (Днепровское лесостепное Левобережье) [295, с. 41–42]. Ребристые миски, изготовленные из обычного кухонного теста, иногда встречаются на киевских памятниках Среднего Поднепровья и Подесенья (Казаровичи, Гребля, Шерстин, Букреевка-2) [295, с. 41].

Таким образом, миски и плошки входили в состав ассортимента керамической посуды на протяжении всего существования Тайманово. В абсолютном большинстве они имеют местное происхождение. К самым ранним относятся непрофилированные нелощенные миски, восходящие своими корнями к зарубинецкому керамическому комплексу (Чаплин). Типичны, по-видимому, были ребристые миски, истоки появления которых также следует искать в зарубинецком гончарстве. В частности, из 86 погребений в Чаплине, достоверно относящихся к раннеримскому времени, миски присутствуют в 76 погребениях (88 %), причем в абсолютном большинстве это лощеные ребристые миски (88,4 %). Однако все эти миски имеют ребро выше середины высоты. Миски таких форм продолжают бытовать на раннем этапе культуры Абидня (тип I по А. В. Ильютик). Это лощеные и нелощеные миски. Миски с ребром ниже середины высоты на раннем этапе не встречаются, впоследствии такие миски встречаются в колочинском керамическом комплексе.

Сковороды. На поселении Тайманово было найдено довольно много обломков сковородок (**31 фр.**). Они представляли собой керамические диски с бортиками диаметром 12–26 см. На поселении Абидня встречены только диски (без бортиков) [138, с. 22]. Диски (без бортиков) были распространены во второй половине I тыс. н. э. в Среднем Поднепровье и Подесенье Сковородки с низким бортиком известны уже позднее – в колочинском керамическом комплексе [196, с. 219; 285, с. 28], в пеньковской культуре [262, с. 35].

Таким образом, на основании целых сосудов и сохранившихся форм была произведена типология керамической посуды Тайманово. Всего было выделено три типа для горшков. Первый тип – сосуды с максимальным расширением в верхней части, они бытовали в Тайманово на протяжении III–IV вв. (B2/C1 – C3), но особенно характерны для III в. (B2/C1 – C2), типологически и хронологически синхронны с керамикой Абидни. Второй тип – бикони-

ческие сосуды, которые не характерны для ранних комплексов. Время их бытования – вторая половина III – первая половина V в. (C2 – D3). В Абидне эти сосуды достаточно редки (3 сосуда). В то же время биконические сосуды с ребром посередине высоты продолжали существовать и в дальнейшем, в колочинское время. Третий тип – слабопрофилированные сосуды с расширением в средней части, диаметр горловины равен или почти равен диаметру максимального расширения тулова. Они появляются не ранее второй половины III в. (C2), возможно, ближе к IV в. (C3). Такие сосуды не известны в Абидне, практически отсутствуют в киевских древностях Среднего Поднепровья и Подесенья, в то же время типичны для колочинской культуры. Лощеными были только горшки первого и второго типов. Все горшки третьего типа нелощеные.

Миски и плошки входили в состав ассортимента керамической посуды на протяжении всего существования Тайманово. В абсолютном большинстве они имеют местное происхождение (слабопрофилированные и ребристые). К самым ранним относятся непрофилированные нелощенные миски, восходящие своими корнями к зарубинецкому керамическому комплексу (Чаплин). Для культуры Абидня, особенно для развитого и позднего периодов (Тайманово), характерны сковородки с бортиком, в зарубинецком гончарстве и на раннем этапе культуры Абидня доминировали диски. Такие же сковородки продолжало использовать в дальнейшем колочинское и пеньковское население.

Для керамической посуды из ранних памятников и комплексов культуры Абидня характерно сохранение черт, типичных для постзарубинецкой керамики, с плавной линией профиля и максимальным расширением в верхней части (тип I). Преобладают варианты сосудов стройных пропорций с округлым боком. Они ведут свое происхождение из зарубинецкого гончарства. Остальные варианты горшков I типа представлены единичными экземплярами, в том числе сосуды тюльпановидной формы. В то же время тюльпановидные горшки являются самыми массовыми в постзарубинецкой чечерской группе [86, с. 65]. В раннеримских погребениях могильника Чаплин похожие формы встречаются крайне редко (погребение № 115). А. И. Дробушевский считает господство тюльпановидных сосудов одной из специфических черт чечерской группы, правда, не объясняет их происхождение [86, с. 66–67]. В действительности тюльпановидные сосуды характерны для более восточных территорий, в частности, территории Подесенья, на памятниках типа Почеп, где, как полагают, являются наследием юхновского субстрата [293, с. 22]. По-видимому, проникновение юхновского субстрата в Посожье и придало специфическую окраску древностям типа Чечерск. В дальнейшем отдельные элементы проникали и в поречье Белорусского Днепра (Тайманово). В третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Подне-

провье тюльпановидные горшки были достаточно распростанены на городище Колочин [196, с. 219]. В настоящее время трудно сказать, были ли тюльпановидные горшки ведущей формой только на городище Колочин или для всей колочинской культуры. В любом случае не ясно, почему тюльпановидные горшки стали одной из ведущих форм даже на городище Колочин.

Развитый период существования культуры Абидня (со второй половины III в.) (период C2) характеризуется бытованием всех типов горшков. Помимо горшков I типа с максимальным расширением в верхней части появляются ребристые горшки с максимальным расширением посередине или почти посередине высоты (биконические) (тип II). Считается, что ребристые формы восходят к зарубинецким ребристым горшкам. В Верхнем Поднепровье – это могильник Чаплин, особенно лощеные горшки. Они встречаются в том числе в раннеримских комплексах (погребения № 6, 30, 210) [249, с. 63, рис. 14: 13; с. 74, рис. 20: 2; с. 164, рис. 58: 20]. Ребристые формы горшков известны и в культуре штрихованной керамики, где появляются в конце I тыс. до н. э. и бытуют до III–IV вв. [213, с. 32; 136, с. 28]. Однако смущает тот факт, что ребристые горшки практически отсутствуют на раннем этапе культуры Абидня. На самом поселении и могильнике Абидня известны только три ребристых горшка: из полуземлянки № 24, погребения № 7, хозяйственной ямы [138, с. 22, рис. 6: 1, 5: 3, рис. 6: 3]. Следует отметить, что все они имеют ребро выше середины высоты. Почти все эти горшки можно отнести к раннему этапу существования Абидни. Горшок из постройки № 24 по синей плоской бусине относится к периоду B1/C1 – C1a [140, с. 206; 143, с. 208], горшок из погребения № 7 датируется III в. [258, с. 62], аналог горшку из хозяйственной ямы представлен в погребении № 172 могильника Чаплин. Горшки, у которых ребро расположено в верхней трети высоты, характерны для позднего этапа культуры штрихованной керамики.

Горшок, напоминающий биконический, по мнению А. В. Ильютик, происходит из погребения № 8 могильника Абидня и датируется III в. [258, с. 62, рис. 5: 6]. К биконическим она относит горшок из культурного слоя поселения Абидня, имеющий широкую датировку (III – середина V в.) (период C1 – D3) [138, табл. 4, рис. 3: 5]. Особенностью «биконических» горшков Абидни является сглаженное, едва намеченное ребро. На наш взгляд, по таким критериям к «биконическим» с большим успехом можно отнести горшок из постройки № 28 поселения Абидня, который по подвязной фибуле может датироваться серединой III в. (период C1b) [138, рис. 6: 4]. Таким образом, все горшки, напоминающие биконические, относятся к III в. (период C1 – C1b/C2). По мнению А. В. Ильютик, сглаженное ребро характерно для посуды бассейна (средней. – *Н. Д.*) Березины и является локальной особенностью региона [136, с. 28–29; 2016, с. 266]. Присутствие подобных горшков в Абидне –

результат контактов местного населения с населением средней Березины [140, с. 203; 143, с. 205].

Для Тайманово больше характерны биконические горшки с четко выраженным ребром, расположенным примерно посередине высоты (тип II1), которые отсутствуют в Абидне. Время их появления – конец III – начало IV в. (период С2/С3). Биконические горшки этого типа занимают третью позицию в колочинском керамическом комплексе (по материалам городища Колочин) [196, с. 219]. В то же время в Тайманово продолжают бытовать, но в меньшем количестве, горшки со сглаженным ребром, но все равно примерно посередине высоты (тип II2). Горшки, у которых ребро занимает положение выше середины высоты (тип II3), в Тайманово присутствуют в единичных экземплярах.

Ближе к концу III в. (период С2/С3) в Тайманово получают распространение горшки вытянутых пропорций с максимальным расширением примерно посередине высоты (тип III), которые в дальнейшем составили основу колочинского керамического комплекса. Такие горшки отсутствовали у зарубинцев, не знало их население раннего и среднего этапа культуры Абидня. Не исключено, что появление этих форм не обязательно являлось продуктом какого-то культурного заимствования, они могли появиться в результате трансформации биконических форм путем сглаживания ребра и общего вытягивания пропорций.

Таким образом, формы керамических сосудов верхнеднепровского региона во второй четверти I тыс. н. э. по материалам Абидни и Тайманово имеют свои региональные особенности, отличные от соседних территорий. Следует учитывать, что все региональные особенности связаны не только с культурными особенностями, присущими именно данной культурной общности на данной территории. Необходимо отметить, что все разработанные типологии, особенно для лепной посуды, являются условными. Прежде всего, любой лепной сосуд является индивидуальной работой мастера, несмотря на то, что мастер работает в рамках определенных устойчивых традиций. Также на форму сосуда оказывают влияние внешние факторы: качество сырья, период и условия сушки сосуда, качество обжига. Нередко в каждой общине могла существовать своя традиция изготовления керамической посуды [184, с. 356]. Суть этой местной общинной традиции состояла в том, что в рамках общей традиции существовали свои локальные особенности, которые возникали под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Формы, а нередко даже ассортимент посуды зависели от сырья, которое возле каждого поселения могло иметь свои особенности. Не последнюю роль играли квалификация самого мастера, его навыки, стиль его работы. Не исключено, что формы сосудов, аналоги которых не известны, являются результатом новаторства мастера.

3.2. Вещевой комплекс и хозяйственные связи населения I–V вв. Могилевского и Гомельского Поднепровья

Предметы, выявленные в процессе археологических раскопок, характеризуют жизнь древнего населения, специфику его хозяйственных занятий, уровень развития социальных отношений, культуру и, отчасти, идеологические воззрения. Степень сохранности древних предметов зависит от характера культурного слоя, его консервирующих способностей.

Культурный слой поселений на памятниках I–V вв. Могилевского и Гомельского Поднепровья представляет собой песок серой и темно-серой окраски из-за перегнившей органики. Мощность культурного слоя редко превышает 0,4–0,6 м. Максимальная глубина погребений в грунтовых могильниках от современной дневной поверхности не превышает 0,7–0,8 м. Сами погребения также находятся в песчаном слое. Незначительная мощность культурного слоя на памятниках культуры, его слабые консервирующие способности привели к тому, что слой очень плохо сохраняет предметы из органических материалов. Практически все выявленные находки изготовлены из неорганических материалов (керамика, стекло, цветные и черные металлы, камень).

Следует отметить, что коллекция индивидуальных находок из различных памятников неравноценна. Также нераноценна коллекция предметов по культурным горизонтам. Коллекция предметов, относящихся к постзарубинецкому горизонту (I–II вв.), несомненно, уступает в количественном и качественном отношении коллекции предметов из памятников культуры Абидня (конец II – середина V в.). Это объясняется не только неравнозначным количеством памятников по разным периодам, но и степенью их изученности. В настоящее время лучше всего изучены памятники культуры Абидня, в то время как постзарубинецкие материалы только сравнительно недавно выделены в отдельный горизонт. Также постзарубинецкие материалы крайне редко образуют отдельный стратиграфический горизонт, еще реже встречаются «чистые» постзарубинецкие памятники. Лучше всего по разнообразию и богатству различных находок представлены археологические коллекции из комплексов Абидни и Тайманово. В частности, коллекция вещей из наиболее изученного памятника – поселения и могильника Тайманово – насчитывает 1126 индивидуальных находок по 55 категориям.

3.2.1. Орудия труда и инструменты

Наибольший интерес среди находок прежде всего вызывают орудия труда и инструменты, определяющие уровень развития производства у данного населения. Основным материалом, который использовался для изготовления орудий труда и инструментов в I тыс. н. э., являлось железо. Сырьем

для получения железа служили местные болотные железные руды, достаточно широко распространенные на территории Беларуси. По результатам исследований М. Ф. Гурина, изучавшего болотные руды, залегающие в днепровской пойме вблизи Тайманово и Абидни, установлено, что именно эти руды использовались древними металлургами данных поселений [71, с. 23].

Обработка железа и изготовление орудий труда и инструментов также носили местный характер. Это подтверждают находки железных криц, служивших материалом для получения железных изделий, и железных шлаков, остающихся после выплавки железа. Незначительное количество криц, найденных на поселениях I тыс. н. э. Белорусского Поднепровья, по мнению того же М. Ф. Гурина, свидетельствует не только о достаточно высоком уровне профессионального мастерства древних металлургов, но и о том, что металла выплавлялось мало и мастера редко позволяли себе такую роскошь, как выбраковка криц [71, с. 38]. Металлургия железа осуществлялась в примитивных горнах с низкой производительностью, вес восстановленного за один цикл металла составлял сотни граммов [71, с. 107].

По-видимому, в этот период выплавку металла и изготовление изделий мастер совмещал в одном лице. Основным способом изготовления изделий была горячая ручная ковка. Древние мастера хорошо знали свойства железа, а также стали и умело использовали их на практике. Основным способом подготовки металла и изготовления изделия являлась горячая ручная свободная ковка. Нередко наиболее ответственные изделия (топоры, ножи, серпы) подвергались специальной обработке (псевдопакетированию), сочетавшей ковку со сваркой [71, с. 108]. Особенно широко использовалось пакетирование сырья на поселении Тайманово. Например, все найденные на селище лезвия топоров имеют псевдопакетную структуру. Особенно высокий уровень кузнечного ремесла характерен для Абидни. Если на всех остальных памятниках Белорусского Поднепровья в I тыс. н. э. количество термообработанных изделий составляет всего лишь 10 %, то на селище Абидня – 25 %. Из мягкого металла на поселении Абидня изготовлено только 12,5 % предметов, остальные сделаны из сырцовой стали или из железа с последующей цементацией изделий [71, с. 101]. По мнению М. Ф. Гурина, отсутствие на соседнем поселении Абидня изделий из псевдопакетного металла и редкие случаи сварки изделий объясняются не низким уровнем мастерства абидненских гончаров, а использованием более массивных и качественных криц [71, с. 97]. Аналогичный уровень металлообработки характерен в первой половине I тыс. н. э. и для Среднего Поднепровья [295, с. 79]. В северных районах Белорусского Поднепровья уровень кузнечного ремесла в этот период был ниже [71, с. 98].

Из орудий труда и инструментов на памятниках I–V вв. Белорусского Поднепровья найдены фрагменты ***топоров, наральник, серпы, обломок косы, различные универсальные инструменты***.

Земледельческий инвентарь представлен ***наральником, серпами, косой***.

Железный наконечник пахотных орудий – узколопастный ***наральник*** без плечиков представлен в одном экземпляре. Он происходит из культурного слоя селища Тайманово. Наральник поврежден (обломано лезвие), его параметры: длина сохранившейся части до 10,0 см, максимальная ширина до 7,5 см, высота втулки 3,0 см (рис. 65, *6*). Судя по реконструкции Л. Д. Поболя, общая длина наральника составляла около 18 см. По-видимому, в действительности обломанная рабочая часть лезвия была несколько короче. Отсутствие достоверного значения общей длины затрудняет отнести его к какому-либо определенному типу по классификации Ю. А. Краснова. По реконструкции Л. Д. Поболя данный наральник мог бы относиться к группе IA2 [164, с. 109–110; 165, с. 37]. Но, по-видимому, таймановский наральник все-же относится к группе IA1 [164, с. 109–110; 165, с. 37]. На территории Беларуси железный наральник группы IA1 по Ю. А. Краснову также происходит из банцеровского поселения Микольцы и датируется в пределах второй половины I тыс. н. э. [205, с. 228–229]. В киевских древностях Среднего Поднепровья известно 3 экз. наральников: фрагмент лезвия из хозяйственной постройки поселения Ульяновка, обломок втулки из поселения Каменево-2 и целый экземпляр, найденный вблизи поселения Обухов VII. Все эти наральники находят аналогии в черняховской культуре, в частности, очень похожий на таймановский наральник происходит из черняховского могильника Волошское (Нижний Днепр). В дальнейшем они получают распространение в славянских древностях V–VII вв. и более позднего времени [165, с. 37; 294, с. 59–60; 190, с. 89–90, рис. 81: 5; 295, с. 75]. Ю. А. Краснов идентифицирует наконечники группы I только с рабочими наконечниками однозубых рал [165, с. 63].

Известно, что население культуры штрихованной керамики – западные соседи племен культуры Абидня – использовало костяные наконечники пахотных орудий. В частности, такой костяной наконечник происходит из городища Кащеличи, там же была найдена массивная костяная проколка – заготовка наконечника. Кащеличский наконечник исследователь памятника А. М. Медведев датирует II в. н. э. [205, с. 34]. По-видимому, костяные наконечники пахотных орудий известны не только в ареале культуры штрихованной керамики. Например, аналогичное изделие найдено на городище Уваровичи (Посожье) [82, с. 5–7]. Не исключено, что подобные орудия могли использоваться и населением культуры Абидня.

Основными орудиями уборки зерновых культур служили ***серпы***. К наиболее ранним серпам относится серп из постзарубинецкого горизонта городища Отрубы (Нижняя Березина). Длина сохранившейся части серпа 12,5 см,

верхний конец обломан (рис. 65, *3*). Небольшие размеры и отсутствие крючка позволяют отнести серп к ранним типам и датировать первой половиной I тыс. н. э. Следует отметить, что М. И. Лошенков рассматривал данную находку как серповидный нож, причем в качестве иллюстрации представил предмет, отличный от отрубской находки [182, с. 150, рис. 49: 5]. С первой четвертью также связана находка серпа с изогнутой спинкой из городища Петровичи [181, с. 13, рис. 2].

В Абидне выявлены четыре целых и два обломка серпов [140, с. 231, рис. 24; 142, с. 233, рис. 24]. В Таймановo найдены один целый серп и 13 обломков серпов. Из них три серпа происходят из полуземляночных построек (целый серп из постройки № 27, почти целый серп из постройки № 30 и фрагмент черенка из постройки № 32), остальные серпы – из культурного слоя поселения. Постройка № 27 датируется 170–310 гг., постройка № 32 – 200–310 гг., т. е. обе постройки существовали примерно в конце II – начале IV в.

Судя по металлографическому анализу, серпы в ареале культуры Абидня изготавливались из стали (Абидня, Таймановo), в том числе встречаются цельностальные закаленные экземпляры (Абидня) либо из псевдопакетного металла [71, с. 47, табл. 11; 73, с. 15].

Общая длина целого экземпляра серпа из постройки № 27 поселения Таймановo составляет 20,4 см, длина лезвия 14,4 см, длина черенка 7,2 см, ширина лезвия и черенка 1,3 см, толщина 0,3 см (рис. 65, *2*). Для данного серпа, как и для большинства других таймановских серпов, характерно черенковое крепление рукояти (тип ІД по Р. С. Минасяну). Р. С. Минасян датирует этот тип серпов в пределах I тыс. н. э. [211, с. 79]. Из таймановской постройки № 30 происходит почти целый серп также с черенковым креплением рукояти. Серп сохранился на длину 14,4 см, длина лезвия – 11,2 см, ширина лезвия – 1,8 см, длина сохранившейся части черенка 3,2 см, ширина – 1,3 см, толщина 0,4 см (рис. 65, *3*). Этот серп относится к типу ІБ по Р. С. Минасяну. По его мнению, серпы данного типа бытуют от первых веков н. э. до V–VI вв. [211, с. 78]. Серпы с черенковым креплением рукояти широко представлены на соседнем поселении Абидня [254, с. 118, рис. 20], длина абидненских серпов составляет около 25 см [243, с. 174]. Серпы с черенковым креплением рукояти в целом характерны для лесной зоны в I тыс. н. э.

На поселении Таймановo известно три обломка черенков серпов с загнутым концом пятки (рис. 65, *4*, *5*) (тип II.1 по Р. С. Минасяну) [211, с. 79]. Серпы с пяткой известны и на поселении Абидня [243, с. 174]. На памятниках соседней культуры штрихованной керамики серпы с подобным креплением рукояти также появляются во второй четверти I тыс. н. э. (Городище, Микольцы, Аношки, Кащеличи и др.) [126, с. 80–81, табл. 48; 205, с. 228]. Серпы с загнутым концом пятки или крючком характерны для синхронных памятников Среднего Поднепровья [294, с. 61; 295, с. 75]. Серпы с крючком

также являются наиболее распространенной категорией в древностях Заозерье-Узмень, их появление там связано с влиянием южного лесостепного населения [179, с. 58]. Такие серпы восходят к скифским образцам и бытовали до конца I тыс. н. э. Т. С. Бубенько полагает, что верхняя граница бытования серпов «с пяткой» в Верхнем Поднепровье – V–VI вв. [45, с. 289].

В Дедново был найден обломок железной ***косы***, который автор раскопок относит ко второй четверти I тыс. н. э. [135, с. 55, рис. 13: 1]. На территории Беларуси находки кос этого времени известны на городищах культуры штрихованной керамики (Кащеличи, Горани). А. М. Медведев полагает, что косы, в частности, на городища Понеманья (Кащеличи, Горани) попали из Литвы и датируются II–V вв. [205, с. 39]. На памятниках Понеманья (Городище, Микольцы) находки кос встречаются и в более позднее время (V–VIII вв.) [205, с. 228]. Судить о размерах кос I тыс. н. э. сложно, поскольку они выявлены в небольших обломках. Однако исследовательница древнерусского земледелия Т. Н. Коробушкина полагает, что косы этого времени короче древнерусских кос и менее совершенны [162, с. 54].

Универсальные инструменты

Универсальные инструменты представлены ***ножами, ножницами, шильями, различными проколками, молотком***.

Железные ножи, целые и в обломках, являются частой находкой. Например, на селище и могильнике Тайманово найдено 73 ***ножа*****,** из них 11 целых и остальные в обломках (рис. 67). 12 ножей происходят из полуземляночных построек (постройки № 6 (целый), 7, 9 (целый), два ножа из постройки № 15, построек № 18 (целый), 19, 25, 28 (целый), 35, 39, 47). Несколько десятков ножей выявлено в Абидне. Встречаются они и на других памятниках (Прудок, Симоновичи, Дедново, селище Щатково). Все ножи можно разделить на два типа.

К первому типу относятся ножи, в которых спинка клинка непосредственно переходит в черенок (рис. 67, *3*, *9*) (I группа по классификации Р. С. Минасяна) [212, с. 69]. Такие ножи найдены только в Тайманово.

Большая часть ножей относится ко второму типу. Это ножи с уступом при переходе от лезвия к черенку (II группа по классификации Р. С. Минасяна) [212, с. 69–70]. Уступы между лезвием и черенком либо плавные, либо четко очерченные (рис. 67, *1*, *2*, *4–6*, *8*, *10*, *11*).

Длина целых ножей с прямой спинкой варьируется от 6,0 до 17,2 см, обычно – от 8,0 до 14,0 см. Ширина лезвий до 3,0 см, чаще до 2,0 см. Толщина лезвий 0,2–0,4 см, в отдельных случаях – до 0,6 см. Следует отметить, что небольшие ножики длиной вместе с черенком 6–10 см найдены только в Тайманово (4 целых экз.), а длина абидненских ножей составляет 12–17 см [243, с. 175]. Обычно на черенки насаживались цельные рукояти. Реже рукояти состояли

из двух пластин, скрепленные заклепками. На поселении Тайманово только в одном случае зафиксирован подобный способ крепления рукояти: в черенке ножа были просверлены отверстия. Способ крепления заклепками известен и на среднеднепровских памятниках (Ульяновка, Роище) [294, с. 59]. По-видимому, появление способа крепления рукояти заклепками относится к позднему этапу культуры Абидня (IV – середина V в.). Широкое распространение такой способ крепления получил уже в эпоху позднего средневековья. На поселении Абидня выявлено до десятка ножей, у которых сохранились круглые хомутики для более прочного крепления к черенкам [243, с. 175].

В культурном слое поселения Тайманово на глубине 0,5 м найден небольшой ножик с обломанным широким черенком и с резко отогнутым лезвием. Длина лезвия ножа 3,1 см, ширина – до 1,2 см, толщина лезвия 0,5 см (рис. 67, *7*). Возможно, это сапожный нож или, скорее всего, из-за небольших размеров – косторезный нож. Интересной находкой является миниатюрный железный нож длиной 8 см из поселения Прудок. Толстая спинка, резко суживающееся к верху лезвие указывают, что данный нож мог быть моделью боевого ножа и, очевидно, имел ритуальное значение [87, с. 43, мал. 1: 4].

Шилья в Абидне, Тайманово откованы из железных или стальных стержней длиной до 12,0 см. Всего в Тайманово найдено четыре шила: два целых и два в обломках. Одно целое шило происходит из постройки № 8 (рис. 66, *10*). Рабочая часть шильев круглая, длиной до 9,0 см, черенок, на который насаживалась деревянная рукоять, имеет в сечении прямоугольную или квадратную форму.

Аналогичную функцию, по-видимому, выполняли различные ***проколки*** и ***острия*****,** в большом количестве найденные на поселениях. Например, в Тайманово найдено 80 целых и фрагментированных проколок. Длина целых проколок (13 экз.) от 3,6 до 16,4 см. Самая маленькая проколка длиной 3,6 см была найдена в заполнении полуземлянки № 18. Как правило, проколка состоит из двух частей: круглого в сечении острия и прямоугольного, квадратного или ромбического черенка. Иногда черенок также имеет овальное (проколка из постройки № 48) или круглое (проколка из постройки № 18) сечение. Также встречаются проколки, где обе части имеют квадратное или прямоугольное сечение (4 целых и 2 фрагментированных экземпляра). Две целые такие проколки найдены в заполнениях построек № 27 и 29. Как правило, в таких проколках рабочая часть уже, чем черенок. Обломками проколок могут также быть остатки круглых, квадратных, ромбических или прямоугольных в сечении ***стержней***. Всего в Тайманово найдено 46 таких находок. Одна из фрагментированных проколок длиной 11,3 см, происходящая из культурного слоя поселения (раскоп XXIX), возможно, является обломком ***кресала***. Различные острия и проколки известны и на других памятниках (Прудок, Симоновичи, Дедново).

Также железные шилья и проколки длиной 8–20 см с острием круглого сечения и черенком квадратного или ромбического сечения были широко распространены и на соседних территориях [126, с. 81, табл. 51; 205, с. 40]

К проколкам функционально тяготеют ***железные иглы***. В Тайманово найдено 7 железных игл, из них одна целая и шесть в обломках. Три иглы найдены в заполнении полуземлянок № 15, 28, 30, остальные происходят из культурного слоя поселения. В большинстве иглы в сечении круглые, их толщина 0,3 см, и только одна игла из полуземляночной постройки № 30 имеет прямоугольное сечение 0,3×0,4 см. Длина целой иглы из полуземлянки № 28 составляет 7,1 см, размеры ушка 0,5×0,1 см (рис. 66, *9*). Целые иглы с ушками известны на поселении Абидня [254, с. 109, рис. 34], а также у западных и северо-западных соседей – на поселениях культуры штрихованной керамики (Горани, Кащеличи, Ивань, Кимия, Лабенщина, Мысли, Новоселки) [126, с. 81, табл. 52; 205, с. 40, рис. 2.21: 8] и у южных соседей – на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья (Глеваха) [294, с. 62, рис 14: 17]. Одна целая игла с ушком из Абидни найдена в полуземлянке № 20 [140, с. 235, рис. 26: 8; 142, с. 237, рис. 26: 8], которая относится к первой половине III в. Железные иголки с ушками были широко распространены в пшеворских древностях [334, s. 13–14, taf. VII: 1; s. 17, taf. XIX: 1; s. 24, taf. XXXV: 5; s. 25, taf. XXXVII: 1; s. 26, taf. XLII: 2; s. 43 – 44, taf. XCV: 3; s. 49, taf. CX: 5; s. 50, taf. CXII: 5; s. 51, taf. CXIV: 11; s. 64, taf. CXLII: 6; 335, s. 15, taf. LX: 11; s. 32, taf. LXVI: 5].

В Абидне найдены пружинные ***ножницы*** длиной около 27 см [243, с. 174, рис. 61: 5; 140, с. 233–234, рис. 26: 1; 142, с. 235–236, рис. 26: 1]. В Белорусском Поднепровье это единственная находка. Однако подобные ножницы известны на соседних территориях, в частности, в ареале культуры штрихованной керамики. Аналогичные ножницы найдены на городищах Кащеличи, Мысли (жилище № 5), также небольшой обломок ножниц происходит из городища Горани. Железные ножницы из Кащелич А. М. Медведев датирует 100–250 гг. [205, с. 77, рис. 2.50: 20]. А. А. Егорейченко отмечает многочисленные аналогии ножницам из Мыслей в провинциальноримских культурах Центральной Европы (I–IV вв.) [126, с. 81, рис. 52: 12]. Действительно, пружинные ножницы довольно часто встречаются в погребальных комплексах пшеворской культуры, где датируются временем – от B2b до C1a [334, s. 12, taf. II: 6; s. 17, taf. XIX: 4; 335, s. 15, taf. X: 16; s. 17, taf. XIX: 2; s. 24, taf. XLIII: 3; s. 25, taf. XLIV: 12; s. 27, taf. LIII: 2; s. 28, taf. LV: 7; s. 32, taf. LXVI: 6; s. 37, taf. LXXVII: 9; s. 40, taf. XXXIV: 2].

На поселении Тайманово найден целый ***молоток*** длиной 5,9 см (рис. 66, *6*). Молоток изготовлен из псевдопакетного металла [71, табл. 13].

Специализированные инструменты

К специализированным инструментам относятся, прежде всего, ***деревообрабатывающие инструменты – топоры, долота, пробойники, стамески***.

На поселении Тайманово выявлено 11 обломков лезвий железных ***топоров*** (рис. 66, *3–5*). В основном все они происходят из культурного слоя, только один обломок топора найден в заполнении полуземляночной постройки № 27. Топоры были цельножелезные или сваренные из двух пластин, довольно часто встречаются топоры с лезвиями из псевдопакетного металла [71, с. 48]. Обломок лезвия топора происходит из культурного слоя селища Абидня. А. В. Ильютик полагает, что он относится к узколезвийному проушному топору [140, с. 235, рис. 26: 12; 142, с. 237, рис. 26: 12]. На городище культуры штрихованной керамики Кащеличи топоры и их обломки выявлены в III горизонте, который исследователь памятника А. М. Медведев датирует второй половиной I в. н. э. – первой половиной II в. [205, с. 72]. А. Г. Митрофанов, а также А. А. Егорейченко датируют находки топоров в ареале культуры штрихованной керамики первыми веками н. э. [213, с. 34; 126, с. 79].

С первой четвертью I тыс. н. э. связан целый топор-кельт из городища Петровичи [181, с. 13, рис. 2]. Похожий топор-кельт найден на городище культуры штрихованной керамики Городище, где датируется I–II вв. [205, с. 37, рис. 2.15: 8] Топоры-кельты с прямоугольной втулкой выявлены в раннеримских погребениях вместе с копьями, дротиками могильника Чаплин [249, с. 174, рис. 60: 21; с. 180, рис. 65: 2; с. 184, рис. 67: 3].

В Тайманово найдены ***долото***, два целых ***пробойника*** и один фрагментированный. Долото найдено в заполнении постройки № 34, длина сохранившейся части 12,6 см (рис. 66, *2*). Находки долот известны и на соседних территориях (Горани) [205, с. 40]. Размеры целых таймановских пробойников от 9,1 до 16,1 см (рис. 66, *1*). Из Абидни происходит небольшое железное ***зубило*** длиной 4,5 см [243, с. 175], обломок зубила известен и в Симоновичах [105, с. 96, рис. 6: 16]. Находки железных зубил встречаются и у западных соседей (Городище) [126, с. 81].

Из Абидни также происходит небольшое ***долото (стамеска)*** [243, с. 314, рис. 7: 7; 140, с. 235, рис. 26: 4; 142, с. 237, рис. 26: 4].

Другие хозяйственные предметы

Другие хозяйственные предметы представлены ***гвоздями***, ***заклепками***, различными ***скобами***. Находки этих предметов известны на всех памятниках. Например, ***гвозди*** в Тайманово в основном изготавливались из круглых, изредка квадратных железных стержней длиной до 6 см (20 экз.). В культурном слое поселения Тайманово найден один бронзовый гвоздь с обломанным

острием длиной до 2,0 см. Он изготовлен из пластины толщиной 0,2 см. Не исключено, что это обломок ***гвоздевидной булавки***.

В Тайманово выявлены три ***заклепки*** – одна железная, две бронзовые. Железная и одна бронзовая заклепки происходят из заполнения полуземляночной постройки № 29, вторая бронзовая заклепка выявлена в культурном слое поселения Тайманово.

Орудия рыбной ловли

К орудиям рыбной ловли относятся железные ***крючки***. В Тайманово, в частности, найдено 9 крючков, обломок стальной однозубой ***остроги*** (рис. 66, *8*). В Абидне найдена бронзовая ***блесна*** [140, с. 223, рис. 21: 22; 142, с. 225, рис. 21: 22].

Почти все ***крючки*** в Тайманово найдены в культурном слое поселения, один обломок выявлен в заполнении постройки № 27, также один крючок происходит из ямы-погреба (раскоп XXII, гл. 0,5 м) (рис. 66, *7*, *11–15*). Крючки крупных размеров, в сечении круглые, прямоугольные или квадратные. Их можно разделить на два типа. Крючки I типа не имеют на конце острого шипа (тип III по В. А. Мальму) [201, с. 117]. Достоверно к этому типу относятся 5 экз. Крючки II типа – с шипом (тип IV по В. А. Мальму) [201, с. 117]. К этому типу относятся 2 экз., причем у одного крючка кончик шипа обломан. Два остальных обломка крючков, в том числе крючок из постройки № 27, невозможно отнести к какому-либо определенному типу из-за их фрагментарности. У некоторых крючков сохранилась петелька для привязывания к леске (рис. 66, *15*). Крючок II типа (с шипом) известен на поселении Симоновичи [105, с. 96, рис. 6: 5], аналогичный крючок найден на поселении Дедново [134, с. 31, рис. 11: 8]. Рыболовные крючки, в том числе и крупных размеров, известны также на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья (Казаровичи, Букреевка 2) [294, с. 62]. На соседних территориях (Подвинье, Средняя Беларусь, Понеманье) известны крючки в основном I типа (без шипа), но встречаются также крючки II типа (с шипом) (Зароново, Клишино) [45, с. 279, рис. 7: 7, фото 74: 8–10; 126, с. 81, табл. 53; 205, с. 41, рис. 2.25; 310, с. 80, мал. 7: 7–9]. Там также найдены обломки железной остроги, аналогичной таймановской остроге (Горани) [205, с. 41, рис. 2.25: 5].

3.3. Предметы бытового назначения

Предметы бытового назначения представлены ***ключом, кресалами, фитильной трубочкой, бритвами, пинцетами, ручкой от сосуда или сундука, костяным гребнем***.

Железные ***ключи*** с обломанными концами к железному навесному замку длиной до 9,4 см найдены в культурном слое поселения Тайманово. Они изго-

товлены из круглого в сечении стержня диаметром 0,6 см, нижняя часть имеет прямоугольное сечение размером 0,5×0,3 см и загибается под углом (рис. 68, *5*). Ключи – редкая находка на римских памятниках Восточной Европы, они известны в единичных экземплярах. В частности, ключи выявлены на черняховском могильнике Ружичанка, где датируются временем B2-C3 (тип E по Коковскому) [66, с. 11–13, рис. 1: 11–13]. Как считают, железные навесные замки изобрели кельты, их у них заимствовали римляне, которые, собственно, усовершенствовали их. Очевидно, к нам в Белорусское Поднепровье замки и, соотвественно, ключи к ним попали из пшеворского [333, p. 60–65, fig. 3: 5, 6] или черняховского ареала [190, с. 85, рис. 80: 1–2].

Во всяком случае в вельбарской культуре и культурах эльбского круга они неизвестны.

Достаточно широко представлены ***кресала.*** Из Тайманово, например, происходят 8 железных кресал. Одно целое кресало выявлено в погребении № 2 могильника (рис. 68, *1*). Остальные найдены на поселении, причем один обломок кресала происходит из заполнения полуземлянки № 29 (рис. 67, *9*), остальные – из культурного слоя. Типологически все кресала делятся на три группы.

К первой группе относятся пластинчатые кресала с петлей на конце для подвешивания к поясу (3 экз.) (рис. 68, *6, 8, 9*). Их длина до 9,0 см. Концы петли замкнуты. Пластинчатые кресала с петлей встречены также в Абидне (7 экз.) [71, рис. 35: 258; 254, с. 103, 119, рис. 22; с. 120, рис. 23; 140, с. 233, рис. 25; 142, с. 235, рис. 25]. У одного из абидненских кресал, выявленного в полуземлянке № 2, длиной 13 см сохранился крючок для подвешивания к поясу, похожее кресало с крючком для подвешивания найдено на могильнике Крупице (Восточная Польша), в погребении № 224, которое относится к раннеримскому периоду B2 [343, taf. LXIII: 1, s. 56]. Кресала с петлей достаточно широко встречаются в пшеворских могильниках на территории Восточной Польши (Надколе 2, погребения 86, 122; Цыбловице Дуже, погребение 13) и относятся к концу раннеримского периода B2b [322, s. 36–37, 205, s. 45, 227; 335, s. 15, 120]. Однако петля у них не замкнутая, а свернута в кольцо впритык к основанию рабочей пластины либо конец прута кольца у основания загнут наружу. Такие кресала известны также на более северных памятниках Верхнего Поднепровья и Подвинья (Слобода-Глушица, Демидовка, Ермошино, Заозерье) [179, с. 58–59]. На территории Беларуси этот тип кресал появляется в римское время и со временем распространяется дальше на восток. В частности, в ареале тушемлянской культуры, как полагает Е. А. Шмидт, данный тип кресал широко распространился после середины I тыс. н. э. и бытовал до конца I тыс. н. э. [313, с. 68, 314, с. 20, табл. 13: 8]. Хотя не исключено, что это произошло несколько раньше. Например, на позднедьяковских памятниках такие кресала, по мнению И. В. Ислановой, появились со второй четверти I тыс. н. э. [144, с. 219].

К первой группе тяготеет кресало с заостренным острием из культурного слоя поселения Тайманово. Оно состоит из трех частей: сложенной вдвое пластинки с заклепкой, сплошного кольца и острия. Острие в сечении круглое, край обломан, длина сохранившейся части составляет 7,7 см, диаметр 0,4 см, диаметр кольца 0,8 см (рис. 73, *1*).

Ко второй группе относятся долотовидные кресала (4 экз.) (рис. 68, *1–4*). Целое долотовидное кресало длиной около 21 см происходит из погребения № 2 таймановского могильника (рис. 68, *1*), второе целое кресало длиной 17,4 см найдено в культурном слое поселения Тайманово (рис. 68, *2*). Похожие кресала выявлены на селище Нижняя Тощица длиной 22 см [251, с. 179, рис. 12: 8], поселении Прудок длиной 13,5 см [87, с. 42–43], селище и городище у д. Городище длиной от 6,6 до 14,5 см [213, с. 109; рис. 57: 7, 58: 11], селище Зароново [45, с. 284, фото 74: 7]. Долотовидные кресала хорошо известны в Смоленском Поднепровье и Подвинье, в ареале тушемлянской культуры (Демидовка, Кислая, Куприно, Шугайлово, Никодимово, Арефино, Узмень). Е. А. Шмидт относит их к середине – третьей четверти I тыс. н. э. [313, с. 68]. Такие кресала (тип Дрезден-Добритц/Жерники Вельки) достаточно широко распространены в европейских древностях позднеримского времени – фаза D1 (350–390 гг.) [367, s. 65–82]. Некоторые исследователи полагают, что это были стрелы-срезни [179, с. 59]. На наш взгляд, это маловероятно.

На поселении Тайманово найдена обломанная железная трубочка диаметром 1,1 см, длина сохранившейся части 8,1 см. Трубочка свернута из пластины толщиной 0,2 см (рис. 68, *7*). Возможно, она являлась фитилем. Похожая ***фитильная трубочка*** выявлена на селище Ермошино [179, с. 59]. Фрагмент возможной «фитильной трубочки» происходит из поселения Абидня [140, с. 228, рис. 19: 4; 142, с. 230, рис. 19: 4].

Не редкостью являются находки железных ***бритв.*** В Тайманово, например, найдено 5 железных бритв (рис. 69, *1–4*). Один обломок бритвы выявлен на территории могильника и 4 бритвы (из них две целые и два обломка лезвий) найдены на поселении. Одна целая бритва найдена в заполнении полуземляночной постройки № 29, обломок лезвия другой бритвы – в постройке № 26. Вторая целая бритва происходит из хозяйственной ямы (раскоп XIV, кв. 21) и еще один обломок лезвия – из культурного слоя поселения. Бритва из постройки № 29 имеет длину 8,6 см, длина лезвия 4,0 см, его ширина до 1,9 см, длина черенка 4,5 см, ширина – до 1,0 см, толщина лезвия и черенка 0,4 см. Сегментовидное лезвие резко утончается к концу. Черенок бритвы с двух сторон отделен уступами. Заточка с выпуклой стороны (рис. 69, *1*). Относится эта бритва к типу 4 по А. А. Александрову [24, с. 26–29]. Аналогии ей найдены на городище Бураково и селище Кенте (Латвия). Также бритва с изогнутым лезвием и уступами между лезвием и черенком, похожая на таймановскую, длиной 13,3 см, шириной лезвия 1,9 см происходит из по-

гребения 37 пшеворского могильника Цыбловице Дуже, которое датируется временем C1a (200–220 гг.) [335, s. 20; taf. XXVIII: 8]. Небольшая целая бритва из хозяйственной ямы имеет длину 6,0 см, длина серповидного лезвия 4,8 см, ширина – до 1,8 см, длина черенка 2,3 см, ширина до 1,0 см, толщина лезвия и черенка 0,3 см. Черенок плавно переходит в лезвие. Заточка также с выпуклой стороны (рис. 69, *4*). Данная бритва, по-видимому, относится к типу 3 по А. А. Александрову [24, с. 27]. Аналогии этой бритве также имеются на городище Кенте и могильнике Ябара (Эстония). Лезвие бритвы длиной 8,4 см из культурного слоя поселения (рис. 69, *2*) также относится к бритвам без уступов и по форме близко к бритвам из селища Узмень [179, рис. 107: 4, 5]. Аналогичные по форме бритвы (с плавным переходом) известны в ареале культуры штрихованной керамики (Лабенщина, Ратюнки) [126, с. 84, рис. 56: 1, 3]. У бритвы из территории могильника Тайманово также черенок плавно переходил в лезвие (рис. 69, *3*). Обломок бритвы аналогичной формы (часть черенка и переход черенка в лезвие) выявлен на поселении Дедново [135, с. 55, рис. 13: 7]. Большая часть бритв датируется II–VI вв. К VII в. бритвы в Восточной Европе выходят из употребления [24, с. 26–29].

Особую группу составляют ***пинцеты***. Пинцеты имели бытовое, возможно, медицинское назначение. В то же время не исключено, что они могли использоваться как инструментарий ювелира либо просто быть декоративной частью поясного набора. В Тайманово найдено три целых пинцета (рис. 69, *6–8*). Все они изготовлены из бронзы. Один пинцет найден в заполнении полуземляночной постройки № 28, остальные два пинцета происходят из культурного слоя поселения. Пинцет из постройки № 28 изготовлен из пластины толщиной 0,2 см. Его длина 4,8 см, ширина в верхней части 0,4 см, в нижней расширяющейся части 1,2 см. Пинцет имеет зажим (рис. 69, *8*). Близкие размеры имеет один из пинцетов из культурного слоя (длина 4,9 см, ширина верхней части 0,4 см, нижней части 0,8 см, изготовлен из пластины толщиной 0,1 см) (рис. 69, *6*). Второй пинцет из культурного слоя несколько крупнее, его длина до 6,5 см, ширина до 0,6 см, также изготовлен из пластины толщиной 0,2 см (рис. 69, *7*). Пинцет найден рядом с полуземлянкой № 50.

Л. Д. Поболь относит таймановские пинцеты к позднеримскому времени и датирует концом второй четверти – началом третьей четверти I тыс. н. э. В. И. Шадыро полагает, что пинцеты характерны после половины I тыс. н. э. по аналогии с балтскими древностями, где они ранее середины I тыс. н. э. не встречаются [309, с. 65]. Бронзовый пинцет с зажимом, похожий на пинцет из полуземлянки № 28, только несколько более крупных размеров (длина 7,9 см), найден в погребении 49, кургана I могильника Нетта, расположенного в Северо-Восточной Польше. Погребение датируется позднеримским периодом D (350–450 гг.) [326, s. 21; pl. XXVI: gr. 49, 1]. Серия бронзовых пинцетов происходит из Белорусского Понеманья. Два фрагментированных пин-

цета найдено в погребении 1 кургана 1 с трупосожжением могильника Засвирь [132, с. 56, 83, мал. 49: 11, 12], два пинцета длиной 6,0 см и 4,0 см выявлены на селище II–IX вв. Микольцы [132, с. 105; мал. 69: 1, 11]. А. М. Медведев по аналогии с находками из памятников восточной Литвы пинцеты из Понеманья (Микольцы – 3 экз., Городище – 2 экз.) датирует V–IX вв. [205, с. 230]. К VI–VII вв. относит находки пинцетов на городищах Смоленского Поднепровья (Демидовка, Никодимово) Е. А. Шмидт [313, с. 70]. Бронзовый пинцет с расширенными концами длиной 8,0 см выявлен в слое с керамикой верхнего горизонта Банцеровщины на селище Лужесно возле Витебска [316, с. 261, 268, мал. 6: 4]. Аналогии бронзового пинцета без зажима из городища Мысли А. А. Егорейченко видит в могильнике Крапковице и в могильнике Хмелев Пясковы пшеворской культуры (погребение 20, фаза B2) [126, с. 82, табл. 52: 4]. Пинцент, похожий на таймановские пинцеты без зажима (правда, железный), найден на поселении Почеп [60, с. 100, рис. 75: 1]. С. В. Воронятов относит его к первым векам н. э. и считает, что он имеет южнобалтское происхождение. Однако это единичная подобная находка, известная в среднеднепровском регионе в столь ранний период. Следует отметить, что в римское время бронзовые пинцеты были довольно широко представлены у племен вельбарской культуры [371, s. 127–143]. По-видимому, именно через вельбарцев пинцеты начали проникать в Верхнее Поднепровье.

В Абидне в постройке № 2 найдена бронзовая ***ручка от сосуда*** или, возможно, сундука. Ручка датируется III – началом IV в. [140, с. 217, рис. 16: 6, фото 5: 2; 142, с. 219, рис. 16: 6, фото 5: 2]. На аналогии в комплексах III – начала IV в. впервые указал В. Н. Даниленко [76, с. 65–92, рис. 6: 5, 17].

В погребении № 156 могильника Тайманово найден, возможно, одночастный костяной ***гребешок***, который имеет длину до 1,5 см, высоту 1,1 см, толщина гребня 0,2 см (рис. 69, 5). Гребень побывал в огне. Хотя существует точка зрения, что он относится к многочастным трехслойным гребням, соединенным заклепками [294, с. 72; 194, с. 116]. Правда, в данном случае отверстия от заклепки не прослеживается. В Юго-Восточной Европе одночастные гребни появляются во второй половине II – первой четверти III в. (C1a) [188, с. 170]. Г. Ф. Никитина датирует одночастные гребни на территории Побужья на памятниках типа Тришин началом III в. [218, с. 147–159]. Односторонние трехслойные гребни на черняховских памятниках использовались со второй трети III в. до конца IV в. [190, с. 84]. Именно на это время указывает найденная в том же погребении четырнадцатигранная бусина, время бытования которой в основном относится к позднеримскому времени C2 (260–310 гг.), хотя встречается и раньше – период C1b (220–260 гг.) (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской) [372, s. 95].

Известна еще одна находка костяного гребня на территории Беларуси в эпоху железного века – одночастный гребешок из верхнего горизонта го-

родища Лабенщина, спинка гребня украшена циркульным орнаментом [213, с. 52, рис. 21: 19]. Гребень изготовлен из куска лопатки животного, отверстия по бокам спинки свидетельствуют, что гребень носили на шнурке. А. А. Егорейченко считает, что данный гребешок близок к гребням типа А-1 по классификации С. Томаса, которые были распространены в Западной Европе во второй половине I – первой половине III в. [126, с. 85]. Скорее всего, мы имеем дело с местным подражанием римским аналогам, на что в какой-то степени могут указывать материал для изготовления гребня, а также присутствие ушек для ношения на шее, что не характерно для римских образцов. С местным происхождением гребня согласен и А. А. Егорейченко.

3.4. Предметы поясного набора

К предметам поясного набора относятся ***пряжки, оковки ремней, поясные наконечники, хомутики для ножен, накладки, бляшки, волнообразная проволока***.

Пряжки являются самой представительной категорией предметов поясного набора. Пряжки изготавливались из бронзы и железа, встречаются стальные пряжки (Тайманово), причем фиксируется сварной шов [71, с. 63, табл. 14]. Встречаются бронзовые пряжки с железными язычками, что, вероятно, является следствием ремонта. Изредка – железные пряжки с бронзовыми язычками.

Абсолютное большинство пряжек одночастные. Исключение составляет двухчастная пряжка типа «D» из Абидни [243, с. 314, рис. 7: 13; 245, с. 235, рис. 8: 1; 140, с. 226, рис. 20: 1; 142, с. 228, рис. 20: 1]. Такие пряжки характерны для поздней стадии позднего римского периода (С1а) (тип 24, 26 группа D по Р. Мадыде-Легутко) [353, s. 370; 354, taf. 9: 24, 26]. Из Абидни также происходят еще четыре одночастные пряжки, одна из которых D-образной формы, две – с квадратной, еще одна – с овальной рамкой, а также два язычка, из них один – железный, второй – бронзовый [140, с. 226–227, рис. 20: 1–6; 142, с. 228–229, рис. 20: 1–6]. Все пряжки Абидни укладываются в хронологические рамки конца II – III в.

Целая бронзовая пряжка с подпрямоугольной рамкой, изготовленная из круглого в сечении стержня, язычок железный, найдена на поселении Дедново на Березине [134, с. 31, рис. 10: 7]. Особенностью пряжки является обоймица на одной из сторон рамки пряжки. Прямых аналогий пряжке неизвестно.

Больше всего пряжек выявлено в Тайманово. Всего в Тайманово найдено 10 целых пряжек, 3 пряжки без язычков, 2 фрагментированные пряжки с язычками, одна фрагментированная пряжка без язычка, 8 язычков от пря-

жек. Все пряжки имеют железную рамку. У фрагментированной овальной пряжки из погребения № 88 (рис. 70, *7*) и небольшой (диаметр 2,1 см) круглой пряжки из культурного слоя (рис. 70, *5*) язычки бронзовые.

Пять пряжек из Тайманово найдено в погребениях, пять пряжек найдено в заполнении полуземляночных построек (постройки № 18, 26, 27, 31, 40), остальные происходят из культурного слоя поселения. Причем в постройках № 26, 27, 31 найдены только язычки пряжек (постройка № 31) либо их фрагменты (постройки № 26, 27). Самая поздняя целая пряжка с вогнутыми боками размером 3,6×2,7 см найдена в заполнении срубной постройки № 40 (рис. 70, *15*). Пряжка изготовлена из круглого в сечении стержня диаметром 0,3 см, длина язычка 4,1 см. Такие пряжки датируются VIII–IX вв. [332, s. 37–56; 128, c. 205: 26; 340, s. 103, tabl. LIX; s. 267, tabl. CXIII: 29; 347, s. 92, рис. 2, 8]. Однако встречаются и в более раннее время, в частности, в западнобалтских могильниках в погребениях второй половины V – первой половине VIII в. (Митино) [287, с. 340, 453]. Автор исследований могильника К. Н. Скворцов считает, что пряжки фигурной формы являются частью конского снаряжения и имеют широкую датировку – все раннее средневековье [286, с. 78].

Остальные пряжки имеют круглую, овальную, прямоугольную и квадратную форму. Семь пряжек имеют овальную форму, три пряжки – круглую форму, две пряжки квадратные и одна прямоугольная.

Две пряжки из ямного погребения № 116 могильника Тайманово имеют круглую рамку с утолщением передней части (диаметром соответственно 3,3 см и 3,0 см) и хоботовидный язычок, выступающий за край с опущенным вниз свободным концом. Длина язычка 4,1 см и 3,8 см, язычок в сечении имеет круглую форму диаметром 0,4 см (рис. 70, *8–9*). Такие пряжки датируются концом IV – V вв. и относятся к конской сбруе гуннского периода ХКЗ 1а [130, с. 80; 112].

Обломок пряжки круглой формы происходит из полуземлянки № 18. Диаметр пряжки 3,2 см, изготовлена из стержня круглого сечения диаметром 0,4 см. Длина язычка 2,2 см, изготовлен из стержня полукруглого сечения 0,5×0,2 см (рис. 70, *4*). Пряжка относится к группе С, тип 14 по классификации Р. Мадыды-Легутко [354, taf. 7: 14]. На территории Польши период массового поступления пряжек с круглой рамкой приходится на фазу В2 и раннюю фазу позднеримского периода [353, s. 365]. Но для фазы В2 характерны пряжки с удлиненным выступом за рамку в форме шипа [353, s. 351–410], т. е. пряжка из полуземлянки № 18, скорее всего, будет относиться к ранней фазе позднеримского периода – В2/С1 – С1а (170–220 гг.).

Из культурного слоя Тайманово происходит пряжка с рамкой круглой формы без утолщения передней части диаметром 2,1 см, изготовлена из круглого в сечении стержня диаметром 0,3 см, имеет бронзовый язычок (несколько

прогнутый посередине) длиной 2,3 см, который незначительно заходит за край рамки. Язычок в сечении круглый диаметром 0,35 см (рис. 70, *5*). Такие пряжки относятся к группе С, тип 13–14 по классификации Р. Мадыды-Легутко [354, taf. 7: 13, 14]. Классические пряжки с круглой рамкой в пшеворской культуре были наиболее распространены в период В2 и на ранней фазе позднеримского периода (70–220 гг.) [353, s. 365], хотя спорадически встречаются до конца позднеримского времени и раннего периода переселения народов [354, s. 21]. М. Н. Абрамова по материалам северокавказских могильников подобные пряжки датирует II – началом III в. и считает, что прогнутый язычок является характерным признаком пряжек II–III вв. [23, с. 211–212, рис. 1: 22, 23]. Подобная бронзовая пряжка была в постройке III на поселении Каменево-2 (р. Тускарь) вместе с гончарной черняховской керамикой [225, с. 38, рис. 94: 4]. Е. Л. Гороховский такие пряжки относит к серии 3 варианту 3а и датирует пятой фазой черняховской культуры (последняя четверть IV – первая треть V в.) [67, с. 42–45].

В ямном погребении № 2 могильника Тайманово найдена пряжка овальной формы 2,8×2,3 см с утолщением передней части и хоботковидным язычком, выступающим за край, длина язычка 2,6 см (рис. 70, *14*). Такие пряжки относятся к варианту 18b по типологии Р. Мадыды-Легутко [353, s. 355, tabl. V: 6, 7, s. 360] и были распространены в позднеримское время D (350–450 гг.) [353, s. 377]. Похожая пряжка найдена на селище Зароново (правобережье Западной Двины), где также датируется не ранее V в. [45, с. 278–279, 295, рис. 4: 2].

В урновом погребении № 17 Тайманово также выявлена пряжка овальной формы с утолщением передней части, ее размеры 3,3×2,0 см. Язычок пряжки длиной 2,8 см имеет треугольное сечение и украшен двойной нарезкой с тыльной части (рис. 70, *10*). Пряжка относится к типу В4 по Е. Л. Гороховскому [67, с. 42, рис. 91]. Пряжки данного типа датируются последней четвертью IV – первой третью V в. (375/380–420/430 гг.) и синхронизируются с этапом D1 по Я. Тейралу [67, с. 45]. Такие пряжки встречаются и позже – до VI в. [340, s. 86].

Еще две овальные пряжки с передней утолщенной частью, но без язычка найдены в культурном слое поселения Тайманово. Первая пряжка имеет размеры 3,7×2,3 см (рис. 70, *6*) и могла соответствовать типу H11 по классификации Р. Мадыды-Легутко [354, taf. 19: 11]. Вторая пряжка поменьше, ее размеры – 1,5×1,0 см, она относится к типу H12 по классификации Р. Мадыды-Легутко [354, taf. 19: 12]. Обе пряжки датируются периодом C2 – D (260–450 гг.) [354]. Также к этому времени может относиться обломок овальной пряжки с утолщением передней части размером 3,2×2,6 см (рис. 70, *2*). Пряжка происходит из культурного слоя поселения Тайманово. По-видимому, этим временем может датироваться и сильно деформированный в результате действия огня обломок овальной пряжки с бронзовым язычком из ямного по-

гребения № 88 могильника Тайманово. Размеры пряжки 3,7×3,0 см, длина язычка 3,1 см, изготовлен из стержня диаметром 0,4 см (рис. 70, *7*). Округлые и овальные пряжки с утолщением передней части рамки были широко распространены в IV в. на памятниках черняховской и вельбарской культур в Юго-Восточной Европе [190, с. 69; 159, с. 128].

На поселении Тайманово найдена маленькая пряжка с рамкой овальной формы, изготовленная из стержня круглого сечения диаметром 0,3 см с язычком, несколько уходящим за край рамки. Размеры пряжки 2,8×1,1 см, длина язычка 1,5 см, ширина 0,5 см (рис. 70, *16*). По форме рамки эта пряжка соответствует типу H9 по P. Мадыде-Легутко [354, taf. 18: 9] и датируется периодом C2 – D (260–450 гг.) [354, tabelle 3, 7, 9]. Такие пряжки могли использоваться для стягивания ремешков на обуви.

Еще одна таймановская овальная пряжка размером 3,0×4,8 см изготовлена из прямоугольного в сечении стержня, длина прямоугольного в сечении язычка 5,9 см. Язычок проходит вдоль длинной оси рамки и заходит заостренным концом за ее пределы (рис. 70, *12*). Прямых аналогий ей неизвестно.

Также в Тайманово найдено две пряжки с квадратной формой рамки и одна пряжка с прямоугольной формой рамки. Пряжка с прямоугольной формой рамки (яма-погреб, раскоп XXXIX) имеет размеры 3,6×2,5 см, изготовлена из стержня круглого сечения диаметром 0,4 см, длина язычка 3,0 см (рис. 70, *1*). По классификации P. Мадыды-Легутко такие пряжки относятся к группе G, типы 1, 7 [354, taf. 13: 1] и были наиболее распространены в период B2 (70–170 гг.), хотя отдельные экземпляры встречаются до времени C2 (260–310 гг.) [354, tabelle 3, 9]. В Юго-Восточной Европе на памятниках пшеворской и липицкой культур пряжки с рамкой прямоугольной формы типичны для I–II вв. [157, с. 77, рис. 13: 24; 158, рис. 69]. Близкая по форме пряжка, относящаяся к этому периоду, происходит из городища Лабенщина [126, с. 87; табл. 59: 5]. Железные пряжки с прямоугольной рамкой, округлой в сечении, также известны на поселениях вельбарской культуры в бассейне Стыри (III – IV вв.) [159, с. 128, рис. 42: 1, 10].

Первая пряжка с рамкой квадратной формы имеет размеры 3,2×3,2 см, изготовлена из стержня круглого сечения диаметром 0,5 см (рис. 70, *3*). Длина язычка 3,0 см, язычок плотно облегает край рамки (тип G8 по P. Мадыде-Легутко). Такие пряжки характерны для периода B2 – B2/C1 (70–200 гг.) [354, taf. 13: 1]. Вторая квадратная пряжка сохранилась без язычка, ее размеры 4,4×4,4 см, изготовлена из стержня овального сечения размером 0,3×0,5 см, часть стержня рамки перевита (рис. 70, *13*). Пряжки с витой круглой в сечении рамкой известны в липицких древностях конца I – начала II в. [41, с. 96–104, рис. 76: 25]. Пряжки с витой частью рамки также иногда встречаются в пшеворских древностях и относятся к периоду B2Ь (Каменчик, погребение 231: 4) [334, s. 246, taf. CXVI].

Из других форм пряжек, не встреченных в Тайманово, следует отметить железную пряжку D-образной формы (тип 1 группа D по Р. Мадыде-Легутко) из поселения Абидня [254, с. 109, рис. 34: 2; 354, taf. 7: 1]. Пряжка происходит из полуземлянки № 20, относящейся к первой половине III в. Одночастные D-образные пряжки на польских территориях наиболее типичны для периода B2, хотя встречаются на протяжении всего римского времени [353, s. 367], например, в бассейне верхней Тисы в пшеворской среде они широко бытовали в период C1a [230, с. 91, рис. 5: 15].

Поясные наконечники, очевидно, являлись обязательной принадлежностью мужчины-воина. На поселении Тайманово найден бронзовый наконечник. Бронзовый наконечник имеет длину 3,5 см, ширина нижней части 0,5 см, верхней части 0,3 см. Внизу имеется отверстие для заклепки диаметром 0,15 см. Диаметр кольца 0,9 см, кольцо изготовлено из проволоки диаметром 0,2 см. Сохранилось две части: сложенная вдвое пластинка и кольцо (рис. 73, *2*).

Возможно, к поясным наконечникам относится железное изделие с обломаным острием, длина сохранившейся части составляет 7,7 см, диаметр 0,4 см, диаметр кольца 0,8 см. Оно состоит из трех частей: сложенной вдвое пластинки с заклепкой, сплошного кольца и острия (рис. 73, *1*).

В жилище № 29 Тайманово найдена бронзовая ***поясная подвеска*** длиной 4,0 см. Подвеска изготовлена из пластины 0,7×0,2 см, в нижней части скреплена заклепкой (рис. 73, *3*). Помимо подвески в постройке № 29 найдена железная бритва, постройка датируется III в. Подобные железные поясные подвески найдены в Абидне [140, с. 227, рис. 20: 12; 142, с. 229, рис. 20: 12] и Дедново [140, с. 227; 142, с. 229].

Из культурного слоя поселения Тайманово также происходит бронзовая ***оковка ремня***, изготовленная из пластины толщиной 0,3 см. Размеры оковки 1,7×1,6 см, вверху – ушко для подвешивания, в нижней части имеются два отверстия для заклепки диаметром 0,3 см (рис. 73, *6*). Железные оковки пояса выявлены в Абидне [140, с. 227, рис. 20: 13; 142, с. 229, рис. 20: 13]. Бронзовые оковки, близкие к абидненским, известны в ранних погребениях (A2) могильника Прущ Гданьский (погребение 141) [357, s. 28, taf. LI: 10].

В Абидне найдены две бронзовые ленточные накладки с заклепками, которые А. В. Ильютик определяет как ***хомутики для ножен*** [140, с. 219, рис. 19: 13, 14, фото 5: 9; 142, с. 221, рис. 19: 13, 14, фото 5: 9]. Одна из них (с рифленой поверхностью) происходит из полуземлянки № 20 вместе с железными фибулой (группа VI, тип 158 по О. Альмгрену), D-образной пряжкой, посоховидной булавкой с ромбической головкой, подвеской из terra sigillta. Комплекс датируется первой половиной III в. Второй хомутик с гладкой поверхностью найден в полуземлянке № 19 вместе с золоченой бусиной и орнаментированной бронзовой трубочкой. Постройка датируется концом II – началом III в.

В Тайманово найдены обломки различных бронзовых ***поясных накладок*** с заклепками. В Абидне выявлены плоские накладки с заклепками (бронзовая) и без них (железные) прямоугольной формы, иногда с закругленными углами [140, с. 220, 227, рис. 20: 8–11; 142, с. 222, 229, рис. 20: 8–11]. Такие накладки довольно широко представлены в пшеворской и вельбарской культурах от конца раннего римского периода до начала позднеримского периода (B2a до B2c) [337, s. 20, taf. XXIII, s. 24, taf. XXXIX; 357, s. 20–21, taf. XXIV: 6, s. 26, taf. XLII: 2. s. 68, taf. CXLII: 5].

На городище Отрубы найдены две бронзовые ***бляшки***: одна бляшка диаметром 1,2 см, вторая бляшка с двумя отверстиями посередине и точечным орнаментом, асимметрично расположенным. Очевидно, бляшка вырезана из какого-то пришедшего в негодность изделия [95, с. 50–57]. Похожая бляшка с дырочками, больших размеров и без орнамента, происходит из поселка Городище Брестской области [70, с. 30, рис. 20]. А. М. Медведев относит городищенскую бляшку к первой половине I тыс. н. э. и видит ей аналогии в дьяковских древностях, правда, там найдены бляшки с одним отверстием [205, с. 57]. Круглые бронзовые бляшки известны и на других памятниках позднего этапа культуры штрихованной керамики (Ивань, Мысли, Ратюнки) [126, с. 89, табл. 8–11]. Бронзовые бляшки встречены в погребениях западнобалтской культуры и характерны для всего римского периода, от B2 до D [325, s. 108–109, 117–120, tab. VI, gr. 6c: 2, tab. XXIX, gr. 31a: 2, tab. XXXIII, gr. 36c: 2, 3; 326, s. 20, pl. XXII, 43B: 16]. В Абидне помимо круглых плоских бляшек, а также слегка выпуклой с одной дырочкой посередине встречены бляшки с петелькой с внутренней стороны, которые А. В. Ильютик интерпретирует как пуговицы [140, с. 219, рис. 18: 24–28; 142, с. 221, рис. 18: 24–28]. Бляшки с петелькой известны на городище Лабенщина [126, с. 89, табл. 61: 6, 7]. Железные бляшки встречены в ареале днепро-двинской культуры (городище Клишино), где датируются VII–VIII вв. [310, с. 80].

К ***деталям пояса*** также относится ***волнообразная проволока,*** которая служила для подвешивания к поясу различных предметов. Такая железная проволока диаметром 0,3 см найдена в полуземляночном жилище № 15 Тайманово (рис. 73, *4*). Кусок бронзовой волнообразной проволоки диаметром 0,3 см и длиной 5,3 см вместе с двумя бронзовыми пронизками найден в погребении № 114 могильника Тайманово (рис. 73, *5*).

3.5. Предметы снаряжения всадника

К предметам снаряжения всадника относятся ***шпоры, удила, железные кольца***.

Шпоры известны только на поселении Тайманово. К I тыс. н. э. относятся четыре шпоры. Две шпоры найдены в постройках № 28 и 44, одна – в хозяйственной яме и одна – в культурном слое.

Обломки шпор из обеих построек относятся к типу шпор с шипом. К сожалению, шпора из полуземлянки № 28 представлена небольшим обломком длиной до 1,5 см. Длина шипа 0,6 см, диаметр 0,5 см (рис. 72, *3*). Шпора с отогнутыми крючками и четырехгранным шипом из постройки № 44 сохранилась значительно лучше. Ширина шпоры 8,3 см, ее высота 5 см. Шпора изготовлена из пластины прямоугольного сечения шириной 0,4 см, толщиной 0,3 см, в центральной части дуга расширяется и принимает форму ромба с округлыми углами 2,5×2,5 см, в центральной части которого находится четырехгранный шип высотой 1,2 см. Шип изнутри заклепан, что является особенностью данной шпоры (рис. 72, *1*). Л. Д. Поболь в свое время не нашел ей прямых аналогий и считал местным подражанием античным шпорам. Шпору с отогнутыми крючками и шипом Л. Д. Поболь также нашел на селище Щатково и датировал ее позднеримским временем (III–IV вв.) [240, с. 239; рис. 23: 9]. Также железная шпора с крючками и заклепанным шипом найдена на селище Зароново [45, с. 290, рис. 11: 8, фото 74: 1]. В. Б. Перхавко отнес шпору из Тайманово к V типу, варианту А и считает, что подобные шпоры доживали до начала третьей четверти I тыс. н. э. [232, с. 113–126]. Шпоры с двумя крючками для фиксации хорошо известны в Восточной и Центральной Европе в позднеримское время. Появление в лесной зоне Беларуси и России таких шпор М. Казанский связывает с группами мигрирующего постзарубинецкого населения [147, с. 264–265]. В черняховских древностях шпоры типа 3, в том числе с заклепанным шипом, датируются в пределах позднеримского и гуннского времени [189, с. 310, рис. 8: 5, 6, 13, 14]. В дальнейшем шпоры с отогнутыми крючками и шипом на территории Польши в закрытых комплексах характерны для VI–VII вв. [364, s. 349–362].

Из ямы-погреба в раскопе XXXVI поселения Тайманово происходит обломок дуги железной шпоры с пуговицеобразными зацепами. Шпора изготовлена из стержня диаметром 0,5 см (рис. 72, *4*). Шпоры с пуговицеобразными, или кнопкообразными, зацепами В. Б. Перхавко относит к I типу и датирует I–III вв. [232, с. 117–120]. Находки подобных шпор в Среднем Поднепровье также относятся к этому периоду. Серединой II в. датируется бронзовая шпора с кнопкообразными зацепами из позднезарубинецкого поселения Бобрица вблизи Канева [295, с. 23, рис. 3: 6]. К середине и второй половине II в. н. э. относят железную шпору с «кнопками» на концах из Новых Безрадич [294, с. 65, 79]. М. Казанский относит шпору из Новых Безрадич к типу Е по А. Гинальскому и датирует периодом B2/C2 – C1a (170–220 гг.) [147, с. 264].

Шпоры с зацепами кнопками также найдены на памятниках Смоленского Поднепровья (Цукровка, Слобода-Глушица). Е. А. Шмидт полагает, что тушемлянское население Поднепровья такие шпоры использовало в III–IV вв., но не позднее V в. [313, с. 68–69, 135]. Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев существование шпор с пуговицевидными зацепами из указанных смоленских па-

мятников, исходя из западноевропейской классификации (по А. Гинальскому), сужают до III в. [179, с. 61].

Также в культурном слое поселения Тайманово найдена шпора без шипа с обломанным крючком. Ширина шпоры до 8,2 см, высота дуги 5,0 см. Шпора изготовлена из пластины размером 0,8×0,3 см (рис. 72, *6*). Не исключено, что шип был обломан.

Удила известны в основном в Тайманово. Они представлены обломками (6 экз.). Фрагмент сильно коррозированного удила происходит из Абидни [140, с. 228, рис. 19: 10; 142, с. 230, рис. 19: 10]. В Тайманово в двух случаях эти находки происходят из полуземляночных построек № 29 (рис. 72, *5*) и № 31 (рис. 72, *2*), в остальных случаях – из культурного слоя (рис. 72, *7–10*). Как правило, сохранились обломки одной части, в одном случае (постройка № 31) присутствует обломок, состоящий из двух частей. Таймановские удила изготавливались чаще всего из круглого в сечении стержня диаметром 0,4–0,7 см, в одном случае они были изготовлены из квадратного стержня размером 0,7×0,7 см. Все они принадлежат к типу двусоставных с подвижными звеньями и кольцами на концах (тип IV по А. Н. Кирпичникову) [155, с. 16–17]. Таймановские удила, как правило, изготавливались из малоуглеродистого металла, сварка при этом практиковалась редко [71, с. 67, табл. 16]. Удила – довольно частая находка. Обломки удил, в частности, встречены в верхнем слое городища Банцеровщина, на поселении Городище [213, с. 111, рис. 58: 23], на городище Ивань [126, с. 101–106], в постройке 2 селища Зароново [45, с. 282, рис. 8: 6, фото 74: 12], на городищах Демидовка, Близнаки, Никодимово, селищах Слобода-Глушица, Еловицы, Петрополье [313, с. 69; 179, с. 60].

Наиболее ранние находки удил на территории Восточной Европы относятся к первой половине I тыс. н. э., в частности, удила из Кошибеевского могильника на Оке [57, с. 180, рис. 46: 10], черняховских поселений (Маркуши, Рипнев II, Лохвица) [29, с. 220, рис. 15: 24; 30, с. 85, рис. 15: 6]. На территории Беларуси наиболее ранние находки удил известны в Припятском Полесье на зарубинецком могильнике Велемичи I (погребение 22) [253, рис. 15: 12]. Удила простой двучастной формы распространились среди народов Евразии в IV–V вв. [189, с. 310, рис. 9; 52, с. 225, рис. 3: 14]. У племен тушемлянской культуры Смоленского Поднепровья, по мнению Е. А. Шмидта, удила появились уже в сложившемся виде в начале эпохи Великого переселения народов [313, с. 70]. Если постройки № 29 и 31 датируются III – началом IV в., то появление таймановских удил также можно отнести именно к этому времени.

В Тайманово найдено 9 целых и в обломках железных **колец**. Кольца подразделяются на два типа: сплошные (рис. 70, *11*) и с зазором. Диаметр колец 1,2–4,0 см. Кольца изготовлены из круглого стержня диаметром 0,3–0,5 см либо прямоугольной или квадратной в сечении пластины. Три кольца про-

исходят из Абидни: одно сплошное, два с разомкнутыми концами [140, с. 228, рис. 19: 5–7; 142, с. 230, рис. 19: 5–7]. Кольца могли использоваться для соединения ремней конской упряжи и др.

Находки предметов снаряжения всадника могут свидетельствовать о существовании профессиональных конных отрядов в Белорусском Поднепровье уже начиная с конца II – III вв.

3.6. Оружие

Оружия на памятниках первой половины I тыс. н. э. рассматриваемого региона немного. Основная часть оружия происходит из раннеримских объектов на могильниках Чаплин и Горошков (наконечники копий, дротиков, топоры-кельты). На городище Отрубы найден ***наконечник дротика*** с обломанной втулкой. На памятниках второй четверти I тыс. н. э. оружия еще меньше. В Тайманово найдены ***наконечник стрелы***, два ***наконечника копий*** и деформированный ***умбон***. Из Абидни происходят три черешковых наконечника стрел и втулка копья [140, с. 228, рис. 19: 1–3, 9; 142, с. 230, рис. 19: 1–9]. Три наконечника стрел найдено в Дедново [134, рис. 10: 6, 8, 9].

Железные топоры-кельты найдены в трех раннеримских погребениях могильника Чаплин (погребения № 223, 236, 244) [249, с. 174, рис. 60: 21; с. 180, рис. 65: 2; с. 184–185, рис. 67: 3], причем в погребении № 244 вместе с подковообразной фибулой. Их общая длина 10,5–13 см. Топор-кельт длиной 15,5 см вместе с подковообразной фибулой происходит из погребения № 42а могильника Горошков [62, с. 179]. Топоры-кельты могли употребляться как в хозяйственных целях, так в и качестве оружия. Топоры-кельты с квадратной втулкой перестают использоваться после прекращения действий латенских центров в I–II вв. [264, с. 22; 267, с. 85].

В раннеримских погребениях могильника Чаплин найдено 10 наконечников копий (погребения № 29, 36, 70, 125, 134, 140, 152, 184, 232, 272) и 4 двушипных наконечника дротиков (погребения № 99, 189, 191, 261) [249, с. 29, рис. 19: 18; с. 77, рис. 22: 3; с. 92, рис. 28: 12; с. 104–105, рис. 35: 6; с. 121, рис. 40: 20; с. 127, рис. 43: 10; с. 131, рис. 44: 7; с. 140, рис. 47: 11; с. 155, рис. 55: 7; с. 157, рис. 55: 15; с. 158, рис. 55: 21; с. 179, рис. 63: 10; с. 197, рис. 70: 3; с. 201, рис. 73: 10]. Нередко наконечники копий и дротиков были в одном погребении (комплексе) вместе с позднелатенской фибулой (№ 29, 36, 152) или с подковообразной фибулой (№ 70, 99, 125, 261), что также указывает на раннеримское время образования комплекса. Все наконечники копий из Чаплина имели иволистную форму пера, чаще с отчетливым ребром, но встречаются и со слабовыраженным ребром, а то и вовсе без ребра (погребения № 140, 272), их общая длина 23,0–30,5 см, длина лезвия (пера) от 7,5 до 21 см. Общая длина чаплинских дротиков от 14,5 до 31 см. По типологии П. Качановского

все чаплинские наконечники копий относятся к типам VI или X и датируются от B2 до C1a (70–220 гг.) [345, s. 17–18, 20–21, tabl. VII, 1–5, tabl. X, 4, 5, tabl. XX]. Аналогичные по форме и соотношению частей наконечники копий без ребра происходят из раннеримских комплексов могильника в Горошкове (погребения № 7, 9, 13). Наконечники копий в Горошкове найдены в 7 погребениях [62, с. 179]. В соседних культурах похожая коллекция оружия происходит из городища штрихованной керамики Малышки [205, с. 45, рис. 2.31: 3–6].

Длина пера дротика до втулки из Отруб 6,3 см, максимальная ширина 2,1 см, длина шипов 1,5 см [98, с. 210, рис. 4: 1]. Похожий дротик был найден в Жлобине, в пойме Днепра. Очевидно, он происходит из разрушенного грунтового погребения [253, рис. 96: 1]. Три обломка двушипных дротиков, в том числе перо, происходят из городища Малышки. А. М. Медведев датирует эти дротики I–II вв. [205, с. 46–47, рис. 2.31: 5, 6]. Как было отмечено выше, в Чаплине двушипные дротики найдены только в раннеримских погребениях (погребения № 99, 189, 191, 261) [249, с. 104, рис. 35: 6; с. 157, рис. 55: 15; с. 158, рис. 55: 21; с. 195, 197, рис. 70: 3]. Двушипные дротики, аналогичные зарубинецким и выявленным в ареале культуры штрихованной керамики, широко представлены в пшеворских древностях (Надколе 2, Каменчик, Цебловице Дуже и др.) [322; 334; 335]. В этой связи совершенно не обоснована точка зрения А. И. Дробушевского по поводу широкой датировки дротика из Отруб начиная от скифского времени [85, с. 165; 86, с. 113]. Тем более, как отмечает А. М. Медведев, дротики скифского времени имели свои особенности формы [205, с. 46]. Скифские дротики имеют очень длинную втулку, дополнительно укрепленную стержнем, а также шипы разной длины, причем со временем у скифов дротики становятся длиннее, а стержень массивнее [209, с. 44, 45].

Трехлопастный черешковый стальной наконечник стрелы с обломанным черешком из Тайманово имеет длину до 5,1 см, ширину до 1,4 см (рис. 71, *3*). Наконечник относится к типу Г по В. Казакявичусу [146, с. 67–72]. Характер его изготовления с использованием специальных кузнечных приспособлений, тщательная пластическая обработка металла [71, с. 54], несомненно, свидетельствуют о его чужеродном просхождении. Трехлопастные стрелы хорошо известны у гуннов, их появление в Поднепровье связано, скорее всего, с военными набегами степных племен. В Литве такие наконечники происходят из слоев середины I тыс. н. э. [146, с. 68] и связываются с гуннским нашествием [183, с. 15–20]. На территории Беларуси трехлопастный наконечник найден на городище Барсучья Горка в слое III–IV вв. [292, с. 102–105]. В Днепровском Левобережье трехлопастные наконечники найдены как на ранних памятниках, относящихся к первой половине III в. (Гочево I), так и на памятниках середины I тыс. н. э. (Каменево-2) [294, с. 157–160, 162–163].

Такие же наконечники происходят из слоя пожарища городища Демидовка Смоленского Поднепровья, который также датируется серединой I тыс. н. э. [313, табл. 1–3], селища Узмень [179, рис. 106: 3]. Появление таких наконечников стрел на этих памятниках связывается в том числе и с внешней агрессией с юга. О. А. Радюш предполагает, что широкое использование трехгранных наконечников стрел гуннского типа доходит до V–VII вв. [268, с. 189]. В то же время М. М. Казанский отмечает, что такие стрелы были на вооружении римской армии, встречались они у германских племен Центральной Европы [147, с. 263], т. е. он связывает их возможное попадание на эту территорию в результате военного нападения с запада.

Железный фрагментированный двушипный черешковый наконечник стрелы происходит из поселения Дедново [134, с. 30–31, рис. 10: 6], хотя, скорее всего, мы имеем дело с втульчатым двушипным наконечником пшеворского типа, втулка обломана у самого основания.

Черешковые наконечники стрел из Абидни имеют четырехгранное сечение [140, с. 228, рис. 19: 1–3; 142, с. 230, рис. 19: 1–3]. Черешковый наконечник стрелы происходит из Дедново [134, с. 41, рис. 10: 9]. Черешковый четырехгранный наконечник найден на селище Ульяновка в Среднем Поднепровье [295, рис. 57: 13]. Встречаются такие наконечники среди черняховских древностей (Оселивка) [189, рис. 7: 10]. Некоторые исследователи полагают, что их смазывали отравляющими веществами, чтобы усилить поражающие свойства таких наконечников стрел [267, с. 183; 268, рис. 61: 6–15]. По мнению Р. В. Терпиловского, такие наконечники стрел типичны для римского времени на большой территории от Среднего Поднепровья до Прибалтики [294, с. 65], хотя фактически встречаются редко.

На селище Дедново также найден наконечник стрелы (?) иволистной формы длиной 6 см [134, с. 41, рис. 10: 8]. Плоский листовидный наконечник происходит из раннекиевского памятника Гочево I (Днепровское Левобережье) [294, с. 65]. Наконечники листовидной формы известны в Восточной Европе с начала н. э. до позднего средневековья [146, с. 65 – 66].

Наконечники копий из Тайманово очень фрагментированные. Один наконечник принадлежит к двушипным. Длина его сохранившейся части до 5,5 см, ширина до 2,7 см, толщина 0,3 см, длина шипа 1,0 см, ширина шипа 0,9 см (рис. 71, *5*). Двушипные наконечники встречаются достаточно часто от Прибалтики до бассейна Волги. От второго наконечника сохранился обломок лезвия длиной до 4,1 см, шириной до 2,2 см, толщиной 0,5 см (рис. 70, *4*). Наконечник обоюдоострый, возможно, это обломок кинжала. Похожий обломок найден на поселении Ульяновка в постройке 5 [294, с. 136, рис. 36: 12].

Находка умбона – редкое явление на памятниках культуры Абидня. Это единственная находка подобного рода. К сожалению, умбон происходит из культурного слоя и его сложно связать с камим-то комплексом. Умбон

из Тайманово представляет собой деформированное изделие в результате сильного удара, по-видимому, боевого топора. Он относится к умбонам с конусовидной вершиной. Высота вершины 4,5 см, диаметр вершины 3,5 см, примерный диаметр умбона 7,7 см (рис. 71, *1*). На территории Польши на памятниках пшеворской культуры умбоны с цилиндро-конической вершиной (тип 4 по М. Яха (Jaha)) начинают появляться с раннеримского периода (B1) [336, s. 82, tabl. X: 9, 10; s. 86, tabl. XII: 12]. Очевидно, именно в это время они могли проникнуть на территорию Беларуси. Умбон из Тайманово раньше не был известен [267, с. 215]. Позже на территории Беларуси умбоны с цилиндроконической выпуклой частью также встречены в восточнолитовских курганных могильниках: в погребениях с сожжением могильника Засвирь (в двух курганах), в одном кургане могильника Черная Лужа, в могильнике Коробки [131, с. 25; 132, с. 64, мал. 30: 2; мал. 44: 2]. На территории Литвы умбоны щитов с конусовидными вершинами появляются в III в. [146, с. 127], хотя не исключено, что их появление также относится к раннеримскому периоду. В дальнейшем они встречаются в Восточной Литве в курганах с каменными венцами V–VII вв. [146, с. 134]. Из Тайманово также происходит, по-видимому, фрагмент умбона со сплющенным полушарием (рис. 71, *2*). Умбоны со сплющенным полушарием имеют более раннее происхождение и были распространены на территории Литвы в первой половине I тыс. н. э. [146, с. 123–125].

С умбоном, по-видимому, связана находка ***железной заклепки*** с круглой шляпкой из Симонович [105, с. 96, рис. 6: 10]. Высота заклепки 1,8 см, диаметр шляпки 2,8 см. Не исключено, что именно такими заклепками крепился умбон к щиту, в частности, на оксывских памятниках [338, s. 91–98, rys. 2]. Следует отметить, что заклепки с широкой шляпкой и короткой ножкой на могильнике Прущ Гданьский были выявлены не только в оксывских погребениях (период A1 – A3) [358, s. 28, taf. XXX: 3; taf. XXXII: 6; s. 28, taf. L: 3; s. 43, taf. LXXXIX: 3], но и в более поздних погребениях (период B2b) [358, s. 67, taf. CXL: 6], а также в могильнике Крупице (пшеворское погребение 106), которое относится к периоду B2b – B2/C1 [343, s. 32, taf. XXIX: 4], т. е. до конца II в.

К оружию относится находка ***каменного ядра*** из Тайманово.

3.7. Изделия из глины

Изделия из глины представлены предметами бытовой керамики: ***пряслицами, грузиками, грузилами, глиняными фигурками, бусиной, предметами технической керамики, обломками импортной посуды***.

3.7.1. Бытовые изделия из глины

Самой распространенной категорией бытовых изделий из глины являются ***пряслица.*** Пряслица найдены практически на каждом памятнике. Самая представительная коллекция пряслиц происходит из Тайманово и Абидни. Всего в Тайманово найдено 427 целых и в обломках пряслиц (рис. 74; 75; 76, *1*, *2*, *4*). Коллекция пряслиц Абидни насчитывает 406 экземпляров [137, с. 106–111]. Пряслица найдены во всех полуземляночных постройках Тайманово, остальные пряслица происходят из культурного слоя поселения. Аналогичная картина наблюдается и в Абидне. Все пряслица изготовлены из отмученной глины с мелкими минеральными примесями. Поверхность, как правило, тщательно заглажена. Большая часть пряслиц Тайманово неорнаментированная (92,7 %). Орнаментация пряслиц самая разнообразная. Чаще всего орнаментом покрывалась вся внешняя поверхность пряслиц, иногда только боковые стороны или только противоположные стороны. Встречены следующие виды декора: точечный, прочерченный, нарезной, циркульный. Найдено одно пряслице с защипами (рис. 74, *3*). Преобладает точечный декор. Элементы декора нередко комбинировались, складывались в определенный орнамент, несущий смысловую нагрузку. На одном пряслице имееется изображение солярного знака – свастики (рис. 74, *2*). Все элементы декора, за исключением циркульного, встречены на поселении Абидня [137, с. 106–111].

Подавляющее большинство пряслиц Тайманово имеют биконическую форму с четко выраженными гранями (тип IVE для пряслиц Абидни по А. В. Ильютик) [137, с. 106–111]. Встречаются и другие разновидности биконической формы: с вогнутыми основаниями (29 экз.), округло-биконические (18 экз.), удлиненно-биконические (4 экз.), с валиком по ребру (3 экз.), с канавкой по ребру (1 экз.). Все эти варианты биконической формы, в том числе единичные находки пряслиц с валиком (вариант Ж) и канавкой по ребру (вариант К), имеются в коллекции из поселения Абидня [137, с. 109]. Изредка встречаются другие формы, прежде всего округлая форма (3 экз.) и ее варианты – плоско-округлая и уплощенно-округлая (3 экз.), округлая с вогнутыми основаниями (1 экз.). Цилиндрическое пряслице с вогнутыми основаниями найдено в Симоновичах [105, с. 94, рис. 7: 1]. Такие пряслица весьма характерны для поздних памятников культуры штрихованной керамики и банцеровской культуры [213, с. 41]. Два пряслица Тайманово имеют уплощенную форму. Одно пряслице имело линзовидную форму (тип VI по А. В. Ильютик) [137, с. 106–111]. В полуземляночной постройке № 28 Тайманово найдено сосудообразное пряслице (рис. 76, *2*). Четыре пряслица изготовлены из стенок сосуда. Пряслица из стенок сосуда встречены также на поселениях Абидня [137, с. 106], Симоновичи [105, с. 94, рис. 7: 4, 13] и Дедново [135, рис. 12: 10]. В Тайманово найдено несколько пряслиц без отвер-

стия, одно из них украшено комбинированным точечно-прочерченным орнаментом (рис. 75, *4*). Предположительно, что это заготовки. А. В. Ильютик считает, что это заготовки для маховичков либо их могли использовать в качестве шашек [137, с. 106]. Практически все типы пряслиц, за исключением сосудообразного пряслица, и в тех же соотношениях встречены на синхронном поселении Абидня [137, с. 106–111].

Общий диаметр пряслиц из Тайманово варьируется от 1,6 до 4,3 см. Диаметр отверстия составляет от 0,5 до 1,6 см, чаще 0,8–1,4 см, одно биконическое, округло-биконическое и линзовидное пряслица имели диаметр отверстия 0,4 см. Высота пряслиц составляла 0,8–2,3 см, чаще 0,8–1,5 см, у одного пряслица из стенки сосуда высота не превышала 0,6 см. По соотношению высоты к максимальному диаметру (Н:Д1) и диаметра отверстия к максимальному диаметру (Д2:Д1) можно выделить два типа пряслиц. К первому типу относятся пряслица с незначительным диаметром отверстия до 0,8 см (70 экз.). Они характеризуются следующими пропорциями: Н:Д1 равно 0,4–1,0; Д2:Д1 – 0,2–0,3. Ко второму типу относятся пряслица, диаметр которых больше 0,8 см. Им в основном соответствуют пропорции: Н:Д1 и Д2:Д1 равно 0,4–0,6 и 0,4–0,5. Преобладающий тип пряслиц на памятнике – довольно низкие по высоте (до 1,5 см) биконические пряслица с довольно широким (1,0 см и более) отверстием. Такие пряслица характерны практически для всех культур лесной и лесостепной зоны первой половины и третьей четверти I тыс. н. э. Истоки традиции появления пряслиц с широким каналом до сих пор не выяснены [311, с. 65–72]. С. В. Воронятов полагает, что это каким-то образом связано с южнобалтийским импульсом и распространением традиции варварских выемчатых эмалей [60, с. 113]. На наш взгляд, распространение таких пряслиц связано с технологией усовершенствования прядения с использованием пирамидальных грузил.

Аналогичные по форме пряслица выявлены и на других памятниках (Симоновичи, Дедново). В Симоновичах известно 17 пряслиц, в Дедново – 48 пряслиц [105, с. 94; 135, с. 55, рис. 12]. Преобладали биконические пряслица. Широкое распространение биконических пряслиц, очевидно, имеет большое технологическое значение, поскольку биконическая форма обладает наибольшей инерцией при вращении. В Дедново найдена редко встречающаяся разновидность биконического пряслица – с граненными боками [134, с. 25–42, рис. 9: 16]. Граненое высокое (высота 2,5 см) биконическое пряслице с более узким (диаметр 0,6 см) внутренним отверстием, чем дедновское пряслице найдено вместе с лепной керамикой во время шурфовки на посаде древнего Турова (рис. 76, *4*). Граненые биконические пряслица изредка встречаются в черняховских древностях (Лохвица) [190, рис. 84: 17].

Из глины изготавливались также ***грузики***. В Абидне известно 6 грузиков [140, с. 210–211, рис. 12: 1–6; 142, с. 212–213, рис. 12: 1–6]. В культурном

слое поселения Тайманово найдено 5 грузиков, из них два грузика целых и три в обломках. Диаметр грузиков 2,1–3,4 см, диаметр отверстия 0,4–1,0 см, высота 2,4–5,0 см (рис. 76, *3*, *6*, *7*). Грузики изготовлены из такого же глиняного теста с мелкими специальными минеральными добавками, что и пряслица. Единственное отличие заключается в том, что глины для грузиков не столь тщательно отмучивали.

Также из глины изготавливались различные типы ***грузил***. В Абидне выявлено два экземпляра массивных округлых (диаметр до 5 см) рыболовных грузил [140, с. 211, рис. 13: 6, 8; 142, с. 213, рис. 13: 6, 8]. В Тайманово найдено 42 грузила, из них 5 грузил сохранились целыми (рис. 77, *3–5*), остальные грузила – в обломках. Грузила в Тайманово встречались как в культурном слое, так в заполнении полуземляночных построек (№ 4, 16, 38, 41, 42, 44, 46, 47), находили их в хозяйственных ямах, при разборке очагов. На территории могильника обломки грузил найдены вне погребений. Исключением является погребение № 188, в котором выявлены обломки двух грузил. Однако следует учесть, что данное погребение было произведено на месте заброшенной хозяйственной ямы и находки грузил относятся именно к содержимому заполнения ямы. Обломок грузила найден на поселении Симоновичи [105, с. 94, рис. 7: 15].

В Тайманово по форме можно выделить несколько типов грузил: пирамидальные (18 экз.), округлые (9 экз.), овальные (4 экз.), конусовидные (4 экз.). Восстановить форму остальных грузил не представляется возможным. Особую группу грузил составляют пирамидальные грузила (рис. 77, *1*, *2*). Пирамидальные грузила достаточно широко представлены в киевских и черняховских древностях. На памятниках киевской культуры они появляются на позднем этапе ее развития – IV – первая половина V в. [291, с. 187, рис. 4: 27–29; 294, с. 63, рис. 14: 20]. Предшествующему населению такие типы грузил были неизвестны. Появление пирамидальных грузил в киевских древностях непосредственно связано с черняховским влиянием. Не исключено, как было отмечено выше, что появление пирамидальных грузил и появление пряслиц с большими отверстиями взаимосвязаны между собой.

На поселении Тайманово найдена маленькая ***глиняная фигурка***, предположительно голова медведя. Фигурка обломана. Длина сохранившейся части 2,4 см. По-видимому, это была подвеска-амулет. Стилизованные глиняные фигурки известны и на других памятниках. В частности, на поселении Абидня найдена фигура, напоминающая медведя, а также обломки других фигурок [140, с. 211, рис. 12: 14–20, 22; 142, с. 213, рис. 12: 14–20, 22].

На селище Тайманово найдена уплощенно-овальная ***глиняная бусина***. Диаметр бусины 1,4 см, диаметр отверстия 0,4 см, высота 0,8 см. Единичная находка глиняной бусины свидетельствует о том, что «украшения бедняков» были не в моде у зажиточного населения данного поселения. В частности,

коллекция только стеклянных бус Таймановo насчитывает 59 экземпляров. Очевидно, несколько более популярные глиняные бусы были на соседнем поселении Абидня, хотя там тоже преобладают бусы из стекла (74 экз.), также там найдена янтарная бусина. В частности, находки глиняных бус диаметром 0,8–1,3 см происходят из полуземлянок № 4, 5 Абидни [254, с. 104, рис. 23: 4, 5; 24: 4]. Также на поселении Таймановo найден ***глиняный*** обожженный ***шарик*** диаметром 2,0 см. Возможно, это была подготовленная, но забракованная по каким-то причинам заготовка бусины. Заготовки глиняных бусин в виде шариков известны и на поселении Абидня [140, с. 211, рис. 12: 10; 142, с. 213, рис. 12: 10].

3.7.2. Техническая керамика

Техническая керамика представлена ***тиглями, льячками, литейными формами***. Наличие предметов технической керамики свидетельствует о довольно развитом бронзолитейном производстве на поселениях. О местном производстве свидетельствуют находки ***сплавленной бронзы*** на поселениях Таймановo и Абидня. Также свидетельством местного производства цветного металла на поселениях Таймановo, Абидня, Симоновичи являются находки формочек для отливки металла – ***тиглей*** и специальных ложек для разливки горячего металла – ***льячек***.

В Таймановo найдены один целый и 12 обломков ***тиглей***. Целый тигель выявлен в заполнении полуземляночной постройки № 32, обломки тиглей найдены в полуземлянках № 4, 29, остальные обломки тиглей происходят из культурного слоя поселения. Тигли представляют собой небольшие сосудики (высота 6,0–8,0 см) конической формы. Особенностью тиглей Таймановo является подтреугольная форма горловины. Такая горловина отмечена у пяти тиглей, в том числе у целого тигля из полуземлянки № 32 (рис. 76, *5*) (постройка датируется 200–310 гг.). Тигли с подтреугольной горловиной также широко представлены на поселении Абидня. В частности, обломки таких тиглей найдены в полуземлянках № 1, 5, 17, целый тигелек высотой 6,5 см с горловиной треугольной формы происходит из полуземлянки № 21 [254, с. 102, 104, 108, 110, рис. 19; 24: 5, 6; 31: 4, 5; 35: 3]. Обломки тиглей также встречены в полуземлянках № 2, 9, 10, 20, 24, обломок тигелька с ручкой – в полуземлянке № 28 [254, с. 103, 105, 106, 110, рис. 22: 7; 25: 1; 26: 8; 34: 13; 256, с. 125, 126, рис. 11: 6; 17: 4]. Всего, по данным Л. Д. Поболя, в Абидне найдено два десятка целых и более 100 обломков тиглей [241, с. 425]. Обломки тиглей с овальной формой горловины найдены на поселении Симоновичи [105, с. 94, рис. 6: 15].

На поселении Таймановo также найдены специальные керамические ложки для разливки горячего цветного металла – ***льячки.*** Все льячки про-

исходят из культурного слоя поселения. Всего найдено одна почти целая льячка и три льячки в обломках, из них обломок ложки и два обломка ручек. Общая длина целой льячки составляет 4,0 см, размер ложки 2,2×1,2 см, ширина ложки 3,1 см, высота ложки до 2,0 см, глубина ложки 1,2 см, длина втулки 4,0 см, диаметр втулки 0,7 см (рис. 76, *8*). Похожие льячки найдены на соседнем поселении Абидня, где также было развито бронзолитейное ремесло [243, с. 315, рис. 7: 4; 246, с. 235, рис. 8: 6; 254, с. 123, рис. 32: 8]. В Абидне целая льячка была найдена в полуземлянке № 18 вместе со слитком кованой бронзы и двумя бронзовыми орнаментированными трубочками. Полуземлянка была без отопительного сооружения, что может указывать на ее хозяйственное назначение. Не исключено, учитывая вышеназванные вещи, что данная постройка являлась мастерской мастера-литейщика. Бронзовые орнаментированные пластинчатые украшения, аналогичные тем, что выявлены в полуземлянке № 18, входят в группу изделий круга «варварских» выемчатых эмалей. Подобные украшения известны в Мощинском, Межигорском, Жукинском кладах, на ряде позднезарубинецких и киевских памятников [295, с. 29]. Всего в Абидне было найдено пять целых льячек, пять ручек к льячкам и один обломок чашки [140, с. 212, рис. 15; 142, с. 214, рис. 15]. Обломок льячки также выявлен на поселении Симоновичи [105, с. 94, рис. 6: 7].

На селище Тайманово в заполнении полуземляночных построек № 18 и 30 найдены обломки ***литейных форм***. В полуземлянке № 18 найден обломок глиняной формочки длиной 2,4 см, шириной 2,7 см, толщиной 1,0 см. В постройке № 30 выявлен обломок каменной формочки для отливки украшений длиной 3,6 см, шириной 2,7 см, толщиной 1,0 см (рис. 78, *1*). На поселении Абидня найдены целая глиняная формочка для отливки маленькой подвески-лунницы с шестью рожками [243, с. 175], а также обломки литейных форм (11 экз.) [140, с. 213–214, рис. 13: 3–5; 142, с. 215–216, рис. 13: 3–5]. Находка в Абидне литейной формочки для отливки лунницы может свидетельствовать о местном производстве данного вида украшений.

3.7.3. Импортная посуда

В Тайманово и Абидне к индивидуальным находкам, имеющим важное значение для датировки, относятся также обломки ***импортной керамической посуды***. Помимо обломков глиняных античных амфор, которые поступали по Днепру из Северного Причерноморья, найдены обломки краснолаковых красноглиняных сосудов с рельефным орнаментом. К сожалению, обломки амфор представлены небольшими фрагментами стенок, что затрудняет их типологию и датировку. Существует мнение, что амфоры в Верхнее Поднепровье поступали через сарматское население, которое имело тесные связи с причерноморскими центрами [60, с. 59]. Что касается

краснолаковой посуды, то в Тайманово один обломок происходит из культурного слоя, второй обломок найден в заполнении полуземляночной постройки № 18. К сожалению, сохранился рисунок только обломка сосуда из культурного слоя (рис. 78, *2*). Он представляет собой фрагмент верхней части краснолаковой римской чаши с рельефным пояском из овов. Обломки чаш с рельефным орнаментом в виде пояска из овов на территории Восточной Европы встречены в Львовской области (Украина) на поселениях липецкой культуры Черепин и Звенигород [167, с, 81; с. 179, рис. 38: 6, 7]. На обломке чаши из Звенигорода сохранилось клеймо CINTVSM (VSF). Чаша происходит из Средней Галии, Lezoux, время Антонин Пий-Коммод (150–190 гг.). Чаша из Черепина также происходит из Средней Галлии, Lezoux, время Антонинов, II в. [167, с. 81]. Обломки чаши с аналогичным орнаментом (Dragendorf 37) вместе с фибулой с подвязной ножкой (тип Almgren 158), выявленные в погребении 4 пшеворского могильника в Братове (Закарпатье), относятся к фазе C1a [348, s. 31–56, rys. 6: y–z; 53, с. 245, рис. 93: y]. На территории Польши обломки римской посуды с рельефным орнаментом в виде пояска из овов встречаются в период от B2/C1 до C1b (170–260 гг.), но чаще всего – в период C1a (200–220 гг.) [374; 375]. На массовое распространение terra siggilata к северу от Карпат именно в период C1a (47 %) указывает и А. Бурше [331, s. 144]. На территории Беларуси обломки terra sigillata найдены также на поселении Абидня [239, с. 212]. В частности, подвеска из обломка краснолакового сосуда вместе железной фибулой с подвязной ножкой (тип Almgren 158) и железной D-образной пряжкой найдена в заполнении полуземлянки № 20. По характеру лака подвески сосуд относится ко II в. (анализ лака выполнен сотрудниками Государственного Эрмитажа) [254, с. 109–110, рис. 34: 10; 145, с. 19].

3.8. Изделия из камня

Изделия из камня представлены приспособлениями для размола зерна и других твердых продуктов, в частности, ***зернотерками, жерновами, ступками, пестами,*** а также ***различными брусками, точильными камнями, топором.***

Зернотерки выявленны на поселении Абидня. Они представляют собой одноручные зернотерки и состоят из верхнего камня-терочника и нижней плиты, найдены также их обломки [140, с. 236, рис. 27; 142, с. 238, рис. 27].

В полуземляночной постройке № 38 Тайманово в качестве боковой стенки печи-каменки был использован пришедший в негодность ***жернов***. Жернов изготовлен из гранитной породы (группа IIA по Р. С. Минасяну) [210, с. 104–106]. Он представлял собой нижний камень полусферической формы с круглым углублением в центре. Его ширина примерно 32 см, диаметр углубления 7,2 см, глубина 3,6 см. Жернова группы IIA по Р. С. Мина-

сяну были распространены во второй четверти I тыс. н. э. в германо-черняховском ареале в римское время [210, с. 104–106]. Очевидно, традиции изготовления таких жерновов в Могилевское Поднепровье проникли именно из черняховского ареала. Гранитный жернов был также найден на поселении Абидня в хозяйственной яме вместе с двумя зернотерками и лепной керамикой [243, с. 174].

В Абидне также найдены три ***каменные ступки*** для растирания зерна и два ***каменных песта*** [140, с. 237–238, рис. 28; 142, с. 239–240, рис. 28].

На поселении Тайманово выявлены 16 ***каменных брусков*** и один ***точильный камень***. Бруски в основном изготавливались из песчаника. Шесть брусков сохранились целыми, в том числе и брусок из заполнения полуземляночной постройки № 22, один брусок несколько поврежден, остальные представлены обломками. Форма брусков преимущественно прямоугольная, только один обломок бруска имел овальную форму. Длина целых брусков 5,3–7,3 см, ширина 2,5–3,0 см, толщина от 0,6 см до 3,3 см. Длина точильного камня до 9,7 см. На поселении Абидня известны бруски с отверстиями на конце для подвешивания к поясу [243, с. 175]. Всего в Абидне известен 31 экз. точильных брусков из мелкозернистого песчаника, как правило, в обломках [140, с. 239–240, рис. 29; 142, с. 241–242, рис. 29].

На поселении Тайманово был найден ***каменный топор*** длиной 10,4 см, имеющий овальную форму сечения, шириной лезвия 4,9–5,2 см, шириной обуха 3,5 см, толщиной топора 3,9 см. Обломок шлифованного топора-клина из сланцевой породы выявлен на поселении Симоновичи [105, с. 97, рис. 6: 14].

3.9. Монеты

Особую важность для датировки памятников имеют находки ***монет***. Монеты – редкое явление во время проведения раскопок. Основное количество известных монет происходит из кладов, найденных случайно, либо в виде единичных случайных находок, нередко без точной привязки к местности. Во время раскопок на памятниках первой половины I тыс. н. э. в Могилевском и Гомельском Поднепровье выявлено две находки монет римского времени. Одна из монет найдена на поселении Абидня. Это бронзовая фракийская монета Геты, которая чеканилась в городе Августа Траяна (современная Болгария) в период с 209 по 212 г. [243, с. 180; 246, с. 236, рис. 7: 1]. Вторая медная монета происходит из поселения Дедново [134, с. 30]. Монета отчеканена в период правления Марка Аврелия (161–180 гг.), ее диаметр 3,3 см, вес 21,3 г. На лицевой стороне помещен портрет римского императора Антонина Пия, умершего в 161 г. и причисленного к сонму богов. Об этом свидетельствует надпись «consecratio», расположенная над погребальным костром, на котором сжигалось тело умершего. Внизу костра находятся

буквы SC, что свидетельствует о чеканке монеты с разрешения сената. К сожалению, все найденные монеты – из культурного слоя, но в любом случае их проникновение просходит на раннем этапе культуры Абидня – не позднее первых десятилетий III в.

3.10. Украшения

Коллекция украшений достаточно богатая по количеству предметов и ассортименту. Украшения выполнены из различных материалов: черных и цветных металлов, стекла, глины, янтаря, камня. В ассортимент входят различные ***булавки, фибулы-застежки, височные кольца, бронзовые кольца, подвески, браслеты, различные бусы, пронизки, бронзовые трубочки***.

3.10.1. Украшения головы

Украшения головы представлены ***височными кольцами***. В Тайманово, в частности, найдено три бронзовых височных кольца, относящихся к I тыс. н. э. Одно кольцо с завитком наружу и обломанным концом диаметром 2,0 см изготовлено из круглой проволоки диаметром 0,3 см (рис. 78, *3*). Перстнеобразные височные кольца с завитком наружу (тип I, вар. 1 по В. С. Нефёдову), как полагают, появились в лесной зоне Восточной Европы не ранее середины VIII в. [217, с. 35–41]. А. М. Медведев, ссылаясь на прибалтийские аналогии, датирует такие височные кольца III–IX вв. и соглашается с Е. А. Шмидтом, что описанные кольца являются типично балтским украшением [205, с. 231]. Однако тот же Е. А. Шмидт считает, что височные кольца с завитком наружу были обычным украшением у многих племен, включая славян [315, с. 28]. Второе кольцо диаметром 3,5 см с утолщенным концом, диаметр проволоки 0,2 см, на конце 0,3 см (рис. 78, *4*). Височные кольца небольших размеров с одним расширяющимся концом – наиболее распространенный вариант на памятниках круга Заозерье-Узмень [179, с. 60]. Подобное кольцо происходит из селища Городище, аналогии им имеются в прибалтийских древностях и культуре смоленско-полоцких курганов [205, с. 232]. Височное кольцо маленького диаметра (2,2 см) с утолщенным концом и поперечными насечками найдено на селище Зароново, где также датируется серединой I тыс. н. э. [45, с. 285, рис. 7: 4]. Третье кольцо размером 3,9×3,6 см было изготовлено из ромбической в сечении пластинки 0,3×0,3 см (рис. 78, *5*). Кольцо было выявлено в заполнении полуземляночной постройки № 32А (глубина 0,2 м). Кольца из ромбической проволоки известны на памятниках междуречья Днепра и Западной Двины, Псковщины (селищах Бельчицах, Каменная Лава, могильнике Фролы) [179, с. 60].

По-видимому, в качестве височного кольца могло использоваться бронзовое кольцо из круглой проволоки с обломанным концом диаметром 2,6 см

из Симонович, целый конец заострен [105, с. 95, рис. 6: 4]. Бронзовые височные кольца (как с заходящими концами, так и заостренным концом) известны на городищах Белорусского Понеманья (Городище, Кащеличи), на памятниках Восточной Литвы они встречаются в конце III – V вв. [205, с. 57].

Два височных кольца из круглой бронзовой проволоки с разомкнутыми концами найдены и на поселении Абидня [140, с. 219, рис. 18: 21, 22; 142, с. 221, рис. 18: 21, 22]. Кольца диаметром 2,5–4 см с несомкнутыми концами имели широкое бытование. Как полагают некоторые исследователи, их могли вплетать в волосы [294, с. 67].

В Тайманово найдено 27 различных ***бронзовых колечек*** диаметром от 0,25 до 3,8 см, из них 17 колечек сохранились целыми, остальные – в обломках. Три колечка найдены в погребениях (погребения № 29, 57), 7 колечек – в заполнении жилищ (№ 7, 17, 19, 30, 31, 51), остальные выявлены при разработке культурного слоя поселения. Кольца чаще всего изготавливались из круглой в сечении проволоки диаметром 0,2–0,3 см, в одном случае 0,5 см (11 экз.), либо прямоугольной пластины размером от 0,25×0,1 до 0,5×0,4 см (9 экз.). Одно колечко из ленты размером 0,5×0,4 см с выемкой посередине, диаметром 1,7 см, возможно, относится к ожерелью (рис. 78, *6*). Похожие колечки с выемкой вместе с бусами найдены в вельбарском могильнике Прущ Гданьский, погребение 115, которое относится к раннеримскому времени B1 (15–70 гг.) [358, s. 25, 135]. В двух случаях использовалась ромбическая в сечении проволока, в трех случаях – треугольная лента, в одном случае – овальная пластина (кольцо с растительным орнаментом). Ромбические в сечении кольца были распространены в вельбарской культуре в период C1b – C2 [342, s. 46–47, taf. XXXVIII: 1]. Кольцо диаметром 3,0 см изготовлено при помощи литья на выплеск, с внутренней стороны гладкое, с внешней стороны украшено разнообразным растительным орнаментом, в месте разлома концы подходят друг к другу (рис. 78, *7*). В отчете Л. Д. Поболя за 1976 г. отмечено со ссылкой на В. Н. Даниленко, что это кольцо, возможно, – арабеск IX в., хотя не исключено более раннее его происхождение.

Два бронзовых плоских в сечении колечка происходят из поселения Дедново [134, с. 31, рис. 11: 9]. Одно из них с несомкнутыми концами диаметром 2,1 см декорировано овальными вдавлениями по обломанному расширенному концу.

Колечки маленьких размеров в основном использовались в качестве звеньев цепочки. В Тайманово сохранилась часть цепочки, состоящая из двух звеньев диаметром 1,1 см (рис. 78, *8*). Они могли быть частью ожерелья либо входить в состав поясного набора. В Абидне известны также две бронзовые цепочки: из трех и шести звеньев [140, с. 219, рис. 18: 17, 18; 142, с. 221, рис. 18: 17, 18]. Также в Абидне в полуземлянке № 24 найдено бронзовое колечко с внешней рифленой поверхностью диаметром 1 см с ра-

зомкнутыми концами [256, с. 124, рис. 11: 21]. Проволочные и пластинчатые кольца с несомкнутыми концами могли использоваться как височные (рис. 78, *9–26*; 78, *1–5*). Кольца диаметром от 2,0 см и даже менее могли носить на пальцах.

В Абидне также известны гладкие пластинчатые бронзовые кольца с незамкнутыми концами [140, с. 219, рис. 18: 15, 16, 20; 142, с. 221, рис. 18: 15, 16, 20]. Подобное кольцо найдено на городище Старое Село (правобережье Западной Двины) [46, с. 307, рис. 307, рис. 4: 7]. Представлены они и на других памятниках на протяжении всего римского времени [326, s. 21, pl. XXIX, gr. 55: 1].

Известны также железные кольца. В частности, пластинчатое кольцо диаметром 2 см найдено в полуземлянке № 2 поселения Абидня [254, с. 103, рис. 22: 5]. Из тонкой железной проволоки изготовлено кольцо с заходящими концами диаметром 1,9 см на поселении Симоновичи. Это могло быть как кольцо на палец, так и детское височное кольцо. Бронзовые и железные проволочные кольца получают распространение на позднем этапе милоградской культуры [208, с. 81; 173, с. 63] и бытуют на протяжении I тыс. н. э.

3.10.2. Подвески

Особой популярностью пользовались различные ***подвески***. Почти все подвески бронзовые. Известна только одна железная трапециевидная подвеска из Тайманово. Длина сохранившейся части подвески 3,8 см, ширина до 2,0 см, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 80, *1*). Еще одна подвеска из Тайманово в виде миниатюрного кресала – железная на бронзовом колечке (рис. 79, *2*).

Все подвески можно разделить на две группы. В первую группу входят разнообразные по форме подвески, изготовленные без применения эмалей.

Вторую группу составляют подвески, входящие в круг украшений с выемчатыми эмалями. Ко второй группе относится также ажурная подвеска.

В состав подвесок первой группы входят трапециевидные подвески, подвески в виде бубенчика, колокольчика, луновидные подвески, корзиноподобные, в виде кресала, круглые, шестиугольные.

В Тайманово известны три бронзовые ***трапециевидные подвески***. Подвески выполнены из тонкой листовой бронзы, их толщина составляет 0,1 см. Одна целая подвеска длиной 1,2 см, шириной 0,3 см в верхней и 0,8 см – в нижней части, с сохранившимся колечком (рис. 80, *3*). Вторая подвеска с обломанным ушком найдена в заполнении полуземляночного жилища № 27. Ее длина 3,7 см, ширина 1,0 см в верхней и 2,3 см – в нижней части (рис. 80, *4*). Третья фрагментированная подвеска длиной 1,8 см, шириной 0,5 см в верхней и 0,8 см – в нижней части. Трапециевидные бронзовые подвески известны и в Абидне [243, с. 175; 244, с. 314, рис. 7: 12, 14; 246, с. 235, рис. 8: 12]. Всего найдено пять подвесок: одна орнаментированная и четыре гладкие. Они проис-

ходят как из комплексов, так и из культурного слоя поселения. К примеру, гладкая подвеска выявлена в заполнении полуземлянки № 14 [254, с. 107, рис. 29: 3]. Трапециевидная подвеска высотой 5 см, декорированная чеканными полосами и напаенными шариками, происходит из погребения № 3 абидненского могильника [244, с. 314, рис. 7: 12; 258, с. 61, рис 2: 6]. Подвеска найдена вместе с золоченой бусиной типа 387б по М. Темпельманн-Мачинской и железной посоховидной булавкой с ромбическим сечением. Крупные богато орнаментированные трапециевидные подвески, как полагают А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский, могут входить в круг «изделий с выемчатой эмалью» [227, с. 119], с чем можно согласиться. В целом, трапециевидные подвески являются распространенными украшениями у населения лесной и лесостепной зоны Восточной Европы конца I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

На поселении Тайманово найдена целая бронзовая ***корзиноподобная подвеска*** длиной 2,6 см, шириной 0,9 см с двумя уступчиками в нижней части (рис. 80, *7*). Похожая бронзовая подвеска также высотой вместе с дужкой 2,6 см найдена на поселении Лемешевичи [56, с. 143, рис. 6: 4; с. 145]. Также похожая бронзовая корзиноподобная подвеска, только без уступчиков, длиной 1,8 см происходит из могильника Нетта в Северо-Восточной Польше, погребение 78, которое относится к периоду C1b (220–260 гг.) [326, s. 25, 219, pl. XXXVII: 6]. Бронзовые без уступчиков подвески высотой 1,2–1,8 см найдены на могильнике Опошня (погребение 232) и датируются второй половиной – концом III в. [359, s. 60, taf. 43: 3]. Для черняховских памятников характерны именно железные подвески (68 %) [190, с. 70]. В частности, две железные корзиноподобные подвески найдены в погребении 8 черняховского могильника Каборга IV, где они датируются по К. Годловскому концом III – серединой IV в. [187, с. 59, табл. IX: 11–13]. Всего на черняховских памятниках известно около двух сотен таких украшений [190, с. 70].

Преобладание железных корзиноподобных подвесок у черняховского населения свидетельствует об их использовании в качестве доступного украшения, в том числе и для низших социальных слоев. В то же время за пределами ареала черняховской культуры встречены в основном бронзовые, иногда серебрянные такие подвески. Можно предположить, что если у черняховского населения корзиноподобные подвески являлись распространенным элементом костюма, в том числе для рядовой по социальному статусу женщины, то соседние племена, у которых мода на такие подвески была заимствована, изготавливали их из бронзы и серебра, и такие подвески входили в состав уже элитарного женского костюма. Например, распространение таких подвесок происходит на восток от ареала черняховской культуры – в среду обитания населения мощинской и культуры рязано-окских могильников, куда они попали, очевидно, на финальном этапе черняховской культуры и встречаются в основном в составе кладов [58, с. 13–14, рис. 34: 3–19].

Также в Тайманово найдена железная ***подвеска в виде*** миниатюрного ***кресала*** длиной 2,9 см, подвешенная на бронзовом колечке. Она имеет овальную нижнюю часть размером 0,7×0,8 см (рис. 80, *2*). Подвески в виде миниатюрных вещей в качестве амулетов-оберегов характерны для вельбарских древностей. Особенно широко они были распространены в период C2 – D (260–450 гг.) [360, s. 181].

В Тайманово найден обломок ***подвески***, предположительно бронзовый ***колокольчик*** (рис. 80, *5*). Бронзовые колокольчики – редкая находка. Целый колокольчик, только без язычка, найден в постройке № 47 селища Дедиловичи [213, рис. 56: 33]. Исследователь памятника А. Г. Митрофанов полагает, что бронзовые колокольчики являлись специфически латгальскими изделиями и бытовали на землях этих племен в VII–VIII вв. [213, с. 112]. В восточнолитовских курганах на территории Беларуси два бронзовых колокольчика найдены в курганном могильнике Засвирь, в кургане 1 с кремацией, погребение 1, который датируется V–VII вв. [131, с. 25, рис. 5: 1, 5; 132, с. 65, мал. 3, 4]. Бронзовый колокольчик также найден на поселении Курадово (Припятское Полесье). Исследователи памятника В. С. Вергей и В. Г. Белявец связывают его с горизонтом Луки-Райковецкой [35, с. 10, мал. 4: 23].

Из культурного слоя поселения Тайманово также происходит обломок подвески, у которой сохранился стерженек треугольного сечения длиной 1,2 см и ушко для подвешивания диаметром 0,9 см, диаметр отверстия 0,15 см, общая длина подвески до 2,1 см (рис. 80, *8*).

Подвески с выемчатыми эмалями в Тайманово и Абидне представлены ***подвесками-лунницами***. В Тайманово известно пять лунниц с эмалями. Две лунницы найдены в заполнении полуземляночных построек № 25 и 31, одна лунница выявлена в хозяйственной яме вблизи полуземлянки № 14, остальные происходят из культурного слоя.

Лунница из постройки № 25 поселения Тайманово происходит из верхних слоев заполнения жилища. Глубина залегания находки 0,32 м, контуры же постройки начали проявляться на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности. Высота подвески 2,8 см, ширина 4,0 см. Лунница имеет центральное треугольное поле 1,6×0,9 см, петлю для подвешивания длиной 1,0 см, шириной 0,6 см с отверстием овальной формы 0,4×0,2 см. Центральное поле заполнено красной эмалью. Боковые щитки украшены белой эмалью, их диаметр 0,9 см с круглой выемкой диаметром 0,4 см. Щитки имеют по три отростка круглой формы диаметром 0,6 см с отверстием диаметром 0,2 см (рис. 81, *2*). Очень похожая лунница найдена на позднезарубинецком среднеднепровском поселении Бобрава 3 (круг памятников Картамышево-2 – Терновка-2) [295, с. 158, рис. 20: 8]. Памятник датируется первой половиной III в. [184, с. 84; 185, с. 206, рис. 17: 16]. В ра-

боте И. К. Фролова «Лунницы с выемчатой эмалью» учтены две подвески из Тайманово, однако на рисунках они не показаны. Из таблиц следует, что это подвески треугольной формы, с треугольным эмалевым полем, круглыми конечными щитками и круглыми отростками с эмалью, они относятся к типу IIВ и датируются IV–V вв. [305, с. 115–116, табл. 1, 2]. У данной лунницы отростки не заполнены эмалью и, скорее всего, она относится к типу IIБ по классификации И. К. Фролова. Л. Д. Поболь датировал полуземлянку № 25 II–V вв. [261, с. 146].

Вторая лунница достоверно относится к заполнению постройки № 31 селища Тайманово (глубина залегания 0,6 м). Ее длина 3,2 см, высота 2,3 см. Лунница имеет узкое центральное поле 1,3×0,45 см. Щитки круглой формы диаметром 0,7 см с выемками диаметром 0,35 см и тремя круглыми выступами диаметром 0,4 см с выемками диаметром 0,2 см. Выемки заполнены красной эмалью, концевые щитки – зеленой эмалью. В верхней части подвески имеется ушко длиной 1,0 см, шириной 0,5 см с овальным отверстием 0,5×0,15 см, в которое продето колечко диаметром 1,0 см (рис. 81, *5*). Стилистически лунница из постройки № 31 тяготеет к типу IВ, который датируется первой половиной IV в. по И. К. Фролову [305, с. 116, табл. 2]. Сочетание основного красного с дополнительным зеленым также характерно для среднего этапа развития лунниц (этап В) [305, с. 117]. В Днепровском Левобережье подобные лунницы, но только с красной эмалью (тип Картамышево-2 – Шмырево), относятся к более раннему времени – середине – второй половине II в. н. э. [78, с. 77–79]. Восточнее, в частности, в ареале мощинской культуры похожая лунница с узким центральным полем без эмали найдена в составе известного Мощинского клада [282, с. 44, табл. XIV], а также и на городище Щепилово, где датируется серединой – второй половиной III в. [59, с. 71, рис. 3: 3].

Лунница из заполнения хозяйственной ямы вблизи полуземляночной постройки № 14 Тайманово имеет высоту 3,3 см, ширину 4,5 см. В центральной части подвески имеется треугольное поле 2,0×1,1 см с треугольной выемкой 1,4×0,6 см, заполненной красной эмалью. Концевые щитки имеют круглые выемки диаметром 0,4 см с тремя круглыми отростками диаметром 0,7 см с круглыми выемками диаметром 0,3 см (рис. 81, *6*). Данная лунница относится к типу IIВ по И. К. Фролову [305, с. 115, табл. 1]. По-видимому, именно эта лунница учтена в его каталоге.

Одна из лунниц из культурного слоя имеет следующие размеры: длина 3,3 см, ширина 4,6 см. Лунница имеет центральное треугольное поле 2,1×1,4 см, где расположена треугольная выемка для эмали 1,9×1,0 см. Форма концевых щитков округло-ромбическая 0,9×0,9 см с четырьмя отверстиями диаметром 0,2 см. На каждом щитке имеется по три отростка круглой формы диаметром 0,6 см с выемками диаметром 0,4 см. Выемки заполнены красной

эмалью (рис. 81, *1*). В каталоге И. К. Фролова вариант с отверстиями в концевых щитках не представлен. По общему стилю, как и все таймановские лунницы, она относится к типу II [305, с. 118, рис. 5].

Высота второй лунницы из культурного слоя поселения Тайманово 3,0 см, ширина 4,4 см. Лунница имеет центральное треугольное поле 2,0×1,2 см, с обеих сторон украшена треугольными выемками 1,8×0,9 см с красной эмалью. Концевые круглые щитки диаметром 1,2 см имеют отверстия диаметром 0,5 см и по три круглых выступа диаметром 0,6 см с отверстиями 0,3–0,4 см. В верхней части расположено ушко размером 1,0×0,5 см с отверстием диаметром 0,4 см. В отверстие продето кольцо диаметром 2,1 см из проволоки диаметром 0,25 см (рис. 81, *4*). Лунница с двусторонними эмалями является уникальной находкой, аналогии ей пока не встречены.

Несмотря на разнообразие вариантов, таймановские лунницы имеют общие черты. Во-первых, треугольную либо дугообразно-треугольную (жилище № 31) форму подвески. Во-вторых, центральное треугольное поле, заполненное эмалью. Исключением является подвеска из полуземлянки № 31, у которой узкое центральное поле без эмали. В-третьих, почти всегда круглые концевые щитки и всегда круглые отростки. Они могут быть с эмалями и без них. Несколько отличается лунница, у которой концевые щитки имеют округло-ромбическую форму с четырьмя отверстиями. Судя по итогам последних исследований, датировка таймановских лунниц по И. К. Фролову – IV–V вв., как, впрочем, и многих других вещей с эмалями, является несколько завышенной. В частности, по результатам радиоуглеродного анализа из Дьякова городища горизонт, где были найдены лунницы с эмалью, датируется рубежом II–III вв. [166, с. 42]. Периодом B2(B2/C1) – C2 датируются вещи с эмалями в пшеворских и вельбарских комплексах на территории Прибалтики [42, с. 171–210]. Более вероятная датировка лунниц из Тайманова – III – начало IV в.

В Абидне найдены четыре целых лунницы [243, с. 168–183, рис. 63: 2, 3; 244, с. 315, рис. 8], а также фрагмент лунницы, от которой сохранилась часть корпуса [140, с. 214, рис. 16: 3; 142, с. 216, рис. 16: 3]. Лунницы из Абидни в двух случаях имеют квадратные щитки (среднеднепровский тип), в двух случаях – круглые щитки, как и лунницы в Тайманово. В частности, квадратные щитки имела бронзовая лунница с красной эмалью из полуземлянки № 10 [254, с. 106, рис. 26: 1]. И. К. Фролов относил эти лунницы к типу IIД4 и датировал их также достаточно поздно – IV–V вв. [305, с. 116]. Лунница (гл. 0,7 м) была найдена вместе с двумя красными пастовыми бусинами (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) и железной арбалетной фибулой, что позволяет по совокупности вещей постройку № 10 отнести ко второй половине III в. Следует отметить, что среднеднепровский тип подвесок встречен только в Абидне, в Тайманово у всех лунниц круглые концевые щитки.

Датировать все абидненские лунницы суммарно возможно III в. [244, с. 316, рис. 8; 145, с. 19; 140, с. 214, рис. 16: 1–5; 142, с. 216, рис. 16: 1–5].

Можно предположить, что лунницы на памятниках культуры Абидня изготовлены на месте. Об этом, в частности, могла бы свидетельствовать находка глиняной формочки на поселении Абидня. Формочка сохранилась полностью. Она использовалась для отливки подвески с шестью рожками, напоминающей лунницу [243, с. 175]. Однако не известно, присутствовала ли эмалевая вставка в этой подвеске. Судя по спектрохимическому и металлографическому анализам ювелирных изделий из Абидни, проведенным в 1963 г. Д. В. Наумовым, это сплав меди и цинка (латунь) [241, с. 433–434]. Ингридиенты привозные. В последнее время проведены комплексные исследования остатков стекловидных надтеков на абидненских тиглях. Эти исследования достоверно подтвердили лишь присутствие литейного производства. Эмальерное производство с использованием в качестве сырья красных бус-«кирпичиков» не установлено. Ученые полагают, что материальные следы данного производства крайне сложно выявить [278, с. 73–94].

Существует мнение, что красные бусы-«кирпичики» специально изготавливали в качестве полуфабрикатов для эмальерного производства, хотя это не исключает их использования в качестве украшений [277, с. 221–226]. Имеет место и другое мнение, согласно которому более простые вещи с эмалями изготавливали местные мастера, а более высокохудожественные изделия – «бродячие» мастера, причем благодаря им произошло распространение навыков по изготовлению вещей с эмалями на соседние территории [327, p. 11–24]. Что касается существования мастеров разных уровней квалификации среди оседлых и «бродячих» ювелиров, то эта версия более чем спорная, во всяком случае никаких прямых доказательств не имеет. Версия о существовании «бродячих» мастеров как носителей навыков по изговлению вещей с эмалями может иметь под собой реальную основу и рассматриваться как один из источников распространения таких изделий далеко от центров их изготовления.

Стилистически близкие лунницам из Тайманово и Абидни подвески с круглыми щитками и треугольным полем встречены и на более северо-западных памятниках – в днепро-двинском междуречье (Черная Лоза, Бирули II) [153, с. 248–249, рис. 3: 1, фото 64: 1; 154, с. 263, рис. 3: 3, фото 65: 2]. Хотя имеются некоторые отличия, в частности, лунница из Черной Лозы не имела эмалевой вставки в центре, столь характерной для Тайманово и Абидни. На поселении Черная Лоза также найдена ажурная треугольная фибула с красной эмалью [154, с. 263, рис. 3: 5, фото 65: 1]. Скорее всего, все эти вещи сюда попали из территории Понепровья. Их общая датировка – III в.

Лунницы с эмалями и круглыми щитками в последнее время найдены и на левобережье Припяти (Ясковичи). Хотя до последнего времени счита-

лось, что на территории Полесья, особенно левобережье Припяти, преобладали подковообразные фибулы [307, с. 195], причем там встречены лунница с рамочным центральным полем прибалтийской традиции [51, с. 569, мал. 6: 1, фота 13: 3], а также лунницы с треугольно-дугообразным полем днепровской традиции [51, с. 570, 572, мал. 7: 3, 4]. На поселении найдены фрагменты двух ажурных треугольных фибул с эмалью [51, с. 572, мал. 7: 1, мал. 7: 2, фота 13: 4]. Они также относятся к III в. Последний обобщающий каталог вещей с эмалями из территории современной Беларуси и смежных областей опубликован О. В. Радюшем [265, с. 59–105].

Проникновение на территорию Белорусского Поднепровья вещей «круга выемчатых эмалей», как полагают многие исследователи, связано с продвижением на восток постзарубинецкого населения, датируются они серединой II – серединой III в. [160, с. 143].

К кругу вещей с эмалями также относится бронзовая ***ажурная*** ромбическая ***подвеска*** из Тайманово (тип II по Г. Ф. Корзухиной) [161, с. 48]. Длина подвески 4,2 см, ширина 3,9 см, толщина 0,35 см, в верхней части имеется ушко для подвешивания с отверстием диаметром 0,3 см (рис. 80, *6*). Ближайшая аналогия подвески найдена в курганном могильнике Демьянки, курган 1 [289, с. 192, рис. 5: 1]. Практически однотипная таймановской ажурная подвеска из поселения Приоскольское-2, где она была найдена в культурном слое над погребением 3. Поселение относится к раннему этапу киевской культуры, до середины III в. [221, с. 23, рис. 64: 8]. В Тайманово также найдена еще одна похожая ромбическая подвеска, но с красной эмалью в центральной части. Она происходит из грабительских раскопок [129, с. 165–172, рис. 2: 1].

Пластинчатые подвески также относятся к кругу вещей с эмалью (тип IV по Г. Ф. Корзухиной) [161, с. 45–46]. Их можно рассматривать как варианты лунниц. В заполнении полуземляночной постройки № 8 Тайманово найдена бронзовая пластинчатая подвеска-лунница серповидной формы (рис. 80, *9*). Длина подвески 6,8 см, ширина в центральной части 1,0 см, по краям – 0,5 см. Похожая пластинчатая подвеска-лунница найдена на поселении Глеваха, которое датируется второй половиной III – началом IV в. [295, с. 43]. Еще одна луновидная подвеска с обломанными концами происходит из культурного слоя поселения Тайманово (рис. 80, *10*). Длина подвески до 3,4 см, ширина 0,9 см, толщина 0,15 см. В верхней части имеется отверстие, в котором сохранилась заклепка.

Из пластинчатых подвесок на поселении найдены также шестиугольная подвеска длиной 0,8 см, шириной 1,1 см, толщиной 0,1 см, диаметром отверстия 0,3 см (рис. 80, *12*) и круглая монетовидная подвеска диаметром 1,5 см, толщиной 0,15 см (рис. 80, *11*). Не исключено, что такие подвески являлись имитацией римских монет, широко используемых в качестве украшений среди черняховского населения [190, с. 73].

Элементом ожерелья являлись ***бронзовые трубочки***. В Тайманово найдено две такие трубочки. Одна несколько поврежденная трубочка выявлена в заполнении полуземляночной постройки № 15 (глубина 0,8 м), ее длина 5,5 см, диаметр 0,4 см, толщина 0,1 см (рис. 80, *13*). Постройка № 15 датируется концом III – началом IV в. Вторая целая трубочка происходит из заполнения полуземлянки № 27. Длина трубочки 2,9 см, диаметр 0,4 см, толщина 0,1 см (рис. 80, *14*). Постройка № 27 относится к 170–310 гг. ***Трубочки-пронизки*** известны на соседнем поселении Абидня, где такая трубочка была найдена в заполнении полуземлянки № 2 вместе с ***ручкой от бронзового сосуда*** [244, с. 314, рис. 7: 5; 254, с. 119, рис. 22: 2]. Полуземлянка № 2 по бронзовой ручке датируется III в. Бронзовая трубочка-пронизка длиной 1,8 см просходит из полуземлянки № 24 [256, с. 124, рис. 11: 2], которая относися к началу III в. На поселении Абидня найдены также бронзовые трубочки, орнаментрованные рельефными валиками и концентрическими окружностями. Одна из таких трубочек длиной 11 см происходит из полуземлянки № 19 вместе с золоченой бусиной (тип 387 г. по М. Темпельманн-Мачинской) [244, с. 314, рис. 7: 11; 246, с. 235, рис. 8: 4; 254, с. 109, рис. 33: 1]. Однако, по-видимому, трубочка может не относиться к постройке, поскольку происходит из верхних слоев заполнения (гл. 0,25 м). Обломки бронзовых трубочек с аналогичным орнаментом также найдены в полуземлянке № 18 [254, с. 108, рис. 32: 1, 3]. Всего в Абидне найдено 6 подобных трубочек-пронизок [140, с. 217, 219, рис. 18: 1, 5, 7–9, 14, фото 5: 10; 142, с. 219, 221, рис. 18: 5, 7–9, 14, фото 5: 10]. В научной литературе распространено мнение, что украшения, декорированные в том числе сферическим орнаментом, входят в круг «варварских» украшений с выемчатыми эмалями и бытовали на протяжении всего периода существования такого рода украшений [295, с. 29]. К примеру, трапециевидные подвески, орнаментированные сферическим декором, найдены на среднеднепровском поселении Картамышево-2 и датируются периодом B2a [184, с. 84; 185, с. 206, рис. 17: 3, 4].

Элементом ожерелья являлась узкая ***плоская бронзовая пронизка*** диаметром 0,7 см из Симонович [105, с. 95, рис. 6: 3]. Также были распространены ***витые бронзовые пронизки***. В Тайманово найдено 8 таких пронизок, из них две пронизки в погребении № 114, одна в полуземлянке № 19, остальные происходят из культурного слоя поселения (рис. 79, *6–12*). Пронизки имеют разную длину: от 0,7 до 5,2 см, диаметр 0,3–0,5 см, изготовлены из круглой проволоки диаметром 0,1–0,3 см либо из узкой плоской ленты прямоугольного сечения. Пронизки имеют до 14 оборотов. Витые пронизки известны и на поселении Абидня. В частности, бронзовая пронизка в три оборота найдена в полуземлянке № 2 [254, с. 103, рис. 22: 4]. Всего в Абидне найдено 7 таких пронизок, самая длинная пронизка сохранилась на 16 витках [140, с. 219, рис. 18: 2–4, 6, 11–13; 142, с. 221, рис. 18: 2–4, 6, 11–13].

Витая пронизка в четыре оборота также найдена на поселении Дедново [134, с. 31, рис. 11: 6]. Витые пронизки – очень популярная деталь женского ожерелья у племен лесной полосы в латенское и римское время.

В полуземлянке № 24 поселения Абидня помимо брозовой трубочки-пронизки и стеклянной синей бусины-«кирпичик» происходят две бронзовые ***очковидные подвески*** вместе со звеньями цепочки [140, с. 219, рис. 18: 10; 142, с. 221, рис. 18: 10]. Очковидные подвески широко представлены в различных регионах Европы. На территории Беларуси в I тыс. н. э. они чаще всего встречаются в ареале культуры штрихованной керамики [126, с. 90, табл. 65: 1–6, 8, 9].

3.10.3 Бусы

Одним из самых популярных элементов ожерелья являлись ***бусы.*** Они изготавливались из различных материалов. В частности, бусы, найденные на поселении и в могильнике Тайманово, были изготовлены из глины (1 экз.), бронзы (1 экз.), стекла (60 экз.). Как видим, скромные ***глиняные бусы*** не пользовались популярностью у женской части населения Тайманово. В Абидне известно 6 глиняных бусин [140, с. 211, рис. 12: 7–9, 11–13; 142, с. 213, рис. 12: 7–9, 11–13]. Наиболее популярны глиняные бусы в I тыс. н. э. у населения северных и северо-западных территорий, которое было не избаловано импортными стеклянными бусами и не имело центров собственного производства таких бус по импортным аналогам. Очевидно, не особо популярными были ***бронзовые бусы***. На поселении Тайманово найдена одна бронзовая бусина. Это круглая бусина диаметром 0,75 см, высотой 0,3 см (рис. 83, *10*). Коллекция стеклянных бус Тайманово – одна из самых представительных коллекций таких бус на памятниках римского времени Восточной Европы (60 экз.) [108, с. 267]. Единственным памятником, где было выявлено большее количество бус – 75 экз. (74 стеклянные и одна янтарная бусина), является соседнее и синхронное по времени поселение и могильник Абидня [139, с. 244–251]. Стеклянные бусы также найдены на поселениях Симоновичи, Дедново.

Известны две янтарные бусины. 16-гранная янтарная бусина выявлена на поселении Абидня. А. В. Ильютик датирует эту бусину по М. Темпельманн-Мачинской фазой С2 (260–310 гг.) [139, с. 249, рис. 1: 36]. Вторая янтарная бусина округло-биконической формы происходит из Дедново [134, с. 31, рис. 11: 15]. Такие бусы (тип 395b по М. Темпельманн-Мачинской) в Центральной Европе наиболее широко были распространены в период В2 – С1а, хотя спорадически встречаются на протяжении всего римского периода [372, s. 68, tabelle 8, s. 94].

Находки бус происходят как из закрытых комплексов, так из культурного слоя памятников. Примечательно, что на памятниках культуры Абидня

бусы крайне редко находят в погребениях, в отличие от соседних культур, где в погребениях присутствуют не только отдельные бусины, но целые ожерелья из бус. На памятниках культуры Абидня известны только две стеклянные бусины римского периода – в могильнике Абидня (золоченая бусина, погребение № 3) и в могильнике Тайманово (граненая синяя бусина вместе с обломком костяного гребня, погребение № 156). Следует отметить, что в погребении № 156 обнаружен кусок стекловидной массы синего цвета, т. е., по-видимому, изначально это было ожерелье из синих бус. Погребение принадлежит пожилому человеку. Судя по набору погребального инвентаря, скорее всего, это была женщина неместного происхождения. Трудно дать объяснение, почему местных женщин хоронили без бус, тем более, как уже упоминалось, коллекция стеклянных бус Абидни и Тайманово – одна из самых представительных коллекций стеклянных бус на памятниках римского времени Восточной Европы. Возможно, это было не характерно для местного погребального обряда.

В Тайманово стеклянные бусы были найдены в погребении № 156, в полуземляночных жилищах № 12, 15, 18, 19, 20, 27, 28, 32, 39, 44, 51 и культурном слое поселения. Таймановские бусы разнообразны по форме, цвету стекла и технике исполнения. По цветовой гамме самой представительной категорией являются красные бусы разных оттенков (от розовых до темно-красных) (23 экз.), следующими идут синие бусы (14 экз.), затем зеленые бусы (11 экз.), две черные бусины, одна желтая, одна белая, три полихромные бусины и три золоченые бусины. Цвет одной двойной бусины не определен. Почти все таймановские бусы, за исключением двух, одночастные. Найдены только две двухчастные бусины, одна из них позолоченная (рис. 84, *2*, *15*). В Тайманово встречены следующие типы одночастных бус. Самую большую категорию составляют бусы подпрямоугольной формы (плоский «кирпичик») – 16 экз., затем бусы овальной формы – 7 экз., разновидность формы – удлиненный овал – 1 экз.; бочковидной – 6 экз.; цилиндрической – 6 экз., как разновидность этой формы – округло-цилиндрической – 1 экз.; округлой – 2 экз.; удлиненно-округлой – 1 экз.; шаровидной – 1 экз., уплощенно-овальной – 1 экз.; плоский диск – 1 экз.; линзовидной – 1 экз.; прямоугольной – 2 экз.; прямоугольной граненой – 1 экз., квадратной граненой – 1 экз.; многогранной подквадратной – 2 экз.; многогранной битрапециевидной – 1 экз.; многогранной удлиненной – 1 экз. (рис. 83–84).

Бусы подпрямоугольной формы (плоский «кирпичик») – самый распространенный тип бус в Тайманово (рис. 83, *16–22*; рис. 84, *1*, *7*, *8*, *13*, *14*, *17*, *18*, *20*, *23*). Это связано не только с модой на эти бусы, но прежде всего с тем, что они, по-видимому, являлись, как установлено по результатам химических исследований [241, с. 424–441], исходным материалом для получения красных эмалей при изготовлении украшений с выемчатыми эмалями. Длина бус

0,5–1,2 см, но чаще 0,9 см; ширина 0,3–0,6 см. Отверстия круглые диаметром 0,1–0,2 см, либо овальные – до 0,5×0,2 см, высота бус 1,0–1,5 см. Бусы изготовлены из глухого стекла. Цвет бус колеблется от розового до темно-красного, в подавляющем большинстве – темно-красный. Эти бусы встречены в ряде полуземляночных построек – постройках № 18, 20, 28, 32 (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской). В Абидне в полуземлянке № 24 выявлена голубая бусина подобной формы (тип 88, 89 по М. Темпельманн-Мачинской) [256, с. 127]. Красных бус-«кирпичиков» (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) в Абидне выявлено 26 экз. [139, с. 244, рис. 1: 1–26]. М. Темпельманн-Мачинская относит бусы типа 88–90 к ранней фазе позднеримского времени [372, s. 33]. Т. Ставярска также датирует такие бусы (тип F9) периодом C1b – C2 (220–310 гг.) [369, tabl. III; 370, s. 88]. В Центральной Европе бусы типа 88–90 встречаются достаточно редко, в частности, известна одна бусина типа 90 по М. Темпельманн-Мачинской из вельбарского могильника Цецеле, погребение 553, которое датируется временем C1b (220–260 гг.) [342, s. 75–76]. Две красные бусины типа 90 по М. Темпельманн-Мачинской выявлены в погребении 460 могильника Масломеч вместе с зооморфной фибулой в виде птицы, которая датируется периодом C1a (200–220 гг.) [349, s. 125–129]. В Северном Причерноморье такие бусы из глухого красного стекла встречаются в комплексах II–III вв. (тип 104 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 69, табл. 33: 31а]. Исходя из датировки бус, можно предположить, что украшения с красными эмалями изготавливались в Абидне и Тайманово в III – начале IV в. Красные подпрямоугольные бусы (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) встречены и на других памятниках римского времени, в частности, на полесском поселении Курадово [35, с. 7, 9, мал 4: 3, 4; 37, с. 89, мал. 3: 3, 4].

В Тайманово часть бус найдена в заполнении полуземляночных построек. В полуземлянке № 12 найдены две бусины. Одна бусина из зеленого стекла удлиненно-овальной формы, диаметром 0,7 см, диаметром отверстия 0,1 см, высотой 0,6 см (рис. 83, *5*) (тип 8 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы были особенно характерны для периода B2/C1 – C2 (170–310 гг.), хотя встречаются на протяжении практически всего римского периода от фазы B2 до фазы D (70–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. По Е. М. Алексеевой бочковидные уплощенные бусы относятся к типу 171, поздние варианты которого датируются II–IV вв. [25, с. 73, табл. 33: 78]. Подобные бусы встречены и в Абидне [139, с. 247, рис. 1: 43, 44].

Вторая бусина из стекла синего цвета прямоугольной формы диаметром 0,7 см, диаметр отверстия 0,2 см, высотой 0,5 см (рис. 83, *7*) (тип 105, 108 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы бытовали в период B2/C1 – C2, но могли встречаться до фазы D (170–450 гг.) [372, tabbele 8, s. 95]. Т. Ставярска датирует эти бусы (тип F 3.3) более узким хронологическим перио-

дом (C1b – C2) (220–310 гг.) [368, s. 94, rys. 9: 21; 370, s. 103]. В целом, цилиндрические бусы на территории Польши Т. Ставярска датирует периодом B1 – C2 (15–310 гг.) [369, tabl. I, II, III].

Красная стеклянная бусина цилиндрической формы выявлена в заполнении полуземлянки № 19 Тайманово (глубина 0,39 м) (рис. 83, *15*). Высота бусины 1,8 см, диаметр 1 см, диаметр отверстия 0,6 см (тип 142 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы бытовали практически на протяжении всей первой половины I тыс. н. э. (B1 – D) (15–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Т. Ставярска бусы цилиндрической формы на территории Польши датирует несколько уже – временем от B1 до C2 (15–310 гг.) [369, tabl. I, II, III]. В Северном Причерноморье такие бусы характерны для I–IV вв., особенно для I–III вв. (тип 57 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 67, табл. 33: 11]. Бусина из полуземлянки № 19 найдена вместе с венчиком серого лощеного горшка со свастикой. Аналогичная красная бусина цилиндрической формы найдена в полуземлянке № 27 Тайманово. Обломок красной цилиндрической бусины также выявлен в Абидне [139, с. 246, рис. 1: 29].

В заполнении жилища № 27 найдены также 4 стеклянные бусины. В тексте полевого отчета отмечено, что в заполнении постройки найдено 4 красные стеклянные бусины. Из коллекционной описи выясняется, что выявлено три красные и одна синяя бусины, причем одна красная бусина найдена на глубине 0,35 м от современной поверхности и может не иметь отношения к данной полуземлянке.

Вторая бусина красного цвета (кв. 36а, глубина 0,6 м) овальной в сечении формы высотой 0,5 см, диаметр бусины 0,9 см, диаметр отверстия 0,3 см (тип 41 по М. Темпельманн-Мачинской) (рис. 84, *27*). Время ее бытования – период C1b – D (220–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Т. Ставярка такие бусы (тип F 2.3) датирует несколько уже – C1b – C2 (220–310 гг.) [369, tabl. III; 370, s. 88].

Третья красная бусина имеет цилиндрическую форму (кв. 36а, глубина 0,75 м) (рис. 84: *30*). Высота бусины 1,7 см, диаметр 0,8 см, диаметр отверстия 0,5 см (тип 142 по М. Темпельманн-Мачинской). Бусина имеет широкий период бытования B1 – D (15–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. У Т. Ставярской подобная бусина происходит из могильника Потчеб (тип F 3.1) и датируется более узким хронологическим периодом – C2 (260–310 гг.) [370, s. 27]. Как уже упоминалось, обломок красной цилиндрической бусины выявлен на поселении Абидня [139, с. 246, рис. 1: 29].

Четвертая бусина синего цвета (кв. 41а, глубина 0,6 м) (рис. 84, *28*). Она фрагментирована, многогранная, плоская, в сечении подквадратной формы, ее размеры 0,7×0,7 см, высота бусины 0,9 см, диаметр отверстия 0,2 м (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы в Центральной Европе в основном бытовали в период C2 (260–310 гг.), иногда встречались

раньше (C1b) и доживали до конца римского периода [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска многогранные бусы с квадратным сечением (тип F 11.1) в основном датирует временем C1b – C2 (220–310 гг.) (Борковице, погр. III) [370, s. 90]. В Северном Причерноморье граненые бусы из голубого и синего стекла (тип 135 по Е. М. Алексеевой) характерны для II–IV вв. [25, с. 70, табл. 33: 41].

В заполнении полуземлянки № 32А Тайманово обнаружены обломки двух стеклянных бусин. Одна из них – бочковидная бусина зеленого цвета типа бисера происходит из верхних слоев заполнения постройки (кв. 94, глубина 0,3 м) (рис. 84, *9*). Высота бусины 0,4 см, диаметр 0,4 см, диаметр отверстия 0,15 см (тип 24 по М. Темпельманн-Мачинской). В Центральной Европе такие бусы бытовали в основном на протяжении всего позднеримского времени (B2/C1 – D) (170–450 гг.), хотя встречается и раннеримский период [372, tabelle 8, s. 94]. Более узкую дату для таких бус дает Т. Ставярска – 200–310 гг. (C1–C2) [368, s. 103, rys. 14: 66, 67]. Из культурного слоя поселения Тайманово происходят еще две округлые зеленые бусины более крупного размера (0,5см и 0,6 см). Зеленая боченковидной формы бусина диаметром 0,4–0,5 см выявлена в Абидне [139, с. 246, рис. 1: 49].

Вторая бусина – подпрямоугольной формы, изготовлена из глухого красного стекла – «плоский кирпичик» (200–310 гг.) (рис. 84, *8*).

Из частично сохранившейся полуземлянки № 39 Тайманово происходит массивная позолоченная бусина (рис. 84, *16*). Бусина имеет форму плоского диска диаметром 1,4 см, толщиной 0,3 см с двумя выступами у места отверстия диаметром 0,2 см, высота бусины 1,8 см (тип 25 по Е. М. Алексеевой). В Северном Причерноморье золоченые бусы бытовали в I–III вв. [25, с. 32, табл. 26: 67, 68, 70]. Если для античности характерны мелкие украшения, то бусы римского времени значительно крупнее и массивнее [25, с. 29]. К IV в. разнообразие золоченых бус сокращается [25, с. 28–29]. В VI–VII вв. вместо золотых листков для прокладки стали использовать серебряные [77, с. 221]. Трехчастная бусина с серебряной прокладкой происходит из поселения Курадово-1 на р. Припять [35, с. 11, мал. 4: 9]. Одна часть многочастной пронизки с серебряной прокладкой также происходит из культурного слоя поселения Дедново на Березине [134, с. 31, рис. 11: 10].

М. Темпельманн-Мачинска золоченые бусы (тип 387) относит к раннему этапу позднеримского времени и датирует 15–220 гг. (период B1 – C1b) [371, tabelle 8, s. 94], причем чаще всего они встречаются в период B1 – B2/C1 (15–200 гг.) [372, s. 64–65]. Т. Ставярска бусы с золотой прокладкой на западнобалтских землях датирует концом II – началом III–IV вв. [368, s. 177–233]. Золоченые бусы с выступами на концах («z waleczkami»), тип F13, seria 2 (metalows folias) она относит к фазе B2/C1 – C1a (170–220 гг.) [369, tabl. II; 370, s. 41]. Такая бусина найдена в вельбарском могильнике Прущ Гданьский, погребение 211, которое датируется временем C1a (200–220 гг.) [358, s. 37, 172; 356].

Также в Тайманово встречены еще две золоченые бусины. Одна бусина – двухчастная, округлой формы, диаметром 0,4 см, диаметром отверстия 0,1 см, высотой 0,6 см (рис. 84, *15*) (тип 387b по М. Темпельманн-Мачинской) найдена в хозяйственной яме кв. 4а, раскоп XXIV. Такие бусы в Центральной Европе были особенно характерны для фазы B2 (70–170 гг.), хотя встречаются от фазы B1 до фазы C1b (до 260 г.) [372, tabelle 8, s. 94]. Несколько шире (B1 – C2) (15–310 гг.) датирует двойные золоченые бусы (тип F1-2) Т. Ставярска [368, tabl. VI: 11; 369, tabl. I, II, III; 370, s. 42]. В целом, самая массовая серия золоченых бус в западнобалтских культурах на территории Польши, по мнению исследовательницы, приходится на III–IV вв. [368, s. 208]. В Северном Причерноморье такие бусы встречаются в комплексах I в. до н. э. – первой половины II в. н. э. (тип 31 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 33, табл. 26: 73, 74].

Вторая бусина удлиненно-округлой формы, диаметром 0,4 см, диаметром отверстия 0,1 см, высотой 0,7 см (рис. 84, *24*) (тип 387b по М. Темпельманн-Мачинской). Время бытования то же. Похожая позолоченная бусина, в частности, найдена в комплексе, относящемся к периоду B2, могильника Весиору, погребение 44 [370, s. 41].

На соседнем поселении и могильнике Абидня золоченые бусы были распространены более широко. Там найдено 15 бусин различных форм и размеров [139, с. 244, рис. 1: 59–73]. Абидненская коллекция этого типа бус – самая представительная на территории Беларуси. По форме бусы округлые, представлены как одиночными, так и в виде двухчастной (2 экз.) и трехчастной (2 экз.) пронизей. Большее разнообразие форм золоченых бус в Абидне, чем в Тайманово, очевидно, связано с более ранним временем существования этого памятника. Две бусины происходят из полуземляночных построек (жилой срубной постройки № 7 и постройки столбовой конструкции № 19 вместе с бронзовой трубочкой). Еще одна бусина диаметром 0,5 см выявлена в погребении № 3 вместе с трапециевидной бронзовой подвеской и железной посоховидной булавкой с ромбическим сечением. А. В. Ильютик полагает, что все золоченые бусы Абидни соответствуют типу 1б по Е. М. Алексеевой (с закраинкой вокруг отверстия) [139, с. 244]. Действительно, большинство этих бус принадлежит этому типу, хотя встречаются бусы, относящиеся к типу 1а (без закраинки вокруг отверстия) [139, с. 245, рис. 1: 64–66, 68, 71–73] и типу 31 по Е. М. Алексеевой [139, с. 245, рис. 1: 67]. Впрочем, тип 1б и тип 31 бытовали в одно время – в первые века н. э., в этот же период продолжали использоваться и бусы типа 1а [25, с. 29–30]. Золоченая бусина луковичной формы найдена на поселении Симоновичи (среднее течение р. Птичь) [93, с. 74]. Также золостеклянная бусина (тип 387а по М. Темпельманн-Мачинской) найдена на поселении Дедново на р. Березине [134, с. 31, рис. 11: 14].

К числу наиболее ранних полихромных бусин относится крупная глазчатая желтая бусина с выпуклыми сине-белыми щитками из Симонови-

чей [105, с. 96, рис. 6: 1]. Похожие бусы Е. М. Алексеева относит к типу 61В и датирует концом I в. до н. э. – II в. н. э. [25, с. 66, табл. 16: 60].

В полуземлянке № 51 Тайманово найден обломок полихромной мозаичной бусины (рис. 84, *29*). Бусина изготовлена из непрозрачного темно-зеленого стекла, декорирована повторяющимся узором в виде цветка с красными и белыми точками в центре и белыми и желтыми лепестками вокруг. Бусина бочковидной формы, высотой 1,1 см, диаметром 1,5 см, диаметром отверстия 0,6 см (тип 362 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы характерны для среднего этапа позднеримского времени (фаза C1b – C2) (220–310 гг.) [372, tabelle 8, s. 95]. Е. Ставярска мозаичные бусы «z motywem rozetek» (тип O27 F22) также датирует преимущественно этим же временем [368, tabelle III]. На территории Польши бусы, декорированные цветочными розетками, найдены в могильнике Швайцария, курган VII, погребение 2, который датируется временем C (200–350 гг.) [370, s. 73–74], могильнике Осова, курган 74 [368, s. 220], который относится к периоду B2/C1 – C1 (170–260 гг.), в вельбарском могильнике в дельте Вислы – Веклице (погребения № 248 и 379 – период C2 – C2b, № 478 – период C2 – C2a, объект № 388) [355, s. 73–74, 289, pl. CVIII: 24, 25, 26; s. 99–100, 354, pl. CLXVIII: 9, 10; s. 117–118, 398, pl. CCXIII: 22; s. 357, pl. CLXXI: 14].

В целом, среди центральноевропейских древностей римского времени бусы с цветочными розетками различной окраски были довольно широко распространены, в частности, ожерелья с такими бусинами нередко встречаются в Восточной Зеландии, особенно в начале позднеримского времени [329, p. 41–50, fig. 5], в погребении 209 могильника Шовгород, Зеландия, которое датируется периодом C1b [351, p. 150–158, fig. 1]. В городах Северного Причерноморья похожие мозаичные бусы были распространены в первых веках н. э. [26, табл. 49: 13–16, 18]. О. А. Хомякова распространение мозаичных бус с орнаментом в виде розеток относит к фазе II самбийско-натангийской культуры (B2/C1 – C1a) [308, с. 259, рис. 9: 63]. Круглая мозаичная бусина из глухого красного стекла происходит из поселения Абидня, там же найдена красная цилиндрическая бусина с мозаикой в виде розеток [139, с. 248–249, рис. 1: 33, 34]. Полихромные бусы с цветочными розетками (тип 60 по О. В. Бобровской) характерны для раннего этапа черняховской культуры (первая половина – вторая треть III в.). Они выявлены в могильниках Верхнего Поднестровья – Чернелив-Русский, Романово-Село, Токи, Ружичанка, Петрикивцы, Косаново [44, с. 154, 165, рис. 7; 65, с. 108]. Аналогичные бусы происходят из вельбарского горизонта поселения Хренники на Стыри [159, с. 133]. Бусы округлой формы с декором в виде цветков-розеток (группа I по О. С. Румянцевой) в бассейне Оки и Среднего Поволжья бытовали преимущественно с III – конца IV – начала V в. [275, с. 90–110]. Как полагает та же О. С. Румянцева, мозаичные бусы с цветочными розетками могли изготавливаться в европейских мастерских. Во всяком случае такие

бусы найдены в мастерской 1 в римском военном лагере Тибиск (Румыния), которая существовала от II – середины III в. до середины IV в. [276, с. 514], именно в это время они встречаются на европейской территории.

На поселении Тайманово встречены еще три полихромные бусины. Одна из них синяя с белыми волнистыми полосами (фестонообразный орнамент) округло-цилиндрической формы (рис. 83, *13*) диаметром 1,3 см, диаметром отверстия 0,3 см, высотой 1,4 см (тип 261 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 48, табл. 30: 12]. Следует отметить, что черные бусы со светлым фестонообразным орнаментом связываются с ранним этапом черняховской культуры [159, с. 133, рис. 45: 8].

Вторая бусина фрагментирована. Это бусина синего цвета уплощенно-овальной формы диаметром 2,1 см, диаметром отверстия 0,6 см, высотой 1,4 см. Боковая поверхность украшена тремя полосками белого цвета, красной зигзагообразной линией и белыми точками-вкраплениями (рис. 84, *19*).

Похожая черная полихромная бусина, декорированная полосками и зигзагообразной линией, найдена на поселении Роище, которое относится ко второй половине IV – первой половине V в. [295, с. 44–45, рис. 62: 11]. В целом, бусы с поперечно-волнистым декором массово поступают в черняховский ареал со второй трети IV в. [65, с. 108–109].

Третья бусина шаровидной формы изготовлена из красного непрозрачного стекла, декорирована редкими продольными тонкими синими полосками. Отверстие также окантовано синей окружностью. Диаметр бусины 0,8 см, высота 0,7 см, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 84, *22*). Шарообразные полосатые бусы небольшого диаметра (отдел 1, тип а, подтип 1 по В. Б. Деопик) встречаются в закрытых комплексах Юго-Восточной Европы в VI–VII вв. [77, с. 224–225, рис. 5: 20].

В Тайманово найдена еще одна двухчастная пронизь округлой формы диаметром 0,55 см, диаметром отверстия 0,15 см, длиной пронизи 1,05 см (рис. 84, *2*). Цвет пронизи неизвестен (тип 91–93, 95–100 по М. Темпельманн-Мачинской). В Центральной Европе такие пронизи особенно характерны для периода C1b – C2 (220–310 гг.) [372, tabelle 8, s. 94, 95].

Особую группу составляют граненые бусы различной формы. Е. М. Алексеева отмечает, что граненые стеклянные бусы, имитирующие форму бус из драгоценных камней, стали особенно популярны в первые века н. э. [25, с. 62]. Так, синяя граненая (14 граней) прямоугольная бусина из погребения № 156 Тайманово относится к позднеримскому времени C2 (260–310 гг.) (тип 126–128), хотя такие бусы могли бытовать как раньше C1b (220–260 гг.), так и позднее – до 450 г. (период D) [372, tabelle 8, s. 95]. Размер бусины 0,8×0,4 см, высота 1,0 см, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 83, *14*). Прозрачные синие граненые бусы широко бытовали в черняховском ареале (тип XVII по О. В. Гопкало) [65, с. 40, табл. IV].

Еще одна синяя граненая бусина, квадратная в сечении найдена в культурном слое поселения Тайманово. Она имеет размеры 0,7×0,7 см, диаметр отверстия 0,1 см, высоту 1,2 см (рис. 83, *26*). В Северном Причерноморье такие бусы были характерны для II–IV вв. (тип 135 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 70, табл. 33: 41]. Датировка этого типа бус Т. Ставярской в основном совпадает с предыдущими датировками. Она датирует такие бусы (тип F 11.1) фазой B2/C1 – C2 (170–310 гг.) [369, tabl. I, II, III], хотя основные находки данных бус приходятся на время C1 – C2 (200–310 гг.) [370, s. 90]. Отдельные граненые бусы типа F11 доживают до фазы D [369, tabl. III; 370, s. 91, 91, 95]. На территории Беларуси на памятниках римского времени синие граненые бусы встречены на полесском поселении Остров (жилище 3) [125, s. 61–82]. На поселении Лемешевичи найдены три продолговатые граненые бусины, но из фиолетового стекла (тип 128 по М. Темпельманн-Мачинской) [37, с. 101, мал. 7: 11–13].

В Абидне выявлена водянисто-голубая 14-гранная бусина с нечеткими гранями, как полагает А. В. Ильютик, бусина деформирована [139, с. 248, рис. 1: 50]. По-видимому, скорее всего, мы имеем дело не со вторичным дефектом, а местным подражанием импортным бусам. Похожие водянисто-синие бусины со сглаженными гранями происходят из полесского поселения Курадово 1[35, с. 11, мал. 4: 10] и из селища Зароново (правобережье Западной Двины) [45, с. 291, рис. 11: 2, 3, фото 73: 2, 3]. Время бытования таких бус то же – III – начало IV в.

Обломок синей многогранной бусины, в сечении подквадратной формы, аналогичной формы (тип F 11.1 по Т. Ставярской) [370, s. 90], как указано выше, происходит из полуземляночной постройки № 27 Тайманово (рис. 84, *28*).

Из культурного слоя поселения Тайманово происходят две многогранные бусины из светло-зеленого стекла битрапециевидной формы. Диаметр одной бусины 1,5 см, диаметр отверстия 0,2 см, высота 1,6 см (рис. 83, *11*). Диаметр второй бусины 1,4 см, диаметр отверстия 0,1 см, высота 1,0 см (рис. 83, *12*). В западноевропейских каталогах (М. Темпельманн-Манчинской, Т. Ставярской) такие бусы отсутствуют. В Северном Причерноморье похожие бусы бытовали в I – начале III в. (тип 138 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 71, табл. 33: 43]. Аналогичная бусина встречена в Абидне [139, с. 247, рис. 1: 37].

В Тайманово найдена также серия мелких бус типа бисера. Мелкие бусы разной окраски известны и на поселении Абидня [139, с. 244–251]. Как отмечает Е. М. Алексеева, в Северном Причерноморье мелкие бусы стали особенно популярны с III в. Массовое распространение в это время получил рубленый бисер различной окраски (тип 166) [25, с. 62, с. 72, табл. 33: 71]. В культурном слое поселения Тайманово найдена шестигранная бусина из черного стекла размером 0,3×0,3 см, диаметром отверстия 0,1 см, высотой 0,25 см (рис. 84, *10*). Также найдена черная бочковидная бусина диамет-

ром 0,4 см, диаметром отверстия 0,15 см, высотой 0,4 см (рис. 84, *5*) (тип 27 по Темпельманн-Мачинской). В Центральной Европе такие бусы характерны для комплексов фазы B2/C1 – D (170–450 гг.), хотя встречаются и в раннеримский период [372, tabelle 8, s. 94]. Из культурного слоя Тайманово также происходит линзовидная зеленая бусина, ее диаметр 0,4 см, диаметр отверстия 0,1 см, высота 0,3 см (рис. 84, *26*). Такие бусы характерны в Северном Причерноморье для II–III вв. (тип 85 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 68, табл. 33: 85]. На территории Польши Т. Ставярска такие бусы (тип F 5.2) датирует периодом C2 – D (260 – 450 гг.) [370, s. 52]. В более ранней публикации Т. Ставярской бусы типа F 5 на территории Северной Польши имеют более раннюю и узкую дату (C1b – C2) (220–260 гг.) [369, tabl. III].

Также для Тайманово типичны небольшие овальные и округлые бусы различной краски. Так, из культурного слоя поселения происходят две красные овальные бусины диаметром 0,5 см, высотой 0,4 см. Диаметр отверстия одной бусины 0,1 см (рис. 83, *1*), второй – 0,15 см (рис. 83, *2*) (тип 28 по М. Темпельманн-Мачинской). Похожая бусина диаметром 0,3–0,4 см выявлена в Абидне [139, с. 246, рис. 1: 30]. Найдены округлая зеленая бусина диаметром 0,5 см, диаметром отверстия 0,15 см, высотой 0,5 см (рис. 84, *6*) и еще одна бочковидная зеленая бусина диаметром 0,6 см, диаметром отверстия 0,2 см, высотой 0,5 см (рис. 83, *4*) (тип 24 по М. Темпельманн-Мачинской). Похожая по форме бусина в Тайманово также найдена в полуземлянке № 32А (рис. 84, *9*). Встречена округлая бусина синего стекла диаметром 0,45 см, диаметром отверстия 0,15 см, высотой 0,45 см (тип 23 по М. Темпельманн-Мачинской) (рис. 84, *25*). Бусы этих типов в Центральной Европе были распространены на протяжении всего римского времени, но особенно они характерны для фазы B2/C1 – D (170–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Этим же временем датирует такие бусы (тип F 1–2) Т. Ставярска [369, tabl. I, II, III].

В культурном слое поселения Тайманово найдены также несколько овальных бус большего размера. Среди них синяя бусина диаметром 0,7 см, диаметром отверстия 0,1 см, высотой 0,4 см (рис. 83, *24*) (тип 30 по М. Темпельманн-Мачинской). Аналогичная бусина найдена в римском горизонте поселения Курадово-1 (р. Припять) [35, с. 9, мал. 4: 7]. Такие бусы наиболее характерны для периода C1b – C2 (220–310 гг.), хотя встречаются на протяжении всего римского периода [372, tabelle 8, s. 94]. Вторая бусина крупнее. Она также изготовлена из синего стекла, ее диаметр 0,9 см, диаметр отверстия 0,4 см, высота 0,5 см (рис. 83, *23*) (тип 35 по М. Темпельманн-Мачинской). Бусы этого типа имели более широкий период бытования (C1b – D) (220–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Из культурного слоя поселения Тайманово происходит обломок третьей крупной синей бусины овальной формы диаметром 1,3 см, диаметром отверстия 0,7 см, высотой 0,6 см (рис. 83, *9*) (типы 35, 43 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы были распространены на про-

тяжении всего позднеримского времени, хотя наиболее характерны для периода C1b – C2 (220–310 гг.) [372, tabelle 8, s. 94].

Бусина синего цвета округлой формы с вогнутыми боками выявлена в заполнении полуземлянки № 44 Тайманово (рис. 84, *21*). Высота бусины 0,9 см, диаметр 1,0 см, диаметр отверстия 0,25 см. Аналогий ей пока не найдено. Не исключено, что время бытования данной бусины – конец IV – середина V в. Бусина найдена в постройке вместе со шпорой (тип V по В. Б. Перхавко) и раннеколочинской керамикой.

Также в Тайманово встречены бочковидные бусы диаметром 0,7–0,9 см. Среди них бусина из синего стекла диаметром 0,9 см, диаметром отверстия 0,3 см, высотой 0,9 см (рис. 83, *8*) (тип 2 по М. Темпельманн-Мачинской). Похожая бусина происходит из поселения Курадово-1 [35, с. 10. мал. 4: 5]. Такие бусы были распространены на протяжении всего римского времени, вплоть до V в. [372, s. 94].

В культурном слое поселения Тайманово найден обломок крупной овально-бочковидной синей бусины диаметром 1,5 см, диаметром отверстия 0,4 см, высотой 1,1 см (рис. 83, *25*). В комплексах Северного Причерноморья подобные бусы встречались в I – III вв. (тип 29 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 65–66; табл. 33: 4]. В Центральной Европе такие бусы наиболее характерны для периода B2/C1 – C2 (170–310 гг.) (тип 2, 14 по М. Темпельманн-Мачинской) [372, tabelle 8, s. 94].

Особую группу в Тайманово составляют бусы цилиндрической формы с круглым сечением различной окраски. Среди них обломок цилиндрической бусины желтого стекла диаметром 1,0 см, диаметр отверстия 0,4 см, бусина сохранилась длиной до 0,5 см (рис. 83, *3*). Похожая бусина происходит из могильника Дебжино и относится к периоду C1b – C2 (220–310 гг.) [370, s. 27]. Найдена также цилиндрическая бусина белого стекла диаметром 0,5 см, диаметром отверстия 0,2 см, высотой 0,9 см (рис. 83, *12*) (тип 138 по М. Темпельманн-Мачинской). Эти бусы в центрально-европейских древностях встречались на протяжении периода B2/C1 – C2 (170–310 гг.) [372, tabelle 8, s. 94]. Цилиндрические бусы Т. Ставярска относит к типу F 3 и датирует временем от B1 до C2 (15–310 гг.) [369, tabelle I, II, III].

В эту же группу входят небольшие цилиндрические бусины, одна из них из красного стекла диаметром 0,45 см, диаметром отверстия 0,15 см, высотой 0,45 см (рис. 84, *3*), вторая – из зеленого стекла диаметром 0,5 см, диаметром отверстия 0,15 см, высотой 0,4 см (рис. 83, *4*). Бусы цилиндрической формы происходят, как было указано выше, из полуземляночных построек № 19 и № 27 поселения Тайманово (рис. 83, *15*; рис. 84, *27*).

Некоторые типы бус в Тайманово представлены в единичном экземпляре. Так, на поселении найдена цилиндрическая бусина из зеленого стекла в виде

узкой трубочки длиной 1,3 см, диаметр бусины 0,4 см, диаметр отверстия 0,1 см (рис. 84, *11*). Такие бусы (типы 140, 146 по М. Темпельманн-Мачинской) в Центральной Европе были известны на протяжении всего позднеримского времени, но особенно они характерны для периода C2 – D (260–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 95]. На территории Северной Польши по Т. Ставярской (тип F 10) такие бусы бытовали несколько раньше (B2/C1 – C2) (170–260 гг.) [369, tabelle I, II]. На территории Беларуси удлиненные синие бусины с шестигранным сечением известны на поселении Абидня [139, с. 247–248, рис. 1: 45] и могильнике Петровичи [38, мал. 3В: 46].

Еще одна бусина изготовлена из стекла зеленого цвета в виде трубочки квадратного сечения размером 0,5×0,5 см, высота бусины 0,7 см, диаметр отверстия 0,2 см (тип 105 по М. Темпельманн-Мачинской) (рис. 83, *6*). Такие бусы встречались на протяжении фазы C2 – D (260–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 95].

В единичных экземплярах представлены также некоторые бусы из Абидни. Среди них полихромная бусина с перистым орнаментом, ее датировка C1 – C2 [140, с. 242, фото 7: 35; 142, с. 244, фото 7: 35], синяя бусина с бугорками (III в.) [140, с. 241, фото 7: 46; 142, с. 242, фото 7: 46], а также синяя бусина с сине-белыми вкраплениями, аналогий которой А. В. Ильютик не нашла [139, с. 248, рис. 1: 39]. Действительно, такие бусы имеются в центральноевропейских каталогах (тип 205 по М. Темпельманн-Мачинской) и датируются периодом B2 – C1b (70–210 гг.) [372, tabelle 4, s. 20].

Основной путь поступления стеклянных бус в Могилевское и Гомельское Поднепровье в первой половине I тыс. н. э. – западный, через носителей пшеворской, вельбарской и западнобалтской культур. Во всяком случае большинство бус находят аналогии в западноевропейских каталогах (по М. Темпельманн-Мачинской и Т. Ставярской). Однако встречены бусы, прямые аналогии которым в Западной Европе неизвестны. В частности, зеленые прозрачные битрапециевидные бусы (подражание каменным бусам) (тип 138 по Е. А. Алексеевой), полихромные бусы (синяя с белыми фестонами и крупная синяя с комбинированным орнаментом). По-видимому, южный путь имеет проникновение золоченых бус, которые в западноевропейских каталогах присутствуют в единичных экземплярах. Не исключено, что именно через черняховские племена из мастерских Малой Азии (Константинополь) в Белорусское Поднепровье попадали темно-синие граненые бусы (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской), (тип 135 по Е. М. Алексеевой).

Можно предположить существование в крупных центрах Белорусского Поднепровья собственной базы изготовления стеклянных бус по импортным образцам, таких как водянисто-голубые бусы с нечеткими гранями, напоминающие синие граненые бусы.

3.10.4. Браслеты

Все ***браслеты*** на памятниках I тыс. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья изготовлены из бронзовых овальных или прямоугольных пластин.

В Тайманово обломок браслета, украшенный прочерченным орнаментом, происходит из полуземлянки № 28 (рис. 79, *14*). Однако он, по-видимому, отношения к постройке не имеет, поскольку браслет был найден на глубине 0,18 м от уровня дневной поверхности, а контуры жилища стали прослеживаться с глубины 0,4 м от современной дневной поверхности. Также найден обломок длиной до 1,6 см пластинчатого браслета размером 1,4×0,2 см, украшенный вдавленным и прочерченным орнаментом (рис. 79, *15*).

Один из обломков орнаментированного браслета из Тайманово имел утолщенные концы (тип II по Г. Ф. Корзухиной) [161, с. 35]. Браслет сохранился на длину до 7,6 см, имеет концы подпрямоугольной формы с округлыми углами размером 0,6×0,5 см, с внешней стороны украшенными нарезным орнаментом (рис. 79, *13*). Браслеты с утолщенными концами в Подесенье (Ульяновка) датируются гуннским периодом – второй половиной IV – первой половиной V в. [295, с 44, рис. 56: 13; рис. 62: 9]. Из Верхнего Поднепровья происходит целая серия браслетов с утолщенными концами (Никодимово, Вежки, Банцеровщина, Кисели). Однако браслеты с округлыми или близкими к округлым в сечении концами встречены на городище Никодимово [272, с. 234–246; рис. 4], селище Городище (жилище 20) [205, с. 234, рис. 4.19: 7], селище Зароново [45, с. 291, рис. 11: 1, фото 73: 5]. Известны они и на памятниках Припятского Полесья (Бережцы) [50, с. 549, мал. 24: 6, 7]. Браслет с утолщенными концами найден в окрестностях Пинска (хранится в фондах Музея Белорусского Полесья). Большинство исследователей датируют этот тип браслетов V–VIII вв.

На поселении Тайманово найден целый пластинчатый браслет овального сечения размером 4,5×3,0 см, изготовленный из пластины шириной до 0,8 см и толщиной 0,2 см. По краям и в центре браслет немного расширен. Браслет украшен прочеканенным точечным орнаментом, составляющим по концам и по середине треугольники и параллельные линии, в остальных местах – продольные линии (рис. 79, *16*).

Фрагмент бронзового орнаментированного манжетовидного браслета происходит из Абидни [242, с. 104, рис. 4: 16]. В эпоху римских влияний такие браслеты наиболее широко бытовали в самбийско-натангийской культуре в период B2/C1 – C1a (170–220 гг.) [308, с. 259, рис. 9: 43], найдены в могильнике Жива Вода (погребение 1 кургана 14) – 180–230 гг. (C1a) [205, с. 136, рис. 3: 13, 19]. По-видимому, в конце II – начале III в. подобные браслеты проникали на территорию Белорусского Поднепровья из западнобалтского ареала. Встречались они и позже – в период C1b – C2 (до начала IV в.),

в частности, такие браслеты выявлены на могильнике Нетта (погребения 31, 138А) [326, s. 18, pl. XVII: 3, 4; s. 37, pl. LXXI].

Также в Абидне найден проволочный браслет с заходящими друг за друга концами, один конец браслета оформлен в виде стилизованной змеиной головы [140, с. 219, рис. 18: 23; 142, с. 221, рис. 18: 23]. А. В. Ильютик аналогии браслету находит в финно-угорских древностях Среднего Поочья [34, рис. 3: 12, 13, 15, 16]. Похожий браслет происходит также из пахотного слоя могильника Рахны, где датируется по северопричерноморским аналогиям I – началом II в. [228, с. 28, рис. 18: 6], могильника Калантаево Черкасской области [60, с. 53, рис. 36: 3]. Сюжетная линия изображения в украшениях змеиной головы была всегда широко распространена среди древностей лесной и лесотепной зоны.

3.10.5. Булавки

Большую категорию находок составляют бронзовые и железные ***булавки***. На поселении Абидня находки таких булавок исчисляются десятками, большинство из них относится к посоховидному типу [243, с. 175; 244, с. 315, рис. 7: 6]. Коллекция ***посоховидных булавок*** из Абидни насчитывает 33 экземпляра, из них 24 булавки изготовлены из железа, 9 булавок – из бронзы [140, с. 227; 142, с. 229]. Коллекция посоховидных булавок из Тайманово насчитывает 19 экземпляров (рис. 82). Пять булавок изготовлены из бронзового стержня (рис. 82, *3*, *5*, *9*, *14*, *18*), остальные булавки железные либо стальные, причем встречаются стальные булавки с высокой концентрацией углерода (до 0,8 %) [71, с. 49]. В Тайманово одна железная булавка найдена в погребении № 126 (рис. 82, *6*), вторая бронзовая булавка – в погребении № 121 (рис. 82, *18*), еще одна бронзовая булавка происходит из территории могильника, но вне погребений (рис. 82, *5*). Остальные булавки выявлены на поселении, из них две железные булавки найдены в заполнении полуземлянок № 15 (рис. 82, *8*) и № 30 (рис. 82, *12*), бронзовая булавка – в полуземлянке № 27 (рис. 82, *14*). Длина целых булавок составляет от 9,7 до 13,8 см. Сечение головки у половины булавок (9 экз.) ромбическое, у остальных – круглое, только у одной железной булавки прямоугольное. Чаще всего головка заканчивается завитком, в ряде случаев завиток обломан, иногда его не было. На головке одной железной булавки из Тайманово сохранился обрывок бронзовой цепочки (рис. 82, *1*), на головке железной булавки из Абидни была подвешена трапециевидная подвеска, на головке другой булавки сохранилось колечко для подвешивания подвески. Похожая подвеска также была выявлена на селище Абидня отдельно в культурном слое [247, с. 243, рис. 2: 22–24]. Посоховидные булавки, особенно с круглой головкой ромбического сечения (тип ІБ по А. М. Медведеву) [202, с. 172–201],

были широко представлены на памятниках второй четверти I тыс. н. э. территории Беларуси и Украины, а также памятниках круга Заозерье-Узмень [179, с. 60]. Посоховидная булавка с круглой головкой ромбического сечения была выявлена вместе золоченой бусиной (тип 387b по М. Темпельманн-Мачинской) и бронзовой трапециевидной подвеской в погребении № 3 могильника Абидня [258, с. 61, рис. 2]. Посоховидные булавки именно с ромбическим сечением головки – наиболее представительная категория в Абидне [247, с. 244, рис. 2: 11–17, 19]. Железная посоховидная булавка из круглой в сечении проволоки длиной 8,3 см также найдена на поселении Симоновичи (тип I по А. М. Медведеву) [105, с. 96, рис. 6: 9]. Булавки с верхней частью круглой формы из стержня ромбической, реже круглой формы, по мнению А. М. Медведева, относятся ко II–III вв. [202, с. 193]. По-видимому, они встречаются позже. В частности, булавка с ромбической головкой найдена на селище Зароново (правобережье Западной Двины), где наиболее ранние материалы относятся к середине I тыс. н. э. [45, с. 291, рис. 11: 6, фото 74: 2].

Помимо посоховидных булавок в Тайманово и селище Щатково известны ***гвоздевидные булавки***. В Тайманово найдено три таких булавки – две железные и одна бронзовая. Одна железная булавка с обломанным острием выявлена в погребении № 1, вторая железная целая булавка длиной 5,5 см найдена на могильнике, но вне погребений, третья небольшая бронзовая целая булавка длиной 2,4 см происходит из культурного слоя поселения. Все булавки изготовлены из стержней диаметром 0,3–0,4 см, диаметр верхней части 1,0–1,8 см. На селище Щатково выявлены две железные гвоздевидные булавки (одна булавка происходит из полуземлянки № 1, вторая – из культурного слоя), третья булавка найдена на городище [240, с. 231, рис. 14: 10, рис. 23: 7, 8].

В Абидне также встречены ***булавки с кольцевидными головками*** [247, с. 243, рис. 2: 2–9]. Булавки с кольцевой головкой Л. Д. Поболь разделял на булавки с замкнутой и незамкнутой головкой [247, с. 243]. Типологически булавки с кольцевой незамкнутой головкой и посоховидные близки между собой. Булавки с кольцевидным навершием известны на памятниках позднего этапа культуры штрихованной керамики (Ивань, Кащеличи, Керкузы, Лабенщина и др.) [126, с. 88, табл. 60: 4, 9], а также в ареале днепро-двинской культуры, где датируются началом н. э. (городище Клишино) [310, с. 80].

Также в Абидне найдена бронзовая ***булавка*** с фрагментированной ***ажурной головкой*** [140, с. 227, рис. 17: 2; 142, с. 229, рис. 17: 2]. Эта булавка датируется периодом гальштата (900–400 гг. до н. э.) и отношения к рассматриваемому периоду не имеет. Хотя некоторые исследователи почему-то относят ее к вещам круга выемчатых эмалей [265, с. 98, рис. 17: 9].

3.10.6. Фибулы

К украшениям одежды относятся различные ***фибулы-застежки***. Все фибулы по материалу, из которого они изготовлены, можно подразделить на две группы: бронзовые и железные. Хронологически – это фибулы, относящиеся к первой четверти I тыс. н. э., и фибулы, бытовавшие во второй четверти I тыс. н. э.

К ранним типам фибул относятся проволочные ***подковообразные фибулы.*** На городище Щатково найдена железная подкообразная фибула с обломанным концом [240, с. 216, рис. 14: 9]. Железные и в единичных случаях бронзовые (погребения № 15, 125, 129) подковообразные фибулы достаточно широко представлены в погребениях могильника Чаплин (в 38 захоронениях из 282) [249, с. 60–205]. Подковообразные фибулы в Чаплине встречены в погребениях вместе со среднелатенскими фибулами (погребения № 55, 117, скорее всего, это два разновременных погребения) и позднелатенскими фибулами (погребения № 33, 129, 131, 163, 222) [249, с. 75, рис. 20: 12, 13; с. 85, рис. 27: 4, 5; с. 116, рис. 38: 15–8; с. 124, рис. 41: 11, 12, 15; с. 126, рис. 41: 18, 20; с. 144, 146, рис. 51: 2, 4, 5; с. 172, 174, рис. 62: 3, 7], железными копьями и дротиками (погребения № 70, 99, 125, 261) [249, с. 92, рис. 28: 12, 13; с. 10; 106, рис. 35: 6, 7; с. 121, рис. 40: 20, 22; с. 195, 197, рис. 70: 2, 3], топорами-кельтами (погребение № 244) [249, с. 184, 186, рис. 67: 2, 3]. Железная подковообразная фибула вместе наконечником копья найдена в погребении № 2 могильника Юрковичи [81, с. 119, рис. 3: 8]. Аналогичный инвентарный набор (железная подковообразная фибула вместе наконечником копья) известен в могильнике Горошков (погребения № 7, 9) [86, с. 7, 8, 10, 11, рис. 3: 4, 6; 5: 1, 2]. Всего в Горошкове известно 10 таких фибул [62, с. 178]. Также встречены они на городищах Уваровичи и Чечерск [83, с. 67, 70, рис. 3: 3; 271, с. 42–43, рис. 5: 3]. В. В. Пилипцевич связывает чаплинские погребения с подковообразными фибулами пятого заключительного этапа зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье и датирует раннеримским временем B1 – B2a [233, с. 134–143]. Железные подковообразные фибулы изредка встречаются на городищах культуры штрихованной керамики (Малышки, Городище), датируются I в. до н. э. – II в. н. э. [205, с. 51]. В Западной Европе подковообразные фибулы, аналогичные верхнеднепровским, были распространены на протяжении I–II вв. н. э. (вариант 8.1.2 по Е. Риха) [362, s. 177, tabl. 239, taf. 47: 2990]. Территориально они были распространены по всей Западной Европе вплоть до Британских островов [352, pl.: 13035, 3127].

Помимо простых подковообразных фибул на территории Белорусского Поднепровья известны подковообразные фибулы с выемчатой эмалью, в частности, такая фибула найдена на городище Лиски (Речицкий район). Всего на территории Беларуси известно 12 подкообразных фибул с выемчатой эмалью [307, с. 187, рис. 5].

С горизонтом первой четверти I тыс. н. э. также связаны находки четырех железных фибул (одна целая с подвязной ножкой и три позднелатенские фрагментированные) из городища Петровичи [181, с. 13, рис. 2: 5–7]. Целая фибула с подвязной ножкой относится к ***подвязным одночастным фибулам*** верхнеднепровской серии и датируется по А. К. Амброзу I в. н. э. [27, с. 57]. Фибулы с подвязной узкой ножкой верхнеднепровской серии известны в Чаплине (погребения № 25, 58), изредка встречаются проволочные фибулы с подогнутой ножкой, вариант I (погребение № 56) [27, с. 22–23, 48, табл. 9: 1–3; 11: 1–2].

Позднелатенские фибулы также лучше всего представлены в Чаплине. Всего позднелатенские фибулы выявлены в 46 погребениях. В основном они представлены железными, изредка бронзовыми рамчатыми и одночленными «воинскими» фибулами со сплошным приемником. Среди «воинских» фибул в ряде случаев (погребения № 192, 229) выявлены поздние «почепские» варианты с отверстиями в приемнике [249, с. 192–194, рис. 56: 3; с. 177–178, рис. 63: 2], причем они найдены вместе с обычными «воинскими» фибулами. Встречены они также в погребениях Горошковского могильника (10 бронзовых и железных фибул) [61, с. 15; 62, с. 178]. В Поднепровье такие фибулы бытовали в I в. до н. э. – I в. н. э. [27, с. 22–23, табл. 3: 12; 4: 3–5, 10–11]. Данные фибулы встречаются в пшеворских древностях в I в. н. э. (погребение № 131 Каменчик) [334, s. 35, taf. LXIX: 1]. В погребении № 152 Чаплина вместе с железным копьем найдена рамчатая фибула с «клещевидной» головкой [249, с. 137, 140–141, рис. 47: 12]. Датировка такой фибулы, по-видимому, I – начало II в. н. э. Во всяком случае в Западной Европе похожие фибулы бытовали во второй половине I – первой половине II в. (тип 9.1. по Е. Риха) [362, s. 181, tabl. 241, taf. 48: 3018]. В Восточной Европе фибула с «клещевидной» головкой, но с завитком на конце приемника (форма 6 по В. Кропотову) найдена только в позднесарматском кургане Лепесовка (курган 1) и датируется уже II–III вв. [168, с. 330, рис. 96: 3]. В погребении № 13 могильника Горошков также вмете с железным копьем найдена железная позднелатенская фибула западноевропейского облика [62, с. 12, рис. 6: 4]. Точных аналогий этой фибуле неизвестно, однако близкие по форме фибулы (тип 1.5 по Е. Риха) бытовали в Западной Европе в 75 – 100 гг. [362, s. 56, tabelle 11].

В группе бронзовых фибул выделяются ***фибулы с выемчатыми эмалями и ажурные***. К этой группе относится также круглая бронзовая фибула-брошь, инкрустированная серебром, из Тайманово и круглая фибула-брошь с красной эмалью из Абидни. Эти фибулы относятся ко второй четверти – середине I тыс. н. э.

Фибулы с выемчатыми эмалями в Тайманово представлены обломками трех фибул. Все они найдены в культурном слое поселения. Найдены

два фрагмента ножек ***треугольных фибул*** либо, возможно, ***Т-образных фибул***. Ножка первой фибулы длиной до 2,0 см, шириной в нижней части 3,3 см, в верхней части 1,5 см. На ножке имеется трапециевидное гнездо, заполненное красной эмалью, шириной в нижней части 2,5 см, в верхней части 0,8 см, высотой 1,0 м. Высота приемника 1,0 см, ширина 1,0 см. Толщина пластины, из которой изготовлена фибула, 0,4 см (рис. 81, *7*). Длина сохранившийся части ножки второй фибулы без эмали составляет 1,4 см, ширина 4,4 см, ширина спинки до 1,5 см, толщина 0,3 см (рис. 81, *8*).

На поселении Тайманово найден обломок треугольной ажурной фибулы высотой до 3,2 см, шириной до 2,0 см, толщиной 0,2 см (рис. 81, *9*). Также из культурного слоя поселения происходит обломок бронзовой треугольной прорезной фибулы с красной выемчатой эмалью. Фибула сохранилась в виде обломка треугольной формы длиной 2,3 см, шириной 1,2 см, толщиной 0,4 см. Поле для эмали имеет треугольную форму длиной 1,7 см, шириной 0,7 см (рис. 81, *3*). На территории Беларуси Т-образные и треугольные фибулы также известны по подъемным материалам. Они происходят из разных мест Беларуси и суммарно датируются II–III вв., больше всего таких фибул происходит из южной части Белорусского Поозерья [307, с. 190–196]. Всего в Беларуси известно 15 пунктов, откуда происходят треугольные фибулы [265, с. 68, рис. 7: 9, 11–12].

В культурном слое поселения Тайманово найдена круглая бронзовая ***фибула-брошь***, инкрустированная серебром. Фибула изготовлена из пластины толщиной 0,4 см, ее диаметр 7,4 см. С внешней стороны она украшена по краю концентрическими кружками, в центре находится гнездо для драгоценного или полудрагоценного камня, вокруг гнезда – четыре свастики, между ними – серебряные накладки. С тыльной стороны имеется скоба для прикрепления (рис. 85). Вещь имеет балтское происхождение. Как установлено физико-химическими исследованиями, древние мастера свободно манипулировали сплавами разнообразного состава, даже в одном и том же украшении использовали серебро разного состава. Большую роль на завершающем этапе изготовления играла пайка. Составными частями припоев были олово и свинец [377, s. 177–198]. Похожая круглая фибула с четырьмя свастиками и инкрустацией происходит из Трикаты (Латвия). Время бытования круглых фибул с инкрустацией в латышских древностях – III–IV вв., до 400 г. [350, s. 117, rys. 54: 7]. По сообщению Л. Д. Поболя, подобная фибула с красной эмалью, найденная в каменном могильнике Лаздини Талсинского р-на (I–IV вв.), находится в экспозиции Музея истории в Риге. Как подчеркивает И. К. Фролов, все известные фибулы-броши круга изделий с выемчатыми эмалями не обнаружены в закрытых комплексах, поэтому нельзя установить их абсолютную дату. Можно говорить только об их относительной хронологии.

Фибула из Тайманово, скорее всего, относится к типу II по И. К. Фролову и может принадлежать к среднему этапу первого хронологического периода – стадии Б. Именно к этому типу относится фибула из Трикаты [304, с. 19–27].

Фибула имеет прибалтийкое происхождение. Обычно эту фибулу из Тайманово датируют IV и даже началом V в. [265, с. 69, рис. 11: 24]. В последнее время похожие фибулы выявлены в достаточно узко датированных комплексах. В частности, фибула с четырьмя свастиками, аналогичная таймановской фибуле, была выявлена в могильнике первой половины – середины III в. Сиксали в Эстонии [324, s. 111, fig. 5: 4]. В Западной Литве и Эстонии такие украшения были особенно популярны в III в. [324, p. 110].

Круглая ажурная шарнирная фибула-брошь на двух стойках (игла обломана) с красной эмалью также происходит из культурного слоя поселения Абидня [242, с. 105, рис. 4: 18; 145, с. 19]. Ближайшая аналогия абидненской фибуле-броши – круглая фибула, но без отростков с красной и зеленой эмалью из Могилевской области. Это случайная находка, более точное местонахождение неизвестно. Данные об этой фибуле опубликовал Э. М. Зайковский, он отнес ее ко II типу по И. К. Фролову и датировал IV в. [129, с. 168–169]. Еще одна круглая фибула-брошь с отростками и эмалевыми вставками на территории Беларуси – фибула из Лукомля. По-видимому, мы имеем дело со вторичным использованием, поскольку фибула найдена в слое XIII в. [307, с. 185, рис. 3: 4]. Фибула-брошь из Абидни относится к разновидностям круглых эмалевых фибул из римских провинций. Бронзовые фибулы-броши в Восточной Европе с эмалью суммарно датируются II–III вв. [27, с. 32, табл. 15: 3]. В Центральной Европе круглые плоские ажурные фибулы-броши с выступами по краям с эмалью также бытовали с начала II по III в. [361, taf. 78, 79; 376, s. 374]. В. В. Кропоткин круглые фибулы-броши с эмалью, которые были распространены в западных провинциях империи и Паннонии, относил ко II–III вв. [167, с. 33]. А. Вадай подобные фибулы (тип III/3/1) датирует второй половиной II – началом III в. (150–200 гг.) [376, s. 335, 374]. С данной датировкой с некоторыми корректировками согласны другие западноевропейские исследователи (Е. Риха, И. Селли, А. Мазур, Бомэ, Морокко) [376, s. 338]. Очевидно, концом II – первой половиной III в. датируются круглые фибулы-броши из территории Беларуси. А. В. Ильютик предлагает более широкий хронологический диапазон бытования абидненской броши – конец II – начало IV в. [140, с. 214, 217, рис. 16: 11, фото 4: 19; 142, с. 216, 219, рис. 16: 11, фото 4: 19]. Хотя, скорее всего, время ее проникновения на территорию Белорусского Поднепровья – первая половина III в.

Всего на территории Беларуси, по подсчетам З. А. Харитонович, известно 8 фибул-брошей, из них 7 – круглой формы, одна фибула из Ольховки – ромбической формы [307, с. 179, 184–185, рис. 3]. По подсчетам О. А. Радюша, известны 18 фибул [265, с. 71, рис. 10].

Остальные ***фибулы*** второй четверти I тыс. н. э. ***арбалетовидные***. Фибулы изготовлены из бронзы и железа. В Тайманово, в частности, известно 12 экз. (7 бронзовых и 5 железных фибул). Одна бронзовая арбалетовидная фибула происходит из культурного слоя поселения Тайманово. Фибула длиной 5,4 см имеет спинку треугольного сечения длиной 2,2 см, шириной 0,5 см, высотой 0,5 см. Ножка ромбической формы длиной 3,2 см и шириной 1,6 см, орнаментирована насечкой. Приемник литой, расположен высоко. Спираль пружины длиной 2,0 см, игла обломана (рис. 86, *1*). А. К. Амброз такие фибулы относит к двучленным «воинским» фибулам со сплошным приемником (вариант: с ромбической ножкой, подвариант: ножка с расширением выше середины высоты) и датирует не ранее IV в. [27, с. 71–72, табл. 10: 14]. Л. Д. Поболь относил эту фибулу к III–IV вв. [248, с. 221–230]. М. Шульц датирует эти фибулы (тип 207) Ix aJ 4a 375–425 гг. [366, taf. 14, 27]. Этим же временем (фаза 5 «Журавская») датирует эти фибулы Е. Л. Гороховский [67, с. 45]. Р. В. Терпиловский, очевидно, со ссылкой на М. Шульц и Е. Л. Гороховского, относит таймановскую фибулу к концу IV – началу V в. [295, с. 45, рис. 51: 5]. Такую же дату со ссылкой на А. К. Амброза и М. Шульц-Дорлама дает М. Казанский [346, s. 376, 377, fig. 1: 10]. Ближайшими аналогиями таймановской фибуле являются бронзовые фибулы с ромбической ножкой из Курского Посеймья, поселения Николаевка и Филиппова, относящиеся ко второй половине IV – началу V в. [263, с. 192, 195, рис. 4: 13; 6: 10].

В культурном слое поселения Тайманово найдена также еще одна бронзовая арбалетная фибула высотой 5,8 см. Спинка фибулы имеет длину 2,0 см, она полукруглой формы и треугольного сечения размером 0,5×0,3 см, украшена насечками. Ножка удлиненно-треугольной формы, ее длина 3,5 см, ширина 0,8 см. Приемник расположен высоко, его ширина 1, 2 см, высота 0,6 см. Пружина с нижним расположением тетивы имеет длину 3,2 см, на концах пружины шарики. Длина сохранившейся части иглы 2,2 см, ее диаметр 0,3 см (рис. 86, *8*). Эта фибула типологически близка к фибуле с ромбической ножкой и также относится к началу V в. Данные о ней напечатаны И. О. Гавритухиным без какой-либо ссылки на публикацию или даже автора исследований. Он отнес ее вместе с фибулой с ромбической ножкой к серии Киев-Тайманово и согласился с датировкой V в. по Амброзу–Шульц [64, с. 21, рис. 11: 4].

Из полуземляночной постройки № 15 Тайманово происходят три бронзовые арбалетные фибулы с подвязной ножкой. Две фибулы достоверно относятся к заполнению полуземлянки (глубина 0,5 и 0,56 м). Третья фибула (глубина 0,24 м), очевидно, отношения к данной полуземлянке не имеет. Одна из них – это бронзовая арбалетная фибула с подвязной ножкой (тип А3б по Е. Л. Гороховскому) (глубина 0,5 м) высотой 5,8 см, длина приемника 2,1 см, длина полукруглой спинки 3,3 см, в сечении имеет треугольную форму. Приемник по ребру украшен точками. Пружина насчитывает 6 витков на оси

из проволоки диаметром 0,2 см, намотана на железный стержень. Тетива наружная. Толщина иглы 0,2 см (рис. 86, *2*). Фибула может датироваться 330–380 гг., но, по-видимому, она более ранняя, поскольку фибулы варианта А3б в фазе 3 «Косановской» черняховской культуры единичны [67, с. 44]. Вторая – это арбалетовидная фибула с подвязной ножкой (тип А4а по Е. Л. Гороховскому) (глубина 0,56) высотой 5,2 см, длина приемника 2,1 см, длина полукруглой в сечении ромбической спинки 3,1 см, размер спинки 0,4×0,4 м.

Пружина состоит из 6 витков из проволоки диаметром 0,2 см. Тетива внутренняя. Игла изготовлена из круглой проволоки диаметром 0,2 см (рис. 86, *3*). Фибула датируется 270–330 гг. [67, с. 43]. На поселениях Абидня [243, с. 168–183 , рис. 64: 7; 246, с. 235, рис. 8: 10] и Дедново [134, с. 30, рис. 10: 1] известны железные фибулы с подвязной ножкой и ромбическим сечением спинки. Третья бронзовая арбалетная фибула с подвязной ножкой (тип А 5 по Е. Л. Гороховскому) (глубина 0,24 м) имеет высоту 6,2 см, длина приемника 2,5 см, длина спинки полукруглой формы 3,6 см, в сечении спинка восьмигранная, ее размер 0,5×0,5 см. Спираль пружины по 4 витка с двух сторон из проволоки диаметром 0,2 м также намотана на железный стержень. Тетива наружная. Диаметр иглы 0,2 см (рис. 86, *4*). Судя по местоположению над котлованом полуземлянки, фибула отношения к постройке № 15, по-видимому, не имела. Датировка этой фибулы 230–270 гг. В. Г. Белявец датирует фибулы из полуземлянки № 15 III в., причем первой четвертью III в., и не считает, что аналогии их следует искать в черняховской культуре, полагая, что они являются прямым вельбарским импортом [40, с. 438–442]. В качестве усиления своей аргументации он использует точку зрения Р. В. Терпиловского [296, с. 357]. Разумеется, что все эти фибулы имеют западноевропейское происхождение. В качестве основы для типологии фибул, встреченных в ареале черняховской культуры, Е. Л. Гороховский использовал типологию для западноевропейских фибул М. Шульц [366]. Также Е. Л. Гороховский в качестве позднего хронологического признака для вариантов фибул А3, А4, А5 указывает степень выделенности ребра на спинках, поздние фибулы имеют четкие ребра [67, с. 35]. Этот признак налицо у таймановских фибул.

Следует отметить, что из заполнения полуземлянки происходит горшок открытой тюльпановидной формы (тип I вариант V для керамики Тайманово). Этот горшок имеет достаточно позднее происхождение. Во всяком случае на более раннем памятнике Абидня такой посуды не встречено. В керамическом комплексе киевской культуры Среднего Поднепровья похожие горшки, но с более широким дном изредка встречаются (тип I4б по Р. В. Терпиловскому) [295, с. 40]. В колочинской культуре сосуды тюльпановидной формы также присутствуют, но более вытянутой формы [197, с. 18]. Таким образом, фибулы из полуземлянки № 15 датируются в рамках всего III в., возможно,

с переходом на начало IV в. и нет оснований ограничивать их датировку только фазой C1a. Относительно того, являются ли они прямым импортом, – это тоже спорный вопрос.

Еще одна бронзовая арбалетовидная фибула с подвязной ножкой (тип А5, ранняя группа по Е. Л. Гороховскому) (рис. 86, *5*) происходит из заполнения полуземлянки № 27 поселения Тайманово. Фибула высотой 5,9 см имеет изогнутую в виде полукруга спинку. В сечении спинка полукруглая с гранями, ширина сечения 0,6 см, высота 0,3 см. Длина ножки 2,4 см, выполнена из прямоугольного в сечении стержня размером 0,5×0,3 см. Длина пружины 3,3 см. Фибула датируется 230–270 гг. [67, с. 42]. А. К. Амброз двучленные прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой и вертикальной спинкой для удержания оси пружины (серия I, вариант I) суммарно датировал второй половиной II – III вв. [27, с. 60–63, табл. 11].

Обломок бронзовой фибулы с подвязной ножкой выявлен на дне хозяйственной ямы в раскопе XXIII, кв. 6а селища Тайманово. Сохранилась часть ножки-приемника длиной 2,6 см (рис. 86, *7*).

На поселении Тайманово найдена железная арбалетная фибула высотой 4,9 см. Длина приемника 2,1 см. Длина спинки полукруглой формы 2,8 см, ширина 0,6 см. Длина иглы 3,4 см, диаметр 0,2 см. Пружина имеет нижнее расположение тетивы (рис. 86, *9*).

Еще одна фрагментированная железная арбалетная фибула происходит из культурного слоя поселения Тайманово. Верхняя часть и игла обломаны (рис. 86, *10*). Фибула сохранилась в длину 5,7 см, длина приемника 2,8 см, ширина 0,5 см. Спинка изготовлена из изогнутой пластины шириной 0,6 см, толщиной 0,3 см.

Третий обломок железной арбалетной фибулы также найден в культурном слое поселения Тайманово. Сохранилась часть спинки длиной 2,3 см, шириной 0,5 см, а также часть пружины шириной 2,3 см, которая имеет нижнее расположение тетивы (рис. 86, *6*). От четвертой и пятой железных фибул сохранились только игла и спираль пружины.

До десятка железных фибул с подвязной ножкой происходят из поселения Абидня [243, с. 180, рис. 64; 140, с. 223–226, рис. 22; 142, с. 225–227, рис. 22]. Три фибулы выявлены в полуземляночных постройках (№ 10, 20, 28) [254, с. 106, рис. 7: 17; 256, с. 126, рис. 17: 3; 140, с. 223, 225, рис. 22: 1, 2, 7, фото 5: 5; 142, с. 225, 227, рис. 22: 1, 2, 7]. Сильно коррозированная фибула с прямоугольной в сечении спинкой из полуземлянки № 10 [244, с. 314, рис. 7: 17; 246, с. 235, рис. 8: 9; 254, с. 106, рис. 26: 2] найдена вместе с красной пастовой бусиной (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) и лунницей среднеднепровского типа (тип IIД4 по И. Г. Фролову). Время бытования фибулы из постройки № 28 – 230–270 гг. (тип А2б по Е. Л. Гороховскому) [67, с. 42].

Железная фибула (тип 158 по О. Альмгрену, группа VI) из полуземлянки № 20 Абидни найдена вместе с железной D-образной пряжкой, посоховидной булавкой с ромбическим сечением головки и подвеской из обломка краснолакового сосуда terra siggilata [254, с. 109, рис. 34: 1]. Такие фибулы бытовали в конце II – середине III в. [363, s. 133–134]. В последние годы в польской историографии фибулы типа 158, группа VI в древностях пшеворской культуры, аналогичные найденной в Абидне, получили название вариант «якужович» (Jakuszowice), их появление относится к фазе C1a, основное время бытования – фазы C1b – C3 (III – середина IV в.), могли доживать до конца IV в. (фаза D1) [341, s. 101, rys. 1].

Две железные фибулы с подвязной ножкой также происходят из культурного слоя поселения Дедново [134, с. 30, рис. 10: 1, 2]. Одна фибула с ромбическим сечением спинки и пружиной из 6 витков аналогична фибуле из постройки № 15 Таймаково. Однако в отличие от таймановской фибулы фибула из Дедново имеет сильно сглаженное ребро на спинке. Фибулы типа A4 со слабо намеченными ребрами на спинках по Е. Л. Гороховскому датируются несколько раньше – около 230–270 гг. [67, с. 42]. Фибула же из поселения Дедново с четко выделенным ребром на спинке, как и таймановская фибула, относится к типу A4a и датируется по Е. Л. Гороховскому 270–330 гг. [67, с. 43]. Железная фибула с ромбическим сечением спинки и слабо выраженным ребром также происходит из погребения № 1 могильника Дедново. А. В. Ильютик также по Е. Л. Гороховскому датирует ее 230–270 гг. [135, с. 50, рис. 13: 5].

Вторая фибула из поселения Дедново с полукруглым сечением спинки относится к типу A2 по Е. Л. Гороховскому и, как и предыдущая, датируется 230–270 гг. [67, с. 42].

Появление железных фибул типа Almgren 161–162 относится к периоду C1a (180–220/230 гг.) и существовали они до периода C2 (260–310/320 гг.) [356, s. 133]. Наибольшая концентрация фибул этого типа в Восточной Европе по В. Новаковскому приходится на Поднепровье (ареал киевской культуры) [356, s. 136]. Ко II в. относил железные фибулы с подвязной ножкой Л. Д. Поболь. В последнее время фибулы типа Almgren 162 в древностях пшеворской культуры выделены в вариант «тополя» (Topola), их датировка (по Е. Л. Гороховскому) – около 270–330 гг. [341, s. 102–104, rys. 2].

Материальная культура населения Могилевского и Гомельского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. характеризуется богатством и разнообразием различных находок. Однако материалы постзарубинецкого горизонта (первая четверть I тыс. н. э.) представлены достаточно небольшим количеством находок. Материальная культура постзарубинецкого населения Белорусского Поднепровья представляет собой синтез переработанных традиций зарубинецкого населения и местного балтского населения. Несо-

мненный отпечаток на облик материальной культуры постзарубинецкого поднепровского населения также наложило влияние западноевропейских культур (фибулы, оружие).

Основная доля археологического материала получена из памятников культуры Абидня – конец II – III – середина V в.) и, прежде всего, из двух основных памятников – поселений и могильников Абидня и Тайманово. По богатству материала, разнообразию ассортимента поселения и могильники Тайманово и Абидня не имеют себе равных среди синхронных древностей лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. Коллекция находок из этих памятников характеризуется большим количеством изделий из цветных металлов и импортных вещей (фибулы, подвески, стеклянные и янтарные бусы, изделия из terra sigillata и др.). Особую категорию вещей составляет коллекция изделий с цветными эмалями. Это фибулы и подвески-лунницы с гнездами для эмали красного, зеленого и белого цветов. Появление вещей круга выемчатых эмалей в Поднепровье связывают с пришлыми мастерами-ювелирами, владеющими данными навыками, и относят ко II–V вв. [175, с. 587]. Часть предметов с эмалью проникала на территорию Белорусского Поднепровья непосредственно из северо-восточных римских провинций (фибула из Ольховки) [307, с. 171]. Некоторые исследователи полагают, что технология изготовления вещей круга выемчатых эмалей в Поднепровье проникла раньше – в середине I – первой половине II в. и связана с южнобалтийским импульсом [60, с. 106–107]. Правда, речь идет о пластинчатых украшениях, которые были найдены на поселении Почеп вместе с ювелирным инструментарием. Прибалтийский импульс, привнесенный в Белорусское Поднепровье, отмечен и позднее, в конце III – начале IV в. (фибула со свастикой, умбон из Тайманово).

На памятниках культуры Абидня собрана самая большая в Восточной Европе коллекция стеклянных бус (прозрачных, матовых, полихромных) (142 экз.), известны две янтарные бусины (Абидня, Дедново). Основной путь поступления стеклянных бус как в Тайманово, так и в Абидню – западный, через племена пшеворской, вельбарской, западнобалтийской культур. Однако встречены бусы, прямые аналогии которым в Западной Европе неизвестны (зеленые прозрачные битрапециевидные бусы – подражание каменным бусам, полихромные бусы). Не исключено, что именно через черняховские племена из мастерских Малой Азии (Константинополь) в Белорусское Поднепровье попадали темно-синие граненые бусы, имитация бус из драгоценных камней. Можно предположить (хотя прямых доказательств не имеется) существование в крупных центрах Белорусского Поднепровья собственной базы изготовления стеклянных бус по импортным образцам, таких как, например, водянисто-голубые бусы с нечеткими гранями, напоминающие синие граненые бусы.

На памятниках культуры Абидня широко представлены различные хозяйственные предметы, относящиеся к сельскому хозяйству и ремеслам. О занятиях сельским хозяйством свидетельствуют находки наральника (Тайманово), серпов, косы (Дедново). Население культуры Абидня хорошо владело навыками металлообработки, в том числе самыми прогрессивными методами (сварка, пакетирование). Кузнечное ремесло у населения культуры Абидня во второй четверти I тыс. н. э. находилось на уровне металлообработки в Среднем Поднепровье и намного превышало уровень кузнечного ремесла населения северных регионов современной Беларуси. Хорошо владели абидненские мастера и навыками бронзолитейного производства, о чем свидетельствуют находки тиглей и льячек, в том числе, возможно, изготовлением высокохудожественных изделий с цветными эмалями, хотя прямых доказательств местного эмальерного производства не имеется. Особенностью бронзолитейного производства на поселениях культуры Абидни является бытование тиглей с подтреугольным основанием (Абидня, Тайманово). На соседних территориях такие формы тиглей неизвестны. Подтреугольное основание имеет существенное практическое преимущество, такие тигли гораздо удобнее в применении, то же самое можно сказать относительно тиглей с ручками (Абидня). В дальнейшем тигли такой формы применялись в древнерусском производстве изделий из цветных металлов (Туров). На памятниках второй половины I тыс. н. э. тигли такой формы неизвестны.

Широко были развиты различные домашние ремесла (прядение, ткачество), о чем свидетельствует большая коллекция глиняных пряслиц и грузил для ткацких станков. Самыми распространенными типами пряслиц являлись приземистые биконические пряслица с широким (1 см и более) отверстием. Особенностью ткачества у населения культуры Абидня является использование пирамидальных грузил (Тайманово). Пирамидальные грузила были заимствованы населением Белорусского Поднепровья у племен черняховской культуры в IV – начале V в. Именно поэтому они не встречены на ранних памятниках (Абидня). Изредка такие грузила встречаются на соседних территориях (Малышки). Пирамидальные грузила являются частью вертикального ткацкого станка. Не исключено, что появление пирамидальных грузил и распространение биконических пряслиц с широким отверстием каким-то образом взаимосвязаны между собой.

Значительную часть коллекции составляют вещи бытового назначения и различные украшения, среди них имеются предметы, редко встречающиеся на других памятниках этого периода (ножницы, ключи, удила и др.). В то же время известно о немногих предметах вооружения (Тайманово, Дедново), однако среди них есть достаточно редкие для Беларуси находки, как, например, умбон из Тайманово. Анализ находок показывает, что для населения культуры Абидня, равно как и для соседнего коренного оседлого

населения лесной зоны, не характерно большое разнообразие профессионального оружия. Находки оружия единичны. Местные образцы оружия (наконечники стрел, копья) изготовлены, как правило, из невысокого по качеству железа. В могильниках отсутствуют погребения с оружием либо с боевым снаряжением (умбоны). В погребениях (Тайманово) отмечены только отдельные предметы воинского снаряжения – пряжки, волнообразная проволока. Очевидно, это в определенной степени свидетельствует об отсутствии специальной социальной прослойки воинов-профессионалов. По-видимому, каждый общинник в случае необходимости становился воином, причем это было не только пешее, но и конное ополчение (находки шпор, удил, колец, специальных пряжек), хотя полностью исключить существование небольших мобильных профессиональных конных отрядов нельзя. Среди предметов вооружения следует выделить трехлопастный наконечник гуннского типа (Тайманово). Эта находка может свидетельствовать о военной интервенции степных племен в Белорусское Поднепровье. В Литве такие наконечники происходят из слоев середины I тыс. н. э. и связываются с гуннским нашествием.

СВЯЗИ С ДРУГИМИ КУЛЬТУРАМИ. ХРОНОЛОГИЯ. ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

4.1. Периодизация и хронология памятников I–V вв. Могилевского и Гомельского Поднепровья

Хронологические рамки I–V вв. Могилевского и Гомельского Поднепровья охватывают несколько культурных горизонтов. Первый культурный горизонт представлен постзарубинецкими памятниками (середина I – II вв.), по западноевропейской хронологии – B1 – B2a; второй культурный горизонт – памятниками культуры Абидня – конец II – III – середина V в. (фаза B2/C1 – D3 по Я. Тейралу).

Постзарубинецкий горизонт (фаза B1 – B2a по Я. Тейралу). Достаточно малочисленные и довольно слабо изученные постзарубинецкие памятники первой четверти I тыс. н. э. в настоящее время так и не оформились в археологическую культуру и представляют собой культурный горизонт, связывающий классическую зарубинецкую культуру с древностями второй четверти I тыс. н. э. Белорусского Поднепровья. Тем не менее анализ материалов этих памятников представляет собой важное и необходимое звено в изучении истории Белорусского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Сформировавшись на основе смешения потомков классической верхнеднепровской зарубинецкой культуры с местным балтским населением в результате расселения первых вверх по течению Днепра и его притокам в начале I тыс. н. э., древности постзарубинецкого горизонта явились основой формирования в конце II в. культуры Абидня. Что касается постзарубинецких памятников, то не исключено, что в дальнейшем по мере расширения источниковедческой базы они могут оформиться в особую археологическую культуру, тем более период их бытования (150 лет) не так уж узок. Предположительно эти памятники можно назвать памятниками типа Дражня-Петровичи. Селище Дражня – единственное известное постзарубинецкое поселение открытого типа, на котором проводились раскопки [116, с. 64–70]. Петровичи (правобережье Березины) – одно из городищ, на котором присутствует постзарубинецкий горизонт. В отличие от соседних регионов, где постзарубинецкое население полностью переходило на селища, потомки зарубинцев в Могилевском и Гомельском Поднепровье, расселяясь вверх по Днепру и его притокам, в основном занимали городища предшественников.

К сожалению, о «чистых» постзарубинецких памятниках практически ничего неизвестно. Поселение Дражня на Нижней Березине не содержит не только закрытых комплексов, но и вообще узкодатируемых вещей. На других памятниках (чаще всего потомки зарубинцев, как уже было отмечено выше, заселяли городища предшествующего населения) встречены лишь отдельные вещи из культурного слоя, которые можно связывать с раннеримским и ранним этапом позднеримского времени. В этой связи для фиксации нижней хронологической границы большую ценность представляют раннеримские комплексы чаплинского могильника. Выделено 86 погребений, скорее всего, их больше, но это только те, которые содержат датирующие вещи. К ним относятся позднелатенские рамчатые и «воинские» фибулы, фибулы с подвязной ножкой верхнеднепровской серии, подковообразные фибулы, метательное оружие (копья, дротики), имеющее аналогии в пшеворских древностях. Что касается подковообразных фибул, то в научной литературе нет однозначного мнения по поводу их бытования в Верхнем Поднепровье. В Западной Европе подковообразные проволочные фибулы простых форм, аналогичные чаплинским, использовались в I – начале II в. [328, p. 142, fig. 4.16; p. 145, 151, fig. 4.22; p. 158]. Очевидно, их появление в Белорусском Поднепровье также относится к раннеримскому времени, о чем было отмечено ранее [233, с. 134–143]. Следует подчеркнуть, что в Чаплине подковообразные фибулы часто встречаются вместе с оружием и позднелатенскими фибулами. Вместе с наконечниками копий они встречены в Юрковичах и Горошкове [81, с. 122, рис. 3: 8, 17; 61, с. 7, 8, 10, 11, рис. 3: 4, 6; 5: 1, 2]. С первой четвертью I тыс. н. э. связана редкая для Поднепровья фибула с «клещевидной» головкой из Чаплина. Она также найдена вместе с железным копьем [249, с. 137, 140–141, рис. 47: 12].

С раннеримским временем связаны целая проволочная фибула с подвязной ножкой и три фрагмента позднелатенских фибул из городища Петровичи. Обломок позднелатенской фибулы и подковообразная фибула происходят из Щатково. Что касается городищ Петровичи и Щатково на Березине, то существует несколько точек зрения по поводу их культурной и хронологической атрибуции. Например, некоторые исследователи рассматривали городище Петровичи как памятник позднего этапа культуры штрихованной керамики, который расположен на крайнем юго-востоке ареала [126, рис. 14], в то же время в этот список почему-то не включено городище Щатково, расположенное выше по течению Березины. М. И. Лошенков (автор раскопок городища Петровичи) первоначально относил Петровичи и Щатково к «штриховикам» и датировал последней четвертью I тыс. до н. э. – I в. н. э. [172, с. 52]. Затем Петровичи он отнес уже к милоградской культуре, которая испытала сильное влияние культуры штрихованной керамики, и сильно «удревнил» памятник – VI–I вв. до н. э. [174, с. 238–239]. В то же время

в своей обобщающей монографии «Городища милоградской культуры на территории Беларуси» он вообще не упомянул этот памятник [182].

С раннеримским временем, на наш взгляд, связаны также находки топоров-кельтов с прямоугольным отверстием для рукояти (Чаплин, погребения № 223, 236 244; Горошков, погребение № 42а; Петровичи; Старое Красное). Однотипные топоры-кельты из городищ Петровичи и Старое Красное сам автор раскопок (М. И. Лошенков) датирует по-разному. Топор из Петрович, а также топоры из Городища, Ивани, Слуцка он относит к I в. до н. э. [172, с. 52]. Кельт из городища Старое Красное – к IV–III вв. до н. э. [180, с. 18–19]. А. А. Егорейченко кельты из Чаплина, Ивани датирует I в. до н. э. (по В. Е. Еременко) [127, с. 56]. А. М. Медведев кельт из Городища датирует I–II вв. [205, с. 74]. Остальные вещи также происходят из культурного слоя разных памятников. В частности, с раннеримским периодом связано колечко из бронзовой ленты с выемкой посередине из Тайманово (рис. 78, *6*). Колечко, по-видимому, было частью ожерелья. Подобные колечки вместе с бусами происходят из погребения 115 вельбарского могильника Прущ Гданьский, которое датируется раннеримским временем B1 (15–70 гг.) [358, s. 25, 135].

В Абидне найден проволочный браслет с заходящими друг за друга концами, один конец браслета оформлен в виде стилизованной змеиной головы [140, с. 219, рис. 18: 23; 142, с. 221, рис. 18: 23]. Похожий браслет происходит из пахотного слоя могильника Рахны, где датируется по северопричерноморским аналогиям I – началом II в. [228, с. 28, рис. 18: 6].

С I – началом II в. связана находка деформированного умбона с цилиндроконической вершиной (тип 4 по М. Яха) из Тайманово (рис. 71, *1*). Похожие умбоны происходят из пшеворских могильников на территории Польши, в частности, Собоциско, погребение 11; Домараджице, погребение 1 [336, s. 82, tabl. X: 9, 10]; Опатов, погребение 82 [336, s. 86, tabl. XII: 12]. Возможно, с раннеримским временем связана находка фрагмента умбона со сплющенным полушарием из Тайманово (рис. 71, *2*). В дальнейшем на территории Беларуси умбоны с цилиндро-конической вершиной выявлены в восточнолитовских могильниках Засвирь, Черная Лужа, Коробки. Все они по краю поля украшены «жемчужным декором». В таймановском умбоне не сохранились поля. Жемчужный декор, по мнению М. М. Казанского, имеет, вероятно, германское происхождение [148, с. 308]. Однако это не противоречит тому, что такие умбоны могли проникать и через балтскую территорию.

Из Симонович происходит железная заклепка с круглой шляпкой. Такими заклепками крепился умбон к щиту, в частности, на оксывских памятниках [338, s. 91–98, rys. 2]. Следует отметить, что заклепки с широкой шляпкой и короткой ножкой на могильнике Прущ Гданьский были выявлены не только в оксывских погребениях (период A1 – A3) [358, s. 28, taf. XXX: 3; taf. XXXII: 6; s. 28, taf. L: 3; s. 43, taf. LXXXIX: 3], но и в более

поздних погребениях (период B2b) [358, s. 67, taf. CXL: 6], а также в могильнике Крупице (пшеворское погребение 106), которое относится к периоду B2b – B2/C1 [343, s. 32, taf. XXIX: 4], т. е. до конца II в. Подтверждением факта проникновения носителей пшеворской культуры в Верхнее Поднепровье, прежде всего воинских отрядов, является пшеворское захоронение в Горошкове (погребение № 13) с воткнутым вниз наконечником железного копья по пшеворской традиции и железной фибулой западноевропейского происхождения.

К постзарубинецкому горизонту городища Отрубы относится небольшой двушипный дротик с обломанной втулкой [98, с. 210, рис. 1: 4]. Отсутствие втулки и небольшие размеры пера почему-то дают основание А. И. Дробушевскому утверждать, что у данного дротика была длинная втулка, а он сам не имел специфических римских признаков (орнамента, рун, особых форм пера). Он сравнивает его с единственным дротиком с длинной втулкой из Чаплинского могильника, погребение № 189 (его общая длина 31 см), который он считает самым ранним [86, с. 77, 113]. А. М. Медведев аналогии дротику из погребения № 189 по особенностям формы и соотношению длины пера и втулки видит в городище днепро-двинской культуры у д. Заговалино и датирует такие дротики по аналогии из памятников пшеворской культуры периодом B2/C1a [205, с. 46]. Остальные двушипные дротики в Чаплине найдены только в раннеримских погребениях (погребения № 99, 191, 261) [249, с. 104, рис. 35: 6; с. 158, рис. 55: 21; с. 195, 197, рис. 70: 3]. Общая длина дротиков из этих чаплинских погребений не превышает 18 см. Самый маленький дротик – из погребения № 191, его общая длина 14,5 см. Близкий по размеру втульчатый дротик (длина 12,3 см, соотношение длины пера к длине втулки 1 : 2) найден в бывш. д. Каколь (северо-западная часть г. Светлогорска, р. Березина) [106, с. 24, рис. 1]. В ареале культуры штрихованной керамики подобные дротики также датируются I–II вв. [205, с. 46–47, рис. 2.31: 5, 6]. Аналогичные двушипные дротики широко представлены в пшеворских и западнобалтских древностях [322; 326; 334; 335], откуда, собственно, они попали в Верхнее Поднепровье и Понеманье.

Таким образом, постзарубинецкий горизонт представлен немногочисленными находками, дающими узкую дату, в основном импортного происхождения. Основное направление импорта (оружие, украшения) – западное, что связано с носителями пшеворской культуры. Как уже отмечалось, усиление пшеворского влияния происходит на заключительном этапе «классической» верхнеднепровской зарубинецкой культуры – этап 4 по В. В. Пилипцевич [233, с. 137]. Для Верхнего Поднепровья В. В. Пилипцевич выделяет и этап 5 культуры с подковообразными фибулами, который она датирует уже раннеримским временем (B1 – B2a) [233, с. 138]. В Припятском Полесье этот этап отсутствует. Поступление подковообразных фибул в Верхнее Поднеп-

ровье, по ее мнению, шло с востока, из ареала юхновской культуры, найдены они также в Андреевском кургане, где датированы I–III вв. [233, с. 137, 140]. По-видимому, их появление, скорее всего, связано с пшеворским проникновением, попадали они туда, минуя Полесье. Во всяком случае подковообразные фибулы, аналогичные верхнеднепровским, были распространены в Западной Европе с I по IV в. [330, s. 46, taf. 31: 1226–1227; 362, s. 180, tabl. 239, taf. 48: 3017; 365, s. 51–52, taf. 38: 293–297].

Культура Абидня (конец II – середина V в.) (фаза B2b – D3 по Я. Тейралу) охватывает весь позднеримский период и хронологически синхронна киевской культуре. До недавнего времени памятники культуры Абидня являлись частью киевской культуры и выделялись в ее верхнеднепровский вариант. Выделяются три этапа существования культуры Абидня: ранний (конец II – начало III в.), средний (III – начало IV в.), поздний (IV – середина V в.). Для определения хронологии памятников культуры наиболее важны комплексы вещей из Абидни и Тайманово.

Самые ранние находки в Тайманово относятся к эпохе мезолита (VI тыс. до н. э.), когда на этом месте уже существовало древнее поселение (кремневый инвентарь). Позже, в эпоху бронзового века (II тыс. до н. э.), здесь также существовало поселение, о чем свидетельствуют находки обломков керамических сосудов и кремневые изделия этого периода. Какое-то время на этапе раннего железного века здесь проживало население милоградской культуры. К этому горизонту относится, в частности, находка обломка бронзового браслета с двумя коническими спиралями. Браслеты с двойными коническими выступами известны на днепро-двинских городищах Верхнего Поднепровья. Время начала изготовления таких браслетов восходит к VIII в. до н. э. [312, с. 118]. В Абидне найдена бронзовая булавка с фрагментированной ажурной головкой [140, с. 227, рис. 17: 2; 142, с. 229, рис. 17: 2]. Эта булавка относится к периоду гальштата (900–400 гг. до н. э.) и, по-видимому, также связана с милоградским горизонтом.

Ранний этап существования культуры Абидня (конец II – начало III в. – фаза B2b – C1a по Я. Тейралу). Основной материал из Тайманово и Абидни относится к первой половине I тыс. н. э. Именно с этим временем связано существование поселения и грунтового могильника. Наиболее ранние датирующие находки связаны с концом II – началом III в. (фаза B2b – B2/C1). Именно к этому времени относятся наиболее ранние закрытые комплексы Тайманово, представленные полуземляночными постройками № 18, 39, чуть позднее существовали полуземлянки № 19, 27, 31, 32А и 32Б. К раннему этапу культуры также достоверно относится часть закрытых комплексов поселения Абидня (полуземляночные постройки № 7, 19, 20, 24), погребения.

Одни из самых ранних бус в Абидне и Тайманово – это золоченые бусы. В Тайманово найдено несколько таких бусин. Все они относятся к позднe-

му периоду раннеримского времени и раннему периоду позднеримского времени. Одна из них – мелкая двухчастная золоченая бусина (тип 387b по М. Темпельманн-Мачинской) происходит из хозяйственной ямы (рис. 84, *15*). Такие бусы особенно характерны для фазы B2 (70–170 гг.), хотя встречаются от фазы B1 до фазы C1b (260 г.) [372, tabelle 8, s. 94]. В Северном Причерноморье такие бусы наиболее часто встречаются в комплексах второй половины I в. н. э. (тип 31 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 31. табл. 26: 73, 74]. К этому же времени относится вторая золоченая бусина удлиненно-округлой формы (рис. 84, *24*). Похожая бусина, в частности, происходит из комплекса, который относится к периоду B2 могильника Весиору, погребение 44 [370, s. 41]. Несколько более поздняя по времени массивная золоченая бусина с выступами на концах происходит из заполнения полуземляночной постройки с печью-каменкой № 39 поселения Тайманово (рис. 84, *16*). Золоченые бусы с выступами на концах (тип F13, seria 2) Т. Ставярска относит к фазе B2/C1 – C1a (170–220 гг.) [370, s. 41]. В Северном Причерноморье эти бусы (тип 25 по Е. М. Алексеевой) характерны для комплексов I–III вв. [25, с. 32, табл. 26: 70]. Серия золоченых бус разных типов и размеров (15 экз.) происходит из поселения и могильника Абидня [139, с. 244, рис. 1: 59–73].

Абидненская коллекция этого типа бус – самая представительная на территории Беларуси. По форме бусы округлые, представлены как одиночными, так и в виде двухчастной (2 экз.) и трехчастной (2 экз.) пронизей. Часть бус выявлена в комплексах. В частности, две бусины происходят из полуземляночных построек (жилой срубной постройки № 7 и постройки столбовой конструкции № 19 вместе с бронзовой трубочкой). А. В. Ильютик полагает, что все золоченые бусы Абидни соответствуют типу 1б по Е. М. Алексеевой (с закраинкой вокруг отверстия) [139, с. 244]. Действительно, большинство этих бус принадлежит этому типу, хотя встречаются бусы, относящиеся к типу 1а (без закраинки вокруг отверстия) [139, с. 245, рис. 1: 64–66, 68, 71–73] и типу 31 по Е. М. Алексеевой [139, с. 245, рис. 1: 67]. Впрочем, тип 1б и тип 31 бытовали в одно время – в первые века н. э., в этот же период продолжали использоваться и бусы типа 1а [25, с. 29–30]. Золоченая бусина луковичной формы найдена на поселении Симоновичи [105, с. 96–97, рис. 6: 2]. Также золостеклянная бусина (тип 387a по М. Темпельманн-Мачинской) найдена на поселении Дедново [134, с. 31, рис. 11: 14]. Выявление золоченых бус в позднеримских комплексах (IV – первой половины V в.) в Северном Причерноморье (Танаис, в трех из десяти погребений) [28, с. 178–179] только подтверждает факт продолжения их использования в этот период, возможно, из старых запасов. Однако это не противоречит тому факту, что наиболее широко эти бусы носили именно в первые века н. э. В частности, Е. М. Алексеевой по Северному Причерноморью учтено 1755 экз. золоченых бус типа 1а и 3562 экз. бус типа 1б [25, с. 29–30].

Золоченые бусы достаточно распространены и на памятниках культуры поздней штрихованной керамики (8 экз.) [126, с. 91–92; табл. 66: 2–5, 8, 10, 16].

К концу II – началу III в. относится крупная глазчатая желтая бусина с выпуклыми сине-белыми щитками из Симоновичей [105, с. 96, рис. 6: 1]. Похожие бусы Е. М. Алексеева относит к типу 61В и датирует концом I в. до н. э. – II в. н. э. [25, с. 66, табл. 16: 60]. Удивительно, но данная бусина стала предметом споров среди некоторых исследователей, которые упорно пытаются понизить хронологические рамки поселения Симоновичи до начала I тыс. н. э. Именно таких бус в центральноевропейских коллекциях не имеется. Бусы со щитковыми «глазками» различных цветов и форм бытовали в Западной Европе на протяжении всего римского времени (типы 216–224 по М. Темпельманн-Мачинской) [372, s. 49 – 51, taf. 4, tabelle 8]. Наиболее подходящими бусами, не по цвету (там коричневый), а по форме и характеру «глазков», является тип 224c, который встречается на протяжении всего римского времени, но наиболее характерен для периода B2 – C1a (70–220 гг.) [372, s. 51, taf. 4, tabelle 8]. Сравнивать же симоновичскую бусину со щитковыми «глазками» с гладкими глазчатыми бусами из милоградских памятников и утверждать, что они использовались в Верхнем Поднепровье на протяжении нескольких столетий, – некорректно [39, с. 356, 358].

Ранней является круглая синяя с белыми вкраплениями бусина из Абидни (тип 205 по М. Темпельманн-Мачинской), датируется периодом B2 – началом C1b (70–220 гг.) [139, с. 248, рис. 1: 39]. В целом, М. Темпельманн-Мачинска считает, что пятнистые бусы (тип 200–213) в основном бытовали в период B2 – B2/C1 [372, tabelle 4, s. 20, 47–52].

К раннему периоду позднеримского времени относится перистая бусина из Абидни [139, с. 248, рис. 1: 35] (тип 339 по Е. М. Алексеевой) [25, с. 53, рис. 31: 11]. В Центральной Европе продолговатые бусы с перистым орнаментом (типы 347 и 348 по М. Темпельманн-Мачинской) иногда встречаются в период B2 – C1b, хотя появляются в раннеримский период [372, s. 53, 94, tabelle 8].

На поселении Дедново в хозяйственной яме найдена медная римская монета периода правления Марка Аврелия (161–180 гг.) [134, с. 30, рис. 10: 1, 2].

К римскому импорту также относится ручка бронзового сосуда из полуземлянки № 2 Абидни, выявленная вместе с пластинчатым кресалом [140, с. 217, рис. 16: 6; фото 5: 2; 142, с. 219, рис. 16: 6, фото 5: 2], которая датируется началом III в. А. В. Ильютик же доводит датировку ручки до начала IV в. [140, с. 217; 142, с. 219]. Хотя, на наш взгляд, это завышенная датировка. Всего в Абидне известны две ручки от римских бронзовых сосудов.

Находки железных пластинчатых кресал с петлей относятся к позднему, вероятно, даже среднему периоду раннеримского времени (рис. 70, *6*, *8*, *9*).

Пластинчатые кресала известны в Абидне и Тайманово. Кресала с петлей в пшеворских могильниках (Надколе, Цыбловице Дуже) встречены в погребениях, относящихся ко времени B2b [322, s. 36–37, 205, s. 45, 227; 335, s. 15, 120]. Р. Мадыда-Легутко также массовое распространение оковок ремня с подвешанными пластинчатыми кресалами относила к фазе B2, доживали они до фазы B2/C1 (170–200 гг.) [353, s. 387, tabl. VIII, 9]. К раннеримскому периоду относится и обломок шпоры с пуговицевидными зацепами из Тайманово (рис. 72, *4*).

Также к раннему периоду позднеримского времени относится железная пряжка с круглой рамкой из полуземлянки № 18 (рис. 70, *4*) (группа C, тип 13 по Р. Мадыде-Легутко) [354, taf. 7: 14]. На территории Польши период массового поступления пряжек с круглой рамкой приходится на фазу B2 и раннюю фазу позднеримского периода [353, s. 365], но для фазы B2 характерны пряжки с удлиненным выступом за рамку в форме шипа [353, s. 351–410], т. е. пряжка из постройки № 18, скорее всего, будет относиться к ранней фазе позднеримского времени (B2/C1 – C1a). Из этой же постройки происходит бусина подпрямоугольной формы из глухого красного стекла (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) (рис. 82, *16*). Красные бусы «плоский кирпичик» – самая распространенная категория бус в Тайманово. М. Темпельманн-Мачинска относит их к ранней фазе позднеримского времени [372, s. 33], Т. Ставярска датирует их несколько позднее – периодом C1b – C2 (220–310 гг.) [370, s. 88]. В Северном Причерноморье бусы из глухого красного стекла (тип 104) встречаются в комплексах II–III вв. [25, с. 69, табл. 33: 31а]. В постройке также найден обломок гончарного сосуда terra siggilata. В Тайманово найден обломок краснолаковой чаши с рельефным пояском из овов (рис. 78, *2*). На территории Польши обломки римской посуды с рельефным орнаментом в виде пояска из овов встречаются в период B2/C1 – C1b (170–260 гг.), но чаще всего в период C1a (200–220 гг.) [374; 375]. На массовое распространение terra siggilata к северу от Карпат именно в период C1a указывает и А. Бурше [331, s. 144]. Подвеска из краснолакового римского сосуда вместе с железной фибулой Almgren 158 и D-образной железной пряжкой найдена в полуземлянке № 20 на поселении Абидня [140, с. 225, рис. 22: 7; с. 226, рис. 20: 2; 142, с. 227, рис. 22: 7; с. 228, рис. 20: 2]. К периоду C1a также относится обломок рубчатого манжетовидного браслета из Абидни [242, с. 104, рис. 4: 16; 308, с. 259, рис. 9: 40, 43]. С этим периодом связаны бусы с розеточным орнаментом (Тайманово, Абидня).

Из Тайманово происходит еще одна небольшая железная пряжка с круглой рамкой и бронзовым язычком (рис. 70, *5*) (тип C 13 по Р. Мадыде-Легутко). В основном в западноевропейских древностях такие пряжки характерны для раннеримского времени, но спорадически встречаются вплоть до конца

позднеримского периода и раннего периода переселения народов [354, s. 21]. В черняховских древностях подобные пряжки (серия 3 по Е. Л. Гороховскому) относятся к заключительному периоду культуры (последняя четверть IV – первая треть V в.) [67, с. 42–45].

К раннему римскому периоду, возможно, несколько позже относится также таймановская пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 70, *1*) (группа G, тип 1 по Р. Мадыде-Легутко) [354, taf. 13: 1]. Такие пряжки были наиболее распространены в центральноевропейских культурах (пшеворской, вельбарской, западнобалтской) в период B2 (70–170 гг.), хотя отдельные экземпляры встречаются до фазы C2 (260–310 гг.) [354, table. 3, 9]. В Юго-Восточной Европе на памятниках пшеворской и липицкой культур они также типичны для I–II вв. [157, с. 77, рис. 13: 24]. Типологически близкая пряжка, относящаяся к этому периоду, найдена на городище Лабенщина [126, с. 87, табл. 59: 5]. По-видимому, к этому типу примыкают пряжки с квадратной формой рамки (рис. 70, *3*) (тип G 8 по Р. Мадыде-Легутко). В пшеворских и вельбарских древностях такие пряжки были распространены в период B2 – B2/C1 [354, s. 47, 56]. В Тайманово встречена пряжка с рамкой квадратной формы, часть которой перевита (рис. 70, *13*). Пряжки с витой рамкой присутствуют в липицких древностях конца I – начала II в. [41, рис. 76: 25]. Иногда они встречаются в пшеворских древностях (Каменчик, погребение 231: 4, период B2b) [334, s. 246, taf. CXVI].

Таким образом, ранний этап культуры Абидня характеризуется целым набором вещей (монеты, украшения, керамика, предметы быта), характерных для раннеримского периода (конец II – начало III в.). Самые ранние закрытые комплексы на поселении Абидня датируются по найденным золоченым бусам – срубная полуземлянка № 7 и столбовая полуземлянка № 19. К началу III в. (период C1a) может относиться столбовая полуземлянка № 24. Самые ранние постройки на поселении Тайманово – срубная полуземлянка № 39 с выявленной золоченой бусиной и столбовая полуземлянка № 27, содержащая фибулу с подвязной ножкой ранних типов. Золоченая бусина вместе с крупной трапециевидной подвеской найдена в погребении № 3 могильника Абидня. На могильнике Тайманово и других могильниках погребальных комплексов вещей, относящихся к раннеримскому периоду, не выявлено. Связывать горшки с расширением в верхней части только с ранним этапом существования культуры Абидня не представляется возможным. Например, подобный сосуд выявлен в урновом погребении № 17 могильника Тайманово с железной пряжкой, относящейся к концу IV – началу V в.

Средний этап существования культуры Абидня (III – начало IV в. – фаза C1a – C2 по Я. Тейралу). Основная масса находок римского времени в Абидне датируется III в., в Тайманово – III – началом IV в. К этому периоду относится значительная часть полуземляночных построек. Постройки стол-

бовой и срубной конструкции существовали примерно одновременно. Однако в количественном отношении преобладали срубные постройки, особенно это касалось жилых полуземлянок. Отапливаливались они открытыми очагами, печами-каменками, в единичных случаях зафиксированы глинобитные печи (Абидня), причем полуземлянки срубной конструкции с печью-каменками были известны уже на ранних этапах существования культуры (Тайманово). Именно в это время на поселении Тайманово начали формироваться усадебные и хозяйственные комплексы.

К этому времени относится большая часть захоронений на могильниках.

III в. (период C1 – C2) датируется большая часть фибул, среди них железные подвязные фибулы типа Almgren 161–162. Появление этих фибул В. Новаковский относит к периоду C1a, т. е. началу III в., бытовали они от периода C1b до периода D (до 450 г.) [356, s. 129–146]. К этому же времени относятся бронзовые арбалетные фибулы, три из которых происходят из заполнения полуземлянки № 15 (рис. 86, *2*, *3*, *4*). Описание фибул уже достаточно давно опубликовано российскими археологами и кочует из издания в издание, как, впрочем, и описание других материалов из Тайманово, без ссылки на источник, даже авторство исследователя [294, рис. 51: 2; 224, с. 145; 296, с. 356–357, рис. 3: 1–3]. Сам Л. Д. Поболь никогда их не публиковал. Самая ранняя из них (тип A5 по Е. Л. Гороховскому) (рис. 86, *4*) датируется 230–270 гг. [67, с. 42], она происходит из верхних слоев заполнения полуземлянки № 15 и, по-видимому, отношения к постройке не имеет. Этим же временем датируется бронзовая фибула из полуземлянки № 27 (рис. 86, *5*) (тип A5 по Е. Л. Гороховскому, ранняя группа) [67, с. 42]. Две остальные фибулы из постройки № 15 непосредственно относятся к заполнению жилища. Они имеют более позднюю дату, одна из них датируется 270–330 гг. (рис. 86, *3*) (тип A4a по Е. Л. Гороховскому) [67, с. 43], вторая – 330–380 гг. (рис. 86, *2*), возможно, она немного более ранняя (тип A3б по Е. Л. Гороховскому) [67, с. 44]. У двух из фибул из постройки № 15 железное основание тетивы. Периодом C – C2 (III – началом IV в.) датируют фибулы из построек № 15 и 27 и другие исследователи [224, с. 145]. В этой связи не совсем понятно сужение возраста фибул из постройки № 15 (до периода C1a – начало III в.) некоторыми отдельными исследователями [40, с. 441].

Две железные подвязные фибулы выявлены в культурном слое поселения Дедново. Одна из фибул имеет ромбическое узкое сечение спинки (4 мм) [134, с. 41, рис. 10: 1] (тип A4a по Е. Л. Гороховскому) и датируется, как и таймановская фибула из полуземлянки № 15, 270–330 гг. [67, с. 43], вторая фибула имеет полукруглое сечение [134, с. 41, рис. 10: 2] (тип A2 по Е. Л. Гороховскому) и датируется 230–270 гг. [67, с. 42].

Железные фибулы с подвязной ножкой аналогичных типов известны на поселении Абидня [242, с. 111, рис. 4: 21–23; 243, с. 181, рис. 64].

III в. датируются украшения с выемчатыми эмалями (лунницы, фибулы), а также обломок треугольной ажурной фибулы, круглые ажурные фибулы, бронзовая ажурная ромбическая подвеска, пластинчатые подвески, относящиеся к кругу вещей с эмалями. В Тайманово из закрытого комплекса (полуземлянка № 31) происходит только лунница с красной и зеленой эмалью (рис. 81, *5*). Еще одна лунница с красной и белой эмалью происходит из заполнения полуземлянки № 25, но из верхних слоев (рис. 81, *2*). Остальные вещи с эмалями из Тайманово происходят из культурного слоя. Полуземлянка № 31 составляла один хозяйственный комплекс вместе с полуземлянками № 32А и 32Б, время бытования которого 200–310 гг. (период C1a – C2). Следовательно, этим же временем может датироваться и лунница. Полуземлянка № 25 по совокупности находок датируется III–IV вв. Практически все таймановские лунницы относятся к среднему этапу развития стиля по И. К. Фролову [305, с. 111–124]. В то же время из Тайманово происходят уникальные лунницы, среди которых лунница с двусторонними эмалями (рис. 81, *4*), лунница, концевые щитки у которой имеют округлоромбическую форму с отверстиями (рис. 81, *1*). Прямых аналогий им неизвестно, но, скорее всего, они будут также относиться к среднему этапу развития стиля украшений с эмалями. Судя по итогам последних исследований, датировка таймановских лунниц по И. К. Фролову – IV–V вв., как, впрочем, и многих других вещей с эмалями, является несколько завышенной. В частности, по результатам радиоуглеродного анализа из Дьякова городища горизонт, где были найдены лунницы с эмалью, датируется рубежом II–III вв. (период B2/C1 – C) [166, с. 42]. Более вероятная датировка лунниц из Тайманова – III в.

Этим же временем датируются лунницы из Абидни. В частности, скорее ко второй половине III в. (C2) относится бронзовая лунница среднеднепровского типа (тип II4Д по И. К. Фролову) из полуземлянки № 10. Она найдена вместе с двумя бусинами (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской) и сильно коррозированной железной арбалетной фибулой [254, с.106. рис. 26: 1]. Вторая лунница имеет круглые щитки, в отверстия которых продеты колечки (тип IIБ3 по И. К. Фролову). Всего в Абидне найдены четыре лунницы [243, с. 177, рис. 63].

Вне комплекса, в культурном слое поселения Абидня выявлена круглая фибула-брошь с крестообразной эмалевой композицией в центре [242, с. 104, рис. 4: 18]. А. К. Амброз круглые броши-фибулы с эмалью суммарно датирует II–III вв. [27, с. 32, табл. 14: 20, 26; 15: 2]. В. В. Кропоткин круглые фибулы-броши с эмалью, которые были распространены в западных провинциях империи и Паннонии, относил ко II–III вв. [167, с. 33]. А. Вадай подобные фибулы (тип III/3/1) датирует второй половиной II – началом III в. (150–200 гг.) [376, s. 335, 374]. С данной датировкой с некоторыми корректировками со-

гласны другие западноевропейские иссследователи (Е. Риха, И. Селли, А. Мазур, Бомэ, Морокко) [376, s. 338]. Очевидно, концом II – первой половиной III в. (период B2/C1 – C1b) датируется круглая фибула из Абидни. III в. датирует фибулу А. В. Ильютик [142, с. 216, 219, рис. 16: 11, фото 4: 19].

Фибула-брошь из Абидни вместе с крупной бронзовой трапециевидной подвеской, выявленной вместе с золоченой бусиной в погребении № 3 могильника Абидня, относится к числу наиболее ранних вещей «круга варварских эмалей» в Белорусском Поднепровье.

Первой половиной III в. (период C1a – C1b) будет датироваться ажурная ромбическая подвеска без эмали из Тайманово (рис. 80, *6*). Весьма похожая подвеска происходит из раннекиевского поселения Приоскольское-2 [222, с. 23, рис. 64: 8]. Еще одна крестообразная подвеска, но с красной эмалью в центральном поле в виде ромба тоже происходит из Тайманово (грабительские раскопки на поселении) [129, с. 165–172, рис. 2: 1]. Также фрагмент круглой ажурной подвески найден в Абидне [241, с. 427, рис. 1: в].

Из культурного слоя поселения Абидня происходит бронзовая фракийская монета Геты, которая чеканилась в городе Августа Траяна с 209 по 212 г. [243, с. 180].

К первой половине III в. (период C1a – C1b) относится железная бритва из полуземлянки № 29 Тайманово (рис. 69, *1*). Похожая бритва происходит из захоронения пшеворского могильника Цыбловице Дуже, относящегося к периоду C1a (200–220 гг.) [335, s. 20, taf. XXVIII: 8]. Раннюю дату подтверждает также находка пластинчатого кресала с петлей, происходящая из этой же постройки (рис. 68, *8*). Здесь же были найдены обломки железных двухчастных удил (рис. 72, *5*). Железные удила также происходят из полуземлянки № 31, относящейся к III – началу IV в. (период C1a – C2) (рис. 72, *2*). Считается, что удила распространились среди разных народов Евразии в IV–V вв. (период C2 – D) [189, с. 310], в то же время таймановские удила имеют гораздо более раннюю дату.

Серединой – второй половиной III в. (период C2) датируется обломок костяного гребня из погребения № 156 могильника Тайманово (рис. 69, *5*). Из-за фрагментарности обломка трудно определить, к какому типу относится данный гребень. На первый взгляд, это обломок одночастного гребня. Хотя существует мнение, что он мог относиться к многочастным трехслойным гребням. З. Томас одночастные гребни относил в основном к раннеримскому, изредка к началу позднеримского времени [373, s. 56, 57, 120]. В Юго-Восточной Европе одночастные гребни появляются во второй половине II – первой четверти III в. (C1a) [188, с. 170]. Г. Ф. Никитина датирует одночастные гребни в Побужье началом III в. [218, с. 147–159]. По-видимому, в Поднепровье такие гребни распространились несколько позднее. Односторонние трехслойные гребни использовались на черняховских памятниках

со второй трети III – до конца IV в. (период C3 – D1) [190, с. 84]. В частности, на это указывает находка граненой синей бусины из этого же погребения (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской) (рис. 83, *14*). Такие бусы в Центральной Европе в основном бытовали в период C2 (260–310 гг.), иногда встречались раньше (C1b) и доживали до конца римского времени [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска многогранные бусы (тип F 11.1) датирует временем C1b – C2 (220–310 гг.) [370, s. 90]. В Северном Причерноморье такие бусы (тип 135 по Е. М. Алексеевой) были распространены в II–IV вв. [25, с. 70, табл. 33: 41].

Основная часть бус из Тайманово и значительная часть бус из Абидни относятся к III – началу IV в. (период C1a – C2). Самой представительной категорией бус в Тайманово являются красные плоские бусы (16 экз.) (рис. 83, *16–22*; рис. 84, *1*, *7*, *8*, *13*, *14*, *17*, *18*, *20*, *23*) (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской или тип 104 по Е. М. Алексеевой), которые относятся, главным образом, к ранней фазе позднеримского времени, хотя встречаются до начала IV в. (C2). Коллекция Абидни насчитывает 26 таких бус-«кирпичиков» [139, с. 244–245]. Вместе с таймановскими бусами (42 экз.) – это самая представительная коллекция бус данного типа на памятниках римского времени лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. В Западной Европе этот тип бус встречается в единичных экземплярах. В Абидне, в полуземляночной жилой постройке № 24, выявлена синяя бусина аналогичной формы (тип 88–89 по М. Темпельманн-Мачинской), датировка та же, как и для бус типа 90 [139, с. 247, рис. 1: 40].

Две красные бусины типа 90 происходят из горизонта римского времени поселения Курадово-1 на р. Припять [35, с. 9, мал. 4: 3, 4]. Бусы типа 90 в небольших количествах встречены и на киевских памятниках Среднего Поднепровья и Подесенья (Казаровичи, Хлепча, Мена 5, Шмырево) [294, с. 72; 225, с. 39, табл. 23]. Позже, на рубеже V–VI вв., в единичных экземплярах они поступали и на более восточные территории (Среднее Поочье) [274, с. 219–220].

Довольно популярны в Тайманово были синие граненые бусы (рис. 83, *14*, *26*; рис. 84, *28*) (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской), которые датируются временем C1b – C2, но могли бытовать и до V в. По Е. М. Алексеевой это тип 135, который также датируется II–IV вв. Синие граненые бусы на других памятниках второй четверти I тыс. н. э. встречаются изредка в единичных экземплярах (Абидня, Курадово-1, Цепляево Второе) [139, с. 248, рис. 1: 50; 35, с. 11, мал. 4: 10; 225, с. 39, табл. 23], в то же время они весьма распространены в черняховских древностях, куда, как полагают исследователи, они проникали из Малой Азии [190, с. 74]. Следует отметить, что бусы из Абидни и Курадово характеризуются водянисто-голубым стеклом, нечеткими «смазанными» гранями, в то же время для таймановских бус характерны насыщенный темно-синий цвет, четкие грани. Синие бусы с не-

четкими сглаженными гранями известны и на памятниках типа Заозерье-Узмень (Фролы, Узмень, Каменная Лава) [179, с. 60–61]. В черняховской культуре известны оба типа таких бус [178, с. 103–104]. По-видимому, речь идет о двух разных центрах производства подобных бус, причем в мастерских Константинополя изготавливались темно-синие бусы с четкими гранями, место изготовления более худших по качеству водянисто-голубых «смазанных» бус не установлено [178, с. 106]. Не исключено, что изготовление водянисто-голубых бус имеет местное происхождение по импортным образцам.

Из южных регионов в Тайманово и Абидню попадали также и некоторые другие бусы, неизвестные в Центральной Европе. В частности, это две светло-зеленые бусины битрапециевидной формы из Тайманово (рис. 83, *11*, *12*) (тип 138 по Е. А. Алексеевой). Такая же зеленая бусина найдена в Абидне [139, с. 245, рис. 1: 37]. Подобные бусы бытовали в Северном Причерноморье в I – начале III в. [25, с. 71, табл. 33: 43]. Известны в Тайманово полихромные бусы (синяя с белыми фестонами и крупная синяя с комбинированным орнаментом) (рис. 83, *13*; рис. 84, *19*), аналогии которым в коллекциях Центральной Европы также отсутствуют. Южное происхождение имеют некоторые бусы из Абидни, в частности, синяя удлиненная бугристая бусина [139, с. 247, рис. 1: 46]. Бусы относятся к типу 160 по Е. М. Алексеевой и наиболее характерны для III в. [25, с. 72, рис. 33: 63].

Основное же направление поступления бус на территорию культуры Абидни западное, связано оно, по-видимому, с носителями вельбарской культуры. Во всяком случае большинство таймановских и абидненских бус находят аналогии в центральноевропейских каталогах (М. Темпельманн-Мачинской, Т. Ставярской). Все они укладываются в хронологические рамки от B1/C1 до D. Однако не совсем понятна большая концентрация в Тайманово и Абидне бус типа 90 по М. Темпельманн-Мачинской (42 экз.). В Центральной Европе они представлены единичными экземплярами (Цецеле, Масломеч). Создается впечатление, что эти бусы поступали в Тайманово и Абидню партиями для какой-то определенной (не исключено, что технической) цели. Возможно, это связано с изготовлением украшений с выемчатыми эмалями, хотя это не более, чем предположение. В Тайманово зафиксированы три полуземляночные постройки – бронзолитейные мастерские (№ 18, 31, 32А). В Абидне – полуземлянки № 18, возможно, № 20.

Западное происхождение имеет граненая янтарная бусина из Абидни [139, с. 249, рис. 1: 36] (тип 446 по М. Темпельманн-Мачинской), такие бусы встречаются в Центральной Европе во второй половине III – начале IV в. (C2) [372, s. 79, taf. 16]. Вторая янтарная бусина округло-биконической формы происходит из Дедново [134, с. 31, рис. 11: 15]. Такие бусы (тип 395b по М. Темпельманн-Мачинской) в Центральной Европе наиболее широко

были распространены в период B2 – C1a, хотя спорадически встречаются на протяжении всего римского периода [372, s. 68, tabelle 8, s. 94]. Немногочисленность янтарных бус на поднепровских памятниках объясняется удаленностью «янтарного пути», который проходил западнее.

С западноевропейским компонентом можно увязать бронзовые арбалетные фибулы III–IV вв. из полуземлянок № 15 и 27 Тайманово, железные подвязные фибулы из полуземлянок № 10, 20, 28 Абидни, из культурного слоя поселения Дедново, а также подвеску в виде миниатюрного пластинчатого кресала, обломки гончарных сосудов terra sigillata. Возможно, вельбарское происхождение могут иметь обломки орнаментированной миски (период C1 – C2 по Р. Волагиевичу) [378, s. 184, 186, rys. 7, 9], хотя не исключено черняховское подражание по вельбарским образцам. Также, возможно, западное происхождение может иметь серолощеный горшок с изображением свастики из полуземлянки № 19 Тайманово. Скорее всего, западное происхождение имеет бронзовая корзиноподобная подвеска. Похожая подвеска найдена на поселении Лемешевичи в Припятском Полесье, в культурном слое которого также выявлены обломки вельбарской посуды. Ближайшая аналогия этим подвескам происходит из западнобалтского могильника Нетте, погребения периода C1b (220–260 гг.). Много корзиноподобных и ведерковидных подвесок присутствует в ареале черняховской культуры.

Однако там преобладают железные подвески. Как отмечает Б. А. Магомедов, указывая на их центральноевропейское происхождение, на вельбарских памятниках встречаются бронзовые подвески, а на пшеворских памятниках – в основном железные [190, с. 70]. По-видимому, основные пути проникновения этого вида украшений для населения киевской и черняховских культур были разные. На территорию, заселенную киевскими и близкими к ним племенами, эти подвески проникали из ареала вельбарской и западнобалтской культур.

Оружие римского периода представлено листовидными наконечниками стрел из Абидни и Дедново [242, рис. 4: 8, 9; 134, с. 30–31, рис. 10: 9], черешковым двушипным наконечником из Дедново [134, с. 30–31, рис. 10: 6]. Такие наконечники широко представлены у черняховских и смежных с ними племен [189, с. 309, рис. 7].

Находки вещей западноевропейского происхождения указывают на несомненные контакты местного поднепровского населения с западными племенами. Однако в настоящее время недостаточно данных, чтобы судить о характере этих контактов. Вряд ли это были постоянные контакты, тем более нет оснований говорить о прямом проникновении больших групп западного населения в среду местных поднепровских племен. В научной литературе существует мнение, что фибулы из полуземлянки № 15 Тайманово и вельбарская миска являются прямым вельбарским импортом [296, с. 357].

По-видимому, с этим можно только частично согласиться, учитывая, что полуземлянка № 15 – жилище привилегированного члена таймановской общины, возможно, старейшины, хотя относительно прямого вельбарского импорта – это только одно из предположений. Бронзовая фибула западноевропейского облика происходит из полуземлянки № 27 Тайманово, которая также является жилищем не рядового общинника. Однако это были, скорее всего, поступления от случая к случаю и связаны не только с торговыми связями. Это могли быть военные трофеи, брачные связи и т. д. Высокая концентрация импортных вещей, в том числе западного происхождения, в Тайманово и Абидне указывает, что это были не рядовые поселения, а достаточно крупные племенные центры, причем Тайманово, по-видимому, являлся центром, где проживала родоплеменная верхушка.

Второй путь поступления импортных вещей в Тайманово – днепровский южный. Находки, имеющие южное происхождение, в количественном отношении составляют значительно меньшую часть – обломки причерноморских амфор, отдельные стеклянные бусы (тип 138 по Е. М. Алексеевой, некоторые полихромные), костяной гребень, пирамидальные грузила. Все эти вещи относятся к III–IV вв., за исключением обломков амфор, которые датировать не удалось, и попали они в Тайманово и Абидню посредством торгового обмена либо по другим каким-то каналам с племенами черняховской культуры.

На средний этап приходится максимальный приток импортных вещей. Основные потоки поступления те же, что и на раннем этапе. Особенностью среднего этапа на территории Белорусского Поднепровья является максимальная концентрация красных непрозрачных бус (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской), что предположительно может указывать на местное изготовление изделий с цветными эмалями. Прямых доказательств этому предположению в настоящее время не имеется, но во всяком случае сложно объяснить высокую концентрацию этого типа бус только модой на эти изделия.

Поздний этап существования культуры Абидня (IV – середина V в., фаза C2 – D3 по Я. Тейралу). Комплексы, относящиеся к позднему этапу существования культуры Абидня, на поселении Абидня неизвестны. К этому времени поселение и могильник Абидня прекратили свое существование. На поселении Тайманово достоверно к позднему этапу относятся полуземляночные постройки № 26, 28, 38, 40, 44, 47, 48. Возможно, с этим периодом связаны постройки № 35, 36, 37. Самые поздние из них относятся к V в. (постройка № 44), возможно, к началу VI в. (постройка № 26). В основном это постройки срубной конструкции, из 10 полуземлянок только три имели столбовую конструкцию стен. Все жилые полуземлянки отапливались печью-каменкой, расположенной в северо-восточном углу или северной части постройки. Все полуземлянки однокамерные, только самая поздняя

из них (жилая полуземлянка № 26) была разделена на два помещения – собственно жилую половину и кухню.

Большая часть вещей, относящихся к позднему этапу развития культуры Абидня, происходит из культурного слоя. По-видимому, к концу III – IV вв. (C2 – D1) относится еще одна круглая фибула-брошь с серебряной инкрустацией, выявленная в культурном слое Тайманово (рис. 85). Во всяком случае именно так датируются эти фибулы в латышских древностях. По разработанной И. К. Фроловым относительной хронологии, таймановская фибула (тип II) может относиться к стадии Б – средний этап первого хронологического периода [304, с. 19–27]. Только в последние годы похожие фибулы выявлены в достаточно узко датированных комплексах. В частности, фибула с четырьмя свастиками, аналогичная таймановской фибуле, была выявлена в могильнике первой половины – середины III в. Сиксали в Эстонии [324, s. 111, fig. 5: 4]. В Западной Литве и Эстонии такие украшения были особенно популярны в III в. [324, p. 110]. Тем не менее, по-видимому, вряд ли таймановская фибула-брошь была моложе конца III – начала IV в. (период C2/C3).

В таймановских древностях присутствуют отдельные вещи также балтского происхождения, относящихся к концу IV – середине V в. (периоду D2 – D3), возможно, даже более позднему времени. Все они происходят из культурного слоя. В частности, это деформированный бронзовый колокольчик (рис. 80, *5*), в латгальских древностях такие колокольчики датируются VII–VIII вв. В восточнолитовских курганах на территории Беларуси такие колокольчики найдены в погребениях V–VII вв.

Жизнь на поселении Тайманово протекала и в заключительную фазу позднеримского времени (период D1 – D2). Абидня к этому периоду уже перестала существовать. Причина прекращения жизни на поселении точно не установлена. В Тайманово к этому периоду относится определенная часть комплексов на поселении и могильнике. Также к этому времени относится значительная часть датирующих вещей на могильнике. Временем D датируются все пряжки из могильника: пряжка из урнового погребения № 17 с утолщением передней части и трехгранным язычком (рис. 70, *10*), овальная пряжка из ямного погребения № 2 с утолщением передней части и хоботковидным язычком (рис. 70, *14*), круглые пряжки из ямного группового погребения № 116 с утолщением передней части и хоботковидным язычком (рис. 70, *8–9*), относящиеся к концу IV – началу V в. (период D2). Таким образом, эти погребения, а также все остальные урновые погребения и часть смешанных погребений относятся к позднеримскому периоду.

Из культурного слоя поселения Тайманово происходит маленькая овальная пряжка с язычком, выступающим за край (рис. 70, *16*) (тип H 9 по P. Мадыде-

Легутко) [354, tafl 8: 9]. Такие пряжки имели широкий хронологический диапазон (C2 – D) (вторая половина III – V в.).

К заключительному периоду позднеримского времени относятся бронзовые пинцеты, один из которых (с зажимом) выявлен в полуземлянке № 28 Тайманово, относящейся к IV – началу V в. (период C3 – D) (рис. 69, *8*). К позднеримскому и гуннскому времени также относятся железные шпоры с отогнутыми крючками (Тайманово, Щатково).

В культурном слое поселения Тайманово выявлены две бронзовые арбалетные фибулы с литым приемником. Одна – с ромбической ножкой (рис. 86, *1*), вторая – с удлиненно-треугольной ножкой (рис. 86, *8*). Фибулы относятся к двучленным «воинским» со сплошным приемником (по А. К. Амброзу) либо типу 207 по М. Шульц и датируются второй половиной IV – первой половиной V в. (период D). Типологически фибула с ромбической ножкой более ранняя. Л. Д. Поболь относил фибулу с ромбической ножкой к III–IV вв. [248, с. 229, рис. 11]. Сведения о фибуле с удлиненно-треугольной ножкой он никогда не публиковал. Тем не менее они без разрешения были опубликованы И. О. Гавритухиным [64, с. 56, рис. 11: 4]. И. О. Гавритухин относит эту фибулу к позднечерняховской серии Киев-Тайманово и соглашается с датировкой Амброза–Шульц – V в. [64, с. 21]. В одной из публикаций А. М. Обломский сознается, что в своих построениях ему приходится основываться на тех коллекциях, которые он сам либо его коллеги (Р. В. Терпиловский, Н. В. Лопатин, И. О. Гавритухин) просмотрели в различных археологических хранилищах Гомеля, Минска, Могилева, Бобруйска [224, с. 145]. Однако одно дело – ознакомиться с коллекцией, другое – публиковать эти материалы без какого-либо разрешения. Это совершенно недопустимая практика.

Из культурного слоя поселения Тайманово происходит обломок бронзового браслета с утолщенными концами, орнаментированный по краю геометрическим орнаментом (рис. 79, *13*). Браслеты с утолщенными концами на территории Восточной Европы характерны для позднеримского и гуннского времени. Встречаются они на позднекиевских памятниках (Ульяновка).

К V в. относится железный трехлопастный наконечник стрелы из Тайманово (рис. 71, *3*). В Литве такие наконечники происходят из слоев середины I тыс. н. э. и связываются с гуннским нашествием [183, с. 15–20]. Такие наконечники найдены в слоях пожарища этого времени на ряде памятников Смоленского (Демидовка, Узмень) и Могилевского Поднепровья (Никодимово). В Тайманово такой наконечник найден в единственном экземпляре. Вообще, оружия в Тайманово найдено очень мало (трехлопастный наконечник стрелы и обломок наконечника копья) (рис. 71, *3*, *5*). Из 52 полуземляночных построек Тайманово только 17 построек не имеют следов пожарища. Однако большинство погибших в огне построек относится к III–IV вв., и этот пожар, по-видимому, не связан с внешней гуннской агрессией. Построй-

ки, относящиеся к IV–V вв., в огне не пострадали. По-видимому, во время гуннской агрессии в Верхнее Поднепровье и Прибалтику в середине I тыс. н. э. Тайманово не пострадало. Это связано прежде всего с тем, что в это время жизнь на поселении постепенно угасала, и оно уже не являлось для кочевников лакомым куском. Что касается причин пожарища III–IV вв. на поселении Тайманово, то оно, скорее всего, не связано со сменой населения. Этот факт косвенно подтверждается тем, что нередко на месте сгоревшей постройки в границах одного двора возводили другую постройку, выдержанную в предшествующих традициях.

Что касается удил простой двучастной формы, то считается, что они распространились в Восточной Европе не ранее IV–V вв. (период C3 – D) [189, с. 310, рис. 9]. В Тайманово обломки удил происходят из полуземляночных построек № 29 и 31, которые датируются III – началом IV в. (период C1 – C2). Таким образом, таймановские удила относятся к числу наиболее ранних находок.

Таким образом, к позднему этапу существования культуры Абидня (IV – середина V в.) относятся только комплексы и отдельные находки, выявленные в Тайманово, Щатково, Нижней Тощице, Новом Быхове. На позднем этапе развития культуры окончательно закрепляется традиция сооружения срубных полуземлянок с печами-каменками в углу, полуземлянки столбовой конструкции встречаются крайне редко. В погребальной обрядности для позднего периода характерны смешанные и урновые захоронения, причем урновые захоронения относятся только к позднему периоду. Для урновых погребений характерны очищенные кости. Все эти черты в дальнейшем характерны для населения колочинской культуры (середина V – VII вв.). Все это дает основание полагать, что культура Абидня явилась основой для формирования колочинской культуры верхнеднепровского варианта.

К VI–VII вв. относится происходящая из культурного слоя Тайманово красная бусина с синими полосками (рис. 84, *22*). Очевидно, с третьей четвертью I тыс. н. э. связана полуземляночная жилая постройка № 26. Однако в ней не выявлено датирующих вещей, поэтому достоверно об этом судить нельзя. Отсутствие находок, относящихся к третьей четверти I тыс. н. э., еще раз подтверждает, что после середины V в. жизнь на поселении стала угасать. На могильнике отсутствуют также погребения этого времени.

На поселении Тайманово выявлена серия находок, которые могли относиться к последней четверти I тыс. н. э. С этим временем, очевидно, связаны полуземляночные постройки № 38 и 40 из поселения Тайманово. Постройка № 40 сооружена на месте грунтового захоронения, относящегося ко второй четверти I тыс. н. э. Оно расположено ниже уровня пола постройки, т. е. сооружение постройки относится ко времени, когда уже не помнили о данном погребении. Из постройки происходит железная пряжка с вогну-

тыми боками (рис. 70, *15*), которая традиционно датируется VIII–IX вв. Именно эта находка позволила бы отнести полуземлянку к последней четверти I тыс. н. э.

Аналогичные железные пряжки неоднократно находили на раннеславянских памятниках VIII–IX вв. на территории Беларуси [132, мал. 83: 1, 5, 6, 12]. Однако настораживают находки в заполнении постройки обломков сосудов с расчесами и отсутствие венчиков четвертой четверти I тыс. н. э. Следует отметить, что подобные пряжки встречаются и в более раннее время, в частности, в западнобалтских могильниках в погребениях второй половины V – первой половины VIII в. (Митино) [287, с. 340, 453]. Автор исследований могильника К. Н. Скворцов считает, что пряжки фигурной формы являются частью конского снаряжения и имеют широкую датировку – все раннее средневековье [286, с. 78]. В этой связи не исключено, что данная постройка все же относится к более раннему времени, очевидно, не позднее середины – второй половины V в. (период D3).

Находка жернова из полуземлянки № 38 также позволила бы отнести данную постройку к четвертой четверти I тыс. н. э. В срубной полуземлянке № 38 с полом, подмазанным глиной, и печью-каменкой в углу пришедший в негодность жернов использовался в качестве боковой части печи. Жернов изготовлен из гранитной породы (группа IIA по Р. С. Минасяну). Он представлял собой нижнюю часть жернового постава. Жернова группы IIA по Р. С. Минасяну были распространены во второй четверти I тыс. н. э. в германо-черняховском ареале в римское время [210, с. 104–106]. Керамический комплекс из заполнения постройки, среди которого встречены обломки слабопрофилированных форм, не характерных для последней четверти I тыс. н. э., ребристых сосудов, посуды с расчесами и насечкой по краю венчика, и полное отсутствие форм керамики, характерных для VIII–IX вв., позволяют отнести постройку к более раннему времени. Гранитный жернов аналогичной формы был также найден на поселении Абидня в хозяйственной яме вместе с двумя зернотерками и лепной керамикой [140, с. 236, рис. 28: 3; 142, с. 238, рис. 28: 3].

В научной литературе относительно датировки каменных жерновов преобладает точка зрения об их позднем широком распространении в лесной зоне Восточной Европы – не ранее VIII–IX вв. [210, с. 111–112; 162, с. 61–62]. Однако речь идет о жерновах группы I по Р. С. Минасяну (нижний камень со сквозным отверстием). Жернова группы IIA по Р. С. Минасяну были распространены во второй четверти I тыс. н. э. в германо-черняховском ареале в римское время. Жернова изготавливались из подручных пород камня. Верхний камень черняховских жерновов имел квадратное отверстие, нижний камень – лунку или круглое отверстие [190, с. 90, рис. 81: 14–16]. Именно такой нижний камень жернова найден в Тайманово. Гранитный жернов про-

исходит также из соседней Абидни. В свое время Р. С. Минасян, учитывая единичность находок жерновов в лесной зоне Восточной Европы во второй и третьей четвертях I тыс. н. э., в том числе и жернов из Абидни, относил их к более позднему времени [210, с. 109]. Оба жернова происходят из закрытых комплексов вместе с керамикой второй четверти I тыс. н. э.: жернов из Абидни найден в хозяйственной яме, таймановский жернов – в полуземлянке. Они принадлежат группе IIA по Р. С. Минасяну. Их бытование на восточноевропейской равнине прекращается в V в., в эпоху переселения народов, и позже такие жернова встречаются только на территории Германии и Северной Европы [210, с. 109]. Появление жерновов в Тайманово и Абидне относится к позднеримскому времени и связано, скорее всего, с черняховским влиянием. По-видимому, существование полуземлянки № 38 следует отнести к периоду не позднее конца IV – начала V в. (период D2).

К орудиям сельскохозяйственного производства, скорее всего, относящимся к последней четверти I тыс. н. э., принадлежит находка узколезвийного железного наральника из Тайманово (рис. 65, *4*). Находки железных наральников известны на черняховских памятниках, в частности, очень похожий на таймановский наральник происходит из могильника Волошское (Нижний Днепр) [190, с. 89–90; рис. 81: 5]. Отдельные находки наральников известны и на киевских памятниках лесостепной зоны (Ульяновка, Каменево-2, Обухов VII). Самые ранние находки наральников на территории Беларуси до сих пор происходили из городища Хотомель (Припятское Полесье) VIII–IX вв. [170, с. 8–9, табл. 9]. Это два небольших однотипных наральника с плечиками. Следует отметить, что в черняховских древностях были известны наральники как с плечиками, так и без них. Сложность датировки таймановского наральника заключается в том, что он происходит из культурного слоя. Можно, конечно, предположить, что наральник мог относиться к горизонту второй – третьей четверти I тыс. н. э., и к племенам Могилевского Поднеровья железные наральники проникли через население черняховской культуры. Однако на основании единственной находки, происходящей вне комплекса, делать подобные выводы не вполне оправдано. Следует предварительно остановиться на датировке более поздним временем. Тем более, что на соседних территориях в этот период господствовала подсека [126, с. 98–99; 204, с. 43].

По совокупности материалов Тайманово может быть несколько моложе соседней Абидни. Хотя, по-видимому, оба поселения возникли практически одновременно, но время расцвета Тайманово приходится на более позднее время (вторая половина III – IV вв.) (период C1b – C3/D). Существовало Тайманово более длительное время. Скорее всего, между двумя поселениями было разделение сфер деятельности. Абидня – это поселение рядовых общинников и сельских ремесленников. На высокий уровень развития металлообра-

ботки в Абидне, в частности, указывает М. Ф. Гурин [71, с. 97]. В Абидне и Тайманово было развито бронзолитейное производство и не исключено, что производство изделий с эмалями, хотя прямых подтверждений этому нет. Об этом свидетельствуют самая большая концентрация в Восточной Европе красных бус-«кирпичиков», которые могли служить сырьем для получения красных эмалей, а также бронзолитейные мастерские. Могли существовать мастерские по изготовлению стеклянных бус по импортным образцам (голубовато-водянистые граненые бусы), хотя это только предположение. Эти бусы были худшего качества, чем импортные, но являлись более доступными для местного населения.

В отличие от Тайманово в Абидне проживало небогатое население, о чем, в частности, свидетельствует внутренний интерьер полуземляночных жилищ, в которых полностью отсутствуют деревянные полы. В то же время деревянные полы в Тайманово – принадлежность не только жилых, но и многих хозяйственных полуземляночных построек (амбары, клети). На позднем этапе в Тайманово зафиксировано разделение внутренней части жилища (постройка № 26) на две части: жилую и кухню, где размещалось отопительное сооружение (печь-каменка). Следует отметить, что в Абидне не встречены печи-каменки. Отсутствие в Абидне печей-каменок может указывать на то, что либо жители поселения не были знакомы с подобным отопительным устройством, либо это было не характерно для их домостроительства. Более правдоподобно, по-видимому, второе предположение. Самая ранняя печь-каменка в Тайманово зафиксирована в постройке № 39, относящейся к концу II – началу III в. Возможно, отсутствие деревянных полов в жилищах Абидни также свидетельствует не столько о более низком социальном уровне населения данного поселения, сколько является локальной особенностью традиций их домостроения, тем более, что оба поселения расположены на незначительном расстоянии друг от друга и их население постоянно контактировало между собой.

Если Абидня – рядовое поселение, население которого занималось сельским хозяйством и ремеслами, то Тайманово – племенной центр определенной округи, в состав которого входила и Абидня. На тот факт, что Тайманово является не рядовым поселением, указывает в целом более высокий уровень благосостояния населения по сравнению с соседними синхронными поселениями (Абидня), а также высокая концентрация импортных вещей.

Как уже отмечалось, существовало три основных направления поступления импортных вещей на территорию Белорусского Поднепровья. Основной поток – западный, по-видимому, в основном через племена вельбарской культуры. Это бронзовые и железные украшения (фибулы, некоторые виды подвесок), отдельные бытовые вещи (пинцеты, бритвы), большинство стеклянных бус, монеты (Абидня, Дедново), керамика terra sigillata. Эти вещи

могли поступать либо в качестве военных трофеев, либо посредством нерегулярного торгового обмена с западными племенами, отдельные представители которых либо, возможно, небольшие группы проникали в днепровский регион. Об этом свидетельствуют единичные вельбарские захоронения в бассейне Припяти (Велемичи, Отвержичи и др.), а также немногочисленные обломки вельбарской керамики в культурном слое отдельных поселений (Лемешевичи, возможно, Тайманово). Наиболее интенсивное поступление вещей западного происхождения приходится на III – начало IV в. (период С). Именно в этот период получают широкое распространение по всей территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы украшения «варварского» облика, в том числе вещи с выемчатыми эмалями. Возникнув под влиянием проримских культурных и художественных традиций, эти вещи, за исключением некоторых, возможно, имели местное происхождение, хотя в настоящее время это предположение более, чем спорное. По-видимому, существовало несколько центров по производству украшений с эмалями на базе привозных полуфабрикатов (Прибалтика, Верхнее и Среднее Поднепровье).

Второй путь поступления импортных вещей – южный днепровский. Вряд ли эти вещи поступали в Верхнее Поднепровье непосредственно через черняховских торговцев, хотя последнее полностью исключить нельзя. Скорее всего, они поступали через посредников – родственное киевское население Среднего Поднепровья и Подесенья. Вверх по Днепру, в более северные регионы поступало причерноморское вино в светлоглиняных амфорах, обломки которых встречены в Тайманово. К сожалению, по небольшим сохранившимся обломкам трудно определить датировку амфор. По мнению Б. В. Магомедова, черняховцы поставляли киевскому населению земледельческие орудия труда, такие как наральники и серпы [190, с. 109]. Через черняховцев в Верхнее Поднепровье также проникли традиции изготовления глиняных пирамидальных грузил и каменных жерновов типа IIA по Р. С. Минасяну. Таким образом, с юга, через более развитые черняховские племена в лесную зону Верхнего Поднепровья проникали прогрессивные технологии и новые, технически усовершенствованные орудия труда.

«Балтский» северный путь проникновения импорта представлен всего несколькими вещами, обнаруженными в культурном слое поселения Тайманово. Эти вещи (инкрустированная фибула-брошь, деформированный бронзовый колокольчик) находят аналогии среди прибалтийских древностей второй – третьей четверти I тыс. н. э. Таким образом, балтийский путь представлен единичными вещами, которые спорадически проникали в Верхнее Поднепровье различными путями, скорее всего через северных соседей, и были связаны с экипировкой воина.

В целом, характеризуя три этапа развития культуры Абидня, можно сделать следующие выводы. Первый ранний этап (конец II – начало III в.) (период B2b – B2/C1) – период становления культуры – уже характеризовался довольно высоким экономическим и социальным уровнем. Население к этому времени окончательно перешло на селища, расположенные, как правило, на окраинах речных террас, что может быть связано не только с изменением климата, но и расширением пашенного земледелия. Помимо земледелия население занималось различными ремеслами: черной и цветной металлургией, гончарством, домашними ремеслами. Для населения культуры Абидня, как и предшествующего зарубинецкого и постзарубинецкого населения, в отличие от соседних культур (штрихованной керамики, днепродвинской) не характерно использование изделий из кости. Не исключено широкое использование дерева, однако изделия из этого материала не сохранились. Все известные орудия труда изготавливались преимущественно из металла. В целом, уровень металлургии был выше, чем для соседних северо-западных и северных культур. Для производства цветного металла характерно использование более высокопроизводительных тиглей с подтреугольным отверстием (Абидня, Тайманово). На соседних территориях и культурах такие формы тиглей неизвестны. Впоследствии на наших землях они появляются не ранее древнерусского времени (Старая Ладога, Туров, Берестье).

Население проживало в полуземлянках срубной, иногда столбовой конструкции, уже на раннем этапе срубные постройки преобладали. На поселениях (Тайманово) начинает формироваться усадебная застройка, что указывает на выделение индивидуальной семьи. В погребальной обрядности господствуют грунтовые, чаще всего безынвентарные кремации в округлых ямах. Первоначально господствуют ямные погребения, на позднем этапе постепенно распространяются смешанные, затем урновые погребения. Кости в ямных погребениях обычно неочищенные, в урновых, как правило, очищенные. В отличие от зарубинецкого времени целые сосуды в ямных погребениях не встречаются, только развалы или фрагменты керамики.

Второй и третий этапы (III – середина V в.) (период B2/C1 – D3) характеризуются максимальным расцветом, а затем угасанием культуры Абидня. В конце среднего этапа – конец III – начало IV в. (период C2/C3) прекращают существовать ранние памятники, в том числе и поселение Абидня. Это время расцвета Тайманово. Окончательно формируются усадебные комплексы, состоящие из жилой, одной или нескольких хозяйственных полуземлянок, в состав усадебного комплекса нередко входили выносные каменные очаги и хозяйственные ямы. Жилая полуземляночная постройка в Тайманово, как правило, представляла собой однокамерную срубную постройку с печью-

каменкой или каменным очагом, на третьем этапе – только печью-каменкой. Столбовые постройки встречаются редко. На позднем этапе появляются двухкамерные постройки. Особенностью таймановских полуземлянок является наличие деревянных полов. В керамическом комплексе происходят существенные изменения. На среднем этапе (III в.) появляется биконическая посуда, которая отличается от ребристой посуды зарубинецких традиций местом расположения ребра. Если у зарубинцев и их ближайших потомков ребро располагалось в верхней части сосуда, то биконическая посуда среднего этапа Тайманово характеризуется, как правило, средним уровнем расположения ребра. Можно предположить, что в дальнейшем происходит сглаживание ребра и появляются вытянутые цилиндро-конические формы, которые явились ведущими в колочинском керамическом комплексе. Процесс перерастания традиций культуры Абидня в колочинские традиции в Верхнем Поднепровье происходит с конца IV по первую половину V в.

4.2. К проблеме решения славянского вопроса на территории Беларуси

В исторической литературе проблема формирования славянского этноса до настоящего времени не нашла своего окончательного решения. До сих пор не удалось четко локализовать территорию формирования славян. Основная проблема – недостаточная источниковедческая база. Письменные источники оставили мало свидетельств о ранних славянах, также эти сведения нередко страдают неточностью ввиду отдаленности территорий проживания славян. Основным источником в настоящее время являются материалы археологических исследований. Большим прорывом в накоплении археологических источников явились широкомасштабные исследования на территории Восточной Европы в 70–80-е гг. XX в., в том числе на территории Беларуси. В эти годы значительное внимание было уделено изучению археологических памятников середины I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. В Белорусском Поднепровье это работы П. Н. Третьякова [301–303], Л. Д. Поболя [245; 249; 250; 253] и др., в Припятском Полесье – исследования Ю. В. Кухаренко [169–171], К. В. Каспаровой [150, с. 108–117; 151, с. 5–25; 152, с. 169–190], И. П. Русановой [279; 280], В. С. Вергей [63, с. 574–621] и др. Полученные данные значительно расширили наши представления об исторических процессах в этот период.

В современной историографии расселение славян на территории Беларуси непосредственно связано с продвижением вверх по течению Днепра носителей классической зарубинецкой культуры (конец III в. до н. э. – середина I в. н. э.). Ведущими исследователями «зарубинецкой» линии славянского этногенеза являются П. Н. Третьяков, В. Н. Даниленко, Л. Д. Поболь и др.

Основной путь развития славянских культур предполагал движение от зарубинецкой культуры к позднезарубинецким древностям римского времени, затем к раннесредневековым культурам (пражской, колочинской, пеньковской). Однако считать данную точку зрения окончательно верной не представляется возможным. Слишком много здесь «белых пятен» и нестыковок. Во-первых, не выяснен этнос самой зарубинецкой культуры. Во-вторых, не совсем ясен этнос раннесредневековых культур (колочинской, пеньковской). Не вызывает сомнения славянство только пражской культуры, носители которой расселились в Припятском Полесье в V–VII вв.

Как известно, угасание классической зарубинецкой культуры приходится на 50–70-е гг. I в. н. э. Не исключено влияние какой-либо природной катастрофы, которая привела к значительной смертности среди населения и упадку культуры. Во всяком случае среди выделенных нами погребений Чаплинского могильника, достоверно относящихся к раннеримскому времени (86 погребений), судя по антропологическим данным, значительная часть принадлежала детям и подросткам. В этих условиях большая часть оставшегося населения была вынуждена искать более благоприятные земли для проживания и расселялась вверх по течению Днепра и его притокам. При этом, как и в классический период, они занимали милоградские городища как места, наиболее удобные для проживания. Вопрос о контакте носителей милоградской и зарубинецкой культур спорный. Милоградская культура датируется VII–III вв. (начало II в. до н. э.). О. Н. Мельниковская [208, с. 166] и С. Е. Рассадин [270, с. 38] финал культуры доводят до I в. н. э., т. е., по их мнению, «милоградцы» доживают до финала зарубинецкой культуры и формирования постзарубинецких древностей. В любом случае носители классической зарубинецкой культуры проникают на территорию Беларуси не позднее конца III в. до н. э., т. е. можно определенно говорить о контакте «зарубинцев» с «милоградцами» либо с их потомками. Эти непосредственные контакты подтверждает взаимодействие милоградской и зарубинецкой технико-технологических схем в керамическом производстве, что предполагает прямые контакты.

В Верхнем Поднепровье «классические» зарубинцы проживали примерно до устья р. Березины (Чаплин, Мохов, Горошков, Милоград) (рис. 1). Расселяясь вверх по течению Днепра, потомки «классических» зарубинцев вступали в непосредственный контакт не только с потомками милоградцев, но и попадали под влияние носителей культуры штрихованной керамики. Культура штрихованной керамики на территории белорусского ареала, по мнению исследователя А. Г. Митрофанова, датируется VI в. до н. э. – V в. н. э. [213, с. 42; 214, с. 102–103], латышские и литовские исследователи датируют памятники данной культуры концом II тыс. до н. э. – III в. н. э. [54, с. 91]. А. А. Егорейченко также относит финал культуры преимуще-

ственно к III в. [126, с. 56]. Следует отметить, что влияние культуры штрихованной керамики на потомков зарубинцев сильнее на правобережье Днепра, чем на левобережье, также наблюдается увеличение влияния с юга на север. Например, доля штрихованной керамики на городище Отрубы, расположенном примерно в 20 км от слияния Березины и Днепра, составляет 6 %, керамика со штриховкой на городище Красная Горка на Днепре, расположенном в 40 км на северо-восток от городища Отрубы, – 16–18 %, что характерно для более северных городищ средней Березины. Что касается левобережья Днепра (Посожье), то там потомки «классических» зарубинцев больше попадали под влияние носителей юхновской и днепро-двинской культур.

Еще в 80-е гг. XX в. А. М. Обломским в зарубинецкой культуре Белорусского Поднепровья был выделен культурный горизонт Горошков-Чаплин (II в. до н. э. – II в. н. э.) и группа Чечерск-Кистени (I в. н. э.) [219, с. 16]. А. М. Обломский, а вслед за ним А. И. Дробушевский полагают, что эти две группы памятников синхронны по времени [219, с. 19; 83, с. 66–74]. Фактически они синхронны по времени существования, а не по времени возникновения. Памятники Горошков-Чаплин, несомненно, старше, чем Кистени-Чечерск. Нельзя объединять в одну группу памятники типа Кистени (правобережье Днепра) и памятники типа Чечерск (Посожье) (рис. 1). Общим для этих памятников является присутствие зарубинецкого компонента, но они сформировались под влиянием различных местных культур и на значительном расстоянии друг от друга, что придало им свою специфику. Тем не менее эти группы памятников явились тем культурным пластом, на основе которого во второй половине I в. сформировались постзарубинецкие древности Белорусского Поднепровья.

В научной литературе памятники, возникшие после распада классической зарубинецкой культуры, фигурируют под двумя названиями – «позднезарубинецкие» и «постзарубинецкие» древности. Следует отметить, что ранее под позднезарубинецкими древностями (Л. Д. Поболь) понимались древности всей первой половины I тыс. н. э. В настоящее время к ним относят памятники первой четверти I тыс. н. э. На наш взгляд, правильнее их называть постзарубинецкие древности. Позднезарубинецкие памятники – это объекты, относящиеся к позднему этапу зарубинецкой культуры, т. е. являются ее прямым продолжением. На самом деле это не так. Как было отмечено выше, зарубинецкие племена, расселяясь вдоль Днепра и его крупных притоков, вступали в контакт с местным населением, воспринимали их культурные традиции и постепенно утрачивали собственные латенские традиции. В результате данного процесса «латенизированность» зарубинецкой культуры к рубежу н. э. заметно снизилась. Особенно четко этот процесс прослеживается в направлении с юга на север. К моменту формирования древностей середины I – II вв. зарубинецкая культура представляла уже

другое явление, чем в период ее формирования и расцвета, поэтому эти древности правильнее называть не позднезарубинецкими, а постзарубинецкими древностями. Для Могилевского и Гомельского Поднепровья их можно назвать древностями типа Дражня-Петровичи. Дражня – единственное известное селище первой четверти I тыс. н. э. в регионе, на котором производились раскопки. Петровичи – одно из милоградских городищ, где проживали потомки зарубинцев.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что постзарубинецкие древности лежат в основе сформировавшихся к концу II в. древностей культуры Абидня (III–V вв.) (рис. 1). Причем этот процесс, очевидно, примерно по одинаковому сценарию происходил как в Верхнем Поднепровье, так и Припятском Полесье с некоторыми уточнениями. Если на формирование постзарубинецких древностей на севере, в Верхнем Поднепровье, значительное влияние оказали местные лесные культуры, то для Припятского Полесья наиболее характерно влияние западноевропейских культур.

Упадок зарубинецкой культуры в Припятском Полесье, по К. В. Каспаровой, приходится на середину I в. н. э. (50–70-е гг.) [149, с. 139]. Долгое время исследователи в Полесье не могли выявить никаких памятников, относящихся к более позднему времени. Прохождение готов – носителей вельбарской культуры (II–III вв.) – лишь краем захватило территорию Белорусского Побужья (могильники Брест-Тришин, Петровичи) (рис. 1). В Туровско-Пинском Полесье известны лишь отдельные вельбарские захоронения. Таким образом, вряд ли готские племена могли существенно повлиять на этническую ситуацию в регионе.

В то же время сложно предположить, что с упадком зарубинецкой культуры Полесье полностью обезлюдело. Тезис об обезлюдении Полесья в первой половине I тыс. н. э. сформировался в связи со слабым уровнем изученности территории, особенно это относится к левобережью Припяти. В последние годы выявлены памятники первой четверти I тыс. н. э. (Курадово, Давид-Городок) (рис. 1), которые исследователи связывают с постзарубинецким горизонтом Полесья (типа Курадово-1) [35, с. 5–24; 37, с. 87–106; 47, с. 107–123; 48, с. 177–179]. В частности, римский горизонт поселения Курадово В. Г. Белявец датирует второй половиной I – III вв. (B2 – C2). Основанием для нижней хронологической границы периода римских влияний является, прежде всего, фибула Almgren-50 [35, с. 5–24, мал. 4: 1; 37, с. 87–106, мал. 3: 1], хотя фактически ее датировка не выходит за рамки B1, т. е. существования зарубинецкой культуры Полесья. Что касается бус, то только появление синих бус Т-30 и Т-2 относится к B1 – B2. Период наиболее интенсивного их бытования: бусы Т2 – B2/C1 – C2 (170–310 гг.), бусы Т-30 – C1b – C2 (220–310 гг.) [372, s. 94, tabelle 8], т. е. они не связаны с временем фибулы А-50. Что касается других бус [35, с. 5–24; мал. 4: 3–10; 37, с. 87–106, мал. 3: 3–10], то время

их распространения также III – начало IV в. Таким образом, достоверные материалы для обоснования нижней хронологической рамки поселения Курадово-1 периодом B2 и связи с другими материалами отсутствуют. В любом случае находка одной фибулы вне комплекса не позволяет однозначно утверждать, что в Турово-Пинском Полесье древности постзарубинецкого горизонта непосредственно смыкаются с хронологией памятников зарубинецкой культуры [39, с. 373]. Недостаток материалов не позволяет также увязать древности первой половины I тыс. н. э. с достоверно славянскими пражскими материалами.

Культура Абидня явилась подосновой формирования раннесредневековых колочинских древностей (V–VII вв.). Памятники колочинской культуры занимали территорию современного Могилевского и Гомельского Поднепровья (рис. 1). Славянство колочинской культуры устанавливают по общему происхождению с пеньковской культурой – антами византийских авторов (О. А. Макушников и др.), хотя культура Абидня – подоснова колочинских древностей – существенно отличается от древностей второй четверти I тыс. н. э. Подесенья, на основании которой сложилась пеньковская культура. Общее у них только одно – исходный зарубинецкий компонент, который уже на стадии собственно зарубинецкой культуры имел свои отличия. Если пеньковская культура сформировалась под значительным влиянием черняховской культуры, которую одни исследователи считают ираноязычной (В. В. Седов), а последние годы ее связывают с германским этносом, то на колочинскую культуру (как и на ее предшественницу – культуру Абидня) оказывали влияние местные культуры лесной зоны балтского круга. В VII в. колочинская культура исчезает. В начале VIII в. в Гомельском Поднепровье, как считает О. А. Макушников, расселяется славянское население, носители традиций культуры Луки-Райковецкой и Сахновка-Волынцево. В настоящее время известно о единичных памятниках этой культуры и отдельных находках. Генетическая преемственность колочинских и более поздних славянских древностей отсутствует [198, с. 45].

В V в. на территории Припятского Полесья распространяются памятники пражской культуры. Пражскую культуру связывают со славянским населением (склавинами, по византийским источникам). Она сформировалась на территории Южной Польши, Чехии, Словакии, возможно, Западной Украины.

В настоящее время в научной литературе сложилось мнение о более раннем времени формирования древностей пражской культуры в Припятском Полесье – IV в. Эти выводы основываются на материалах поселения Струга I (постройка 4) [55, s. 63–85]. Однако находки из постройки представлены только обломками керамической посуды, присутствие среди них обломка днища черняховской миски позволяет говорить о существовании

постройки в период III – середины IV в., но не дает возможности достоверно отнести постройку именно к IV в. Также предположительный характер начала пражской культуры в Полесье с IV в. может иметь источниковедческая база материалов поселения Остров [125, s. 61–82]. Судя по имеющимся находкам, на основании которых строится вся концепция ранней пражской культуры в Припятском Полесье, жилище 3 поселения Остров относится, скорее всего, к III в. и отношения к ранним пражским материалам не имеет [113, с. 163–168]. Последние исследования проводились на поселении Бережцы-4. Здесь были вскрыты остатки двух полуземлянок, которые перекрывали друг друга. В заполнении постройки найдены развалы горшков с расширением в верхней части, глиняные хлебцы, высокие биконические пряслица. На территории селища в качестве подъемного материала найдены бронзовые подвязная фибула без иглы, которую авторы раскопок датируют концом III – началом IV в., пальчатая фибула VI–VII вв., ажурная круглая брошь из этого же круга древностей [49, с. 514–561]. Судя по набору археологического материала из заполнения полуземлянки, постройка относится к пражской культуре. Однако отнесение постройки именно к IV в. является спорным.

В VII в. раннесредневековые археологические культуры покидают историческую арену. Одни из них трансформируются в другую генетически близкую культуру, как, например, пражская культура в культуру Луки-Райковецкой. Другие – колочинская и пеньковская – прекращают свое существование. Одна из причин их исчезновения – набеги степных племен, которые подчистую вырезали местное население (пеньковская культура). Другая причина – активное участие самих местных племен в Великом переселении народов, их походы на Византию и заселение Балкано-Дунайского региона. По-видимому, немаловажную роль в этом сыграли не только политические, но и природно-климатические факторы. Особенно пострадала в этом отношении Северная и Центральная Европа. Сильнейшее похолодание и, как следствие, неурожаи, голод и даже эпидемия чумы не могли не вызвать большие перемещения населения, политическую нестабильность, исчезновение одних и формирование других групп населения.

Влияние экологического кризиса в Западной Европе не могло не отразиться на культурно-экономической ситуации в Восточной Европе. Однако не совсем ясно, почему одни культуры (например, пражская культура), несмотря на различные обстоятельства, смогли сохраниться и впоследствии трансформироваться в генетически близкую культуру Луки-Райковецкой, а другие (колочинская культура) исчезли. Впрочем, часть потомков носителей колочинской культуры все же осталась в Верхнем Поднепровье, приняла участие в сложении древнерусской культуры и тем самым придала своеобразный этнический колорит восточному славянству этого региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На территории Могилевского и Гомельского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. происходили сложные исторические процессы. Распад зарубинецкой археологической культуры, принесшей на территорию Восточной Европы мощный импульс «латенского» влияния, оказал огромное влияние на формирование последующих культур. К началу I тыс. н. э. зарубинецкая культура практически полностью утратила «латенский» лоск, доля лощеной посуды значительно уменьшилась, вместо нее чаще стала использоваться так называемая подлощенная посуда. В целом, керамический комплекс в значительной степени характеризовался чертами «огрубления». Казалось бы, под нажимом местных культур провинциально-римская «классика» зарубинецкой культуры почти полностью растворилась в местной среде. Однако зарубинецкая составляющая еще долгое время существовала во всех сферах жизни местного населения.

Наиболее полно она присутствовала в составе постзарубинецких древностей первой четверти I тыс. н. э. Постзарубинецкие древности Белорусского Поднепровья типа Дражня-Петровичи (середина I – II вв. н. э.) (B1 – B2/C1 по Я. Тейралу) сложились на основе смешения потомков верхнеднепровской зарубинецкой культуры с местным балтским населением. Определенный отпечаток на облик материальной культуры постзарубинецкого поднепровского населения также наложило влияние западноевропейских культур, в частности, пшеворской культуры. К сожалению, несмотря на достаточно длительный период существования (почти 150 лет), постзарубинецкие древности так и не смогли оформиться в отдельную археологическую культуру. Эти древности в настоящее время рассматриваются как культурно-хронологический горизонт. По-видимому, причина кроется в недостаточной степени изученности постзарубинецких памятников. До сих пор в археологической литературе не вполне отработаны понятия «археологическая культура» и «культурный горизонт». Даже в некоторых последних публикациях понятия «культурная группа», «археологическая культура», «хронологическо-культурный горизонт» подаются как эквивалентные [186, с. 353]. В то же время это понятия, имеющие разный уровень объема информации. «Хронологическо-

культурный горизонт», или «культурная группа», находится на более низшей стадии группировки данных, чем «археологическая культура». С одной стороны, их объединяет совокупность материальных и духовных артефактов на одной территории, относящейся к одному периоду. С другой стороны, их отличает степень изученности, которая, как и в первом случае, не позволяет четко классифицировать их по категориям.

Материальная культура постзарубинецкого населения Белорусского Поднепровья практически не отличалась от материальной культуры зарубинцев на заключительном этапе существования культуры. Постзарубинецкое население Могилевского и Гомельского Поднепровья, как и предыдущие зарубинецкие племена, в отличие от постзарубинецкого населения более южных территорий, для проживания чаще всего использовало прежние милоградские городища (Отрубы, Петровичи, Красная Горка, Щатково), которые оно могло в ряде случаев дополнительно укреплять, либо в отдельных случаях проживало на селищах, расположенных на уровне террас вдали от городищ (Дражня). Для постзарубинецкого горизонта на всех памятниках характерен маломощный культурный слой. К сожалению, в Белорусском Поднепровье постройки этого периода неизвестны. Скорее всего, основным типом жилищ были прямоугольные углубленные постройки, отапливаемые очагами. Переносить элементы домостроения памятников типа Гриней на домостроительство Белорусского Поднепровья нет оснований, поскольку домостроительство населения памятников типа Гриней полностью соответствует домостроительству Среднего Поднепровья и Подесенья и не совсем характерно для Белорусского Поднепровья. Население памятников типа Гриней сооружало полуземлянки с центральным опорным столбом и земляным полом, отапливаемые очагом, под очага выложен черепками. Жилые полуземлянки с центральным опорным столбом и выкладка пода очага черепками сосудов – элементы, не вполне типичные для Белорусского Поднепровья.

В погребальной обрядности местное население также продолжало традиции классической зарубинецкой культуры. Остатки кремации, как правило, помещались в удлиненные ямы, ямы округлой формы составляли незначительное количество, с течением времени количество круглых ям численно возрастает. Кремированные кости помещались в яму как в очищенном, так и неочищенном состоянии. По-видимому, преобладали очищенные кости. Однако происходят изменения, связанные как с внутренней трансформацией погребальной обрядности, так и внешней, преимущественно под влиянием пшеворской культуры. На заключительном этапе существования Чаплинского могильника (ближе к концу I в.) из погребального инвентаря исчезают миски. В Чаплине известно 12 погребений без мисок с вещами, относящимися к I в. н. э. (подковообразные и позднелатенские фибулы, оружие, топоры-кельты). Именно эти погребения можно соотнести по времени с Юркович-

ским могильником (I – начало II в.). К концу I в. появляются смешанные погребения – в яме и урне. Погребения в урне, очевидно, – также пшеворское влияние. Для Юрковичского могильника характерно усиление новых черт, которые появились на заключительном этапе существования Чаплинского могильника, – отсутствие мисок, присутствие оружия в погребальном инвентаре, смешанные погребения. Появляется новый погребальный элемент – переворачивание урны вверх дном. Переворачивание урны вверх дном, в дальнейшем накрытие урны с прахом второй урной – также элементы пшеворской погребальной обрядности.

Материальная культура постзарубинецкого населения Белорусского Поднепровья представляет собой синтез переработанных традиций зарубинецкого населения и местного балтского населения. Несомненный отпечаток на облик материальной культуры постзарубинецкого поднепровского населения также наложило влияние западноевропейских культур. Хронологические индикаторы – подковообразные фибулы простых форм, позднелатенские фибулы и др.

Дальнейшая консолидация культурных традиций потомков зарубинецких племен в местный балтский субстрат привела к формированию на территории Могилевского и Гомельского Поднепровья в конце II – начале III в. культуры Абидня. Культура Абидня (конец II – середина V в.) (B2/C1 – D3 по Я. Тейралу) в какой-то степени является продолжением развития верхнеднепровских постзарубинецких традиций, но на более высоком уровне. В этот период население окончательно переходит на селища, расположенные на первой надпойменной террасе (Абидня, Тайманово, Симоновичи, Дедново). Причина полного перехода населения на селища, скорее всего, кроется в изменении климатических условий, а также в изменении хозяйственной деятельности, в частности, расширении доли пашенного земледелия. Основной планировочной единицей на поселениях являлась усадьба, рассчитанная на индивидуальную семью (Тайманово). Для домостроения характерны полуземляночные постройки срубной и столбовой конструкции, выполнявшие жилые и хозяйственные функции. Жилые полуземляночные постройки с центральным опорным столбом были редким явлением (Абидня, Гудок, Дедново). Основным типом жилой постройки становится срубная однокамерная полуземлянка подквадратной формы, которая отапливалась чаще всего печами-каменками, реже – открытыми очагами, в единичных случаях отмечено использование глинобитных печей (Абидня, Тайманово). Практически все печи-каменки выявлены в срубных постройках, они занимали угловое расположение. Для Тайманово характерны деревянные полы, что является очень редким явлением. Наземные постройки отмечены в единичных случаях в качестве дополнительных помещений. Для синхронных по времени киевских памятников Среднего Поднепровья и Подесенья харак-

терна другая домостроительная традиция – полуземлянки столбовой конструкции с земляными полами, отапливаемые открытыми очагами. Жилые полуземлянки с центральным опорным столбом – обычное явление [295, с. 36–37].

В погребальной обрядности население культуры Абидня продолжало традиции предшествующего постзарубинецкого населения. Захоронения осуществлялись в грунтовых могильниках по обряду кремации, преимущественно в круглых ямах. Кости чаще не очищены от остатков погребального костра, хотя не редкость и очищенные. Увеличивается количество смешанных захоронений, на позднем этапе появляются урновые погребения (Тайманово, Нижняя Тощица, Новый Быхов). В урновых погребениях кости чаще всего очищены. Продолжают встречаться элементы погребальной обрядности, возникновение которых относится к заключительному этапу существования постзарубинецкого горизонта, а также связанные с появлением смешанных захоронений (в урне и яме) – переворачивание урны вверх дном. На среднем и позднем этапах существования культуры Абидня появляются новые традиции – покрывать урну другим сосудом. Все эти элементы, очевидно, следует искать в пшеворской погребальной обрядности. В дальнейшем аналогичный обряд характерен и для раннеколочинских древностей третьей четверти I тыс. н. э. В то же время погребения с оружием (как характерный элемент пшеворской погребальной обрядности) уже давно не используются. Исчезновение одних пшеворских элементов, связанных с продвижением вооруженных отрядов, и распространение других, характерных для мирного населения, могут свидетельствовать о расселении пришлых пшеворцев в местной среде. Новым элементом также является существование особых ритуальных и символических захоронений (Дедново, Тайманово, Абидня). По своей структуре они отличаются от близких сакральных объектов на других территориях (Радость, Побужье) и, по-видимому, отражают другую погребальную традицию. Погребальный инвентарь небогатый, не редкость безынвентарные захоронения.

В своем развитии культура Абидня прошла три этапа. Ранний этап (конец II – начало III в.) (период B2b – C1a по Я. Тейралу) представлен преимущественно материалами из Абидни, Симоновичей, Дедново, частично Тайманово. На раннем этапе у населения культуры Абидня не существовало какой-либо определенной системы в домостроении. В Абидне сооружались преимущественно срубные, реже столбовые полуземлянки с земляными полами, отапливаемые очагами, расположенными в основном в северо-восточном или северо-западном углу. В целом, для Абидни храктерно угловое расположение очагов. Для Тайманово не характерны столбовые полуземлянки с угловым расположением очага. В то же время встречены две столбовые постройки с центральным расположением очага: одна – в ранний, вторая – в поздний периоды. Причем из этих построек происходят фибулы западных

образцов, что может свидетельствовать о пришлых элементах в домостроительстве. В Тайманово уже на раннем этапе известны срубные полуземлянки с печами-каменками и деревянными полами. Продолжая традиции постзарубинецкого населения в погребальной обрядности, у населения культуры Абидня происходят определенные изменения уже на раннем этапе (преобладание круглых ям, неочищенные кости, в погребальном инвентаре ямных захоронений только разбитые горшки, отсутствие оружия). Для раннего этапа характерен архаический облик керамического комплекса. Наиболее характерны округлобокие горшки с наибольшим расширением в верхней части и отогнутым наружу венчиком (тип I), которые имеют прямые аналогии в зарубинецком и постзарубинецком гончарстве. Ребристые и баночные формы присутствуют в меньшем количестве. На всех памятниках существует посуда, покрытая штриховкой и расчесами (1,5 %). В небольшом количестве присутствует лощеная и подлощенная посуда. Хронологическими индикаторами являются западноевропейские вещи из римских провинций – монета правления Марка Аврелия, обломок краснолаковой чаши с пояском из овов и др. Из Абидни происходит самая крупная коллекция стеклянных золоченых бус ранних типов.

На среднем этапе – III – начало IV в. (C1a – C2 по Я. Тейралу) существовали все известные памятники культуры Абидня. Это время расцвета культуры. С этим периодом связана основная часть построек, к нему относится большая часть захоронений на могильниках. В домостроении население продолжало использовать прежние традиции. В этот период формируются усадебные и хозяйственные комплексы. В Абидне чаще всего сооружались срубные полуземлянки с открытыми очагами. В Тайманово практически все срубные полуземлянки были с печами-каменками. В целом, срубы преобладали. Все полуземлянки с центральным опорным столбом в Тайманово были хозяйственными. В погребальной обрядности наряду с преобладанием ямных захоронений распространяются смешанные захоронения (в яме и урне). Появляются символические захоронения. Погребальный инвентарь беден, преобладают безынвентарные захоронения. Количество лощеной посуды продолжает уменьшаться. Ведущим типом в керамическом комплексе остаются горшки с наибольшим расширением в верхней трети (тип I). В середине III в. (C1) получают распространение биконические сосуды (тип II), среди биконической посуды лощеными были только горшки первого варианта II типа, остальные варианты этого типа только нелощеные. К концу III – началу IV в. (C2/C3) появляются сосуды удлиненных пропорций с максимальным расширением посередине высоты (тип III). Все они нелощеные, неорнаментированные. Эти сосуды не встречаются на ранних памятниках (Симоновичи, Абидня, Дедново). Самые поздние варианты имеют аналогии в колочинском керамическом комплексе. III в. (C1 – C2) датируется

основная часть находок (орудия труда, предметы быта, украшения). С этим периодом связаны все находки круга выемчатых эмалей (лунницы, фибулы, подвески). На памятниках культуры Абидня собрана крупнейшая в Восточной Европе коллекция стеклянных бус, в том числе красных плоских бус (тип 90 по М. Темпельманн-Мачинской). Основной путь поступления стеклянных бус в III в. в Белорусское Поднепровье – западный. Не исключено, что большая часть красных плоских бус могла использоваться в качестве сырья для выплавки красных эмалей, хотя прямых доказательств этому нет. Также могло существовать и местное производство стеклянных бус по импортным образцам. Хронологическими индикаторами периода являются фракийская монета Геты, ручка от бронзового сундука, фибулы Almgren 161–162 и др.

Поздний этап приходится на IV – середину V в. (C2 – D3 по Я. Тейралу). В этот период в начале IV в. (C2) прекращают свое существование ранние памятники культуры Абидня (Абидня, Дедново). Симоновичи прекратили свое существование еще раньше – в конце III в. (C1b/C2). Продолжали функционировать только поселение и могильник Тайманово, могильники Нижняя Тощица и Новый Быхов. IV в. (C2 – D1) – время расцвета жизни на поселении Тайманово. К этому периоду относится значительная часть усадебных и хозяйственных комплексов. Практически все постройки, сооруженные в этот период, срубные. В погребальной обрядности наряду с ямными и смешанными погребениями в небольшом количестве появляются урновые захоронения (Тайманово, Новый Быхов, Нижняя Тощица). Кости в урновых захоронениях, как правило, очищенные. Погребальный инвентарь встречается редко. Основным типом в керамическом комплексе становятся горшки с максимальным расширением в средней части (тип III) (40,3 %). Горшки I типа в небольшом количестве встречаются до начала IV в., затем исчезают. Горшки II типа (биконические) встречаются до начала V в., но они никогда не занимали ведущих позиций. К IV в. (C2) из обихода исчезают вещи с эмалями. В позднеримский период из Западной Европы поступают в основном бытовые вещи (бритвы, пинцеты). В то же время активизировался южный поднепровский путь. Из Северного Причерноморья вверх по Днепру поступало вино в светлоглиняных амфорах (Тайманово). Черняховцы поставляли земледельческие орудия труда (наральники, серпы), через них также проникали традиции изготовления глиняных пирамидальных грузил и каменных жерновов (тип IIA по Р. С. Минасяну). Таким образом, через черняховские племена в лесную зону Верхнего Поднепровья проникали прогрессивные технологии и новые, более совершенные орудия труда. Хронологическими индикаторами периода являются фибулы с ромбической и удлиненно-треугольной ножкой (тип 207 по М. Шульц), пинцеты, шпоры с отогнутыми крючками и др.

После середины V в. (D3) жизнь на поселении Тайманово угасает. К периоду после V в., возможно, относятся только две срубные жилые полуземлянки с печами-каменками (№ 44, 26), причем более поздняя постройка № 26 – двухкамерная. Посуда из построек относится к III типу поздних вариантов и соотносится с колочинской посудой. Захоронения на таймановском могильнике после середины V в. не производились. Продолжал функционировать какое-то время только могильник Новый Быхов. Керамические урны этого периода из могильника Новый Быхов также находят аналогии в колочинской керамике.

Таким образом, ведущим типом поселения во второй четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье являлись открытые селища, расположенные на первой надпойменной террасе. Широко были представлены полуземляночные постройки преимущественно срубной, реже столбовой конструкции, выполнявшие жилые и хозяйственные функции. В течение этого времени наблюдается тенденция уменьшения столбовых полуземлянок и увеличения срубных. Для срубных полуземлянок были характерны печи-каменки. Захоронения осуществлялись в грунтовых могильниках по обряду кремации в ямах. На среднем и позднем этапах встречаются смешанные погребения (Тайманово, Нижняя Тощица). Урновые захоронения появляются на позднем этапе и составляют небольшой процент (Тайманово, Нижняя Тощица, Новый Быхов). Имеются особые ритуальные и символические захоронения (Абидня, Дедново, Тайманово). Наблюдается близость в керамическом комплексе и других предметах материальной культуры. Ранние типы сосудов находят аналогии в предшествующих постзарубинецких древностях, поздние типы – в керамическом комплексе колочинской культуры. Все это свидетельствует о том, что в начале III в. на основе постзарубинецких древностей в Белорусском Поднепровье сформировалась единая культурная общность – культура Абидня, которая в свою очередь явилась подосновой колочинской культуры верхнеднепровского варианта третьей четверти I тыс. н. э.

Вопрос об этнической принадлежности населения Белорусского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. остается открытым. Решение вопроса упирается в неопределенность этноса носителей зарубинецкой культуры. Несмотря на то что зарубинецкая культура изучается с конца 90-х гг. XIX в., вопрос этнической принадлежности зарубинецких племен так и не выяснен. Ясно только одно: она сформировалась под сильным влиянием латенских традиций.

Ю. В. Кухаренко разделил зарубинецкую культуру на три варианта по территориальному признаку: среднеднепровский, полесский и верхнеднепровский варианты [171, с. 43–47]. В отличие от других вариантов средне-

днепровский и полесский варианты представлены рядом исследованных памятников. К верхнеднепровскому варианту классической зарубинецкой культуры относятся прежде всего городище и могильник Чаплин, расположенные на крайнем юге рассматриваемого региона. Такое территориальное расположение памятника не позволяет в полной мере соотносить выводы материалов Чаплина на весь регион. Классические зарубинецкие материалы выявлены севернее Чаплина на отдельных днепровских городищах (Горошков, Милоград, Мохов), но не севернее впадения Березины в Днепр. Материалы, напоминающие зарубинецкие, которые выявлены севернее устья Березины, относятся к более позднему населению – потомкам «классических» верхнеднепровских зарубинцев, которые расселялись вверх по Днепру и его крупным притокам уже после рубежа н. э. Собственно сам классический верхнеднепровский зарубинецкий вариант сформировался под значительным влиянием местных балтских культур (милоградской, юхновской) и уже на стадии существования классической формы отличался от соседних вариантов своим «балтизмом». В дальнейшем потомки классических верхнеднепровских зарубинцев, расселяясь вверх по Днепру и его крупным притокам, вступали в контакт с местным балтским населением (культура штрихованной керамики, юхновская, возможно, днепро-двинская культуры), тем самым усиливая балтский компонент. Однако мощная «зарубинецкая» составляющая не позволила потомкам верхнеднепровской классики раствориться в местной балтской этнокультурной среде.

В начале 80-х гг. XX в. А. М. Обломский выделил в верхнеднепровском варианте зарубинецкой культуры две территориальные группы: Горошков-Чаплин и Чечерск-Кистени. Он датирует группу Горошков-Чаплин II в. до н. э. – началом II в. н. э., группу Чечерск-Кистени – I в. н. э. [219, с. 16, 19]. А. М. Обломский, а также А. И. Дробушевский полагают, что обе эти группы синхронны по времени [219, с. 16; 83, с. 66–74]. Во-первых, они частично синхронны по времени существования, но не по времени возникновения. Группа Горошков-Чаплин (аналог классической верхнеднепровской зарубинецкой культуры) возникла значительно раньше группы Чечерск-Кистени, самые поздние погребения на Чаплинском могильнике не старше конца I в. Во-вторых, эти группы представлены разным населением. Памятники группы Чечерск-Кистени создали уже потомки классических верхнеднепровских зарубинцев, вступившие в контакт с населением более северных территорий (культура штрихованной керамики, возможно, днепро-двинская культура). Общей группы памятников Чечерск-Кистени как таковой не существовало. Если согласиться с такой группировкой памятников, то отдельно существовала группа памятников типа Кистени и группа памятников типа Чечерск. Эти группы представляют, по-видимому, разное в культурном отношении население.

М. Б. Щукин полагал, что группа памятников типа Чечерск-Кистени – это приграничное явление между классической зарубинецкой культурой и культурой штрихованной керамики [319, с. 138]. Если быть более точными, то памятники типа Кистени создали потомки классических верхнеднепровских зарубинцев, вступившие в контакт с населением культуры штрихованной керамики, а также, возможно, днепро-двинской и потомков юхновской культур. Памятники типа Чечерск – это культурный синтез традиций потомков тех же классических верхнеднепровских зарубинцев и населения днепро-двинской и потомков юхновской культур. Влияние традиций носителей культуры штрихованной керамики в данном случае значительно меньше, чем на памятниках типа Кистени. Обе эти группы памятников явились тем постзарубинецким горизонтом, на основе которого в конце II – начале III в. образовалась культура Абидня. Культурно-территориальные особенности, которые сложились под влиянием различных в культурном и этническом отношении компонентов в период формирования постзарубинецких древностей первой четверти I тыс. н. э., сохранились и во второй четверти I тыс. н. э. (домостроение, материальная культура).

Культура Абидня явилась в свою очередь основой для сложения в Могилевском и Гомельском Поднепровье колочинских древностей V – конца VII в. [197, с. 12–21]. К сожалению, связь колочинских древностей и достоверно славянских древностей четвертой четверти I тыс. н. э. не установлена [198, с. 32]. Тем не менее, несмотря на данный факт, а также то обстоятельство, что в сложении культуры Абидня принимали участие носители местных балтских культур, не исключено также финно-угорское влияние, культуру Абидня нельзя однозначно отнести к кругу балтских культур. Причиной этому является влияние мощной зарубинецкой составляющей. Именно благодаря зарубинецкому компоненту культура Абидня выглядела более развитой на фоне соседних архаичных балтских культур лесной зоны, причем это проявлялось во всех сферах жизни.

Зарубинецкая культура оказала влияние не только на формирование древностей типа Абидни второй четверти I тыс. н. э., но и на все сферы жизни местных балтских культур. Именно благодаря зарубинецкому и постзарубинецкому влиянию в местном домостроении наряду с наземными постройками получили распространение полуземляночные постройки срубной конструкции, южным элементом в местном домостроении является полуземлянка с центральным опорным столбом. Относительно срубных полуземлянок с печью-каменкой в углу, которые впервые зафиксированы в Белорусском Поднепровье на памятниках культуры Абидня (Тайманово), можно отметить, что их истоки, вероятно, следует искать в пшеворских древностях, где встречаются квадратные в плане полуземлянки с очагами, сложенными из камней в одном из углов [283, с. 167]. Поскольку пшеворскую культуру

считают разноэтничной, то прямоугольные полуземлянки с каменными очагами связывают, возможно, с раннеславянским компонентом [281, с. 195–199].

Появление печей-каменок можно рассматривать как дальнейшее развитие каменных очагов в условиях континентального климата. Срубная полуземлянка с печью-каменкой – наиболее оптимальный вариант жилища для достаточно суровых зимних условий Верхнего Поднепровья. Именно этот факт является одним из важных обстоятельств широкого распространения данного типа жилища в последующие периоды. Позднее печи-каменки в углу типичны для славянского домостроительства пражской культуры. Уникальным для Тайманово является использование деревянных полов, в то время как повсеместно были распространены земляные полы, в крайнем случае, подмазанные глиной. Деревянные полы фиксируются позже также на памятниках пражской культуры [282, с. 14]. Зарубинецкое население привнесло новые технологии и новые орудия труда. Благодаря расселению зарубинецких племен и их потомков вглубь Белорусского Поднепровья у местных балтских племен около рубежа н. э. входят в повседневную жизнь новые железные орудия труда, в том числе земледельческие (наральники и др.) [205, с. 79], что свидетельствует о появлении пашенного земледелия наряду с подсечным земледелием. Уровень металлургии и металлообработки у населения Белорусского Поднепровья благодаря южному влиянию был значительно выше, чем у населения более северных территорий, и аналогичен такому уровню у населения Среднего Поднепровья [71, с. 98]. Зарубинецкое население привнесло новые технологии и в керамическое производство (использование шамота и рецептов на его основе, распространение сложных многокомпонентных рецептов). Это характерно и для южной части ареала культуры штрихованной керамики, памятники которой существовали до середины V в. (D3), а затем сменяются поселениями банцеровской культуры [205, с. 79].

Таким образом, в Могилевском и Гомельском Поднепровье в первой половине I тыс. н. э. происходили сложные культурные процессы, связанные с различным в этническом отношении населением. Ведущим элементом в этих процессах являлось зарубинецкое население и их потомки, которые вносили коренные изменения в «тихую заводь» местного балтского субстрата. Сам верхнеднепровский зарубинецкий вариант сформировался под сильным балтским влиянием, но не утратил собственную «латенскую» составляющую, причем эта «латенская» составляющая сохранилась даже после прекращения существования классической зарубинецкой культуры и формирования постзарубинецкого горизонта (типа Дражня-Петровичи) и позже культуры Абидня.

Сформировавшись в местной балтской среде, вряд ли культура Абидня (верхнеднепровский аналог киевской культуры) имела прямое отношение к славянскому этногенезу, в то же время ее носителей нельзя полностью

относить к балтскому населению. Причина этой неопределенности кроется в невыясненном этническом происхождении зарубинецкой культуры, которую в последнее время в связи со сложностью и многогранностью тех этнических процессов, в которых она задействована, считают полиэтничной.

На основе культуры Абидня в третьей четверти I тыс. н. э. сформировался верхнеднепровский вариант раннесредневековой колочинской культуры, который в свою очередь не имеет прямого выхода на восточнославянские древности Белорусского Поднепровья, в том числе в связи с хронологическим разрывом с последними. Однако, несомненно, что потомки носителей колочинской культуры участвовали в сложении восточнославянской культуры на территории Могилевского и Гомельского Поднепровья и придали местную окраску как материальной, так и духовной культуре восточных славян на данной территории.

СПИСОК ПОСТЗАРУБИНЕЦКИХ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУРЫ АБИДНЯ МОГИЛЕВСКОГО И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

1. **Адаменка**, д., (урочище Абидня), Быховский р-н, Могилевская обл. Селища, грунтовый и курганный могильники.

Селище-1 находится в 0,5 км на восток от деревни, на левом берегу р. Адаменка, в урочище Абидня, располагается на трех песчаных возвышениях. Размеры 270–330×550–580 м. Л. Д. Поболь в 1960, 1962, 1964–1967 гг. исследовал 16404 кв. м. Мощность культурного слоя 0,2–0,4 м, в ямах до 1,1 м. Выявлено 28 жилых и хозяйственных полуземляночных построек столбовой и срубной конструкции, встречается каркасно-плетневая конструкция стен, две постройки (постройка № 3 и № 23) – наземные. Полуземлянки прямоугольной формы в основном площадью 6–16 кв. м, встречаются постройки хозяйственного назначения площадью 3,36 кв. м, углублены в материк на 0,2–0,9 м. Жилые полуземлянки отапливались очагами, в одной постройке зафиксированы остатки глинобитной печи, еще одна постройка, возможно, отапливалась печью-каменкой. Находки представлены лепной керамической посудой, преимущественно гладкостенной (80,8 %), встречается керамика с расчесами (11,5 %), лощеная (2,7 %). Это процентный расклад по Л. Д. Поболю и А. В. Ильютик.

Ассортимент посуды: корчаги, горшки, миски, миниатюрные сосуды, стопки, диски. Из глины также изготавливалась техническая керамика (тигли, льячки, формы для отливки украшений), бытовые изделия (пряслица, грузики), украшения (бусы). Изделия из черного металла представлены различными орудиями труда (серпы, ножи, обломки топоров, шилья, острия), оружием (наконечники стрел, втулка копья), предметами быта (кресала, ножницы, иголки, шилья), украшениями и деталями костюма (пряжки, булавки, фибулы, кольца). Украшения и детали костюма представлены также находками из цветных металлов (подвески-лунницы и другие формы подвесок, фибулы, булавки, браслеты, пуговицы, височные кольца, цепочки, накладки, пуговицы). Найдены стеклянные и янтарные бусы. Римский импорт представлен монетой Геты 209–212 гг., обломками краснолаковой керамики, бронзовой ручкой от сундука. Поселение датируется концом II/III – началом IV в.

Селище-2 находится на правом берегу р. Днепр, между урочищами Абидня и Радышева Гора, 0,5–0,8 км на юг от селища-1. Длина поселения около 0,5 км. Обследовал в 1965 г. Л. Д. Поболь. Собраны лепная керамика и кальцинированные кости.

Селище-3 располагается в 0,5–0,7 км на юг от селища-2. Его размеры 200×300×50 м. Обследовал Л. Д. Поболь в 1965 г. Также собраны лепная керамика I тыс. н. э. и кальцинированные косточки.

Грунтовый могильник располагается на территории селища-1. Исследовал в 1960, 1962 гг. Л. Д. Поболь. Изучено 11 погребений. Погребальный обряд – кремация. Выявлены круглые и удлиненные погребальные ямы. Кости находились в яме вместе с остатками погребального костра. Погребальный инвентарь бедный, встречаются безынвентарные погребения. Погребальный обряд представлен единичными лепными горшками в раздавленном виде, обломками сосудов, обломком пряслица, бронзовой подвеской, железной булавкой, стеклянной бусиной. В трех погребениях найдены частично обожженные кости животных. Могильник функционировал с конца II до начала IV в.

Курганный могильник находится на правом берегу р. Адаменка, в лесу. Насчитывает 10 насыпей. В 1964 г. Л. Д. Поболь исследовал один курган. Найдены обломки лепной посуды, обожженная глина, камни, пепел [243, с. 168–183; 254, с. 102–153; 255, с. 54–74; 256, с. 124–142; 258, с. 71–95; 137, с. 106–111; 138, с. 18–36; 139, с. 244–251; 104, с. 86–92; 140, с. 198–247; 141, 247–284; 142, с. 200–248, 143, с. 249–286].

2. **Барсуки**, д., Славгородский р-н., Могилевская обл. Селище.

Селище находится в 1 км к западу от деревни, на краю террасы правого коренного берега р. Сож, в ур. Лобовка, размеры 150×20, разрушается обрывом берега. Мощность культурного слоя 0,2–0,6 м. Обследовали А. Н. Лявданский и А. Д. Коваленя в 1936 г., в 1957 г. О. Н. Мельниковская, в 1963 г. Л. Д. Поболь. Выявлены обломки лепной посуды культуры Абидня, в том числе с расчесами, лощеных столовых сосудов, обломок глиняного пряслица [206, с. 54–56; 253, с. 415–416].

3. **Гомель**, г. Селище.

Селище-1 расположено в 1,0–1,5 км к северо-западу от церкви, на террасе правого берега р. Сож, ур. Волотово, распахано. Собрана керамика культуры Абидня, в том числе с расчесами, две глиняные поделки в виде пряслиц без отверстия [4, с. 29–30].

Селище-2 располагалось на надпойменной площадке западного берега оз. Любенского. Выявлены лепная керамика I тыс. н. э. и гончарная керамика X–XII вв. Снивелировано набережной в 1970–1980 гг. [197, с. 194].

4. **Гудок**, быв. д., Чечерский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище находится северо-западнее бывшей деревни, на надпойменной террасе левого берега р. Покоть, в ур. Береговой Борок (пасека), на месте стоянки каменного века. Размеры 330×15 – 60 м. Выявили в 1982 г. О. А. Макушников и В. А. Литвинов. Исследовал в 1984 г. О. А. Макушников (84 кв. м). Мощность слоя 0,2–0,4 м. Выявлены остатки прямоугольной в плане полу-

землянки, 3,4×3,9 м, с центральным опорным столбом и печью-каменкой размером 1,0×0,9 м возле южной стены ближе к углу. Полуземлянка углублена в материк на 0,65 м. Сохранились обгорелые бревна на два венца диаметром 0,2 м. Вдоль западной стенки врезана хозяйственная яма, вход возле северо-восточного угла. В заполнении постройки найдены обломки лепной посуды, в том числе развалы лощеной миски, горшка с насечкой по краю венчика, миниатюрных сосудов, глиняное пряслице. Постройка датируется II–III вв. Также выявлены гончарная посуда, железный нож, глиняное пряслице, XIII–XV вв. [199, с. 278].

5. **Дедново**, пригород Бобруйска, Могилевская обл. Селище, грунтовый могильник.

Селище и грунтовый могильник находятся на северо-западной окраине Бобруйска, на первой надпойменной террасе левого берега р. Бобруйки, приток Березины. Размеры 100×300 м. Выявил в 1978 г. П. Ф. Лысенко, в 1987 г. обследовала Н. Н. Дубицкая. В 1996–1999 гг. раскопки проводила А. В. Ильютик (760 кв. м). Мощность культурного слоя 0,2×1,6 м. Получены материалы двух хронологических периодов: второй четверти I тыс. н. э. (культура Абидня) и древнерусского периода. К первому периоду относятся остатки полуземлянки, 3,1×3 м, с центральным опорным столбом и открытым очагом в северо-восточном углу, глубина пола от уровня материка 0,4 м. Выявлены также 74 хозяйственные ямы, 2 открытых очага, 19 грунтовых погребений с кремацией. Погребальные памятники представляют собой сооружения из камней. В 15 объектах обнаружены кальцинированные косточки. Первоначально А. В. Ильютик относила их к погребениям, в последнее время связывает их с поминальниками. Аналогичные поминальные объекты выявлены в Абидне и Тайманово. Поминальники по форме ямы делятся на круглые (13 экз.), овальные (5 экз.) и прямоугольные (1 экз.) На поселении найдены лепная керамика этого периода, в том числе лощеная, с расчесами и штриховкой, железная фибула III в., медная монета Марка Аврелия (161–180 гг.), двухшипный наконечник стрелы, серпы, коса, ножи, острия, обломок железной бритвы, глиняные пряслица. Археологический комплекс эпохи железного века датируется концом II – началом IV в.

Материалы X–XIII вв., скорее всего, связаны с разрушенными древнерусскими курганами, представлены обломками гончарной керамики, сланцевыми пряслицами, стеклянными, янтарными, фаянсовыми бусинами, бронзовыми и железными изделиями (рыболовный крючок, браслет, перстни и др.) [134, с. 26–42; 135, с. 49–70; 104, с. 86–92; 141, с. 274–275; 143, с. 276–277].

6. **Демьянки**, д., Добрушский р-н, Гомельская обл. Курганный могильник, разрушенные грунтовые погребения.

Грунтовый могильник расположен в 2 км на восток от деревни, на первой надпойменной террасе оз. Речица, правый берег р. Ипуть, в ур. Бере-

зани (Березовая Гряда, Низень). Выявили и обследовали в конце XIX в. М. М. Филонов и Е. Р. Романов. В 1962–1963 гг. Г. Ф. Соловьева исследовала 3 грунтовых погребения, которые находились под поздними курганами. Погребальный обряд – кремация на стороне, остатки кремации ссыпались в ямку или урну. Найдены оплавленные бронзовые слитки, обломки крестовидной подвески, вещи с эмалью, железная пряжка, трехлопастный наконечник стрелы, целые лепные сосуды и их обломки. Относится к культуре Абидня и Колочин [289, с. 187–198; 197, с. 197–198].

7. **Дражня**, д., Светлогорский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище расположено в 1,5 км на запад от деревни, в урочище Липовый Бугор, на левом берегу безымянной речки, правый берег р. Березины. Площадь около 1 га. Выявил в 1981 г. Н. В. Бычков. В 1983 г. Н. Н. Дубицкая изучила 244 кв. м. Мощность культурного слоя до 0,6 м. Самые ранние находки относятся к эпохе бронзы (посуда, кремневые изделия). Более чем 90 % находок составляют обломки нелощеных керамических сосудов первых веков н. э., третья часть которых покрыта штриховкой. Найдены фрагменты лощеных горшков и ребристой миски [116, с. 64–70; 118, с. 3–10; 109, с. 139–140].

8. **Жолвинец**, дер., Глусский р-н, Могилевская обл. Селище.

Селище находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Птичь, высота над поймой 1,5–2,5 м, в 1 км на запад от деревни, по обе стороны моста, 500–700×200 м. Выявлено А. Рынейским в 1930 г., в 1964 г. обследовано Л. Д. Поболем. В 1987, 1990 гг. Н. Н. Дубицкой в западной части селища заложено два шурфа размером по 2 кв. м, культурный слой 0,4 м. Найдены керамика второй – третьей четверти I тыс. н. э., в том числе с расчесами, древнерусская гончарная керамика, шлак, крицы, железный нож. В 2002 г. заложен шурф 8 кв. м в восточной части селища, на краю террасы, в 30–40 м от дороги, выявлена гончарная и лепная керамика, в том числе со штриховкой. В настоящее время значительная часть селища разрушена при строительстве новой дороги и моста через р. Птичь [253, с. 399].

9. **Кленки**, дер., Гомельский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище находится на западной окраине деревни, на первой надпойменной террасе левого берега р. Сож, размеры 100×40 м, собрана керамика культуры Абидня, в том числе полный профиль горшка [4, с. 42–44; 5, с. 15–16].

10. **Красная Горка**, д., Жлобинский р-н, Гомельская обл.

Городище находится в лесу, 1,0 км на северо-запад от деревни, в урочище Круча или Городок, правый коренной берег Днепра. Размеры площадки 66×29 м, с напольной стороны укреплено валом и рвом. Мощность культурного слоя до 0,6 м. Городище известно с 1935 г. Раскопки производила Н. Н. Дубицкая. Всего на городище изучено 60 кв. м.

Городище было сооружено населением милоградской культуры в VI–IV вв. до н. э. на месте стоянки эпохи бронзы. Основной материал на горо-

дище относится к милоградской культуре. Также присутствует небольшой горизонт, относящийся к первой половине I тыс. н. э. Он представлен обломками лепных горшков, некоторые из них декорированы насечками и вдавлениями по краю венчика. Выявлена подлощенная керамика [96, с. 50–57; 100, с. 162–168; 119, с. 4–9; 107, с. 285–287; 109, с. 137–145].

11. **Нижняя Тощица**, д., Быховский р-н, Могилевская обл. Селище, грунтовый могильник.

Селище находится в 2 км на юг от деревни, в урочище Подлужье, на левом берегу р. Тощанки при впадении ее в р. Днепр. Выявил и исследовал в 1962 г. Л. Д. Поболь на площади 108 кв. м. Мощность культурного слоя 0,3–0,4 м. Найдены обломки лепной посуды второй четверти – середины I тыс. н. э., также гончарной посуды периода Древней Руси. Также найдены серебряный перстень, биконическое пряслице, железный нож.

Грунтовый могильник расположен в 2 км на юг от деревни, в урочище Подлужье, слева от устья р. Тощанки. Выявил в 1962 г. Л. Д. Поболь. Находки кальцинированных косточек прослеживаются на площади около 2 га. В 1962–1963 гг. Л. Д. Поболь провел раскопки могильника на площади 2040 кв. м. Выявлено 12 грунтовых погребений с трупосожжением, из них 4 – ямные, 4 – урновые, 4 – смешанные погребения. Форма погребальных ям круглая (9) или овальная (3). В трех ямных погребениях кости были перемешаны с пеплом и углями, только в одном ямном погребении они были очищены. В смешанных погребениях в урнах кости всегда очищены от остатков погребального костра, возле урны они перемешаны. Только в одном смешанном погребении кости очищены и в урне, и в яме. В этом погребении урна была накрыта другим сосудом, в остальных случаях этого не наблюдалось. В трех урновых погребениях кости были очищены, только в одном погребении они не были очищены, в этом случае урна была перевернута вверх дном. Погребения бедные. Только в одном урновом погребении найдено глиняное пряслице, в двух смешанных и одном ямном погребениях – единичные обломки сосудов.

На территории могильника была раскопана полуземлянка, возможно, срубной конструкции с остатками печи-каменки в северной части постройки, 3,2×2,8 м. Выявлены две большие хозяйственные ямы. Не исключено, что они имели отношение к погребальному обряду. Поселение и могильник относятся ко второй четверти – середине I тыс. н. э. и имеют прямые аналогии с поселениями и могильниками Абидни и Тайманово [250, с. 159–180; 253, с. 393–394; 238, с. 132–133; 141, с. 247–284; 143, с. 249–286].

12. **Новый Быхов**, д., Быховский р-н, Могилевская обл. Грунтовый могильник.

Грунтовый могильник находится в 1 км севернее деревни, ур. Радышева Гора, правый коренной берег р. Днепр. Размеры 400×200 м. Выявил и иссле-

довал 6 погребений в 1904 г. Е. Р. Романов, в 1927 г. И. А. Сербов и С. С. Шутов (1900 кв. м, 72 погребения), в 1952 г. Ю. В. Кухаренко (240 кв. м, 8 погребений), в 1960, 1965–1967 гг. Л. Д. Поболь (3550 кв. м, 33 погребения). Погребальный обряд – кремация. Остатки кремации ссыпались в круглые или овальные ямы, иногда в урны. Погребение № 35, по данным радиоуглеродного анализа, датируется концом III – IV вв. и может быть отнесено к культуре Абидня (1620±60 лет), анализ выполнен в 1967 г. Погребение совершено в круглой ямке, на дне – скопление углей и золы, сверху – кальцинированные кости. А. В. Ильютик датирует могильник III–V вв. на основании данной радиоуглеродной даты и датировки посуды. По ее мнению, увязать свинцовую византийскую пломбу, найденную Е. Р. Романовым в 1904 г. в урочище Радышева Гора, с выявленными погребениями достоверно нельзя [251, с. 171; 253, с. 394–396; 141, с. 247–284; 143, с. 249–286].

13. **Новый Млын**, д., Кормянский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище расположено в 1,5 км к востоку от деревни, на первой надпойменной террасе р. Сож, с востока ограничено старицей, размеры 100–120×30–40 м. Мощность культурного слоя 0,1–0,25 м. Занято лесом. Встречена керамика культуры Абидня, в том числе с расчесами [5, с. 18–19].

14. **Носовичи**, дер., Добрушский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище находится в 2 км на запад от деревни, на террасе правого берега р. Уть. Размеры около 100–125×40–50 м. Выявил в 1981 г. и обследовал в 1982 г. (244 кв. м) О. А. Макушников. Выявлены остатки углубленных построек V–IX вв. Собраны материалы бронзового века, культуры Абидня, колочинской, роменской культур и древнерусского времени (керамика, глиняные пряслица, стеклянные бусины, железный наконечник стрелы, шлак и др.) [195, с. 227–237; 197, с. 227–237; 200, с. 126–127].

15. **Однополье**, д., Ветковский р-н, Гомельская обл. Селище, грунтовый могильник.

Селище расположено в 0,8–1,0 км юго-восточнее деревни, на краю останца, в пойме правого берега р. Сож, в ур. Попово. Размеры 80–100×40–50 м. Выявлена лепная керамика культуры Абидня, в том числе обломок столового сосуда.

В 1975 г. Е. Г. Калечиц в ур. Старое Однополье, на останце террасы правого берега р. Сож выявила лепную керамику второй четверти, в том числе с расчесами, и керамику третьей четверти I тыс. н. э. В 1984 г. *селище и грунтовый могильник* (выявлены остатки кремаций) в 1,5 км на северо-восток от деревни, в ур. Старое Однополье обследовал А. И. Дробушевский. Размеры 300×50–200 м. Собрана керамика культуры Абидня. В 80-х гг. XX в. большая часть памятника снесена карьерами [4, с. 5–9; 197, с. 190; 253, с. 235–236].

16. **Отрубы**, д., Жлобинский р-н, Гомельская обл. Городище.

Городище находится в 0,5 км на северо-запад от деревни, в урочище Городок, на левом коренном берегу р. Березины. Открыто в 1977 г. В. П. Ксензовым. Раскопки проводились Н. Н. Дубицкой в 1983, 1997, 2000–2006 гг.

Исследовано 360 кв. м при мощности культурного слоя 0,6–0,7 м. Городище сооружено населением милоградской культуры в VI–IV вв. до н. э. на месте стоянки эпохи неолита и бронзового века. В I–II вв. н. э. сюда пришло постзарубинецкое население. Найдены наконечник дротика, железный серп, керамика с насечкой и вдавлениями по краю и под внешним краем венчика, обломок горшка с защипами и насечкой по тулову, подлощенная посуда [92, с. 60–74; 94, с. 80–89; 95, с. 50–57; 98, с. 210–211; 99, с. 194–204; 117, с. 70; 118, с. 3–10; 109, с. 137–145].

17. **Петровичи**, д. Бобруйский р-н, Могилевская обл. Городище.

Городище расположено в 1,3 км на восток от деревни, в урочище Городок, на правом берегу р. Брожка, правый берег р. Березина, среди поймы, на возвышенности. Площадка овальная площадью 4442 кв. м. Городище укреплено валом и двумя рвами. Мощность культурного слоя до 0,6 м. Известно с 1924 г. Городище обследовали в 1964 г. Л. Д. Поболь, в 1978 г. П. Ф. Лысенко. В 1987–1991 гг. проводил раскопки М. И. Лошенков, изучено 804 кв. м. Городище было сооружено населением милоградской культуры в VI в. до н. э. Основной археологический материал относится к этой культуре. С горизонтом первой четверти I тыс. н. э. на городище связаны находки четырех железных фибул, из них одна целая проволочная фибула с подвязанной ножкой и три фрагментарные позднелатенские фибулы; серп с изогнутой спинкой, топор-кельт [181, с. 13, рис, 2: 5–7, 10, 17; 109, с. 141–142; 111, с. 143–144].

18. **Подлужье**, д., Глусский р-н, Могилевская обл. Селище.

Селище тянется на 1,0–1,5 км к южной окраине деревни, в ур. Замикольщина. Выявлено в 1930 г. А. Рынейским, обследовано в 1964 г. Л. Д. Поболем. Выявлены материалы каменного века, лепная керамика I тыс. н. э., в том числе культуры Абидня (гладкостенная, с расчесами), гончарная керамика. В 1987 г. Н. Н. Дубицкая отметила следы поселения в 0,15 км на северо-запад от окраины деревни, собраны обломки лепной и гончарной керамики [253, с. 400].

19. **Прудок**, дер., Светлогорский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище расположено в 1,0–1,2 км на восток от деревни, на первой надпойменной террасе правого берега р. Березина, на берегу старичного озера, юго-восточнее от впадения ручья. Выявлено в 1976 г. В. П. Ксензовым. В 1982, 1987, 2012 гг. проводила раскопки Н. Н. Дубицкая. Изучено 320 кв. м. Мощность культурного слоя 0,2–1,3 м. Самые древние материалы (керами-

ка, кремневый инвентарь) относятся к эпохе неолита-бронзы. Следующий этап заселения связан со второй – третьей четвертью I тыс. н. э., представлен обломками лепной керамической посуды, глиняными пряслицами, железными изделиями (кресало и др.). К этому периоду относятся остатки полуземлянки с печью-каменкой в северной части постройки, пол песчаный. Третий период – конец X – XIII вв. Выявлены гончарные горшки и миски, нередко с волнистым и линейным орнаментом, сланцевые пряслица, металлические орудия труда (ножи, острия и др.), украшения (бронзовое височное кольцо, стеклянные бусины), предметы христианского культа (нательный крестик). К XVII в. относится обломок белоглиняной курительной трубки.

Курганные могильники. Вблизи поселения располагаются синхронные по времени последнему этапу заселения на селище курганные могильники. Один из них находится в 1 км на запад от селища, на окраине современного кладбища. Несколько курганов сохранилось в лесу, в 0,6 км на восток от поселения [87, с. 42–43; 97, с. 106–110; 118, с. 3–10; 120, с. 226–227].

20. **Симоновичи**, д., Глусский р-н, Могилевская обл. Селища и грунтовый могильник.

Селище-1 находится на восточной окраине деревни, в урочище Тямшево Поле, на первой надпойменной террасе правого берега р. Птич. На северо-западе ограничено ручьем. Выявил в 1930 г. А. Рынейский, в 1964 г. обследовал Л. Д. Поболь, в 1987, 1989, 1990, 1997–1999 гг. проводила раскопки Н. Н. Дубицкая на площади 535 кв. м. Культурный слой 0,2–0,9 м. Первоначально на этом месте было поселение эпохи бронзы (керамика, кремневый инвентарь). Второй этап заселения относится ко второй четверти I тыс. н. э. К этому этапу относятся остатки трех наземных и одной углубленной постройки. В двух наземных постройках сохранились остатки каменнога очага и очага с предочажной ямой. Найдена лепная посуда (горшки, миски, миниатюрные сосуды). Значительная часть посуды гладкостенная нелощеная (82 %), часть посуды покрыта штриховкой (15 %), расчесами (1,5 %), также найдена посуда (в основном миски) с лощением (1–2 %). Часть посуды орнаментирована насечками и вдавлениями по краю венчика. Из глины также изготавливалась техническая керамика (тигли, льячки), пряслица. Найдены разнообразные бытовые изделия из железа (ножи, шила, зубила, рыболовный крючок, обломки пряжек и др.). Украшения представлены различными металлическими изделиями (бронзовая пронизка и кольцо, железная посоховидная булавка), стеклянные бусы. Одна бусина – из желтого глухого стекла з выпуклыми синими глазками с белой окантовкой (середина II – начало III в.), вторая – золоченая (II – середина III в.). Третий этап заселения – XI–XVI (XVII) вв. К этому периоду относятся обломки гончарных горшков и мисок. К XII–XIII вв. относится фрагмент ювелирной литейной формочки из розового сланца. Найден солид 1666 г.

Селище-2 находится на восточной окраине деревни, в урочище Селище, на север от урочища Тямшево Поле, на первой надпойменной террасе р. Птичь. В 1964 г. обследовал Л. Д. Поболь, в 1987 г. на площади 16 кв. м исследовала Н. Н. Дубицкая. Поселение функционировало в основном в XIV–XVI вв. Однако присутствие фрагментов раннегончарной и лепной посуды не исключает, что жизнь тут была в XI–XII вв., даже, возможно, во второй – третьей четверти I тыс. н. э.

Могильник бескурганный расположен на север от селища-1, в урочище Тямшево Поле, на левом берегу ручья. Выявил в 1930 г. А. Рынейский. В 1964 г. исследовал Л. Д. Поболь. В 1987 г. Н. Н. Дубицкая собрала кальцинированные кости, обломки лепной посуды, кремневый наконечник эпохи бронзы, отщепы. Рядом, на берегу р. Птичь, сохранились две *курганные насыпи* древнерусского времени [88, с. 5–17; 89, с. 31–38; 90, с. 5–22; 91, с. 93–101; 93, с. 66–76; 121, с. 292; 104, с. 86–92; 105, с. 91–98; 109, с. 142–143; 111, с. 144–145].

21. **Тайманово**, д., Быховский р-н, Могилевская обл. Стоянка каменного века, селище и грунтовый могильник.

Стоянка позднего мезолита располагается в 0,2 км на север от деревни, на первой надпойменной террасе правого берега р. Днепр. Позже на этой территории находилось селище железного века и раннего средневековья. Выявил в 1975 г. Л. Д. Поболь и в 1975–1977 гг. провел исследования на площади 940 кв. м. Найдены симметричные и асимметричные наконечники стрел постсвидерской культуры, концевые скребки, боковые и на углу сломанные пластины, резцы, проколки, ретушированные пластины, отщепы. Стоянка датируется VI тыс. до н. э.

Селище находится в 0,2 км на север от деревни, на левом берегу р. Белолички при впадении ее в старицу Днепра. Площадь около 16 га. С севера к поселению примыкает грунтовый могильник. Выявил памятник в 1951 г. Ю. В. Кухаренко, исследовал в 1967–1983 гг. Л. Д. Поболь (рис. 2). Общая изученная площадь 22 400 кв. м. Культурный слой 0,2–1,0 м. Выявлены остатки 52 полуземляночных построек: одна постройка сакральная, 15 построек – жилые, 36 построек – хозяйственные. Постройки срубной и столбовой конструкции. Преобладают срубы. Площадь котлованов 8–23 кв. м. Площадь срубов 7–10 кв. м. Отопительные сооружения представлены печами-каменками, каменными очагами, кострищами, возможно, глинобитной печкой. Вход располагался с южной стороны. Полы были деревянные и земляные, в отдельных случаях глинобитные. Крыши в основном двускатные. Все полуземлянки сооружены в конце II – V в. На поселении также существовали наземные постройки, однако их выделить очень сложно. Выявлено 82 выносных каменных очага, 357 различных хозяйственных ям. На поселении найдено много самых разнообразных находок. Основная категория находок – керамическая посуда. Посуда в основном лепная. Пред-

ставлена горшками различных размеров, мисками, сковородками, миниатюрными сосудами, встречается посуда с ручками. По способу обработки поверхности преобладает гладкостенная посуда, часть посуды относится к посуде с расчесами, подштрихованной, лощеной. Преобладает неорнаментированная посуда, орнаментальные мотивы представлены насечками, вдавлениями по краю венчика, встречается посуда, декорированная налепным валиком, защипами по тулову, зигзагами. Иногда на посуду, особенно лощеную, наносили различные пиктограммы (солярные изображения и др.). Найдены фрагменты орнаментированной, возможно, вельбарской миски. Гончарная посуда, которая принадлежит к древнерусскому и более позднему времени, составляет на поселении небольшое количество. Самые древние находки относятся к эпохе бронзы (керамика, кремневые орудия). Находки раннего железного века датируются начиная с VIII–VII вв. до н. э. (браслет со спиральными концами) и принадлежат племенам милоградской культуры.

К милоградской культуре также относится посуда, декорированная ямками по шейке. Основная часть находок укладывается в хронологические рамки 200–450 гг. (значительная часть орудий труда, импортная посуда, вещи бытового назначения, оружие и украшения). Земледельческий инвентарь представлен наральником, серпами. Найдены различные инструменты универсального назначения (ножи, шилья, проколки, иголки), специализированные инструменты (топоры, молоток, долото, пробойники) и другие хозяйственные предметы (гвозди, скобы, заклёпки). Также найдены орудия рыбной ловли (остроги, крючки), разнообразные предметы быта (ключ, кресала, кольца, бритвы, пинцеты, железная фитильная трубка). Предметы поясного набора представлены пряжками, оковками ремней, поясными наконечниками, накладками, бляшками, волнообразной проволокой. К предметам снаряжения всадника и боевого коня относятся шпоры, железные кольца, обломки железных удил, к оружию – наконечники стрел, копий, каменные ядра. Найдены разнообразные изделия из глины (пряслица, грузики, грузила, глиняные фигурки, бусина, изделия технической керамики). Также найдены гранитный жернов, каменный топор, каменные бруски. Очень много различных украшений (браслеты, булавки, фибулы, височные кольца, бронзовые кольца, подвески, бронзовые трубочки, пронизки, бронзовые и стеклянные бусы). К V в. относятся бронзовые фибулы с ромбической ножкой и ножкой удлиненно-треугольной формы, фрагмент железного умбона. Возможно, к этому времени или даже позже принадлежит бронзовый колокольчик. К раннему средневековью, очевидно, принадлежит пряжка с вогнутыми боками. С VI–VII вв. связана находка стеклянной бусины с синими полосками. К последней четверти I тыс. н. э. относится нож с волютообразным навершием, бронзовый перстень-арабеск. Не исключено, что к этому времени мог принадлежать обломок железного наральника. Некоторые вещи

попали в культурный слой селища из разрушенных древнерусских курганов (бронзовый бубенчик, бронзовая пуговица, бронзовое височное кольцо, перевитое поролокой, стеклянная бусина X – начала XI в.). Возможно, к древнерусскому времени относится простое бронзовое височное кольцо с отогнутым завитком. С XIII–XVI вв. связаны находки прорезного кресала, звездообразной шпоры, подков. Из грунтового погребения XVII в. происходит один из наконечников стрелы, к этому же времени принадлежит бронзовый орнаментированный поясной наконечник.

Бескурганный могильник располагается на север от поселения. Выявлен в 1960 г., исследован Л. Д. Поболем. Изучено 202 грунтовых погребений. Захоронения осуществлялись по обряду кремации на стороне, преимущественно в ямах. Выявлены круглые (73 %) и удлиненные (27 %) погребальные ямы. Кости чаще всего находились в заполнении ямы, иногда были рассыпаны по дну ямы. В небольшом количестве представлены также смешаные (в урне и в заполнении ямы) и урновые погребения. В одном из смешанных погребений урна была закрыта сверху другим сосудом. В ямных погребениях кости обычно не очищали от остатков погребального костра, в урновых погребениях – наоборот. Погребальный инвентарь бедный, характерны безынвентарные погребения. Большинство погребений совершено между 220 и 450 гг. [243, с. 168–183; 253, с. 396–397; 257, с. 28–60; 259, с. 98–105; 260, с. 38–51; 261, с. 143–164; 101, с. 239–243; 122, с 343–344; 102, с. 84–96; 103, с. 86–92; 104, с. 86–92; 108, с. 267–275; 110, с. 284–333; 112, с. 286–335; 114, с. 71–76; 115, 77–85].

22. **Шепотовичи**, д., Чечерский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище расположено в 1,0 км на юг от деревни, в северной части мыса первой надпойменной террасы правого берега р. Сож. Размеры 140×60 м. В обрыве карьера исследована хозяйственная яма, в которой собраны обломки керамической посуды культуры Абидня [1].

23. **Шерстин**, д., Ветковский р-н, Гомельская обл. Селище.

Селище находится в 0,5 км к северу от деревни, в ур. Борок, на останцовой террасе. Выявил в 1987 г. А. И. Дробушевский. Размеры 150×100 м. Собрана лепная керамика, в том числе обломки с расчесами, фрагмент столового сосуда [197, с. 192].

24. **Щатково**, д., Бобруйский р-н, Могилевская обл. Городище и Селища.

Городище находится в 1,0 км на северо-запад от деревни, на правом берегу р. Березины. Площадка овальная, 120×75 м, с напольной стороны укреплена двумя валами и рвами. Внутренний вал высотой около 3,5 м, шириной 12 м подсыпался не менее 6 раз. Внешний вал высотой 1,2 м, шириной 5 м имеет три подсыпки. Городище обследовал в 1930 г. А. Н. Лявданский. Исследовали в 1959 г. Я. Г. Красковская (36 кв. м), в 1963 г. Л. Д. Поболь (372 кв. м), в 2005 г. А. В. Ильютик (36 кв. м). Выявлены остатки столбовых построек,

кострища, часть полуземлянки глубиной в материке 0,5 м. Керамика представлена лепной посудой милоградской и зарубинецкой культур. Посуда преимущественно гладкостенная неорнаментированная. Часть посуды покрыта штриховкой, присутствует лощеная посуда. Милоградская посуда орнаментирована ямочными вдавлениями по шейке, зарубинецкая посуда – насечками по краю венчика. Из глины также изготовлена техническая керамика (тигли), бытовые предметы (пряслица, грузики), украшения (бусы). Найдены каменные бруски и кремневые орудия труда. Из металла изготовлены орудия труда (нож, шилья), рыболовный крючок, а также различные украшения (фибула, булавка, перстень, подвески), найдены стеклянные бусы. Городище датируется последней четвертью I тыс. до н. э. – I в. н. э.

Селище-1 располагается с восточной стороны городища. Его размеры 200×300 м. В 1963 г. Л. Д. Поболь исследовал 924 кв. м. Выявлены 2 полуземлянки, размеры первой полуземлянки 3,7×3,3 м, в восточном углу – печь-каменка; размеры второй полуземлянки 3×3 м, в северо-западной части – остатки очага. Находки представлены обломками лепной керамической посуды, преимущественно гладкостенной, встречается керамика с расчесами и лощением, гвоздевидной булавкой, шпорой. Материалы относятся к зарубинецкой, культуре Абидня, колочинской культуре. Выявлены также керамика эпохи бронзы, кремневые орудия труда, обломок каменного топора, гончарная древнерусская керамика.

Селище-2 находится в 0,5–0,8 км на северо-запад от городища, на правом берегу р. Понюшковичи при впадении ее в р. Березину, в 0,5 км на север от д. Понюшковичи. Его размеры 300×100 м. Выявил и обследовал в 1962–1963 гг. Л. Д. Поболь, в 2004 г. А. В. Ильютик (40 кв. м). Мощность слоя 0,2–0,6 м. Зафиксирована каменная вымостка. В культурном слое найдены обломки лепной керамики, в основном гладкостенной, встречается керамика с расчесами и лощением, выявлена заготовка бронзовой фибулы. Материалы относятся к культуре Абидня. Собраны керамика эпохи неолита, кремневые орудия труда, обломки древнерусской гончарной посуды.

Селище-3 располагается в 0,2–0,3 км на север от селища-2, их разделяет пойма р. Понюшковичи, в 1,5 км севернее городища. Его размеры около 500×100 м. Обследовал в 1963 г. Л. Д. Поболь. Материалы аналогичны материалам селища-1 и селища-2 [240, с. 182–242; 2; 3;109, с. 137–145; 111, с. 139–147].

Л. Д. Поболь, Н. Н. Дубицкая

ПОЛУЗЕМЛЯНОЧНЫЕ ПОСТРОЙКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТАЙМАНОВО БЫХОВСКОГО РАЙОНА МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Селище расположено в 0,2 км на север от д. Тайманово Быховского района Могилевской области, на левом берегу р. Белоличка. Поселение выявил в 1961 г. Ю. В. Кухаренко. В 1967–1983 гг. на поселении проводил раскопки Л. Д. Поболь. Тайманово – крупнейшее изученное поселение первой половины I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье. В результате раскопок были вскрыты 51 полуземляночная постройка, столбовые ямы от наземных и хозяйственных построек, остатки открытых каменных очагов [3, с. 168–183; 4; 20]. Следует отметить, что фактически в Тайманово раскопано 52 полуземлянки, но Л. Д. Поболь постройки № 32А и 32Б считал за одну постройку.

Полуземлянка № 1. Постройка выявлена в раскопе I на глубине 0,2–0,22 м от современной поверхности, ориентирована по сторонам света (рис. 6, *1*). Постройка подквадратной формы со слегка закругленными углами. Ее размеры 3,6×3,2 м (по отчету 1967 г.), 3,5×3,0 м, дно углублено в материк на 0,46 м (по отчету 1967 г.) или на 0,5 м (по отчету 1968 г.). Возможно, это была срубная постройка, так как ямы от столбов в материке отсутствуют. Отопительное сооружение не сохранилось. Не исключено, что там присутствовала печь-каменка, которая после того, как жилище пришло в негодность, была разобрана. Культурный слой над полуземлянкой распахан до самого материка, поэтому не исключено, что остатки печи были убраны при распашке уже в современный период. Полуземлянка была заполнена серой землей. На дне полуземлянки имелась прослойка толщиной в несколько сантиметров, состоящая из мелких угольков и золы. Очевидно, постройка погибла в огне.

В заполнении находилось 22 обломка лепных гладкостенных сосудов, 5 фр. со штриховкой, 2 фр. керамических сосудов с расчесами, крупный венчик серолощеного горшка (лощение двустороннее)[1].

На основании характеристики керамики Л. Д. Поболь относил постройку ко II–V вв.[2] [6; 7; 259, с. 98, рис. 1, 2].

[1] Все количественные данные по находкам из заполнения жилищ взяты из полевых отчетов Л. Д. Поболя.

[2] Датировки построек по Л. Д. Поболю даются только в том случае, если они присутствуют в тексте полевого отчета автора, II–V вв. – это поздний этап зарубинецкой культуры, по мнению Л. Д. Поболя.

Полуземлянка № 2. Раскоп I. Постройка располагалась в 5 м южнее постройки № 1, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток (рис. 6, *2*). Ее контуры выявлены в материке на глубине 0,2–0,22 м от современной поверхности, глубина дна в материке 0,35 м. Постройка представляла собой полуземляночное сооружение квадратной формы, его размеры 3,8×3,8 м. На полу расчищена тонкая прослойка мелких угольков, очевидно, следы пожара. Отопительного сооружения не выявлено. По-видимому, это также постройка срубной конструкции, о чем свидетельствует отсутствие следов от столбовых ям. Полуземлянка № 2 перекрывает восточную часть более ранней полуземлянки № 3.

Постройка заполнена темно-серой землей. В заполнении выявлено 30 обломков нелощеных сосудов. Среди них венчик небольшого горшка: диаметр горловины 10 см, толщина стенок 0,5 см. Почти в центре полуземлянки у самого дна лежали обломки двух крупных, типа корчаг, округлобоких нелощеных сосудов (рис. 37, *1, 2*). Диаметр горловины самого крупного горшка 37 см, венчик почти прямой, шейка не выражена, диаметр второго горшка 33 см, край венчика чуть отогнут, шейка выражена слабо, толщина стенок сосудов 1,0–1,2 см (II тип по А. В. Ильютик для абидненских горшков) [254, с. 102, 127, рис. 37], (тип 1а по Р. В. Терпиловскому для посуды киевской культуры) [294, с. 46].

Л. Д. Поболь датировал полуземлянку серединой I тыс. н. э. [6; 7; 259, с. 98, рис. 1, 3, 4].

Полуземлянка № 3. Постройка выявлена в раскопах I и II. Ее восточная часть была разрушена при сооружении постройки № 2. По сохранившимся остаткам можно судить, что она была ориентирована по сторонам света. Длина с севера на юг около 3,6 м, такая же, вероятно, и ширина. Контуры постройки выявлены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Постройка углублена в материк всего лишь на 0,1 м. Столбовые ямы и отопительное сооружение не прослежены. Культурный слой над жилищем распахан до материка. По-видимому, отопительное сооружение было разобрано при строительстве жилища № 2. Постройка заполнена темно-серой землей, обнаружено 15 обломков лепных нелощеных сосудов.

По мнению Л. Д. Поболя, жилище № 3 является более ранним, чем жилище № 2 и относится ко II–V вв. [6; 7; 259, с. 98–99, рис. 1].

Полуземлянка № 4. Постройка выявлена в раскопе II, в 4 м юго-западнее постройки № 3. Восточная часть полуземлянки разрушена траншеей времен Великой Отечественной войны (рис. 6, *3, 4*). Постройка представляет собой сооружение, ориентированное с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Размеры постройки примерно 3,8×3,4 м, глубина дна от уровня зачистки в материке 0,4 м. Вдоль северной, западной и южной стен котлована размещались сожженные бревна или плахи постройки. Не исключено, что

отопительное сооружение могло находиться в разрушенной восточной части сооружения, вернее, в его северо-восточном углу, хотя это только предположение. После выборки культурного слоя из заполнения в материке выявлено несколько десятков ям. Самая глубокая яма находилась в центре (глубина 0,28 м от уровня зачистки в материке). Именно по ее местоположению удалось восстановить размеры жилища.

Л. Д. Поболь высказал мнение, что первоначально это была постройка столбовой конструкции, крыша которой поддерживалась центральным опорным столбом. После того, как жилище пришло в негодность, в данный котлован была опущена срубная постройка, которая погибла в огне. Находки, выявленные в заполнении, как считает исследователь памятника, относятся ко второму периоду. Всего найдено 254 обломка нелощеных лепных сосудов, 17 обломков относятся к лощеной посуде, 29 кусков шлака, 2 кремня со следами обработки, также выявлено 5 обломков глиняных биконических пряслиц, 3 обломка от одного тигля, обломок глиняного пирамидального грузила, такие формы грузил достаточно широко представлены в черняховских и киевских древностях, на памятниках киевской культуры они встречаются на позднем этапе – IV – первая половина V в. [291, с. 187, рис. 4: 27–29; 294, с. 60, рис. 14: 20], кусок глины с отпечатками пальцев.

На наш взгляд, отнести находки только ко второму периоду существования постройки возможно в том случае, если предположить, что на плане первая отметка глубины залегания находки является отметкой глубины от уровня зачистки в материке (0,2–0,25 м), а вторая – отметкой глубины от уровня дневной поверхности (0,4–0,45 м). Однако это замечание относится только к индивидуальным находкам. Относительно обломков посуды такие данные отсутствуют.

По мнению Л. Д. Поболя, обгоревшая древесина вдоль стен является остатками срубной конструкции. Однако следует учесть, что сруб обязательно должен иметь врубки во всех четырех углах, поэтому необходимо некоторое пространство, чтобы впустить его в котлован. В данном случае такое пространство отсутствует.

По-видимому, полуземлянка № 4 представляла собой подквадратную постройку с центральным опорным столбом. Для сооружения стен использовались плахи или бревна, которые могли прижиматься столбами к земляным стенам котлована [269, с. 119], либо, что более вероятно в данном случае, бревна или плахи закладывались в вертикальные пазы, выдолбленные в столбах (в «шулы») [43, с. 83; 215, с. 93]. Как считает Б. О. Тимощук, именно последняя конструкция типична для славянских полуземлянок [299, с. 55]. Крыша была двускатная коньковая, опирающаяся на центральный опорный столб и столбы, вкопанные по бокам стен [7; 294, с. 99, рис. 1, 5–8; 259, с. 98–105].

Полуземлянка № 5. Постройка находилась в южной части на границе раскопов IV и V, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток (рис. 7, *1, 2*). Постройка ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Контуры жилища были выявлены на глубине 0,2–0,3 м. Размеры котлована 3,6×3,5 м. Вдоль стен котлована выявлены сожженные бревна, сверху присыпанные рухнувшей землей, диаметр бревен до 0,2 м. Судя по расположению пережженных бревен, постройка имела размеры 3,2×2,9 м. Поскольку полуземлянка сооружена на небольшом склоне, котлован в северной части углублен в материк на 0,45 м, в южной части только до 0,25 м. В средней его части, у западной стенки в скоплении лежало 14 обожженных камней. Очевидно, это остатки каменного очага. Не исключено, что камни могли относиться к разрушенной печи-каменке. Постройка была заполнена темно-серым и черным культурным слоем. После выборки слоя из заполнения постройки в материке выявлено более 40 ям. В большинстве они располагались вдоль южной и северной стен. Некоторые ямы находились в средней части полуземлянки, также ямы выявлены во всех четырех углах. Диаметр ям 0,1–0,25 м, глубина в материке от 0,1 до 0,28 м.

Исследователь памятника Л. Д. Поболь предполагал наличие двух этапов в сооружении постройки. Вначале это была постройка столбовой конструкции, позже бревенчатая, очевидно, срубная, которая и погибла в огне. На наш взгляд, наличие столбовых ям во всех четырех углах указывает на столбовую конструкцию стен постройки. Также следует учесть, что сруб обязательно должен иметь врубки. Для того чтобы опустить его в котлован, необходимо некоторое свободное пространство от краев котлована, чего нет в данном случае.

Скорее всего, полуземлянка № 5 представляла собой однокамерную подквадратную постройку столбовой конструкции площадью 9,3 кв. м (площадь котлована 12,6 кв. м). Для сооружения стен использовались бревна толщиной до 20 см, которые, очевидно, закладывались в вертикальные пазы, выдолбленные в столбах (в «шулы»). Отапливаться полуземлянка могла очагом, остатки которого были выявлены в серединной части у западной стены постройки. Однако настораживает слишком близкое расположение очага к деревянной стене постройки. К сожалению, в тексте отчета не указано, на какой глубине были найдены обожженные камни. Нет сведений и о том, была ли прожженная земля непосредственно под камнями. Не исключено, что найденные обожженные камни относились к разрушенной печи-каменке.

В заполнении жилища выявлено 250 обломков лепных нелощеных сосудов, 4 обломка с расчесами, 2 лощеных, 29 кусков шлака, 2 обработанных кремня. В верхней части жилища обнаружена бронзовая пластинка и глиняное биконическое пряслице. Второе биконическое пряслице лежало на глубине 0,6 м от современной поверхности [7; 294, с. 38, рис. 1–2; 11: 1–4; 18: 1–3; 260, с. 38].

Полуземлянка № 6. Постройка выявлена в западной части раскопа VI, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток (рис. 7, *3, 4*). Контуры полуземлянки начали определяться на глубине 0,2 м. Глубина нижней части от уровня зачистки до 0,6 м. На уровне зачистки жилище имело размеры 3,6×3,5 м. На глубине 0,52–0,75 м от современной поверхности (0,3–0,5 м от уровня зачистки) выявлено сожженное основание стен, остатки пола из плах и перекрытия, упавшего вниз при пожаре. Сверху пожарище было засыпано серым и черным культурным слоем. Л. Д. Поболь предполагал двускатную крышу. Об этом свидетельствуют остатки перекрытия, выше которых лежали широкие плахи (до 0,4 м). Размеры деревянного сруба 3,0×2,8 м. Судя по обуглившимся остаткам, стены были сложены из бревен диаметром до 0,25 м. В углах были отмечены сожженные бревна, концы которых заходят друг на друга (рубка «в обло»?). Вдоль северо-восточной стенки, почти на всю ее длину сохранились обгоревшие остатки двух сожженных бревен. В северо-восточном углу выявлен обугленный столбик, его диаметр 0,12–0,13 м. Нижняя часть столбика находилась на уровне пола. В северо-восточной части жилища на глубине 0,6 м от поверхности отмечены следы открытого очага диаметром 0,6 м.

Как и в случае с постройкой № 5, Л. Д. Поболь предполагал наличие двух этапов в строительстве полуземлянки № 6. Вначале это была постройка столбовой конструкции, потом – сруб. Со срубной постройкой исследователь памятника связывал крупный обломок нелощеного горшка, обломки чернолощеного ребристого горшка, стенки серолощеного горшка, чернолощеного горшка с загнутым внутрь верхом (форма С для керамики Абидни по А. В. Ильютик, Л. Д. Поболю) [138, с. 18–36]. Сосуды с загнутым внутрь краем Р. В. Терпиловский и Н. В. Абашина [294, с. 47], а затем Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев [179, с. 36] относят к типу 6. Р. В. Терпиловский отмечает, что редкие для киевской культуры сосуды с загнутым внутрь краем спорадически встречаются на памятниках разных территорий и этапов [294, с. 51]. В бревне северной стенки находился железный нож. На глубине 0,26 найдено глиняное пряслице. В нижней части постройки после выборки заполнения выявлено более 20 ямок, их глубина – от нескольких сантиметров до 0,2 м, диаметр 0,2–0,3 м. По мнению Л. Д. Поболя, это остатки более раннего жилища столбовой конструкции. К первоначальному жилищу он относил биконическое пряслице (глубина 0,83 м), раздавленный лощеный горшок, который лежал под углем на материке, на глубине 0,85 м от современной поверхности. Диаметр горшка 16,5 см, диаметр днища 11 см, высота 19,5 см. Ребро находилось в средней части (рис. 48, *1*). Л. Д. Поболь полагал, что типологически данный сосуд является одним из самых древних на поселении и датируется не позднее II в. Похожий по форме, только нелощеный горшок происходит из погребения № 72 могильника Тайманово (рис. 49, *2*).

Среди абидненских горшков наиболее типологически близок к данному сосуду нелощеный горшок из полуземлянки № 14 (тип 3, форма К3) [138, с. 18–27]. Однако горшок из Абидни был значительно крупнее. Его диаметр по венчику 32 см. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев биконические сосуды с ребром в средней части относят к типу Р-2 и считают их характерными для деснинского варианта киевской культуры [179, с. 68].

Из текста полевого отчета Л. Д. Поболя и приложенного плана постройки следует, что сожженные остатки деревянных конструкций выявлены на глубине 0,3–0,5 м от уровня зачистки (0,52–0,75 м от дневной поверхности). Глубина котлована от уровня зачистки 0,6 м. Остатки очага также находились на глубине 0,6 м от уровня современной дневной поверхности. Разницу 0,1 м между остатками деревянных плах пола и нижней точкой котлована можно объяснить тем, что деревянный пол полуземлянки находился выше уровня нижней части котлована на 0,1 м.

Следовательно, полуземлянка № 6 представляла собой однокамерную постройку срубной конструкции площадью 8,4 кв. м. Площадь земляного котлована, куда был впущен сруб, составляет 12,6 кв. м. На срубную конструкцию стен указывают сохранившиеся углы постройки (рубка «в обло»), отсутствие угловых столбовых ям, значительное пространство между деревянной конструкцией стен и стенками котлована. Постройка сложена из бревен диметром 0,2–0,25 м. Пол в постройке из деревянных плах, возможно, на лагах. Отапливалась полуземлянка очагом, который размещался почти посередине помещения, в его юго-восточной части. Крыша, судя по сохранившимся остаткам перекрытия, была двускатная [7; 260, с. 38–39, рис. 3–4; 11: 6–9; 18: 4].

Полуземлянка № 7. Постройка выявлена на границе раскопов IV и V, в 10 м на запад от полуземлянки № 5 (рис. 8, *1*). Постройка ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток, располагалась на небольшом склоне. Контуры полуземлянки обнаружены на глубине 0,2–0,3 м от современной поверхности, ее размеры 4,8×4,3 м. Северная часть постройки углублена в материк до 0,8 м, южная часть до 0,25 м. Пол горизонтальный. Заполнение – черный и серый культурный слой с линзовидными вкраплениями желтого песка. После выборки заполнения котлована на дне в материке выявлено 35 ямок глубиной от нескольких сантиметров до 0,2 м и диаметром от 0,1 до 0,6 м. Самая большая яма была расположена в центре, ее глубина 0,25 м и диаметр 0,5 м.

По-видимому, полуземлянка № 7 представляла собой постройку, по форме близкую к квадрату с центральным опорным столбом. Площадь котлована постройки 20,6 кв. м. Пол земляной. Отопительное сооружение отсутствует. В заполнении постройки не выявлено следов пожарища. В заполне-

нии полуземлянки обнаружено 354 обломка нелощеных сосудов, 4 обломка сосудов с прочесами, 40 обломков лощеных сосудов, 17 кусков шлака и 5 кремней со следами обработки. Ряд обломков коричневого лощеного сосуда происходит от одного горшка. В одном из обломков лощеного сосуда высверлено в шейке круглое отверстие, возможно, для подвешивания. В верхней части постройки обнаружены два пряслица (глубина 0,2 м, 0,28м), фрагмент железного ножа, бронзовое кольцо (глубина 0,2 м). Кроме того, найден кусок каменного бруска, 33 кости животных [7; 260, с. 39, рис. 5, 12, 18: 5–7].

Полуземлянка № 8. Постройка выявлена в раскопе VII. Контуры постройки прослежены на глубине 0,2–0,25 м от дневной поверхности. Полуземлянка ориентирована по сторонам света (рис. 8, *2*). Форма котлована квадратная со слегка закругленными углами, размеры 4,0×4,0 м, глубина дна в материке 0,5 м. Заполнение – черный культурный слой с прослойками песка. Признаков гибели в огне не обнаружено. В материке выявлено 36 ямок глубиной от нескольких сантиметров до нескольких десятков сантиметров. Самая крупная яма находилась в центре, ее глубина 0,77 м, диаметр 0,25 м.

Таким образом, полуземлянка № 8 по своим конструктивным особенностям аналогична полуземлянке № 7. Это однокамерная квадратная постройка с центральным опорным столбом. Площадь котлована 15 кв. м. Отопительное сооружение отсутствует. Крупные размеры, отсутствие отопительного сооружения могут свидетельствовать о хозяйственном назначении постройки. В заполнении полуземлянки обнаружено 845 обломков нелощеных сосудов, 22 обломка сосудов с расчесами, 37 обломков лощеных сосудов, 2 куска шлака. Выявлено два целых лепных сосуда, один из которых, слегка подлощенный, лежал на боку в северной части постройки, второй сосуд располагался в южной части постройки. Оба сосуда имеют наибольшее расширение в средней части тулова и относятся к типу 3 для абидненской керамики [138, с. 18–36]. Лощеный горшок имел скругленное ребро (рис. 48, *2*). Близкий по форме, но крупнее по размерам лощеный биконический горшок найден в заполнении постройки № 6 (рис. 48, *1*). Такие горшки Р. В. Терпиловский относит к типу II2е [294, с. 46–49]. По его мнению, приземистые биконические горшки типа II2б и II2в получают широкое распространение на среднем этапе и особенно (тип II2в) на заключительном этапе киевской культуры [295, с. 40]. Второй нелощеный горшок имел более вытянутые пропорции (рис. 57, *3*). Типологически близкий сосуд найден в погребении № 39 могильника Тайманово. Такие горшки имеют аналогии в керамическом комплексе Каменево-2 [295, рис. 59: 15, 16].

Материалы Каменево-2 относятся к финалу киевской культуры и датируются концом IV – первой половиной V в. [294, с. 160]. Найдена также небольшая подлощенная мисочка, верхняя часть которой не сохранилась.

Также в заполнении постройки найдено три обломка глиняных сковородок, железное шило (глубина 0,34 м), фрагмент бронзового изделия (глубина 0,35 м), 5 глиняных пряслиц, из них одно целое и четыре в обломках (глубина 0,18 м; глубина 0,25 м; глубина 0,35 м; глубина 0,34 м; глубина 0,38 м; глубина 0,54 м), каменный брусок. Кроме того, из заполнения постройки происходит бронзовая подвеска-лунница серповидной формы с отверстием (глубина 0,35 м). Длина подвески 6,8 см, ширина в центральной части 1 м, по краям 0,5 см (рис. 80, *9*). Похожая пластинчатая подвеска-лунница найдена на поселении Глеваха, которое датируется второй половиной III – началом V в. [295, с. 43]. На основании анализа археологических материалов, полученных из заполнения полуземлянки № 8 (подвеска-лунница, керамические сосуды), сооружение постройки можно отнести к IV в., скорее всего, к середине IV в. [7; 260, с. 39–40; рис. 6, 13, 14, 15: 1–5; 18: 8–12; 19: 4, 6].

Полуземлянка № 9. Постройка находилась в восточной части раскопа VII, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток (рис. 8, *3*). Контуры котлована прослежены на глубине 0,2–0,3 м от современной поверхности. Жилище погибло в огне. Размеры постройки на уровне зачистки 3,4×3,0 м. Дно находилось на глубине 0,25–0,35 м от уровня зачистки. В нижней части котлована находился уголь от основания бревенчатого дома, который имел размеры 3,1×2,8 м. Судя по сохранившимся останкам, бревна имели толщину до 0,25 м. На полу сохранились остатки деревянных плах шириной до 0,35 м и толщиной 0,07–0,1 м. В северо-восточном углу сохранились остатки печи-каменки. Три обожженных камня беспорядочно лежали в южной части жилища. Заполнена полуземлянка темно-серым и черным культурным слоем с прослойками желтого песка.

По-видимому, полуземлянка № 9 представляла собой срубное однокамерное сооружение почти квадратной формы. Жилище № 9, как и предыдущие полуземляночные постройки, было сооружено из крепких (до 0,25 м), очевидно, сосновых бревен. Пол в постройке деревянный, из плах. Отапливалось помещение печью-каменкой, расположенной в северо-восточном углу. Три обожженных камня, выявленных в южной части жилища, также, скорее всего, относятся к печи-каменке.

В заполнении обнаружено 276 обломков лепных нелощеных сосудов, один обломок лощеного сосуда, 2 кремня со следами обработки. В западной части сожженного нижнего венца, на глубине 0,38 м, лежал железный нож [7; 260, с. 40, рис. 7; 15: 6–8; 19: 1].

Полуземлянка № 10. Постройка находилась в 3 м на северо-запад от полуземлянки № 9, ориентирована почти по сторонам света (рис. 8, *4*). Контуры котлована обнаружены на глубине 0,2–0,25 м от современной поверхности. Размеры котлована 3,8×3,6 м, глубина в материке 0,35–0,5 м, углы слегка закруглены. Котлован заполнен серым и черным культурным слоем.

На дне находилась небольшая, в несколько сантиметров прослойка угля и золы с вкраплениями желтого песка.

Очевидно, полуземлянка № 10 представляла собой однокамерную подквадратную постройку со срубной конструкцией стен. На срубную конструкцию указывает отсутствие столбовых ям. Площадь котлована 13,7 кв. м. Пол в постройке, судя по сохранившейся на материковом дне прослойке угля и золы, был деревянный. Отопительное сооружение не сохранилось.

В заполнении обнаружено 460 обломков лепных нелощеных сосудов, 9 обломков сосудов с прочесами, 11 обломков лощеных сосудов, 2 куска шлака, 1 кремень со следами обработки. Также выявлены обломки небольшого лепного сосуда, обломки двух пряслиц [7; 260, с. 40, рис. 8; 15: 9–13; 19: 2].

Полуземлянка № 11. Постройка располагалась в южной части раскопа VII, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток (рис. 9, *1*). Контуры жилища выявлены на глубине 0,2–0,25 от современной поверхности. Размеры 4,25×3,6 м. Глубина дна в материке до 0,6 м. Заполнение – серый и черный культурный слой с прослойками песка. Вдоль западной стенки котлована на различной глубине от поверхности лежал уголь от сожженной деревянной стены и поперечного перекрытия, рухнувшего при пожаре.

Полуземлянка № 11, как и полуземлянки № 9 и № 10, является однокамерной подквадратной постройкой срубной конструкции. Площадь котлована 15,3 кв. м. Отопительного сооружения не сохранилось.

В заполнении жилища выявлено 257 обломков лепных нелощеных сосудов, 9 обломков сосудов с прочесами, 11 обломков лощеных сосудов, в том числе обломок ребристого сосуда, 2 куска шлака, 1 кремень со следами обработки, 1 обломок глиняного пряслица [7; 260, с. 40, рис. 9; 16: 1–9; 19: 3].

Полуземлянка № 12. Постройка выявлена в северной части раскопа VII, ориентирована с северо-запада на юго-восток (рис. 9, *2*). Контуры котлована выявлены на глубине 0,2–0,25 м от дневной поверхности. В плане постройка почти квадратная, ее размеры 3,90×3,95 м, дно углублено в материк до 0,8 м. Заполнена серым и черным культурным слое с прослойками желтого песка. На дне отмечена тонкая, в несколько сантиметров прослойка угля и золы. После выборки заполнения в материке расчищено более десятка ямок, которые в основном концентрировались в южной части полуземлянки, их диаметр 0,15–0,25 м, глубина в материке от нескольких сантиметров до 0,9 м.

Полуземлянка № 12 являлась однокамерной постройкой квадратной формы. Площадь котлована 15,4 кв. м. Постройка имела, скорее всего, столбовую конструкцию стен с центральным опорным столбом. Центральный опорный столб, от которого сохранилась круглая яма глубиной 0,2 м от уровня зачистки в материке, несколько смещен от центра в северо-восточном направлении.

Сохранилась яма от углового столба глубиной в материке 0,15 м только в юго-восточном углу постройки. Пол, по-видимому, был деревянный. Никакого отопительного сооружения, как и в других полуземлянках с центральным опорным столбом, выявлено не было.

В заполнении постройки выявлено 614 обломков лепных нелощеных сосудов, один из горшков сохранился более чем наполовину, в верхней его части имелось круглое отверстие; 7 обломков сосудов с расчесами; 6 обломков лощеных сосудов; 8 кусков шлака; 3 обработанных кремня; железная пластинка; 4 пряслица; 2 стеклянные бусины (зеленая и синяя). Бусина из стекла зеленого цвета (глубина 0,35 м) имеет удлиненно-овальную форму, диаметр 0,7 см, диаметр отверстия 0,1 см, высота 0,6 см (рис. 83, *5*). Такие бусы (тип 8 по М. Темпельманн-Мачинской) были особенно характерны для периода B2/C1–C2 (170–310 гг.), хотя отдельные экземпляры встречаются на протяжении почти всего римского времени от фазы B2 до фазы D (70–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 95]. Вторая бусина синего цвета (глубина 0,3 м), прямоугольной формы, диаметром 0,7 см, диаметр отверстия 0,2 см, высота 0,5 см (рис. 83, *7*) (тип 105, 108 по М. Темпельманн-Мачинской). Такие бусы также бытовали в период B2/C1–C2, но могли встречаться до фазы D (170–450 гг.) [372, tabelle 8, s. 95]. Т. Ставярска датирует подобные бусы более узким хронологическим периодом – (C1b–C2) (220–310 гг.) [368, s. 94, rys. 9: 21; 370, s. 103]. Очевидно, исходя из датировки бус, постройка № 12 могла существовать не раньше 170 г. и не позднее 310 г. [7; 260, с. 40–41, рис. 10; 16: 10; 19: 5, 7–11].

Полуземлянка № 13. Постройка выявлена в раскопе IX. Очертания котлована почти прямоугольной в плане полуземлянки на глубине 0,2 м от дневной поверхности имеют размер 3,92×3,85 м. Заполнение – темный культурный слой. В различных местах заполнения отмечены мелкие угольки, очевидно, жилище погибло в огне. Глубина дна 0,5 м. После зачистки дна котлована выявлено 48 ям глубиной до 0,25 м и диаметром 0,07–0,4 м. Яма в северо-восточном углу постройки имела овальную форму, размеры 1,35×0,55 м, глубина в материке 0,25 м. Очевидно, полуземлянка имела столбовую конструкцию стен, без отопительного сооружения.

В заполнении полуземлянки выявлено 746 обломков лепной посуды, из них 697 обломков нелощеных сосудов, 35 обломков лощеных сосудов, 14 обломков сосудов с расчесами. Причем в верхней части полуземлянки на глубине 0,2 м собрано 486 обломков посуды, на глубине 0,2–0,5 м – 260 обломков посуды. В северо-западном углу постройки на глубине 0,25 м от современной поверхности лежала раздавленная миска (рис. 64, *2*). Найдена верхняя часть серо-черного лощеного ребристого горшка. В западной части постройки на глубине 0,3 м от поверхности выявлено глиняное бико-

ническое пряслице. В заполнении также найдены фрагмент железного изделия, несколько обломков тигля.

Л. Д. Поболь относил полуземлянку на основании характеристики керамического комплекса к II–V вв. [8; 261, с. 143].

Полуземлянка № 14. Постройка выявлена в юго-восточной части раскопа 1969 г. на территории могильника. Она находится на пограничье селища с могильником. Данная полуземлянка имеет необычную форму: с восточной стороны находится широкий вход (рис. 9, *3*). Контуры постройки прослежены на глубине 0,4–0,6 м от современной дневной поверхности. Глубина котлована от современной поверхности составляет около 1 м. Вход находился на глубине 0,65–0,7 м от поверхности. Размеры котлована на уровне зачистки равны 3,6×3,2 м. Ширина входа в верхней части составляет 1,8 м, в нижней – 1,6 м. Длина входа вверху 1,45 м, внизу 1,25 м. Заполнение – темно-серый культурный слой, в котором выявлено 29 обломков лепных гладкостенных сосудов, 4 обломка сосудов с расчесами, 4 обломка лощеных сосудов. Полуземлянка, по-видимому, имела срубную конструкцию стен без отопительного сооружения и могла выполнять сакральные функции.

Яма-погреб выявлена в 1971 г. в 4 м на юго-восток от полуземлянки. В плане яма овальная. Ее контуры обнаружены на глубине 0,25 м. Глубина дна от уровня зачистки 0,35 м. Яма ориентирована с северо-востока на юго-запад, ее размеры 2×1 м. Яма заполнена темно-серым культурным слоем с угольками. В заполнении ямы найдены: бронзовая лунница с красной эмалью в девяти местах (рис. 81, *6*), железное уплощенное гвоздевидное изделие, 2 обломка гладкостенных сосудов.

Время бытования постройки и хозяйственной ямы на основании анализа находок Л. Д. Поболь определил второй четвертью I тыс. н. э. [8; 10; 261, с. 143, рис. 1].

Полуземлянка № 15. Постройка располагалась в северо-западной части раскопа X (рис. 10, *1, 2*). Контуры котлована выявлены на глубине 0,2 м от дневной поверхности. Постройка прямоугольной формы, со слегка закругленными углами, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Ее размеры 4,3×3,8 м. Жилище погибло в огне, так как вдоль стен сохранилось большое количество углей. Угли лежали также других местах котлована. Полуземлянка углублена в материк до 0,6 м от уровня зачистки и до 0,8 м от современной поверхности. Почти в центре постройки находился очаг, в котором сохранилось несколько десятков обожженных камней. Его диаметр до 0,8 м. Вокруг камней находилась зола, мелкие угольки и обожженный песок. Высота очага до 0,3 м, при его разрезе видны различные прослойки культурного слоя. После выборки культурного слоя в углах постройки выявлены ямки. В двух углах западной части жилища было по две ямки.

Глубина первых ямок по 0, 1м от уровня зачистки в материке, глубина вторых ямок 0,09 и 0,14 м. В двух углах восточной части жилища отмечены по одной ямке, их глубина 0,09 и 0,16 м от уровня зачистки. Также одна ямка находилась у восточной стенки, ее глубина 0,13 м. На этом основании Л. Д. Поболь делает вывод о существовании двух построек: вначале это было жилище столбовой конструкции, а затем срубной. Хотя, скорее всего, это была постройка столбовой конструкции с каменным очагом в центре.

В заполнении постройки выявлено 1526 обломков лепной посуды, из них 1438 обломков относится к гладкостенным сосудам, 76 обломков сосудов с расчесами, 12 обломков принадлежат лощеным сосудам. В северо-восточном углу жилища на глубине 0,6 м в раздавленном виде выявлен лепной горшок. Сосуд асимметричный, гладкостенный. Его высота 26 см, диаметр по верху 24,5 см, диаметр днища 11,5 см (рис. 47). Выявлен обломок стенки сосуда с налепным валиком, украшенный косой насечкой. Найден обломок стенки с зигзагообразным орнаментом по ее наружной стенке. Лощеная посуда представлена двумя типами сосудов. Один из обломков принадлежал ребристой биконической миске. Венчик второго сосуда относится к горшку, внутренняя часть которого слегка загнута внутрь. Керамика с расчесами также разделяется на два вида: сосуды, украшенные едва заметными легкими расчесами и косой насечкой по верху, и сосуды с глубокими расчесами, имеющие различные направления. Выявлено также 97 кусков шлаков.

В полуземлянке обнаружена 31 индивидуальная находка. Среди них особое место занимают три бронзовые фибулы с подвязанной ножкой (рис. 86, *2, 3, 4*). Дужка с приемником первой фибулы лежала отдельно от иглы с приемником. Длина фибул от 5,3 до 6,5 см. У двух фибул тетива наружная, у одной – внутренняя. Сечение дужки одной из фибул восьмигранное, второй – треугольное, третьей – квадратное (согнуто на ребро). Л. Д. Поболь по черняховским аналогиям датирует фибулы III–IV вв. Также выявлены железный нож и черенок второго ножа; железная булавка с маленькой округлой головкой; фрагмент железной иглы; обломок железной согнутой проволоки; два бронзовых кольца; бронзовая трубочка; бронзовая заготовка; зеленая и две синие стеклянные бусины (в отчете сведения о размерах бус и их рисунки отсутствуют); 5 обломков тиглей, один из них треугольный в плане с ручкой в одном из углов; 11 глиняных пряслиц, из них 4 целых, одно из пряслиц на всех четырех плоскостях украшено пунктирным орнаментом (глубина 0,36 м, кв. 3), на втором пунктиром нанесена свастика. Все пряслица биконические, диаметр по наружному краю 2,7–4,3 см, диаметр отверстия 1,0–1,5 см, толщина 0,8–1,5 см. Присутствие в полуземлянке фибул западного облика и пряслица со свастикой свидетельствует о западноевропейском влиянии.

С южной стороны полуземлянки располагались две хозяйственные ямы. Одна из них находилась в 1 м от юго-западного угла и ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее длина до 4 м, глубина от уровня зачистки до 0,78 м, от дневной поверхности 1,2 м. Ширина ямы 1,1 м, в восточной части до 2 м. В яме собрано 29 мелких фрагментов гладкостенных сосудов. Вторая яма находится в 2 м на юг от средней части полуземлянки. Контуры ямы выявлены на глубине 0,4 м от дневной поверхности. Глубина дна от уровня зачистки 0,47 м. Яма в плане вытянута с северо-запада на юго-восток, ее размеры 2,0×1,4 м [9; 261, с. 143–144; рис. 2, а, б].

Полуземлянка № 16. Постройка располагалась в 9–10 м на восток от полуземлянки № 15, раскоп X (рис. 10, *3*). Жилище ориентировано с востока-северо-востока на запад-юго-запад, его размеры 3,45×3,20 м. Глубина дна от уровня зачистки 0,4 м, от современной дневной поверхности 0,6 м. Котлован был заполнен темно-серым культурным слоем с угольками. После выборки культурного слоя на дне котлована выявлено 18 столбовых ям. Одна из ям находилась почти в центре, ее глубина 0,5 м. С западной стороны центральной ямы находились еще три ямки, их глубина 0,1, 0,13 и 0,3 м от уровня зачистки в материке. В 0,5 м на юг от центральной ямы отмечена еще одна, четвертая яма, ее глубина 0,25 м от уровня зачистки. Вдоль западной стенки также отмечено пять ям, их глубина 0,1, 0,24, 0,12, 0,12 и 0,18 м. У северной стенки, в средней части имеется 7 ям, из них одна глубиной 0,08 м, остальные шесть ям по 0,1 м. Еще одна яма располагалась в северо-восточной части жилища, ее глубина 0,18 м. В двух ямках выявлены обломки гладкостенных сосудов. Таким образом, по своей конструкции это была столбовая постройка с центральным опорным столбом без отопительного сооружения.

В заполнении постройки находилось 433 обломка лепных сосудов, из них 405 обломков гладкостенных сосудов, 1 обломок от лощеного сосуда, 26 обломков сосудов с расчесами. В жилище лежал в раздавленном виде лепной горшок с редкими расчесами. Его высота около 16 см, диаметр по тулову 12 см, диаметр днища 8,5 см (рис. 42, *2*). Выявлены обломки еще одного биконического горшка. Диаметр горшка по горловине около 27 см, ребро находилось в 10,5 см от верха, диаметр по ребру 30 см. Найдены также 5 шлаков и 2 обработанных кремня. Из индивидуальных находок в постройке найдены обломки глиняного биконического пряслица, обломок тигля и фрагмент глиняного грузика.

Л. Д. Поболь относил данную полуземлянку на основании анализа материала к третьей четверти I тыс. н. э. [9; 261, с. 143–144, рис. 3].

Полуземлянка № 17. Постройка располагается севернее полуземлянки № 15, раскоп X (рис. 10, *4, 5*). Контуры котлована выявлены на глубине

0,2–0,25 м от уровня современной дневной поверхности, глубина дна до 0,4 м. Полуземлянка квадратной формы, размеры 3,0×3,0 м, ориентирована с северо-запада на юго-восток. В эпоху Древней Руси в верхней части полуземлянки был сооружен большой очаг, его размеры 1,55×0,7 м. В нем лежало более 300 мелких обожженных камней, в перемешанном виде находилась лепная гладкостенная, с расчесами и гончарная керамика. По своей конструкции стен полуземлянка, очевидно, являлась срубной постройкой без отопительного сооружения.

Всего в заполнении постройки выявлено 178 обломков лепных сосудов, из них 153 обломка гладкостенных сосудов, 23 обломка сосудов с расчесами и 2 обломка лощеных сосудов, а также 98 обломков гончарных сосудов. Один из обломков гончарных сосудов украшен треугольными вдавлениями. В заполнении найдены бронзовое колечко-пронизь и обломок биконического пряслица [9; 261, с. 144, рис. 4].

Полуземлянка № 18. Постройка выявлена в северо-восточной части раскопа 1971 г. между двумя группами погребений (рис. 11, *1, 2*). Контуры прослежены на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности. Глубина дна 0,6 м от уровня зачистки, 0,8 м от современной дневной поверхности. Л. Д. Поболь считает, что существовало два этапа застройки. Первоначально было сооружено жилище столбовой конструкции. Затем в этот же котлован был опущен сруб. Котлован имел прямоугольную форму со слегка закругленными углами, размеры на уровне зачистки 4×3,6 м. Жилище ориентировано с востока-северо-востока на запад-юго-запад. В нижней части котлована имелось более 30 ям. Почти в центре располагалась круглая яма глубиной в материке 0,21 м. Ямки выявлены в трех углах. Размеры сруба 3,6×3 м. Во время пожара перекрытие рухнуло на пол и жилище в горящем виде было засыпано песком. Песком оказались засыпаны со всех сторон горящие стены. Сохранились три венца сожженных стен. Пол в жилище сооружен из расколотых плах. Скорее всего, это была полуземлянка со столбовой конструкцией стен и центральным опорным столбом без отопительного сооружения.

В жилище найдено 891 обломок лепных сосудов, из них 687 обломков гладкостенных сосудов, 170 обломков сосудов с расчесами, 44 обломка лощеных сосудов. В заполнении жилища обнаружено 12 индивидуальных находок. Они находились выше сожженного пола. Найдены два целых глиняных биконических пряслица и два пряслица в обломках, обломок глиняной формочки, нож железный, пряжка железная (рис. 70, *4*), обломок тигля, острие железное (наконечник стрелы?), красная плоская стеклянная бусина (рис. 83, *16*), обломок гончарного римского сосуда, 3 куска шлаков, около 10 кальцинированных костей, несколько костей животных.

Л. Д. Поболь датировал данную полуземлянку второй четвертью I тыс. н. э.

В 1 м от северной стенки жилища находилась хозяйственная яма. Контуры ямы-погреба выявлены на глубине 0,25 от поверхности. В плане яма овальная, ориентирована с севера на юг, размеры на уровне зачистки 2,1×1,9 м. Дно ямы почти горизонтальное, глубина дна до 0,55 м от современной дневной поверхности. Заполнение ямы – темно-серый культурный слой с мелкими угольками. Найдено несколько мелких обломков лепных сосудов, один из которых был от лощеного сосуда и еще один от сосуда с расчесами [10; 261, с. 144–145, рис. 5].

Полуземлянка № 19. Постройка выявлена в юго-восточном углу раскопа 1971 г., в 34 м на юг-юго-восток от полуземлянки № 18 (рис. 11, *3, 4*). Контуры прямоугольного в плане котлована со слегка закругленными углами выявлены на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности. Глубина дна 0,7 м от уровня зачистки и 1 м от современной поверхности. Постройка ориентирована с северо-востока на юго-запад, ее размеры 3,35×3,20 м. Л. Д. Поболь считал, что и в данном случае мы имеем дело с двумя этапами застройки. Первоначально это было жилище столбовой конструкции, позднее – срубной, которое погибло при пожаре. Столбовые ямы располагались во всех четырех углах, сверху перекрыты сожженными бревнами стен. Вдоль юго-западной стены сохранились три сожженных бревна, остальных – по одному бревну. Размеры сруба 3×3 м, диаметр бревен 0,2–0,3 м. Как и в постройке № 18, в углах бревна вплотную примыкали друг к другу. На полу отмечена небольшая углистая прослойка. По-видимому, мы имеем дело со столбовой постройкой без отопительного сооружения.

Все вещи в постройке найдены выше пола. Выявлено 740 обломков лепных сосудов, из них 568 обломков принадлежат гладкостенным сосудам, 156 обломков относятся к сосудам с расчесами и 16 обломков лощеных сосудов. Также в постройке найдены три глиняных пряслица, одно из них с орнаментом; бронзовые пронизка и кольцо; железный нож; обломок цилиндрической красной бусины (рис. 82, *15*); венчик серого лощеного горшка со свастикой; раздавленный горшок с расчесами.

С юго-западной стороны полуземлянки располагались три хозяйственные ямы-погреба. Две из них в плане овальные, третья – треугольная с сильно округленными углами. Последняя яма находится в 0,3 м от стенки жилища. Ее контуры выявлены на глубине 0,3 от современной поверхности. Размеры ямы на уровне зачистки 1,1×1,05 м. Максимальная глубина отмечена в восточной части ямы – 0,5 м от уровня зачистки и 0,8 м от современной поверхности. Постепенное уменьшение глубины ямы отмечается в западном направлении. Заполнение – темно-серый культурный слой. В 0,6 м на северо-запад от данной ямы располагается одна из овальных ям. Ее раз-

меры 1,95×1 м. С юго-западной стороны имелся вход в яму-погреб: сохранилась одна ступенька. Глубина дна от современной поверхности 0,8 м, дно ровное. Заполнение – темно-серый культурный слой с угольками. Северо-восточный край этой ямы находился в 0,2 м от стенки жилой постройки. Вторая овальная ямы выявлена на глубине 0,3 м от современной поверхности, 0,2 м от юго-западной окраины первой овальной ямы. Яма ориентирована с северо-запада на юго-восток, ее размеры на уровне зачистки 1,2×0,8 м, глубина дна от поверхности 1 м. Яма заполнена темно-серым культурным слоем, найден один обломок гладкостенного сосуда [10; 261, с. 145, рис. 6].

Полуземлянка № 20. Постройка выявлена на глубине 0,25–0,3 м от уровня современной дневной поверхности в северо-восточной части раскопа XI (рис. 12, *1*). Котлован прямоугольной формы со слегка закругленными углами, ориентирован с северо-востока на юго-запад. Размеры на уровне зачистки 4,4×4,0 м. Глубина дна 0,55 м от уровня зачистки и около 0,8 м от дневной поверхности. Заполнение верхней части постройки – в основном черный культурный слой, ниже – темно-серый с линзами черного культурного слоя. На дне в средней части постройки отмечено зольно-углистое пятно толщиной 0,05–0,1 м, свидетельствующее о гибели жилища при пожаре. Остатки сгоревшей стены частично сохранились лишь в южном углу. Юго-западную стенку частично разрушил более поздний каменный очаг. Западный угол нарушила также поздняя овальная яма. Ее размеры на уровне зачистки 1,0×0,76 м. В восточной части ямы находились 2 обломка раннегончарных сосудов и 2 обломка лепных сосудов I тыс. н. э. По-видимому, постройка имела срубную конструкцию стен без отопительного сооружения.

В заполнении полуземлянки найдено 354 обломка лепных гладкостенных сосудов, 3 куска шлака, 6 обработанных кремней. Также выявлены 2 обломка пряслиц, бронзовая пластинка, стеклянная красная плоская бусина (рис. 83, *20*), обломок глиняной сковородки.

Л. Д. Поболь датировал постройку II–V вв. н. э. [10; 261, с. 145, рис. 7].

Полуземлянка № 21. Постройка располагалась северо-западнее полуземлянки № 20 (рис. 12, *2*). Контуры жилища прослежены на глубине 0,4–0,45 м от современной дневной поверхности. Постройка ориентирована с северо-запада на юго-восток, размеры на уровне зачистки 3,3×3,15 м. Глубина дна от уровня зачистки 0,3–0,4 м, от современной поверхности 0,8 м. На значительной части пола лежала углисто-зольная прослойка толщиной 1–2 см, что свидетельствует о гибели жилища при пожаре. В северо-восточном углу отмечена столбовая яма диаметром 0,3 м, глубина в материке 0,1 м. Верхняя часть полуземлянки заполнена темно-серым культурным слоем, нижняя – темно-серым и черным культурным слоем с угольками, золой и вкраплениями желтого песка. Постройка, очевидно, имела срубную конструкцию стен без отопительного сооружения.

В заполнении постройки выявлено 309 обломков лепных сосудов, 2 обломка кремневых изделий, кость животного. Почти в центре жилища, на глубине 0,6 м лежал большой кусок шлакированного железа.

Л. Д. Поболь датировал постройку II–V вв. н. э. [11; 261, с. 145–146, рис. 8].

Полуземлянка № 22. Постройка выявлена в южной части раскопа XI, ориентирована по странам света (рис. 12, *3*). Ее контуры обнаружены на глубине 0,35–0,4 м, глубина дна от современной поверхности 0,8–0,85 м. Размеры полуземлянки на уровне зачистки 4,0×4,1 м. Заполнение – темно-серый культурный слой с линзовидными включениями черного слоя и зольно-углистых вкраплений. Очевидно, постройка № 22 имела срубную конструкцию стен без отопительного сооружения.

В заполнении постройки найдено 1000 обломков лепной посуды, в основном от гладкостенных сосудов, только 5 обломков принадлежат сосудам с расчесами. Выявлено 3 биконических глиняных пряслица, железное острие, каменный точильный брусок. Найдены 5 обломков обработанного кремня, 14 кусков шлака, 22 кости животных. Над полуземлянкой в верхнем слое лежали находки раннефеодального времени: обломок амфоры, кованый гвоздь, обломок стеклянного изделия.

Л. Д. Поболь относил постройку ко II–V вв. н. э. [11; 261, с. 146, рис. 9].

Полуземлянка № 23. Постройка выявлена в юго-восточной части раскопа XI, ориентирована по странам света. Ее контуры имели размеры примерно 4,2×3,5 м (рис. 4). Жилище изучено не было: практически полностью смыто проливным дождем. В юго-западной части местонахождения жилища имелось овальное углубление 5×1,5 м, в котором собрана керамика. Всего выявлено 256 обломков лепных сосудов, только 5 обломков принадлежат сосудам с расчесами, остальные – от гладкостенных сосудов, найдены 13 кусков шлака, 4 обработанных кремня.

Л. Д. Поболь относил полуземлянку ко II–V вв. н. э. [11; 261, с. 146, рис. 10].

Полуземлянка № 24. Постройка выявлена в юго-западном углу раскопа XI. Размеры котлована примерно 3×3 м, нижняя часть углублена в материк на 4–5 см. Практически полуземлянка находилась в культурном слое, нижняя часть углублена на 0,4–0,45 м от современной дневной поверхности (рис. 4). По своей конструкции стен полуземлянка была, по-видимому, срубной постройкой без отопительного сооружения.

В заполнении найдено 233 обломка лепных гладкостенных сосудов, обломок стенки ребристого сосуда, обломок глиняной сковородки.

Л. Д. Поболь датировал постройку II–V вв. н. э. [11; 261, с. 146, рис. 10].

Полуземлянка № 25. Постройка выявлена в раскопе XII (рис. 12, *4*). Контуры котлована обнаружены на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности, глубина дна 0,55–0,6 м. Полуземлянка имеет квадратную форму с закругленными углами, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-

восток, размеры на уровне зачистки 4,2×4,2 м. Северо-западная часть жилища частично разрушена большой овальной хозяйственной ямой. В северо-восточном углу постройки вдоль восточной стены земля сильно обожжена, здесь на разных уровнях, от 0,2 до 0,45 м от современной поверхности выявлено 84 куска глиняной обмазки. На дне северо-восточной части полуземлянки расчищены две ямы. Одна из них круглая, диаметром 0,55 м, глубиной 0,3 м от уровня зачистки и 0,8 м от современной дневной поверхности, заполнена темно-серым культурным слоем с углем и золой. Вторая яма – овальная, 0,55×0,4 м, глубина 0,35 м от уровня зачистки и 0,85 м от современной дневной поверхности, заполнена темно-серым культурным слоем, найден один обломок гладкостенного сосуда. По своим конструктивным особенностям полуземлянка была срубной постройкой, по-видимому, с глинобитной печью в северо-восточном углу.

В заполнении жилища найдены 349 обломков лепных нелощеных сосудов, 17 обломков сосудов с расчесами, 6 обломков лощеных сосудов, 7 кусков шлака (некоторые из кусков имели красные натеки), 3 обработанных кремня. В распахиваемом слое над жилищем обнаружены фрагмент железной остроги и бронзовое изделие. В заполнении полуземлянки найдены два обломка глиняных сковородок, два обломка пряслиц, фрагмент ножа, фрагмент железного изделия. В северо-восточном углу жилища, в 0,2 м от стены, на глубине 0,32 м от современной поверхности выявлена бронзовая лунница с красной (в треугольном углублении) и белой (в двух круглых углублениях) эмалью (рис. 81, *2*).

Л. Д. Поболь датировал постройку II–V вв. н. э. [12; 261, с. 146, рис. 11].

Полуземлянка № 26. Постройка обнаружена в раскопе XII на глубине 0,2 м (рис. 13, *1*). Жилище ориентировано с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Постройка сгорела во время пожара. Котлован полуземлянки имел прямоугольную форму с закругленными углами, размеры котлована на глубине 0,4 м от современной поверхности 4,2×4,0 м. Глубина дна 0,9–1,0 м от современной поверхности. Юго-восточная часть дна возвышалась на 0,1 м над остальной частью. Заполнение котлована – черный культурный слой с большим количеством угля и золы. С южной части постройки прослеживался вход в жилище. При расчистке котлована в нижней части заполнения с наружной стороны стен найден обожженный порог длиной 1 м из толстого кругляка диаметром до 0,3 м. В нижней части заполнения сохранились сожженные деревянные стены на 2–3 венца (диаметр бревен до 0,2 м); с восточной части на четыре венца, в одном месте прослеживается пятое бревно, которое находилось на глубине 0,38 м от поверхности. Остальные бревна располагались на глубине от 0,45 до 1,0 м. Размеры деревянной постройки 3,0×2,4 м. В нижней части жилища прослеживаются остатки двух лаг (в шести местах), идущих вдоль длинных стен с севера-северо-востока на юг-юго-

запад, и настил в семи местах из сосновых плах шириной до 0,3 м и длиной от 0,2 до 0,5 м. Настил располагался параллельно коротким стенам, идущим с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Бревна в юго-западном и юго-восточном углах располагаются вплотную друг к другу. Нижнее бревно восточной стенки на расстоянии до 0,7 м не доходит до угла, а северное бревно не доходит на 0,5 м до угла. Верхние венцы (второй и третий от низа) почти вплотную подходят друг к другу.

Направо от входа в жилище, в северо-восточном углу, располагалась печь-каменка. Печь была отделена от остальной части жилища: западнее лежали остатки бревна, северный конец которого плотно подогнан к северной стенке и даже на несколько сантиметров входил в нее. С южной стороны печи также имеются остатки бревна. Всего от печи-каменки сохранилось 27 обожженных камней, которые находились на глубине 0,7–0,9 от поверхности. Камни разбросаны на площади 1,2×1 м, их диаметр до 0,2 м. В северо-западной части жилища, в 0,5 м от северной стенки и в 1 м от западной стенки, лежал большой камень (0,5×0,25×0,3 м), обращенный острой рабочей частью кверху. Можно предполагать, что он выполнял какую-то хозяйственную функцию. Камень, очевидно, был укреплен на полу. Его верхняя острая часть находилась от современной поверхности на глубине 0,61 м. Таким образом, по своим конструктивным особенностям полуземлянка № 26 относилась к срубным постройкам с печью-каменкой в северо-восточном углу.

Под нижним бревном южной стенки, между порогом и углом, найден лепной горшок VI–VII вв. (рис. 61, *3*). Горшок был верхней частью направлен в сторону очага, днище несколько приподнято вверх. Верхняя часть горшка обломана. Рядом под стенкой находился венчик другого горшка. Всего в заполнении полуземлянки найдено 875 обломков лепных нелощеных сосудов, 3 обломка лощеных сосудов, 2 обломка сосудов с расчесами. Последние две категории посуды, по мнению Л. Д. Поболя, попали в жилище из культурного слоя. В заполнении также найдены: железный нож, обломок второго ножа, фрагмент рыболовного крючка, железное острие, фрагмент железного изделия, 7 обломков глиняных пряслиц, обломок глиняной сковородки, обломок стенки сосуда с оттянутым ребром, каменный брусок, 1 кусок шлака, 3 обработанных кремня, 10 костей животных.

Л. Д. Поболь относил данную постройку к VI–VII вв. [12; 261, с. 146–147, рис. 12].

Полуземлянка № 27. Постройка выявлена в раскопе XV. Контуры полуземлянки прослежены на глубине 0,4 м (рис. 13, *2*). Размеры на уровне зачистки 5,0×4,8 м, углы слегка закруглены. Постройка ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Глубина дна от современной поверхности в северной части – 1,3 м, в южной – 1,2 м. Жилище погибло в огне. На уровне пола прослежены остатки четырех сожженных плах, их ширина 25–30 см.

Уровень пола располагался на глубине 1,1–1,15 м от современной дневной поверхности. Разница в уровне пола в северной части жилища по сравнению с южной составляла 0,1 м, поэтому в северной части под плахи были положены лаги. В северной части жилища в пяти местах выявлены остатки потолочного перекрытия, рухнувшего во время пожара. Они располагались на 0,3–0,4 м выше пола. Жилище заполнено черным культурным слоем. После выборки заполнения по углам и вдоль стен обнаружены столбовые ямы. В северо-восточном углу диаметр ямы 0,22 м и глубина от уровня зачистки 0,15 м; в юго-восточном углу – диаметр 0,2 м и глубина 0,2 м; в юго-западном углу располагались две ямы, диаметр одной 0,2 м и глубина 0,26 м, диаметр второй 0,25 м и глубина 0,32 м, в северо-восточном углу яма имела диаметр 0,22 и глубину 0,3 м. Вдоль восточной стены почти на равном расстоянии между угловыми ямами выявлена яма диаметром 0,3 и глубиной 0,2 м. Южная стена такими ямами делится на три части. В средней части между этими столбовыми ямами шириной в 1 м, очевидно, размещался вход. Слева от входа располагалась яма диаметром 0,25 м и глубиной 0,35 м. Вдоль западной части выявлено пять ям диаметром 0,1–0,15 м и глубиной 0,05–0,12 м. Судя по расположению столбовых ям, жилище имело размеры 3,5×3,5 м. Вход находился с южной стороны. В средней части жилища обнаружена обожженная земля, очевидно, следы открытого очага. На самом дне котлована жилища прослежена плотная коричневая прослойка толщиной до 0,1 м. В юго-восточном углу, в заполнении находилось до 15 разбросанных камней. По мнению Л. Д. Поболя, эти камни сброшены туда после гибели жилища. Следовательно, полуземлянка № 27 являлась постройкой столбовой конструкции с очагом в средней части.

В заполнении выявлено 5892 обломка сосудов, из них 5709 обломков относятся к нелощеным сосудам, 102 обломка – к сосудам с расчесами, 81 обломок – к лощеным сосудам. В верхней части заполнения найдена бронзовая фибула с подвязанной ножкой (рис. 86, *5*) (Л. Д. Поболь датирует ее III–IV вв. по северопричерноморским аналогиям). В заполнении выявлены следующие железные вещи: серп, обломок топора, два ножа, 6 целых и в обломках шильев и острия, посоховидная булавка, 4 других изделия. Из бронзы найдены трапециевидная подвеска и три других изделия, а также 4 стеклянные бусины (рис. 84, *27, 28, 30*), фрагмент стеклянного сосудика. В тексте полевого отчета отмечено (с. 43), что в заполнении постройки найдены 4 красные стеклянные бусины. Из приложенной к отчету коллекционной описи выясняется, что в полуземлянке было выявлено три красные (глубина 0,35; 0,6; 0,75 м) и одна синяя (глубина 0,6 м) бусины. В заполнении также найдены 11 обломков глиняных тиглей, два обломка ткацких грузил, обломок рыболовного грузика, 16 обломков пряслиц, 5 других вещей из глины. В заполнении жилища также выявлены 85 костей животных, среди них

17 костей домашнего быка, 8 костей домашней свиньи, обломок зуба мелкого рогатого скота, обломок челюсти с двумя зубами дикого кабана.

Л. Д. Поболь относил жилище к концу второй четверти I тыс. н. э. и считал, что такие постройки типичны для начала второй половины I тыс. н. э. [13; 261, с. 147–148, рис. 13].

Полуземлянка № 28. Постройка выявлена в южной части раскопа XVI в 1974 г., изучена в 1975 г. (рис. 13, *3*). Контуры жилища прослеживаются на глубине 0,4 м от современной поверхности. Заполнение – черный культурный слой. Котлован жилища имеет прямоугольную форму с закругленными углами, ориентирован по сторонам света, размеры 4×3,8 м, глубина дна 0,45 м от уровня зачистки и 0,85 м от уровня современной поверхности. На дне жилища выявлена темно-коричневая прослойка толщиной 2–3 см. В западной части постройки найдены мелкие обломки глиняной обмазки, вдоль стены – кусочки угля. Таким образом, можно предположить, что полуземлянка являлась срубной постройкой без отопительного сооружения.

На дне жилища вдоль восточной стены находилось пять лепных сосудов, перевернутых вверх дном (рис. 48, *3, 4*; рис. 56, *2*; рис. 60, *2, 3*). Один из горшков располагался посередине стенки. Два серых лощеных с небольшим ребром горшка, вставленных друг в друга, находились в юго-восточном углу полуземлянки. Самый крупный из этих сосудов на дне имел кольцевое углубление. В северо-восточном углу найдены еще два раздавленных горшка, один из них почти полностью удалось собрать. У этого горшка на шейке имелись два отверстия для подвешивания. Также один небольшой горшочек найден в заполнении, в северо-западной части жилища на глубине 0,44 м от современной поверхности (рис. 64, *5*). Кроме того, в заполнении постройки выявлены обломки днища еще одного горшка и 1527 обломков других различных сосудов; из них 1527 обломков гладкостенных сосудов, 11 обломков относятся к лощеным сосудам, один из них от ребристого горшка, 35 обломков происходят от сосудов с расчесами.

Индивидуальные находки из заполнения постройки и окружающей территории представлены 30 различными предметами. Среди этих находок встречен фрагмент плоского бронзового браслета с орнаментом (рис. 79, *14*), железный нож, железная игла, бронзовый пинцет (рис. 69, *8*), обломки различных железных изделий, красная стеклянная бусина (рис. 84, *7*), обломок глиняной бусины в виде пряслица, 14 целых и в обломках глиняных пряслиц, из них два орнаментированных, 4 обломка тиглей. В полуземлянке найдены кости домашнего быка (определение В. В. Щегловой) и обломок рога с двумя углублениями круглой формы.

Л. Д. Поболь относил полуземлянку к концу второй или началу третьей четверти I тыс. н. э. [17; 261, с. 148, рис. 14].

Первая хозяйственная яма обнаружена на глубине 0,4 м, глубина дна от уровня зачистки 0,25 м и 0,65 м от современной поверхности. Диаметр ямы на уровне зачистки 1 м. В нижней части темно-серого заполнения ямы в профиле выделялась прогнутая вниз прослойка желтого песка. В заполнении найдено 24 обломка гладкостенных сосудов.

Вторая хозяйственная яма находилась в 0,6 м западнее первой ямы. Западный край уходил в раскоп XVIII. Контуры ямы выявлены на глубине 0,4 м, глубина дна от уровня зачистки 0,7 м и 1,1 м от современной поверхности, диаметр на уровне зачистки 0,96 м. Заполнение – темно-серый культурный слой. В заполнении найдены куски обожженной бересты, 4 обломка гладкостенных сосудов. На глубине 0,65 м от современной поверхности выявлен обломок глиняного пряслица. Обе хозяйственные ямы, по-видимому, относятся к полуземлянке № 28.

С восточной стороны полуземлянки № 28 располагался очаг. Он обнаружен на глубине 0,4 м, глубина дна от уровня зачистки 0,2 м, диаметр на уровне зачистки 0,58 м. Обнаружено 74 обожженных камня, перемешанных с золой и углем. В очаге найдено 7 обломков гладкостенных сосудов и 3 кости животных: кость лося и 2 кости лошади (определение В. В. Щегловой).

Рядом с первым очагом располагался второй очаг. Он выявлен на глубине 0,2 м, ориентирован с севера на юг, его размеры 0,9×0,7 м, глубина дна от уровня зачистки 0,25 м. В очаге находилось 64 обожженных камня, перемешанных с углем и золой. После выборки заполнения в нижней части ямы по ее краям обнаружены три ямы, заполненные темно-серым культурным слоем. Одна из них в северной части имела глубину 0,25 м от уровня зачистки, вторая яма – в юго-западной части, глубина 0,2 м, третья яма – в юго-восточной части, глубина 0,12 м. Среди камней находилось 8 обломков лепных нелощеных сосудов, в одной из нижних ям – 2 обломка сосудов, один из них с расчесами (рис. 21) [17; 261, с. 148, рис. 14].

Полуземлянка № 29. Постройка располагалась в раскопе XVI, выявлена в 1974 г., изучена в 1975 г. (рис. 13, *4*). Полуземлянка углами ориентирована по странам света, стенами на северо-восток, северо-запад, юго-запад и юго-восток. В плане полуземлянка квадратная, 4×4 м, выделялась на глубине 0,4 м своим темно-серым заполнением. Глубина дна 0,8 м от уровня современной дневной поверхности. Вдоль северо-западной стены лежали два сожженных бревна. По своим конструктивным особенностям полуземлянка являлась срубной постройкой без отопительного сооружения.

В заполнении жилища в скоплении находилось 33 обломка крупного нелощеного горшка. Обнаружена также верхняя часть лощеного ребристого горшка. Кроме того, в полуземлянке находился 2161 обломок лепных сосудов, среди них 2109 обломков относятся к гладкостенным сосудам, 52 обломка – к сосудам с расчесами. Обнаружено 6 кусков шлака. В запол-

нении полуземлянки, в распахиваемом слое над жилищем, на прилегающей к жилищу территории обнаружено 24 индивидуальные находки, из них железная бритва (гл. 0,45 м) (рис. 69, *1*), фрагмент железного удила (рис. 72, *5*), железное острие, бронзовая оковка ремня (рис. 73, *3*), бронзовая заклепка, обломки железных и бронзовых изделий, днище тигля, 11 целых и в обломках глиняных пряслиц.

Л. Д. Поболь датировал полуземлянку концом второй – началом третьей четверти I тыс. н. э. [14; 261, с. 148–149, рис. 29].

Полуземлянка № 30. Постройка выявлена в раскопе XVIII, ориентирована с востока-северо-востока на юг-юго-запад (рис. 14, *1*). Контуры жилища выявлены на глубине 0,2 м. Заполнение – черный культурный слой. Вдоль юго-юго-восточной стены прослеживались углы от сожженного бревна. Глубина котлована постройки 0,6 м от уровня зачистки и 0,8 м от современной поверхности. В южной части полуземлянки выявлена круглая в диаметре яма диаметром 0,8 м и глубиной от уровня зачистки 0,2 м. Очевидно, по своим конструктивным особенностям полуземлянка № 30 являлась срубной постройкой без отопительного сооружения.

В заполнении постройки найдены обломок сосуда эпохи бронзы и 6 обработанных кремней. Помимо этого выявлено 833 обломка сосудов I тыс. н. э., среди них 790 обломков относятся к лепным нелощеным сосудам, 6 обломков – к сосудам с расчесами и 5 обломков принадлежат лощеным сосудам. Также найден один кусок шлака и еще 5 обработанных кремней.

В полуземлянке выявлены 22 индивидуальные находки: железный серп, игла фибулы, два фрагмента ножа, два острия, две пластинки, крючок, две посоховидные булавки, бронзовые кольцо и пронизь, обломок тигля, глиняная формочка для отливки украшений, одно целое и 4 обломка пряслиц [14; 261, с. 149, рис. 16].

Полуземлянка № 31. Постройка выявлена в раскопе XIX (рис. 14, *2*). Контуры постройки обнаружены на глубине 0,3–0,4 м, глубина дна от уровня зачистки 0,5–0,6 м. Полуземлянка прямоугольной формы со слегка закругленными углами, ориентирована с северо-запада на юго-восток, ее размеры 3,4×3,2 м. Заполнение – черный культурный слой. На дне котлована отмечена прослойка темно-серого культурного слоя. Полуземлянка № 31 по своим конструктивным особенностям являлась срубом без отопительного сооружения, скорее всего, производственного назначения.

В южной части жилища выявлен лепной горшочек (рис. 56, *4*). Он лежал на боку, обращен горлом на запад. Также в заполнении постройки найдено 649 обломков лепных сосудов, из них 621 обломок нелощеных сосудов, 116 обломков с расчесами, 17 обломков лощеных сосудов. Обнаружено также 12 обработанных кремней и 20 костей животных: бык домашний, лошадь, лось (определение В. В. Щегловой).

Из заполнения жилища происходят 16 индивидуальных находок, среди них бронзовая лунница с красной и зеленой эмалью (рис. 81, *5*), также бронзовые пластинка, пронизь, кольцо, слиток. С бронзолитейным производством связаны находки льячки и 6 тиглей. Железные изделия представлены находками обломка удила, острия, предмета неопределимого назначения. Также найдены 3 пряслица: два целых и один в обломках.

Рядом с полуземлянкой № 31 с южной стороны располагался очаг, с восточной стороны жилища находились три хозяйственные ямы (рис. 22).

Очаг располагался рядом с полуземлянкой № 31. Контуры очага выявлены на глубине 0,35 м, диаметр 1 м, глубина дна 0,4 м. В очаге находилось 82 обожженных камня, среди которых было до 20 обломков лепных гладкостенных сосудов, типичных для IV–V вв. (заключительный период позднего этапа зарубинецкой культуры по Л. Д. Поболю).

Хозяйственные ямы. Контуры первой ямы выявлены в 2 м на восток от восточного угла полуземлянки № 31 на глубине 0,2 м, диаметр ямы 1 м, глубина дна 0,3 м, заполнена черным культурным слоем.

Вторая яма обнаружена в 1,2 м восточнее северного угла жилища на глубине 0,2 м, диаметр ямы 1 м, глубина дна 0,3 м.

Третья яма выявлена на глубине 0,5 м, ее диаметр 1,15 м, глубина дна 0,3 м. В южной части ямы находилось 14 обломков гладкостенных сосудов [14; 261, с. 149, рис. 17].

Полуземлянка № 32А. Постройка выявлена в восточной части раскопа XX на глубине 0,2–0,3 м от современной дневной поверхности (рис. 14, *3*). Постройка ориентирована с юга на север, размеры на уровне зачистки 4,44×3,45 м. Глубина дна от уровня зачистки до 0,3 м, от современной дневной поверхности 0,5 м. На глубине 0,25–0,35 м от современной поверхности вдоль южной стенки жилища отмечен уголь.

В заполнении постройки выявлено 96 обломков гладкостенных сосудов, 7 обломков лощеных сосудов, 9 обломков сосудов с расчесами. Индивидуальные находки представлены обломками двух стеклянных бусин (рис. 84, *8, 9*), бронзовым височным кольцом (рис. 78, *5*), черенком железного ножа, 9 целыми и обломками глиняных пряслиц, обработанным камнем.

Л. Д. Поболь датировал полуземлянку второй четвертью I тыс. н. э. [15; 261, с. 149, рис. 18а].

Полуземлянка № 32Б. Постройка располагалась под постройкой № 32А (рис. 14, *4*). Глубина дна от уровня зачистки до 0,73 м, от современной дневной поверхности до 1,25 м. На дне полуземлянки сохранились сожженные бревна сруба на высоту 2–3 венца. Все они располагались на разной глубине от уровня зачистки. Очевидно, сруб имел размеры 3,2×3,0 м и был ориентирован с севера-северо-запада на юг-юго-восток. На дне сохранились остат-

ки деревянных плах от пола. Заполнение – черный культурный слой. Найдены мелкие обломки гладкостенных сосудов типа верхнего жилища. Скорее всего, полуземлянка № 32А и полуземлянка № 32Б являлись постройками срубной конструкции без отопительного сооружения.

Л. Д. Поболь также относил постройку ко второй четверти I тыс. н. э. [15; 261, с. 149, рис. 18, б].

Полуземлянка № 33. Постройка находилась в юго-восточной части раскопа XXV (рис. 4). Контуры полуземлянки обнаружены на глубине 0,2 м от дневной поверхности и в южном направлении уходили в северную часть раскопа XXVI. Восточная часть постройки разрушена более поздней хозяйственной ямой, южная часть распахана и уничтожена. Западная стена прослежена в длину до 3 м. Сохранилась лишь северо-западная часть жилища. Здесь плотный углистый слой погибшего в огне дома достигал 5–7 см. Очевидно, полуземлянка № 33 представляла собой срубную конструкцию, отопительное сооружение отсутствует.

В заполнении постройки выявлено 29 обломков лепных нелощеных сосудов, один обломок лощеного сосуда, один обломок сосуда с расчесами. На глубине 0,25 м найдена также железная игла [16; 261, с. 149–150].

Полуземлянка № 34. Постройка расположена в южной части раскопа XXVI, в двух метрах от кромки берега второй надпойменной террасы (рис. 15, *1*).

Котлован имел прямоугольную форму с закругленными углами. Его размеры на уровне зачистки 4,3×3,6 м, ориентирован с запада на восток. Глубина в материке 0,58–0,6 м, глубина от современной дневной поверхности 0,8 м. Котлован заполнен вверху темно-серым культурным слоем, внизу – черным культурным слоем, также прослежены прослойки угля, золы и желтого песка. Очевидно, постройка погибла в огне. По-видимому, полуземлянка № 34 представляла собой срубную конструкцию, отопительное сооружение отсутствует.

В заполнении постройки обнаружено 380 обломков лепных сосудов, многие из которых были повторно обожжены, также найдены 3 обломка сосудов с расчесами. Индивидуальные находки представлены обломком глиняного грузила, 3 обломками глиняных пряслиц, найдены железный пробойник (?), железная свернутая пластинка, бронзовое изделие, нож кремневый. Также выявлены 8 обломков зубов лося и быка, обломок лопатки домашнего быка.

Л. Д. Поболь датировал полуземлянку второй четвертью I тыс. н. э. [16; 261, с. 150, рис. 19].

Полуземлянка № 35. Постройка выявлена в раскопе XXVII (рис. 15, *2*). На уровне зачистки полуземлянка имела прямоугольную форму с закругленными углами, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток,

размеры 3,6×3,5 м. Глубина котлована от уровня зачистки до 0,6 м, от уровня современной дневной поверхности – до 1,2 м. Жилище погибло в огне, вдоль стен котлована сохранились сожженные бревна. Размеры сруба: восточная стена 3,1 м, западная, северная и южная по 3,2 м. В нижней части котлована отмечена прослойка золы с угольками. Выявлены остатки сожженного пола из плах. В северо-восточном углу находилось 5 камней, которые остались, по-видимому, от печи-каменки. Как считает Л. Д. Поболь, печь была разобрана после гибели жилища. Также в заполнении полуземлянки, в северо-западном углу, обнаружено несколько камней. Здесь же имелась яма глубиной 0,3 м, диаметром 0,3 м. В этом же углу на дне котлована найдены два перевернутых вверх дном горшка (рис. 57, *1, 2*). Постройка № 35, действительно, имела срубную конструкцию стен и отапливалась печью-каменкой, расположенной в северо-восточном углу.

В заполнении полуземлянки выявлены 996 обломков лепной посуды, из них 959 обломков принадлежат нелощеным сосудам, 19 обломков относятся к сосудам с расчесами, 8 обломков – к лощеным сосудам. В разных местах постройки найдены следующие индивидуальные находки: обломок железного ножа, изделие в виде двухшипного наконечника стрелы (?), 3 обломка глиняных пряслиц, кусок глиняной обмазки. Также в заполнении обнаружены 2 куска шлака, обработанный кремень. В северной части постройки за пределами сожженного бревна выявлен обломок глиняного пряслица.

Л. Д. Поболь относил постройку к рубежу V–VI вв. [17; 261, рис. 20].

Полуземлянка № 36. Постройка предшествовала полуземлянке № 35, которая в значительной части перекрыла более раннюю полуземлянку № 36 (рис. 15, *2*). Судя по сохранившейся южной и восточной части, полуземлянка имела близкую к прямоугольной форму с закругленными углами, размеры 4×4 м, ориентирована по странам света. Нижняя часть постройки № 36 на 5–7 см глубже постройки № 35. Заполнение – темно-серый культурный слой. Полуземлянка № 36 также имела срубную конструкцию стен, отопительное сооружение не сохранилось.

В юго-восточной части полуземлянки найден обломок глиняного пряслица, в северо-восточной части – пряслице из трех обломков. Также обнаружен обломок кремня и крица.

Л. Д. Поболь датировал постройку рубежом V–VI вв. [17; 261, с. 150, рис. 20].

Полуземлянка № 37. Постройка находилась на границе XXVII и XXVIII раскопов (рис. 15, *3*). Полуземлянка выявлена на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности, имеет квадратную форму с закругленными углами, ориентирована по сторонам света. Размеры на уровне зачистки 3,8×3,8 м, глубина дна 0,5 м от уровня зачистки и 0,7 м от современной днев-

ной поверхности. Заполнение – темно-серый культурный слой, встречаются включения угля вместе с золой. Полуземлянка № 37 представляет собой, скорее всего, срубную конструкцию, отопительное сооружение не выявлено.

В заполнении выявлено 407 обломков лепной посуды, из них 400 обломков относится к нелощеным сосудам, 4 обломка – к сосудам с расчесами и 3 обломка принадлежат лощеным сосудам. Найден обломок глиняного пряслица.

Л. Д. Поболь относил постройку к IV–V вв. [17; 261, с. 150, рис. 21].

Полуземлянка № 38. Постройка выявлена в раскопе XXIX (рис. 16, *1*). Контуры полуземлянки обнаружены на глубине 0,35–0,4 м от современной дневной поверхности. Постройка в плане прямоугольная с закругленными углами, ее размеры на уровне зачистки 3,75×3,20 м, ориентирована по странам света, длинная сторона по оси запад–восток. Глубина дна от уровня зачистки 0,4 м, от уровня современной дневной поверхности до 0,8 м. Заполнение – темно-серый и черный культурный слой с углем и золой.

В северо-восточном углу полуземлянки находилась печь-каменка. Сохранилось более 40 камней размером от 0,1 до 0,4 м. Они располагались на глубине от 0,2 до 0,75 м от современной дневной поверхности. В развале печи выявлен камень от жернова с круглым углублением в центре. Он был поставлен с восточной стороны углублением внутрь печи. Пол в жилище глиняный. Толщина глинистой прослойки несколько сантиметров. Постройка № 38 представляла собой сруб, отапливаемый печью-каменкой, расположенной в северо-восточном углу.

В заполнении постройки выявлено 502 обломка лепных сосудов, из них 465 обломков относятся к нелощеным сосудам, 28 обломков принадлежат лощеным сосудам, 9 обломков – от сосудов с расчесами. Также в заполнении жилища найдены одно целое пряслице и два пряслица в обломках, обломок бронзового кольца, железное шило.

Л. Д. Поболь датировал постройку V–VI вв. [17; 261, с. 150, рис. 22].

Полуземлянка № 39. Постройка выявлена в раскопе XXX, который был заложен на краю карьера. После зачистки обрыва было прослежено заполнение постройки № 39 (рис. 16, *2*). Сохранилась лишь северо-восточная часть полуземлянки длиной 3,4 м. Жилище ориентировано с северо-востока на юго-запад. Глубина дна котлована от уровня зачистки до 0,5 м, от современной дневной поверхности 0,8–0,9 м. В северной части жилища найдены камни от печи-каменки. Полуземлянка № 39, по-видимому, представляла собой срубную конструкцию с печью-каменкой в северном углу.

В заполнении постройки обнаружено 633 обломка лепных сосудов, из них 619 обломков принадлежат нелощеным сосудам, 9 обломков относятся к сосудам с расчесами, 5 обломков – к лощеным сосудам. В заполнении также

найден обломок глиняного овального в плане пряслица, обломок глиняной сковородки, железное острие, стеклянная бусина с позолотой (тип 25 по Е. М. Алексеевой (рис. 84, *16*) [25, с. 32, табл. 26: 67, 68, 70]. Кроме того, в заполнении жилища выявлены 2 куска глиняной обмазки, 7 кусков шлака, крица, 10 кремневых орудий труда, 2 кальцинированные кости.

Л. Д. Поболь относил постройку ко II–III вв. [17; 261, с. 150–151, рис. 23].

Полуземлянка № 40. Постройка выявлена в раскопе XXXI (рис. 16, *3*). Контуры полуземлянки отмечены на глубине 0,2 м. Постройка ориентирована почти строго с севера на юг, размеры на уровне зачистки 3,2×2,7 м. Глубина дна в материке 0,15 м, от современной дневной поверхности 0,65 м. Заполнение – темно-серый культурный слой с линзами желтого песка. После разрушения постройки в котлован полуземлянки было впущено погребение № 189. По-видимому, полуземлянка представляла собой сруб, отопительное сооружение не выявлено.

В заполнении обнаружено 86 обломков лепной посуды, из них 81 обломок нелощеных сосудов, 3 обломка лощеных сосудов, 2 обломка сосудов с расчесами. Также выявлены пряслице, обломок пряслица, железная пряжка с вогнутыми краями (рис. 70, *15*), кусок шлака.

Л. Д. Поболь датировал постройку второй четвертью I тыс. н. э. [18; 261, с. 151, рис. 24].

Полуземлянка № 41. Постройка выявлена в раскопе XXXIII (рис. 12, *4*). Постройка обнаружена на глубине 0,2 м. Она имеет слегка удлиненную форму с закругленными углами и ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Ее размеры на уровне зачистки 3,85×3,65 м. Глубина дна от уровня зачистки 0,8 м, 1,0 м – от современной дневной поверхности. Заполнение – темно-серый культурный слой с примесью золы и угля. Очевидно, полуземлянка № 41 по своим конструктивным особенностям представляла собой сруб, отопительное сооружение не сохранилось.

В заполнении котлована жилища собрано 4086 обломков лепной посуды, 4062 обломка принадлежат нелощеным сосудам, 16 обломков – сосудам с расчесами, 8 обломков – лощеным сосудам. На дне, у северо-западной стенки полуземлянки, на глубине 0,95 м от современной дневной поверхности находился в раздавленном виде груболепной горшок. Кроме того, в заполнении выявлено 6 обломков глиняных биконических пряслиц, обломок тигля, два обломка глиняных грузил, 11 кремневых орудий и обработанных кремней, 11 кусков шлака, 12 костей и зубов животных.

Л. Д. Поболь относил постройку к концу второй четверти I тыс. н. э. [18; 261, с. 151, рис. 25].

Полуземлянка № 42. Постройка выявлена в раскопе XXXVII (рис. 17, *1*). Контуры полуземлянки обнаружены на глубине 0,2 м. Глубина дна от современной дневной поверхности до 0,9 м. Форма котлована прямоугольной

формы, ее размеры 4,2×3,6 м. Полуземлянка ориентирована с запада на восток. Постройка погибла в огне. В ее восточной части почти на дне лежала сожженная лага длиной около 1,1 м, шириной 0,12–0,15 м. Под лагой находился слой темной земли толщиной 5 см. Нижняя часть котлована была заполнена черным слоем мощностью 0,3–0,4 м. В отдельных местах заполнения имелись прослойки и вкрапления золы, угольков и желтого песка. Почти в центре полуземлянки выявлена столбовая яма диаметром 0,35 м, глубиной от уровня дна 0,21 м. Вторая яма с золой и углем найдена в северо-западном углу постройки. Диаметр ямы 0,4 м. В заполнении ямы выявлено одно целое и второе фрагментированное пряслице. Полуземлянка № 42 представляла собой постройку с центральным опорным столбом, отопительное сооружение не выявлено.

В заполнении постройки обнаружены несколько сотен обломков лепной посуды, среди них венчики от 18 нелощеных сосудов, венчик горшка с расчесами, обломки 7 днищ, из них 2 обломка от сосудов с поддонами. В верхней части заполнения, на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности находился обломок глиняной обмазки, на этой же глубине лежали 2 обломка глиняных грузил. Также в разных местах заполнения найдены еще четыре биконических пряслица: два целых и два в обломках, одно из фрагментированных пряслиц украшено зигзагообразным орнаментом.

Л. Д. Поболь датировал постройку IV–V вв.

На границе с полуземлянкой № 42 обнаружен каменный очаг. Контуры очага выявлены на глубине 0,45 м. Диаметр очага 0,45 м, глубина в материке 0,2 м [19; 261, с. 151, рис. 26].

Полуземлянка № 43. Постройка выявлена в раскопе XXXVII на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности (рис. 17, *2*). Полуземлянка ориентирована с севера на юг, размеры на уровне зачистки 5,1×4,5 м. Глубина дна 1,0 м от современной поверхности. Южная часть постройки № 43 перекрывала более раннюю полуземлянку № 45. В центре постройки № 43 имелся центральный опорный столб диаметром 0,17 м, глубиной ниже уровня пола 0,17 м. Центральная яма уходила в верхнюю часть более ранней полуземлянки № 45. Вблизи восточной стенки имеется яма диаметром 0,2 м, глубиной 0,15 м. Сверху над полуземлянкой располагался распахиваемый слой, ниже – темно-серый культурный слой, под ним находился черный культурный слой с вкраплениями желтого песка. Полуземлянка № 43 представляла собой столбовую постройку с центральным опорным столбом, отопительное сооружение не выявлено.

В заполнении котлована выявлены венчики 8 лепных нелощеных сосудов, обломки днищ 7 горшков, из них один с поддоном. Также найден обломок глиняной сковородки, два обломка глиняных биконических пряслиц [19; 261, с. 151, рис. 27].

Полуземлянка № 44. Постройка выявлена в раскопе XXXVII на глубине 0,2 м (рис. 17, *3*). Постройка почти правильной квадратной формы с закругленными углами, ориентирована по странам света. Размеры котлована на уровне зачистки 4,2×4,2 м. Глубина дна от уровня зачистки 0,6 м, от современной дневной поверхности – 0,8 м. В средней части постройки находился столб диаметром 0,2 м, глубина в материке 0,1 м. В юго-восточном углу полуземлянки также была столбовая яма диаметром 0,18 м, глубиной от уровня зачистки 0,2 м. Еще ямы размером 0,3×0,2 м, глубиной 0,15 м выявлены у восточной и южной стенок. Заполнение – черный культурный слой с включениями линз песка. Полуземлянка № 44 представляла собой столбовую постройку с центральным опорным столбом, отопительное сооружение не прослежено.

В заполнении постройки выявлено несколько сотен обломков лепных гладкостенных сосудов. Один горшок собран полностью (рис. 61, *2*), второй горшок представлен крупными частями (рис. 61, *4*). Найдены 5 венчиков от других горшков, 24 обломка днищ от разных горшков, из них 5 днищ с поддоном. Также в полуземлянке найдено 14 индивидуальных находок, из них железная шпора: с тыльной стороны она имеет уплощенную часть, в которой закреплен четырехгранный шип, последний изнутри заклепан (рис. 72, *1*). Обнаружен железный гвоздь с уплощенной шляпкой, железное изделие, синяя стеклянная бусина (рис. 84, *21*), 2 биконических целых пряслица и 8 пряслиц в обломках, обломок глиняного грузила. Один из обломков пряслиц был украшен по поверхности прочерченными линями-углублениями.

Л. Д. Поболь датировал полуземлянку IV–V вв. [19; 261, с. 151–152, рис. 28].

Полуземлянка № 45. Постройка выявлена в раскопе XXXVII (рис. 17, *2*). Контуры южной части полуземлянки обнаружены на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности, северная часть располагалась под нижней частью полуземлянки № 43. Постройка ориентирована с севера на юг, ее размеры 4,5×3,85 м. Глубина дна от современной поверхности до 0,9 м. В центре полуземлянки имелись остатки от столба, который был заглублен в материк на 0,18 м, диаметр ямы 0,4 м. Заполнение – темно-серый культурный слой вместе с прослойками черного слоя и желтого песка.

В заполнении выявлены 33 венчика лепных нелощеных горшков, один из которых имел утолщение у верхнего края, 5 днищ от горшков. Также обнаружено железное изделие [19; 261, с. 152, рис. 27].

Полуземлянка № 46. Постройка выявлена в раскопе XXXVIII на глубине 0,2 м (рис. 17, *4*). Постройка ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Размеры котлована на уровне зачистки 3,45×3,45 м. Глубина дна от уровня зачистки 0,5 м, от современной дневной поверхности – 0,7 м. Жилище погибло в огне. По периметру сохранились нижние сожженные бревна сруба. Длина северо-северо-восточной стенки постройки около

3,2 м, юго-юго-западной стенки 2,7 м, северо-северо-западной 3,15 м, южной стенки 3,30 м. Под юго-восточный угол была подложена чурка длиной 0,35 м. Судя по сохранившимся остаткам угла, постройка рубилась из бревен толщиной 0,15–0,2 м. Торцы бревен подгонялись друг к другу впритык.

В северо-восточной части жилища находилась разрушенная печь-каменка, восточнее которой выявлено углубление до 0,15 м. В различных местах жилища на полу выявлены ямки разных размеров и форм. Во всех трех углах (северо-восточном, юго-восточном, юго-западном) находились скопления раздавленных горшков. Таким образом, полуземлянка № 46 представляла собой постройку срубной конструкции с печью-каменкой в северо-восточной части.

В заполнении постройки выявлено несколько десятков обломков нелощеных горшков, которые относились к горшкам различных форм. Также в заполнении найдены биконическое пряслице, три обломка глиняных грузил. В верхней части жилища на глубине 0,2–0,4 м находилась глиняная обмазка с отпечатками круглых бревен.

Л. Д. Поболь относил постройку ко второй четверти I тыс. н. э. [19; 261, с. 152, рис. 29].

Полуземлянка № 47. Постройка выявлена в раскопе XLII на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности (рис. 18, *1, 2*). Жилище ориентировано по сторонам света по длинной оси запад–восток. Котлован постройки имеет прямоугольную форму со слегка закругленными углами. Размеры на уровне зачистки 3,85×3,2 м. Глубина дна до 0,6–0,7 м. Жилище погибло в огне. В нижней части котлована выявлены остатки сожженных деревянных стен, в отдельных местах – остатки деревянного пола. Примерные размеры деревянной постройки 3,4×3,0 м. У северной стены лежали два камня от разрушенной печи-каменки. После выборки заполнения на дне котлована обнаружены столбовые и кольевые ямы разных размеров, глубина ямок до 0,2 м. Л. Д. Поболь считал, что эти ямы относятся к первоначальной постройке столбового типа, сруб был сооружен позднее. По нашему мнению, полуземлянка № 46 являлась постройкой срубной конструкции с печью-каменкой в северо-восточной части.

В заполнении постройки найдено 33 обломка лепных сосудов, из них 30 обломков относятся к лепным нелощеным сосудам, 2 обломка – к сосудам с расчесами, один венчик серого лощеного горшка. В заполнении также выявлены железный нож, шило, какое-то железное изделие, два обломка глиняных пряслиц, 5 обломков глиняных грузил, один обработанный кремень.

Л. Д. Поболь датировал постройку IV–V вв. [20; 261, с. 152, рис. 30].

В 0,6 м южнее юго-восточной части полуземлянки № 47 находилась хозяйственная яма. Яма выявлена на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности. Глубина дна 0,35 м. Вдоль стенок прослежена труха. Очевидно,

яма внутри имела деревянную конструкцию. Заполнение – черный культурный слой, в котором выявлены 8 обломков лепной посуды (6 обломков лепных нелощеных горшков и 2 обломка сосудов с расчесами).

Л. Д. Поболь относил данную хозяйственную яму к III–V вв. [20; 260, с. 152].

Рядом с юго-западным углом полуземлянки № 47 находилась вторая хозяйственная яма. Яма овальной формы, размеры 0,6×0,5 м, глубина 0,3 м [20; 261, с. 152].

Полуземлянка № 48. Постройка обнаружена в раскопе XLII на глубине 0,2–0,3 м от современной дневной поверхности, ориентирована почти по сторонам света (рис. 18, *3*). Размеры котлована жилища на уровне зачистки 3,60×3,50 м по длинной оси юг–север. Глубина дна 0,7 м. Заполнение-темно-серый культурный слой. Жилище погибло в огне. Печь-каменка полностью разобрана. В нижней части котлована на полу сохранилась прослойка угля и золы. После зачистки материка в постройке выявлено большое количество столбовых и кольевых ям глубиной от нескольких сантиметров до 0,25 м, размером от 0,1 до 0,6 м. По-видимому, полуземлянка № 48 являлась постройкой столбовой конструкции с печью-каменкой, которая была разобрана еще в древности.

В заполнении постройки выявлено 353 обломка лепных сосудов, из них 348 обломков лепных нелощеных сосудов, 4 обломка сосудов с расчесами, 1 обломок лощеного горшка. Также найдены крупные обломки горшка с защипами, обломки льячки, бронзового изделия, 12 целых и обломков глиняных пряслиц, железное шило.

Л. Д. Поболь датировал постройку III–IV вв. [20; 261, с. 152–153, рис. 31].

У северо-западного угла полуземлянки № 48 располагалась хозяйственная яма. Яма в плане почти круглая, диаметр на уровне зачистки до 0,6 м, глубина в материке 0,2 м. В заполнении ямы выявлен горшок в раздавленном виде [20; 261, с. 152–153].

Полуземлянка № 49. Постройка выявлена в раскопе XLII на глубине 0,2–0,25 м (рис. 18, *4*). Полуземлянка в плане почти квадратная со слегка закругленными углами. Размеры на уровне зачистки 3,2×3,2 м. Глубина дна 0,4 м. Стены постройки ориентированы с северо-запада на юго-восток и с северо-востока на юго-запад. Значительная часть жилища была уничтожена промоиной, которая тянулась по раскопу в направлении с северасеверо-запада на юг-юго-восток.

В северо-восточном углу полуземлянки выявлены остатки печи-каменки, в двух местах – скопления обломков керамики, из которых собран почти полностью биконический горшок. Его высота 23 см, диаметр верхней части 24 см, диаметр днища 15 см. Ребро располагалось примерно посередине высоты горшка, диаметр по ребру 27,5 см. Толщина стенок 0,8 см (рис. 50, *1*).

В заполнении постройки также найдены еще 2 венчика лепных нелощеных горшков, 13 обломков других гладкостенных сосудов, один обломок сосуда с расчесами, обломок глиняного пряслица, один кусок шлака, 2 обработанных кремня. По своей конструкции полуземлянка № 49 представляла собой однокамерное сооружение срубной конструкции с печью-каменкой в северо-восточном углу.

Л. Д. Поболь датировал постройку III–IV вв. [20; 261, с. 153, рис. 32].

Полуземлянка № 50. Контуры северной части постройки выявлены в раскопе XXXXIV (1982 г.). Южная часть полуземлянки вскрыта в 1983 г. (раскоп XXXXVIII) (рис. 19, *1*). Постройка ориентирована по сторонам света. Размеры постройки на уровне зачистки составляли 4,40×4,05 м. Постройка углублена в материк на 0,1–0,15 м. Глубина дна от современной дневной поверхности составляла 0,45–0,5 м. При расчистке заполнения в 1982 г. (северная часть постройки) на дне выявлено 13 ям разных форм глубиной от нескольких сантиметров до 0,15 м. Очевидно, полуземлянка № 50 представляла собой однокамерное сооружение столбовой конструкции, отопительное сооружение не прослежено.

В заполнении постройки в 1982 г. выявлено 25 обломков лепных сосудов, из них 23 обломка относятся к нелощеным сосудам, 2 обломка – к сосудам с расчесами. В верхней части полуземлянки на глубине 0,2–0,4 м обнаружены обломки 2 днищ. Рядом с восточным краем полуземлянки на глубине 0,3 м найден бронзовый пинцет (рис. 69, *7*) [21; 22; 261, с. 153, рис. 33].

Полуземлянка № 51. Постройка выявлена в раскопе XXXXIX на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности (рис. 19, *2*). Мощность заполнения культурным слоем достигает до 0,8 м. Глубина дна от современной поверхности до 1,15 м. Очертания котлована полуземлянки имеют прямоугольную форму, его размеры на уровне зачистки 3,2×2,8 м. Постройка ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток. После выборки культурного слоя на дне полуземлянки, почти по центру, выявлена круглая в плане столбовая яма глубиной 0,4 и диаметром около 0,35 м, а также 11 ямок глубиной до 0,12 м и диаметром 0,1–0,15 м. В заполнении южной части постройки отмечено до сотни разбросанных камней. По-видимому, полуземлянка № 51 представляла собой конструкцию с центральным опорным столбом, отопительное сооружение не выявлено.

В заполнении постройки в раздавленном виде в различных местах выявлены крупные обломки сосудов, которые удалось склеить. Так, были собраны части гладкостенного горшка (рис. 42, *3*), значительная часть небольшого, слегка ребристого горшочка (рис. 48, *5*), придонные части трех гладкостенных горшков, почти полный профиль темно-коричневого лощеного горшка (рис. 46, *2*). В одном скоплении лежало до 30 обломков крупного

горшка с расчесами (рис. 38, *2*). Также в заполнении найдены еще 3 обломка сосудов с расчесами, один крупный обломок слегка заглаженного толстостенного горшка и 402 обломка других нелощеных сосудов. Л. Д. Поболь считал, что выявленные обломки относятся к 20–25 сосудам. В заполнении жилища выявлена половина крупной стеклянной полихромной бусины, выполненной орнаментальными узорами в мозаичной технике (рис. 84, *29*). Е. М. Алексеева по материалам городов Северного Причерноморья датирует такие бусы в пределах первых веков н. э. [25, табл. 49]. Также найдены еще 4 обломка стеклянных изделий, из них фрагмент стеклянного сосудика; обломок бронзового ребристого, в сечении почти треугольного колечка; два целых и один в обломках глиняных биконических пряслица [22; 261, с. 153, рис. 34].

Л. Д. Поболь, Н. Н. Дубицкая

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ТАЙМАНОВО

Грунтовый могильник у д. Тайманово Быховского района Могилевской области был выявлен в 1960 г. Масштабные раскопки Л. Д. Поболь начал в 1968 г. В этом же году на площади 2448 кв. м было обнаружено 85 захоронений с сожжением. Полученные материалы автор раскопок отнес к позднезарубинецкому типу и датировал II–V вв. В 1969 г. Л. Д. Поболь продолжил исследования на могильнике. Было изучено 80 захоронений (№ 86–165) и установлено, что южная граница могильника вплотную примыкает к северной части селища. Следующие раскопки на могильнике Л. Д. Поболь продолжил в 1971 г., было изучено 11 грунтовых погребений (№ 166–176). В дальнейшем изучение могильника было возобновлено с 1976 г. В 1976 г. изучено 7 погребений (№ 177–183), в 1977 г. – 2 погребения (№ 184–185). Эти захоронения Л. Д. Поболь считает самыми крайними в юго-восточной части могильника. В 1978 г. раскопано 3 погребения (№ 186–188), в 1979 г. – два погребения (№ 189–190), в 1980 г. – одно погребение (№ 191). В последующем исследования на могильнике были возобновлены в 1982 г., исследовано 6 погребений (№ 192–197). В 1983 г. раскопано 5 погребений (№ 198–202). Эти захоронения располагались в переходной зоне от могильника к селищу. Таким образом, всего изучено 202 погребения (рис. 23).

Погребение № 1. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *1*), диаметр 0,75 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности и четко выделялись на фоне желтого материкового песка. Глубина дна в материке до 0,3 м. Яма заполнена мелкими кальцинированными костями, перемешанными с углем и золой. Всего костей обнаружено 588 шт., угольков – 466 шт. Среди костей лежали два обломка лепных сосудов: нелощеный и с расчесами. Среди угля вверху лежал фрагмент железной гвоздевидной булавки со следами сильного действия огня. Ее длина 2,5 см, диаметр головки 0,7 см.

Погребение № 2. Ямное. Оно находилось в круглой яме, диаметр 1,1 м (рис. 29, *1*). Контуры ямы прослежены на глубине 0,25 м от поверхности, глубина дна в материке 0,17 м. В яме выявлено 283 кальцинированные кости, которые были перемешаны с углем и золой. В верхней части среди костей обнаружены железные пряжка и кресало, которые имеют следы сильного

действия огня. Пряжка овальной формы, ее размеры 2,5×1,5 м (рис. 70, *14*). Кресало имеет длину около 20,0 см (рис. 68, *1*).

Погребение № 3. Ямное. Погребение обнаружено на глубине 0,25 м. Оно находилось в круглой яме диаметром 0,5 м. Глубина дна в материке 0,18 м (рис. 25, *1*). Количество костей, разбросанных среди угля и золы, составило 22 шт. Все они очень мелкие.

Погребение № 4. Смешанное. Выявлено в яме круглой формы диаметром 0,7 м на глубине 0,25 м от современной поверхности. В центре ямы горизонтально стоял лепной горшок, верх которого был разрушен при распашке (рис. 26, *6*). Глубина ямы в материке 0,1 м, в нижней части горшка лежало 1020 кальцинированных костей и в различных местах ямы обнаружено около 40 костей. С северо-восточной стороны сосуда в яме лежали уголь и зола. Диаметр днища горшка составляет 11,0 см, в высоту он сохранился на 11,5 см. Днище в средней части вогнуто внутрь, стенки горшка залощены, отмечена примесь мелкого песка.

Погребение № 5. Смешанное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 26, *1*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. Верхняя часть горшка была разрушена при распашке. Недалеко от днища выявлены три обломка венчика этого сосуда. Диаметр днища около 10,0 см, диаметр по верху около 14,0 см, высота около 18,5 см (рис. 5, *1*). В нижней части горшка лежало 59 кальцинированных костей. Несколько костей имелось в яме с южной и западной стороны от сосуда. В погребении выявлено 25 угольков.

Погребение № 6. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *2*), диаметр 0,35 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м, в яме лежали одна большая кальцинированная кость, 18 угольков и два обломка нелощеных сосудов.

Погребение № 7. Ямное. Погребение располагалось в удлиненной яме (рис. 28, *1*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,45×0,34 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м.

Погребение № 8. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *3*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке 0,25 м. Кости очень мелкие, их количество составило 36 шт., а угольков – 21 шт.

Погребение № 9. Урновое. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 26, *2*), диаметр 0,3 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В сосуде обнаружено 22 кости, все они неочищенные. Верхняя часть горшка была

разрушена при распашке. Сосуд слегка лощеный, светло-коричневого цвета, диаметр 12,5 см, высота сохранившейся части 10,0 см.

Погребение № 10. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *4*), диаметр 0,45 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,23 м. В яме выявлено 265 костей, которые лежали вперемешку с песком и золой.

Погребение № 11. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *2*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,4×0,26 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,13 м. В центральной части ямы в небольшой ямке диаметром 0,1 м находилось большое скопление мелких углей и золы. С восточной и северо-восточной сторон от данного места обнаружено 3 кальцинированные кости. В различных местах ямы находились зола и уголь.

Погребение № 12. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *2*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,3 м, кости очищены от золы и угля, они лежали в кучке в средней части ямы. Их количество – 340 шт.

Погребение № 13. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *3*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. Количество кальцинированных костей составило 134 шт., все они были перемешаны с углем и золой.

Погребение № 14. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *5*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,22 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. Кальцинированные кости были перемешаны с золой и углем, всего их обнаружено 33 шт. Среди заполнения в яме лежали 2 обломка лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 15. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *4*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,25 м. В верхней части ямы вместе с золой и углями находилось 3 кальцинированные кости. В нижней части ямы имелось скопление мелких угольков и золы.

Погребение № 16. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *6*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. Кости перемешаны с углем и золой, их общее количество 36 шт.

Погребение № 17. Урновое, смешанное (?). Погребение располагалось в круглой яме (рис. 26, *7*), диаметр 0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке

до 0,4 м. В верхней части ямы находился лепной горшок с костями, который был несколько сдвинут с первоначального своего положения, по-видимому, гусеницами трактора. В горшке лежало до 600 обломков костей. Кости, зола и уголь находились в различных местах ямы. Особенно много костей было в ямке под сосудом (479 шт.). Здесь находились зола, уголь, обнаружена железная пряжка овальной формы, ее размеры 3,0×1,7 см (рис. 70, *10*). Сосуд грязно-коричневого цвета удалось реставрировать, его диаметр по верху 18,5 см, высота 24,0 см, диаметр днища 11,5 см (рис. 41, *3*).

Погребение № 18. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *7*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,25 м. Количество костей – 720 шт., они мелкие и были перемешаны с золой и углями.

Погребение № 19. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *5*), диаметр 0,65 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м, костей имелось 128 шт., которые были перемешаны с золой и углями.

Погребение № 20. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *8*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности, глубина дна в материке до 0,15 м. В яме выявлено лишь 7 мелких кальцинированных костей, которые лежали среди угля и золы.

Погребение № 21. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *9*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В яме находилось до двух десятков мелких костей, перемешанных с золой и углями.

Погребение № 22. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *17*), ориентированной с запада на восток, ее размеры 1,0×0,65 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,4 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. Яма была заполнена золой и углем, среди которых выявлено 57 мелких кальцинированных костей и один обломок лепного нелощеного сосуда.

Погребение № 23. Смешанное захоронение находилось в круглой яме, ее диаметр 0,6 м (рис. 26, *8*). Оно выявлено на глубине 0,4 м от современной поверхности, глубина дна 0,15 м, в верхней части на боку лежал лепной нелощеный горшок, верхом обращенный на восток. В горшке находилось 167 костей, перемешанных с золой и углем. Кроме того, в заполнении ямы обнаружено 264 кости вместе с золой и углем. В яме найден один обломок лепного нелощеного сосуда. Горшок грязно-коричневого цвета имеет диаметр по верху 12,5 см, его высота 19,5 см, диаметр днища 9,5 см (рис. 41, *2*).

Погребение № 24. Урновое погребение с двумя горшками находилось в круглой яме диаметром 0,45 м. Его контуры выявлены на глубине 0,25 м,

глубина дна от уровня зачистки 0,15 м. В северо-восточной части обнаружен горшок № 1, а в юго-западной – горшок № 2 (рис. 26, *9*). Рядом со вторым горшком лежали 6 обломков третьего горшка. В первом сосуде находилось 185, во втором – 247, а под сосудами – 29 костей. Все кости очищены от золы и угля. Верхняя часть горшков была уничтожена при распашке. Первый горшок имел диаметр днища 8,5 см и сохранился на 8,5 см в высоту. Диаметр днища второго горшка 10,0 см, высота 15,0 см. Обломки третьего горшка удалось подобрать друг к другу.

Погребение № 25. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *10*), диаметр 0,35 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находилось несколько мелких костей, перемешанных с углем.

Погребение № 26. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *6*), диаметр 0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В яме находилось 13 мелких костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 27. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *11*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находилось 15 мелких костей, перемешанных с золой.

Погребение № 28. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *9*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, ее размеры 0,7×0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке 0,2 м. В заполнении погребения найдено 4 кальцинированные кости. Кости лежали среди угля и золы. Найдено также 5 обломков лепных сосудов, 2 фр. из них – венчики различных горшков. Один от сосуда с расчесами и насечкой по срезу венчика.

Погребение № 29. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *8*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, ее размеры 0,8×0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,22 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,22 м. В заполнении ямы выявлено 16 кальцинированных костей, которые были перемешаны с углем и золой. Сверху над заполнением почти в центре лежали 4 обломка бронзового колечка, его диаметр 2,0 см, сечение круглой проволоки 0,2 см (рис. 78, *20*).

Погребение № 30. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *12*), диаметр 0,58 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,36 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находилось до двух десятков мелких костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 31. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *13*), диаметр 0,45 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине

0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находилось 9 мелких костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 32. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *13*), ориентированной с северо-востока на юго-запад, ее размеры 0,8×0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. В заполнении ямы выявлено 70 кальцинированных костей, часть из них лежала в средней части в одном скоплении. Небольшое их количество находилось в различных местах ямы, они были перемешаны с углем и золой.

Погребение № 33. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *14*), диаметр 0,48 м. Глубина дна в материке до 0,15 м. В верхней части ямы находилось 180 очищенных кальцинированных костей.

Погребение № 34. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *7*), диаметр 0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,35 м. В яме находилось 222 очищенные кости.

Погребение № 35. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *8*), диаметр 0,82 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Западная часть ямы имела глубину дна в материке 0,35 м, и она постепенно повышалась в восточном направлении. В яме находилось около 600 мелких костей, перемешанных с золой и углем. Сверху над костями лежали обломки лепного нелощеного горшка. Диаметр днища 8,5 см, диаметр верхней части 15,0 см, высота горшка 17,0 см (рис. 42, *1*).

Погребение № 36. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *9*), диаметр 0,55 см. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В яме находилось до двух десятков костей, перемешанных с золой и углями.

Погребение № 37. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *10*), диаметр 0,68 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,3 м. В яме находилось 305 костей, перемешанных с золой и углем. Они лежали в трех кучках.

Погребение № 38. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *11*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,25 м. В яме находилось 10 очищенных костей.

Погребение № 39. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *12*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В яме находилось 106 костей, перемешанных с золой и углем. Над костями лежа-

ли обломки лепного горшка. Его размеры: диаметр по верху 11,5 см, диаметр днища 6,0 см, высота 19,0 см (рис. 61, *1*).

Погребение № 40. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *6*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, ее размеры 0,5×0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы выявлено 8 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 41. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *15*), диаметр 0,3 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находилось 14 костей, очищенных от золы и костей.

Погребение № 42. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *11*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, ее размеры 1,8×0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы выявлено 750 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Кости лежали в трех кучках.

Погребение № 43. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *10*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, ее размеры 0,75×0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении выявлена 21 кальцинированная кость, они были перемешаны с золой и углем.

Погребение № 44. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *3*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,75×0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы выявлено 7 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 45. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *13*), диаметр 0,85 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находилось 45 костей, очищенных от золы и угля. Вместе с костями лежали 4 обломка лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 46. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *15*), ориентированной с северо-востока на юго-запад, ее размеры 1,5×1,3 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы выявлено 29 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 47. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *2*), диаметр 1,05 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находилось 14 костей, очищенных от золы и угля.

Погребение № 48. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 24, *14*), диаметр 0,98 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В яме находилось 138 костей, очищенных от золы и угля. Среди костей лежало 3 обломка лепных сосудов.

Погребение № 49. Ямное. Женское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *4*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,85×0,68 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,25 м. В заполнении ямы выявлено 80 обломков очищенных кальцинированных костей. Вместе с костями лежало 6 обломков лепных сосудов.

Погребение № 50. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *3*), диаметр 1,05 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке 0,15 м. В яме находилось 49 костей, перемешанных с золой и углем. Угля в этом погребении обнаружено значительно больше, чем в остальных. Кости принадлежали ребенку до 1 года.

Погребение № 51. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *1*), диаметр 0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,22 м. В яме находилось 17 костей, перемешанных с золой и углем. Среди костей обнаружено 8 обломков лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 52. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *2*), диаметр 0,85 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,18 м. В яме находилось 12 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Среди костей лежало 7 обломков лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 53. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *4*), диаметр 1,05 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,26 м. В яме находилось 26 костей, перемешанных с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 54. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *16*), ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,87×0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,28 м от современной поверхности. Глубина в материке до 0,12 м. В заполнении ямы выявлено 13 кальцинированных костей вместе с углем и 2 обломка лепного нелощеного сосуда.

Погребение № 55. Урновое. Обнаружено на глубине 0,25 м от поверхности. Сосуд стоял горизонтально, в нем лежало 120 очищенных костей. Глубина нижней части ямы 0,1 м от зачистки, ее диаметр 0,3 м (рис. 26, *3*).

Верхняя часть горшка была разрушена при распашке. Горшок по верху имеет диаметр 11,0 см, диаметр днища 8,0 см, высота около 15,0 см (рис. 56, *1*).

Погребение № 56. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *5*), диаметр 1,1 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 9,4 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,18 м. В яме находились 36 костей, уголь и 10 обломков лепных сосудов. Из них один венчик нелощеного горшка и один обломок сосуда с расчесами.

Погребение № 57. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *16*), диаметр 0,48 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,18 м. В заполнении ямы находилось 100 костей, перемешанных с золой и углем. В верхней части погребения лежало бронзовое кольцо с разъединенными концами, его диаметр 2,5 см, сечение 0,3 см (рис. 78, *13*).

Погребение № 58. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 26, *10*), диаметр 0,38 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,25 м. В яме находилось 48 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. В верхней части ямы на боку лежал маленький горшочек, верхней частью обращенный на северо-запад. Его высота 7,0 см, диаметр по верху 5,5 см, диаметр днища 3,7 см (рис. 64, *3*). В сосуде костей не было.

Погребение № 59. Смешанное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *11*), диаметр 0,98 м. Контуры ямы обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В западной его части горизонтально стоял лепной нелощеный горшок, верх которого был разрушен при распашке. В сосуде находилась 2021 кальцинированная очищенная кость, которая принадлежала взрослому человеку. В различных местах лежало 97 мелких косточек, перемешанных с золой и углем. Среди заполнения обнаружены 2 бронзовые пластины со следами сильного действия огня. Сосуд имел высоту 25,5 см, его диаметр по верху 20,5 см, диаметр днища 13,0 см (рис. 52, *1*).

Погребение № 60. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *17*), диаметр 0,45 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. Очищенные кости лежали в разбросанном виде в различных местах ямы. Их общее количество составило 188 костей взрослого человека.

Погребение № 61. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *8*), диаметр 1,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. В заполнении ямы находилось 180 костей, перемешанных с золой и углем. В яме выявлено 6 обломков лепных нелощеных сосудов, среди которых находился один венчик.

Погребение № 62. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *3*), диаметр 0,52 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы находилось 70 костей, перемешанных с золой и углем. В яме лежало 5 обломков лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 63. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *4*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. В заполнении находилось 379 очищенных костей. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 64. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *5*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы находилось 285 костей, перемешанных с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 65. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *6*), диаметр 1,05 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,3 м. В яме находилось 7 костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 66. Урновое. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 26, *5*), диаметр 0,45 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,3 м. В нижней части сосуда лежало 8 костей и несколько угольков. В яме кости не обнаружены. В погребении находились обломки двух лепных сосудов. Первый сосуд имеет диаметр днища 12,5 см, сохранившаяся часть высотой 8,0 см (рис. 58, *2*). Второй горшочек представлен 3 крупными обломками. Его диаметр по верху 8,5 см.

Погребение № 67. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *6*), диаметр 0,65 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы находилась 31 кальцинированная кость, перемешанная с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку. Среди костей выявлено 5 обломков крупного кольца, возможно, височного (рис. 78, *14*).

Погребение № 68. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *7*), диаметр 0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В заполнении ямы находилось 755 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 69. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *8*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м

от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,12 м. В яме в разбросанном виде лежало около 30 очищенных костей и 2 обломка лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 70. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *9*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. В заполнении ямы находилось 4 кости и до 20 мелких угольков.

Погребение № 71. Урновое. Оно выявлено на глубине 0,3 м, глубина дна от зачистки 0,18 м. Яма круглая диаметром 0,2 м (рис. 26, *4*). Верх урны-горшка был несколько разрушен при распашке. Диаметр ребристого горшка по верху 16,0 см, диаметр по ребру 17,5 см, высота 23,0 см, диаметр днища около 11,0 см (рис. 56, *3*). 497 очищенных костей лежало на дне сосуда. Они принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 72. Смешанное. Детское. Погребение находилось в круглой яме диаметром 0,4 м (рис. 26, *12*). Контуры ямы выявлены на глубине 0,3 м от поверхности. Дно имело глубину от уровня зачистки 0,2 м. Горшок вторично обожжен, несколько деформирован. В сосуде лежали 232 очищенные кости. Кроме того, под ним и сбоку находилось 125 костей, западнее – фрагменты днища второго сосуда. Горшок биконический, диаметр верхней части 15,5 см, диаметр по ребру 16,0 см, диаметр днища 10,5 см, высота 14,5 см (рис. 49, *2*).

Погребение № 73. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 29, *7*), диаметр 1,05 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы находились 878 кальцинированных костей, 4 обломка лепных сосудов, зола и угли. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 74. Ямное. Погребение располагалось в удлиненной яме (рис. 28, *5*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, размеры ямы 0,5×0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. В заполнении ямы находилась 1001 мелкая кальцинированная кость, они были перемешаны с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 75. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *10*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,27 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,12 м. В заполнении ямы находилось 25 костей, перемешанных с золой и углем, 5 обломков лепных сосудов.

Погребение № 76. Смешанное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 26, *13*), диаметр 0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м.

В сосуде-урне было 330 кальцинированных костей, а в заполнении ямы – 890 костей. Найдено около 10 угольков. Диаметр днища горшка 8,5 см, он сохранился в высоту на 11,0 см. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 77. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *11*), диаметр 0,65 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,35 м. В заполнении ямы находилось 7 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 78. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *12*), ориентированной с северо-востока на юго-запад, ее размеры 0,6×0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В яме находились 3 кальцинированные кости, несколько угольков и маленький обломок лепного нелощеного сосуда.

Погребение № 79. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 25, *18*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,22 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. В заполнении ямы находилось 9 обломков кальцинированных костей вместе с углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 80. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *12*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,22 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В заполнении ямы находилось 885 кальцинированных костей вместе с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 81. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *7*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, ее размеры 0,6×0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,15 м. В заполнении ямы находилось 297 кальцинированных костей вместе с золой и углем, 3 обломка лепных нелощеных сосудов. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 82. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *13*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,2 м. В заполнении ямы находилось 6 кальцинированных костей вместе с золой и углем, 6 обломков лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 83. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *14*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,1 м. В заполнении ямы находилось 26 костей вместе с золой и углем, 3 обломка лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 84. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 28, *14*), ориентированной с северо-востока на юго-запад, ее размеры 1,2×0,9 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,3 м. В заполнении ямы находилось до 10 костей вместе с золой и углем.

Погребение № 85. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 27, *15*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна в материке до 0,23 м. В заполнении ямы находилось 494 кальцинированные кости вместе с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 86. Смешанное. Захоронение обнаружено в круглой яме, ее диаметр 0,4 м. Контуры были четко выражены на глубине 0,3 м от современной поверхности на фоне желтого песка (рис. 30, *1a*). Дно ямы находилось на глубине 0,15 м от уровня зачистки (0,45 м от поверхности). В северной части ямы имелась нижняя часть лепного нелощеного горшка, верх которого был разрушен при распашке, он был повернут на запад. Нижняя часть горшка находилась на глубине 0,3 м от современной поверхности. На дне сосуда лежали 4 кальцинированные кости. В заполнении ямы с южной стороны горшка выявлено 5 костей, которые были перемешаны с золой и мелкими углями. К сосуду удалось подобрать мелкие фрагменты. Диаметр днища 8,0 см, нижняя часть тулова находится на высоте 10,0–11,0 см от днища, диаметр составляет около 13,5 см, толщина стенок 0,5–0,6 см. В тесте отмечена примесь дресвы, цвет грязно-коричневый, обжиг удовлетворительный, стенки гладкие.

Погребение № 87. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *1b*), диаметр 0,57 м. Оно находилось впритык со стороны предыдущего захоронения (№ 86). Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности до 0,45 м. В заполнении находилось 50 кальцинированных костей вместе с золой и углем.

Погребение № 88. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *2*), диаметр 0,42 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,27 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,7 м. В заполнении ямы находились 53 кальцинированные кости вместе с золой и углем. Почти в средней ее части среди золы найдены обломки разбитого на стороне малого горшочка и сильно деформированная в результате действия огня железная пряжка с бронзовым язычком (рис. 70, *7*). Горшочек в значительной своей части собрался из фрагментов. Его размеры: диаметр верхней части 8,5 см, диаметр тулова 9,0 см, диаметр днища 7,2 см, высота 10,3 см, толщина стенок 0,5–0,6 см. Обжиг хороший, в тесте при-

сутствует примесь мелкой дресвы, цвет – грязно-коричневый. Пряжка имела слегка овальную форму, ее размеры 4,0×3,0 см, сечение 0,6–0,7 см. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 89. Смешанное. Групповое (?). Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *3*), диаметр 1,15 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,47 м. Почти в центре ямы на самом дне находилось 2 лепных горшка. Один из горшков стоял горизонтально, а второй горшок слегка повернут на восток. В первом сосуде лежало 647 очищенных кальцинированных костей, а южнее него в яме находилось 166 костей, перемешанных с золой. Верхняя часть горшка была вторично обожжена (сильно ошлакована) до помещения в сосуд костей; венчики в яму не попали. Сохранившаяся часть горшка имеет высоту около 15,0 см, диаметр днища 9,5 см, диаметр тулова 15,0 см, толщину стенок 0,7–0,8 см, тулово плавное округлое. Второй горшок находился впритык с предыдущим с северо-западной его стороны. Он не имеет следов вторичного обжига и в погребение с костями был поставлен в целом виде. При распашке его верхняя часть была разрушена. Часть обломков сосуда удалось обнаружить и подобрать друг к другу. Сосуд в верхней части тулова имеет слегка выраженную ребристость, которая располагается в 12,0 см от днища. Диаметр тулова 14,5 см, днища – 8,5 см, толщина стенок 0,6–0,7 см. В горшке лежало 270 кальцинированных очищенных костей, а в яме около сосуда – 440 костей, перемешанных с золой. По фактуре сосуды весьма близки друг к другу: цвет грязно-коричневый, примесь дресвы, стенки гладкие. Кости из первого сосуда принадлежали взрослому человеку, из южной части ямы также принадлежали взрослому, под вторым сосудом – кости юноши (?).

Погребение № 90. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *4*), диаметр 1,0 м. Контуры ямы обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 9,7 м. В заполнении ямы находилось 47 кальцинированных костей вместе с золой и углем, 5 мелких фрагментов лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 91. Ямное, Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 30, *5*), ориентирована с запада на восток, ее размеры 1,45×1,23 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,31 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,65 м. В яме в разбросанном виде находилось 10 кальцинированных костей вместе с золой и углем, один обломок лепного нелощеного сосуда.

Погребение № 92. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 30, *6*), ориентированной с запада на восток, ее размеры 1,0×0,95 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,33 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,6 м. В заполнении ямы на-

ходились 14 кальцинированных костей вместе с золой и углем, 18 фрагментов лепных нелощеных сосудов, обжиг хороший.

Погребение № 93. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 30, *7*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 1,45×1,0 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,37 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,6 м. В яме в разбросанном виде находились 15 кальцинированных костей вместе с золой и углем, 5 фрагментов лепных нелощеных сосудов, из них один венчик сосуда с расчесами, сделанными в горизонтальном направлении. По верху нанесена косая насечка.

Погребение № 94. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *8*), диаметр 0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,75 м. В центральной части ямы находилось 75 кальцинированных костей вместе с золой и углем. В заполнении ямы было 5 фрагментов лепных нелощеных сосудов. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 95. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *9*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,37 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,55 м. В яме в разбросанном виде находилось 20 кальцинированных костей вместе с золой и углем.

Погребение № 96. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *10*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,37 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,6 м. В яме в разбросанном виде находилось 7 кальцинированных костей вместе с золой и углем, 3 фрагмента лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 97. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 30, *11*), диаметр 0,95 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,35 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,8 м. В заполнении ямы находилось 5 кальцинированных костей вместе с золой и углем, один фрагмент лепного нелощеного сосуда.

Погребение № 98. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме, диаметр 0,96 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,35 м. В заполнении ямы находилось 780 очищенных кальцинированных костей и один фрагмент лепного нелощеного сосуда.

Погребение № 99. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме, диаметр 0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В заполнении ямы находилось 227 кальцинированных костей вместе с золой и углем.

Погребение № 100. Смешанное. Групповое (?). Дно сосуда находилось на глубине 0,4 м от современной поверхности. В горшке лежали 810 очищенных кальцинированных костей, а 41 кость находилась за его пределами и под горшком. Верхняя часть сосуда уничтожена при распашке. Сосуд лепной биконический с оттянутым острым ребром (рис. 55). Сохранившаяся часть имеет высоту 17,0 см, диаметр тулова по ребру 31,5 см, высота от днища до ребра 14,0 см, диаметр днища 14,0 см, толщина стенок 0,7–0,8 см. На днище изнутри было сделано 85 ямок. Обжиг горшка хороший, цвет светло-коричневый, примесь – мелкая дресва. Кости в сосуде принадлежали подростку, под сосудом – взрослому человеку.

Погребение № 101. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 31, *4*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,65×0,48 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,42 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,55 м. В заполнении ямы находились 137 кальцинированных костей вместе с золой и углем.

Погребение № 102. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *5*), диаметр 0,48 м. Контуры были обнаружены на глубине 0,38 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,46 м. В заполнении ямы находилось 10 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 103. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме, которая ориентирована с северо-востока на юго-запад, ее размеры 0,85×0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,16 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,43 м. В яме были разбросаны 7 кальцинированных костей вместе с золой и углем. В заполнении ямы лежало 27 обломков лепных сосудов.

Погребение № 104. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *6*), диаметр 1,05 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,41 м. В заполнении ямы находилось 16 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углями. Среди костей находились зуб какого-то животного и 7 обломков лепных сосудов.

Погребение № 105. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 31, *7*), которая ориентирована с запада на восток, ее размеры 0,85×0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,32 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,43 м. В заполнении находилось 23 кальцинированные кости вместе с золой и углем, один фрагмент лепного нелощеного сосуда.

Погребение № 106. Смешанное. Детское (ребенок 5–6 лет). Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *8*), диаметр 0,84 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,24 от современной поверхности. Глубина дна от со-

временной поверхности 0,48 м. Урна располагалась в южной части погребения, сверху прикрыта перевернутым горшком большого размера. Яма была заполнена золой и углем. В яме около урны обнаружено 22 кальцинированные кости. Урна внутри ошлакована от вторичного обжига. Высота сосуда 14,0 см, диаметр верхней части и тулова 9,4 см, днища – 6,5 см. Толщина стенок вверху 0,5 см, у днища 1,0 см, толщина днища 1,4 см. Обжиг хороший. В тесте присутствует дресва. Сосуд гладкостенный, слабопрофилированный (рис. 60, *4*). Горшок, прикрывающий урну, типологически близок первому (рис. 59, *2*). Его высота 18,0 см, диаметр тулова и верха 12,8 см, днища – 8,0 см, толщина стенок 0,6–0,8 см. Края днища несколько оттянуты и заострены. В тесте присутствует примесь дресвы, обжиг хороший, цвет грязно-коричневый.

Погребение № 107. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 31, *16*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,64×0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,62 м. В разбросанном виде в яме находилось 11 кальцинированных очищенных костей.

Погребение № 108. Смешанное. Погребение располагалось в круглой яме, диаметр 0,65 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В урне находилось 305 очищенных кальцинированных костей. В заполнении ямы – 30 очищенных костей. Кости принадлежали взрослому человеку. У урны-горшка верхняя часть разрушена при распашке. Высота сохранившейся части горшка составляет 11,0 см, диаметр днища 10,5 см, толщина стенок 0,7–0,8 см. Цвет грязно-коричневый. В тесте отмечена крупная дресва. Обжиг удовлетворительный.

Погребение № 109. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 31, *3*), ориентированной с северо-востока на юго-запад, ее размеры 0,7×0,53 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,34 м. В яме в разбросанном виде находилось 7 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 110. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме, диаметр 0,46 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,46 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,91 м. В заполнении ямы находились 2 очищенные кальцинированные кости.

Погребение № 111. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме, диаметр 0,36 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,46 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,76 м. В заполнении ямы находились 11 очищенных кальцинированных костей и 1 обломок лепного нелощеного сосуда. Кости принадлежали юноше.

Погребение № 112. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *15*), диаметр 1,18 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,6 м. В заполнении ямы находились 32 кальцинированные кости, перемешанные с золой и углем, а также 7 обломков лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 113. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 31, *9*), ориентированной с северо-востока на юго-запад, ее размеры 1,0×0,65 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,32 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,5 м. В яме в разбросанном виде находилось несколько кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Над погребением – разбитый сосуд 30-х гг. XX в., который к погребению отношения не имеет.

Погребение № 114. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *10*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,45 м. В заполнении ямы находилось 340 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. В восточной части ямы среди золы и угля лежали бронзовая проволока, в западной части – 2 бронзовые пронизки (рис. 79, *6*). Одна из них имеет длину 0,8 см, диаметр 0,4 см. Длина второй пронизки 0,8 см, диаметр 0,5 см. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 115. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *1*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,35 м. В заполнении ямы находилось 19 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем, а также 7 обломков лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 116. Ямное. Групповое (?). Погребение располагалось под скоплением углей в восточной части кострища, на котором производилась кремация (?). Погребение выявлено в круглой яме (рис. 32, *2*), диаметр 0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,4 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,68 м. В заполнении ямы находились 367 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем, и 2 железные пряжки: одна в западной стороне ямы, вторая – в восточной стороне. Обе имеют почти круглую форму с утолщением передней части, их диаметр 3,0–3,5 см. Сечение передней части 0,7–0,9 см, задней части – 0,4 см. Длина язычка составляет 4,0 см (рис. 70, *8, 9*). Выявлены зуб взрослого человека и кости ребенка до 5 лет.

Погребение № 117. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *3*), диаметр 0,3 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В заполнении ямы находилось 670 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. После выборки заполнения ямы на ее дне

оказались ямы, расположенные в северной и южной частях, диаметром по 7,0 см и глубиной в материке 10,0 см. Они были заполнены темно-серой землей. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 118. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *4*), диаметр 0,85 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,45 м. В яме в разбросанном виде находилось 5 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 119. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,54 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,47 м. В яме в разбросанном виде находилось 6 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Кости принадлежали юноше.

Погребение № 120. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *6*), диаметр 0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,23 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,5 м. В яме в разбросанном виде находилось 5 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Особенно много угля было в центральной части ямы. В ее заполнении обнаружено 14 фрагментов лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 121. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *7*), диаметр 0,62 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В заполнении ямы находилась 371 кальцинированная кость, которая была перемешана с золой и углем. В яме также обнаружен фрагмент бронзовой булавки (рис. 82, *18*). Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 122. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 32, *8*), ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,8×0,7 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,18 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,28 м. В яме в разбросанном виде находилось 19 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 123. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *9*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В разных местах ямы находились 84 очищенные кальцинированные кости.

Погребение № 124. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 32, *10*), ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,9×0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,45 м. В заполнении ямы находилась 61 кальцинированная кость, перемешанная с золой и углем.

Погребение № 125. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме, расширенной с восточной стороны (рис. 32, *11*), ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,9×0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,48 м. В скоплении находилось 19 очищенных кальцинированных костей, а зола и угли формировали второе скопление. Выявлен один фрагмент лепного сосуда.

Погребение № 126. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *12*), диаметр 1,15 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,8 м. В разных местах ямы находилось 30 очищенных кальцинированных костей. В верхней части заполнения ямы, в ее восточной стороне лежал обломок железной посоховидной булавки (рис. 82, *6*).

Погребение № 127. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 32, *13*), яма ориентирована с востока на запад, ее размеры 1,18×0,85 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. По дну ямы была разбросана 21 очищенная кальцинированная кость.

Погребение № 128. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. В разных местах ямы находились 4 очищенные кальцинированные кости.

Погребение № 129. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 32, *14*), ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,42×0,38 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,1 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,25 м. В разных местах ямы находились 6 очищенных кальцинированных костей и один фрагмент лепного сосуда.

Погребение № 130. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *15*), ее диаметр 1,0 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,7 м. В заполнении ямы находились 3 кальцинированные кости, мелкие угольки, 4 фрагмента лепных сосудов.

Погребение № 131. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *16*), ее диаметр 0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,48 м. В разных местах ямы находилось 10 кальцинированных костей, несколько угольков, 2 обломка лепных сосудов.

Погребение № 132. Ямное, Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 33, *1*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 1,0×0,75 м.

Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,5 м. В разных местах ямы находились 26 кальцинированных костей, большое количество угля, 5 фрагментов лепных сосудов.

Погребение № 133. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,5 м. Контуры ямы обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,25 м. В заполнении ямы находились 33 очищенные кальцинированные кости, большое количество мелких угольков, 19 фрагментов лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 134. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 34, *2*), диаметр 0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,45 м. В восточной части ямы в скоплении находилась 51 очищенная кальцинированная кость.

Погребение № 135. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *3*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,35 м. В юго-восточной части ямы в скоплении находилось 116 кальцинированных костей, которые были перемешаны с золой и мелкими угольками. Выявлен также один обломок лепного сосуда.

Погребение № 136. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *4*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,15 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,25 м. В восточной части ямы в скоплении находилось 12 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 137. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *5*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,35 м. В заполнении ямы находилось 70 кальцинированных костей, перемешанных с золой.

Погребение № 138. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 33, *6*), ориентированной с запада на восток, ее размеры 0,6×0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,15 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В восточной части ямы находилось 360 кальцинированных костей, перемешанных с золой. Среди костей выявлено 18 фрагментов лепных нелощеных сосудов. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 139. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 33, *7*), ориентированной с запада на восток, ее размеры 0,8×0,65 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности.

Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В восточной части в скоплении находилось 115 кальцинированных костей, перемешанных с углем и золой.

Погребение № 140. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *8*), диаметр 0,58 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,34 м. В восточной части в скоплении находилось 7 кальцинированных костей, перемешанных с углем и золой. Кости принадлежали ребенку до 1 года.

Погребение № 141. Смешанное. Детское (?). Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *9*), диаметр 0,58 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В яме находилось два горшка. Верхние части горшков были разрушены при распашке. В сосуде, расположенном в западной части ямы, лежало около 1000 очищенных кальцинированных костей. В заполнении ямы вокруг него найдено 160 костей, перемешанных с золой и углем. Во втором горшке костей не обнаружено. Первый сосуд ребристый (рис. 50, *2*), ребро находилось на высоте 11,0 см, диаметр днища 12,2 см, тулова по ребру 18,4 см, толщина стенок 0,8–0,9 см. Обжиг хороший. Нижняя часть второго горшка имеет высоту 10,5 см, диаметр днища 9,0 см, толщина стенок 0,7 см. Оба горшка грязно-коричневого цвета. В тесте присутствует примесь дресвы.

Погребение № 142. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *11*), диаметр 0,55 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В центре ямы в скоплении находилось 45 очищенных кальцинированных костей.

Погребение № 143. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *12*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. В разных местах ямы находилось 9 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 144. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *13*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,35 м. В разных местах ямы находились 642 очищенные кальцинированные кости. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 145. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 33, *14*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,7 м. В разных местах ямы находилось 80 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 146. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 33, *15*), ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,6×0,52 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,38 м. В средней части ямы лежали 114 очищенных кальцинированных костей, несколько угольков, 2 фрагмента сплавленной бронзы.

Погребение № 147. Ямное. Детское. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 33, *16*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,65×0,57 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В заполнении ямы находилось около 300 кальцинированных костей, перемешанных с углем.

Погребение № 148. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,25 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. В заполнении ямы находились 2 очищенные кальцинированные кости и 6 обломков лепных сосудов.

Погребение № 149. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 32, *5*), диаметр 0,3 м. В ней лежали 4 кальцинированные кости, несколько угольков и 4 фрагмента лепных сосудов.

Погребение № 150. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *1*), диаметр 0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В заполнении ямы находилось несколько десятков кальцинированных костей, перемешанных с золой. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 151. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В разных местах ямы находилось несколько десятков кальцинированных костей, перемешанных с золой. Кости принадлежали юноше.

Погребение № 152. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *2*), диаметр 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,34 м. В заполнении ямы находилось 19 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Кости принадлежали ребенку до 1 года.

Погребение № 153. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В заполнении ямы находилось 90 кальцинированных костей, перемешанных с золой. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 154. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от со-

временной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В заполнении находилось 10 кальцинированных костей, перемешанных с золой. Обнаружено 7 фрагментов лепных нелощеных сосудов.

Погребение № 155. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,6 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В яме в разных местах лежало 9 кальцинированных костей, перемешанных с золой.

Погребение № 156. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 31, *10*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,6×0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,45 м. В заполнении ямы находились 682 кальцинированные кости, перемешанные с золой и углем. Они принадлежали пожилому человеку. Среди костей были обнаружены кусок стекловидной массы сплавившихся в огне бус, одна целая бусина и фрагмент костяного гребня, также побывавшего в огне. Стекловидная масса синего цвета. Сохранившаяся бусина четырнадцатигранная, ее размеры 1,0×0,8×0,5 см (рис. 83, *14*). Фрагмент гребня имеет размеры 1,5×1,1×0,2 см (рис. 69, *5*).

Погребение № 157. Смешанное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. На дне ямы на боку лежали два лепных сосуда с костями. В первом сосуде находилось 580 кальцинированных костей, а во втором сосуде – 550 костей. Несколько десятков костей обнаружено за пределами сосудов. Все кости в погребении были перемешаны с золой и углем. Первый сосуд плохо обожжен, поэтому совершенно разрушился, за исключением венчика. Диаметр верхней части сосуда 14,6 см. Второй сосуд имел слабую профилировку, диаметр верхней части 9,5 см, диаметр днища 7,3 см, высота сосуда 13,3 см, толщина стенок 0,4–0,5 см (рис. 58, *3*). Обжиг удовлетворительный. В стенках присутствует примесь дресвы. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 158. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме, ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,4×0,35 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,45 м. В яме находились 2 кальцинированные кости среди золы и угля.

Погребение № 159. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме, ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,45×0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В заполнении ямы находилось 858 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Кости принадлежали пожилому человеку.

Погребение № 160. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *11*), диаметр 0,2 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,32 м. В центре в скоплении лежали 22 очищенные кальцинированные кости. Кости принадлежали ребенку до 1 года.

Погребение № 161. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *12*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В заполнении ямы находилось 85 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 162. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 31, *13*), ориентированной с севера на юг, ее размеры 0,48×0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от дневной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В заполнении ямы находились 4 кальцинированные кости, перемешанные с золой и углем, и один фрагмент лепного сосуда.

Погребение № 163. Урновое. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 31, *14*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,43 м. На дне стояла нижняя часть лепного горшка и лежали 2 обломка венчика этого же сосуда со следами вторичного обожжения. В нем находилось 30 очищенных кальцинированных костей. Горшок имел высоту 20,0 см, диаметр его верхней части 15,5 см, диаметр днища 9,5 см, толщина стенок 0,7–0,8 см (рис. 44). В стенках присутствует примесь дресвы.

Погребение № 164. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,36 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,27 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,6 м. В заполнении ямы находилось 1032 кальцинированные кости, перемешанные с золой и углем. Кости принадлежали взрослому человеку.

Погребение № 165. Ямное. Детское. Погребение располагалось в круглой яме диаметром 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В заполнении ямы находилось 32 очищенные кальцинированные кости. Кости принадлежали ребенку до 1 года.

Погребение № 166. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 34, *1*), диаметр 1,3 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,6 м. Видимо, погребение было произведено в юго-восточной части более ранней хозяйственной ямы, которая ко времени захоронения была засыпана. В разных местах на дне ямы находилось 5 кальцинированных костей, 11 обломков лепных нелощеных сосудов. Над ними лежало много углей.

Погребение № 167. Ямное. Выявлено в 10 м южнее захоронения № 176. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 34, *2*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,5 м. В разных местах ямы находилось 69 очищенных кальцинированных костей.

Погребение № 168. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 34, *3*), ориентированной с востока на запад, ее размеры 0,95×0,8 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,58 м. В заполнении ямы находились 1064 очищенные кальцинированные кости. Среди костей выявлен один обломок толстостенного лепного сосуда.

Погребение № 169. Ямное. Обнаружено в 7,0 м на запад от погребения № 166. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 34, *4*), диаметр 0,5 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,3 м от современной поверхности. В разных местах ямы находилось 126 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 170. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 34, *5*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,4 м. В разных местах ямы находилось около 40 очищенных кальцинированных костей.

Погребение № 171. Ямное. Обнаружено в 11,0 м на юго-запад от погребения № 166. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 34, *6*), диаметр 0,4 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В разных местах ямы находилось 340 очищенных кальцинированных костей.

Погребение № 172. Ямное. Погребение находилось в 0,4 м восточнее предыдущего, в 10,0 м на юго-запад от погребения № 166. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 34, *7*), диаметр 0,3 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В разных местах ямы находилось 113 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 173. Ямное. Выявлено в 36,0 м юго-западнее погребения № 166. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 34, *8*), ориентированной с северо-запада на юго-восток, ее размеры 0,55×0,38 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,25 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,49 м. В заполнении ямы находились 2 кальцинированные кости и много золы и угля, а также 5 обломков лепных сосудов (4 фр. – нелощеные, 1 фр. – с расчесами).

Погребение № 174. Ямное. Выявлено в 36,0 м юго-западнее погребения № 166. Погребение располагалось в овальной яме (рис. 34, *9*), ориенти-

рованной с запада на восток, ее размеры 0,35×0,3 м. Контуры ямы были обнаружены на глубине 0,2 м от современной поверхности. Глубина дна от современной поверхности 0,3 м. В разных местах ямы находилось 295 кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем.

Погребение № 175. Ямное. Захоронение выявлено в овальной яме, в 38,0 м на запад-юго-запад от погребения № 166. Яма ориентирована с запада на восток, ее размеры 0,3×0,22 м (рис. 34, *10*). Контуры погребения были четко выделены на глубине 0,2 м от современного уровня, глубина дна в материке 0,1 м (от поверхности 0,3 м). В яме в разбросанном виде лежало 115 очищенных кальцинированных костей.

Погребение № 176. Ямное. Захоронение располагалось в юго-восточном углу кв. 676, в 45,0 м на юго-запад от погребения № 166. Яма в плане имеет овальное очертание, ее размеры 0,48×0,4 м (рис. 34, *11*). Контуры ямы выявлены на глубине 0,3 м от современной поверхности, ее глубина от уровня зачистки 0,15 м (от современного уровня 0,45 м). В заполнении среди золы и мелкого угля обнаружено 6 кальцинированных костей и большое количество керамики. Здесь находилось 80 обломков вторично обожженного лепного нелощеного горшка, у которого удалось собрать верхнюю часть. Обнаружены также крупный обломок венчика лощеного сосуда и венчик горшка с расчесами.

Погребение № 177. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 35, *1*). Контуры погребения обнаружены на глубине 0,45–0,5 м. Диаметр ямы 0,45 м, глубина в материке 0,13 м. В яме разбросаны более сотни кальцинированных костей. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 178. Ямное. Взрослое (выявлен фр. моляра большого коренного зуба). Погребение располагалось в овальной яме. Контуры прослежены на глубине 0,37 м. Яма вытянута с запада на восток, ее размеры 0,5×0,3 м, глубина в материке 0,22 м (рис. 35, *2*). В заполнении – несколько кальцинированных костей, перемешанных с золой и углем. Выше над захоронением – большое количество обломков сосудов, 5 кусков обожженного грузила, 2 фр. глиняных тигельков.

Погребение № 179. Ямное. Контуры обнаружены на глубине 0,3 м. Погребение располагалось в округлой яме, ее диаметр 0,4 м. Глубина дна 0,3 м (рис. 35, *3*). В заполнении найдены две кальцинированные кости. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 180. Выявлено в 0,2 м восточнее погребения № 179. Ямное. Погребение находилось в овальное яме. Ее контуры обнаружены на глубине 0,3 м. Яма вытянута с юга на север, ее размеры 0,7×0,32 м, глубина дна в материке 0,2 м (рис. 35, *4*). Найдены три кальцинированные косточки. Заполнение ямы – темно-серая земля с вкраплениями угольков. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 181. Ямное. Взрослое (выявлен фр. черепа). Погребение располагалось в круглой яме, контуры обнаружены на глубине 0,4 м, диаметр ямы 0,3 м, глубина дна 0,12 м (рис. 35, *5*). Заполнение – серая земля с золой и углями, одна кальцинированная косточка черепа. Выявлен кусок обожженной глины.

Погребение № 182. Ямное. Погребение располагалось в округлой яме, диаметр 0,4 м. Контуры погребения обнаружены на глубине 0,35 м, глубина дна 0,12 м. В заполнении находились 12 кальцинированных костей, 1 фр. венчика сосуда, 3 фр. стенок. Кости не определены.

Погребение № 183. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме, вытянуто с запада на восток, ее размеры 0,5×0,4 м, глубина дна 0,8 м. Заполнение – серая земля с вкраплениями золы, 3 кальцинированные кости, 2 фр. лепных сосудов. Кости не определены.

Погребение № 184. Урновое. Верхняя часть горшка разрушена при распашке (рис. 35, *6*). В урне найдено несколько кальцинированных костей с золой и углями. Л. Д. Поболь датирует сосуд VI–VII вв.

Погребение № 185. Ямное. Выявлено в 3 м юго-западнее погребения № 184. Контуры обнаружены на глубине 0,25 м. Яма круглая, диаметр 0,3 м, глубина от зачистки 0,1–0,12 м (рис. 35, *7*). В заполнении обнаружены 2 кальцинированные кости, несколько фр. лепных сосудов. Л. Д. Поболь считал, что эти погребения – самые крайние в юго-восточной части могильника.

Погребение № 186. Ямное. Погребение располагалось в круглой яме (рис. 35, *8*). Яма круглая, диаметр 0,75 м, глубина дна 0,4 м, от современной поверхности 0,7 м. В заполнении обнаружены 4 кальцинированные кости, 10 фр. лепных сосудов.

Погребение № 187. Ямное. Выявлено на глубине 0,62 м. Погребение располагалось в круглой яме, диаметр 0,23 м, глубина от зачистки 0,32 м. В заполнении обнаружены около 10 кальцинированных костей, обломки двух лепных сосудов, 10 фр. других сосудов, один ошлакованный уголь. Л. Д. Поболь датирует погребение по керамике VI–VII вв. С северной стороны погребения найдена небольшая ямка, в которой лежали 2 кальцинированные кости, 11 фр. лепных сосудов. Аналогии – Новый Быхов (погребение № 25), вокруг основного погребения находились 3 мелкие ямки с кальцинированными костями [251, с. 170].

Погребение № 188. Ямное. Погребение располагалось в овальной яме, ее размеры 1,8×1,1 м, ориентированной с севера-северо-запада на юг-юго-восток, глубина от зачистки 0,5 м (рис. 35, *9*). Погребение произведено в хозяйственной яме после ее засыпки. В заполнении найдены 8 кальцинированных костей, фр. лепных сосудов и другие находки.

Погребение № 189. Ямное. Выявлено в западной части полуземлянки № 40. Яма овальная, ориентирована с запада на восток (рис. 36, *1*), ее раз-

меры 1,2×0,7 м, глубина от зачистки 0,7 м, в материке 0,25 м, т. е. ниже земляного пола полуземлянки, глубина от современной поверхности 0,9 м. Основное скопление костей на глубине от 0,5 м и до дна. Всего обнаружено 1476 костей, которые перемешаны с золой, в нижней части – с золой и глиной. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 190. Ямное. Контуры обнаружены на глубине 0,2 м. Яма овальная, ориентирована с севера на юг, ее размеры 0,6×0,29 м, глубина дна 0,6 см (рис. 36, *2*). В заполнении находились зола с углем, в средней части ямы – 2 кальцинированные кости. Разбросано 109 фр. пережженной керамики, из них венчик и 3 днища. Принадлежность костей не определена. Л. Д. Поболь датирует погребение V–VI вв.

Погребение № 191. Смешанное (ямное + урновое). Контуры ямы обнаружены на глубине 0,2 м. Яма овальная, ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток, ее размеры 1,3×0,65 м, глубина дна 0,18 м, от современной поверхности 0,38 м (рис. 36, *3*). Урна находилась в северо-западной части в горизонтальном виде, верх разрушен при распашке. Сохранилась на высоту 10,0 см, диаметр дна 7,5 см, толщина стенок до 1,0 см. В урне обнаружены 43 кальцинированные кости, перемешанные с золой и углем. Под урной и вокруг нее – зола и уголь. В 10 см южнее урны выявлена кальцинированная кость. Посередине ямы и в восточной ее части найдены скопления золы и угля диаметром 15 см, толщиной 5 см. Во втором скоплении – 10 костей, одна кость – в юго-восточной части ямы. Всего около 55 костей. Принадлежность костей не определена. Л. Д. Поболь датирует погребение V–VI вв.

Погребение № 192. Ямное. Контуры обнаружены на глубине 0,6 м. Яма почти круглая, диаметр около 1 м, глубина 0,4 м (рис. 35, *4*). Около 10 кальцинированных костей разбросано, перемешано с углем и золой. В северной части 3 фр. керамики, в том числе с расчесами. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 193. Ямное. Контуры обнаружены на глубине 0,4 м, яма овальная, ориентирована с запада на восток, ее размеры 0,75×0,55 м, глубина дна 0,6 м. 139 кальцинированных костей перемешаны с золой и углем. Выявлено 7 фр. сосудов, один из них с расчесами. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 194. Ямное. Контуры обнаружены на глубине 0,4 м, яма аморфная, ее размеры 1,2×1,15 м, глубина дна от зачистки 0,55 м (рис. 35, *5*). На дне – прослойка (5–6 см) черной земли, пропитанной жирным смолистым веществом. На дне прослойки обнаружены две кальцинированные кости, остальные 16 костей – над прослойкой. В заполнении найдены 5 фр. сосудов с расчесами, два камня.

Погребение № 195. Ямное. Контуры обнаружены на глубине 0,4 м. Яма круглая, диаметр 1,1 м, глубина дна 0,17 м (рис. 35, *6*). На дне выявлены

24 очищенные кальцинированные кости. В заполнении найдены 10 фр. лепных сосудов, из них 4 фр. с расчесами, камень. Над погребением – фр. миниатюрного сосуда. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 196. Ямное (?). Выявлено в хозяйственной яме. Кальцинированные кости находились в восточной и западной частях ямы (рис. 35, *8, 11*). Всего собрано около 20 костей. Вместе с костями находились 11 фр. лепных сосудов, в том числе днище горшочка. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 197. Ямное. Контуры прослежены на глубине 0,4 м. Яма круглая, диаметр 1,0 м, глубина дна 0,35 м (рис. 35, *8*). В яме обнаружены одна кальцинированная кость, один фр. глиняного пряслица, 12 фр. лепных сосудов.

Погребение № 198. Ямное. Контуры прослежены на глубине 0,4 м. Яма овальная, вытянута с севера на юг, ее размеры 0,78×0,5 м, глубина в материке 0,25 м, от современной поверхности 0,63 м (рис. 35, *9*). В яме разбросана зола с углем, выявлено 5 кальцинированных костей, 1 фр. лепного сосуда. Принадлежность костей не определена.

Погребение № 199. Ямное. Обнаружено около 10 кальцинированных костей в скоплении в верхней части ямы (рис. 35, *11*). Принадлежность костей не определена.

Погребение № 200. Ямное. Выявлено около 10 кальцинированных костей почти в центре большой ямы, глубина 0,2–0,4 м (рис. 35, *11*). Принадлежность костей не определена.

Погребение № 201. Ямное. Обнаружено около 10 кальцинированных костей в скоплении в восточной части ямы, глубина 0,2–0,4 м (рис. 35, *11*). Принадлежность костей не определена.

Погребение № 202. Ямное. Выявлено около 10 кальцинированных костей в скоплении в южной части большой ямы, глубина 0,2–0,4 м (рис. 35, *11*). Принадлежность костей не определена.

Погребения № 198–202 – в переходной зоне от могильника к селищу.

Таблица 1. **Полуземлянки Тайманово**

№	Конструкция	Наличие централь-ного столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориенти-ровка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Срубная	–	3,6×3,2 (3,5×3)	11,5 (10,5)	–	с-ю	–	дер.	–	0,5	–	III–V вв.
2.	Срубная	–	3,8×3,8	14,4	–	ссз-ююв	–	–	–	0,35	–	III–V вв.
3.	Срубная	–	3,6×3,6	12,9	–	с-ю	–	–	–	0,1	–	III–V вв.
4.	Столбовая	+	3,8×3,4	12,9	–	ссз-ююв	–	–	–	0,4	–	III–V вв.
5.	Столбовая	–	3,6×3,5	12,6	9,3 (3,2×2,9)	ссз-ююв	–	–	кам. очаг, печь-кам.? зап. стенка	0,25–0,45	–	III–V вв.
6.	Срубная	–	3,6×3,5	12,6	8,4 (3×2,8)	ссз-ююв	–	дер.	очаг в с-в части	0,6	–	III–V вв.
7.	Столбовая	+	4,8×4,3	20,6	–	ссз-ююв	–	зем.	–	0,25–0,8	–	III–V вв.
8.	Столбовая	+	4×4	16	–	с-ю	–	–	–	0,5	серп. подвеска	III – нач. IV в.
9.	Срубная	–	3,4×3	10,2	8,7 (3,1×2,8)	ссз-ююв	–	дер.	печь-кам. с-в угол	0,25–0,35	–	III–IV вв.
10.	Срубная	–	3,8×3,6	13,7	–	с-ю	–	дер.	–	0,35–0,5	–	III–IV вв.
11.	Срубная	–	4,25×3,6	15,3	–	ссз-ююв	–	–	–	0,6	–	III–V вв.
12.	Столбовая?	+	3,9×3,95	15,4	–	сз-юв	–	дер.	–	0,8	2 бусины	170–310 гг.
13.	Столбовая?	?	3,92×3,85	15	–	–	–	–	–	0,5	–	III–V вв.
14.	Срубная?	–	3,6×3,2	11,5	–	с-ю	вост. (1,6×1,25)	–	–	0,4–0,6	–	III–V вв.
15.	Столбовая	–	4,3×3,8	16,3	–	ссз-ююв	–	–	кам. очаг в центре	0,6	3 фибулы, 3 бусины	III – нач. IV в.
16.	Столбовая	+	3,45×3,2	11	–	всв-зюз?	–	дер.	–	0,4	–	III–V вв.
17.	Срубная	–	3×3	9	–	сз-юв	–	–	–	0,2	–	III–V вв.

Окончание табл. 1

№	Конструкция	Наличие централь-ного столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориенти-ровка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
18.	Столбовая	+	4×3,6	14,4	10,8 (3,6×3)	сз-юв	–	дер.	–	0,6	пряжка, бусина, terra siggilata	III – нач. IV в.
19.	Столбовая	–	3,35×3,2	10,7	9 (3×3)	св-юз	–	–	–	0,7	бусина	III – нач. IV в.
20.	Срубная	–	4,4×4	17,6	–	св-юз	–	дер.	–	0,5–0,55	бусина	220–310 гг.
21.	Срубная?	–	3,3×3,15	10,4	–	сз-юв	–	дер.	–	0,3–0,4	–	III–V вв.
22.	Срубная	–	4×4,1	16,4	–	с-ю	–	дер?	–	0,4–0,45	–	III–V вв.
23.	–	–	4,2×3,5	14,7	–	с-ю	–	–	–	–	–	III–V вв.
24.	Срубная?	–	3×3	9	–	с-ю	–	–	–	0,05	–	III–V вв.
25.	Срубная	–	4,2×4,2	17,6	–	ссз-ююв	–	–	гл. печь? в с-в углу	0,2–0,3?	лунница, гл. 0,32 м	III – нач. VI в.
26.	Срубная	–	4,2×4	16,8	7,2 (3×2,4)	ссз-ююв	юг, порог	дер.	печь-кам. с-в угол	0,6	–	V – нач. VI в.
27.	Столбовая	–	5×4,8	24	12,2 (3,5×3,5)	ссз-ююв	юг	дер.	очаг в сред. части	0,8–0,9	фибула, 4 бусины	200–310 гг.
28.	Срубная	–	4×3,8	15,2	–	с-ю	–	–	–	0,45	пинцет, бусина, фр. браслета	IV – нач. V в.
29.	Срубная	–	4×4	16	–	св-юз	–	–	печь? с-з часть	0,4	бритва	III – нач. IV в.
30.	Срубная	–	4,2×4,3	18	–	сз-юв	–	–	–	0,6	игла фибулы	III – нач. IV в.
31.	Срубная	–	3,4×3,2	10,9	–	сз-юв	–	–	–	0,5–0,6	лунница	III – нач. IV в.
32А.	Срубная	–	4,44×3,45	15,3	–	с-ю	–	–	–	0,3	2 бусины	200–310 гг.
32Б.	Срубная	–	–	–	9,6 (3,2×3)	ссз-ююв	–	дер.	–	0,73	–	200–310 гг.

33.	Срубная?	–	–	–	–	-	–	–	–	0,1	–	III–V вв.
34.	Срубная	–	4,3×3,6	15,5	–	с-ю	–	–	–	0,6	–	III–V вв.
35.	Срубная	–	3,6×3,5	12,6	9,92 (3,1×3,2)	ссз-ююв	–	дер.	печь-кам. с-в угол	0,6	–	V–VI вв.
36.	Срубная	–	4×4	16	–	с-ю	–	–	–	0,65–0,7	–	IV–V вв.
37.	Срубная	–	3,8×3,8	14,4	–	с-ю	–	–	–	0,5	–	V вв.
38.	Срубная	–	3,75×3,2	12	–	с-ю	–	гл.	печь-кам. с-в угол	0,4	жернов	к. IV – нач. V в.
39.	Срубная	–	Длина 3,4	–	–	св-юз	–	–	печь-кам. сев. угол	0,5	бусина	170–220 гг.
40.	Срубная	–	3,2×2,7	8,6	–	с-ю	–	–	–	0,45	жел. пряж-ка	сер. V в.
41.	Срубная	–	3,85×3,65	14	–	ссз-ююв	–	–	–	0,8	–	III–V вв.
42.	Столбовая	+	4,2×3,6	15,1	–	с-ю	–	дер.	–	0,7	–	IV–V вв.
43.	Столбовая	+	5,1×4,5	22,9	–	с-ю	–	–	–	0,6	–	IV–V вв.
44.	Столбовая	+	4,2×4,2	17,6	–	с-ю	–	–	–	0,6	жел. шпора, бусина	IV – сер. V в.
45.	Столбовая	+	4,5×3,85	17,3	–	с-ю	–	–	–	0,65?	–	III–V вв.
46.	Срубная	–	3,45×3,45	13,3	10,5 3,2(3,15)×3,3(2,7)	ссз-ююв	–	–	печь-кам. с-в часть	0,5	–	III–V вв.
47.	Столбовая	–	3,85×3,2	12,3	10,2 (3,4×3)	с-ю	–	дер.	печь-кам. в сев. части	0,6–0,7	–	IV–V вв.
48.	Столбовая	–	3,6×3,5	12,3	–	с.-ю.	–	дер.	печь-кам. разобрана	0,7	–	сер. V в.
49.	Срубная	–	3,2×3,2	10,2	–	сз-юв	–	–	печь-кам. с-в угол	0,4	–	III–IV вв.
50.	Срубная	–	4,4×4,05	17,8	–	с-ю	–	–	–	0,15	рядом бронз. пинцет	III–V вв.
51.	Столбовая	+	3,2×2,8	8,96	–	ссз-ююв	–	–	–	0,8	бусина	200–350 гг.

Таблица 2. **Полуземлянки Абидни**

№	Конструкция	Наличие центрального столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориентировка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Срубная	–	2,8×2,5	7,0	–	св-юз	–	–	очаг?, печь-кам. с-в угол	0,45	–	III–IV вв.
2.	Срубная	–	4,0×3,4	13,6	–	с-ю	–	–	–	0,65	ручка бронз. сосуда	III в.
3.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4.	Столбовая	–	3,0×2,6	7,8	–	св-юз	–	–	очаг? сев. угол	0,6	–	III–IV вв.
5.	Срубная	–	3,6×2,6	9,36	–	с-ю	–	–	очаг, с-з угол	0,95	–	III–IV вв.
6.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7.	Срубная	–	3,2×3,1	9,92	–	сз-юв	–	–	очаг, юж. угол	0,4	бусина золоч.	к. II – нач. III в.
8.	Срубная, погреб	–	3,25×3,2	10,4	8,1 (3,0×2,7)	сз-юв	–	–	–	0,2	–	III–IV вв.
9.	Столбовая	–	3,9×3,5	13,65	–	ссз-ююв	–	–	–	0,45	–	III–IV вв.
10.	Столбовая	–	3,0×2,2	6,6	–	св-юз	–	–	–	0,45	2 бусины, лунница, фибула	вт. пол. III в.
11.	Срубная	–	3,95×3,6	14,22	–	с-ю	–	–	очаг, ю-в часть	0,4	–	III–IV вв.
12.	Срубная	–	3,7×3,35	12,4	–	св-юз	–	–	очаг, ю-з часть	0,3	–	III–IV вв.
13.	Срубная	–	3,9×3,2	12,48	–	св-юз	–	–	очаг, сев. угол	0,4	–	III–IV вв.
14.	Срубная	–	3,6×3,05	11,0 (6,6)	–	с-ю	–	–	очаг, с-з угол	0,6	–	III–IV вв.
15.	Срубная	–	3,8×3,2	12,16	–	с-ю	–	–	–	0,65–0,7	–	III–IV вв.
16.	Срубная?	–	3,7×3,0	11,1	–	сз-юв	–	–	очаг, с-в часть	0,4	–	III–IV вв.
17.	Срубная	–	3,5×2,6	9,1	–	с-ю	–	–	–	0,7	–	III–IV вв.
18.	Срубная	–	3,2×3,2	10,24	–	с-ю	–	зем.	–	0,75	бр. трубочка	к. II – нач. III в.
19.	Столбовая	–	4×4	16,0	–	ссз-ююв	–	–	–	0,4–0,65	бусина золоч., бр. трубочка	к. II – нач. III в.

20.	Столбовая	–	4,0×3,7 (3,6×3,2)	14,8 (11,52)	–	ссв-ююз	–	–	–	0,75	фибула жел., пряжка жел., подвеска краснолаков.	пер. пол. III в.
21.	Срубная	–	3,6×3,1	11,16	–	с-ю	–	–	–	0,45–0,5	–	III–IV вв.
22.	Срубная?	–	3,0×2,5	7,5	–	сз-юв	–	–	–	0,6	–	III–IV вв.
23.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
24.	Столбовая	–	4,0×3,8 (3,0×3,0)	15,2 (9,0)	–	св-юз	–	–	очаг, с-в часть	0,6	бусина	нач. III в.
25.	Столбовая	–	3×2	6,0	–	св-юз	–	–	очаг, вост. часть	0,4	–	III–IV вв.
26.	Срубная	–	4,5×2,5	11,25	–	в-з	–	–	очаг, с-в угол	0,45–0,5	–	III–IV вв.
27.	Срубная	–	2,7×2,1 (2,4×1,4)	5,67 (3,36)	–	с-ю	сз	–	–	0,35	–	III–IV вв.
28.	Срубная	–	3,5×3,5 (3,3×3,3)	12,25 (10,89)	–	с-ю	юз	–	–	0,3	фибула	сер. – вт. пол. III в.
29.	Срубная	–	3,8×3,2	12,16	–	с-ю	–	–	гл. печь, ю-в часть	0,48	–	III–IV вв.
30.	Срубная	–	3,4×3,3 (3,0×2,7)	11,22 (8,1)	–	с-ю	–	–	очаг, ю-з угол	0,55	–	III–IV вв.

Таблица 3. **Полуземлянки Щатково**

№	Конструкция	Наличие центрального столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориентировка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Срубная	–	3,7×3,3	12,21	–	св-юз	–	гл.	печь-кам. вост. угол	0,5	–	III–IV вв.
2.	Срубная	–	3,55×3,2 (3×3)	11,36 (9,0)	–	сз-юв	ю-в		очаг, с-з часть	0,55	–	III–IV вв.

Таблица 4. **Полуземлянки Нижняя Тощица**

№	Конструкция	Наличие центрального столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориентировка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Срубная	–	3,2×2,8	8,96	–	св-юз	–	–	печь-кам. с-з часть	0,45	–	III–IV вв.

Таблица 5. **Полуземлянки Гудок**

№	Конструкция	Наличие центрального столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориентировка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Столбовая	+	3,4×3,9	13,26	–	ссв-ююз	с-з угол	–	печь-кам. юж. угол	0,65	–	к. II – нач. III в.

Таблица 6. **Полуземлянки Дедново**

№	Конструкция	Наличие центрального столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориентировка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Столбовая	+	3,1×3,0 (2,6×2,4)	9,3 (6,24)	–	сю-зв	–	пес.	очаг с-в угол	0,3	–	III–V вв.

Таблица 7. **Полуземлянки Прудок**

№	Конструкция	Наличие центрального столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориентировка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Срубная	–	2,6×3,2	8,32	–	св-юз	–	пес.	печь-кам. сев. часть	0,2–0,25	–	III–V вв.

Таблица 8. **Полуземлянки Симоновичи**

№	Конструкция	Наличие центрального столба	Размер котлована, м	Площадь котлована, м^2	Площадь постройки, м^2	Ориентировка	Вход	Пол	Отопительное сооружение	Глубина от уровня зачистки, м	Датирующие вещи	Датировка
1.	Срубная	–	1,7×1,3, частично	2,21	–	с-ю	–	пес.	–	0,3–0,4	–	III–V вв.

Таблица 9. **Тайманово. Выносные каменные очаги**

№	Год	Раскоп	Квадрат	Размер, м	Глубина в материке, м	Обожженные камни	Уголь, зола	Кости	Находки
1.	1968	I	5	диаметр 0,6	0,1	+	–	–	10 фр. сосудов
2.	1968	II	1	диаметр 0,25	0,4	+	–	–	–
3.	1968	II	83	диаметр 0,55	0,27	+	–	–	фр. миски
4.	1968	IV	88	диаметр 0,37	0,32	41	–	–	–
5.	1968	IV	71–91	0,75×0,35	0,45	39	+	–	11 фр. сосудов
6.	1968	IV	31, 32, 52	1,2×1,0	0,2	5	+	–	46 фр. сосудов
7.	1968	IV	93	0,6×0,34	0,4	38	–	–	–
8.	1968	VII	38,39	диаметр 0,3	0,25	118	–	–	+
9.	1968	VII	83	диаметр 0,6	0,3	+	+	–	–
10.	1969			диаметр 0,4	0,35	233	–	–	–
11.	1969			0,6×0,5	0,55	60	+	–	–
12.	1969			0,7×0,6	0,55	410	+	–	2 фр. сосудов
13.	1969			0,3×0,2		10	+	–	
14.	1969			диаметр 0,6	0,4	104	+	–	
15.	1970	X	82	диаметр 0,45–0,5	0,29	+	–	–	–
16.	1970	X	55	–«–	0,23	+	–	–	–
17.	1970	X	45	–«–	0,27	+	–	–	–
18.	1970	X	92	–«–	0,07	+	–	–	–
19.	1971		85	диаметр 0,5	0,3	+	+	–	2 фр. сосудов
20.	1971		173	0,5×0,27	0,2	+	–	–	1 фр. сосуда
21.	1971		247, 86	диаметр 0,6	0,3	+	+	–	4 фр. сосудов
22.	1971		247	диаметр 0,6	0,3	+	+	–	–
23.	1971		247, 248	диаметр 0,6	0,3	+	+	–	7 фр. сосудов
24.	1971		255	0,45×0,4	0,25	+	+	–	7 фр. сосудов
25.	1971		325	диаметр 0,5	0,2	+	+	–	2 фр. сосудов
26.	1971		299	0,6×0,55	0,3	+	+	–	1 фр. сосуда

Продолжение табл. 9

№	Год	Раскоп	Квадрат	Размер, м	Глубина в материке, м	Обожженные камни	Уголь, зола	Кости	Находки
27.	1971		299	0,54×055	0,35	+	–	–	–
28.	1971		299, 300, 331, 332	диаметр 0,55	0,3	+	–	–	≈10 фр. сосудов
29.	1971		448	диаметр 0,45	0,35	+	–	–	–
30.	1971		550		0,3	+	–	–	–
31.	1971		708, 709, 677, 676	0,8×0,6	0,6	2 ряда, 79	–	–	фр. сковороды, 145 фр. от 3 сосудов, фр. 4 сосудов с расчесами, 5 фр. лощеных
32.	1971		769	0,4×0,3	0,35	28	–	–	4 фр. сосудов
33.	1972	XI	6,11	диаметр 0,45	0,4	116	+	–	–
34.	1972	XI	6	0,42×0,18	повреж. хоз. ямой	20	–	–	–
35.	1972	XI	4	диаметр 0,4	0,3	30	–	–	–
36.	1972	XI	79	диаметр 0,4	–	20	–	–	–
37.	1973	XII	20 (жил. 25)	диаметр 0,7	0,65	13	+	–	сверху фр. сосуда
38.	1974	XIII	23,28	диаметр 0,3	0,15	32	+	–	1 фр. сосуда
39.	1974	XIII	34	диаметр 0,45	0,45	317	+	–	–
40.	1974	XIII	59, 60	диаметр 0,4	1,0	142	–	–	–
41.	1974	XIII	65	диаметр 0,4	0,2	~30	+	–	4 фр. сосудов
42.	1974	XIII	65	0,5×0,3	0,15	+	+	–	≈20 фр. сосудов
43.	1974	XIII	66	диаметр 0,4	0,35	325	+	–	–
44.	1974	XIII	67	диаметр 0,4	0,4	287	+	1 кость живот., гл. 0,2 м	1 фр. сосуда
45.	1974	XIII	69,70	0,4×0,3	0,1	+, сверху обож. глина	+		1 фр. сосуда
46.	1974	XVI	27	диаметр 0,8	0,1	58	–	–	–
47.	1975	XVI	14 (жил. 28)	диаметр 0,58	0,2	74	+	3 кости живот.	7 фр. сосудов
48.	1975	XVI	14, 15 3 ямы по краям	0,9×0,7, диаметр 0,12, 0,2, 0,25	0,25	64	+	–	8 фр. сосудов + 2 фр. сосудов в яме
49.	1975	XVI	20	диаметр 0,8	0,28	64	+	–	1 кремень

50.	1975	XVIII	61, 66, остатки	≈ диаметр 0,6	0,3	4	+	–	–
51.	1975	XIX	21, 26 (жил. 31)	диаметр 1,0	0,4	82	+	–	до 20 фр. сосудов
52.	1976	XX	155, остатки, назем. жилище?	0,4×0,4	–	+	–	–	над очагом 13 фр. сосудов
53.	1976	XX	156, назем. жилище?	0,4×0,45	–	+	+	возле 1 кость живот.	возле много фр. обожженных сосудов, шлак
54.	1977	XXIII	60	диаметр 0,6	0,6	108	+	–	21 фр. сосудов
55.	1977	XXV	50	диаметр 0,48	0,18	до 20	+	–	5 фр. сосудов
56.	1977	XXV	77	диаметр 0,3	–	до 20	-	–	–
57.	1977	XXVI	16, 17	диаметр 0,35	0,15	до 20	+	–	–
58.	1978	XXVIII	11, 16	0,5×0,4	0,2	50	+	–	–
59.	1979	XXXI	10	0,55×0,45	0,25	9	+	–	1 фр. сосуда
60.	1979	XXXI	12	0,6×0,45	–	+	+	сверху 2 кальц. кости	15 фр. сосудов
61.	1979	XXXII	1	0,65×0,5	0,6	585	+	–	6 фр. сосудов
62.	1979	XXXII	1	0,6×0,4	0,2	105	+	–	–
63.	1979	XXXII	29	диаметр 0,5	0,15	18 + мн. мелких	+	–	5 фр. сосудов
64.	1979	XXXII	76, 81	диаметр 0,6	0,14	66	+	–	развал горшка + 6 фр. сосудов
65.	1979	XXXIII	51, 52	0,7×0,52	0,15	115	+	–	–
66.	1979	XXXIII	89, 94	0,8×0,75	0,15	181	+	–	фр. пряслица
67.	1979	XXXIV	6	0,6×0,6	0,2	38	+	–	7 фр. сосудов
68.	1980	XXXVI	62	диаметр ≈0,5	0,75	142	+	–	6 фр. сосудов
69.	1980	XXXVII	22 (жил. 42)	диаметр 0,45	0,2	+	–	–	–
70.	1981	XLI	24, 25	диаметр 0,5	–	+	–	–	2 фр. сосудов
71.	1981	XLI	39, 44	0,45×0,4	0,15	89	–	–	9 фр. сосудов
72.	1981	XLI	63	диаметр 0,33	–	23	–	1 кость живот.	2 фр. сосудов
73.	1981	XLI	67, 68, 72	0,65×0,45	0,3	11	+	–	3 фр. сосудов
74.	1981	XLII	12	0,6×0,28	0,3	5	+	–	8 фр. пирам. грузила, 3 фр. сосудов

Окончание табл. 9

№	Год	Раскоп	Квадрат	Размер, м	Глубина в материке, м	Обожженные камни	Уголь, зола	Кости	Находки
75.	1981	XLII	23, 24	диаметр 0,5	0,3	15	+	–	–
76.	1981	XLII	29, 30	0,6×0,5	0,4	120	+	зубы живот.	4 фр. сосудов
77.	1981	XLII	30	0,65×0,55	0,35	110	–	–	9 фр. сосудов
78.	1981	XLII	36	1,4×1,15	0,3	115	+	–	–
79.	1982	XLIV	32, 47	диаметр ≈0,5	0,4	≈80	+	1 кость живот.	2 фр. сосудов
80.	1982	XLIV	47	1,2×0,95	0,5, 2 ямки – 0,7, 0,8	5	+	челюсть живот.	1 фр. сосуда
81.	1983	XLIX	43	0,5×0,4	0,45	103	+	–	–
82.	1983	XLIX	44	диаметр 0,8	0,55	69	+	–	1 фр. сосуда

Таблица 10. **Тайманово. Хозяйственные ямы**

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
1.	1968	I	38, 39 (жил. 1)	удлиненная	2,0×1,7	0,3	–
2.	1968	I	36	удлиненная	2,0×0,4–0,6	0,22	–
3.	1968	II	3	круглая	диаметр 0,7	0,24	–
4.	1968	II	90	круглая	диаметр 1,0	0,5	–
5.	1968	III	19, 20, 24, 25 (жил. 6)	овальная	2,0×1,5	0,5	–
6.	1968	III	39	круглая	диаметр 2,0	1,28	–
7.	1968	III	10, 43, 44	овальная	4,0×2,0	1,1	1 фр. гонч. сосуда
8.	1968	IV	48, 49	круглая	диаметр 1,5	0,5	–
9.	1968	IV	55	круглая	диаметр 1,0	0,3	2 фр. сосуда
10.	1968	V	10, 30	прямоугольная	4,0×2,0	0,3–0,4	–
11.	1968	V	5, 25	овальная	3,8×1,8	0,2	–
12.	1968	V	50, 70, 71, 90, 91	удлиненная, в юж. части 2 ямки	0,2–0,3 0,4–0,6		–
13.	1968	V	27,47	удлиненная	1,8×1,5	0,22	–

14.	1968	V	13, 14, 32, 34	овальная, на месте ранней овальной	2,0×1,5 4,5×1,8	0,5 0,2	–
15.	1968	VI	59, 60, 79, 80	круглая	диаметр 1,0	0,5	–
16.	1968	VII	59	овальная	2,0×1,0	0,2	–
17.	1968	VII	57, 58	удлиненная	1,5×1,0	0,15	–
18.	1968	VII	18, 19	удлиненная	1,1×0,9	0,5	–
19.	1968	VIII	1, прирезка (жил. 8)	овальная	0,6×0,4	0,4	–
20.	1969	1 м от погр. 145	–	округлая	1,2×1,1	1,0	2 развала горшков, нижняя часть горшка, 2 ножа, фр. ножа, 10 фр. сосудов
21.	1969	2 м от погр. 145	595, 616	круглая	диаметр 2,7	0,6	28 фр. сосудов, 5 костей животных, угли
22.	1969	6 м от погр. 117	368	круглая	диаметр 1,95	0,4	115 фр. сосудов, кости животных, пряслице?
23.	1969	2 м от погр. 154	–	круглая	диаметр 0,5	0,5	1 фр. сосуда
24.	1969	1 м от погр. 121	301	овальная, ниж. часть сужена, разруш. погр.	1,85×1,45	1,45	1 фр. сосуда, сверху кальцинированные кости
25.	1970	X	43, 52, 53 (жил. 15)	удлиненная неправильная	4,0×1,1–2,0	0,78	29 фр. сосудов
26.	1970	X	54 (жил. 15)	удлиненная	2,0×1,4	0,47	–
27.	1970	могильник	82	овальная	1,1×0,9	0,25	–
28.	1970	могильник	88	круглая	диаметр 0,9	0,37	–
29.	1970	могильник	102, 103	круглая, по краям 4 ямки	диаметр 1,0	0,5	–
30.	1970	могильник	131, 132	круглая	диаметр 1,4	0,8	1 фр. сосуда
31.	1971	X	191, 192 (жил. 18)	овальная	2,1×1,9	0,3	фр. сосуда
32.	1971	X	267, 268 (жил. 19)	овальная	1,2×0,8	0,7	1 фр. сосуда
33.	1971	X	267, 268, 259, 260 (жил. 19)	овальная, ступенька	1,95×1,0	0,5	–
34.	1971	X	260 (жил. 19)	треугольная	1,1×1,05	0,5	–
35.	1971	IX	815, 816 (жил. 14)	овальная	2,0×1,0	0,35	бронзовая лунница, железный гвоздь, 2 фр. сосуда

Продолжение табл. 10

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
36.	1971	X	275 (жил. 19)	круглая	диаметр 0,5	0,4	9 фр. сосудов
37.	1971	X	284	овальная	1,0×0,8	0,5	16 фр. сосудов, зубы животных
38.	1971	X	291	овальная	0,95×0,45	0,5	фр. сосудов
39.	1971	X	397	неправильно-овальная, вход с юж. стороны	1,85×1,4	0,6	–
40.	1971	X	459	круглая	диаметр 0,5	0,25–0,4	–
41.	1971	X	445, 446, 477, 448	овальная	0,6×0,5	0,5	фр. сосудов
42.	1971	X	488	овальная	1,0×0,75	1,0	фр. сосудов
43.	1971	X	490	круглая	диаметр 0,7	0,4	–
44.	1971	X	521	овальная	0,7×0,35	0,6	–
45.	1971	X	524	овальная	1,0×0,7	0,85	–
46.	1971	X	536	круглая	диаметр 0,8	0,41	–
47.	1971	X	547	круглая	диаметр 0,6	0,5	фр. сосуда
48.	1971	X	547	круглая	диаметр 0,8	0,25	фр. сосуда
49.	1971	X	574	подквадратная	1,0×1,0	0,4	9 фр. сосудов
50.	1971	X	577	овальная	0,95×0,5	0,53	10 фр. сосудов
51.	1971	X	649	овальная	0,6×0,5	0,45	–
52.	1971	X	653	круглая	диаметр 0,55	0,5	железное острие
53.	1971	X	643, 644, 675, 676	овальная	–	0,1	–
54.	1971	X	667	подквадратная	1,05×1,05	0,4	4 фр. сосудов
55.	1971	X	668	овальная	1,2×1,0	0,2	–
56.	1971	X	669	круглая	диаметр 0,95	0,14	фр. сосудов
57.	1971	X	672	овальная	0,71×0,5	0,48	–
58.	1971	X	674	круглая	диаметр 0,8	0,44	–
59.	1971	X	675	круглая	диаметр 0,7	0,45	141 фр. сосудов
60.	1971	X	684, 686, 715, 717	неправильная, уступы	6,5×1,0–2,0	0,5–0,7	32 фр. сосудов
61.	1971	X	692	овальная	1,0×0,95	0,18	–
62.	1971	X	742	круглая	диаметр 0,99	0,29	–

63.	1971	X	809	овальная	1,5×0,9	0,23	–
64.	1972	XI	4	овальная, раннефеод.	1,0×0,75	0,52	–
65.	1972	XI	1,5	овальная	1,05×0,7	0,4	12 фр. сосудов
66.	1972	XI (могил.)	11, 12	овальная	1,6×0,9	0,35	4 фр. сосудов
67.	1972	XI (могил.)	14	овальная	0,6×0,35	0,1	–
68.	1972	XI (могил.)	17	круглая	диаметр 0,6	0,3	–
69.	1972	XI (могил.)	32	овальная	1,4×0,9	0,4	–
70.	1972	XI (могил.)	43	овальная	1,5×0,9	–	–
71.	1972	XI (могил.)	46	овальная	1,4×0,9	0,4	–
72.	1972	XI (могил.)	66	овальная	1,6×1,1	–	–
73.	1972	XI (могил.)	7	круглая	диаметр 0,2	1,0	уголь, зола
74.	1972	XI (могил.)	27	круглая	диаметр 0,35	0,25	уголь, зола
75.	1972	XI (могил.)	36	круглая	диаметр 0,4	0,3	уголь, зола
76.	1972	XI (могил.)	72	овальная	0,9×0,6	0,55	уголь, зола
77.	1972	XI (могил.)	76	круглая	диаметр 0,6	0,12	уголь, зола
78.	1973	XII	6, 7, 8, 22, 23, 23	удлиненно-овальная	4,0×2,3	0,45	332 фр. сосудов, 33 куска обмазки, 3 фр. пряслиц
79.	1973	XII	73, 74, 75, 90, 91	удлиненно-овальная	4,2×2,5	0,5	214 фр. сосудов, фр. сковороды, 46 кусков обмазки, 3 зуба животных, 1 шлак
80.	1973	XII	12	овальная	1,0×0,4	0,2	–
81.	1973	XII	12	овальная	частично вскрыта	0,2	–
82.	1973	XII	86, 103	овальная	1,2×0,7	0,68	24 фр. сосудов, 3 куска обмазки
83.	1973	XII	102, 119	овальная, на дне 3 ямки	0,9×0,7, 0,15–0,2	0,5	9 фр. сосудов, в ямках – 12 фр. сосудов
84.	1973	XII	43	овальная	0,6×0,4	0,4	–
85.	1973	XII	104	овальная, на дне 2 ямки	0,6×0,4, 0,1, 0,35×0,1	0,4, 0,5; 0,1	53 фр. сосудов, 2 кости, 2 куска обмазки
86.	1973	XII	10, 26	круглая, на дне ямка, 3 ямки в стенках	диаметр 1,0, диаметр 0,1, диаметр 0,08–0,1	0,55, 0,22, 0,1	57 фр. сосудов, 2 зуба животных

Продолжение табл. 10

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
87.	1973	XII	9, 10	круглая	диаметр 0,5	0,4	–
88.	1973	XII	25	круглая, на дне ямка	диаметр 0,75, диаметр 0,27	0,45, 0,25	–
89.	1973	XII	40	круглая	диаметр 0,45	0,5	–
90.	1973	XII	58	круглая	диаметр 0,5	0,3	угли
91.	1973	XII	75	круглая, на дне 2 ямки	диаметр 1,0, диаметр 0,15	0,3, 0,2–0,25	5 фр. сосудов, 1 кость живот.
92.	1973	XII	75, 92	круглая	диаметр 0,45	0,35	–
93.	1973	XII	76	круглая	диаметр 0,5	0,25	–
94.	1973	XII	108	круглая	диаметр 0,6	0,2	–
95.	1973	XII	109	круглая	диаметр 0,5	0,3	рядом фр. железного ножа
96.	1973	XII	122, 123	круглая	диаметр 1,0	0,7	27 фр. сосудов, уголь
97.	1974	XIII	27, 28	овальная	2,3×1,9	0,4	31 фр. сосудов
98.	1974	XIII	45	овальная	0,85×0,8	0,16	–
99.	1974	XIII	53	овальная	1,1×0,95	0,4	9 фр. сосудов, фр. сковороды, фр. кремня, обожжен. камень
100.	1974	XIV	15	круглая	диаметр 1,5	0,2	18 фр. сосудов
101.	1974	XIV	21	овальная	1,0×0,8	0,3	17 фр. сосудов, железная бритва, фр. пряслица
102.	1974	XIV	28	круглая	диаметр 0,85	0,2	–
103.	1974	XIV	33	круглая	диаметр 0,8	0,45	41 фр. сосудов
104.	1974	XV	48, 49, 53, 54	овальная	1,8×1,35	0,35	21 фр. сосудов, 1 кость
105.	1974	XV	64, 65, 69, 70	овальная	1,0×0,8	0,6	3 фр. сосудов
106.	1974	XV	67, 68, 72, 73	овальная	1,4×1,15	0,3	19 фр. сосудов
107.	1974	XV	71, 72	круглая	диаметр 0,8	0,4	20 фр. сосудов
108.	1974	XVI	1, 6	овальная	0,9×0,6	0,2	пряслице
109.	1974	XVI	25	круглая	диаметр 1,4	0,4	обожжен. кости животных, угли
110.	1974	XVI	33, 38	круглая	диаметр 1,1	0,15	–

111.	1974	XVI	46, 51, 52	подковообразная	1,6×1,2	0,2	2 фр. сосудов
112.	1975	XVI	1, 2, 6, 7 (жил. 28)	круглая	диаметр 1,0	0,25	24 фр. сосудов
113.	1974, 1975	XVI	1, 6 (жил. 28)	круглая	диаметр 0,96	0,7	6 фр. сосудов, фр. пряслица, обожжен. береста
114.	1975	XVII	14	круглая, на дне 4 ямки (перекрытие)	диаметр 1,24	0,74, 0,3; 0,14; 0,17; 0,09	–
115.	1975	XVII	27, 28, 32, 33	круглая	диаметр 1,5	0,27	88 фр. сосудов
116.	1975	XVIII	6	круглая	диаметр 1,65	0,9	187 фр. сосудов
117.	1975	XVIII	34, 35 (жил. 30)	круглая	диаметр 0,95	0,2	–
118.	1975	XVIII	34, 39 (жил. 30)	круглая	диаметр 1,0	0,5	31 фр. сосудов. 1 шлак, 3 кости
119.	1975	XVIII	45	овальная	1,2×0,8	0,35	20 фр. сосудов. 1 шлак
120.	1975	XVIII	55	овальная	1,4×0,65	0,28	10 фр. сосудов, 2 кости живот.
121.	1975	XVIII	62	круглая	диаметр 0,8	0,24	фр. сосудов
122.	1975	XVIII	58, 59, 63, 64	круглая	диаметр 1,05	1,15	3 фр. обожженных сосудов, 3 камня
123.	1975	XVIII	62, 67, 68	круглая	диаметр 1,5–1,0	1,1	фр. сосудов, фр. пряслица
124.	1975	XVIII	63, 64, 68, 69	овальная	0,5×0,4	0,3	3 фр. сосудов
125.	1975	XVIII	68	круглая	диаметр 0,8	0,22	фр. сосуда
126.	1975	XIX	32, 33 (жил. 31)	круглая	диаметр 1,0	0,3	–
127.	1975	XIX	36, 37 (жил. 31)	круглая	диаметр 1,0	0,3	–
128.	1975	XIX	38, 39 (жил.31)	круглая	диаметр 1,5	0,3	14 фр. сосудов
129.	1975	XIX	59	овальная	1,6×1,0	0,25	–
130.	1975	XIX	69, 70	овальная	2,0×1,1	0,3	–
131.	1975	XIX	80	овальная	1,4×1,0	0,2	–
132.	1975	XIX	78, 82, 83	овальная	2,35×0,9	0,2	–
133.	1975	XIX	89, 90	круглая	диаметр 1,2	0,3	–
134.	1976	XX	37, 38, 44, 45	овальная, 4 прослойки, из них 2 с углем	1,7×1,6	0,68	52 фр. сосудов, 4 шлака, 2 кости животных
135.	1976	XX	12	овальная	1,3×0,6	1,2	10 фр. сосудов, железное шило
136.	1976	XX	96 (жил. 32а)	овальная	1,6×1,3	0,4	–

Продолжение табл. 10

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
137.	1976	XXI	62, 63	круглая	диаметр 1,55	0,89	21 фр. сосудов, 4 кремня
138.	1976	XXI	54	круглая	диаметр 1,6	0,75	40 фр. сосудов, 2 шлака, 1 кость животного, зола, уголь
139.	1976	XXII	9, 10	круглая, прослойки, приступка	диаметр 1,8, внизу 0,6	1,52, 0,72–0,78	58 фр. сосудов, 1 шлак, 1 кремень, уголь
140.	1976	XXII	11, 12	овальная, приступка	1,75×1,5, 1,0×0,45	0,95; 0,6	29 фр. сосудов, 4 шлака, зола, уголь
141.	1976	XXII	22, 23, 29, 30	подквадратная, по краям угли	2,1×1,55	0,22	1 фр. сосуда, фр. ножа
142.	1976	XXII	29	овальная	1,0×0,8	0,45	6 фр. сосудов, железный крючок
143.	1976	XXII	24, 30, 31	круглая	диаметр 1,5	1,05	94 фр. сосудов, 1 шлак, 2 фр. тиглей
144.	1976	XXII	66, 73	круглая	диаметр 1,3	0,29	11 фр. сосудов
145.	1977	XXII	75, 82	овальная	1,7×1,8	0,22	–
146.	1977	XXII	60, 62, 68, 69 (наземное жилище?)	скопление обож. глины и песка	–	0,3–0,4	–
147.	1977	XXIII	6а, прирезка	круглая	диаметр 1,4	0,85	20 фр. лепных сосудов, 34 фр. гончарных сосудов, 34 фр. сосудов вверху, фр. бронз. фибулы, скелет коровы
148.	1977	XXIII	7	подпрямоугол.	1,05×0,65	0,15	–
149.	1977	XXIII	8, 9	круглая, остатки дерев. перекрытия	диаметр 1,4	0,85	уголь, зола
150.	1977	XXIII	12, 17	круглая, в центре яма	диаметр 1,0, диаметр 0,2	0,25; 0,12–0,15	11 фр. сосудов, 20 камней
151.	1977	XXIII	14, 15, 19, 20	круглая	диаметр 0,8	0,4	8 фр. сосудов, зуб домашнего быка
152.	1977	XXIII	13, 14, 18, 19	круглая, прослойки	диаметр 1,8	0,88	39 фр. лепных сосудов, 2 фр. гончарных сосудов, 1 шлак, уголь, зола

153.	1977	XXIII	21, 22, 26	круглая	диаметр 0,8–0,85	0,8	уголь, зола
154.	1977	XXIII	23, 24, 28, 29	круглая	диаметр 1,1	0,2	–
155.	1977	XXIII	27, 28, 32, 33	овальная, ступенька	1,5×0,9	0,1–0,32	–
156.	1977	XXIII	36, 37, 41, 42	круглая, прослойки	диаметр 1,8	0,8	уголь, зола
157.	1977	XXIII	42, 43, 47, 48	круглая	диаметр 1,8	1,0	более 10 фр. сосудов
158.	1977	XXIII	96, прирезка	круглая	диаметр 0,8	0,25	–
159.	1977	XXIII	44, 45	скопление костей животн.	–	0,15–0,18	1 кость быка домашнего, 2 кости лошади, 46 обожжен. камней
160.	1977	XXIV	2	овальная	1,3×1,0	0,24	10 фр. сосудов
161.	1977	XXIV	4а	овальная	1,3×1,05	0,66	более 100 фр. сосудов, позолочен. бусина, фр. тигля, каменный брусок
162.	1977	XXIV	19, 24	круглая	диаметр 1,05	0,26	нижняя часть сосуда
163.	1977	XXIV	28	овальная	0,95×0,85	0,18	–
164.	1977	XXIV	44	овальная	1,25×1,0	0,18	над ямой развал горшка
165.	1977	XXIV	47	овальная	0,92×0,8	0,2	–
166.	1977	XXIV	52, 53	овальная	1,75×1,6	0,5	–
167.	1977	XXIV	60	круглая	диаметр 1,4	0,34	35 фр. сосудов
168.	1977	XXIV	63, 64	круглая	диаметр 1,1	0,16	–
169.	1977	XXIV	76, 81	овальная	1,8×1,32	0,54	–
170.	1977	XXV	4, 5, 9, 10	овальная	1,3×1,05	0,66	–
171.	1977	XXV	6, 7, 11, 12	овальная	1,1×0,95	0,33	фр. двух горшков
172.	1977	XXV	29, 30, 34, 35	круглая	диаметр 1,4	0,35	12 фр. сосудов, кости животных
173.	1977	XXV	40	подтреугольная	0,8×0,8	0,35	–
174.	1977	XXV	46, 51	овальная	0,7×0,55	0,42	–
175.	1977	XXV	50	овальная	1,1×0,85	0,3	–
176.	1977	XXV	54, 59, 60	овальная	1,7×1,4	0,7	4 фр. сосудов
177.	1977	XXV	66, 71, прирезка	круглая	диаметр 0,85	0,22	уголь, зола
178.	1977	XXV	71, 76, прирезка	овальная	1,2×1,1	0,37	14 фр. сосудов, ранее 3 глиняных грузила
179.	1977	XXV	76, прирезка	овальная	1,3×0,8	0,17	9 фр. сосудов

Продолжение табл. 10

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
180.	1977	XXV	69, 74, 75, 79	овальная	2,2×0,8	1,0	17 фр. сосудов
181.	1977	XXV	76, 77	круглая	диаметр 1,0	0,18	2 фр. сосудов
182.	1977	XXV	78, 79	круглая	диаметр 1,3	0,35	уголь, зола
183.	1977	XXV	80, прирезка (жил. 33)	овальная	1,8×1,3	0,3	уголь, зола
184.	1977	XXVI	30	овальная	1,0×0,9	0,16	–
185.	1977	XXVI	30, 35	круглая	диаметр 0,65	0,12	–
186.	1977	XXVI	44	овальная	0,8×0,5	0,21	–
187.	1977	XXVI	58, 59	круглая	диаметр 0,8	0,27	–
188.	1978	XXVII	3, 4	круглая	диаметр 1,05	0,15	–
189.	1978	XXVII	11, 16	круглая	диаметр 1,0	0,72	5 фр. сосудов
190.	1978	XXVII	36, 37, 41, 42 (жил. 35, 36)	круглая, 6 прослоек	диаметр 2,0	1,0	104 фр. сосудов, 1 шлак
191.	1978	XXVII	74, 75 (жил. 37)	овальная	1,12×0,9	0,25	–
192.	1978	XXVIII	14, 19	овальная	1,7×0,6	0,2	–
193.	1978	XXVIII	26	подтреугольная	1,3×1,0	0,25	–
194.	1978	XXVIII	32, 37	овальная	0,95×0,75	0,25	–
195.	1978	XXVIII	64, 69, погр. 187	овальная	1,6×0,75	1,0	–
196.	1978	XXVIII	71, 72	овальная	1,95×0,8	0,15 – 0,4	–
197.	1978	XXIX	3	овальная, внизу 2 ямки	1,6×0,7, 0,6×0,18, 0,4×0,2	0,15–0,5, 0,4, 0,6	–
198.	1978	XXIX	21	овальная, на дне яма	1,8×0,75, 0,8×0,4	0,4, 0,5	5 фр. сосудов
199.	1978	XXIX	23, 24	овальная	1,24×0,8	0,8	–
200.	1978	XXIX	11, 17	круглая	диаметр 0,8	0,2	–
201.	1978	XXIX	18	подпрямоугол.	1,15×0,85	0,3	–
202.	1978	XXIX	25	овальная	1,2×0,8	0,2	–
203.	1978	XXIX	44	круглая	диаметр 0,75	0,25	2 развала горшков, фр. сосудов
204.	1978	XXIX	46, 47	круглая	диаметр 0,8	0,35	–

205.	1978	XXIX	67	круглая	диаметр 0,6	0,15	1 кость животного
206.	1978	XXIX	71, 72	овальная	1,15×1,0	0,4	–
207.	1978	XXIX	73, 74, 79, 80	круглая	диаметр 1,15	0,3	развал горшка, 24 фр. сосудов, 3 камня, зола, уголь
208.	1978	XXIX	81, 82, 87, 88, погр. 188	овальная	2,3×1,4	0,3	12 фр. сосудов, 2 фр. грузила
209.	1978	XXIX	83, 89	овальная	1,4×0,9	0,5	уголь, зола
210.	1978	XXIX	86 (жил. 38)	круглая	диаметр 1,0	0,2	3 фр. сосудов
211.	1978	XXIX	103, 109, прирезка	круглая	диаметр 1,65	0,8	178 фр. сосудов, 2 шлака, 2 кремня
212.	1978	XXIX	111,117	овальная	0,93×0,82	0,25	4 фр. сосудов, уголь, зола
213.	1978	XXIX	112	овальная	0,9×0,5	0,15	–
214.	1978	XXIX	85 (жил. 38)	в культ. слое?	–	–	фр. пряслица, развал миски
215.	1978	XXX	2 (жил. 39)	овальная	1,4×1,2	0,9	25 фр. сосудов, зола, уголь
216.	1979	XXXI	8, 13	овальная, сверху неправ. формы, в 3 местах сож. столбы h = 5–6 см	0,95×0,8, 1,0×1,0	0,3	–
217.	1979	XXXI	36, 37, 41, 42	овальная	2,4×1,5	0,65	110 фр. сосудов, нижняя часть горшка, 3 шлака
218.	1979	XXXI	41, 46	круглая	диаметр 0,53	0,18	5 фр. сосудов
219.	1979	XXXI	56, 61 (жил. 40)	овальная	1,2×0,85	0,3	–
220.	1979	XXXII	13	круглая	диаметр 0,8	0,4	–
221.	1979	XXXII	14, 19	круглая	диаметр 1,95	0,33	10 фр. сосудов, 8 зубов животных
222.	1979	XXXII	24	овальная	0,7×0,3	0,16	–
223.	1979	XXXII	31, 32	круглая	диаметр 0,65	0,16	–
224.	1979	XXXII	31, 36	округлая	1,05×1,0	0,75	2 фр. сосудов, уголь, зола
225.	1979	XXXII	33, 34, 38, 39	овальная	1,65×1,12	0,8	уголь, зола
226.	1979	XXXII	34, 35, 39, 40	круглая	диаметр 1,1	0,8	уголь, зола
227.	1979	XXXII	38	овальная	0,9×0,8	0,4	уголь, зола
228.	1979	XXXII	39	овальная	1,3×0,7	0,6	–
229.	1979	XXXII	41	круглая	диаметр 0,85	0,85	–
230.	1979	XXXII	57	круглая	диаметр 0,95	0,5	–

Продолжение табл. 10

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
231.	1979	XXXII	77, 78, 82, 83	овальная	0,65×0,6	0,2	2 фр. сосудов, уголь, зола
232.	1979	XXXIII	24, 25	круглая	диаметр 0,6	0,15	–
233.	1979	XXXIII	49, 54 (жил. 41)	овальная	1,15×0,4	0,25	–
234.	1979	XXXIII	69 (жил. 41)	круглая	диаметр 0,6	0,1	–
235.	1979	XXXIII	82, 87	круглая	диаметр 0,6	0,2	–
236.	1979	XXXIII	96, 97	круглая	диаметр 1,2	0,18	–
237.	1979	XXXIV	97, 98, 102, 103	круглая	диаметр 1,8	0,2	28 фр. сосудов
238.	1979	XXXV	4, 5	круглая	диаметр 0,8	0,18	–
239.	1979	XXXV	11	удлиненная	0,9×0,8	0,45	1 фр. сосуда
240.	1979	XXXV	15	удлиненная	1,25×1,2	0,25	уголь, зола
241.	1979	XXXV	18	удлиненная	0,8×0,65	0,25	4 фр. сосудов, уголь, зола
242.	1979	XXXV	36	овальная	1,35×0,7	0,5	42 фр. сосудов, 5 костей, 7 камней, зола, уголь, вверху – глиняное пряслице
243.	1979	XXXV	37	круглая	диаметр 1,05	0,6	1 фр. сосуда
244.	1979	XXXV	39, 44, 45	овальная	1,9×0,9	0,5	8 фр. сосудов, уголь, зола
245.	1979	XXXV	60	круглая	диаметр 0,6	0,26	8 фр. сосудов
246.	1979	XXXV	63, 64, 68, 69	овальная	1,18×1,0	0,17	уголь, зола
247.	1979	XXXV	65	овальная	1,5×0,6	0,68	–
248.	1979	XXXV	70	овальная	1,2×1,0	0,24	6 фр. сосудов
249.	1979	XXXV	84	круглая	диаметр 1,0	0,7	–
250.	1979	XXXV	84, 88	круглая	диаметр 1,2	0,4	12 фр. сосудов, уголь, зола
251.	1979	XXXV	93	овальная	1,95×1,7	0,2	3 фр. сосудов
252.	1980	XXXVI	8, 13	овальная	2,0×0,9	0,2	–
253.	1980	XXXVI	17, 18	круглая, в центре ямка, вторая ямка	диаметр 1,4, диаметр 0,18	0,15; 0,33; 0,42	–
254.	1980	XXXVI	28	овальная	1,0×0,8	0,16	–
255.	1980	XXXVI	30	подквадратная	0,8×0,8	0,16	–

256.	1980	XXXVI	33, 38, 39, 43, 44	овальная	3,2×1,0	0,28 – 0,55	–
257.	1980	XXXVI	45	овальная	1,1×1,0	0,17	–
258.	1980	XXXVI	53	круглая	диаметр 0,8	0,1	–
259.	1980	XXXVI	58, 59, 64, 69, 74	овальная	0,2×0,1–0,2	0,42	фр. железной шпоры, пряслице, фр. пряслица
260.	1980	XXXVII	25, жил. 42	овальная	1,0×0,6	0,2	–
261.	1980	XXXVII	31	овальная	1,0×0,84	0,15	скопление костей животных
262.	1980	XXXVIII	57, 58, 62, 63	круглая	диаметр 1,6	0,4	несколько фр. сосудов
263.	1980	XXXIX	1, 2	овальная, 2 ямки (в вост. и зап. частях)	1,5×1,2, диаметр 0,12, 0,1	0,2, 0,32; 0,35	несколько фр. сосудов
264.	1980	XXXIX	3, 4	круглая	диаметр 1,55	1,32	несколько фр. сосудов
265.	1980	XXXIX	5, 10	круглая	диаметр 1,7	0,25	–
266.	1980	XXXIX	9, 10, 14	овальная	0,97×0,85	0,45	уголь, зола (0,42х0,35)
267.	1980	XXXIX	22	овальная	1,17×0,8	0,35	несколько фр. сосудов
268.	1980	XXXIX	26,31	овальная, 4 круглые, 1 овальная	1,9×1,5, диаметр 0,1, 0,3×0,2	0,3, 0,29; 0,3; 0,33; 0,33, 0,13	–
269.	1980	XXXIX	27, 32	овальная	1,6×1,5	0,25–0,6	несколько фр. сосудов
270.	1980	XXXIX	37, 38, 42, 43	овальная, перерезана овальной ямой	3,05×2,0, 0,6×0,45	0,3; 0,35	несколько фр. сосудов, железная пряжка, фр. грузила
271.	1981	XL	50, 57	овальная	1,2×1,0	0,12	–
272.	1981	XL	80	овальная	0,9×0,6	0,45	–
273.	1981	XLI	7	овальная	1,0×0,85		–
274.	1981	XLI	20	овальная	1,2×1,1	0,75	уголь, зола
275.	1981	XLI	17, 22	овальная	2,0×1,4	0,51	венчик горшка
276.	1981	XLI	21	овальная, в нижней части 9 ямок	8,7×7,5	0,25	развал горшка, 2 венчика сосудов
277.	1981	XLI	55, 60	овальная, в нижней части 2 ямки	1,6×1,2	0,15; 0,1	–
278.	1981	XLI	65	вскрыта часть	1,7	0,2	–
279.	1981	XLI	67, 68, 72, 73	овальная	1,5×1,0	0,45	–

Продолжение табл. 10

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
280.	1981	XLI	70	овальная, в южной части ямка + 2 кольцев. ямки	1,5×0,8	0,3, 0,6	–
281.	1981	XLII	15, 19, 20 (жил. 47)	подквадратная, труха	2,0×2,0	0,35	8 фр. сосудов, <20 костей лошади
282.	1981	XLII	1, 2, 7 (жил. 47)	овальная	1,0×0,8	0,35	–
283.	1981	XLII	6	овальная	1,0×0,6	0,3	–
284.	1981	XLII	13 (жил. 47)	овальная	0,6×0,5	0,3	–
285.	1981	XLII	21, 22, 26, 27	овальная	0,8×0,6	0,2	–
286.	1981	XLII	27, 31, 32	овальная	0,8×0,6	0,2	–
287.	1981	XLII	31	вскрыта часть	0,9	0,35	фр. красной стеклянной бусины
288.	1981	XLII	39, 40	круглая	диаметр 0,9	0,4	–
289.	1981	XLII	46а (жил. 48)	круглая	диаметр 0,6	0,2	развал горшка
290.	1981	XLII	64, 65	овальная	1,05×0,9	0,3	–
291.	1981	XLIII	25	овальная	0,8×0,55	0,12	–
292.	1981	XLIII	30	овальная	0,8×0,6	0,4	–
293.	1981	XLIII	35	овальная	0,9×0,7	0,2	–
294.	1982	XLIV	6,7	вскрыта часть	1,2	0,55	–
295.	1982	XLIV	22, 23, 37, 38	овальная	1,6×1,4	0,3–0,55	15 фр. сосудов, фр. лезвия железного серпа, 1 кремень
296.	1982	XLIV	26, 41	круглая	диаметр 1,6	0,12	–
297.	1982	XLIV	31	овальная	1,1×0,8	0,32	–
298.	1982	XLIV	34	овальная	1,45×0,85	0,22	4 фр. сосудов
299.	1982	XLIV	35	круглая, посередине ямка	диаметр 0,85, диаметр 0,22	0,3; 0,1	–
300.	1982	XLIV	64	овальная	1,1×1,0	0,15	–
301.	1982	XLIV	66, 67	овальная, в южной части ямка	0,7×0,6	0,3; 0,1	–
302.	1982	XLV	6, 7	овальная	1,05×0,85	0,1	–

303.	1982	XLV	10	овальная	0,8×0,5	0,15	–
304.	1982	XLV	17	овальная	0,7×0,6	0,3	–
305.	1982	XLV	23, 24, 38, 39	овальная	0,6×0,7	0,5	–
306.	1982	XLV	33, 47, 48	овальная	1,2×0,9	0,3	–
307.	1982	XLV	38, 40, 53, 54, 55	овальная, на дне 21 ямка	3,2×2,9	0,6; 0,1	2 фр. сосудов
308.	1982	XLV	46, 61, 62	круглая	диаметр 1,2	0,3	–
309.	1982	XLV	58, 59, 73, 74	овальная	1,1×0,95		–
310.	1982	XLV	64, 65, 66	вскрыта часть	4,4	1,6	41 фр. сосудов, фр. железного ножа, кальцинированные кости (погр. 196)
311.	1982	XLV	71	овальная	1,55×0,8	0,3	–
312.	1982	XLVI	3	овальная, внизу 10 ямок	2,0×1,2	0,3; 0,15–0,6	глиняная обмазка
313.	1982	XLVI	7, 8	овальная	1,3×0,8	0,2	–
314.	1982	XLVI	11, 12	круглая	диаметр 1,0	0,32	–
315.	1982	XLVI	17, 22	овальная	1,0×0,8	0,25	–
316.	1982	XLVI	23	овальная	2,0×0,5	0,6	над ямой железный нож
317.	1982	XLVI	29, 30	подтреугольная	1,2×0,7	0.1	–
318.	1982	XLVI	32, 33	овальная	0,65×0,5	0,22	–
319.	1982	XLVI	38, 39	овальная	0,9×0,8	0,27	–
320.	1982	XLVI	40	овальная	1,3×0,6	0,7	–
321.	1982	XLVI	44, 45	овальная	2,1×0,8	0,4	–
322.	1982	XLVI	46, 47	овальная	0,85×0,6	0,25	фр. двух сосудов, кость животного
323.	1982	XLVI	32, 33, 47, 48	овальная	0,8×0,7	0,3	–
324.	1982	XLVI	50, 51, 65, 66	овальная	2,0×1,6	0,15	28 фр. сосудов
325.	1982	XLVI	51	овальная	1,8×0,55	0,25	1 фр. сосуда, 4 зуба животных
326.	1982	XLVI	53, 54	круглая	диаметр 0,8	0,3	–
327.	1982	XLVI	61	круглая	диаметр 1,0	0,2	над ямой 2 фр. сосудов
328.	1982	XLVI	62	круглая	диаметр 1,25	0,25	2 фр. сосудов

Окончание табл. 10

№	Год	Раскоп	Квадрат	Форма	Размер, м	Глубина в материке, м	Находки
329.	1982	XLVI	63	овальная	1,2×1,0	0,25	–
330.	1982	XLVI	72, 73	вскрытая часть	1,55	0,75	фр. сосудика
331.	1982	XLVI	75	круглая	диаметр 0,75	0,2	–
332.	1982	XLVII	27, 37	круглая	диаметр 1,2	0,45	–
333.	1982	XLVII	31	овальная	1,2×0,6	0,1	–
334.	1982	XLVII	4	неправильная	1,7×0,7	0,18	–
335.	1982	XLVII	8, 9	неправильная	2,0×1,3	0,15	–
336.	1982	XLVII	17, 18, 22, 23	неправильная	3,8×2,2	0,7	–
337.	1982	XLVII	48, 58	овальная	1,2×0,8	0,15	–
338.	1982	XLVII	52, 62, 63	удлиненная, погребение?	2,0×1,8	0,37	160 фр. от трех сосудов, 2 кальцин. кости, 1 шлак, 1 камень
339.	1982	XLVII	53, 54	овальная	1,55×1,05	0,2	–
340.	1982	XLVII	70, 71	вскрытая часть	2,0	0,2	–
341.	1982	XLVII	74, 75	вскрытая часть	1,3	0,12	–
342.	1983	XLVIII, XLIX	1, 6, 7, 11, 12, 71	неправильная, из трех частей	5,2×1,7	0,45; 0,2; 04	231 фр. сосудов, железное острие, 2 шлака, 1 зуб живот., 3 кальцинир. кости
343.	1983	XLVIII	5, 10	овальная, вскрытая часть	2,35×1,45	0,2 (приступ.) – 0,65	61 фр. сосудов, 1 зуб живот., уголь, зола
344.	1983	XLVIII	13, 14, 15, 18, 19, 20	овальная, по краям 13 ямок	6,0×2,4, 12 – диаметр 0,1, 1–0,2×0,5	0,6, 0,1, 0,15	93 фр. сосудов, 6 шлаков, над ямой средневековая подкова
345.	1983	XLVIII	17, 22	овальная	1,0×0,75	0,4	–
346.	1983	XLVIII	36	овальная	1,0×0,55	0,22	4 фр. сосудов, 1 уголек
347.	1983	XLVIII	66	овальная	1,4×1,2	0,4	32 фр. сосудов
348.	1983	XLIX, XLV, погр. 196, 199, 200, 201, 202	18, 19, 20, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 64, 65	овальная, на дне одна – овальная, вторая – круглая	6,0×5,6, 2,0×1,4, диаметр 0,6	1,45–1,6, 0,3, 0,25	204 фр. сосудов, пряслице, фр. пряслица, 3 фр. железных изделий, ручка стеклянного сосуда, гвоздь, 4 шлака, 5 кремней, 5 скоплений кальцинир. костей

349.	1983	XLIX	6	круглая	диаметр 0,65	0,2	–
350.	1983	XLIX	2	овальная	0,85×0,5	0,1	–
351.	1983	XLIX	10	удлиненная	0,85×0,8	0,15	–
352.	1983	XLIX	14	округлая	0,7×0,7	0,2	фр. стеклянного изделия
353.	1983	XLIX	33, 38	овальная	0,8×0,6	0,12	–
354.	1983	XLIX	42, 43	овальная	1,0×0,8	0,6	–
355.	1983	XLIX, XLV	54, 55, 60	овальная	3,6×2,0	0,4	39 фр. сосудов, 1 зуб живот., ручка железного ножа с бронзов. заклепками
356.	1983	XLIX	68, 69, 73, 74	овальная	5,0×3,0	0,4	–
357.	1983	XLIX	72, 73	овальная	2,1×1,95	1,0	75 фр. сосудов, фр. пряслица, уголь, зола

Таблица 11. **Погребальный обряд могильника у д. Чаплин Гомельской области (раскопки Л. Д. Поболя). Раннеримский период**

№	№ погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во костей в урнах	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в др. частях	Скопление в центре и др. частях	Рассыпаны по яме	Скопление в центре и рассыпаны	Зола отдельно	Возраст
1	1	к.я.	–	–	0,65	неск.				+	+?						
2	6	у.я.	–	с.з-ю.в	1,6×0,5	2			+								
3	13	у.я.	–	с.з-ю.в	1,8×0,5	неск. дес.			+?								
4	15	у.я.	0,45	з.сз-в.юв	2,4×0,65	неск. сот				+			+				
5	20	у.я.	0,35	с.з-ю.в	2,2×0,6	+			+			+					
6	21	у.я.	0,2	с.з-ю.в	2,15×0,75	+				+		+					
7	24	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,3×0,5	+			+?			+					
8	25	к.я.	0,15	–	0,6	+				+		+					
9	29	у.я.	0,4	з.сз-в.юв	2,1×0,9	300			+		+						
10	30	у.я.	0,35	с.з-ю.в	1,2×0,6	+				+		+					
11	33	у.я.	0,15	с.з-ю.в	2,3×1,0	+			+				+				
12	36	у.я.	0,25	з.сз-в.юв	2,0×0,75	+				+							

Продолжение табл. 11

№	№ погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во костей в урнах	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в др. частях	Скопление в центре и др. частях	Рассыпаны по яме	Скопление в центре и рассыпаны	Зола отдельно	Возраст
13	37	у.я.	0,15	с.з-ю.в	2,2×0,6	+			+					+			
14	42	к.я.	0,1	–	0,7–0,8	+				+	+?						подрост.
15	47	у.я.	0,55	с.з-ю.в	2,0×1,0	+			+					+			
16	50	у.я.	0,15	з.сз-в.юв	2,3×1,2	+			+					+			взросл.
17	55	у.я.	0,4	с-ю	1,6×0,9	300			+						+?		
18	56	у.я.	0,5	с.з-ю.в	2,0×1,0	200				+				+			
19	58	к.я.	0,4	–	1,6	400		+				+					взросл.
20	65	у.я.	0,35	с.з-ю.в	2,0×0,75	100				+		+					подрост.
21	70	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,9×0,9	300			+					+			ребенок
22	71	у.я.	0,2	с.з-ю.в	2,1×0,8	100			+					+			ребенок
23	75	у.я.	0,2	с.з-ю.в	2,0×0,75	300		+						+			подрост.
24	84	у.я.	0,25	с.з-ю.в	1,9×0,5	250				+		+					
25	86	у.я.	0,3	с.в-ю.з	1,7×0,8	100		+				+					ребенок
26	89	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,7×0,8	46		+							+		
27	95	у.я.	0,4–0,5	с.з-ю.в	1,8	350		+			+						подрост.
28	99	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,7×0,75	300				+					+		подрост.
29	101	у.я.	0,25	с.з-ю.в	1,7×0,9	400		+			+						ребенок
30	115	у.я.	0,25	с.з-ю.в	1,6×0,6	80				+		+					
31	116	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,6×0,7	700		+						+			взросл.
32	117	у.я.	0,4	с.з-ю.в	1,7×0,8	230		+				+					ребенок
33	118	у.я.	0,25	с.з-ю.в	1,5×0,65	200				+	+						взросл.
34	119	у.я.	0,25	с.з-ю.в	1,2×0,6	200				+				+			
35	125	у.я.	0,3	сс.з-ююв	2,0×0,6	250				+					+		взросл.
36	128	у.я.	0,25	сс.з-ююв	1,2×0,6	40		+		+							взросл. + ребенок

37	129	у.я.	–	с.з-ю.в	1,2×0,6	100			+								взросл. подрост.
38	131	у.я.	0,15	сс.з-ююв	1,2×0,6	200		+			+						взросл.
39	133	у.я.	0,2	с-ю	1,8×0,6	300			+		+						ребенок
40	134	у.я.	0,2	сс.з-ююв	1,8×0,8	800		+			+						взросл.
41	136	у.я.	0,25	с.з-ю.в	1,5×0,7	200		+			+Р						
42	137	у.я.	0,2	с-ю	1,2×0,7	300				+	+Р						
43	140	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,6×0,8	200				+			+				взросл.
44	143	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,6×0,8	300	10		+				+				
45	146	у.я.	0,4	с.з-ю.в	1,8×0,8	500		+				+					взросл.
46	148	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,2×0,6	180		+				+					ребенок
47	152	у.я.	0,5	с.з-ю.в	1,8×0,6	300			+		+						взросл.
48	159	у.я.	0,3	сс.з-ююв	1,5×0,75	250		+					+				взросл.
49	162	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,8×0,8	неск. дес.		не пол.					+				подрост.
50	163	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,6х 0,8	200		+					+			+	
51	165	у.я.	0,4	с.з-ю.в	1,8×0,8	100		+					+				
52	168	у.я.	0,3	сс.з-ююв	1,6×0,6	200		+?				+					взросл.
53	171	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,2×0,75	40		+			+						
54	181	к.я.	0,2	–	0,8	230				+	+						
55	184	у.я.	0,2	с-ю	1,5×0,8	300			+			+					ребенок
56	189	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,2×0,7	20				+	+						
57	191	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,5×0,7	100				+		+					взросл.
58	192	у.я.	0,35	с.з-ю.в	2,25×0,8	70			+		+Р						ребенок
59	194	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,5×0,65	50		+			+						взросл.
60	199	у.я.	0,3	сс.з-ююв	1,8×0,7	70		+						+		+	ребенок
61	204	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,8×0,7	450		+						+			подрост.
62	210	у.я.	0,2	сс.з-ююв	1,8×0,7	30				+	+						
63	211	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,8×0,7	300				+		+					подрост.
64	214	у.я.	0,2	сс.з-ююв	1,2×0,6	10								+			
65	222	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,6×0,75	250			+		+						ребенок

Окончание табл. 11

№	№ погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во костей в урнах	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в др. частях	Скопление в центре и др. частях	Рассыпаны по яме	Скопление в центре и рассыпаны	Зола отдельно	Возраст
66	223	у.я.	0,2	сс.з-ююв	1,6×0,6	30			+					+			
67	226	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,2×0,6	30				+		+Р					ребенок
68	227	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,6×0,7	50				+				+			
69	228	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,6×0,6	40				+	+						
70	229	у.я.	0,2	с-ю	1,6×0,7	250			+?			+					взросл.
71	231	у.я.	0,2	сс.з-ююв	1,6×0,6	100				+	+						ребенок
72	232	у.я.	0,2	з-ю.в.	1,6×0,6	40				+		+					
73	236	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,8×0,7	120			+					+			взросл.
74	242	у.я.	0,25	с.з-ю.в	1,6×0,6	40		+			+						
75	244	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,6×0,6	120				+			+				
76	246	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,2×0,6	120			+			+					ребенок
77	248	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,2×0,6	60		+				+					
78	250	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,6×0,4	100					+						взросл.
79	253	у.я.	0,6	с.з-ю.в	1,8×0,8	50		+						+			ребенок
80	258	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,2×0,6	20				+				+			подрост.
81	261	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,8×0,7	70			4-?					+			взросл.
82	265	у.я.	0,2	с.з-ю.в	1,3×0,6	100		+?						+			ребенок
83	269	у.я.	0,3	с.з-ю.в	2,0×0,75	200		+				+					взросл.
84	272	у.я.	0,3	с.з-ю.в	2,2×0,6	100				+				+			
85	273	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,2×0,6	50				+				+?			ребенок
86	277	у.я.	0,3	с.з-ю.в	1,6×0,6	50				+				+?			ребенок
							1	28	24	34	23	23	9	22	4	2	

Таблица 12. **Погребальный обряд могильника у д. Горошков Гомельской области (раскопки О. Н. Мельниковской, Л. С. Воротинской, А. И. Дробушевского). Раннеримский период**

№	№ погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме (вес, г)	К-во костей в урнах	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в др. частях	Скопление в центре и др. частях	Рассыпаны по яме	Скопление в центре и рассыпаны	Зола отдельно	Возраст
1	5	у.я.	0,09	с.-ю		550		+				+					взросл.
2	6	у.я.	0,11	с.з-ю.в	1,9×0,5	644		+?							+		взросл.
3	7	у.я.	0,27	с-ю	1,4×1,0	279			+?						+		взросл.
4	9	у.я.	0,14	с.з-ю.в	2,1×0,9	720			+?						+		взросл.
5	13	у.я.	0,14	сс.з-ююв	2,1×1,5	830			+?					+		+	взросл.

Таблица 13. **Погребальный обряд могильника у д. Юрковичи Гомельской области (раскопки А. И. Дробушевского)**

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во костей в сосудах	К-во угля в яме	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в др. частях	Скопление в центре и др. частях	Рассыпаны по яме	Скопление в центре и рассыпаны	Зола отдельно	Возраст
1	ямн.	к.я.			0,5	неск.		+	+								
2	ямн.	к.я.			0,5–0,6	+		+	+					+			взросл. муж.
3	ямн.	к.я.?			0,5–0,6	+				+							
4	ямн.	к.я.?			0,5–0,6	+				+							
5	ямн.	у.я.	0,15	с-ю	1,55×0,6	+		+	+								подрост.
6	ямн.	у.я.	0,25	с-ю	1,0×1,5	+		+	+								взросл. муж.
7	ямн.	у.я.	0,23	с.в-ю.в	0,6×0,8	+		+	+								
8	см.	у.я.	0,8	с.з-ю.в	0,6×1,05	неск.		+	+							+	
9	ямн.	у.я.	0,4	с-ю	0,85×0,95	+		+	+					+			
10	ямн.	к.я.	0,15		0,5–0,6	+		+	+					+			взросл. муж.

Окончание табл. 13

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во костей в сосудах	К-во угля в яме	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в др. частях	Скопление в центре и др. частях	Рассыпаны по яме	Скопление в центре и рассыпаны	Зола отдельно	Возраст
11	ямн.	у.я.	0,32	с-ю	2,6×1,2	+		+	+					+			взросл. жен.
12	ямн.	у.я.	0,3		1,3×1,1	+		+	+			+ вост.					взросл. муж.
13	ямн.	у.я.	0,25		1,24×1,1	+		+	+?								подрост., жен.
14	см. труп 2 урны	у.я.	0,25	с-ю	2,25×0,8	+	неск.			+				+			взросл. жен. + реб. 1–2 года
15	ямн.	у.я.	0,3	с-ю	2,3×0,76	+				+			+				
16	ямн.	у.я.	0,25	с-ю	1,2×0,8	+		+				+ сев.					
17	см.	у.я.	0,32	с.в-ю.з	1,1×0,5	+	неск.	+									
18	ямн.	к.я.	0,3		0,8	+		+									
19	ямн.	у.я.	0,25	с.з-ю.в	0,6×1,5	+		+						+			

Таблица 14. **Погребальный обряд могильника у д. Адаменка (Абидня) Могилевской области (раскопки Л. Д. Поболя)**

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Размер ямы, м	Ориентация погребения	К-во костей в яме	К-во костей в урне	К-во угля в яме	Очищ. кости	Неочищ. кости
1	Ямное	круглая	0,25	1,05		несколько кг		+		+
2	Ямное	удлинен.	0,3	1,4×0,8	с.з-ю.в	до 10		+		+
3	Ямное	удлинен.	0,25	1,0×0,7	с-ю	несколько		+		+
4	Ямное	круглая	0,3	0,9		до 10		+		+
5	Ямное	круглая	0,25	0,45		до 10		+		+
6	Ямное	круглая	0,25	0,6		6		+		+

7	Ямное	круглая	0,2	0,55		до 10		+		+
8	Ямное	круглая	0,25	0,6		несколько		+		+
9	Ямное	круглая	0,2	1,0		+		+		+
10	Ямное	круглая	0,17	0,8		несколько		+		+
11	Ямное	круглая	0,18	0,52		+		+		+

Таблица 15. **Погребальный обряд могильника у д. Тайманово Могилевской области (раскопки Л. Д. Поболя)**

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во углей в яме	К-во костей в урне	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в центре и др. частях	Скопление в др. частях	Рассыпаны по яме	Зола отдельно	Возраст
1	ямн.	к.я.	0,5		0,75	588	466			+							
2	ямн.	к.я.	0,42		1,1	283	+			+							
3	ямн.	к.я.	0,43		0,5	22	+			+							
4	см.	к.я.	0,35		0,7	40	+	1020			+					+	
5	см.	к.я.	0,3		0,4	неск.	25	59			+					+?	
6	ямн.	к.я.	0,35		0,35	1	18										
7	ямн.	у.я.	0,45	с-ю	0,45×0,34												
8	ямн.	к.я.	0,5		0,5	36	21			+?							
9	урн.	к.я.	0,3		0,3			22		+							
10	ямн.	к.я.	0,53		0,45	265	+										
11	ямн.	у.я.	0,38	с-ю	0,4×0,26	3	+центр									+	
12	ямн.	к.я.	0,6		0,6	340			+			+					
13	ямн.	к.я.	0,7		0,7	134	+			+							
14	ямн.	к.я.	0,4		0,4	33	+			+							
15	ямн.	к.я.	0,6		0,6	3	+			+							
16	ямн.	к.я.	0,4		0,4	36	+			+							
17	см.	к.я.	0,65		0,8	479+	+	600		+яма	+урна				+		
18	ямн.	к.я.	0,5		0,4	720	+			+							

Продолжение табл. 15

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во углей в яме	К-во костей в урне	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в центре и др. частях	Скопление в др. частях	Рассыпаны по яме	Зола отдельно	Возраст
19	ямн.	к.я.	0,35		0,65	128	+			+							
20	ямн.	к.я.	0,4		0,4	7	+			+							
21	ямн.	к.я.	0,4		0,4	20	+			+							
22	ямн.	у.я.	0,6	з-в	1,0×0,65	57				+							
23	см.	к.я.	0,55		0,6	264	+	167		+							
24	урн., см.?	к.я.	0,4		0,45	29		1–185 2–247	+								
25	ямн.	к.я.	0,45		0,35	неск.	+			+							
26	ямн.	к.я.	0,5		0,55	13	+			+							
27	ямн.	к.я.	0,35		0,5	15	+			+							
28	ямн.	у.я.	0,45	с.з-ю.в	0,7×0,5	4	+			+							
29	ямн.	у.я.	0,44	с.з-ю.в	0,8×0,55	16	+			+							
30	ямн.	к.я.	0,45		0,58	20	+			+							
31	ямн.	к.я.	0,4		0,45	9	+			+							
32	ямн.	у.я.	0,35		0,8×0,55	70	+			+			V +		+ V		
33	ямн.	к.я.	0,15+		0,48	180			+								
34	ямн.	к.я.	0,5		0,8	222			+								
35	ямн.	к.я.	0,55		0,82	600	+			+							
36	ямн.	к.я.	0,5		0,55	20	+			+							
37	ямн.	к.я.	0,55		0,68	305	+			+				3 скоп.			
38	ямн.	к.я.	0,5		0,7	10			+								
39	ямн.	к.я.	0,5		0,6	106	+			+							
40	ямн.	у.я.	0,5	с.з-ю.в	0,5×0,4	8	+			+							
41	ямн.	к.я.	0,45		0,3	14			+								
42	ямн.	у.я.	0,5	с.з-ю.в	1,8×0,8	750	+			+				3 скоп.			

43	ямн.	у.я.	0,55	с.з-ю.в	0,75×0,55	21	+			+							
44	ямн.	у.я.	0,45	с-ю	0,75×0,6	7	+			+							
45	ямн.	к.я.	0,3		0,85	45			+								
46	ямн.	у.я.	0,45	с.в-ю.з	1,5×1,3	29	+			+							
47	ямн.	к.я.	0,35		1,05	14			+								
48	ямн.	к.я.	0,45		0,98	138			+								
49	ямн.	у.я.	0,5	с-ю	0,85×0,68	80			+								женское
50	ямн.	к.я.	0,4		1,05	49	+			+							ребенок до года
51	ямн.	к.я.	0.47		0,8	17	+			+							
52	ямн.	к.я.	0,43		0,85	12	+			+							
53	ямн.	к.я.	0,51		1,05	26	+			+							взросл.
54	ямн.	у.я.	0,4	в-з	0,87×0,6	13	+			+							
55	урн.	к.я.?	0,55		0,3			120	+								
56	ямн.	к.я.	0,58		1,1	35	+			+?							детское
57	ямн.	к.я.	0,53		0,48	100	+			+							
58	ямн.	к.я.	0,45		0,38	48	+			+							
59	см.	к.я.	0,4		0,98	97	+	2021	+урна	+яма					+		взросл. в урне
60	ямн.	к.я.	0,35		0,45	188			+						+		взросл.
61	ямн.	к.я.	0,4		1,7	180	+			+							детское
62	ямн.	к.я.	0,5		0,52	70	+			+							взросл.
63	ямн.	к.я.	0,45		0,7	379			+								взросл.
64	ямн.	к.я.	0,5		0,6	285	+			+							взросл.
65	ямн.	к.я.	0,55		1,05	7	+			+							
66	урн.	к.я.	0,5		0,45			8		+?							
67	ямн.	к.я.	0,5		0,65	31	+			+							взросл.
68	ямн.	к.я.	0,3		0,55	755	+			+							взросл.
69	ямн.	к.я.	0,32		0,6	30			+						+		
70	ямн.	к.я.	0,4		0,6	4	20			+?							
71	урн.	к.я.	0,48		0,2			497	+								взросл.
72	см.	к.я.	0,5		0,4	125		232	+урна		+яма						
73	ямн.	к.я.	0,4		1,05	878					+						взросл.

Продолжение табл. 15

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во углей в яме	К-во костей в урне	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в центре и др. частях	Скопление в др. частях	Рассыпаны по яме	Зола отдельно	Возраст
74	ямн.	у.я.	0,4	с.з-ю.в	0,5×0,4	1001	+			+							взросл.
75	ямн.	к.я.	0,39		0,6	25	+			+							
76	см.	к.я.	0,4		0,55	890	10	330			+						взросл.
77	ямн.	к.я.	0,55		0,65	7	+			+							взросл.
78	ямн.	у.я.	0,35	с.в-ю.з	0,6×0,4	3	неск.			+?							
79	ямн.	к.я.	0,37		0,5	9	+			+							взросл.
80	ямн.	к.я.	0,32		0,7	885	+			+							взросл.
81	ямн.	у.я.	0,35	с.з-ю.в	0,6×0,5	297	+			+							взросл.
82	ямн.	к.я.	0,5		0,7	6	+			+							
83	ямн.	к.я.	0,4		0,7	26	+			+							детское
84	ямн.	у.я.	0,5	с.в-ю.з	1,2×0,9	10	+			+							детское
85	ямн.	к.я.	0,53		0,6	494	+			+							взросл.
86	см.	к.я.	0,45		0,4	5	+яма	4		+яма	+урна						
87	ямн.	к.я.	0,15		0,5	50	+			+							
88	ямн.	к.я.	0,57		0,42	53	+			+							взросл.
89	см. груп.	к.я.	0,12		1,15	1–166 2–440	+	1–647 2–270	+урна	+яма							1 урна – взросл., юж. часть ямы – взросл., под 2-й урной – юноша
90	ямн.	к.я.	0,4		1,0	47	+			+							детское
91	ямн.	у.я.	0,34	з-в	1,45×1,23	10	+			+					+		детское
92	ямн.	у.я.	0,27	з-в	1,0×0,95	14	+			+							
93	ямн.	у.я.	0,23	с-ю	1,45×1,0	15	+			+					+		детское
94	ямн.	к.я.	0,4		0,8	78	+			+		+					взросл.
95	ямн.	к.я.	0,18		0,7	20	+			+					+		детское

96	ямн.	к.я.	0,23		0,6	7	+			+					+		детское
97	ямн.	к.я.	0,45		0,95	5	+			+							детское
98	ямн.	к.я.	0,1		0,96	780			+								
99	ямн.	к.я.	0,1		0,8	227	+			+							детское
100	см. груп.					41		810	+урна яма?								урна – подрост. яма – взросл.
101	ямн.	у.я.	0,13	с-ю	0,65×0,48	137	+			+							детское
102	ямн.	к.я.	0,8		0,48	10	+			+							
103	ямн.	у.я.	0,27	с.в-ю.з	0,85×0,7	7	+			+					+		
104	ямн.	к.я.	0,21		1,05	16	+			+							
105	ямн.	у.я.	0,11	з-в	0,85×0,7	23	+			+							
106	см.	к.я.	0,24			23	+	нет		+яма							ребенок 5–6 лет
107	ямн.	у.я.	0,32	с-ю	0,64×0,5	11			+						+		детское
108	см.	к.я.	0,1		0,65	30		305	+урна яма								взросл.
109	ямн.	у.я.	0,14	с.в-ю.з	0,7×0,53	7	+			+					+		
110	ямн.	к.я.	0,45		0,46	2			+								
111	ямн.	к.я.	0,3		0,36	11			+								юноша
112	ямн.	к.я.	0,35		1,18	32	+			+							
113	ямн.	у.я.	0,18	с.в-ю.з	1,0×0,65	неск.	+			+					+		детское
114	ямн.	к.я.	0,15		0,5	340	+			+							взросл.
115	ямн.	к.я.	0,1		0,5	19	+			+							
116	ямн. груп.	к.я.	0,28		0,8	367	+			+							взросл. + реб. до 5 лет
117	ямн.	к.я.	0,1		0,3	670	+			+							взросл.
118	ямн.	к.я.	0,25		0,85	5	+			+					+		
119	ямн.	к.я.	0,17		0,54	6	+			+					+		юноша
120	ямн.	к.я.	0,27		0,7	5	+			+					+		
121	ямн.	к.я.	0,2		0,62	371	+			+							взросл.
122	ямн.	у.я.	0,1	в-з	0,8×0,7	19	+			+							детское

Продолжение табл. 15

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во углей в яме	К-во костей в урне	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в центре и др. частях	Скопление в др. частях	Рассыпаны по яме	Зола отдельно	Возраст
123	ямн.	к.я.	0,1		0,5	84			+						+		
124	ямн.	у.я.	0,2	в-з	0,9×0,8	61	+			+							детское
125	ямн.	у.я.	0,23	в-з	0,9×0,8	19			+					+?		+	
126	ямн.	к.я.	0,6		1,15	30			+						+		
127	ямн.	у.я.	0,2	в-з	1,18×0,85	21			+						+		
128	ямн.	к.я.	0,25?		0,5	4			+								детское
129	ямн.	у.я.	0,15	в-з	0,42×0,38	6			+								
130	ямн.	к.я.	0,5		1,0	3	+				+						детское
131	ямн.	к.я.	0,28		0,55	10	неск.				+				+		
132	ямн.	у.я.	0,3	с-ю	1,0×0,75	26	+				+				+		детское
133	ямн.	к.я.	0,05		0,5	33	+		+								детское
134	ямн.	к.я.	0,25		0,55	51			+					+			детское
135	ямн.	к.я.	0,15		0,4	116	+			+				+			детское
136	ямн.	к.я.	0,1		0,5	12	+			+				+			
137	ямн.	к.я.	0,15		0,6	70	+			+							
138	ямн.	у.я.	0,15	з-в	0,6×0,5	360	+			+				+			взросл.
139	ямн.	у.я.	0,1	з-в	0,8×0,65	115	+			+				+			
140	ямн.	к.я.	0,14		0,58	7	+			+				+			детское
141	см. 2 урны	к.я.	0,15		0,58	160	+	1-я урна 1000	+урна	+яма							детское?
142	ямн.	к.я.	0,2		0,55	45			+			+					
143	ямн.	к.я.	0,3?		0,6	9	+			+					+		
144	ямн.	к.я.	0,15		0,6	642			+						+		взросл.
145	ямн.	к.я.	0,5		0,6	80	+			+					+		детское

146	ямн.	у.я.	0,18	в-з	0,6×0,52	114	неск.		+			+					детское
147	ямн.	у.я.	0,1	с-ю	0,65×0,57	300	+			+							детское
148	ямн.	к.я.	0,3?		0,25	2			+								
149	ямн.	к.я.			0,3	4	неск.				+						
150	ямн.	к.я.	0,2		0,8	неск. десят.	+			+							взросл.
151	ямн.	к.я.	0,2		0,5	неск. десят.	+			+					+		юноша
152	ямн.	к.я.	0,14		0,6	19	+			+							детское до года
153	ямн.	к.я.	0,2		0,6	90	+			+							взросл.
154	ямн.	к.я.	0,1		0,6	10	+			+							
155	ямн.	к.я.	0,2		0,6	9	+			+					+		
156	ямн.	у.я.	0,25	с-ю	0,6×0,5	682	+			+							пожил.
157	см. 2 урны	к.я.	0,2		0,4	неск. десят.	+	1–580 2–550		+							взросл.
158	ямн.	у.я.	0,25	в-з	0,4×0,35	2	+			+							
159	ямн.	у.я.	0,1	в-з	0,45×0,4	858	+			+							пожил.
160	ямн.	к.я.	0,12		0,2	22			+			+					детское до года
161	ямн.	к.я.	0,1		0,5	85	+			+							детское
162	ямн.	у.я.	0,2	с-ю	0,48×0,4	4	+			+							
163	урн.	к.я.	0,23		0,4			30	+								
164	ямн.	к.я.	0,33		0,36	1032	+			+							взросл.
165	ямн.	к.я.	0,2		0,4	32			+								детское до года
166	ямн.	к.я.	0,4		1,3	5	+				+				+		
167	ямн.	к.я.	0,2		0,4	69			+						+		
168	ямн.	у.я.	0,5	в-з	0,95×0,8	1064			+								
169	ямн.	к.я.	0,3?		0,5	126	+			+					+		
170	ямн.	к.я.	0,2		0,4	40			+						+		
171	ямн.	к.я.	0,1		0,4	340			+						+		
172	ямн.	к.я.	0,1		0,3	113	+			+					+		
173	ямн.	у.я.	0,24	с.з-ю.в	0,55×0,38	2	+				+						

Окончание табл. 15

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер, м	К-во костей в яме	К-во углей в яме	К-во костей в урне	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в центре и др. частях	Скопление в др. частях	Рассыпаны по яме	Зола отдельно	Возраст
174	ямн.	у.я.	0,1	з-в	0,35×0,3	295	+			+					+		
175	ямн.	у.я.	0,1	з-в	0,3×0,22	115			+						+		
176	ямн.	у.я.	0,15		0,48×0,4	6	+			+?							
177	ямн.	к.я.	0,13?		0,45	<100					+				+		
178	ямн.	у.я.	0,22	з-в	0,5×0,3	неск.	+			+							взросл.
179	ямн.	к.я.	0,3	с-ю	0,4	2					+						
180	ямн.	у.я.	0,2?	с-ю	0,7×0,32	3					+						
181	ямн.	к.я.	0,12?		0,3	1	+				+						взросл.
182	ямн.	к.я.	0,12?		0,4	12					+						
183	ямн.	у.я.		з-в	0,5×0,4	3					+						
184	урн.						+	неск.		+							
185	ямн.	к.я.	0,12		0,3	2					+						
186	ямн.	к.я.	0,3		0,75	4					+						
187	ямн.	к.я.	0,32		0,23	10+ 2 в яме					+			+			
188	ямн.	у.я.	0,5	сс.з-ю.в	1,8×1,1	8					+						
189	ямн.	у.я.	0,4	з-в	1,2×0,7	1476	+			+							
190	ямн.	у.я.	0,06	с-ю	0,6×0,29	2	+				+	+					
191	см.	у.я.	0,18	сс.з-ю.в	1,3×0,65	11	+	43		+				+		+	
192	ямн.	к.я.	0,4		1,0	10	+			+					+		
193	ямн.	у.я.	0,6	з-в	0,75×0,55	139	+			+							
194	ямн.	у.я.	0,55		1,2×1,15	18					+						
195	ямн.	к.я.	0,17		1,1	24			+								

196	ямн.		хоз. яма			20					+			+			
197	ямн.	к.я.	0,35		1,0	1					+						
198	ямн.	у.я.	0,38	с-ю	0,78×0,5	5	+				+					+	
199	ямн.		хоз. яма			10					+	+?					
200	ямн.		хоз. яма			10					+	+					
201	ямн.		хоз. яма			10					+	+		+			
202	ямн.		хоз. яма			10					+			+			

Таблица 16. **Погребальный обряд могильника у д. Нижняя Тощица Могилевской области (раскопки Л. Д. Поболя)**

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Ориентация погребения	Размер ямы, м	К-во костей в яме	К-во костей в урне	К-во угля в яме	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в центре	Скопление в разных частях	Скопление в центре и др. частях	Рассыпаны по яме
1	смеш.	к.я.	0,42		0,6	±100	±100		+						+
2	ямн.	у.я.	0,45	с-ю	0,75×0,4	200		+		+					
3	урн.	к.я.	0,4		1,0		<100		+						
4	смеш.	к.я.	0,45		0,4	±100	±100	+	+урна	+яма					
5	смеш.	у.я.	0,3	сс.з-ююв	0,95×0,6	±100	±100	+	+урна	+яма			+		
6	ямн.	к.я.	0,45		0,45	неск. десят.		+		+					
7	ямн.	у.я.	0,45	с.з-ю.в	1,0×0,6	20			+						
8	урн.	к.я.	0,45		0,4		неск. сот			+					
9	ямн.	к.я.	0,35		0,7	200		+		+?				+	
10	урн.	к.я.	0,3		0,45		10	+	+						
11	урн.	к.я.	0,4		0,4		10		+						
12	смеш.	к.я.	0,35		0,4	неск. десят.	неск. десят.	+	+урна	+яма					

Таблица 17. **Погребальный обряд могильника у д. Новый Быхов Могилевской области (раскопки Ю. В. Кухаренко, Л. Д. Поболя)**

№	Тип погребения	Форма ямы	Мощность погребения, м	Размер ямы, м	Ориентация погребения	К-во костей в яме	К-во костей в урне	К-во угля в яме	Очищ. кости	Неочищ. кости	Степень очищенности не установлена	Скопление в разных частях	Скопление в центре	Рассыпаны по яме	Зола отдельно
1	урн.	к.я.					+		+						
2	ямн.	к.я.	0,3	0,4		+			+?					+	
3	ямн.	к.я.	0,3	0,4		+		+		+				+	
4	ямн.	к.я.	0,4	0,7		+		+		+				+	
5	ямн.	к.я.	0,3	0,5		+		+		+					
6	ямн.	к.я.	0,3	0,5		+		+		+					
7	ямн.	к.я.				+			+						
8	ямн.	к.я.	0,3	0,5		+		+		+					
9	ямн.	у.я.	0,7	1,4×0,8	с.з-ю.в	10		+		+		+			
10	ямн.	к.я.	0,4	0,5		20		+		+				+	
11	ямн.	к.я.	0,4	0,5		150		+		+?				+	
12	ямн.	к.я.	0,5	0,5		80		+		+				+	
13	ямн.	у.я.	0,55	1,8×0,8	с.в-ю.з	неск.		+		+					+
14	ямн.	к.я.	0,35	0,55		200		+		+				+	
15	ямн.	к.я.	0,1	0,15		15			+					+	
16	ямн.	к.я.	0,35	0,95		54		+		+				+	
17	ямн.	к.я.	0,38	0,6		280		+		+				+	
18	ямн.	к.я.	0,2	0,9		278		+		+				+	
19	ямн.	к.я.	0,6	0,4		293		+		+				+	

20	ямн.	к.я.	0,7	0,8		57		+		+				+	
21	ямн.	к.я.	0,33	0,39		15		+		+				+	
22	ямн.	к.я.	0,44	0,55		55		+		+		+		+	
23	ямн.	к.я.	0,47	0,44		138		+		+?				+	
24	ямн.	к.я.	0,35	0,6		42		?	+					+	
25	ямн. +3 ямки	к.я.	0,35	0,6		320 +в 3 ямках		+	+в 3 ямках	+в яме				+	
26	ямн.	к.я.	0,45	1,0		+		+		+				+	
27	ямн.	к.я.	0,36	0,5		400		+		+				+	
28	ямн.	к.я.	0,35	0,62		неск.		+		+				+	
29	ямн.	к.я.	0,36	0,7		10		+		+				+	
30	ямн.	к.я.	0,6	0,6		883		+		+				+	
31	ямн.	к.я.	0,4	0,6		20			+?					+	
32	урн.	к.я.	0,2+				<100	+	+						+
33	ямн.	к.я.	0,3	0,3		10			+					+	
34	ямн.	к.я.	0,42	0,37		10		+		+				+	
35	ямн.	к.я.	0,5	0,35		30		+		+?				+	
36	урн.		0,35+				2		+?						
37	ямн.	у.я.	0,35	0,8×0,55	с-ю	20			+?					+	
38	ямн.	к.я.	0,6	0,5		неск. дес.			+					+	+?
39	ямн.	к.я.	0,35	0,5		+			+					+	+
40	ямн.	к.я.	0,5	0,45		неск. дес.			+					+	
41	ямн.	у.я.	0,45	1,0×0,75	с-ю	<100		+		+				+	

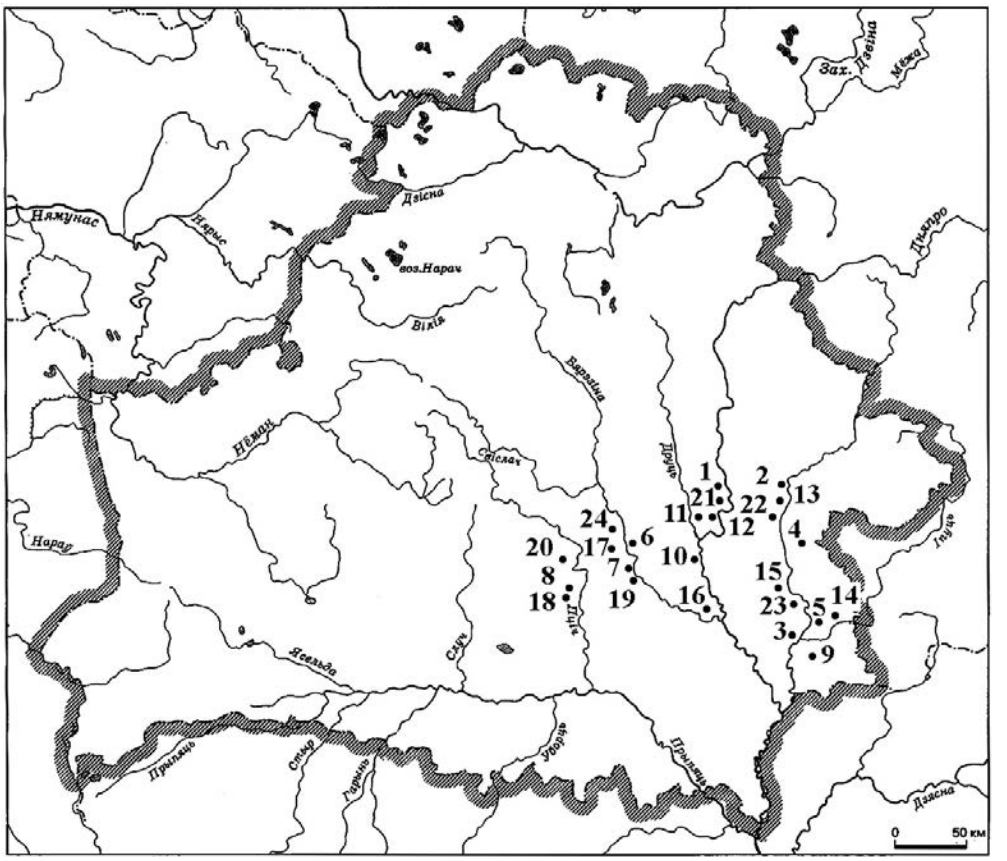


Рис. 1. Карта памятников Могилевского и Гомельского Поднепровья первой половины I тысячелетия н. э. Памятники: *1* – Адаменка; *2* – Барсуки; *3* – Гомель; *4* – Гудок; *5* – Демьянки; *6* –Дедново; *7* – Дражня; *8* – Жолвинец; *9* – Кленки; *10* – Красная Горка; *11* – Нижняя Тощица; *12* – Новый Быхов; *13* – Новый Млын; *14* – Носовичи; *15* – Однополье; *16* – Отрубы; *17* – Петровичи; *18* – Подлужье; *19* – Прудок; *20* – Симоновичи; *21* – Тайманово; *22* – Шепотовичи; *23* – Шерстин; *24* – Щатково

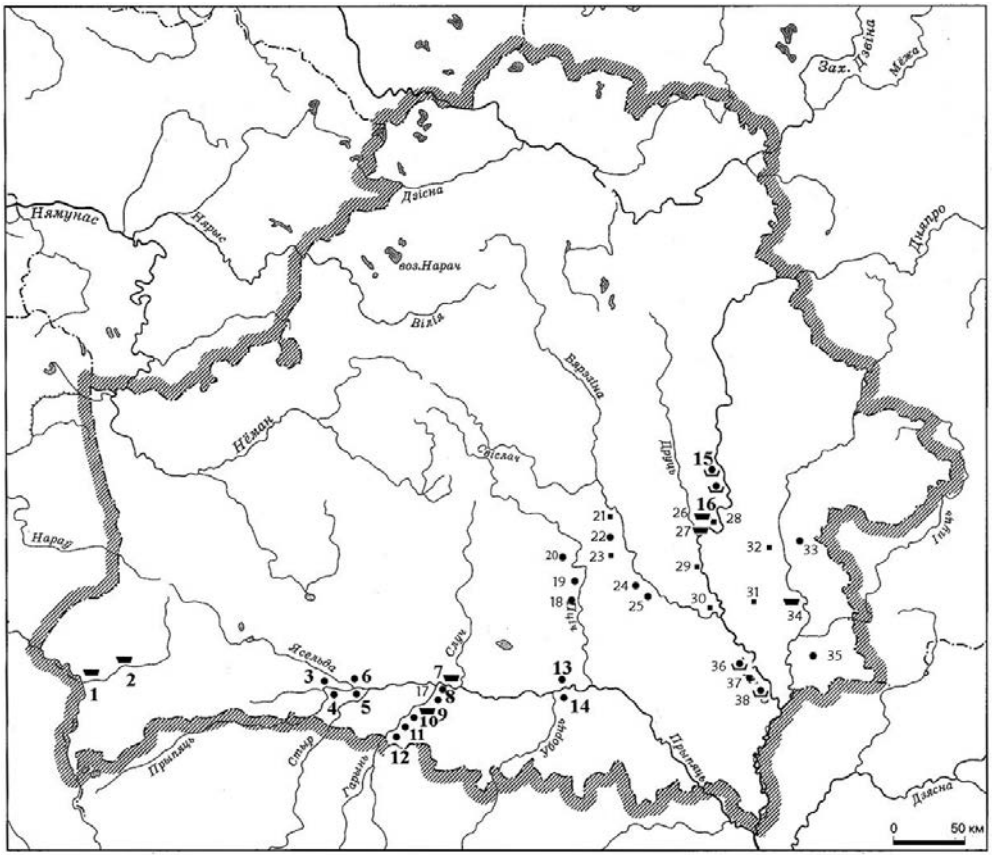


Рис. 2. Карта памятников Белорусского Поднепровья и Припятского Полесья в I тысячелетии н. э. Памятники: *1* – Брест-Тришин; *2* – Петровичи; *3* – Курадово; *4* – Лемешевичи; *5* – Остров; *6* – Городище; *7* – Микашевичи; *8* – Давид-Городок; *9* – Велемичи; *10* – Хотомель; *11* – Отвержичи; *12* – Струга 1; *13* – Петриков; *14* – Снядин; *15* – Тайманово; *16* – Абидня; *17* – Бережцы; *18* – Подлужье; *19* – Жолвинец; *20* – Симоновичи; *21* – Щатково; *22* – Дедново; *23* – Петровичи; *24* – Дражня; *25* – Прудок; *26* – Новый Быхов; *27* – Нижняя Тощица; *28* – Кистени; *29* – Красная Горка; *30* – Отрубы; *31* – Уваровичи; *32* – Чечерск; *33* – Нисимковичи; *34* – Юрковичи; *35* – Носовичи; *36* – Горошков; *37* – Колочин; *38* – Чаплин

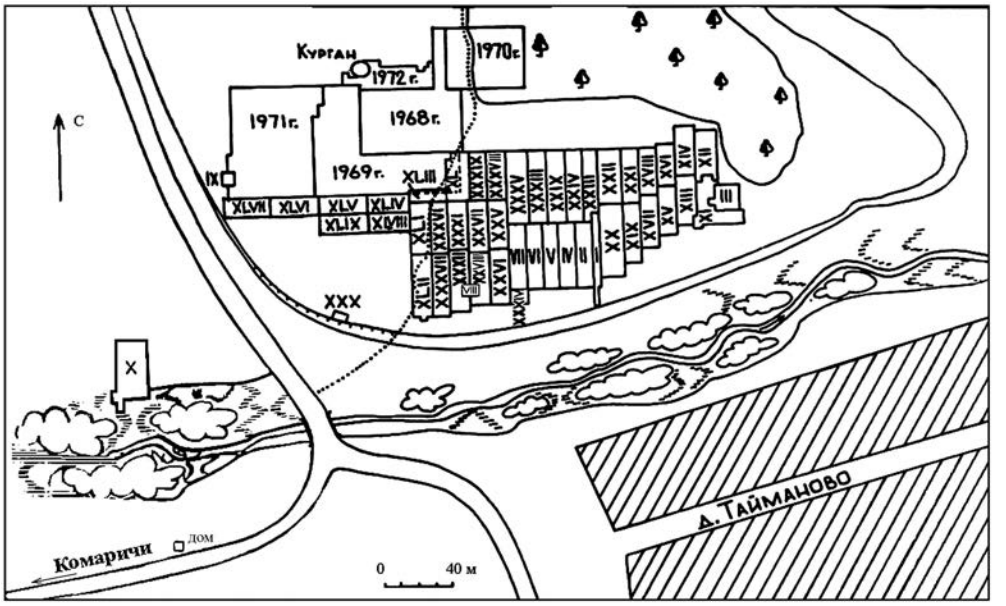


Рис. 3. Таймаково, Могилевская область, селище, могильник.
Планы раскопов

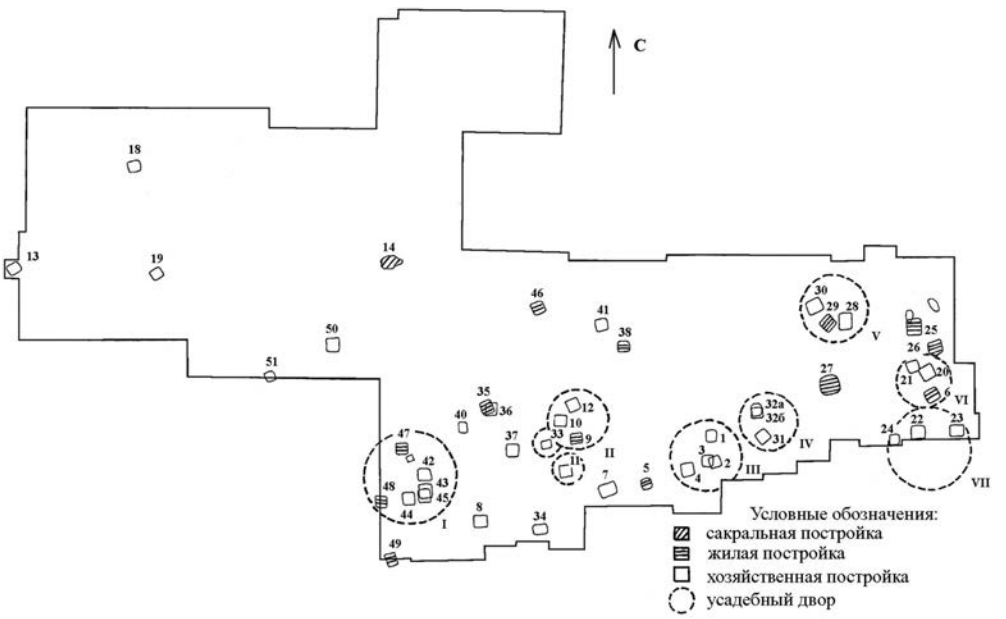


Рис. 4. Тайманово, Могилевская область, селище. Усадебные комплексы

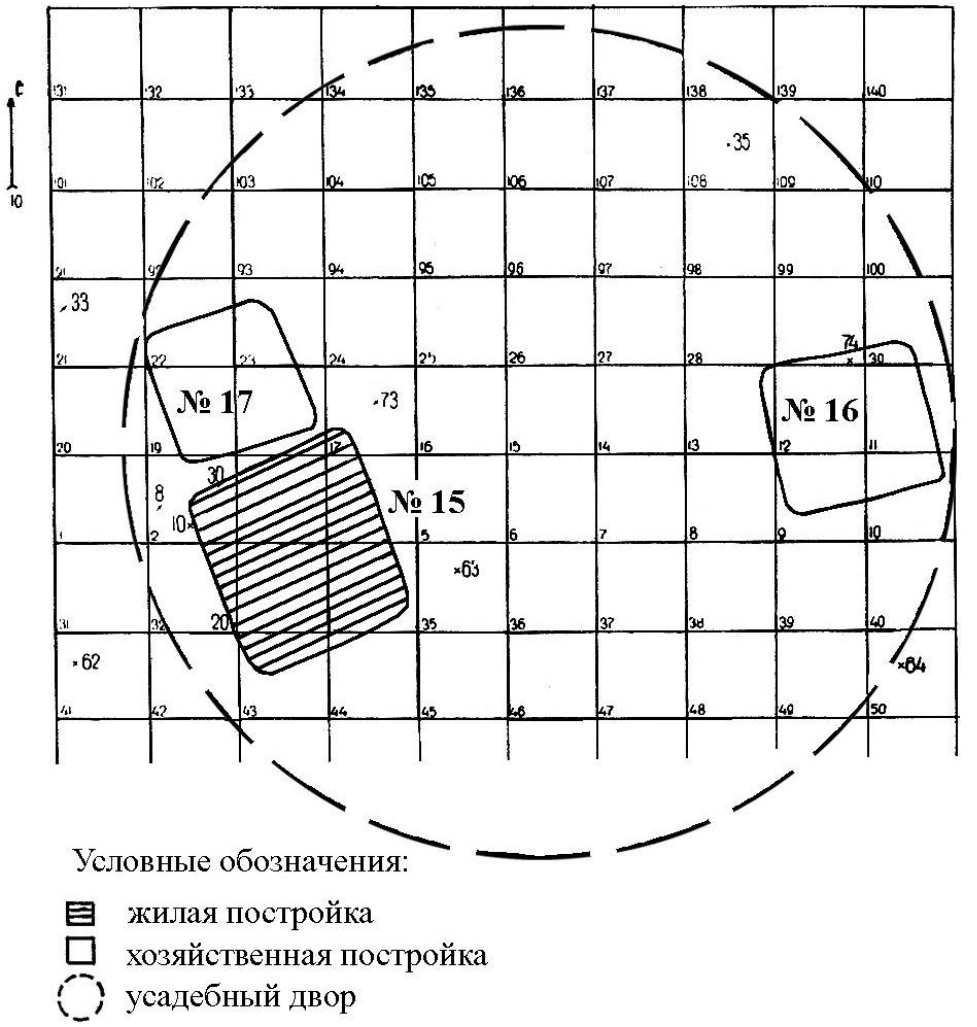
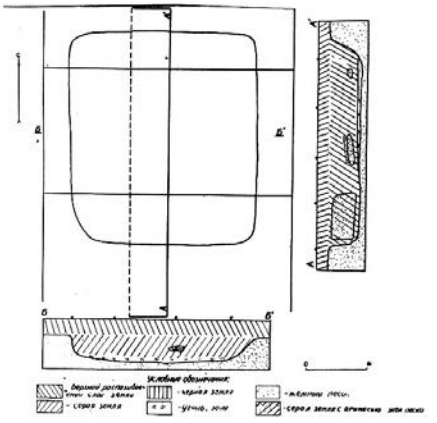
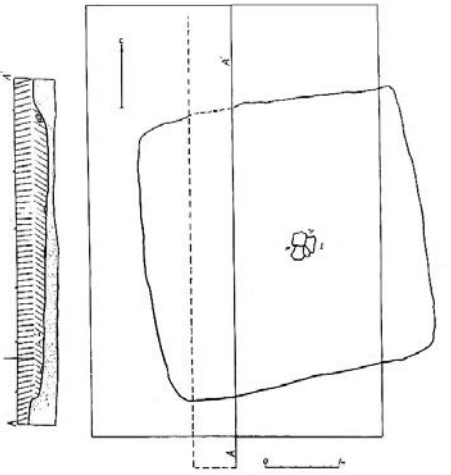


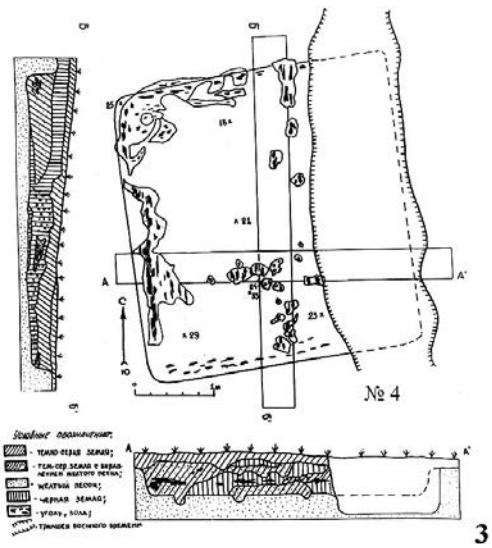
Рис. 5. Тайманово, Могилевская область, селище. Комплекс полуземлянок № 15, 16, 17



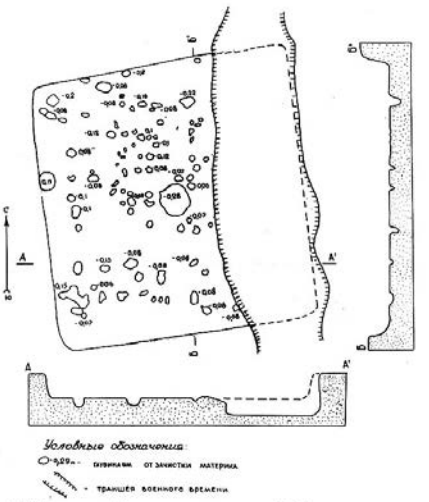
Тайманово, Быховского р-на, 1967 г.
Раскоп I . Полуземлянка №1 **1**



Тайманово, Быховского р-на, 1967 г. Раскоп I.
Полуземлянка №2 **2**



3



Тайманово, Быховского р-на, 1968 г., селище,
Раскоп II, Нижняя часть жилища № 4
Профили показаны на уровне зачистки. **4**

Рис. 6. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 1, 2, 4

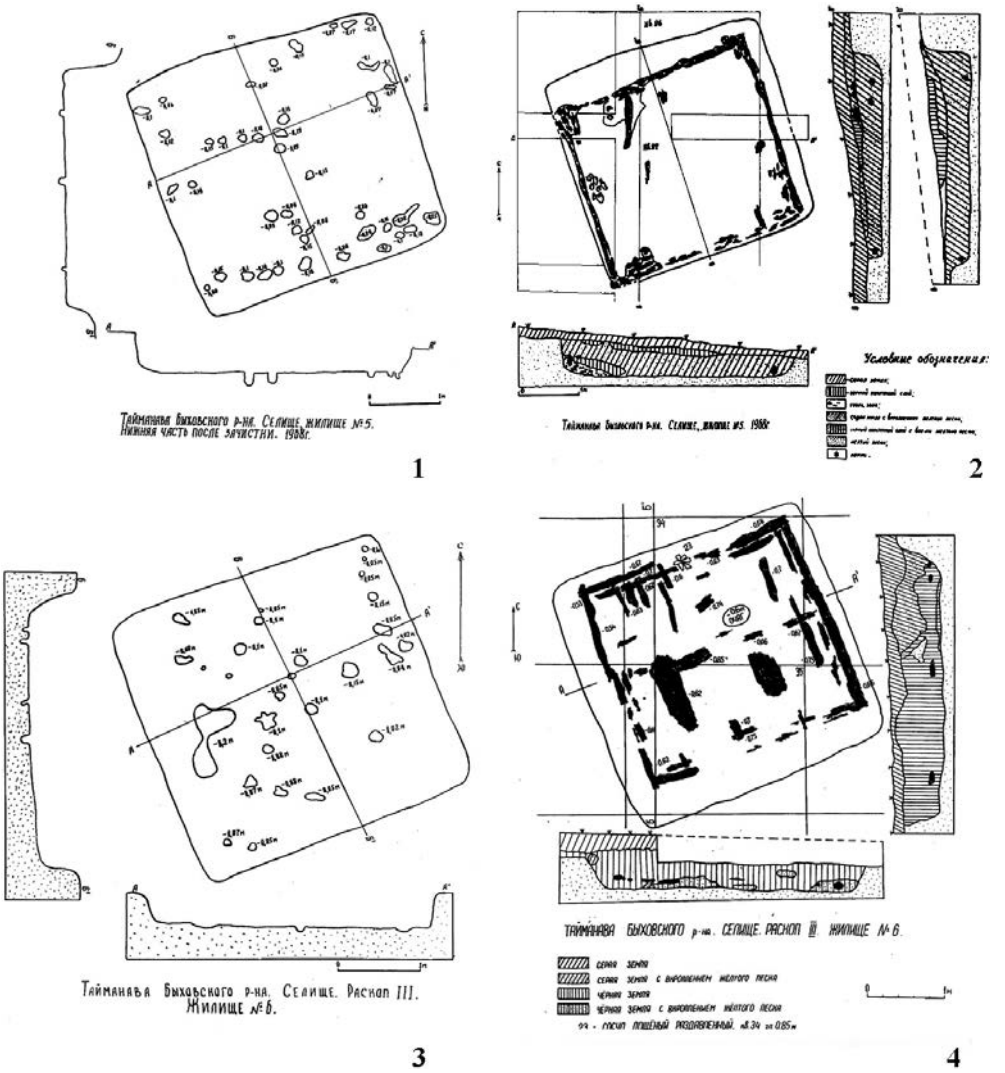


Рис. 7. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 5, 6

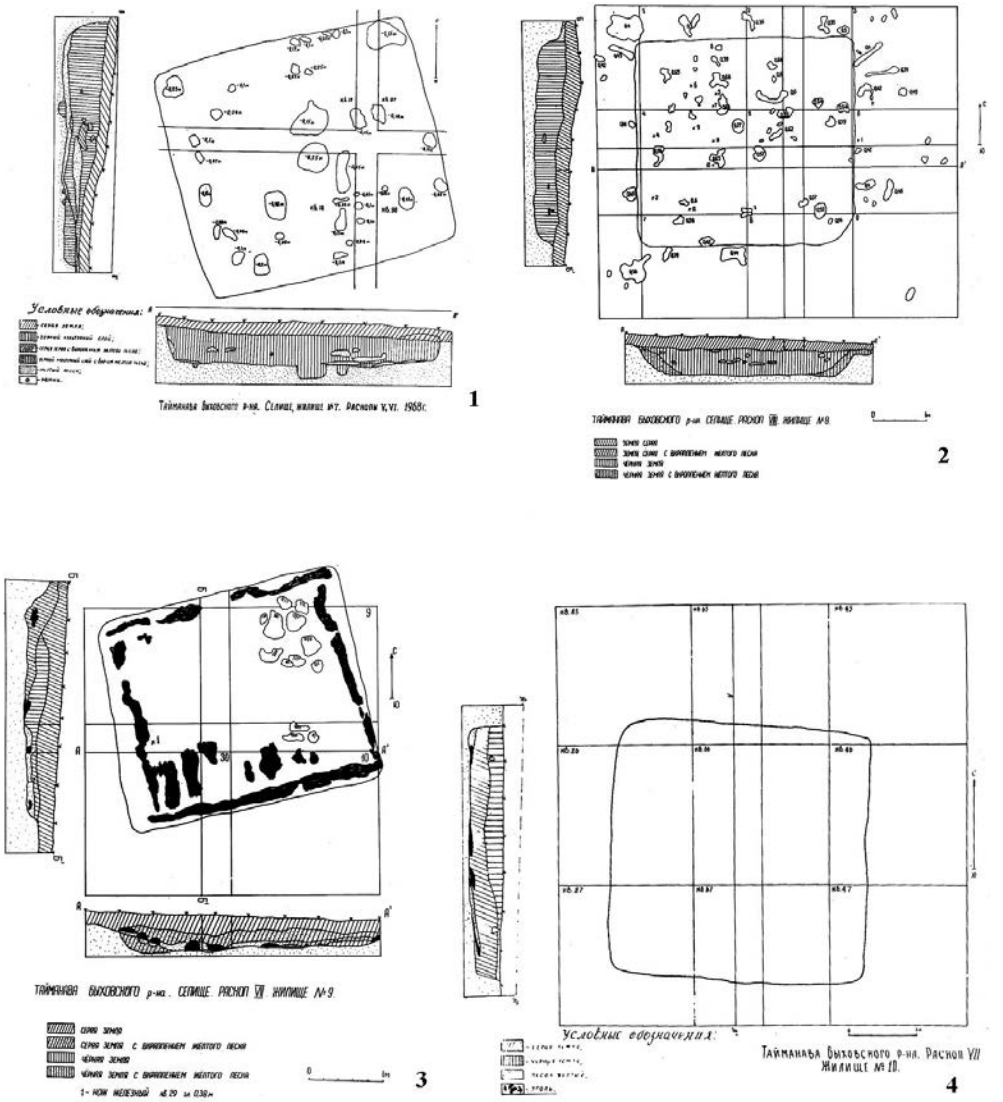


Рис. 8. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 7, 8, 9, 10

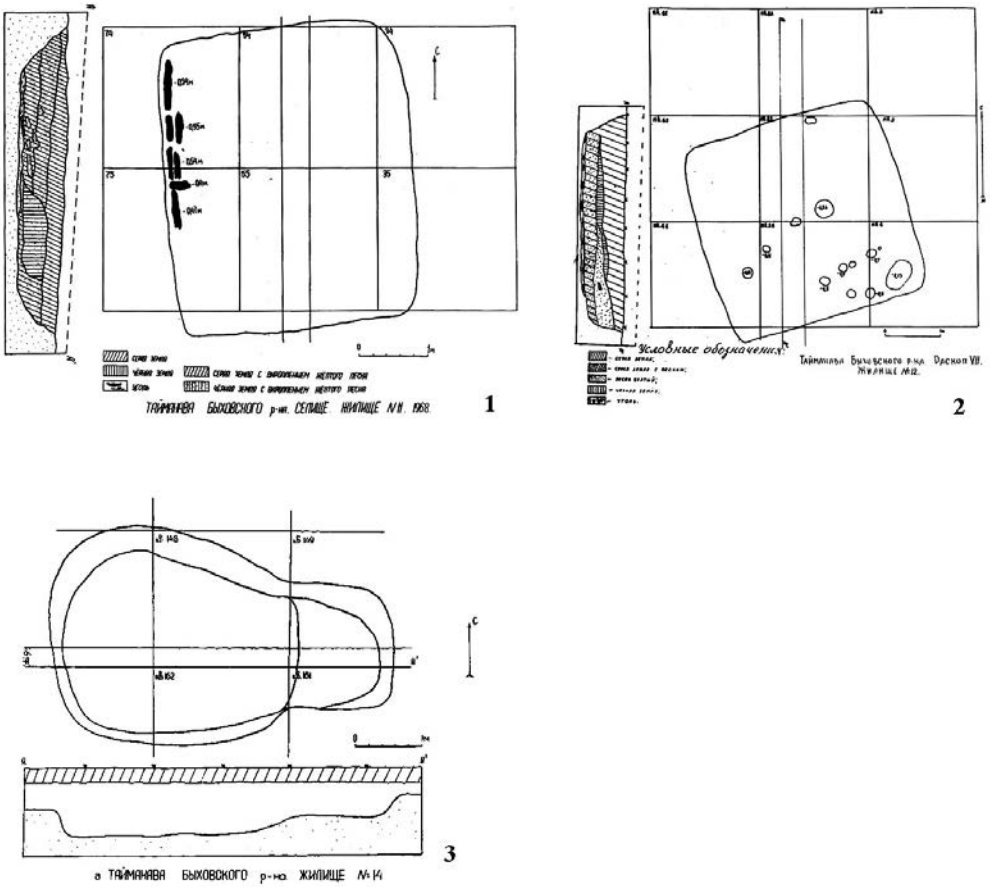
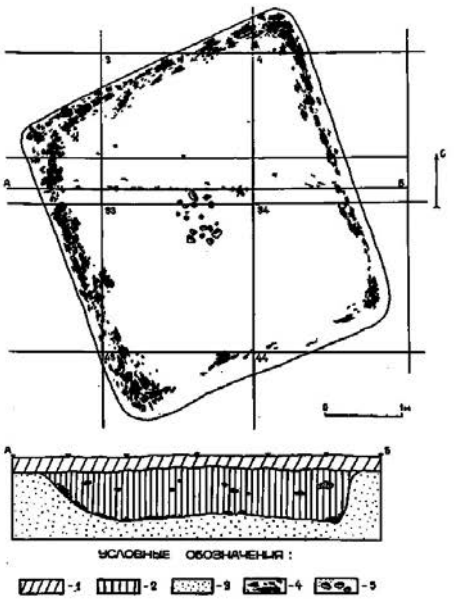
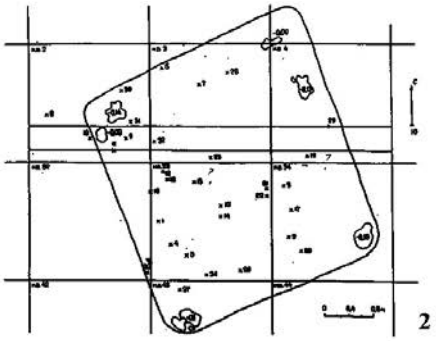


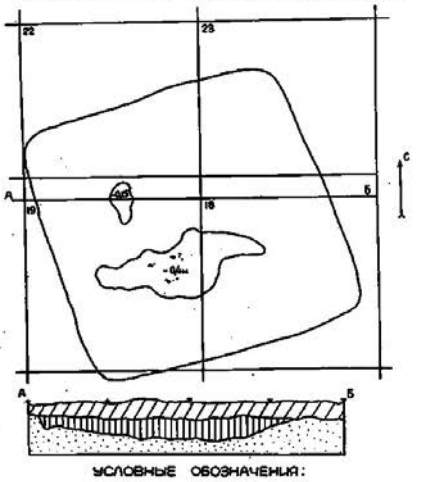
Рис. 9. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 11, 12, 14



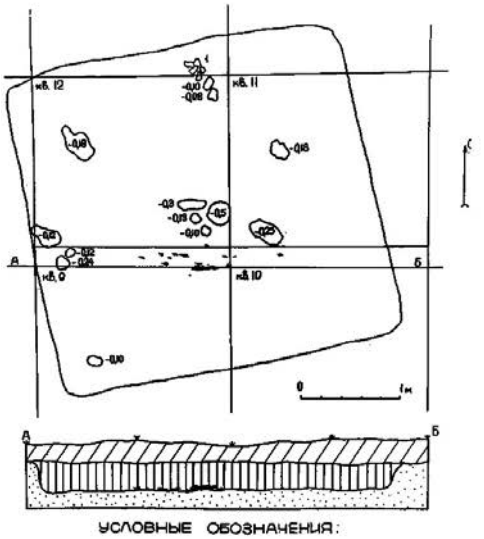
ТАЙМАНОВО БЫХОВСКОГО Р-НА 1970г
СЕЛИЩЕ. РАСКОП X. ЖИЛИЩЕ 15. 1



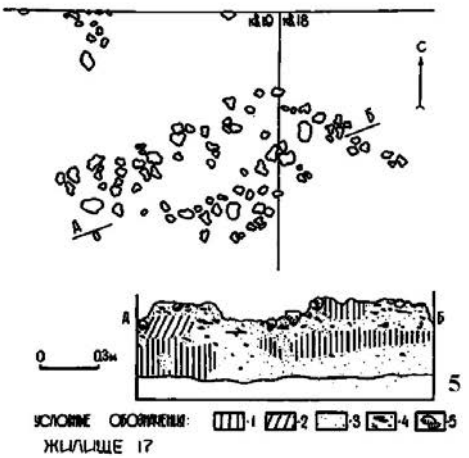
ТАЙМАНОВО БЫХОВСКОГО РАЙОНА. СЕЛИЩЕ. РАСКОП X
ЖИЛИЩЕ №15. ПЛАН ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НАХОДОК. 2



Тайманово 1970 г. Быховского р-на
селище. Раскоп X . Жилище 17 4



ТАЙМАНОВО БЫХОВСКОГО Р-НА. 3
СЕЛИЩЕ. РАСКОП X ЖИЛИЩЕ 16.



ЖИЛИЩЕ 17

Рис. 10. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 15, 16, 17

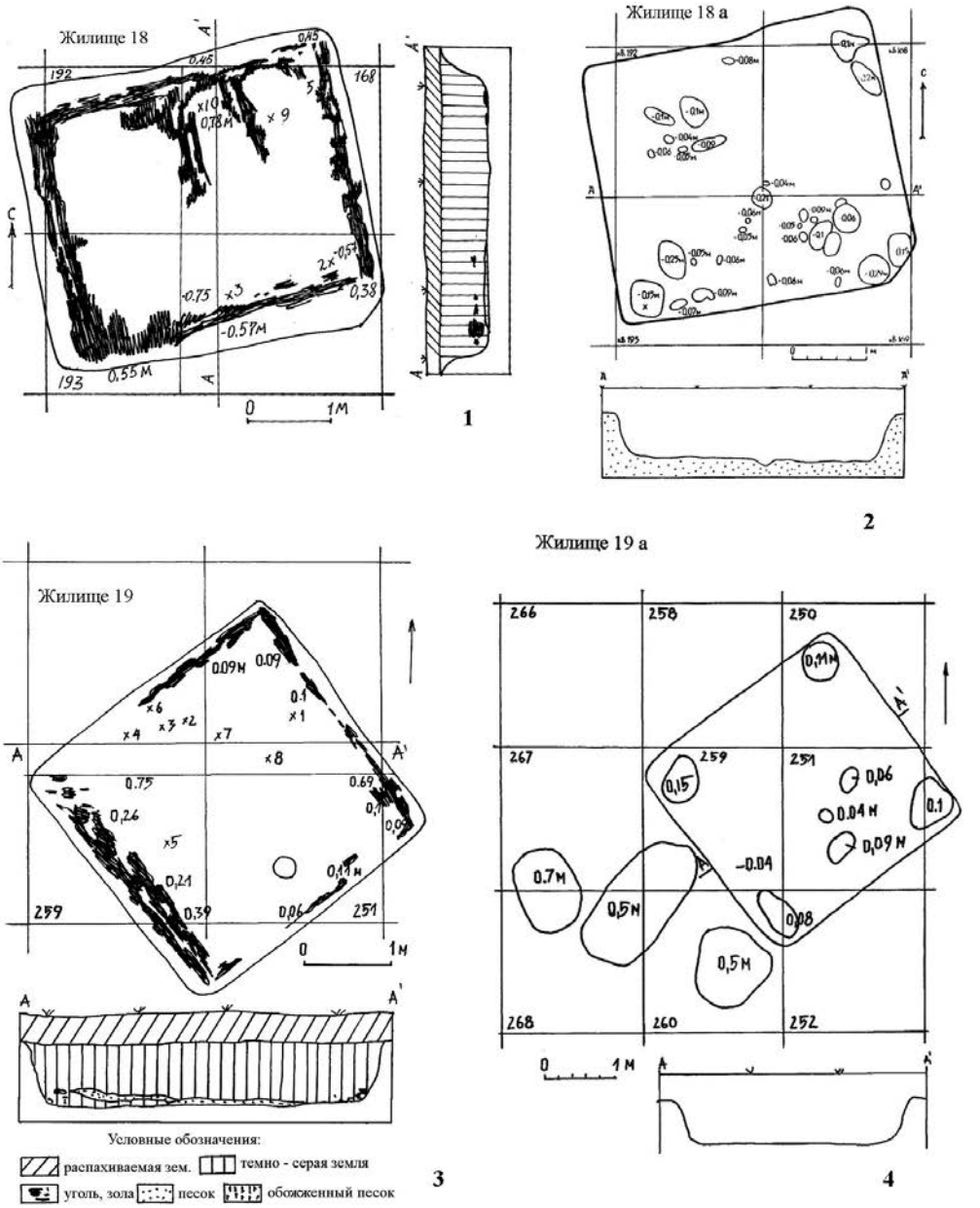


Рис. 11. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 18, 19

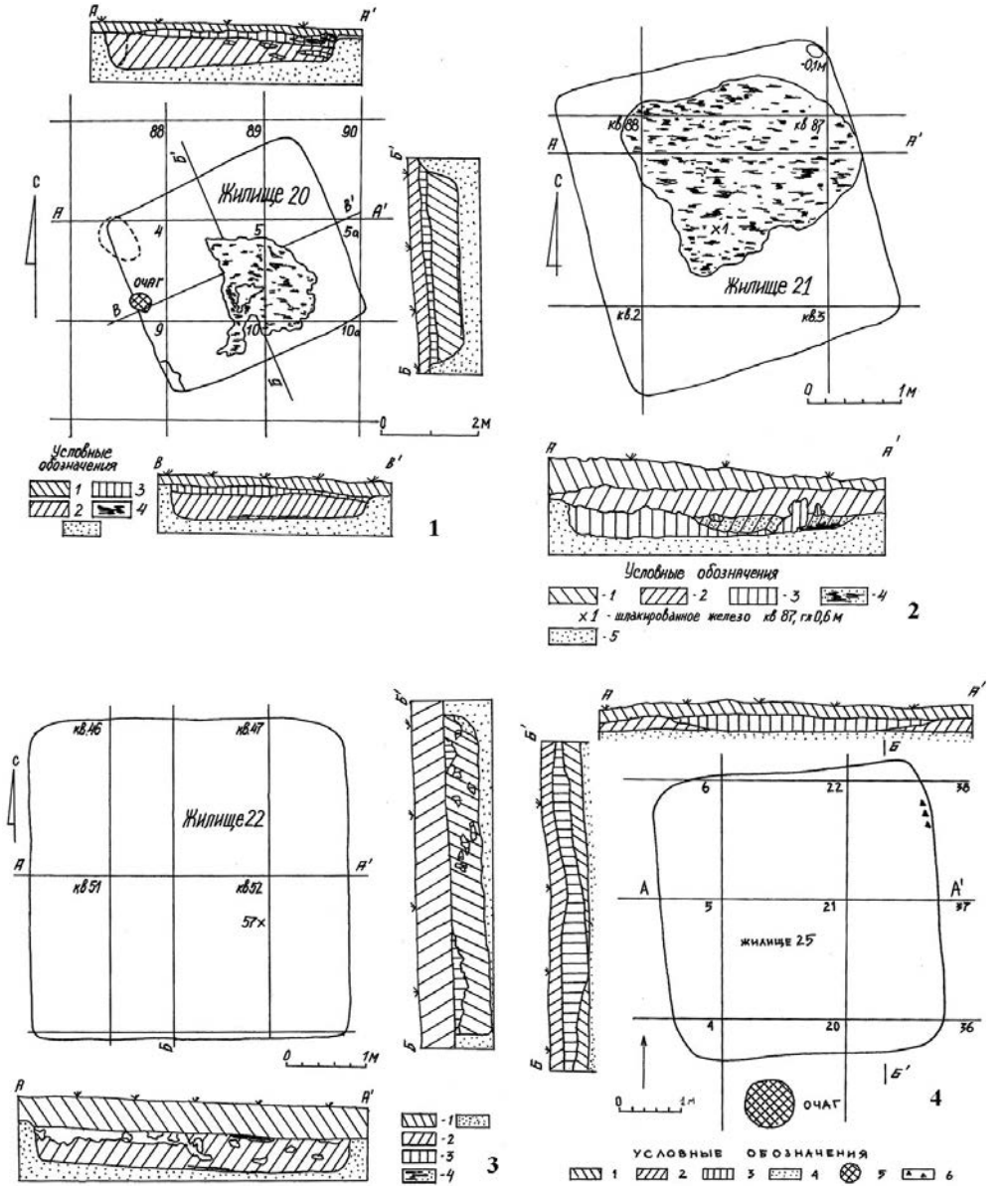


Рис. 12. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 20, 21, 22, 25

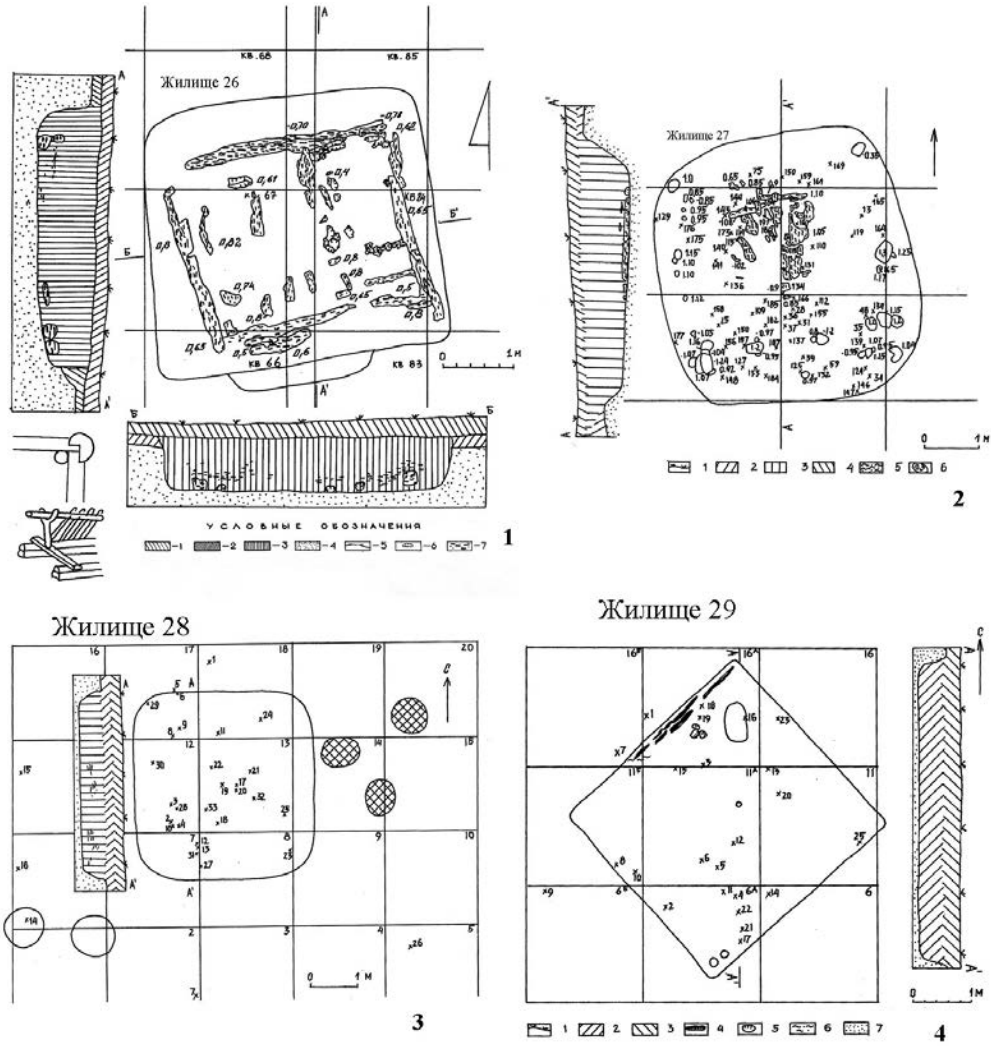


Рис. 13. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 26, 27, 28, 29

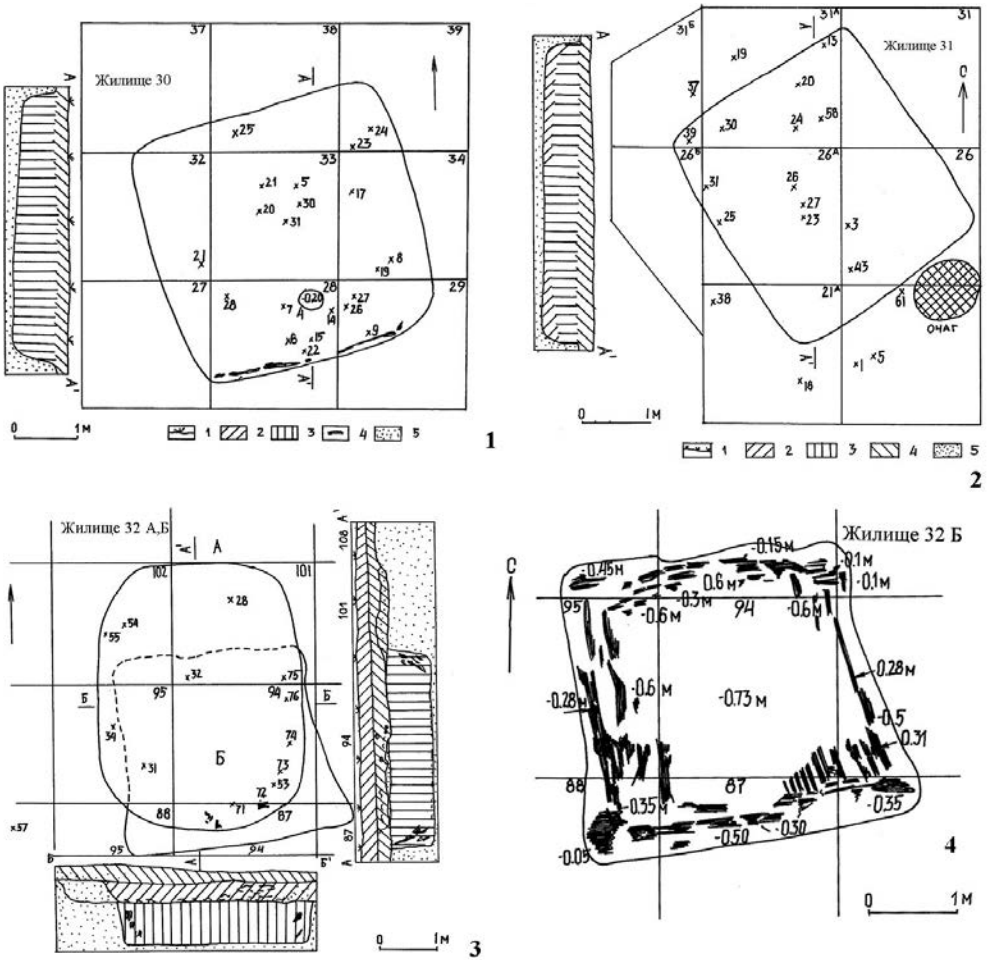


Рис. 14. Тайманово, Могилевская область, селище.
Планы полуземлянок № 30, 31, 32А, 32Б

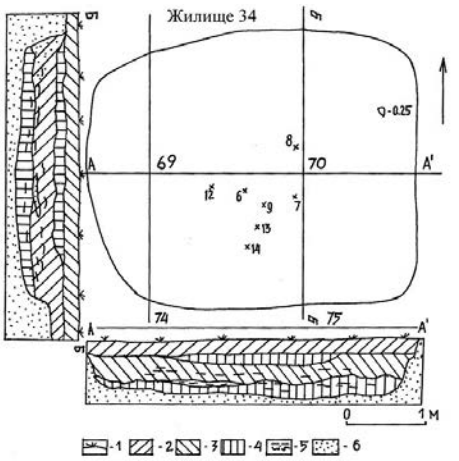


Рис. 15. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 34, 35, 36, 37

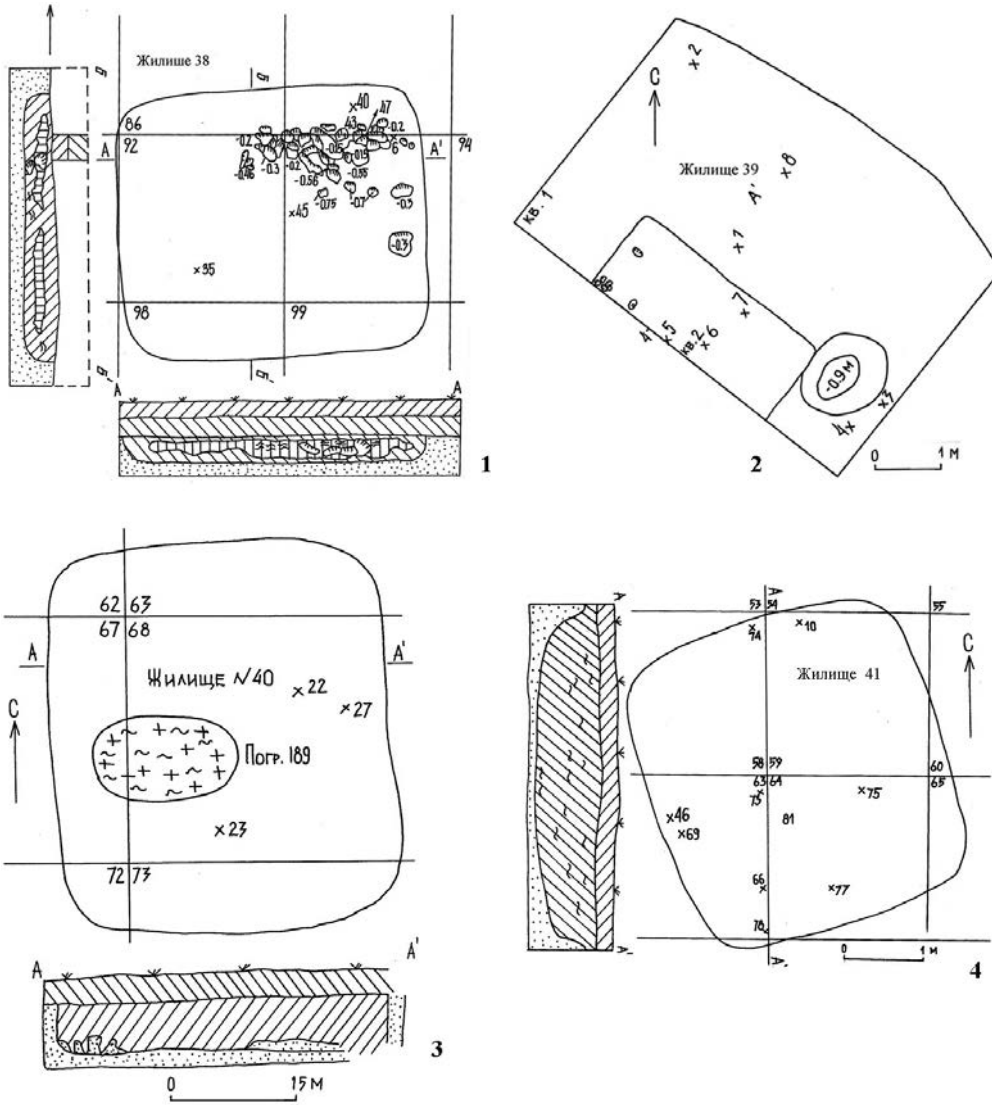


Рис. 16. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 38, 39, 40, 41

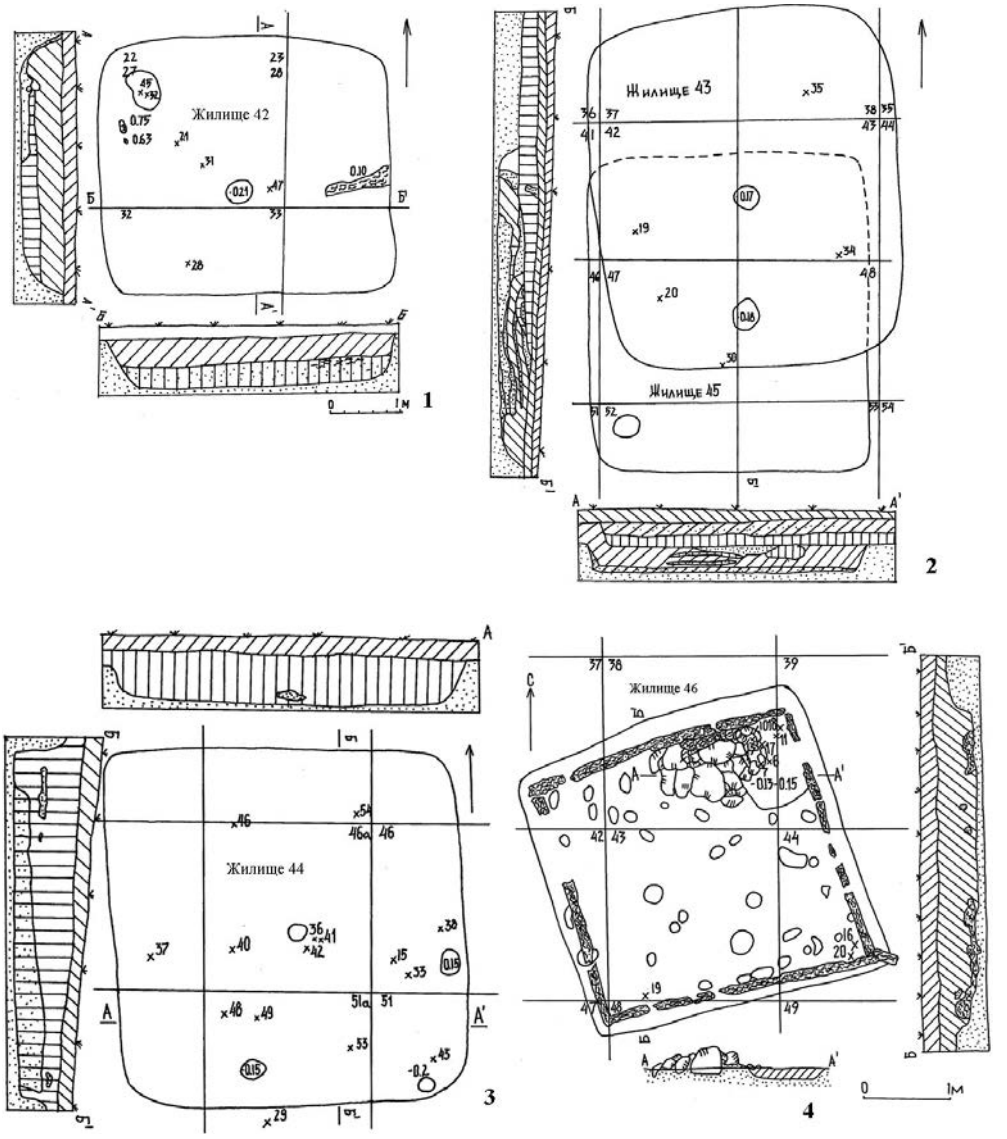


Рис. 17. Тайманово, Могилевская область, селище.
Планы полуземлянок № 42, 43, 44, 45, 46

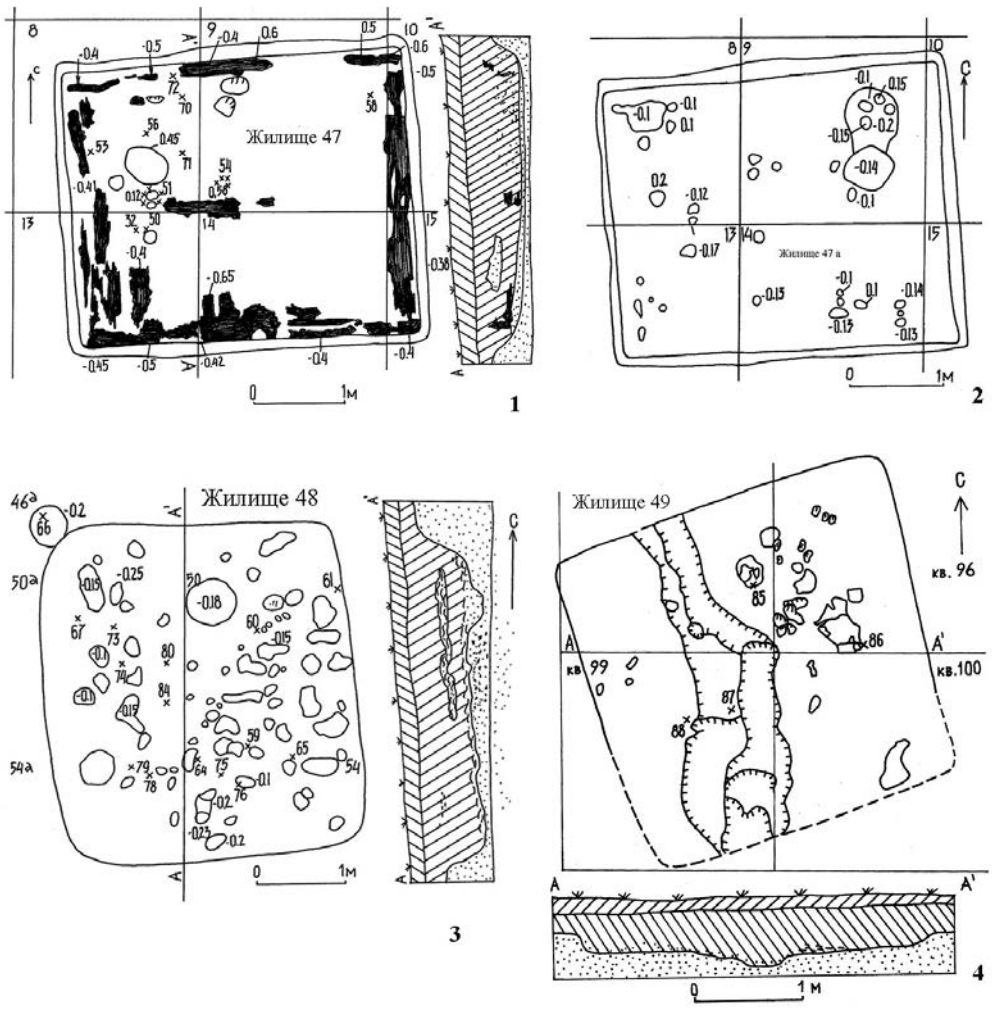


Рис. 18. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 47, 48, 49

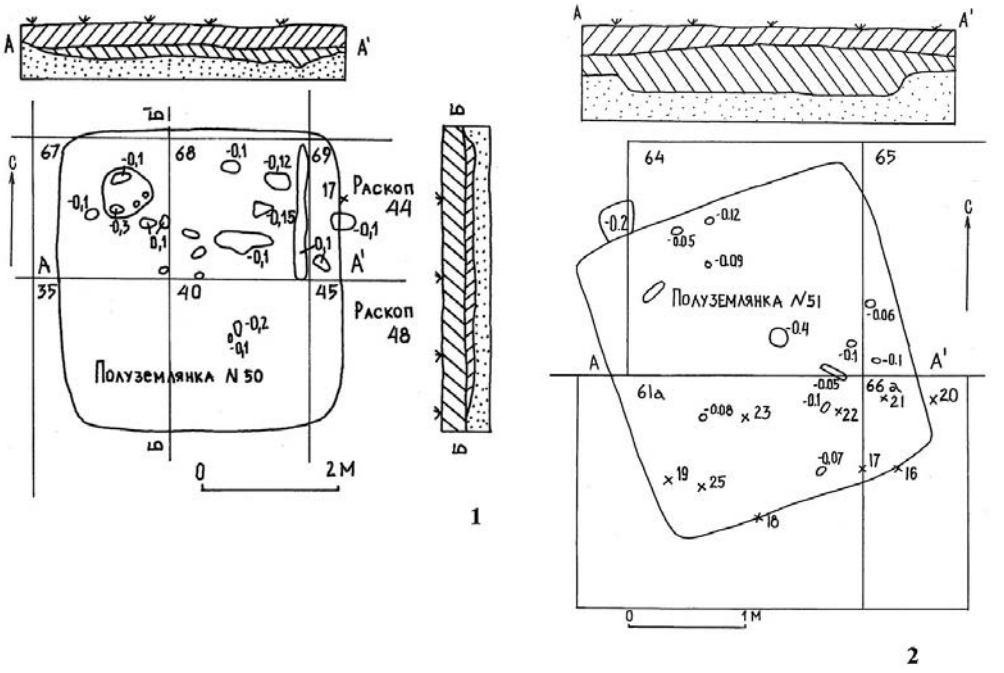


Рис. 19. Тайманово, Могилевская область, селище. Планы полуземлянок № 50, 51

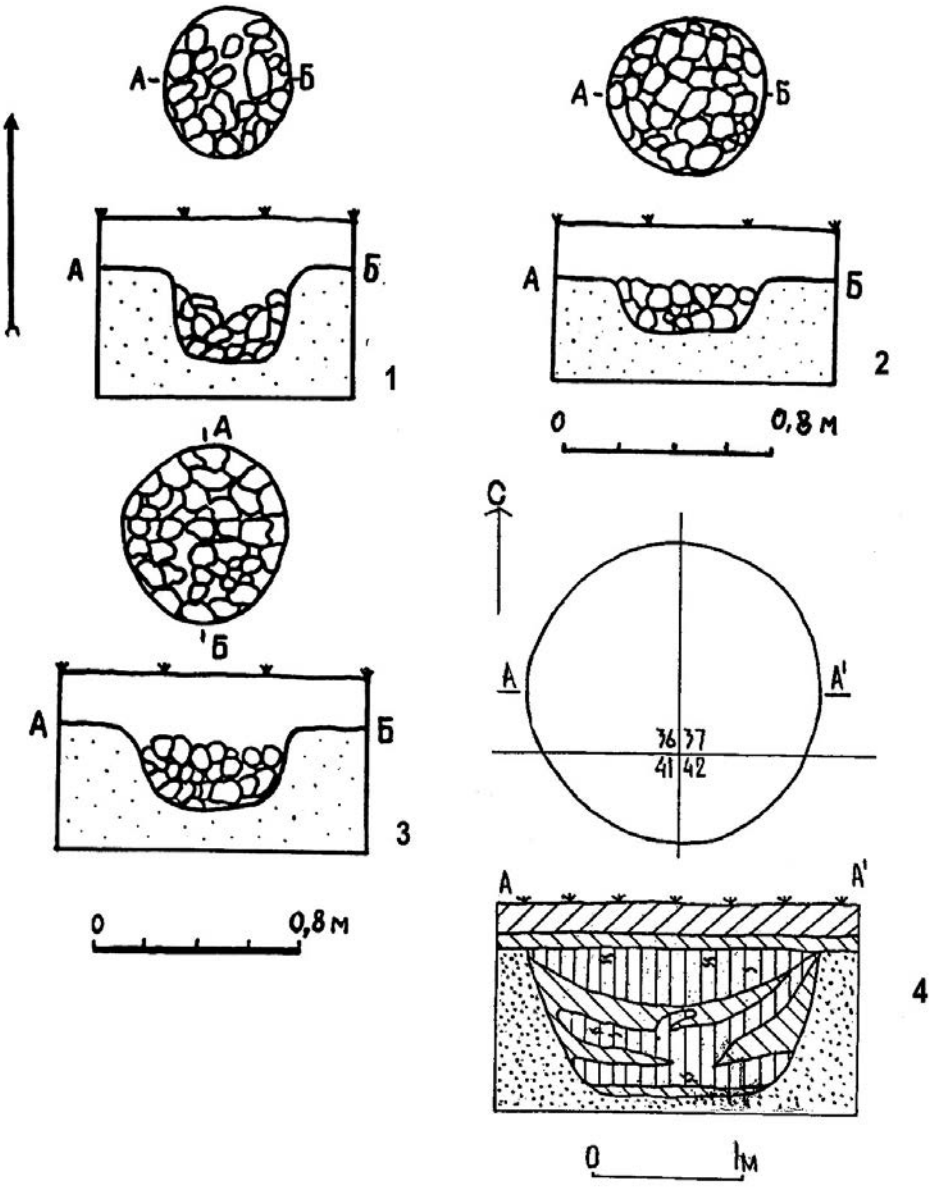


Рис. 20. Тайманово, Могилевская область. Раскопки Л. Д. Поболя: *1–3* – каменные выносные очаги, могильник; *4* – хозяйственная яма вблизи полуземлянок № 35 и № 36

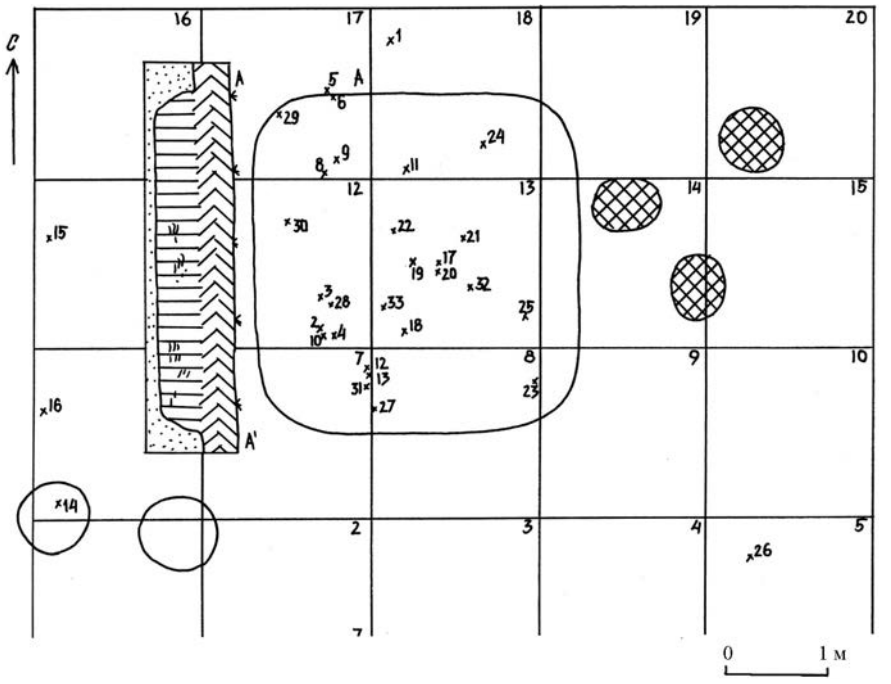


Рис. 21. Тайманово, Могилевская область. Раскопки Л. Д. Поболя.
Хозяйственный комплекс полуземлянки № 28

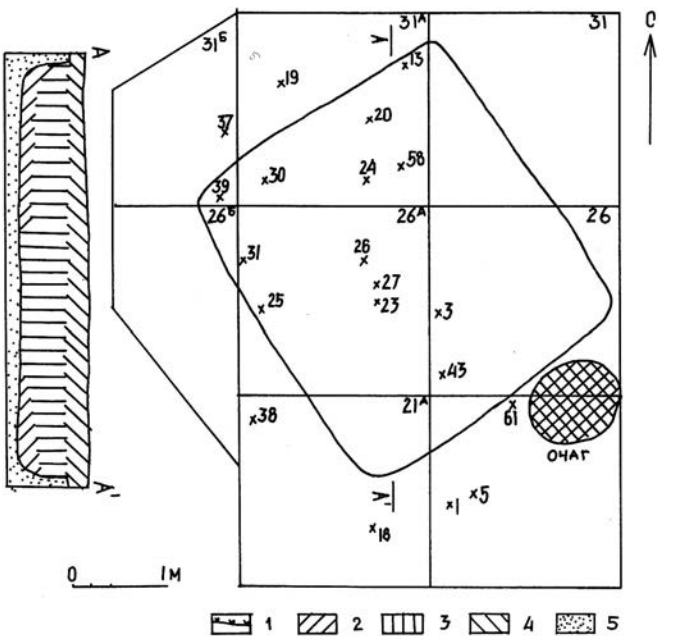


Рис. 22. Тайманово, Могилевская область. Раскопки Л. Д. Поболя.
Хозяйственный комплекс полуземлянки № 31

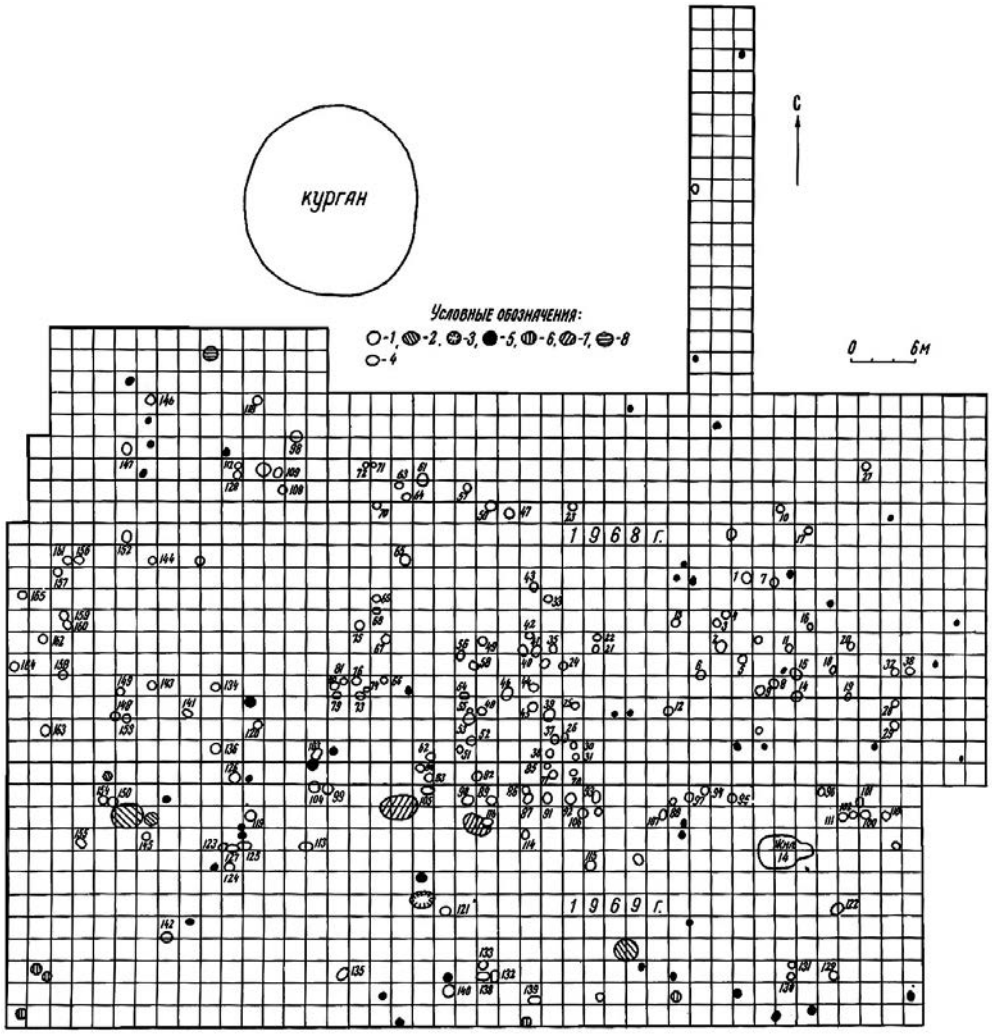


Рис. 23. Тайманово, Могилевская область. План могильника

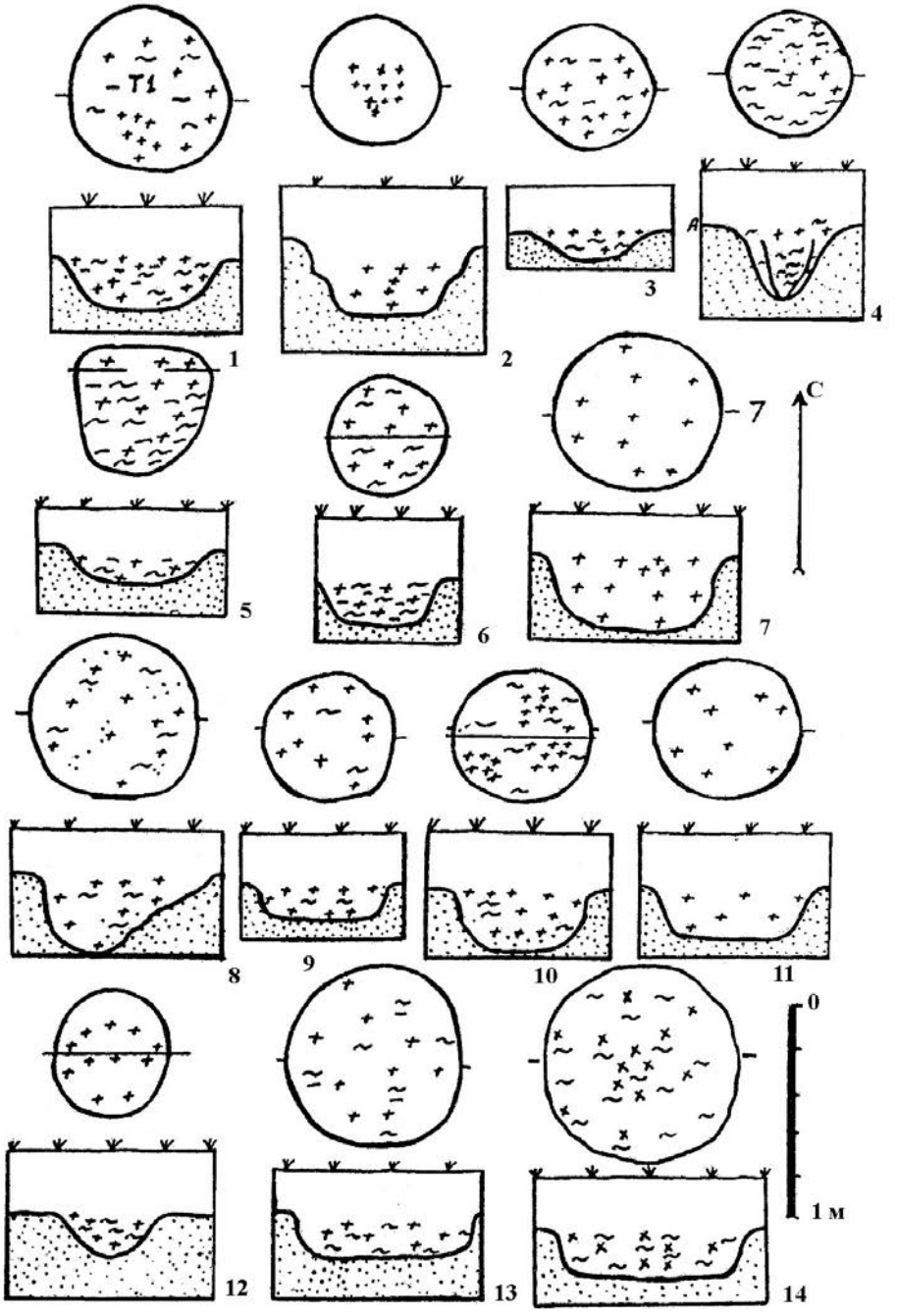


Рис. 24. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 1; *2* – погребение № 12; *3* – погребение № 13; *4* – погребение № 15; *5* – погребение № 19; *6* – погребение № 26; *7* – погребение № 34; *8* – погребение № 35; *9* – погребение № 36; *10* – погребение № 37; *11* – погребение № 38; *12* – погребение № 39; *13* – погребение № 45; *14* – погребение № 48

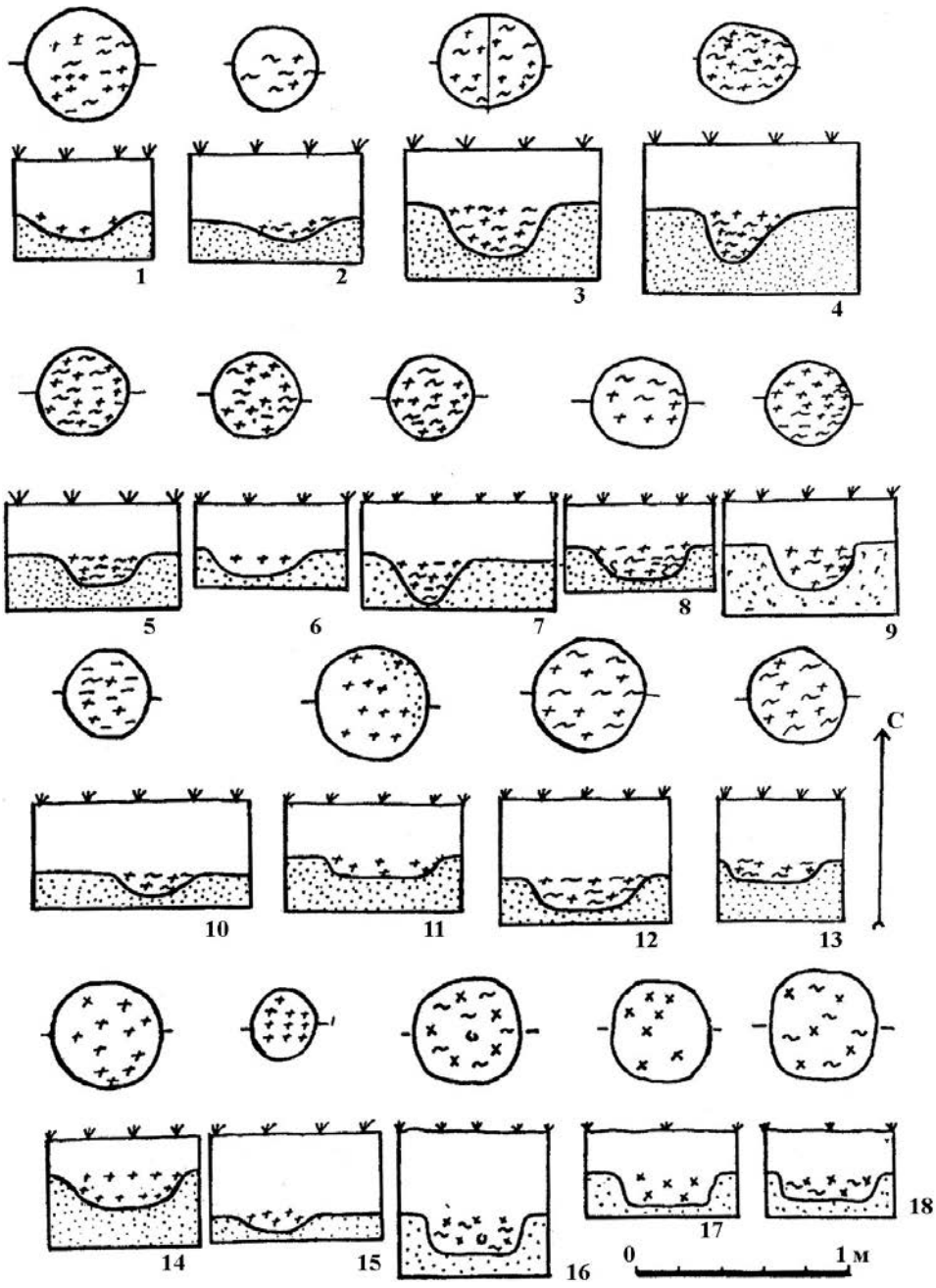


Рис. 25. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 3; *2* – погребение № 6; *3* – погребение № 8; *4* – погребение № 10; *5* – погребение № 14; *6* – погребение № 16; *7* – погребение № 18; *8* – погребение № 20; *9* – погребение № 21; *10* – погребение № 25; *11* – погребение № 27; *12* – погребение № 30; *13* – погребение № 31; *14* – погребение № 33; *15* – погребение № 41; *16* – погребение № 57; *17* – погребение № 60; *18* – погребение № 79

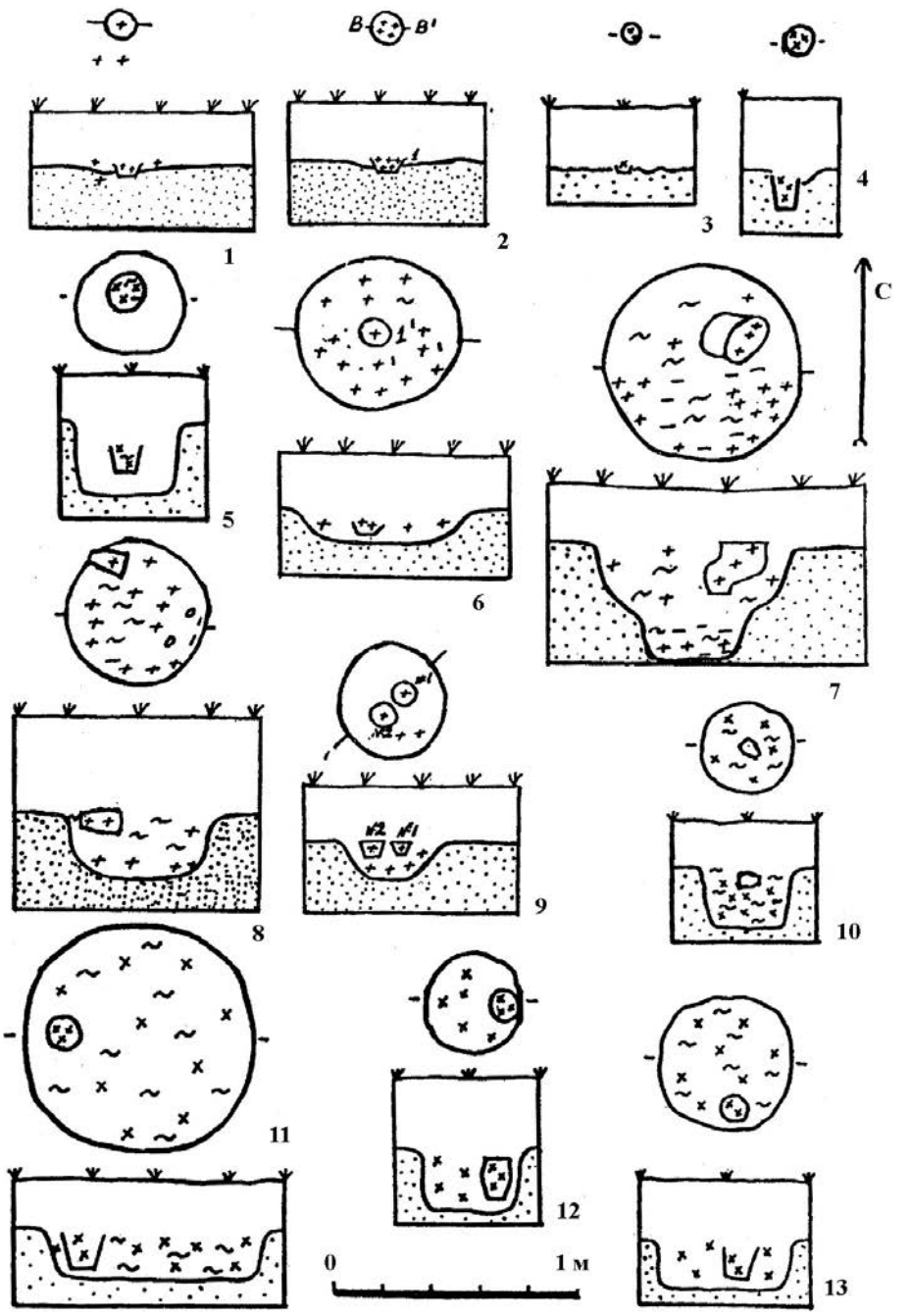


Рис. 26. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 5; *2* – погребение № 9; *3* – погребение № 55; *4* – погребение № 71;
5 – погребение № 66; *6* – погребение № 4; *7* – погребение № 17; *8* – погребение № 23;
9 – погребение № 24; *10* – погребение № 58; *11* – погребение № 59;
12 – погребение № 72; *13* – погребение № 76

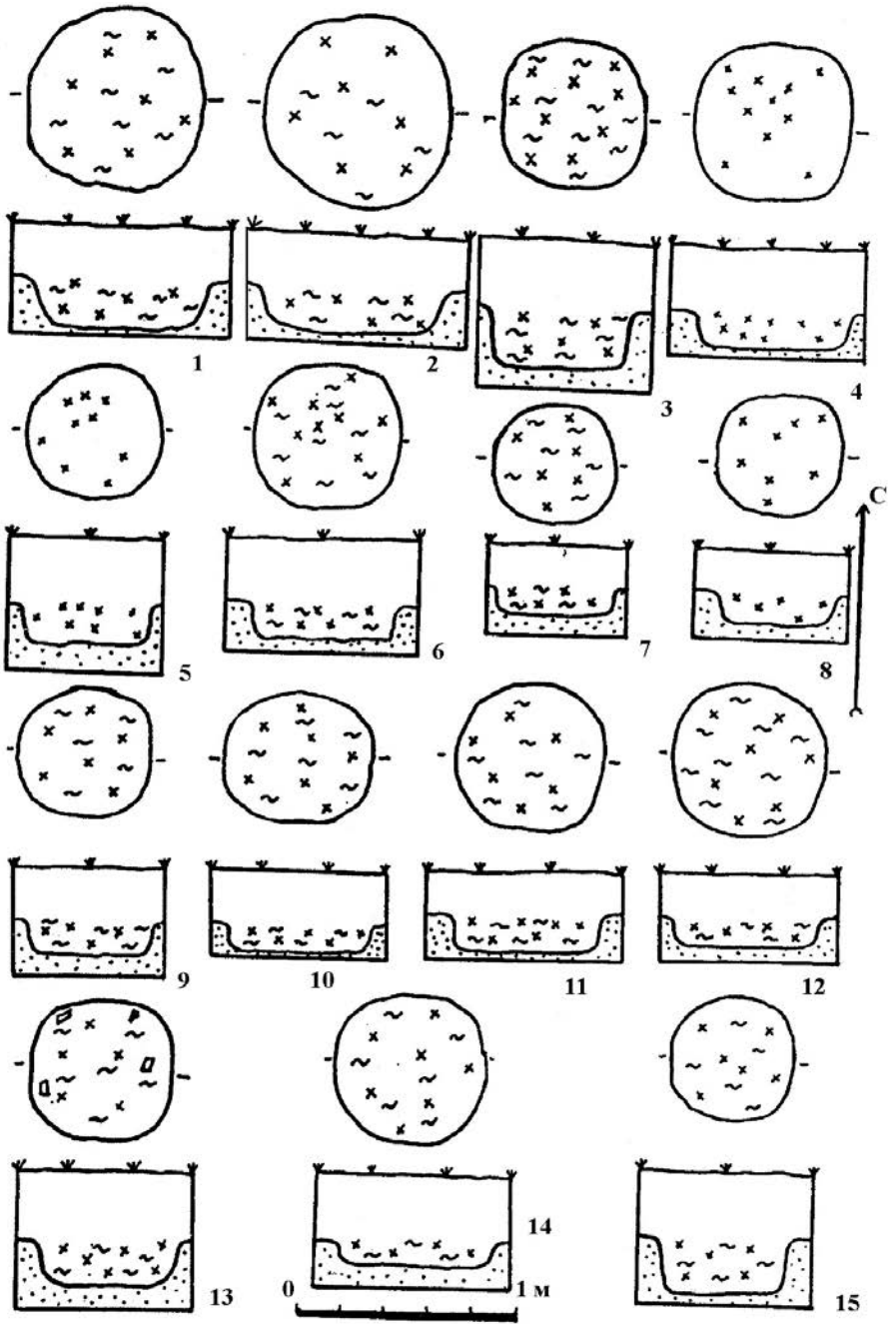


Рис. 27. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 51; *2* – погребение № 52; *3* – погребение № 62; *4* – погребение № 63; *5* – погребение № 64; *6* – погребение № 67; *7* – погребение № 68; *8* – погребение № 69; *9* – погребение № 70; *10* – погребение № 75; *11* – погребение № 77; *12* – погребение № 80; *13* – погребение № 82; *14* – погребение № 83; *15* – погребение № 85

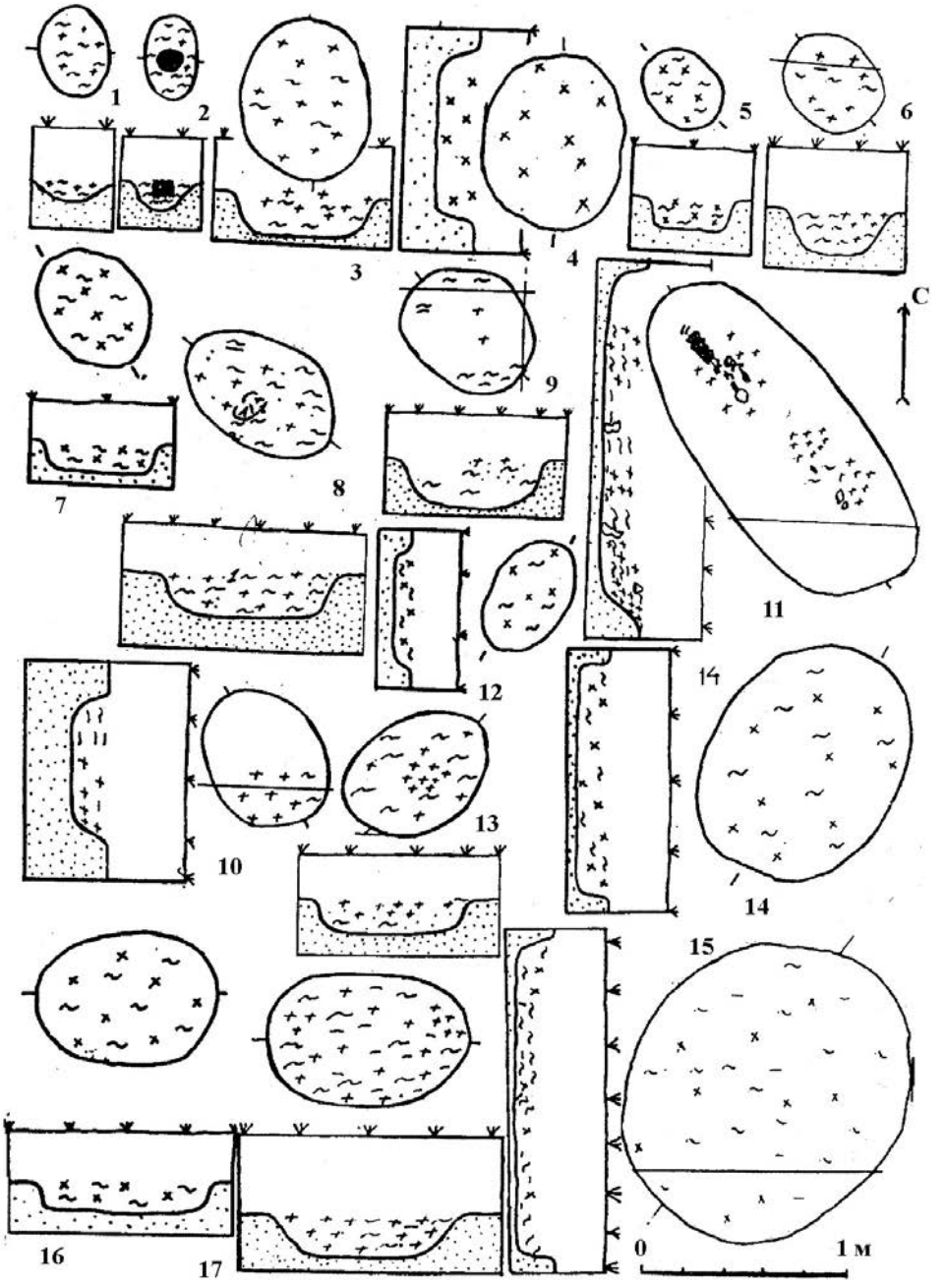


Рис. 28. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 7; *2* – погребение № 11; *3* – погребение № 44; *4* – погребение № 49; *5* – погребение № 74; *6* – погребение № 40; *7* – погребение № 81; *8* – погребение № 29; *9* – погребение № 28; *10* – погребение № 43; *11* – погребение № 42; *12* – погребение № 78; *13* – погребение № 32; *14* – погребение № 84; *15* – погребение № 46; *16* – погребение № 54; *17* – погребение № 22

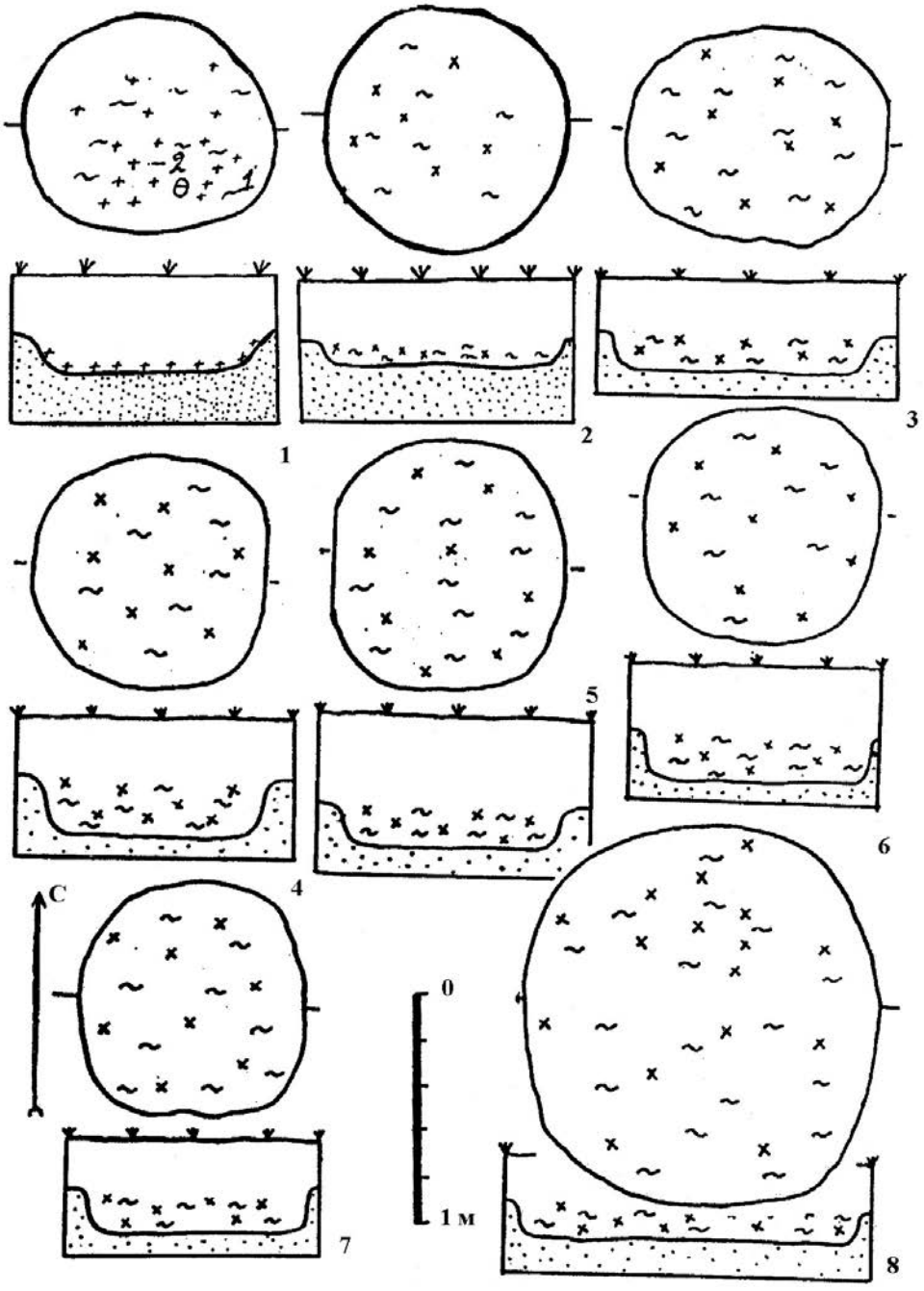


Рис. 29. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 2; *2* – погребение № 47; *3* – погребение № 50; *4* – погребение № 53; *5* – погребение № 56; *6* – погребение № 65; *7* – погребение № 73; *8* – погребение № 61

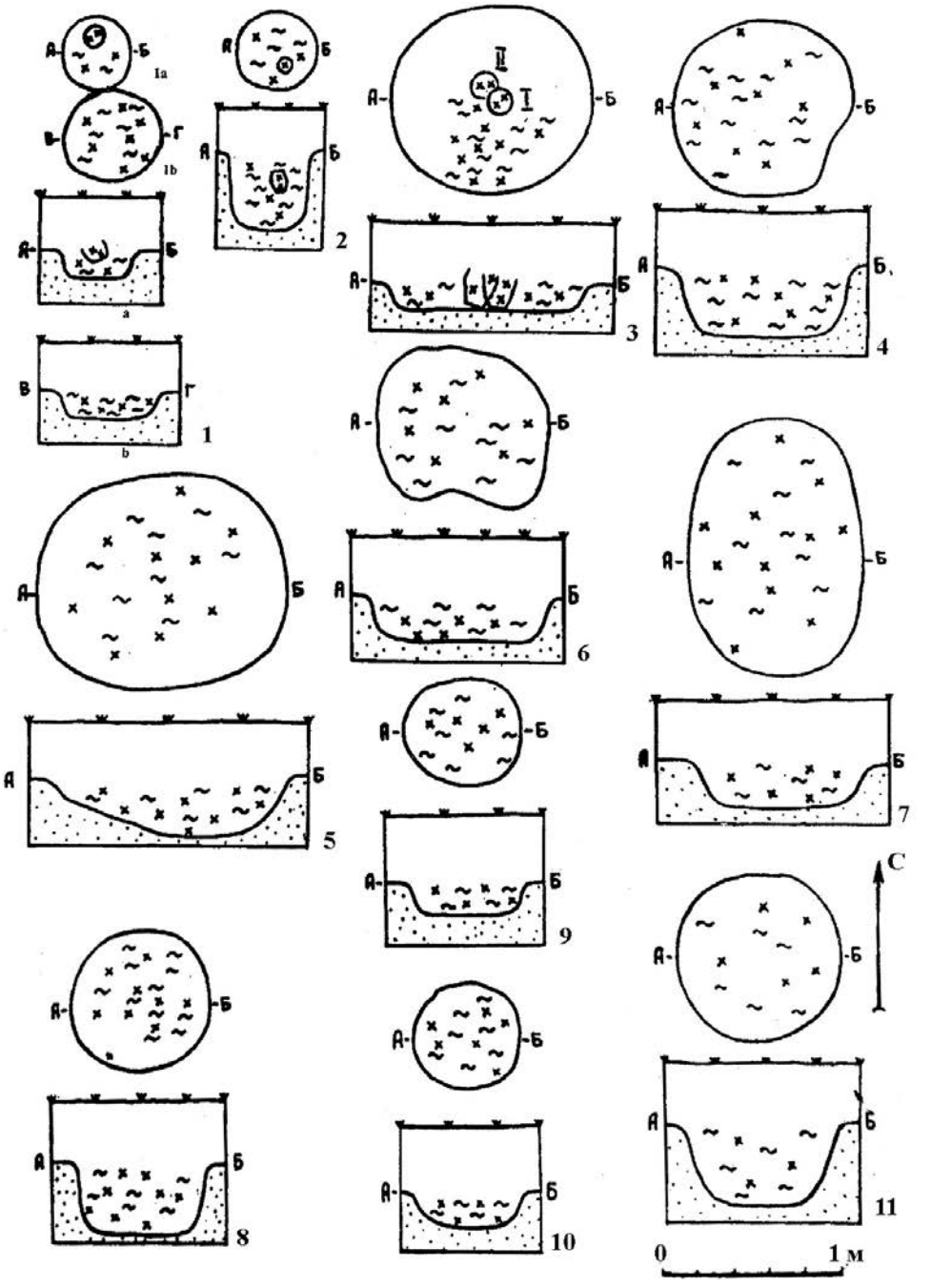


Рис. 30. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1a – погребение № 86; *1b* – погребение № 87; *2* – погребение № 88; *3* – погребение № 89; *4* – погребение № 90; *5* – погребение № 91; *6* – погребение № 92; *7* – погребение № 93; *8* – погребение № 94; *9* – погребение № 95; *10* – погребение № 96; *11* – погребение № 97

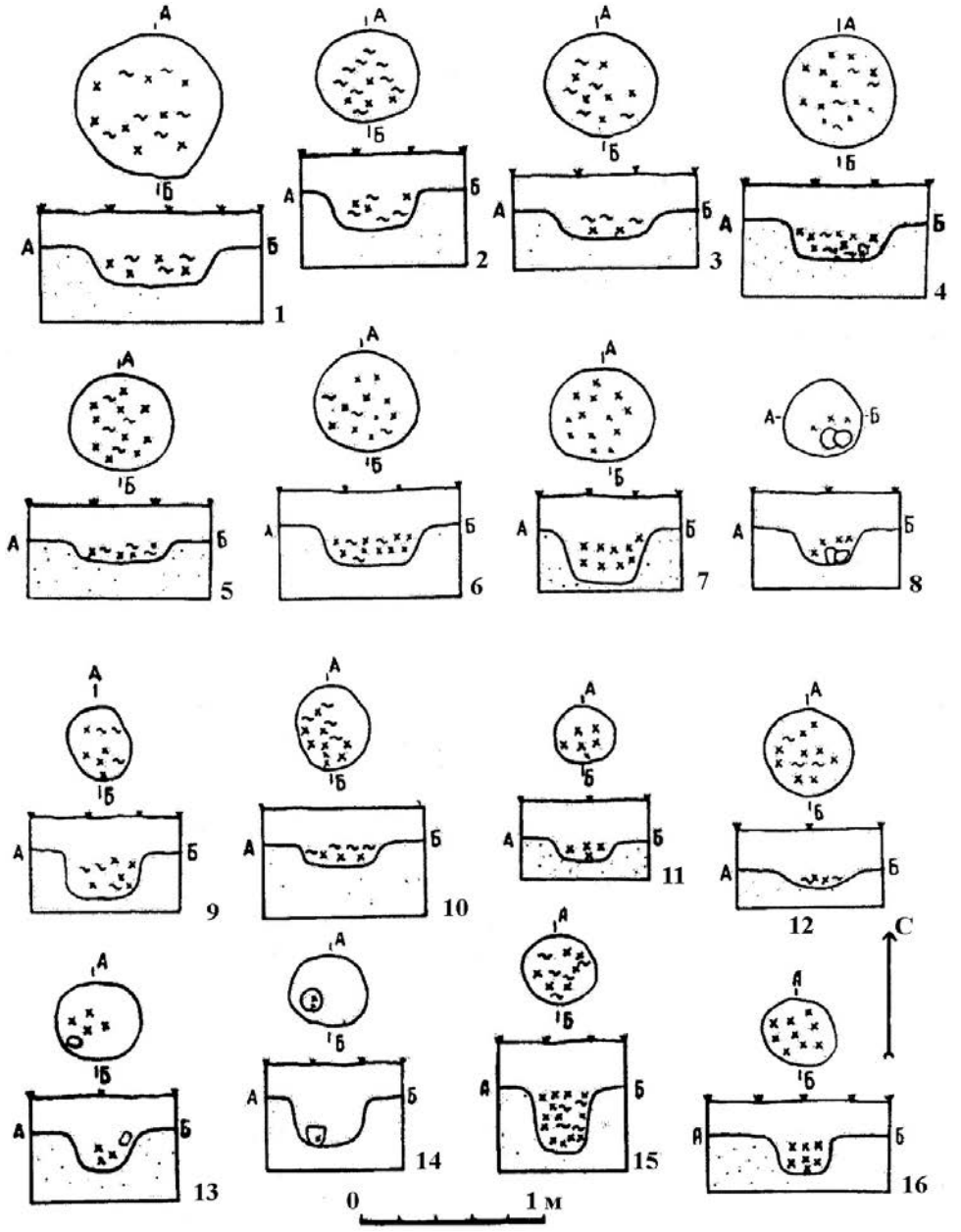


Рис. 31. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 150; 2 – погребение № 152; *3* – погребение № 109;
4 – погребение № 101; *5* – погребение № 102; *6* – погребение № 104;
7 – погребение № 105; *8* – погребение № 106; *9* – погребение № 113;
10 – погребение № 156; *11* – погребение № 160; *12* – погребение № 161;
13 – погребение № 162; *14* – погребение № 163; *15* – погребение № 112;
16 – погребение № 107

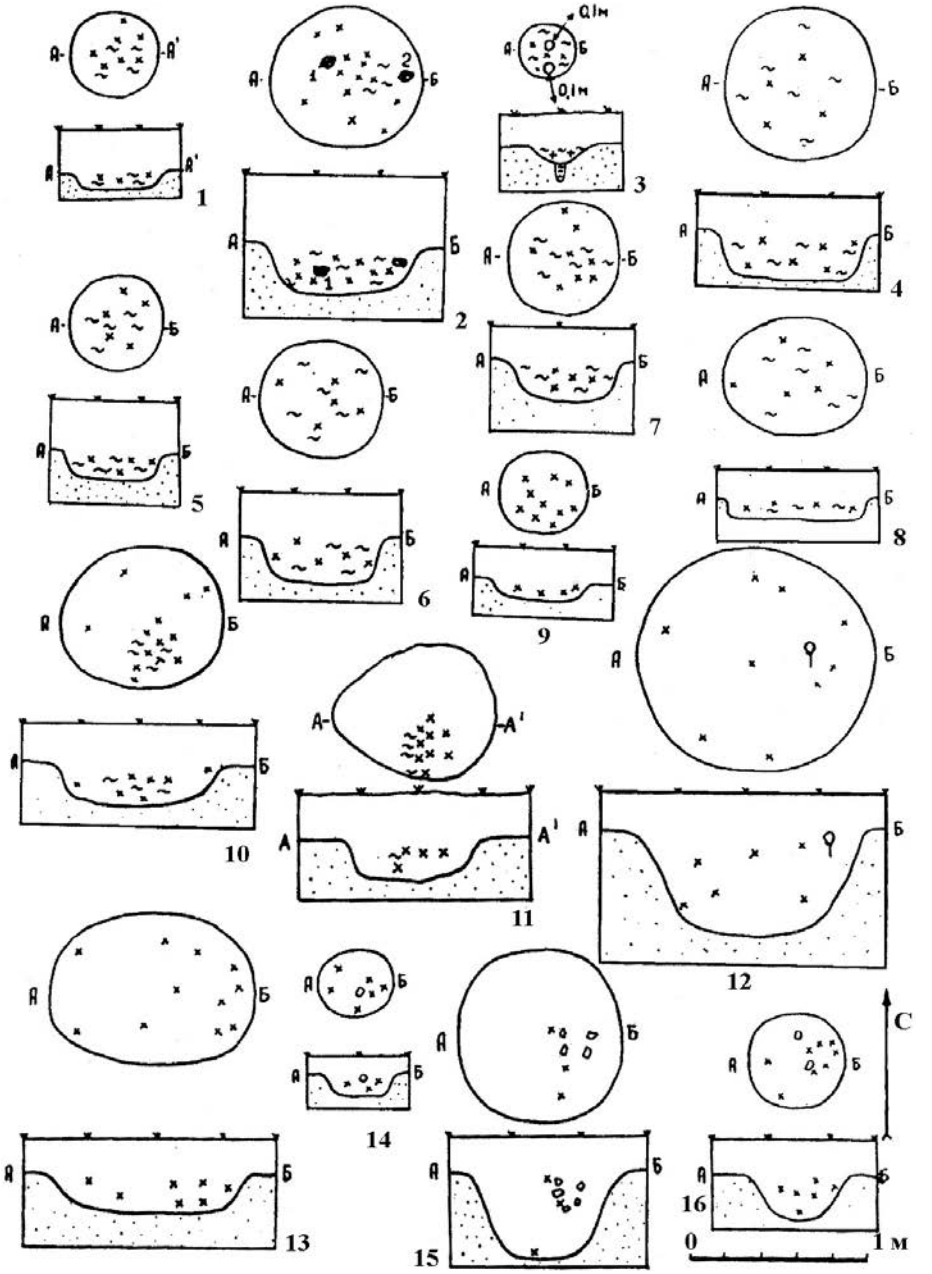


Рис. 32. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 115; *2* – погребение № 116; *3* – погребение № 117;
4 – погребение № 118; *5* – погребение № 149; *6* – погребение № 120;
7 – погребение № 121; *8* – погребение № 122; *9* – погребение № 123;
10 – погребение № 124; *11* – погребение № 125; *12* – погребение № 126;
13 – погребение № 127; *14* – погребение № 129; *15* – погребение № 130;
16 – погребение № 131

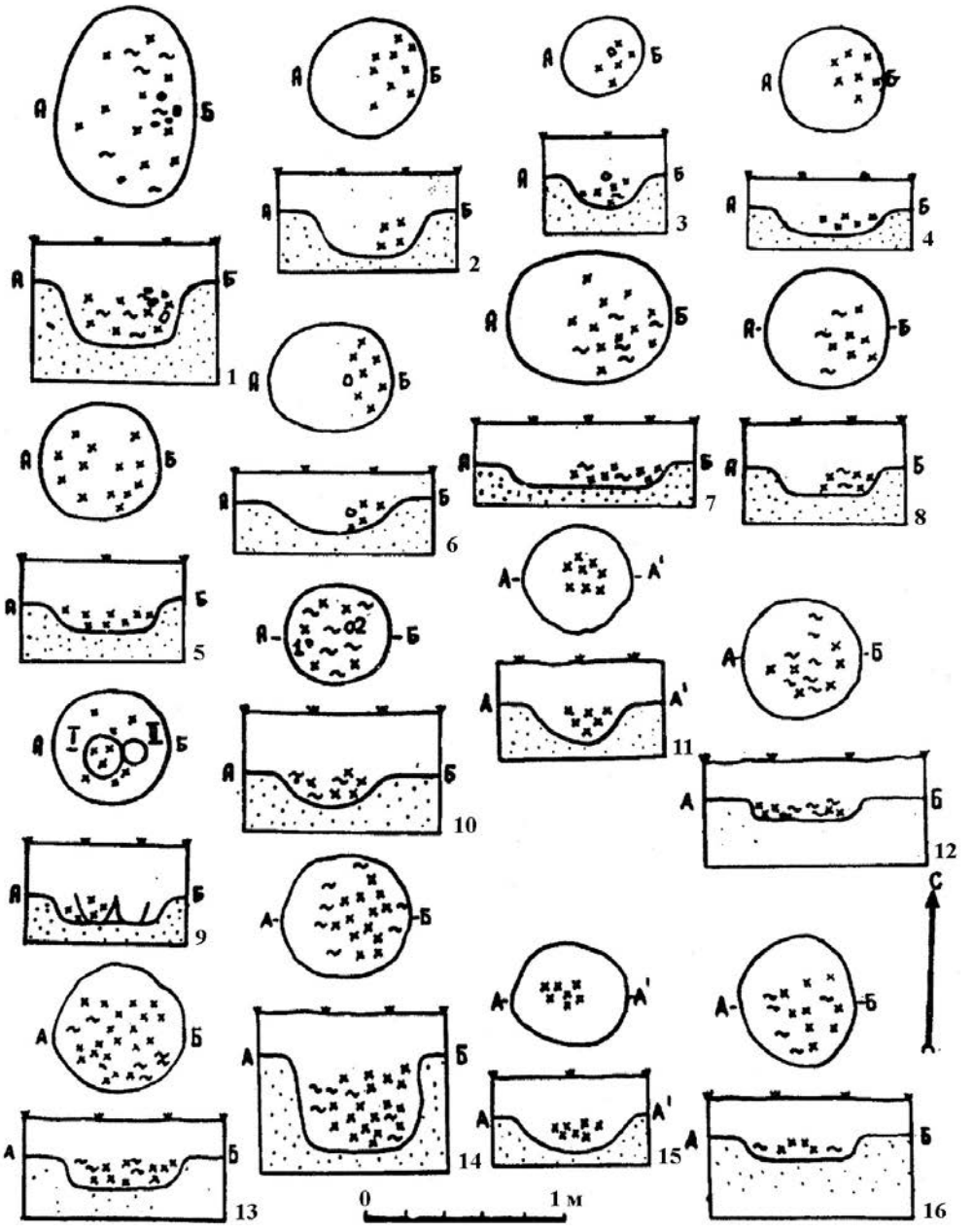


Рис. 33. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 132; *2* – погребение № 134; *3* – погребение № 135;
4 – погребение № 136; *5* – погребение № 137; *6* – погребение № 138;
7 – погребение № 139; *8* – погребение № 140; *9* – погребение № 141;
10 – погребение № 114; *11* – погребение № 142; *12* – погребение № 143;
13 – погребение № 144; *14* – погребение № 145; *15* – погребение № 146;
16 – погребение № 147

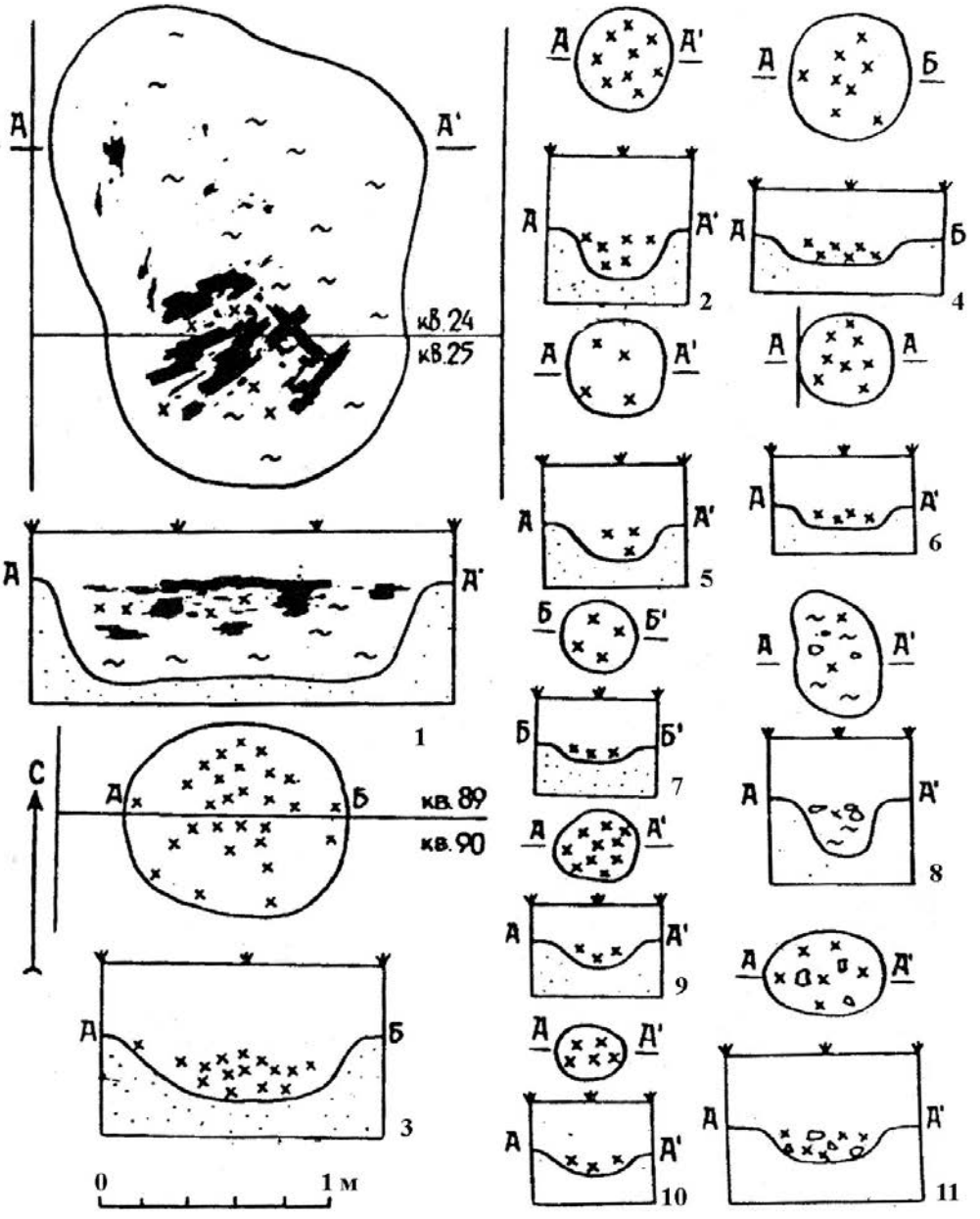


Рис. 34. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 166; *2* – погребение № 167; *3* – погребение № 168; *4* – погребение № 169; *5* – погребение № 170; *6* – погребение № 171; *7* – погребение № 172; *8* – погребение № 173; *9* – погребение № 174; *10* – погребение № 175; *11* – погребение № 176

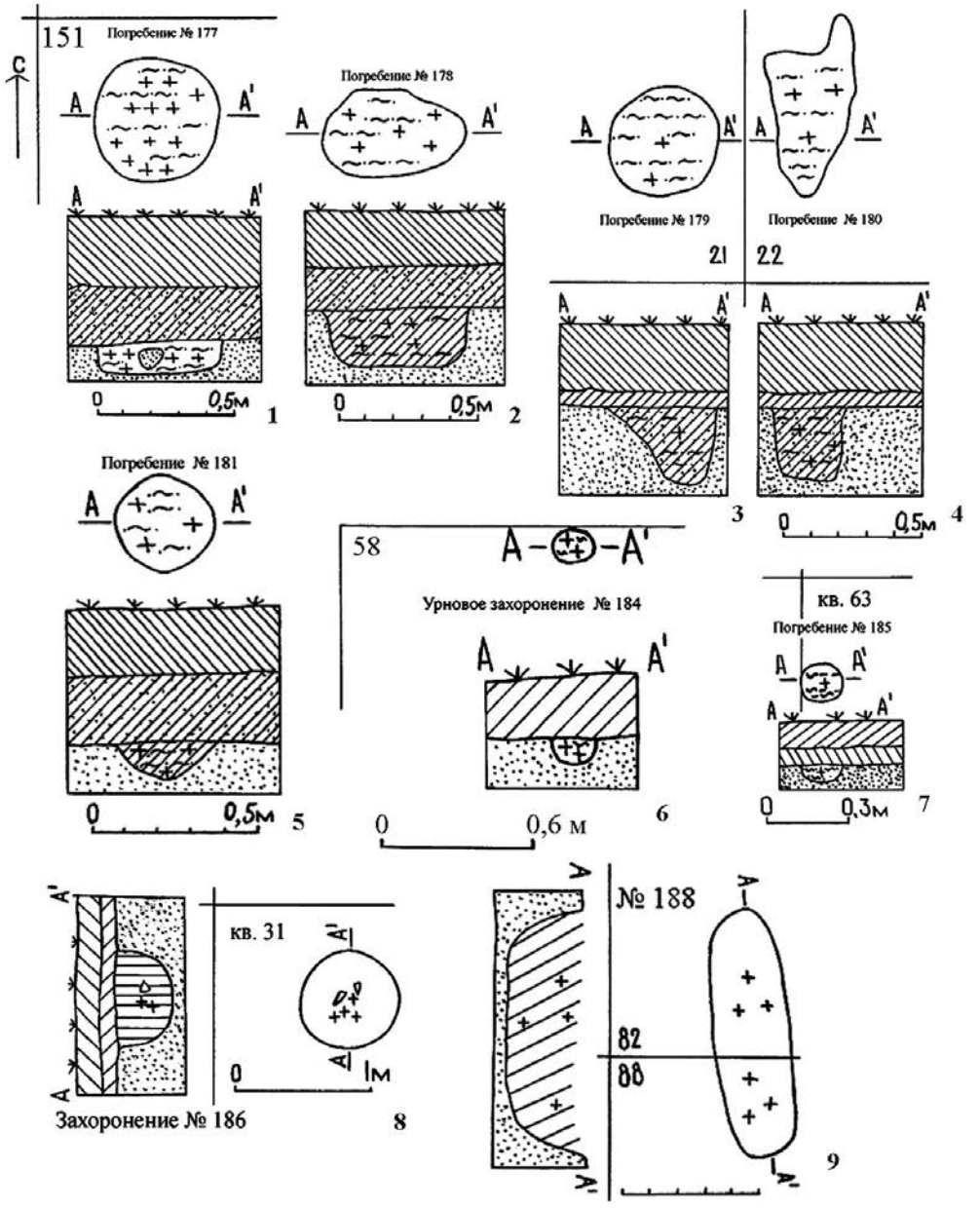


Рис. 35. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 177; *2* – погребение № 178; *3* – погребение № 179; *4* – погребение № 180; *5* – погребение № 181; *6* – погребение № 184; *7* – погребение № 185; *8* – погребение № 186; *9* – погребение № 188

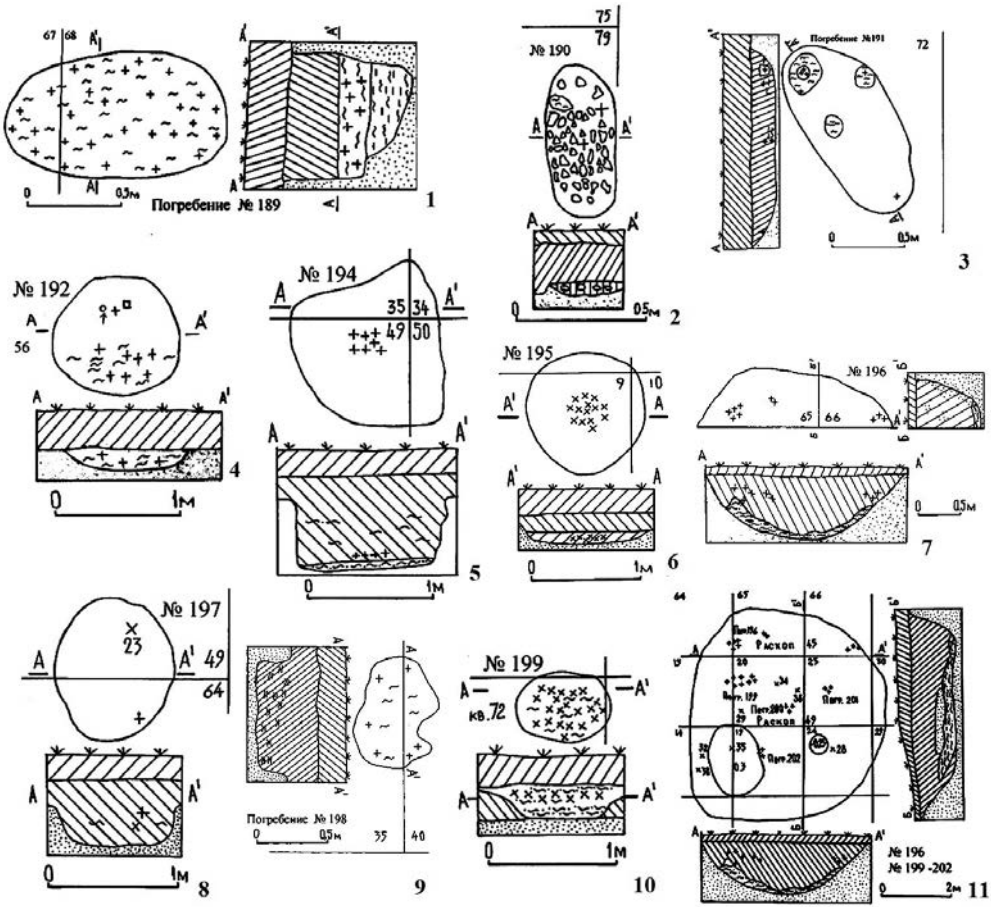


Рис. 36. Тайманово, Могилевская область, могильник. Планы погребений:
1 – погребение № 189; *2* – погребение № 190; *3* – погребение № 191; *4* – погребение № 192; *5* – погребение № 194; *6* – погребение № 195; *7* – погребение № 196; *8* – погребение № 197; *9* – погребение № 198; *10* – погребение № 199; *11* – погребения № 196, 199, 200, 201, 202

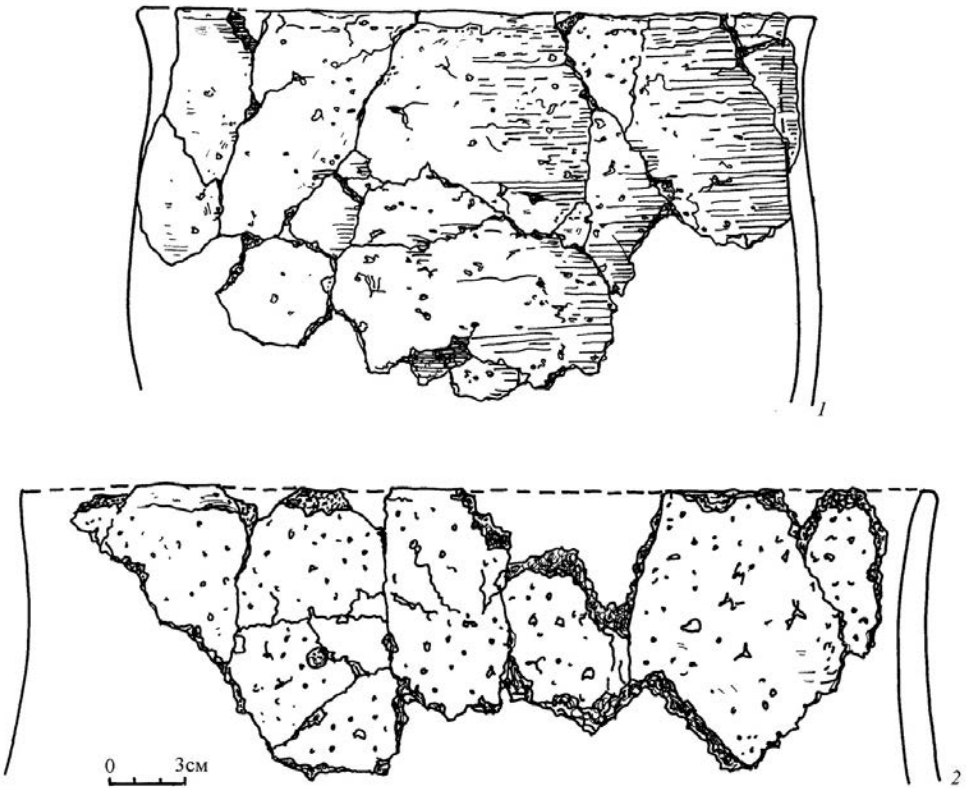


Рис. 37. Тайманово. Горшки: *1*, *2* – полуземлянка № 2 (тип I1)

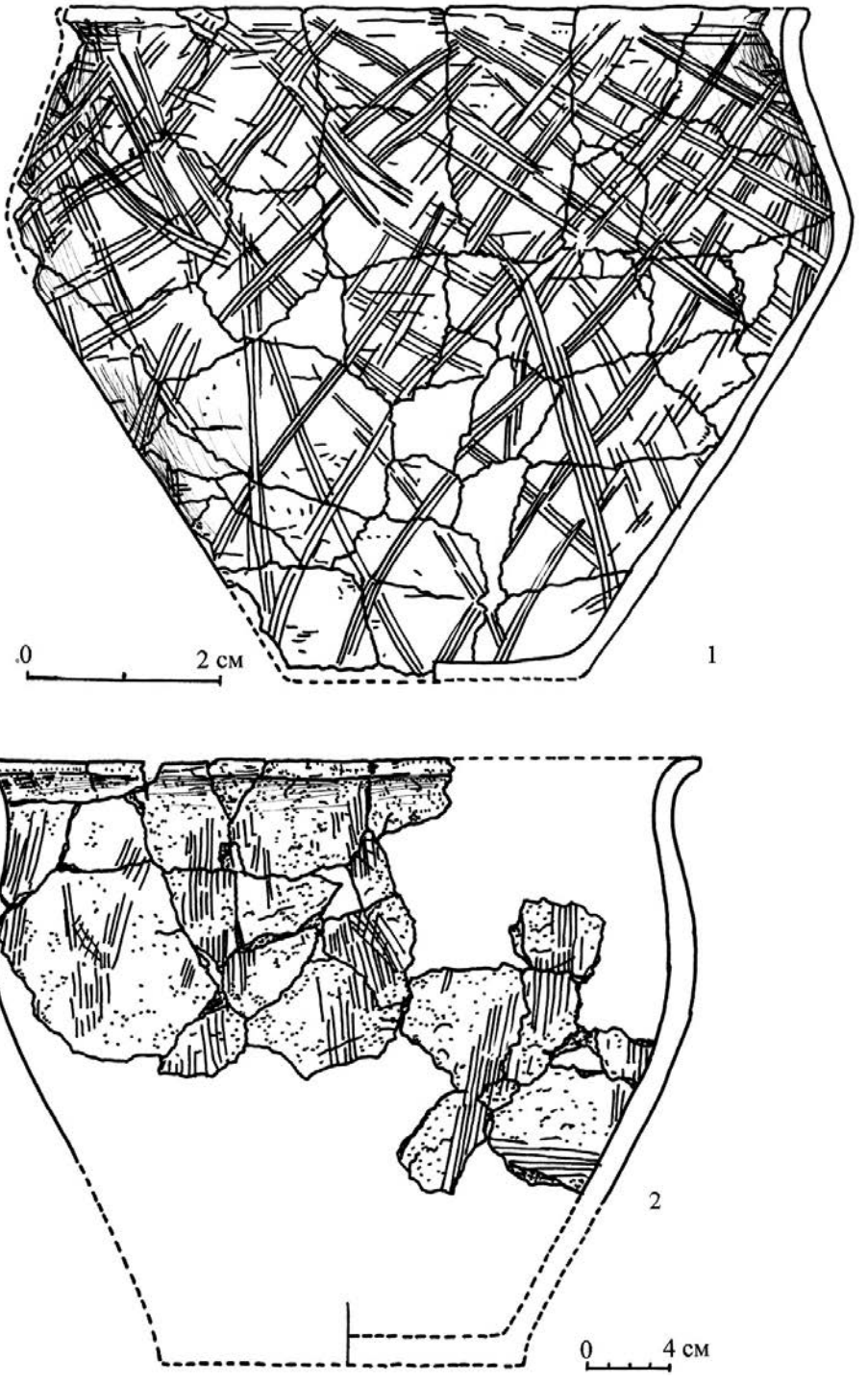


Рис. 38. Тайманово. Горшки: *1* – полуземлянка № 19; *2* – полуземлянка № 51 (тип I1)

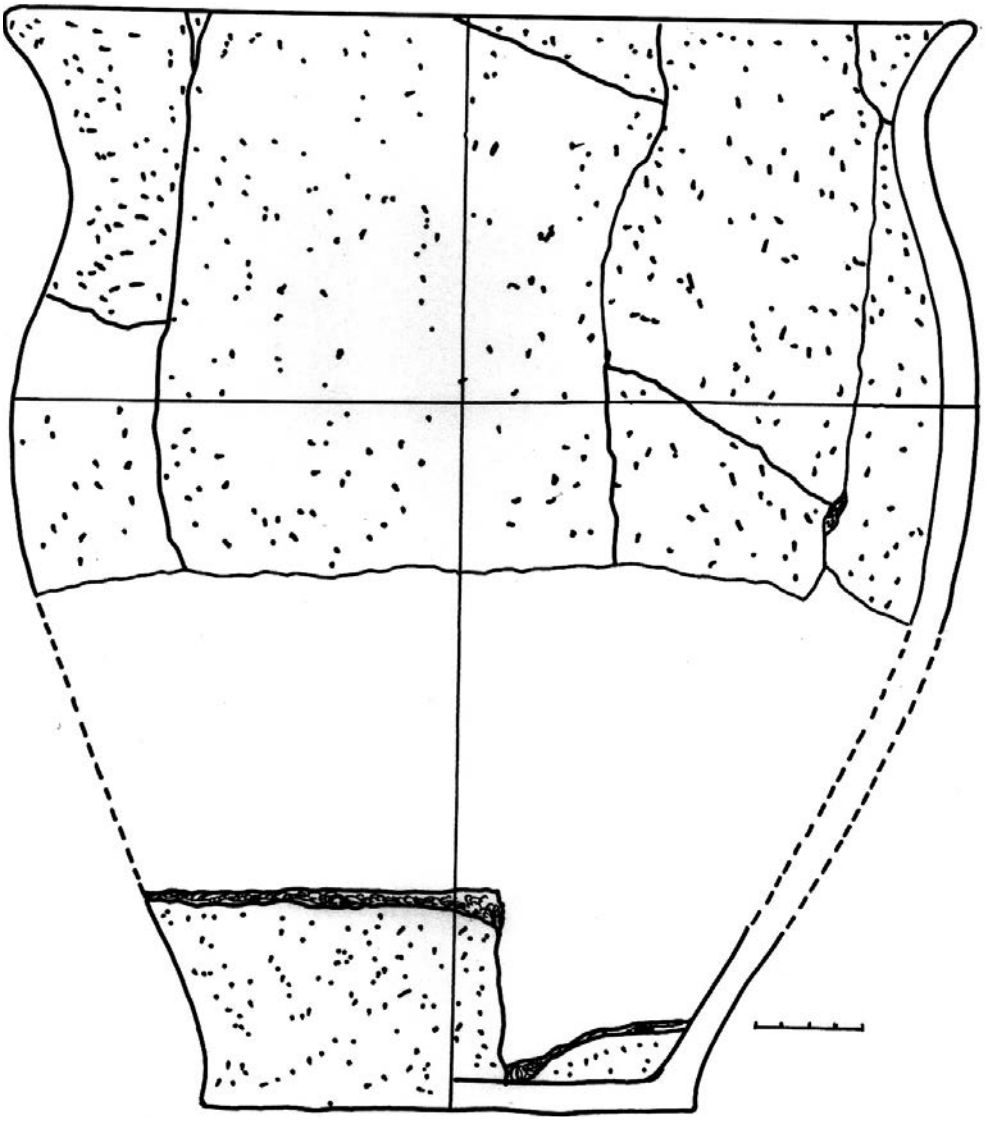


Рис. 39. Тайманово. Горшок, хозяйственная яма (тип I1)

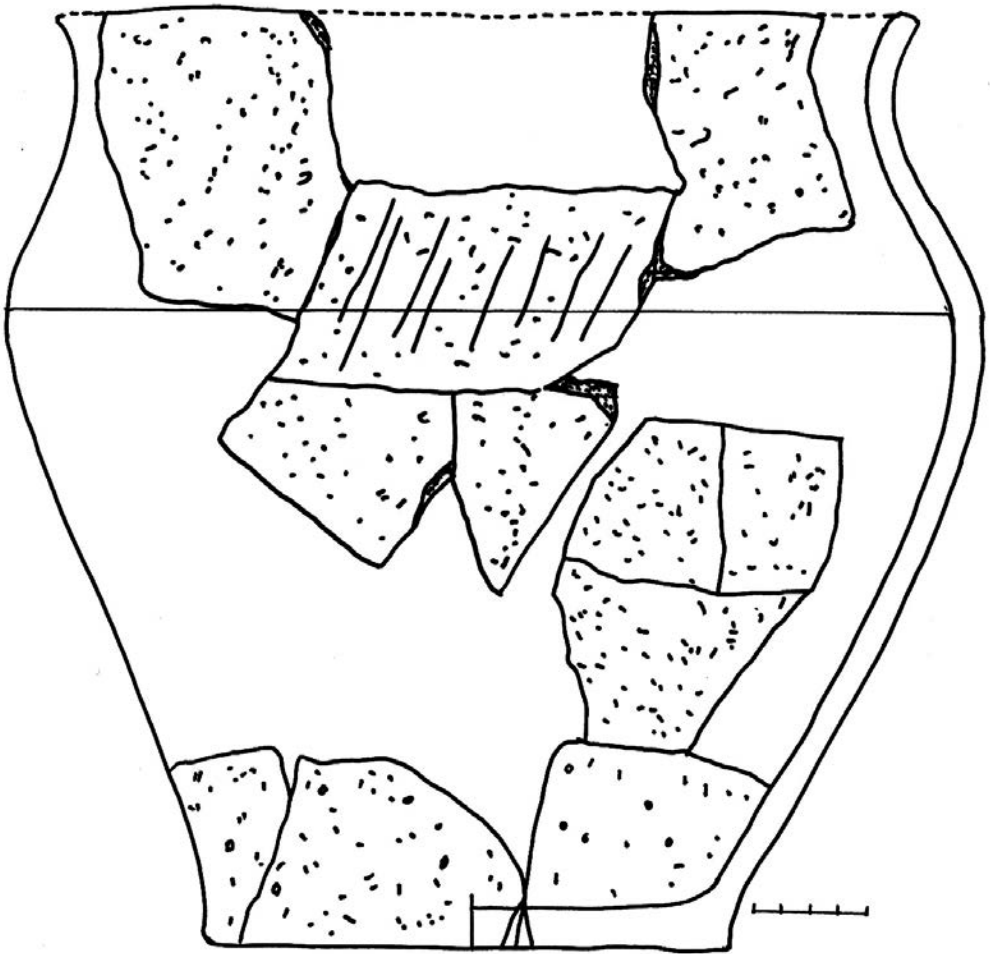


Рис. 40. Тайманово. Горшок, хозяйственная яма (тип I1)

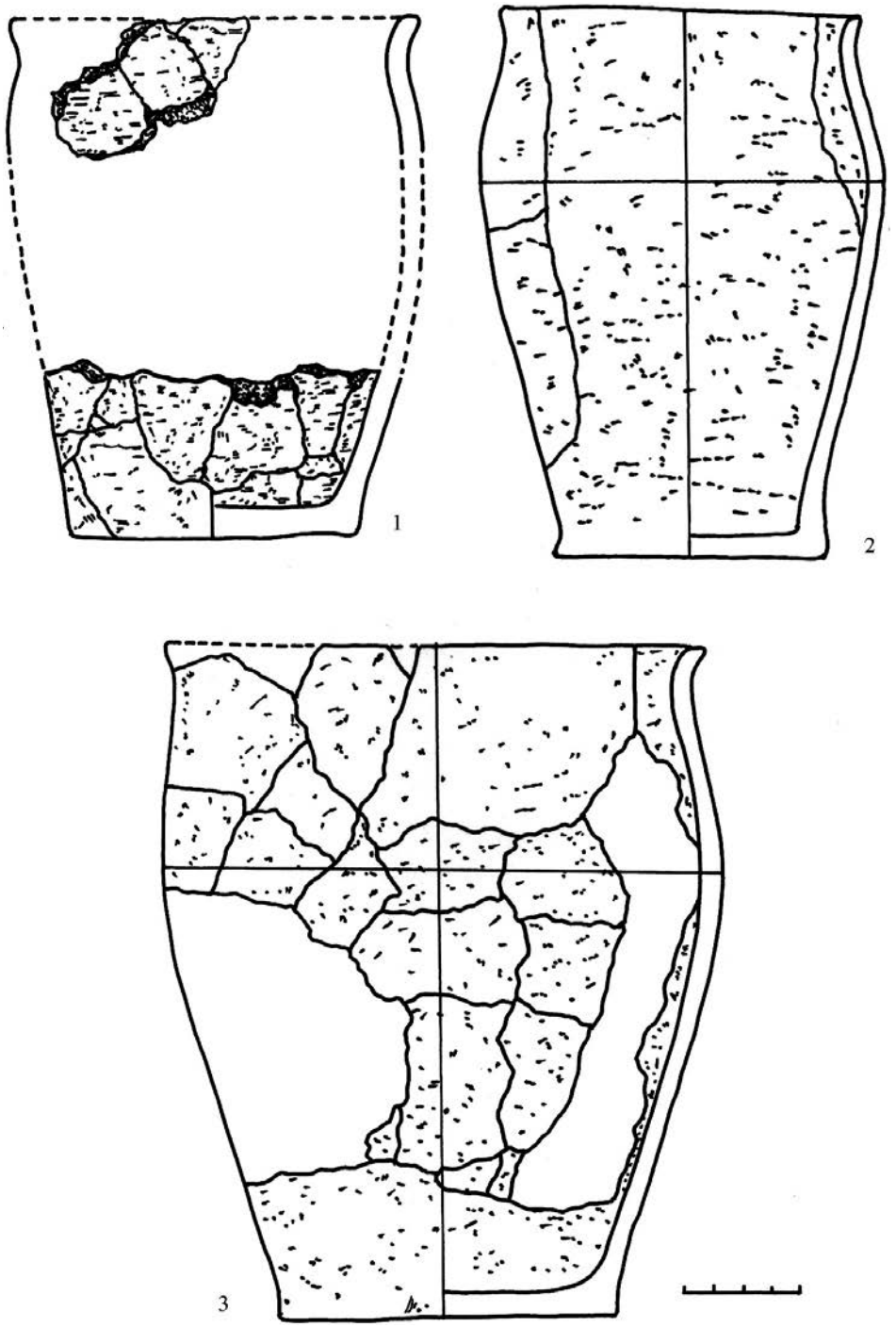


Рис. 41. Тайманово. Горшки: *1* – погребение № 5; *2* – погребение № 23; *3* – погребение № 17 (тип I2)

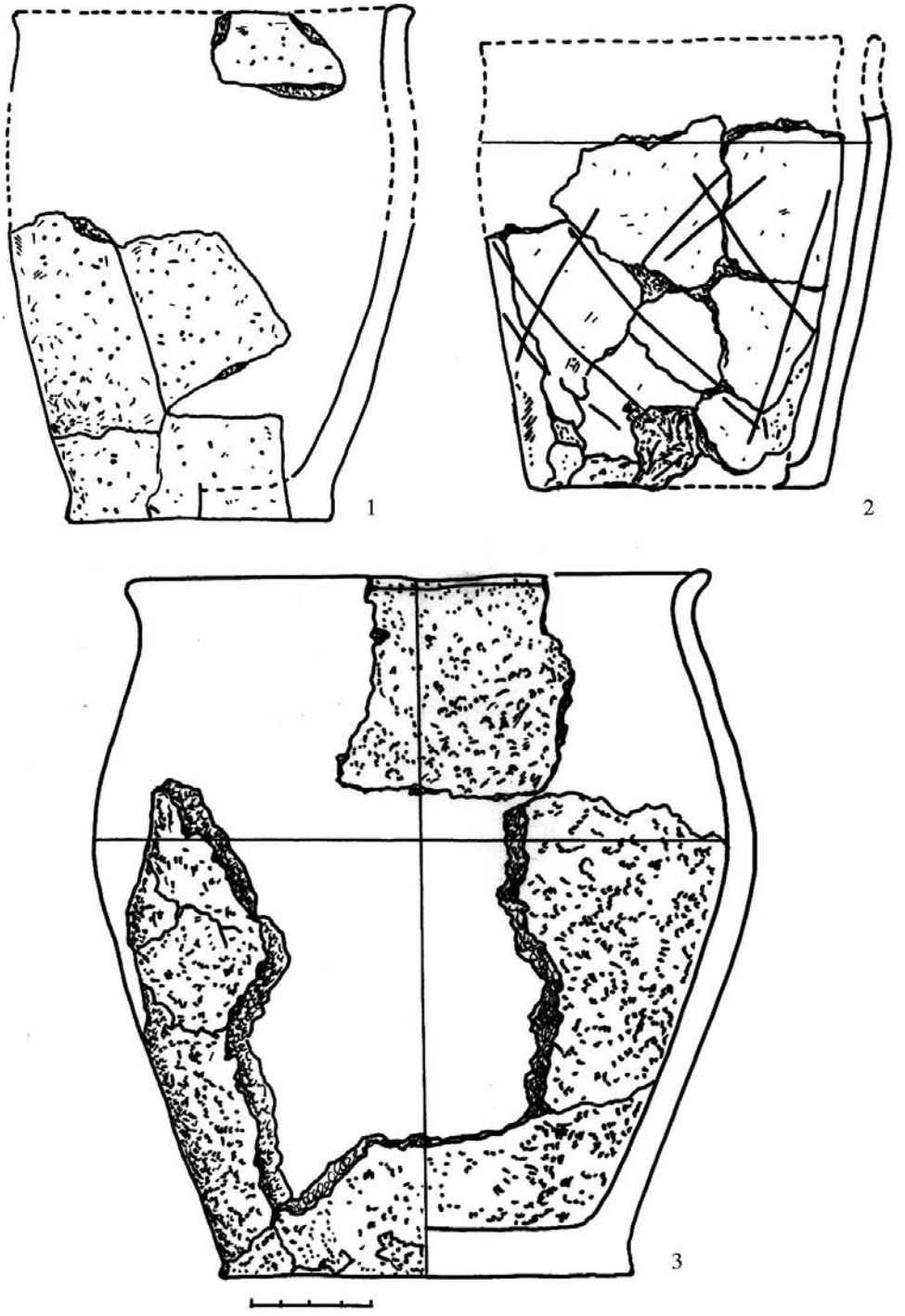


Рис. 42. Тайманово. Горшки: *1* – погребение № 35; *2* – полуземлянка № 16; *3* – полуземлянка № 51 (тип I2)

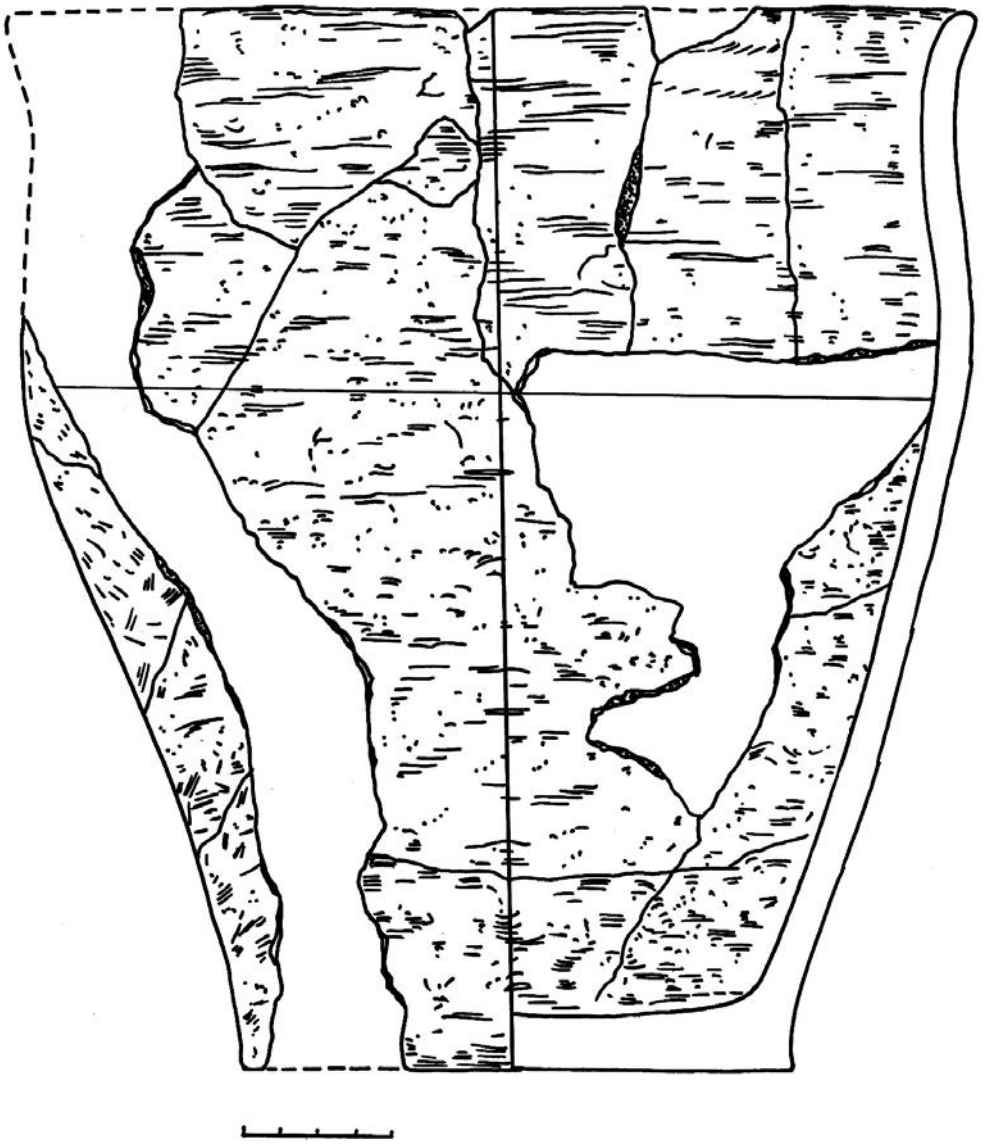


Рис. 43. Тайманово. Горшок, хозяйственная яма, раскоп XXV (тип I2)

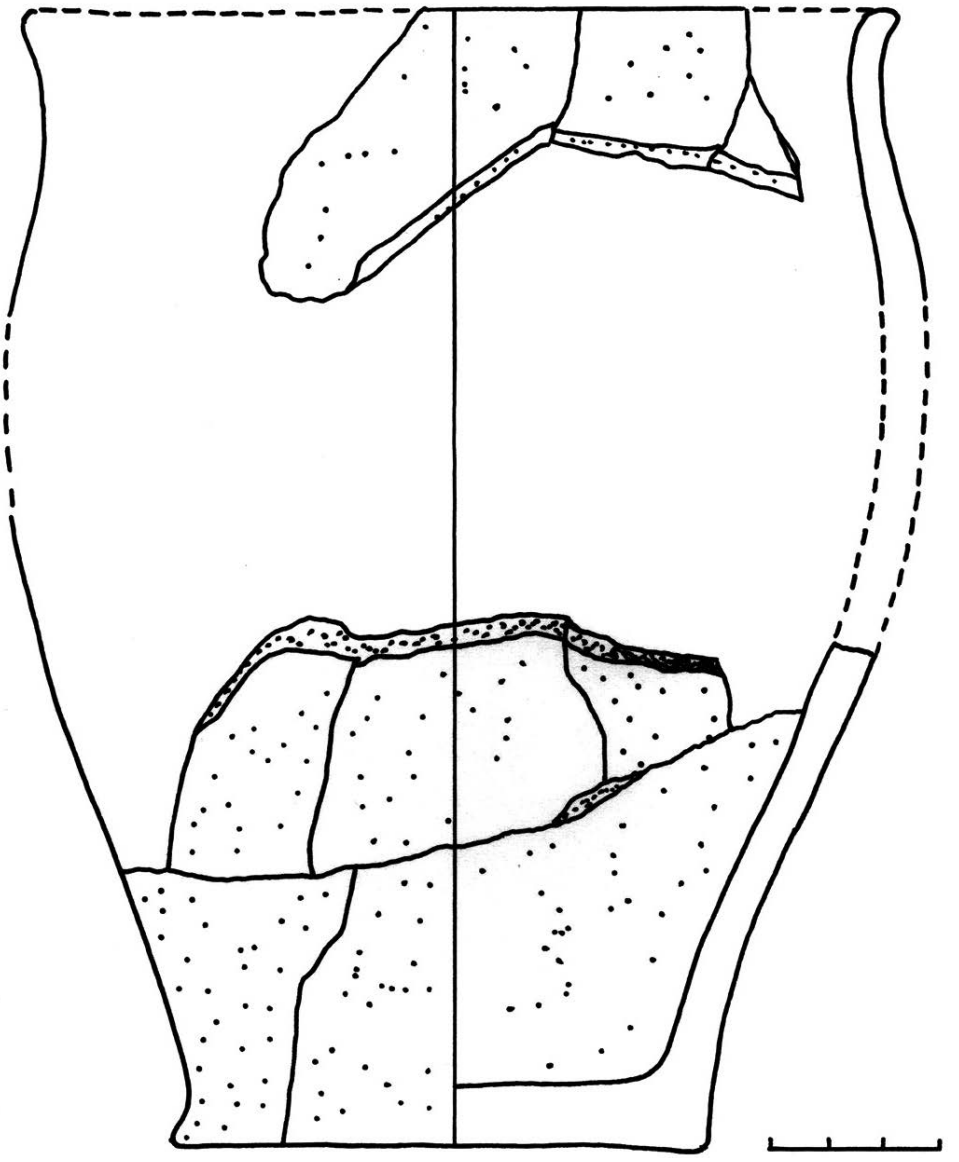


Рис. 44. Тайманово. Горшок, погребение № 163 (тип I3)

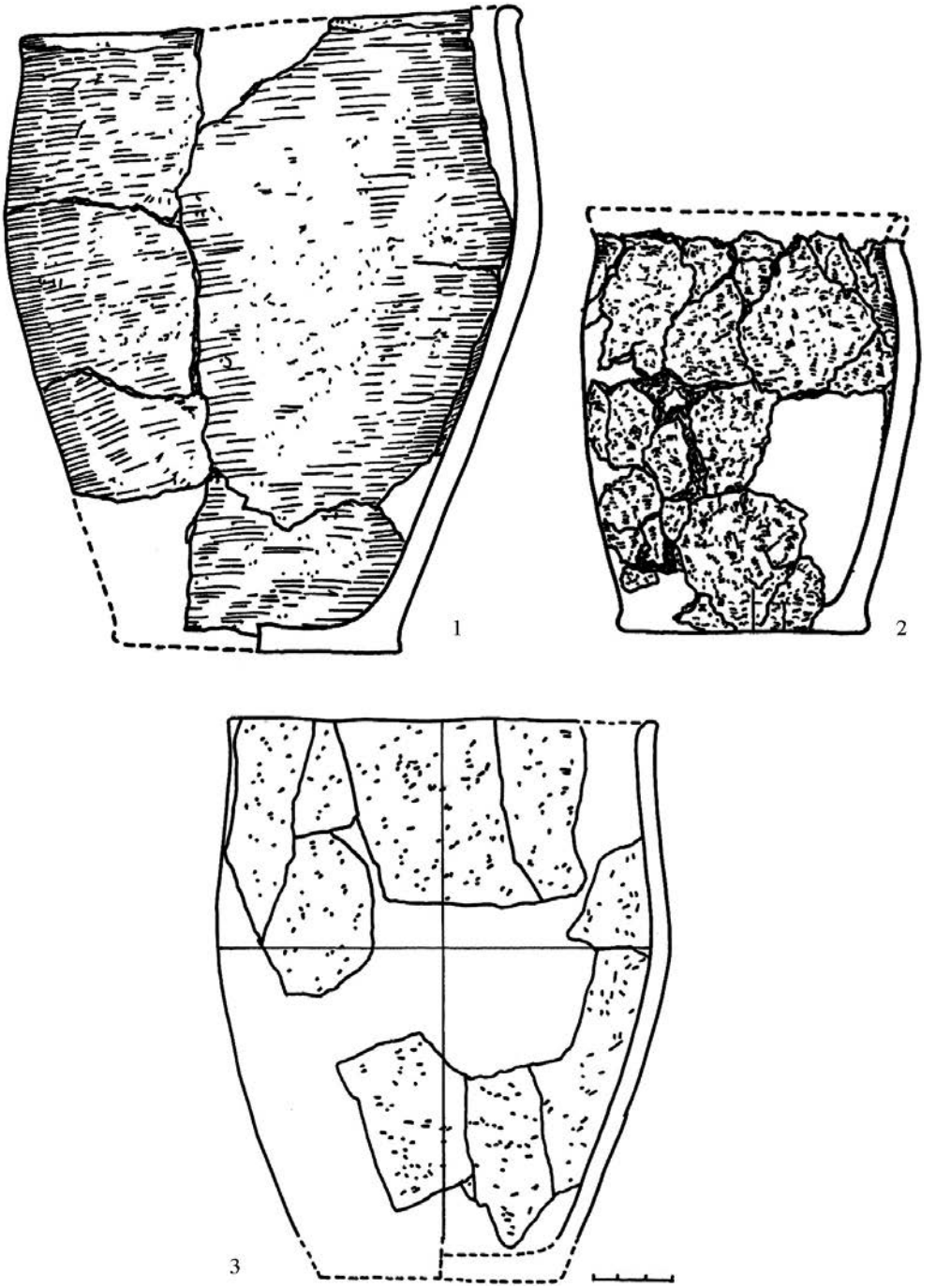


Рис. 45. Тайманово. Горшки: *1* – хозяйственная яма, раскоп XLI; *2* – хозяйственная яма; *3* – культурный слой (тип I3)

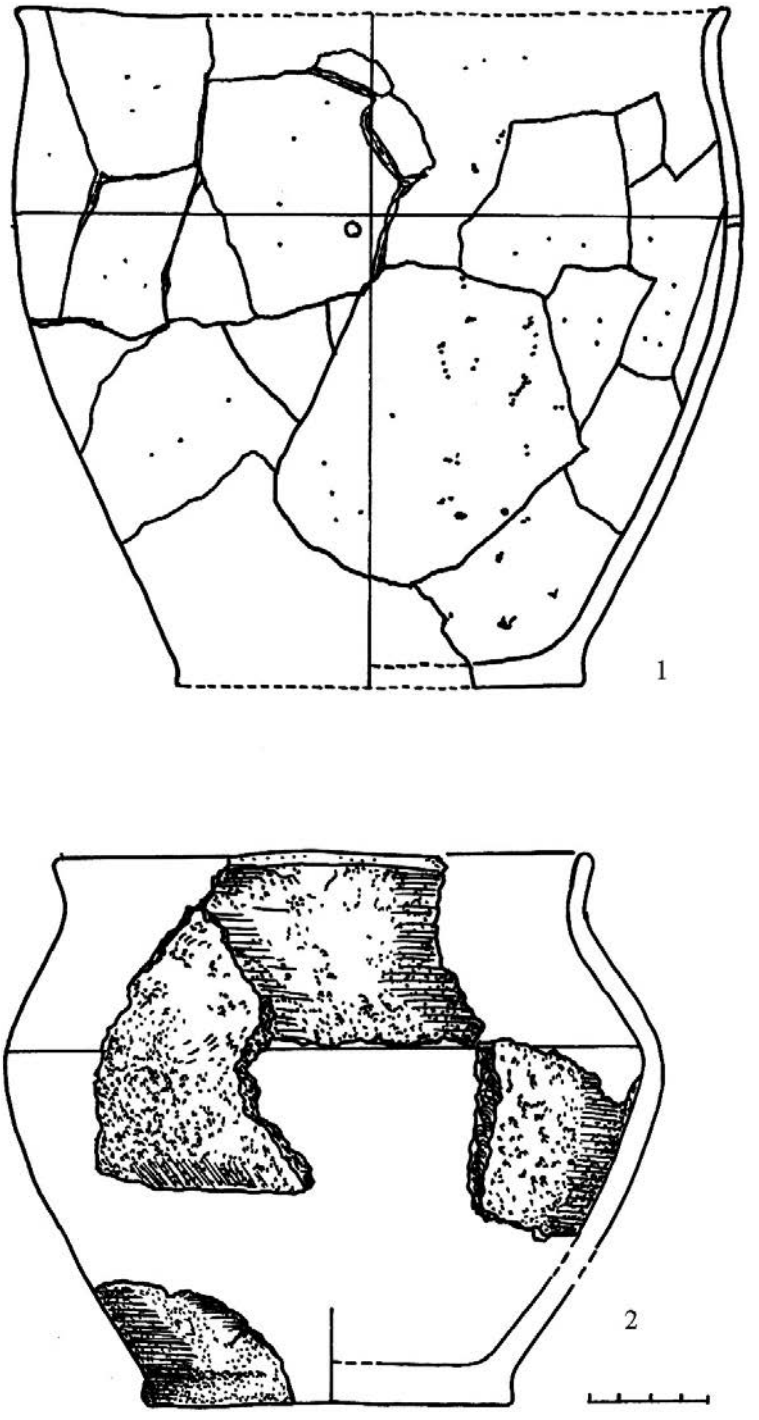


Рис. 46. Тайманово. Горшки: *1* – культурный слой (тип I4); *2* – полуземлянка № 51, лощеный (тип I6)

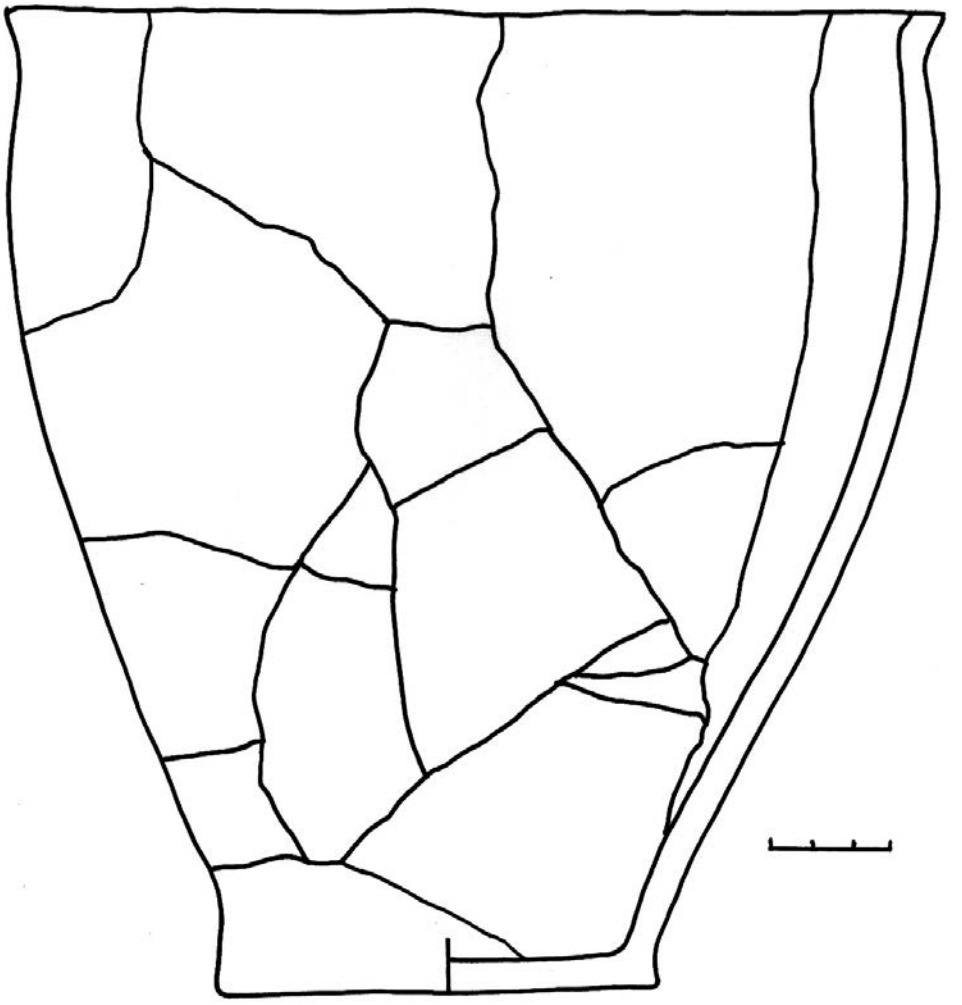


Рис. 47. Тайманово. Горшок, полуземлянка № 15 (тип I5)

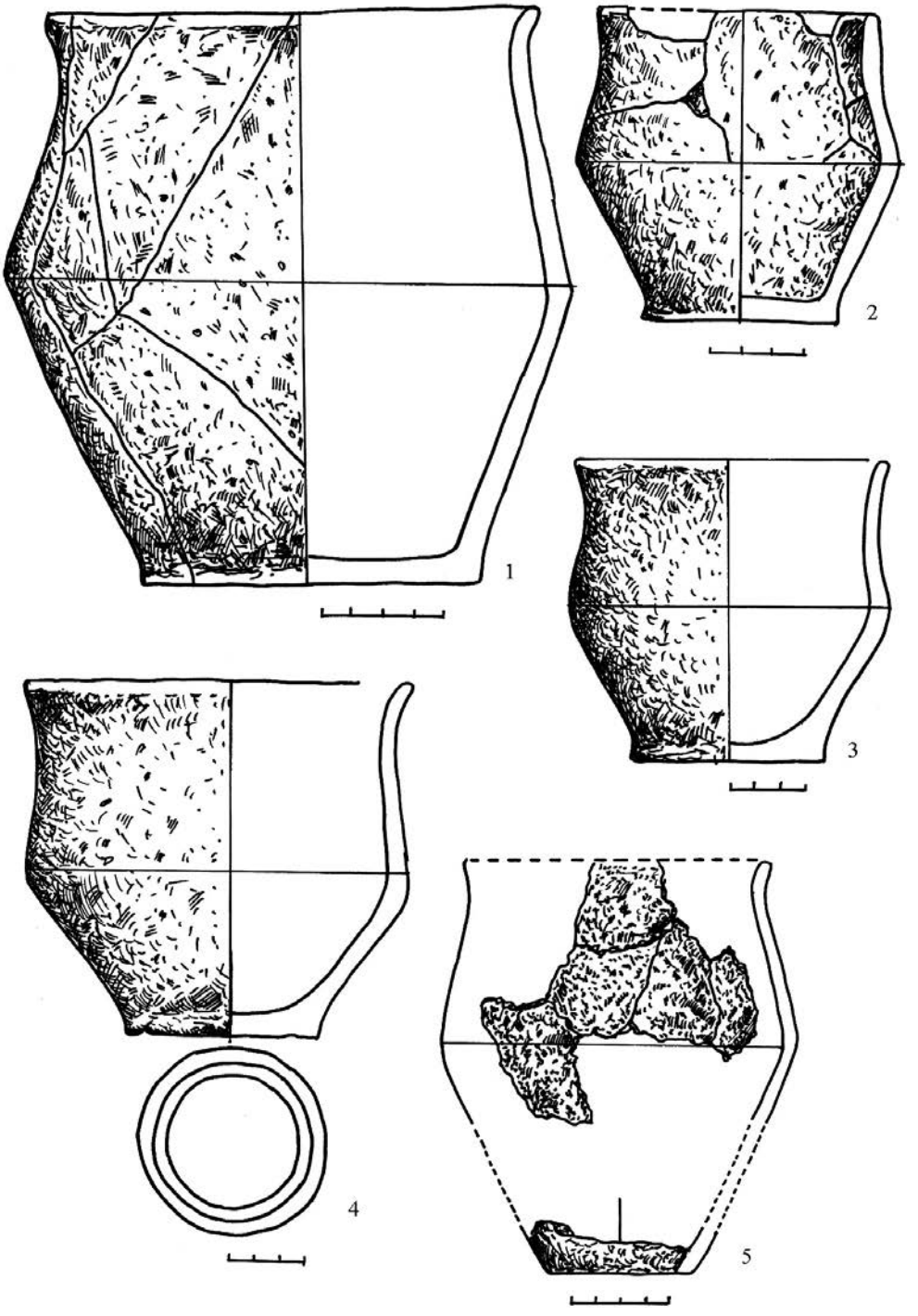


Рис. 48. Тайманово. Горшки: *1* – полуземлянка № 6; *2* – полуземлянка № 8; *3* – полуземлянка № 28; *4* – полуземлянка № 28; *5* – полуземлянка № 51 (тип II1)

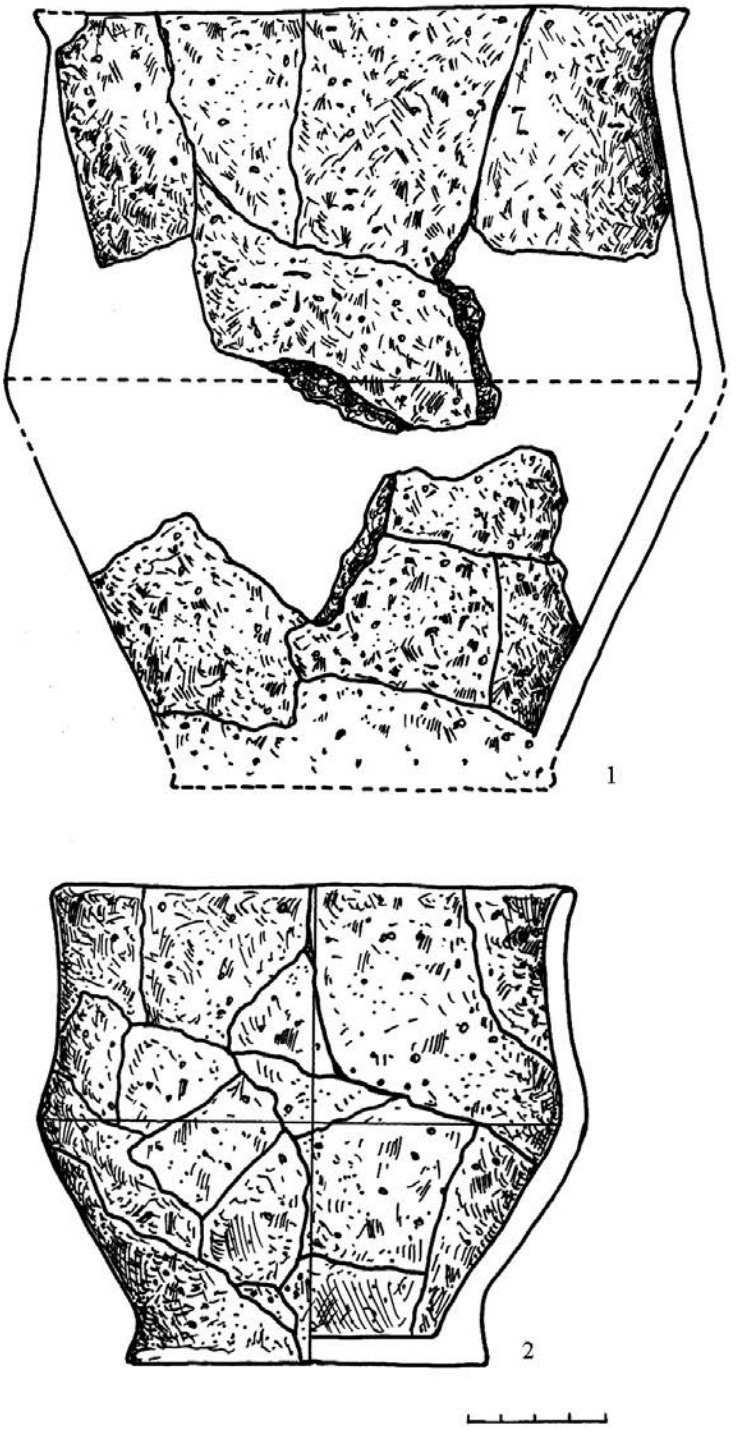


Рис. 49. Тайманово. Горшки: *1* – культурный слой; *2* – погребение № 72 (тип II1)

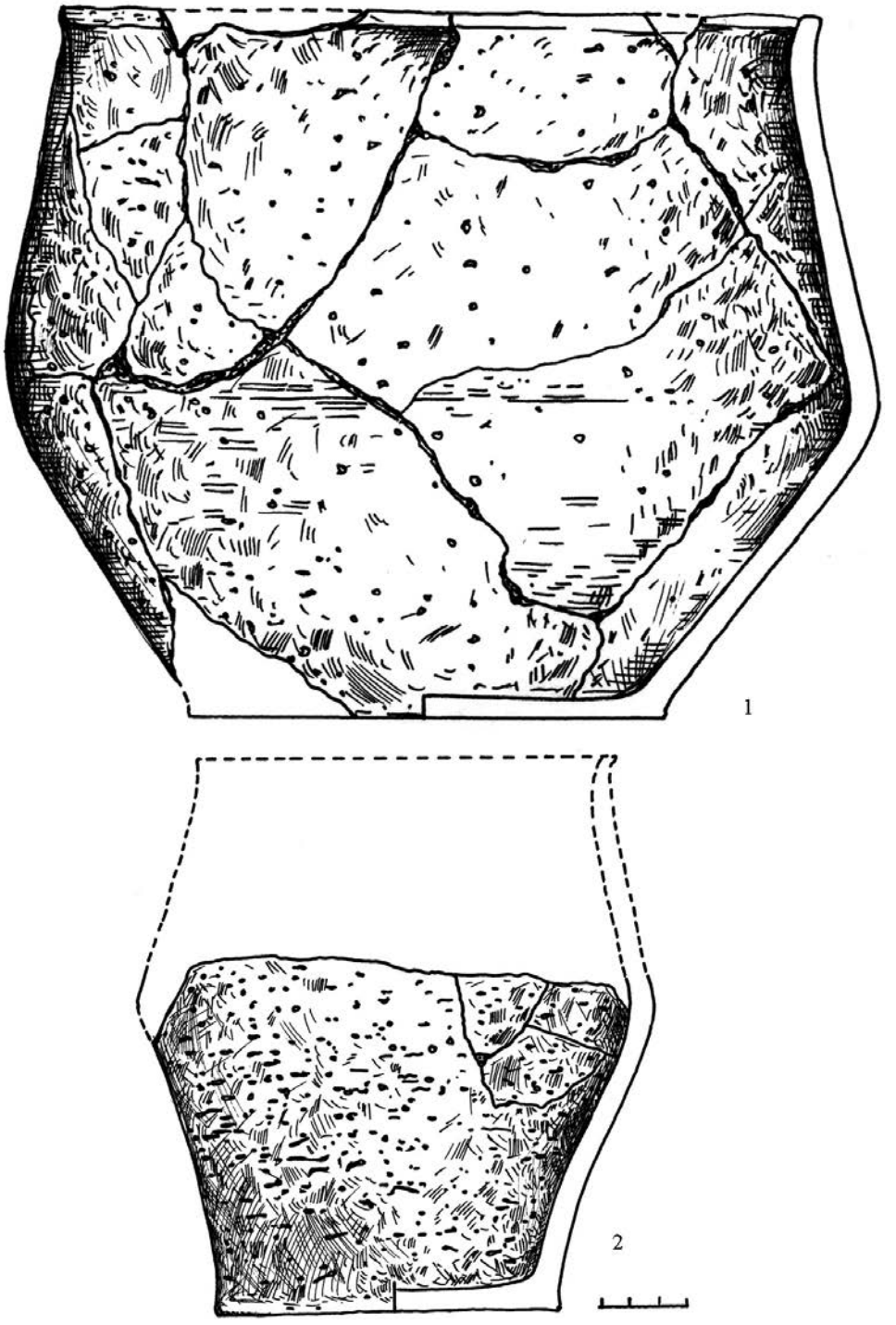


Рис. 50. Тайманово. Горшки: *1* – полуземлянка № 49; *2* – погребение № 141 (тип II1)

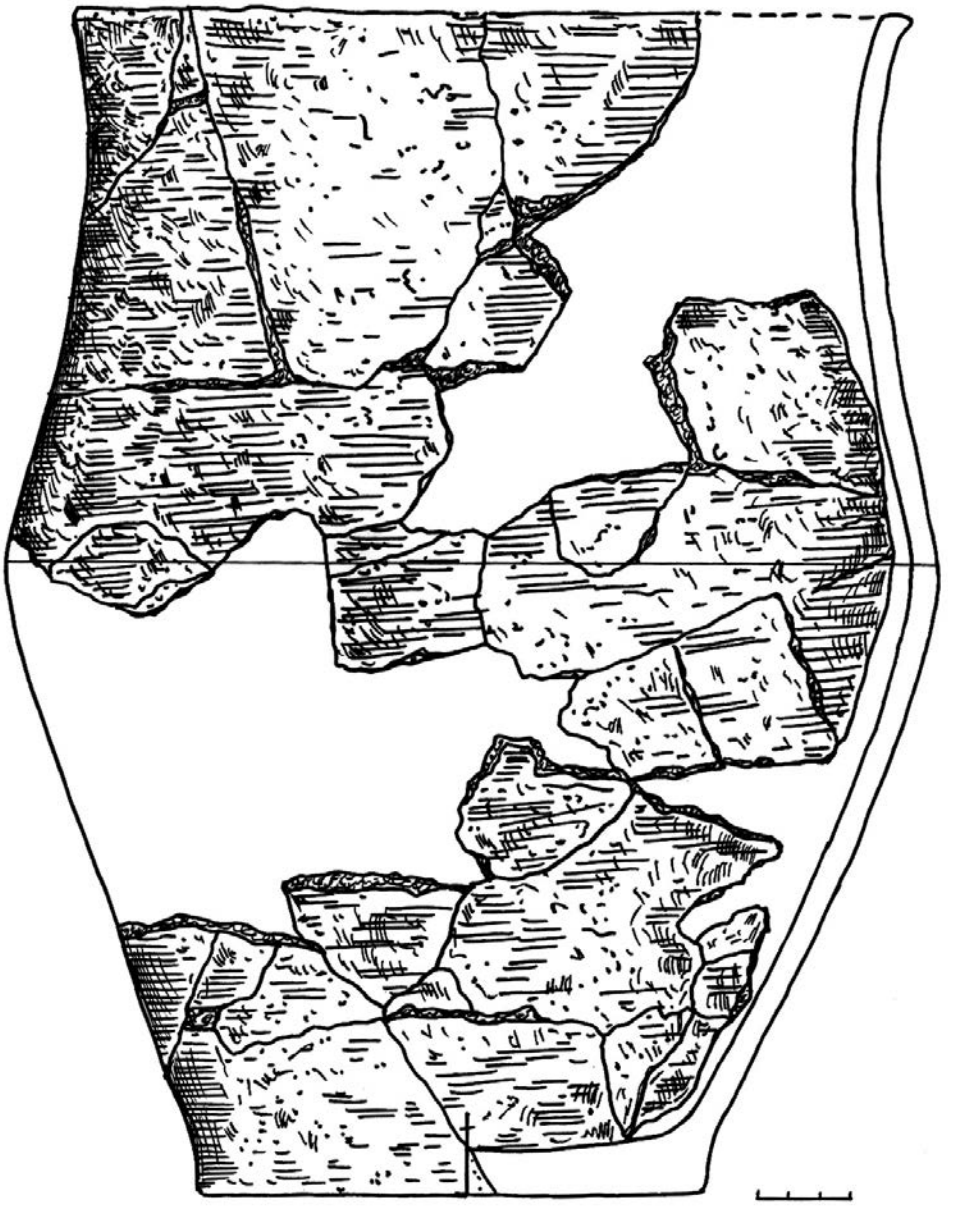


Рис. 51. Тайманово. Горшок, очаг, раскоп XXXII (тип II1)

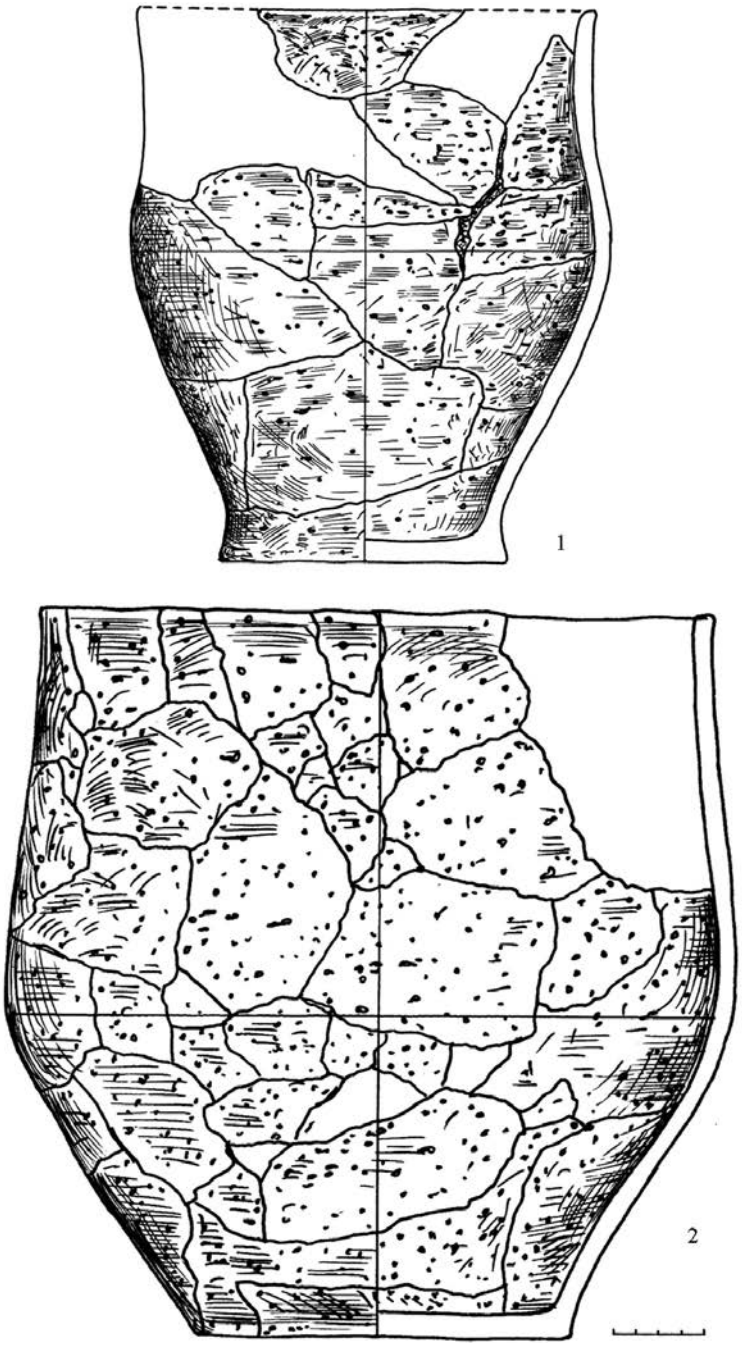


Рис. 52. Тайманово. Горшки: *1* – погребение № 59; *2* – хозяйственная яма (тип II2)

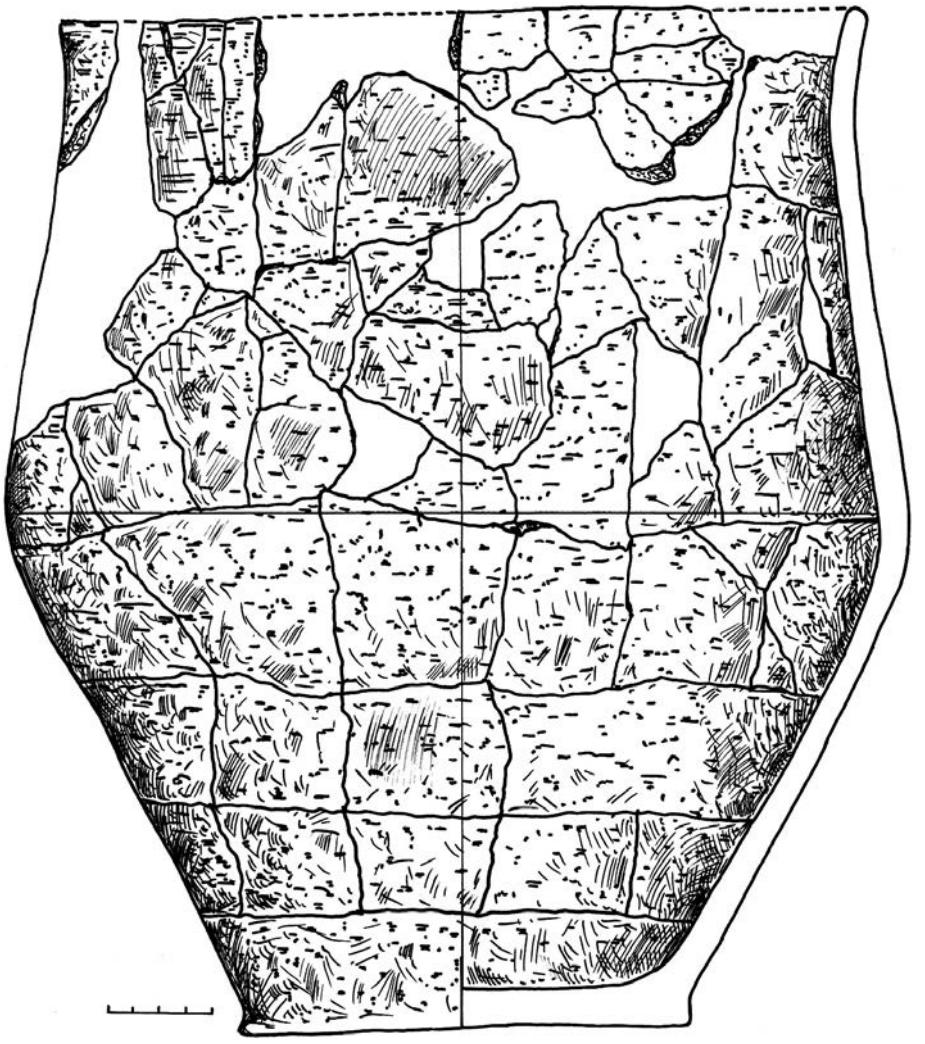


Рис. 53. Тайманово. Горшок, культурный слой (тип II2)

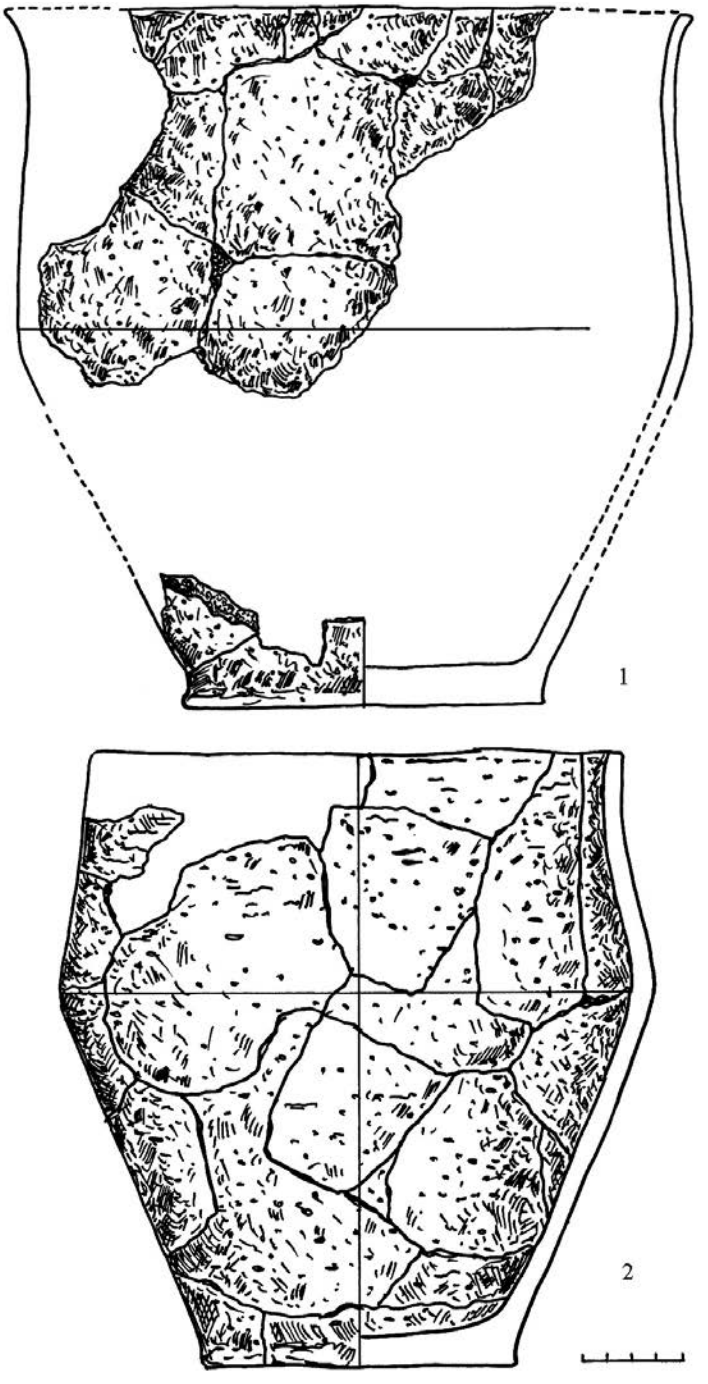


Рис. 54. Тайманово. Горшки: *1* – культурный слой (тип II2); *2* – культурный слой (тип II3)

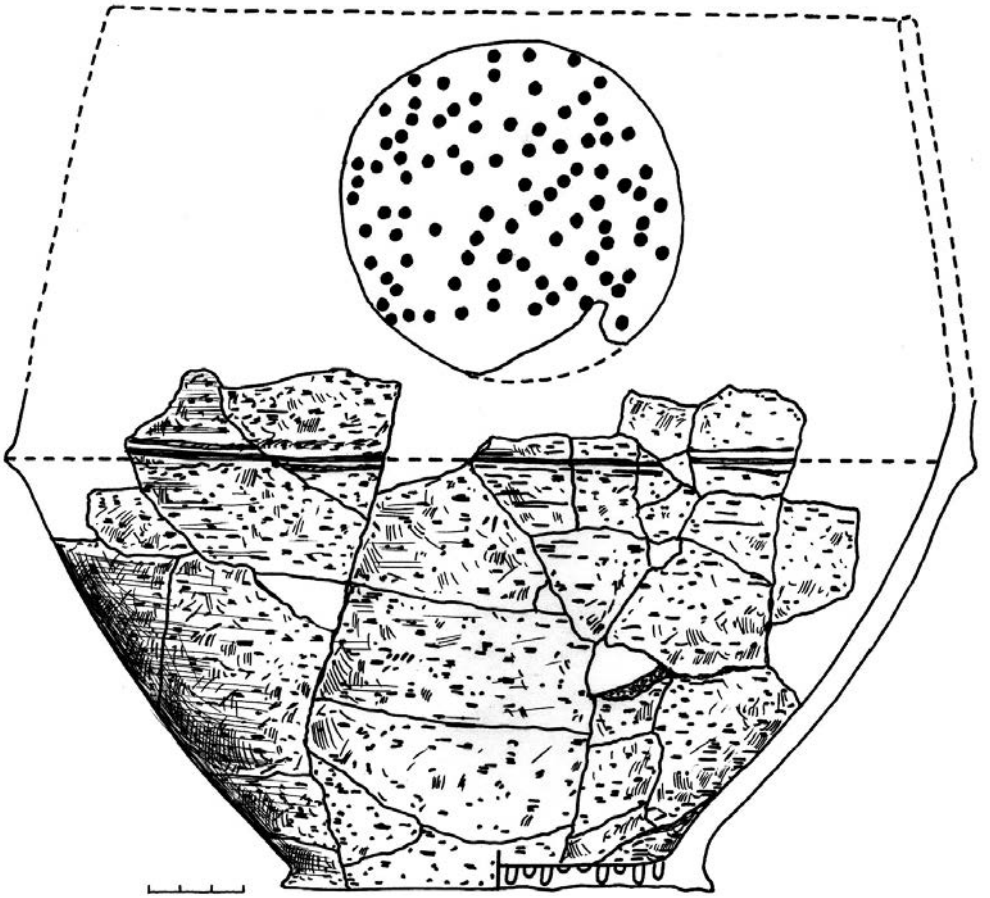


Рис. 55. Тайманово. Горшок, погребение № 100 (тип II4)

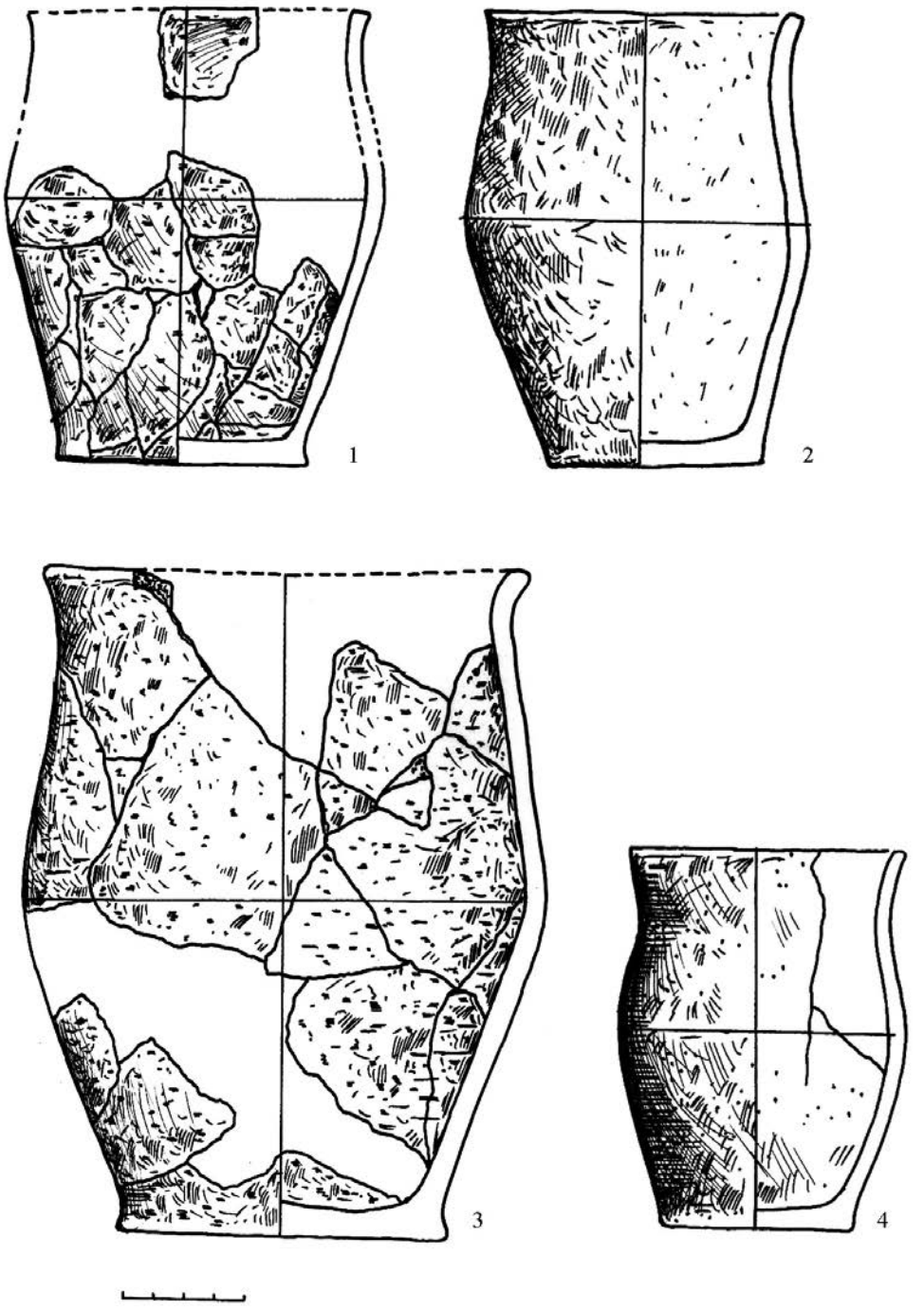


Рис. 56. Тайманово. Горшки: *1* – погребение № 55; *2* – полуземлянка № 28; *3* – погребение № 71; *4* – полуземлянка № 31 (тип III1)

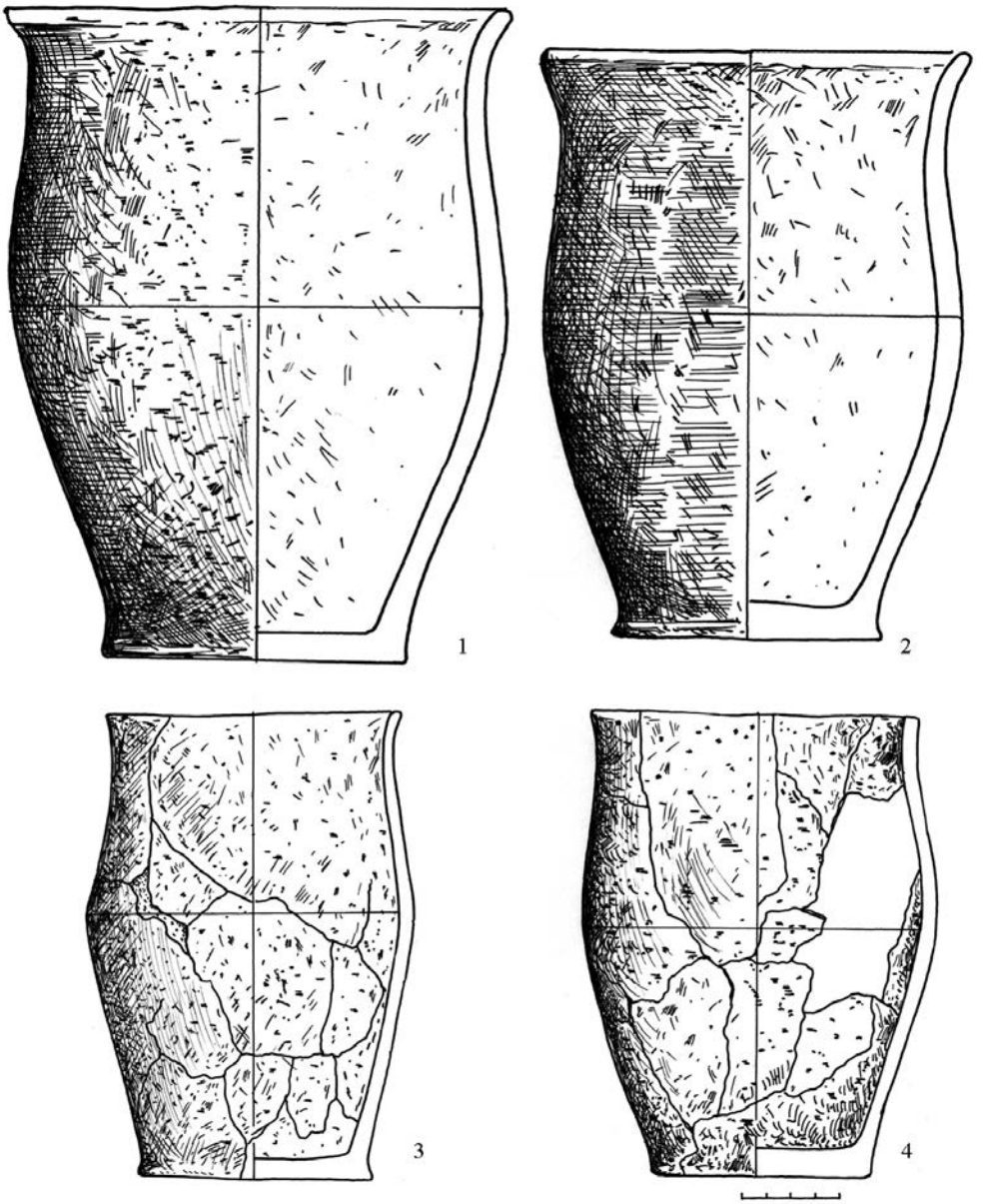


Рис. 57. Тайманово. Горшки: *1* – полуземлянка № 35; *2* – полуземлянка № 35; *3* – полуземлянка № 8; *4* – хозяйственная яма, кв. XXIX (тип III1)

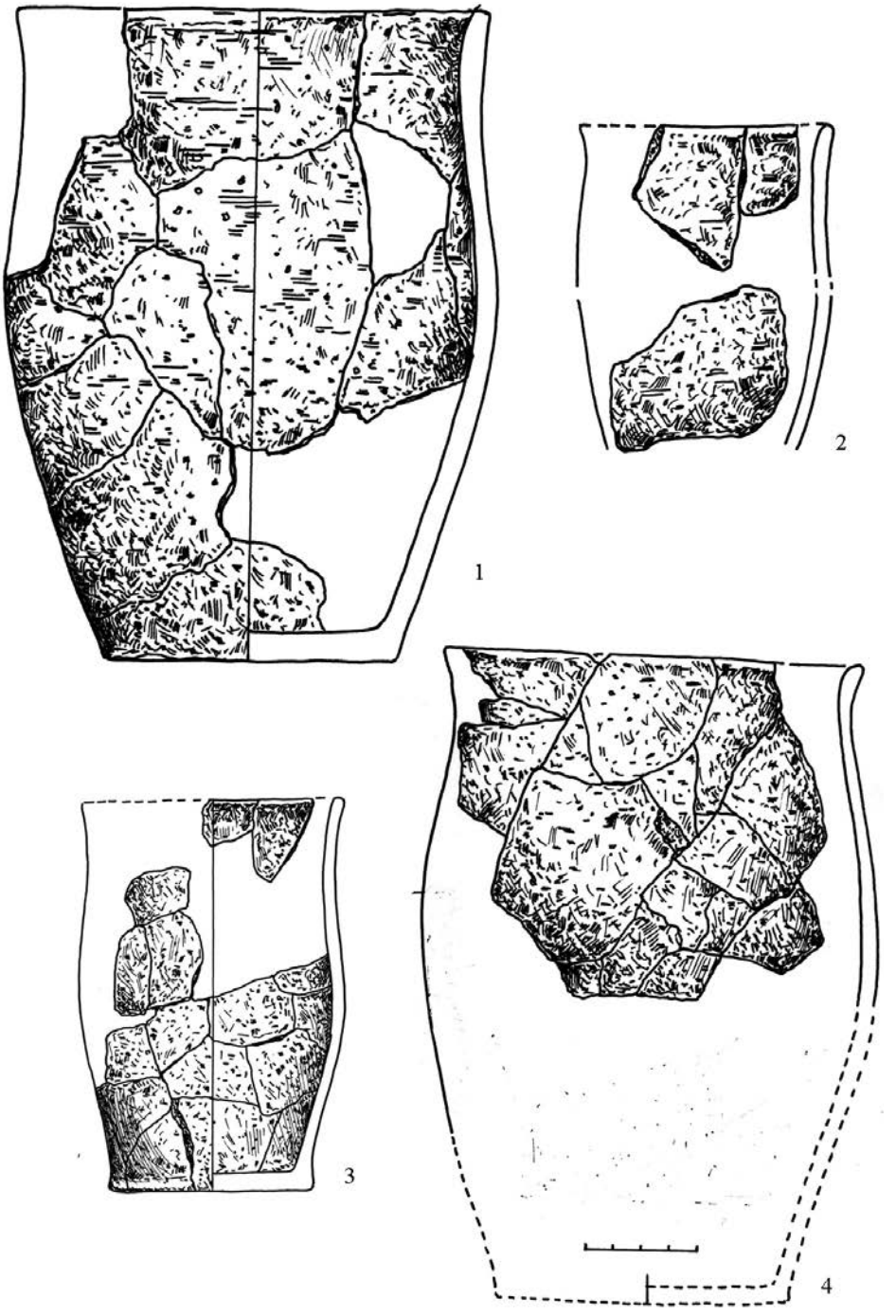


Рис. 58. Тайманово. Горшки: *1* – хозяйственная яма, кв. 44 (тип III1);
2 – погребение № 66 (тип III2); *3* – погребение № 157 (тип III2); *4* – вне погребения (тип III1)

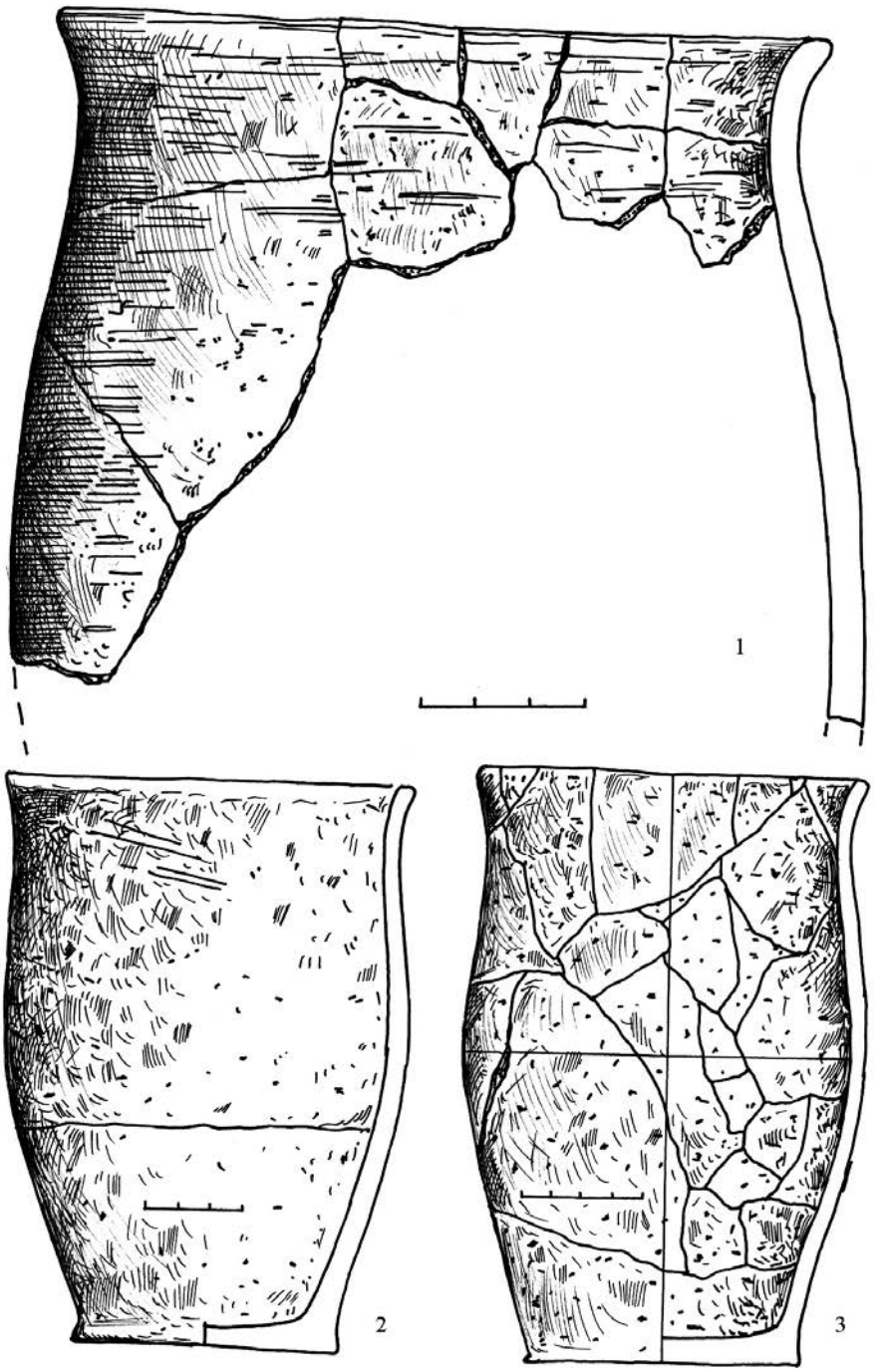


Рис. 59. Тайманово. Горшки: *1* – культурный слой (тип III1); *2* – погребение № 106; *3* – культурный слой (тип III2); *4* – погребение № 106 (тип III4)

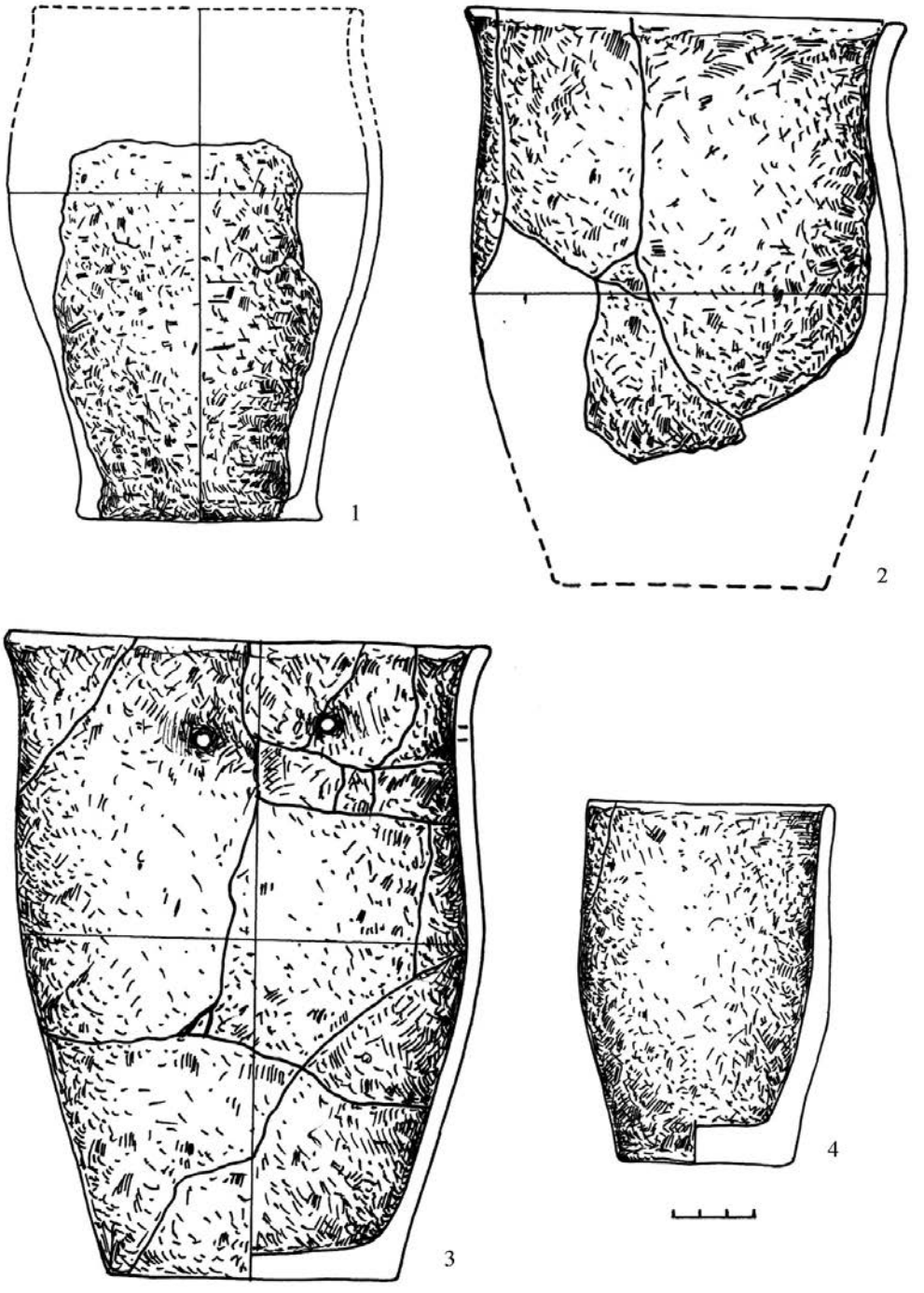


Рис. 60. Тайманово. Горшки: *1* – полуземлянка № 8 (тип III2);
2, *3* – полуземлянка № 28 (тип III3)

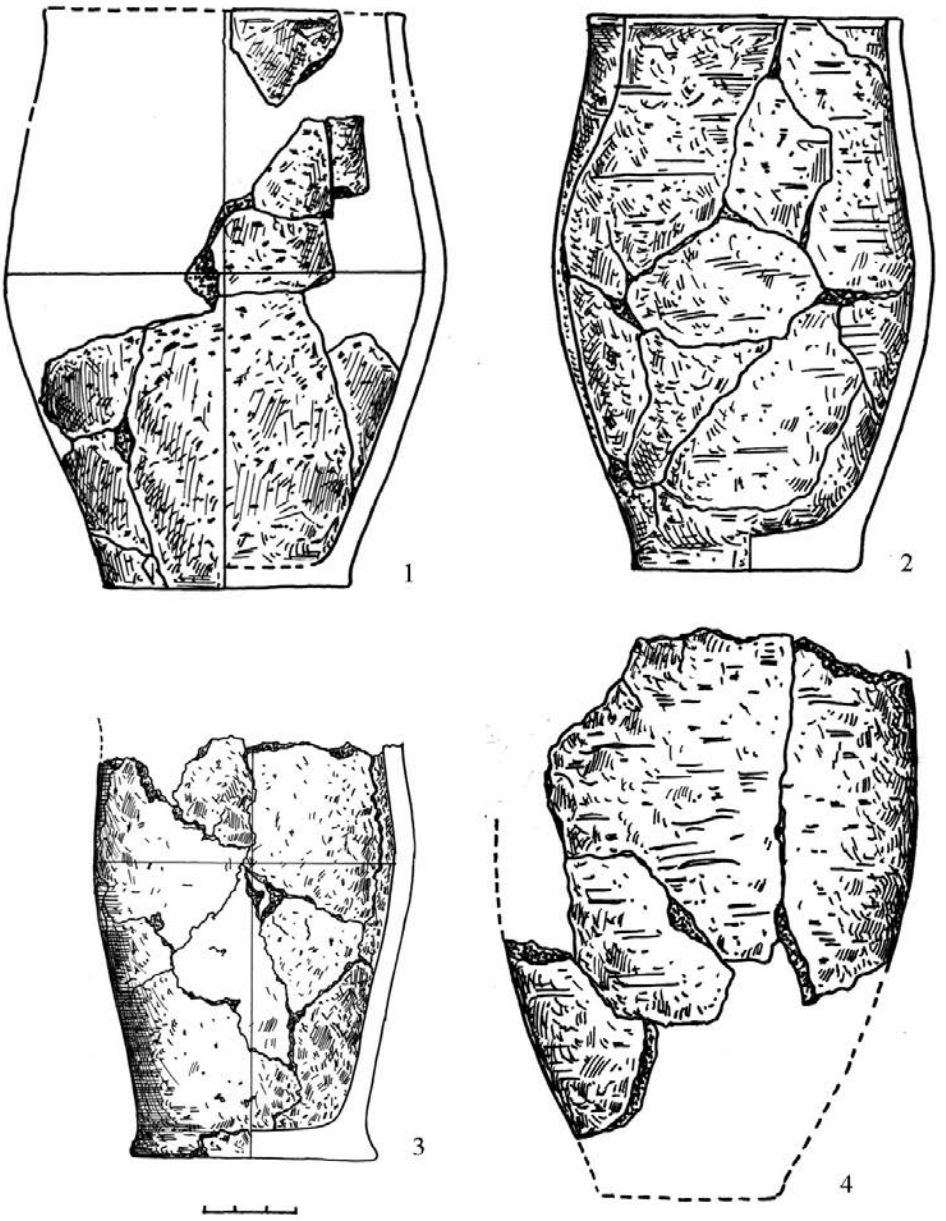


Рис. 61. Тайманово. Горшки: *1* – погребение № 39 (тип III5); *2*, *4* – полуземлянка № 44; *3* – полуземлянка № 26 (тип III6)

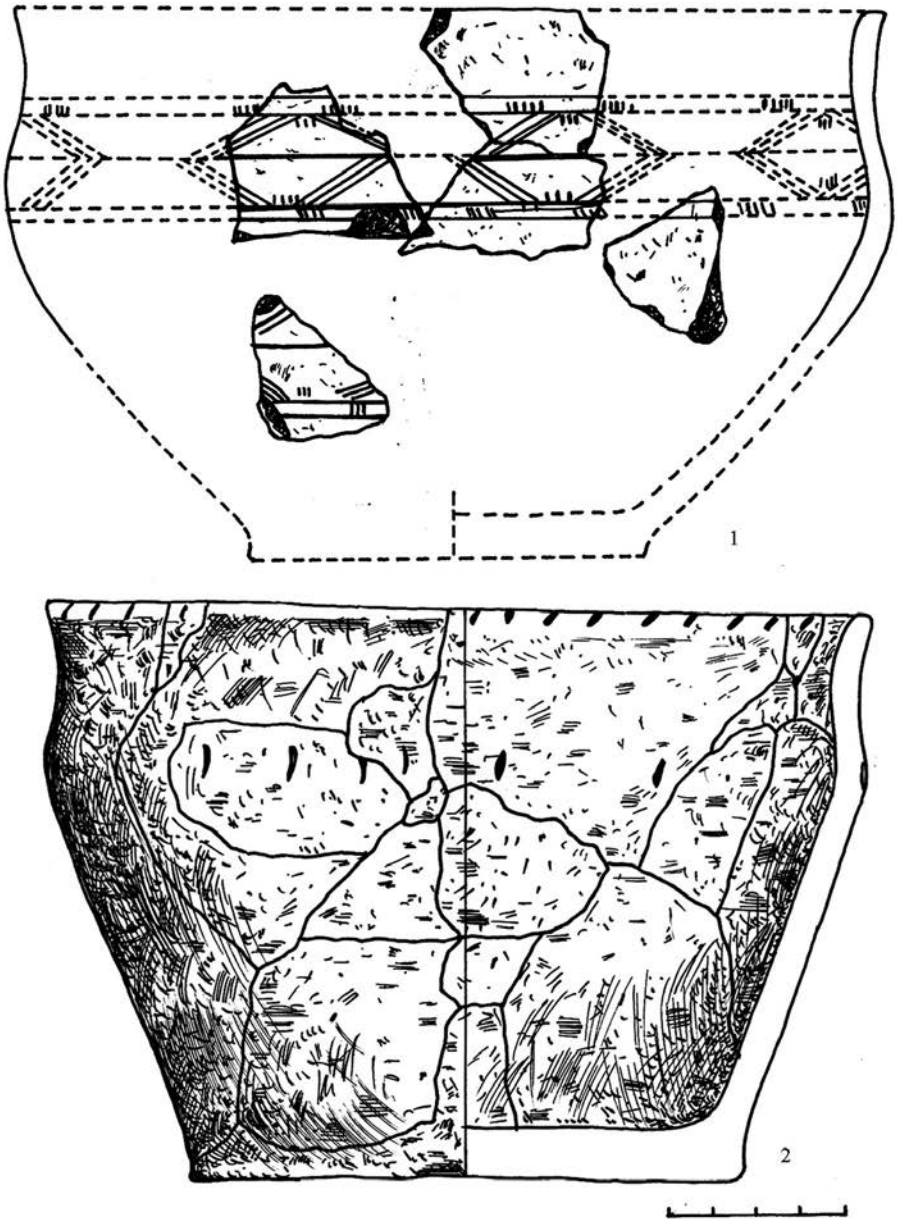


Рис. 62. Тайманово. Миски: *1* – культурный слой; *2* – каменный очаг

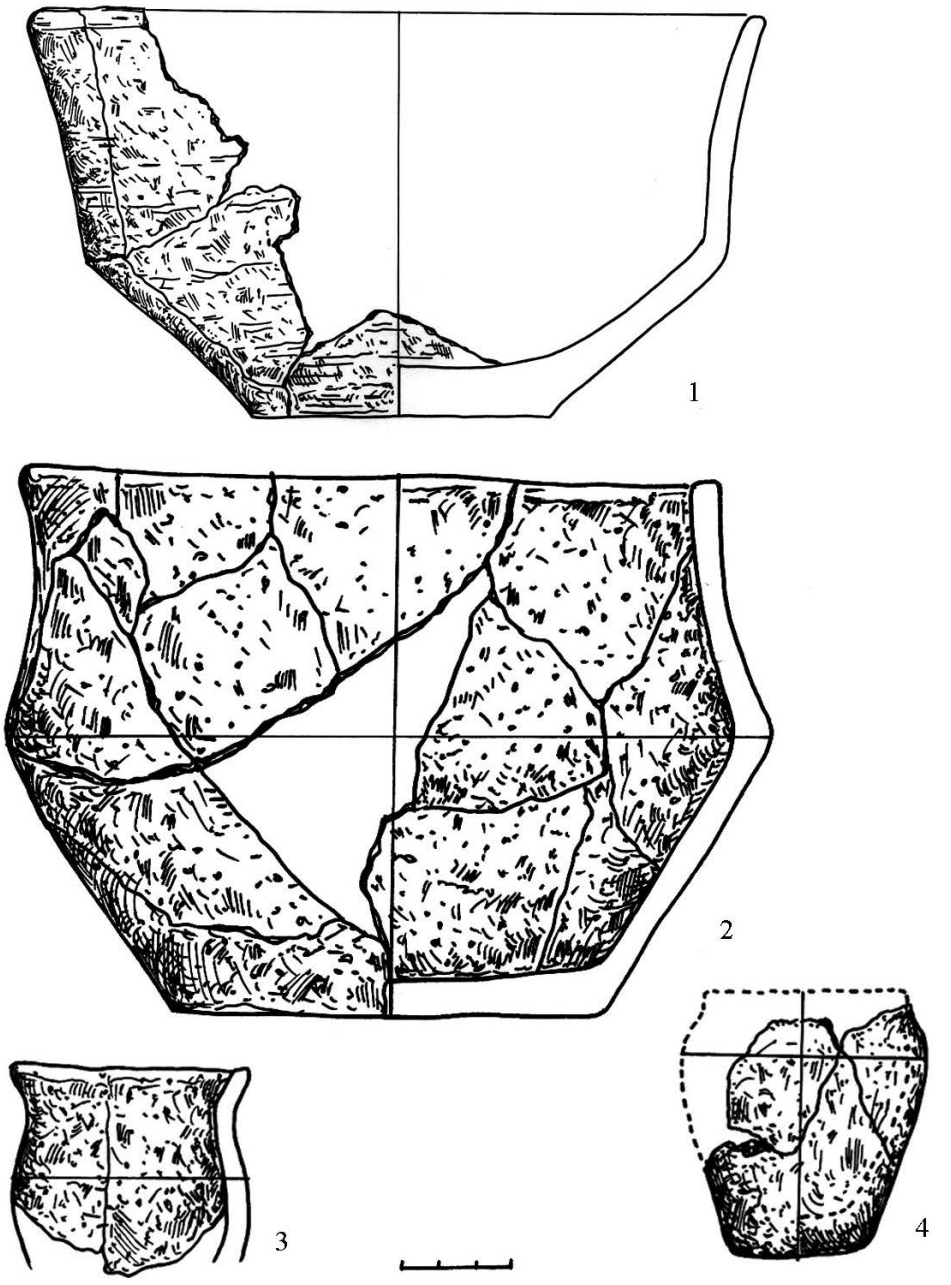


Рис. 63. Тайманово. Керамическая посуда: *1* – миска, культурный слой; *2* – миска, хозяйственная яма; *3*, *4* – миниатюрные сосуды (3 – могильник, 4 – культурный слой)

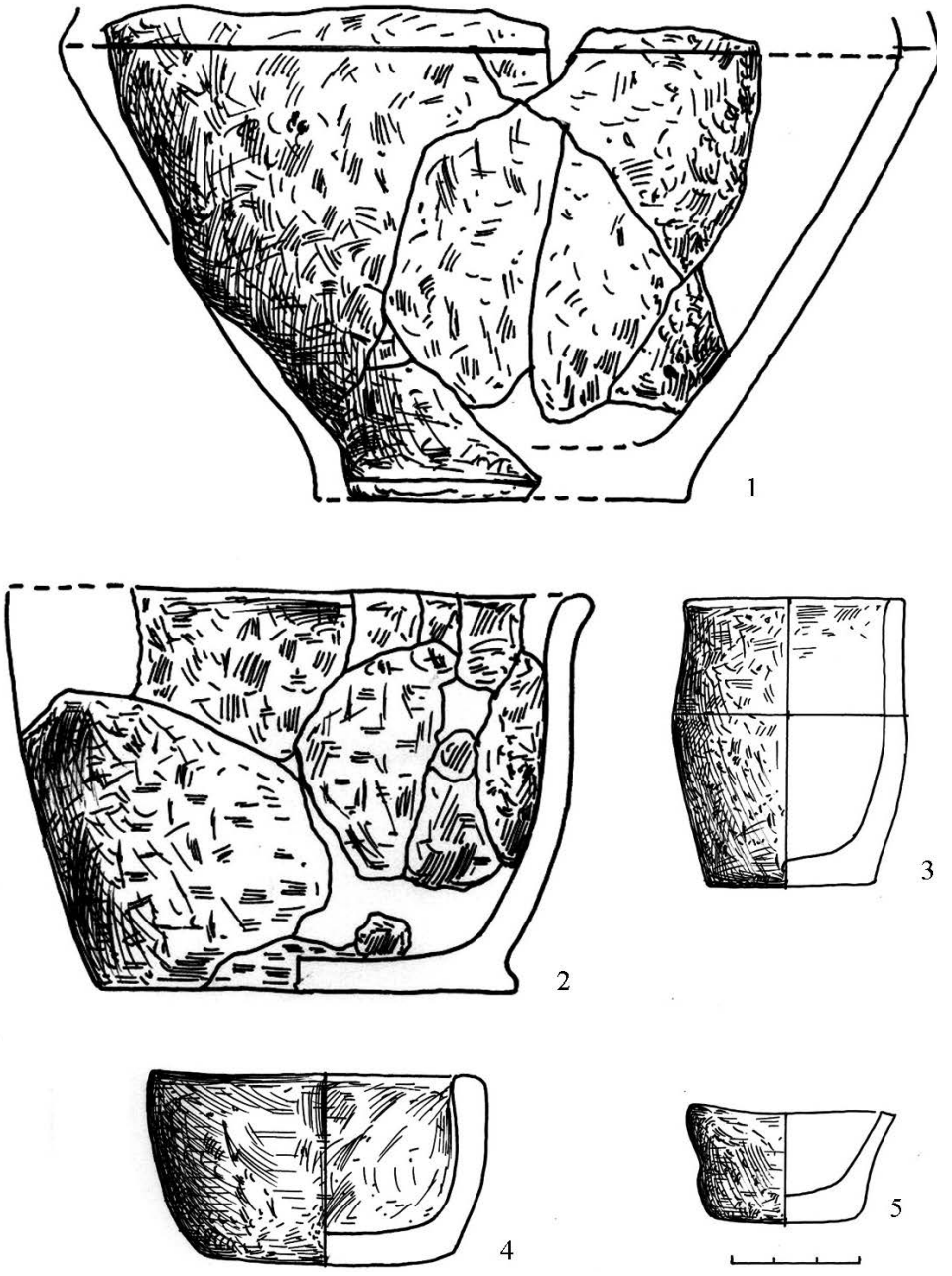


Рис. 64. Тайманово. Миски: *1* – могильник; *2* – полуземлянка № 13; *4* – культурный слой; *5* – полуземлянка № 28; *3* – горшок, погребение № 58

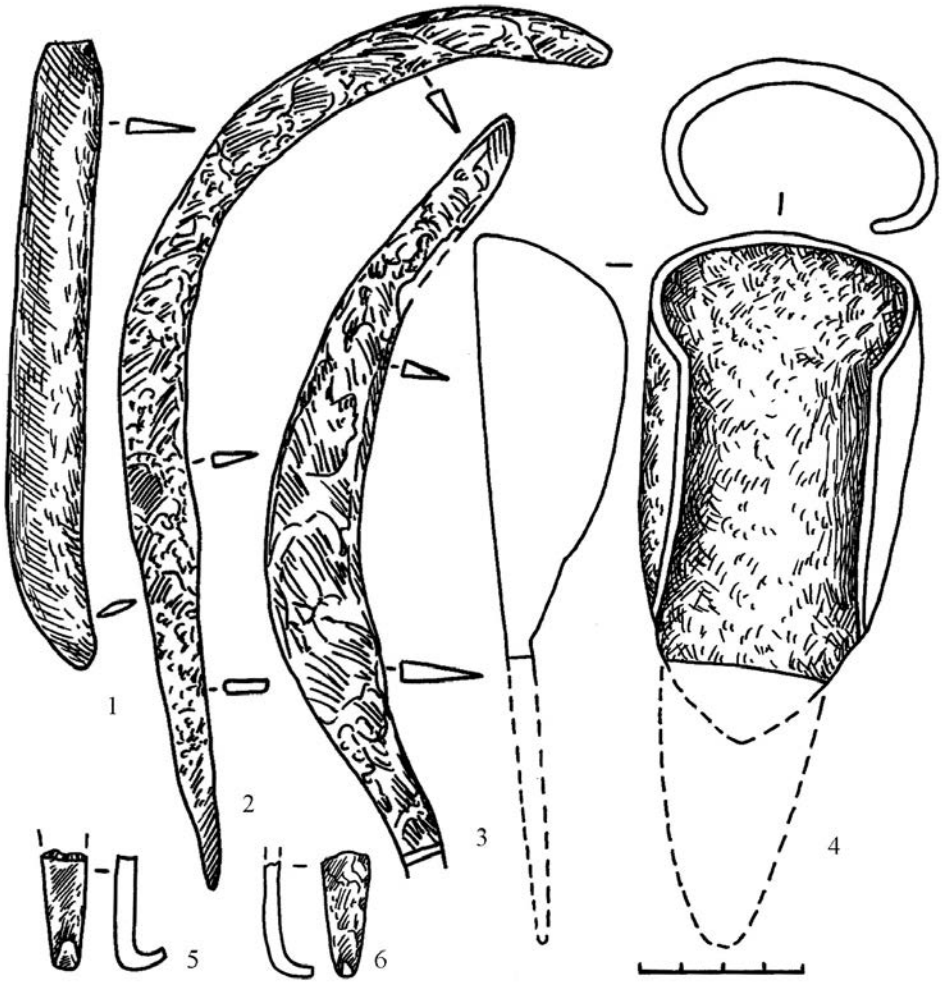


Рис. 65. Тайманово. Земледельческий инвентарь

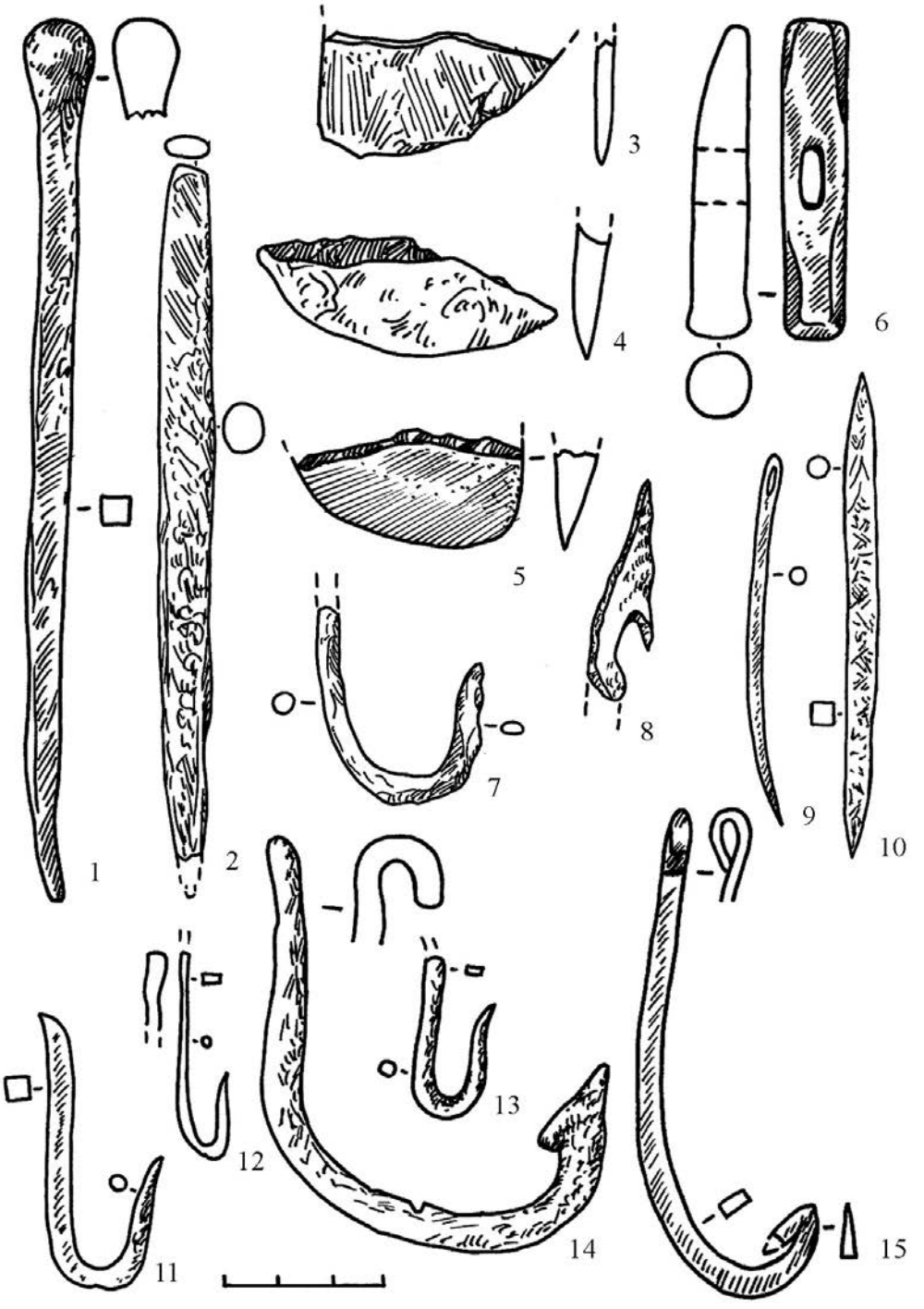


Рис. 66. Тайманово. Универсальные инструменты

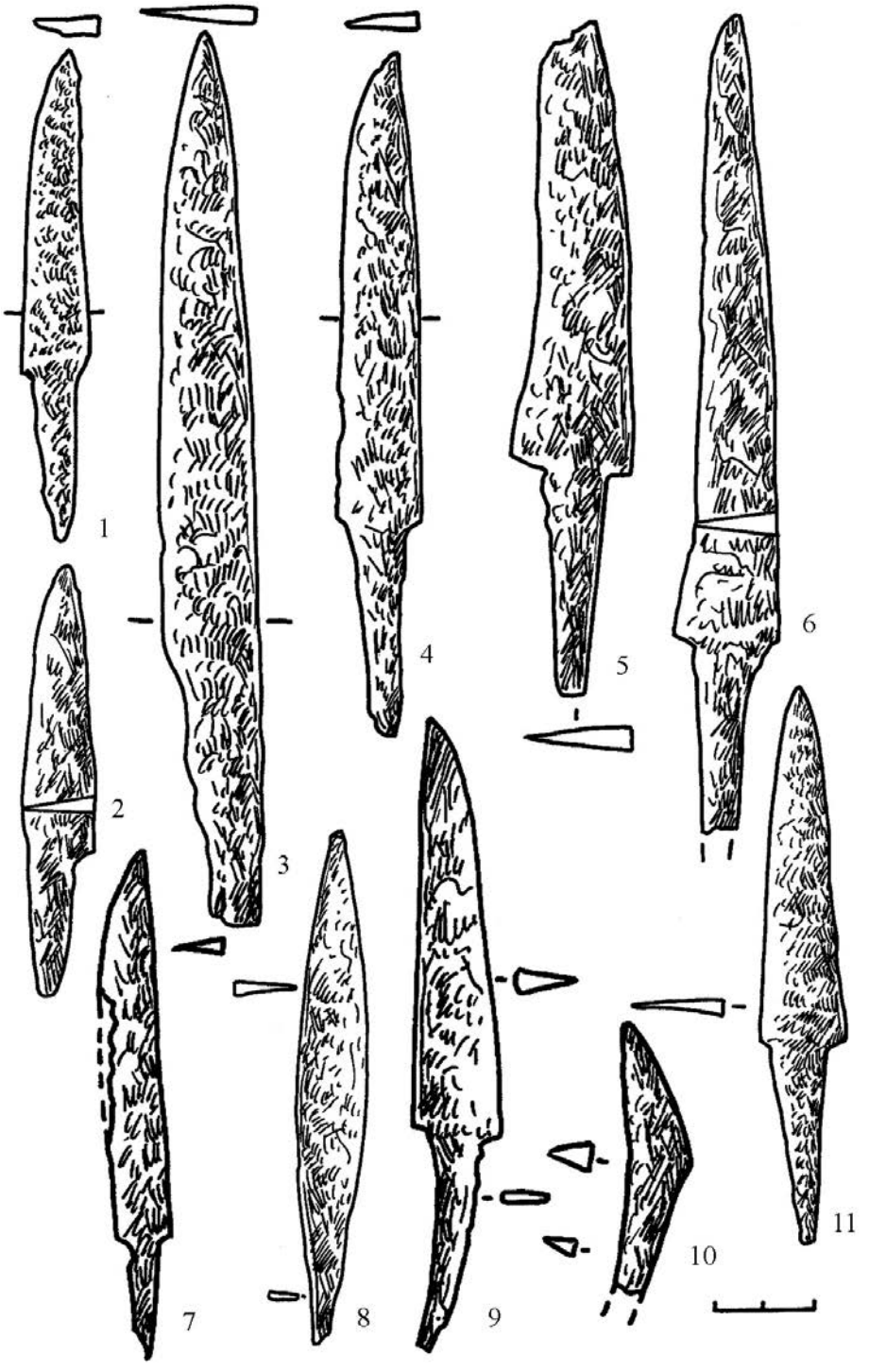


Рис. 67. Тайманово. Ножи

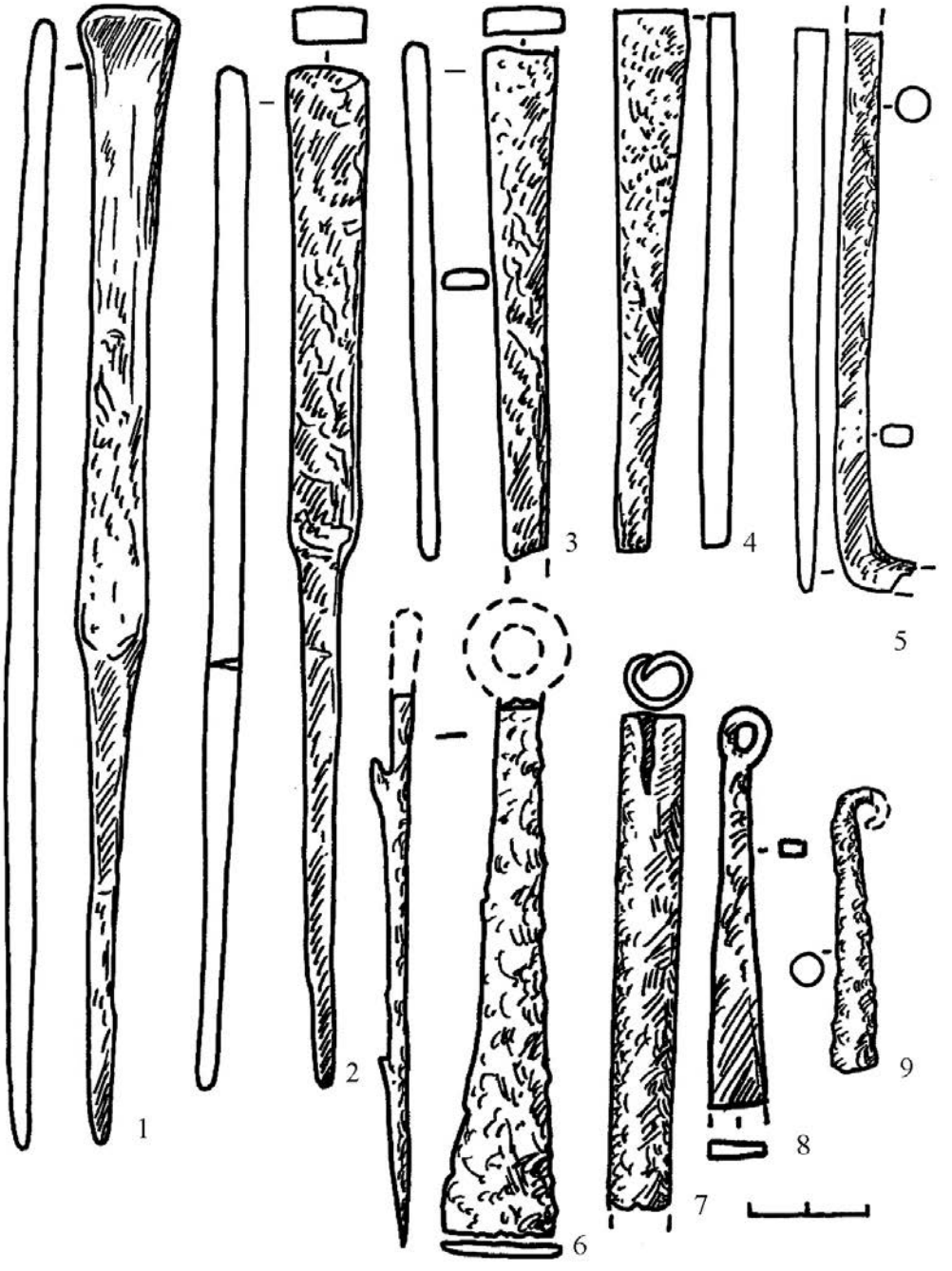


Рис. 68. Тайманово. Специализированные инструменты

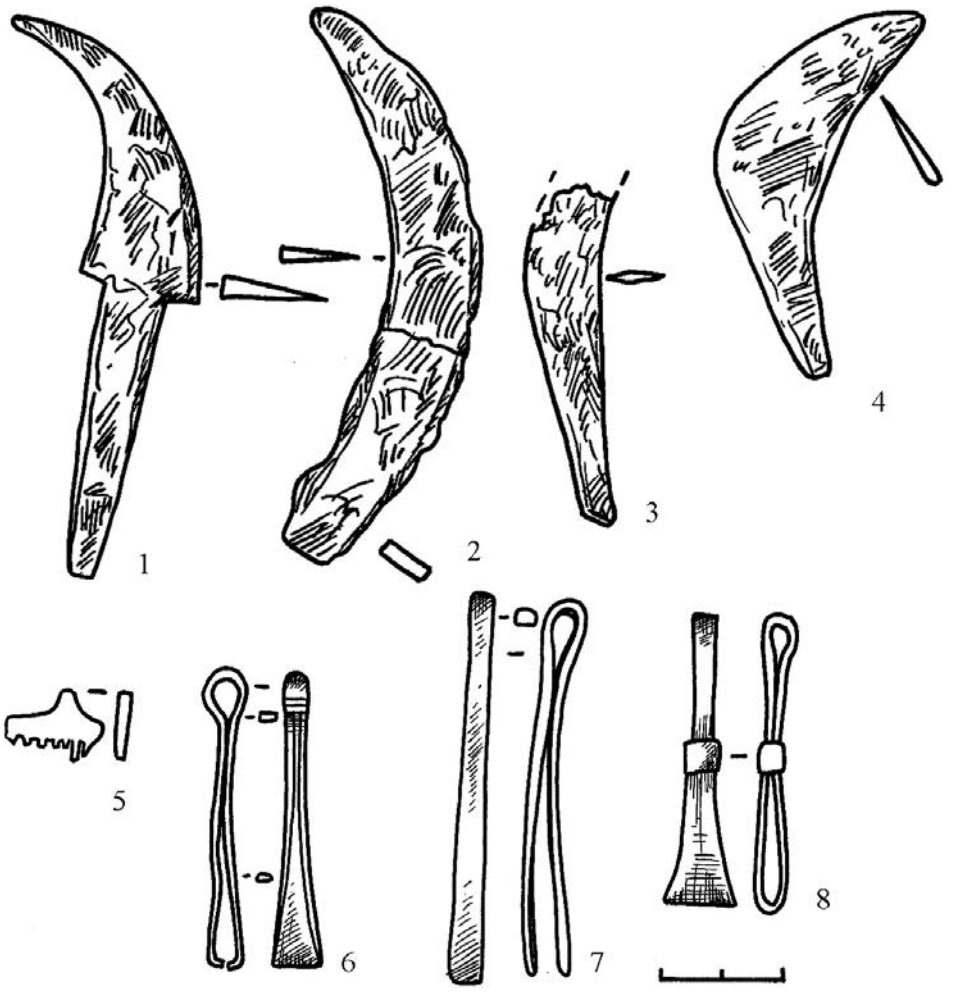


Рис. 69. Тайманово. Предметы бытового назначения

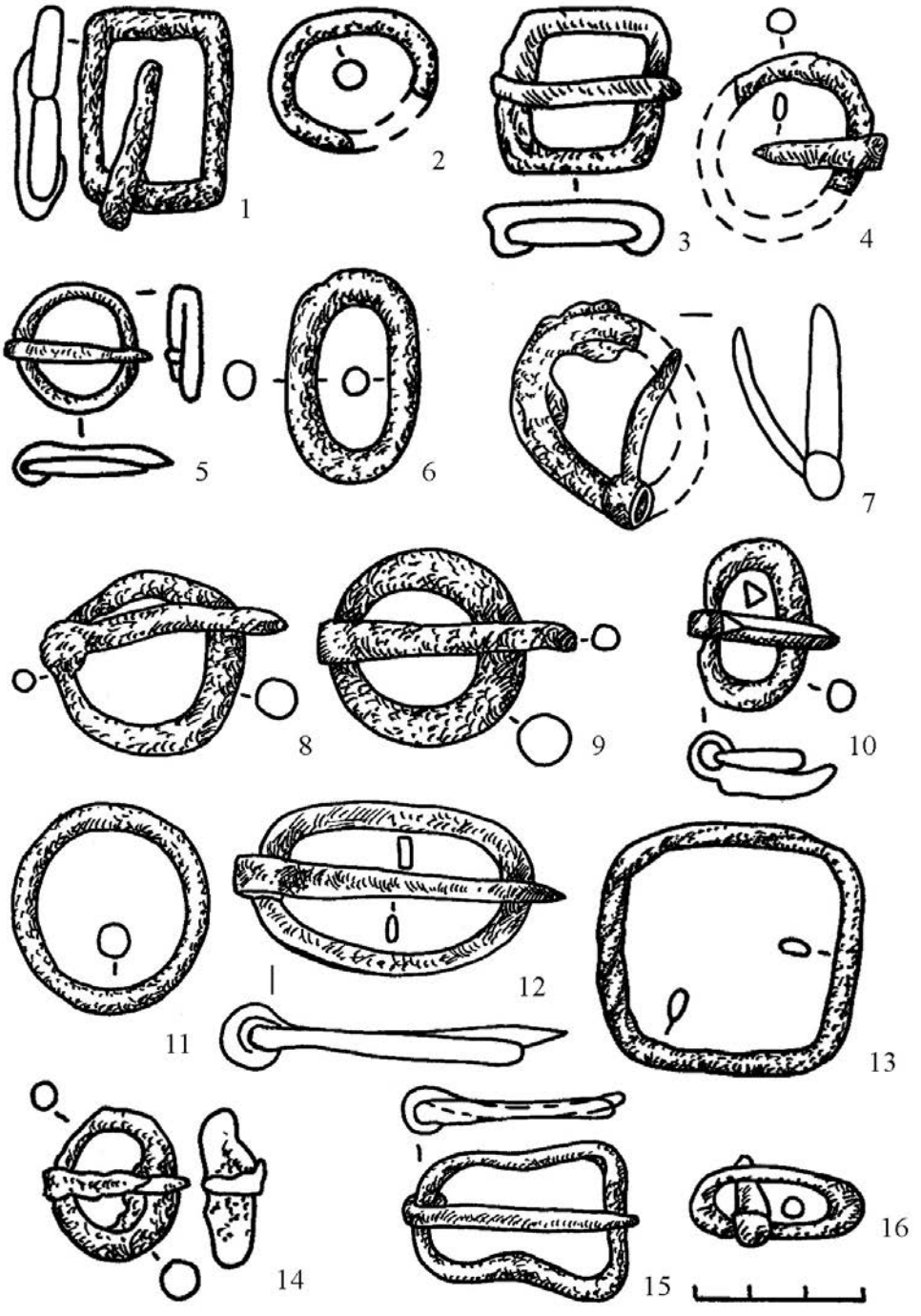


Рис. 70. Тайманово. Пряжки

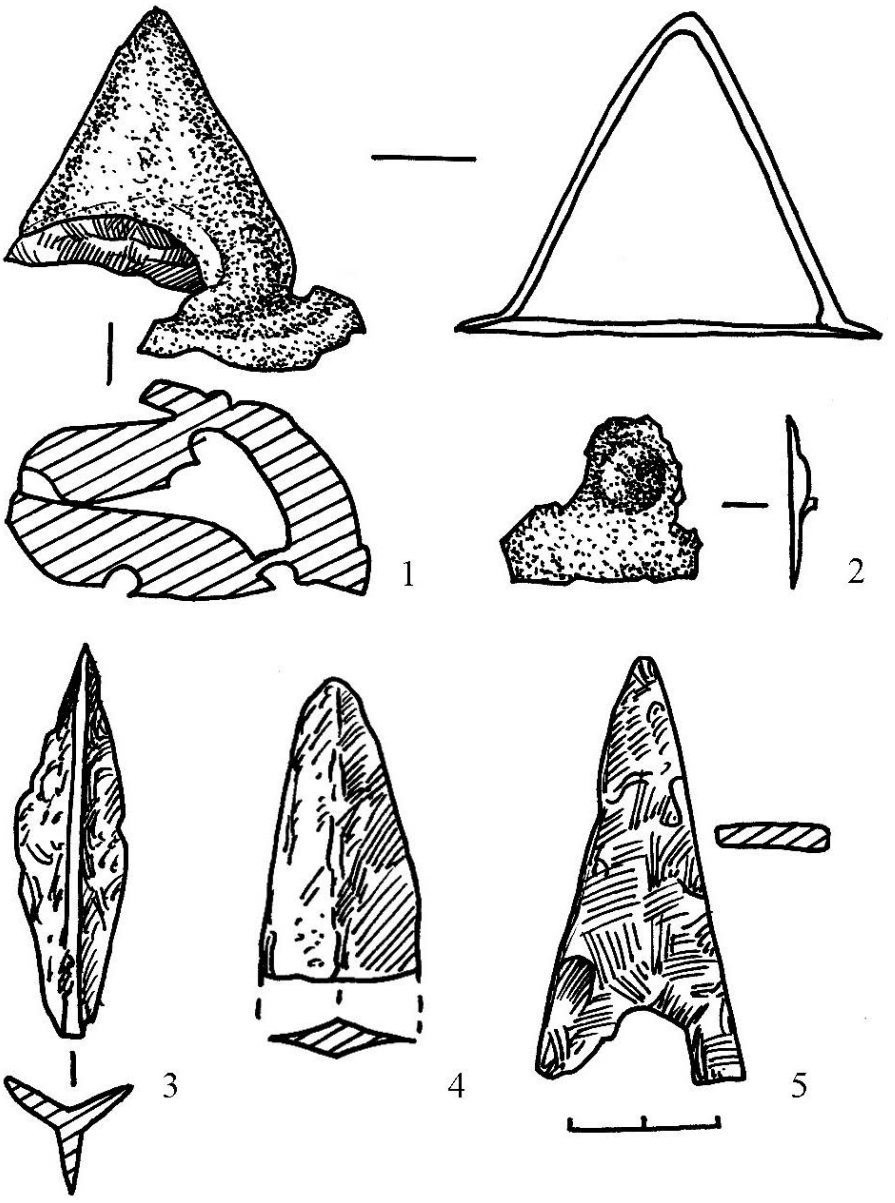


Рис. 71. Тайманово. Оружие

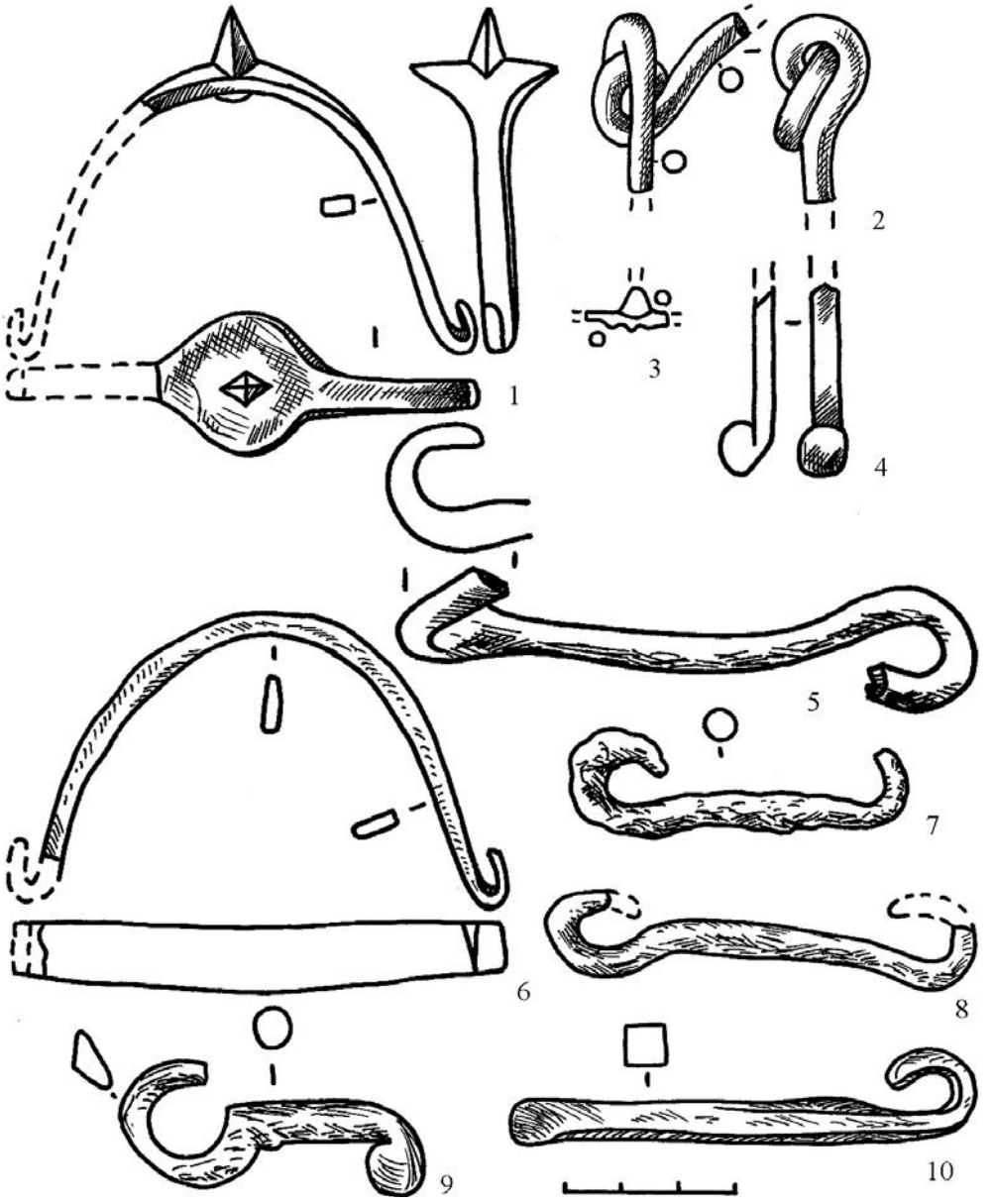


Рис. 72. Тайманово. Удила, шпоры

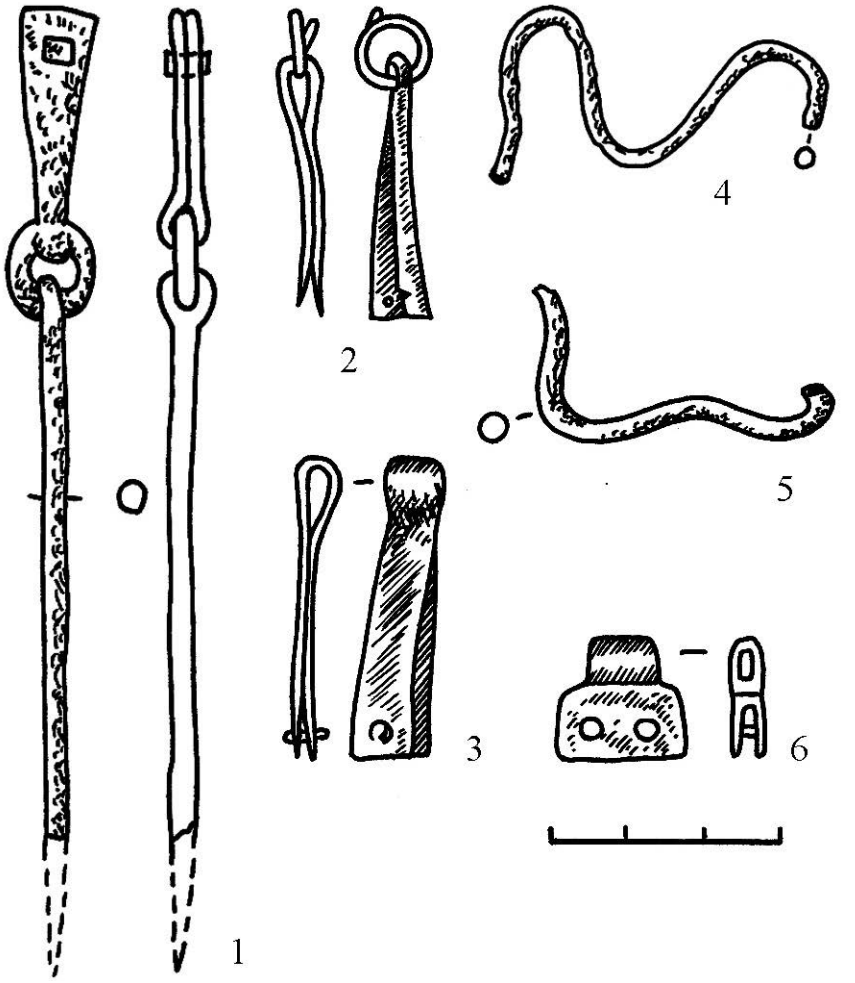


Рис. 73. Тайманово. Накладки

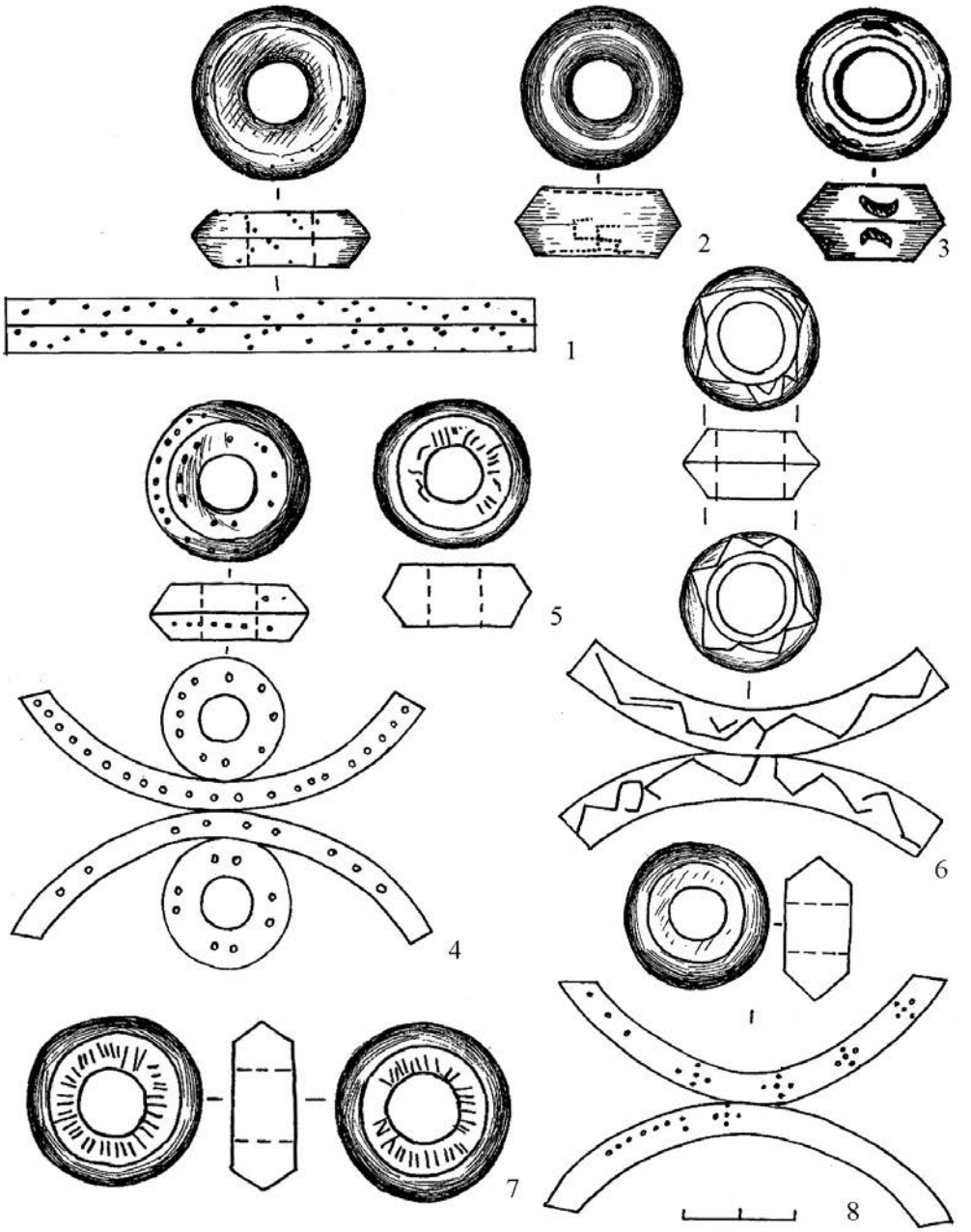


Рис. 74. Тайманово. Глиняные изделия: *1*, *2*, *4* – пряслица; *3*, *6*, *7* – грузила; *5* – тигль; *8* – льячка

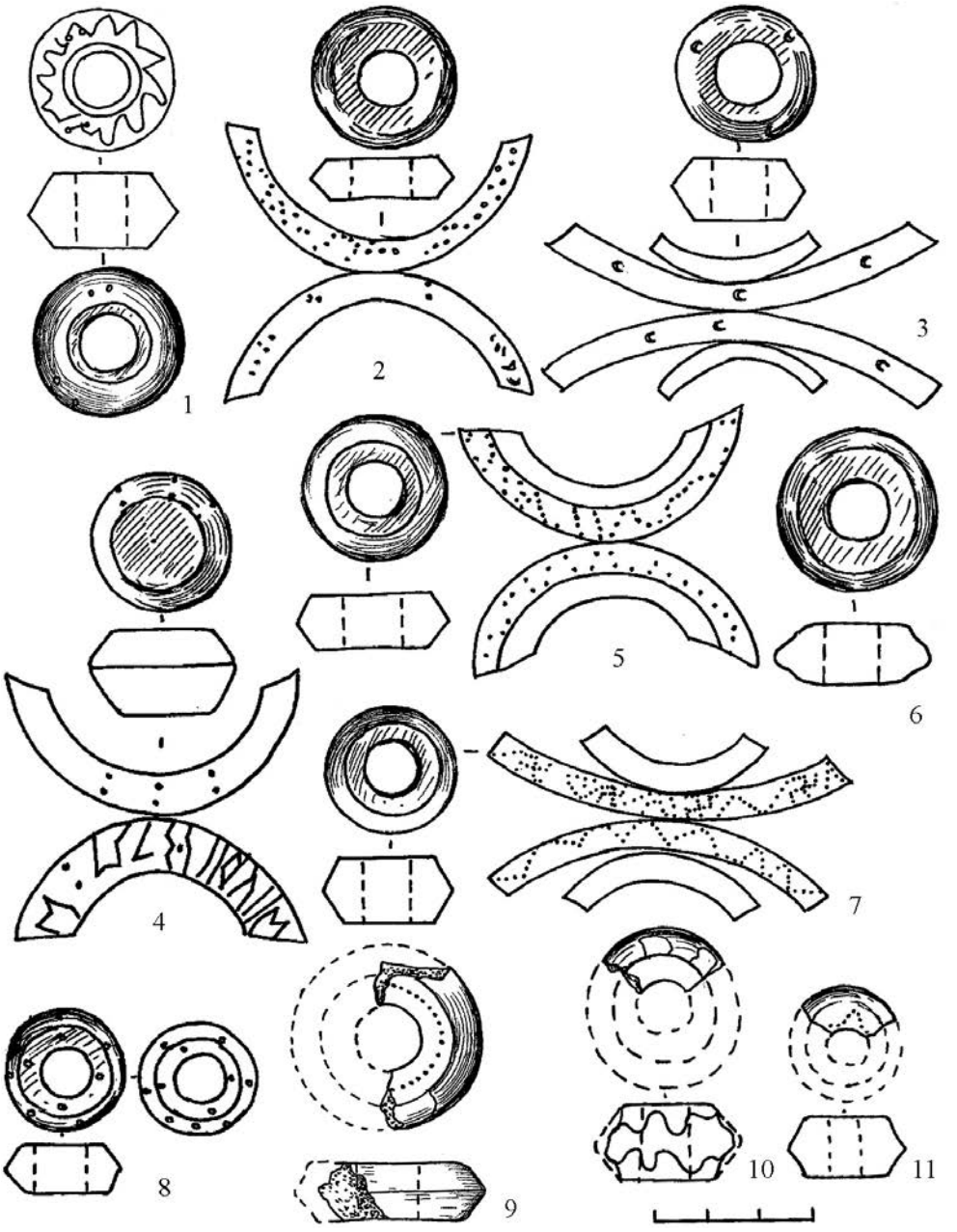


Рис. 75. Тайманово. Глиняные пряслица

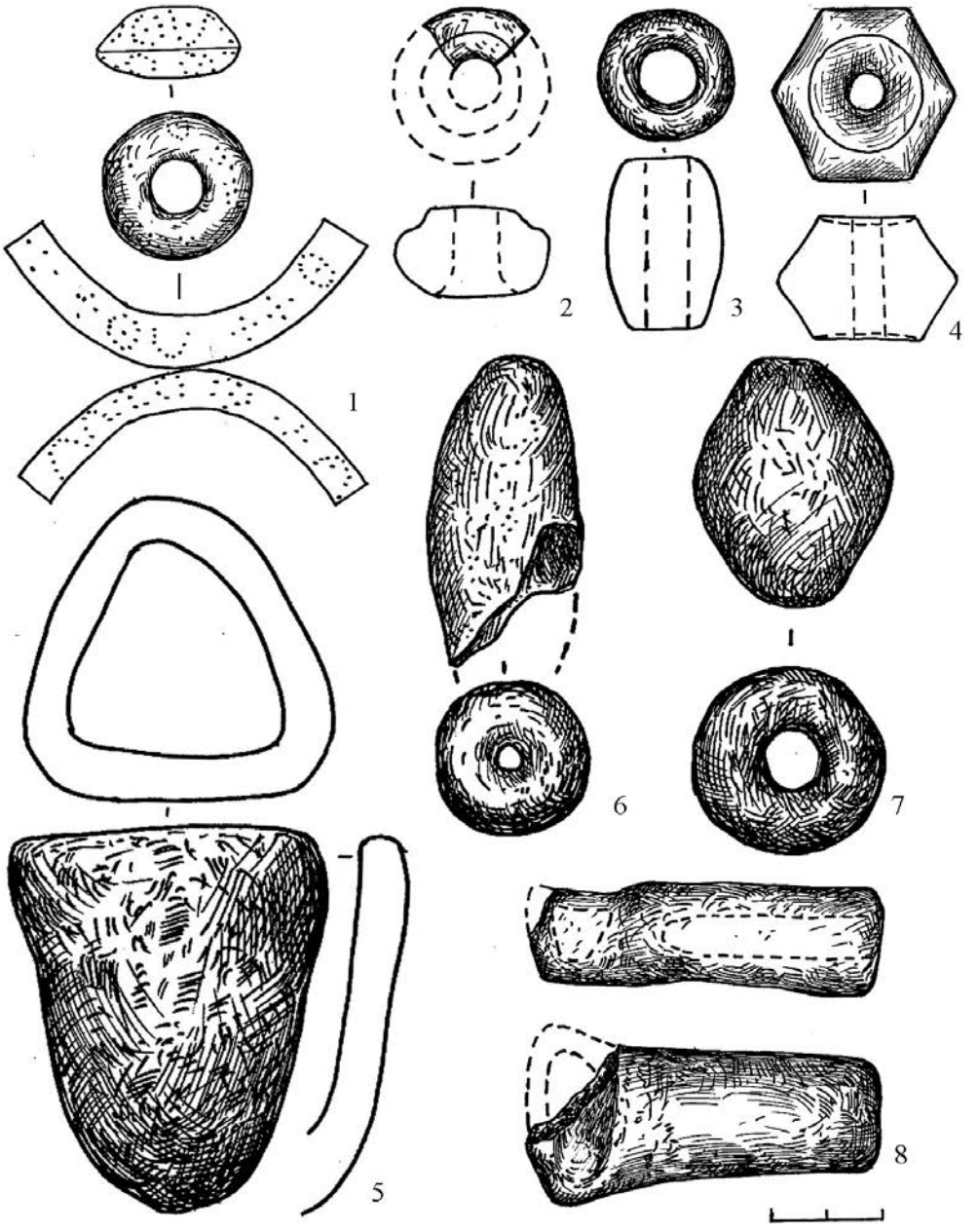


Рис. 76. Тайманово. Глиняные грузила

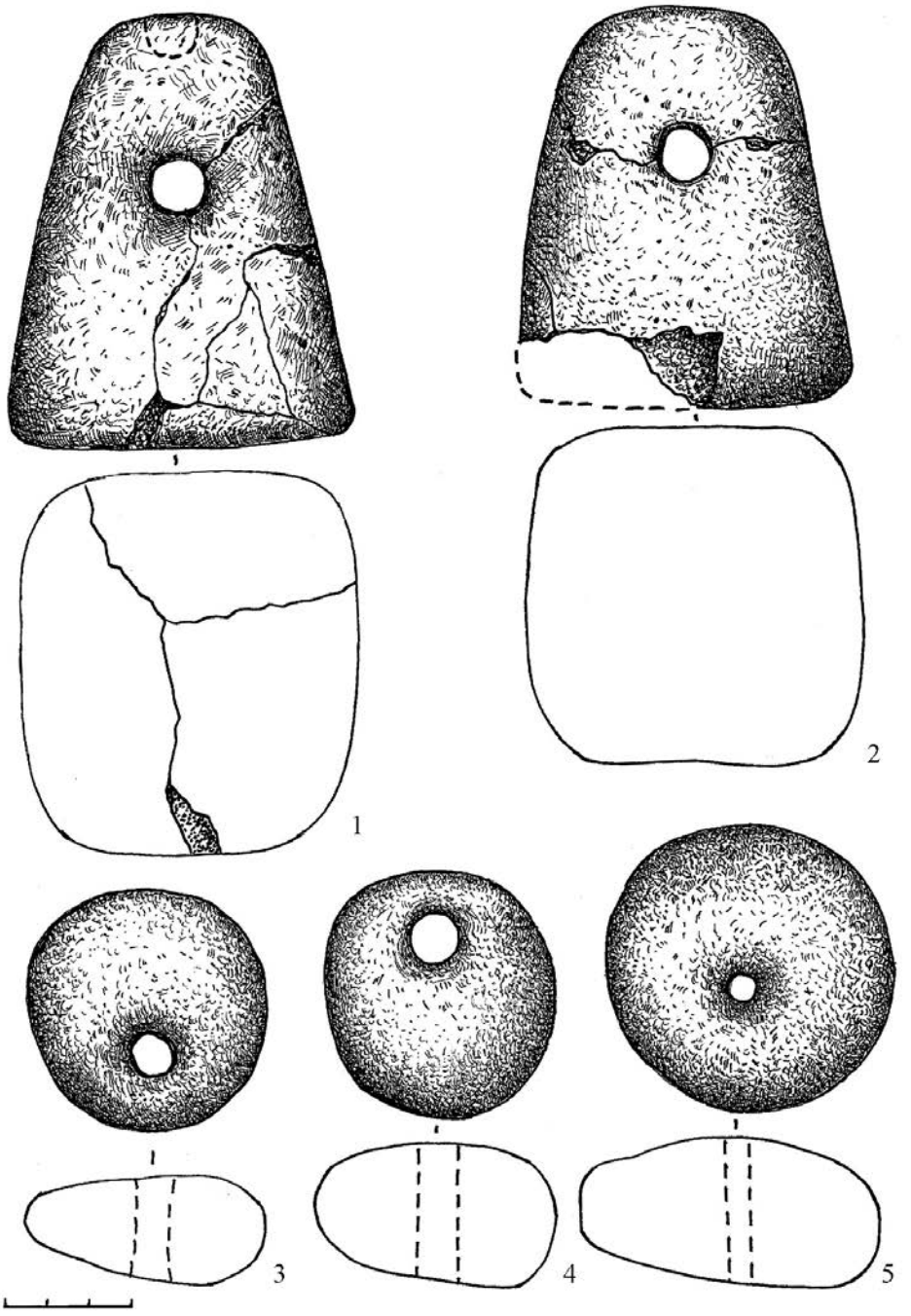


Рис. 77. Тайманово. Глиняные грузила

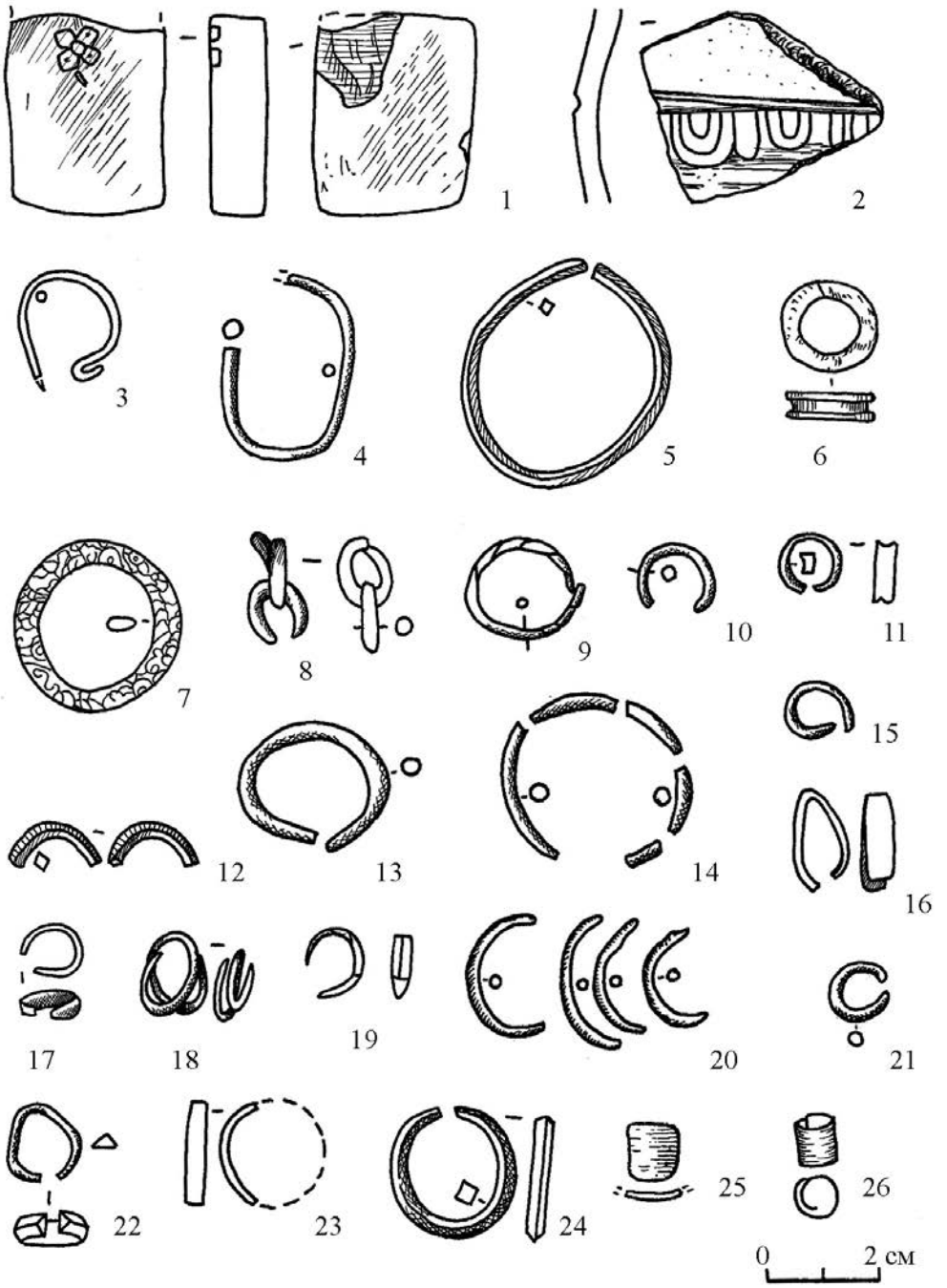


Рис. 78. Тайманово. Археологические находки: *1* – литейная формочка; *2* – импортная керамика; *3–26* – кольца

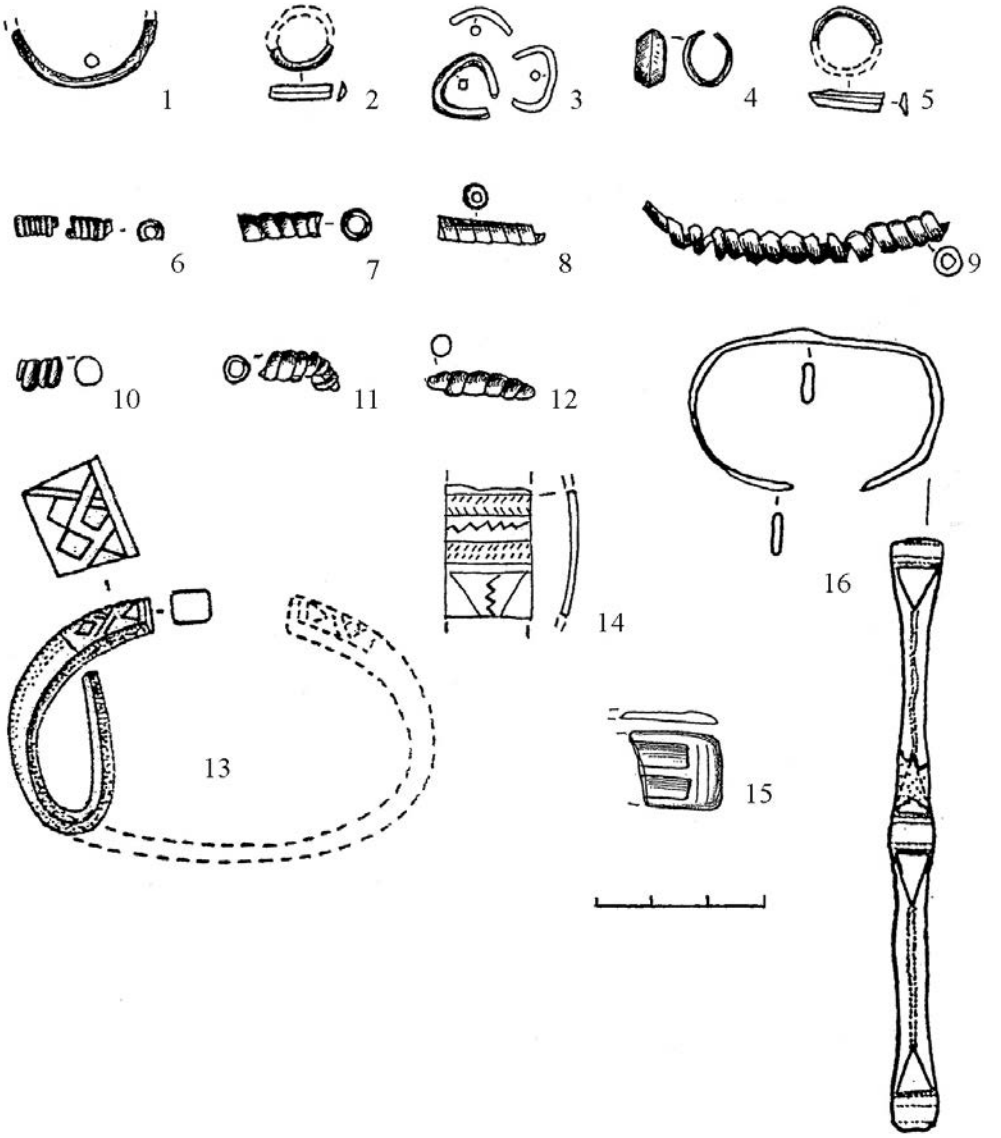


Рис. 79. Тайманово. Украшения: *1–5* – кольца; *6–12* – пронизки; *13–16* – браслеты

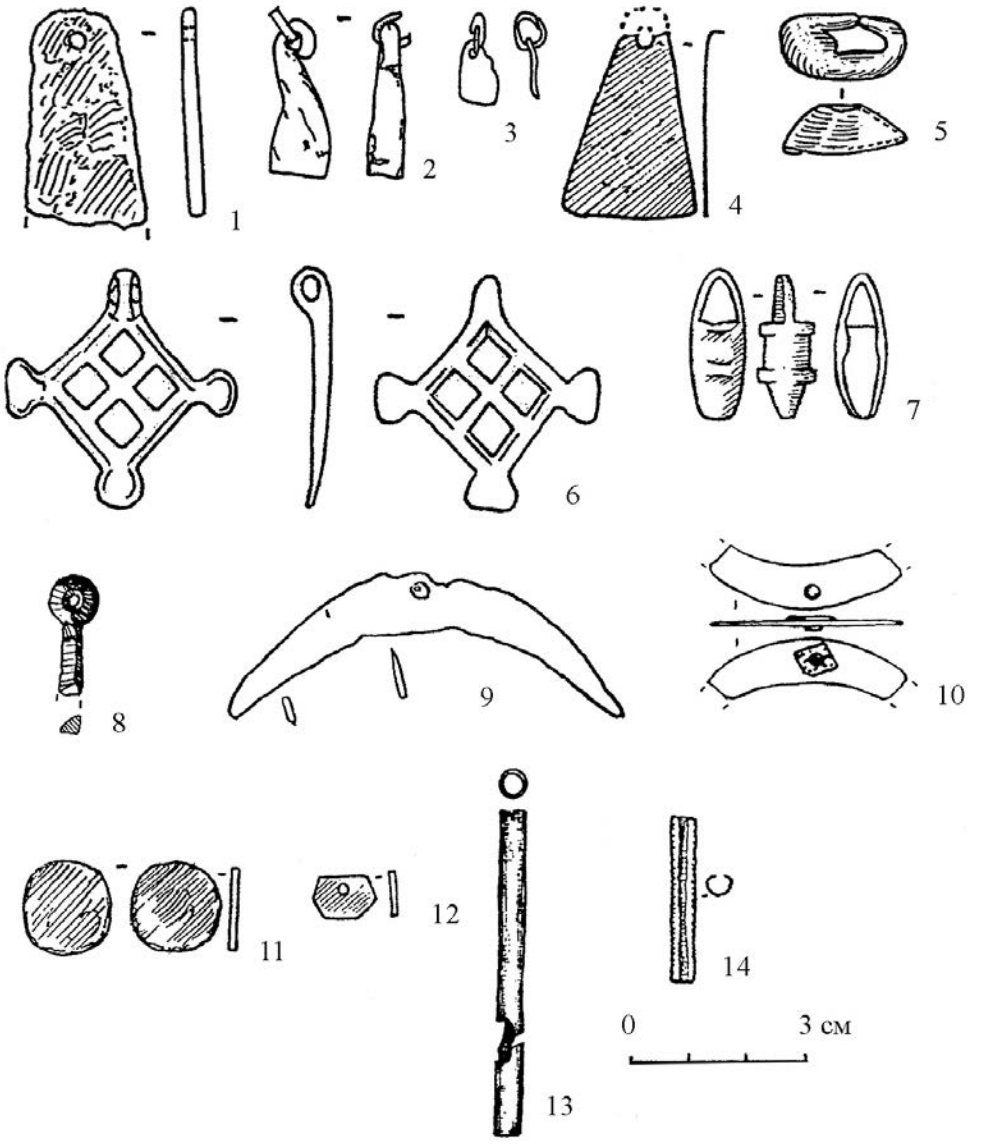


Рис. 80. Тайманово. Подвески

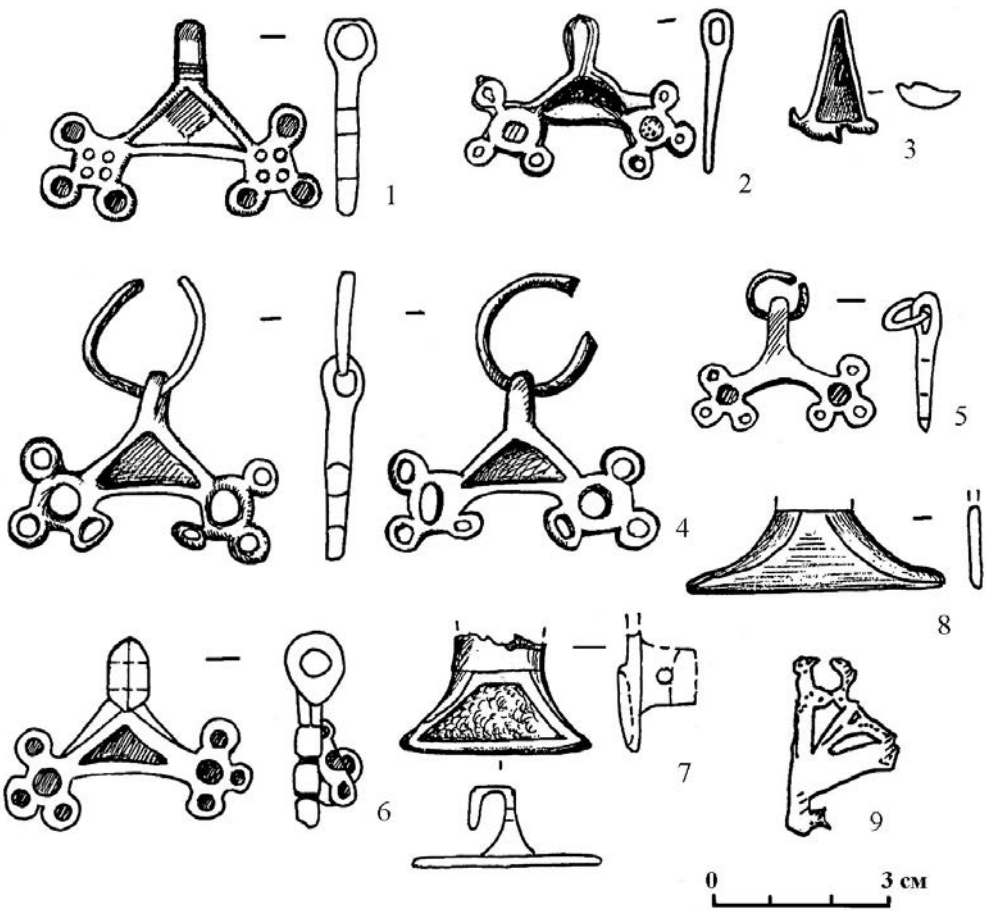


Рис. 81. Тайманово. Украшения: *1–8* – изделия с эмалью; *9* – ажурная фибула (фр.)

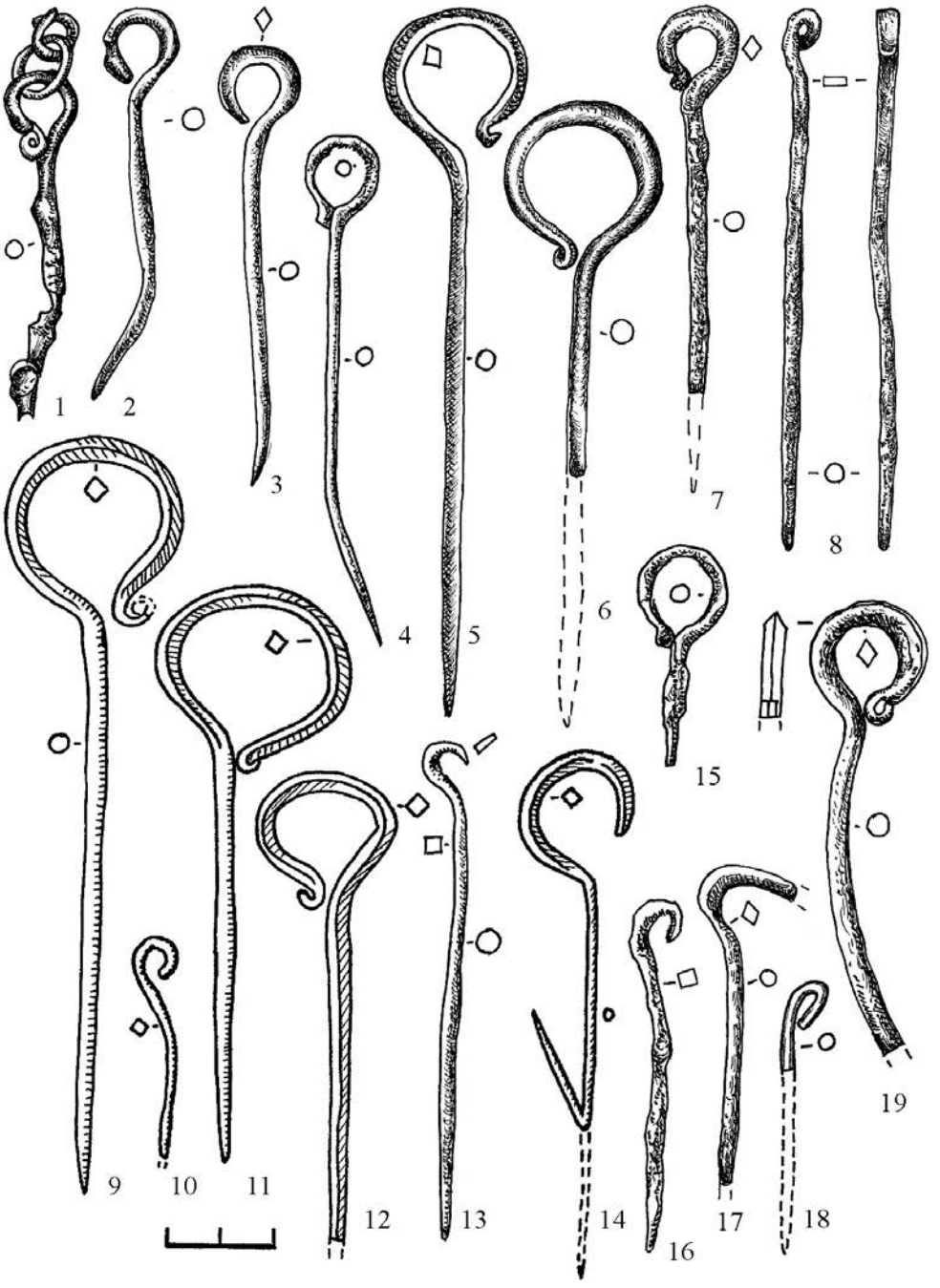


Рис. 82. Тайманово. Булавки

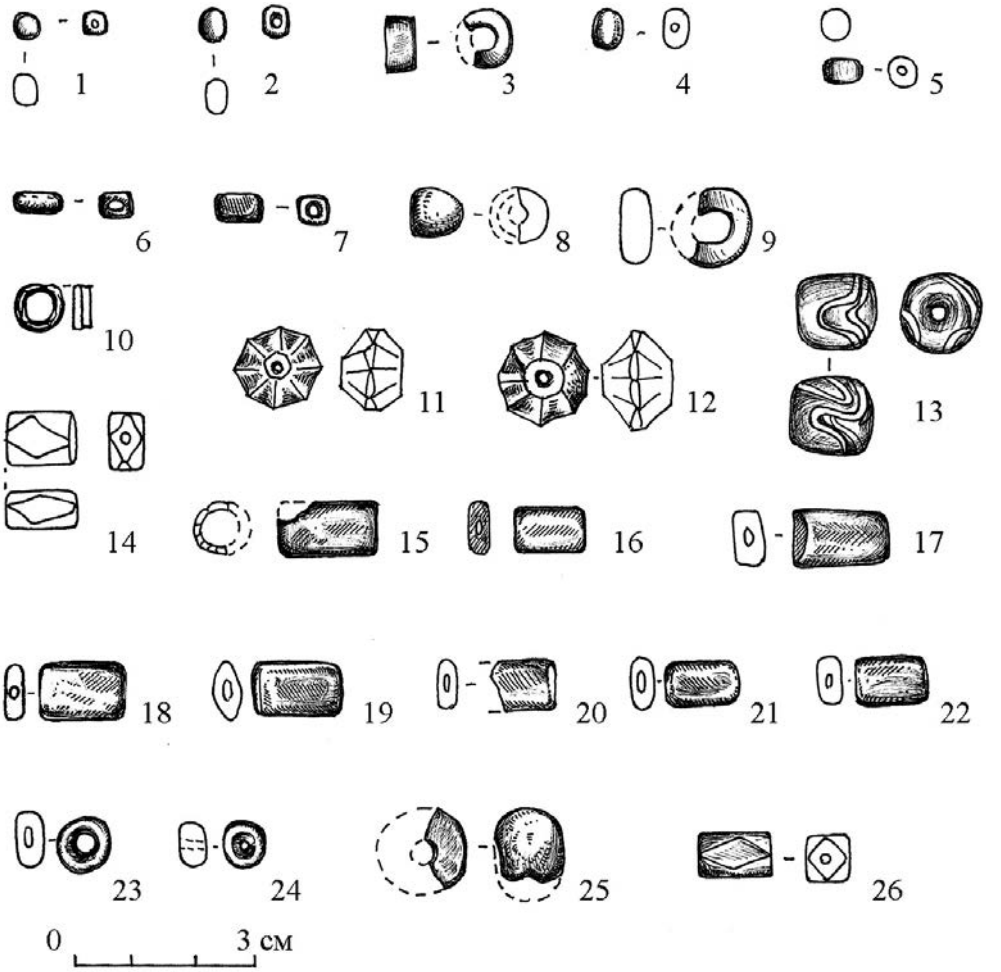


Рис. 83. Тайманово. Бусы стеклянные

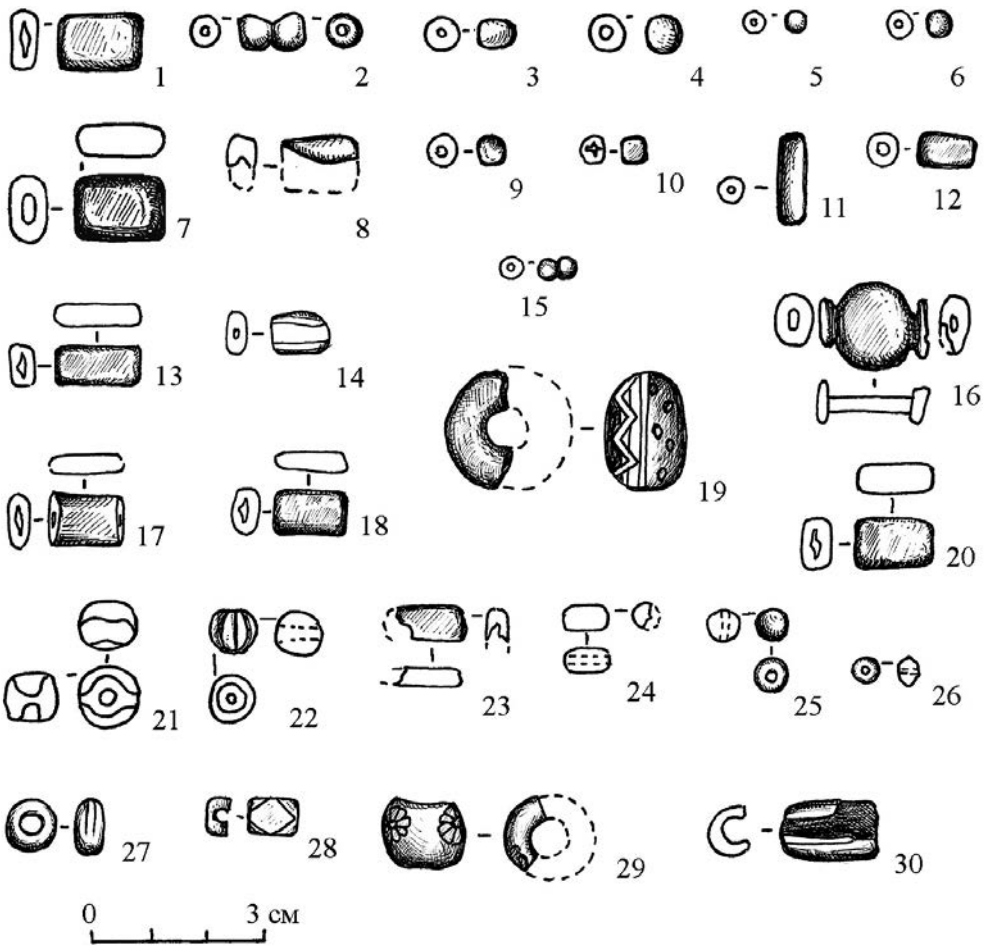


Рис. 84. Тайманово. Бусы стеклянные

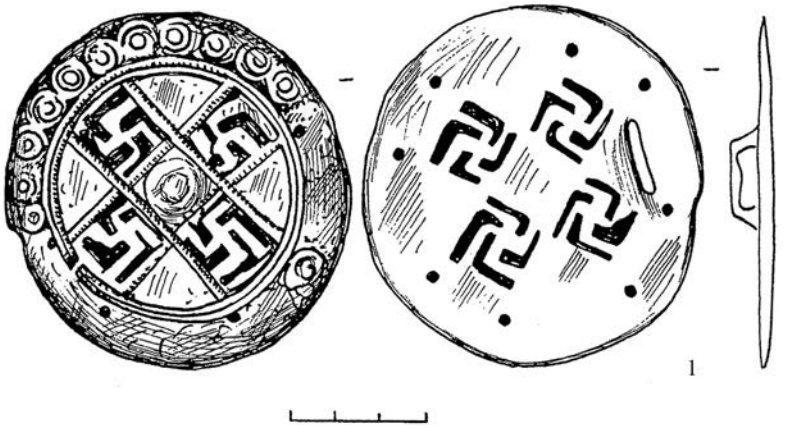


Рис. 85. Тайманово. Фибула круглая

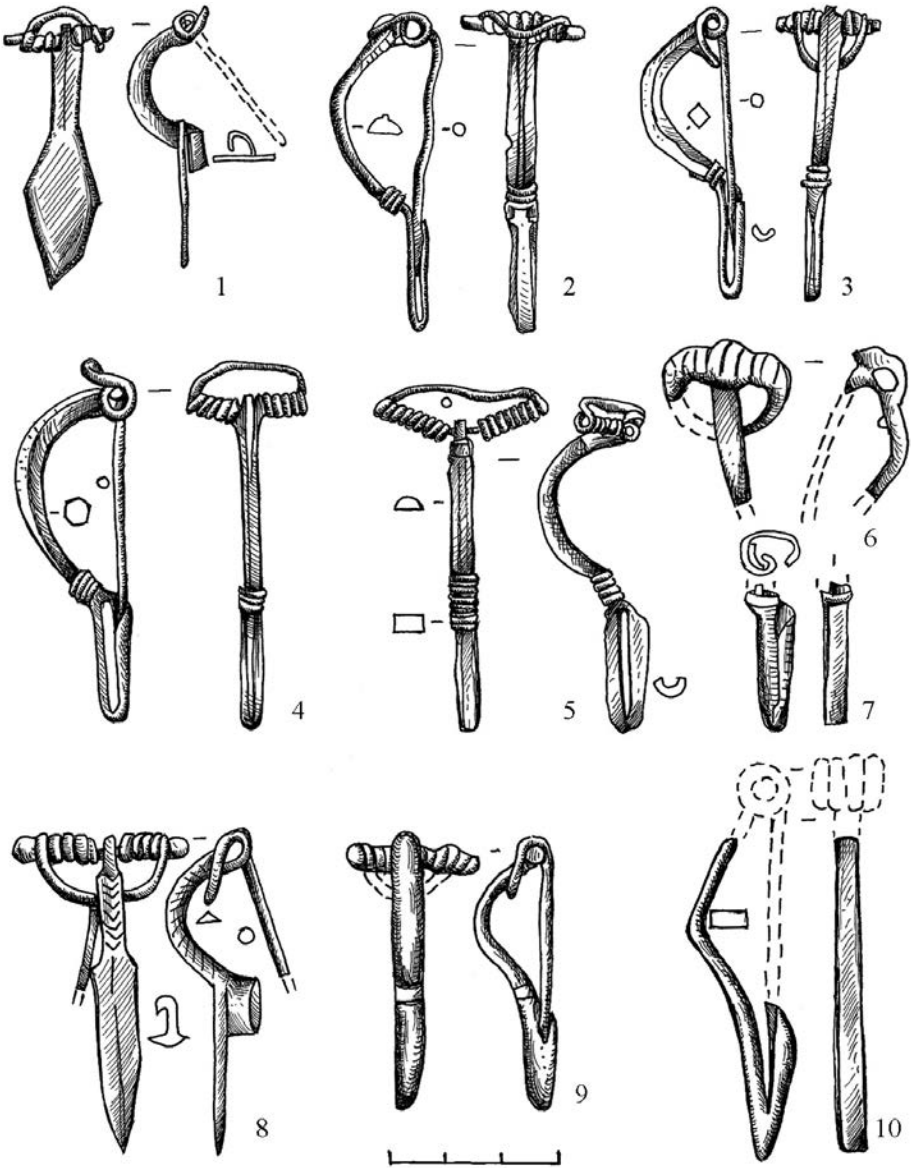


Рис. 86. Тайманово. Фибулы

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Архивные источники

1. Дробушевский, А. И. Отчет об археологической разведке в Кормянском и Чечерском районах Гомельской области в 1982 г. / А. И. Дробушевский // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 784.

2. Ильютик, А. В. Отчет об археологических раскопках в 2004 г. на городище Зборск Осиповичского р-на и селище Щатково Бобруйского р-на / А. В. Ильютик // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 2161.

3. Ильютик, А. В. Отчет об археологических раскопках в 2005 г. на городищах Прилепы Смолевичского р-на, Щатково Бобруйского р-на и Зборск Осиповичского р-на / А. В. Ильютик // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 2323.

4. Макушников, О. А. Отчет об археологических разведках в Гомельском Посожье в 1976–1980 гг. / О. А. Макушников / ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 701.

5. Макушников, О. А. Отчет об археологических разведках Посожской группы по изучению памятников средневековья в 1982 г. / О. А. Макушников // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 740.

6. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических работах в Белорусском Поднепровье в 1967 году / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 299.

7. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических раскопках селища и могильника I тыс. н. э. около Тайманово Быховского р-на Могилевской обл. в 1968 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 316.

8. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических исследованиях в Тайманово Быховского района в 1969 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 353.

9. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических раскопках в Белорусском Поднепровье в 1970 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 369.

10. Поболь, Л. Д. Отчет о полевых изысканиях в Белорусском Поднепровье в 1971 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 381.

11. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических изысканиях в Белорусском Поднепровье в 1972 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 417.

12. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических раскопках и разведках в Белоруссии в 1973 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 433.

13. Поболь, Л. Д. Отчет о полевых археологических изысканиях в Белоруссии в 1974 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 466.

14. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических изысканиях в Белорусском Поднепровье в 1975 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 507.

15. Поболь, Л. Д. Отчет об археологических изысканиях в Белорусском Поднепровье в 1976 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 540.

16. Поболь, Л. Д. Отчет о работах в Белорусском Поднепровье в 1977 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 558.

17. Поболь, Л. Д. Отчет о полевых работах в Белорусском Поднепровье в 1978 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 584.

18. Поболь, Л. Д. Отчет о полевых археологических изысканиях в Белорусском Поднепровье в 1979 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 616.

19. Поболь, Л. Д. Отчет о полевых археологических работах в Тайманове Могилевской области в 1980 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 654.

20. Поболь, Л. Д. Отчет о полевых изхысканиях в 1981 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 763.

21. Поболь, Л. Д. Археологические изыскания в Тайманове Могилевской области в 1982 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 781.

22. Поболь, Л. Д. Археологические изыскания в Тайманове Быховского района в 1983 г. / Л. Д. Поболь // ААНД ГНУ «Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси». – Арх. № 839.

Исследования и публикации

23. Абрамова, М. П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры / М. П. Абрамова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 209–229.

24. Александров, А. А. Бритвы III–IV вв. в контексте древностей Восточной Европы / А. А. Александров // Земля Псковская, древняя социалистическая: тез. докл. к науч.-практ. конф. – Псков, 1989. – С. 26–29.

25. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева. – М.: Наука, 1978. – 100 с. – (Свод археологических источников. – Г1-12).

26. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева. – М.: Наука, 1982. – 105 с. – (Свод археологических источников. – Г1-12).

27. Амброз, А. К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / А. К. Амброз. – М.: Наука, 1966. – 111 с. – (Свод археологических источников. – Д1-30).

28. Арсеньева, Т. М. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1985 гг. / Т. М. Арсеньева, С. И. Безуглов, И. В. Толочко. – М.: Палеограф, 2001. – 273 с., ил.

29. Баран, В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга / В. Д. Баран // Древности эпохи сложения восточного славянства. – М.: Наука, 1964. – С. 213–252. – (Материалы и исследования по археологии СССР. – № 116).

30. Баран, В. Д. Черняховская культура. Культуры позднеримского времени / В. Д. Баран, Б. В. Магомедов // Археология Украинской ССР: в 3 т. / Раннеславянский и древнерусский периоды. – Киев: Наук. думка, 1966. – Т. 3. – С. 70–100.

31. Башкатов, Ю. Ю. До питання проходження слов'янського житла Середнього Подніпров'я / Ю. Ю. Башкатов //Vita antique. Збірка науковых статей. – Київ: ВПЦ «Кшвський університет», 2009. – № 7–8. – С. 227–235.

32. Башкатов, Ю. Ю. Позднезарубинецкие памятники Среднего Поднепровья / Ю. Ю. Башкатов, Р. В. Терпиловский // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.). – М.: ИА РАН, 2010. – С. 36–44. – (Раннеславянский мир. – Вып. 12).

33. Башкатов. Ю. Ю. Топография и планировка поселений, типы построек / Ю. Ю. Башкатов, Г. Л. Земцов // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.) – М.: ИА РАН, 2010. – С. 67–92.

34. Белоцерковская, И. В. Инвентарь женских погребений / И. В. Белоцерковская // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. – М., 2007. – С. 186–212. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 9).

35. Белявец, В. Г. Курадава I – шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся / В. Г. Белявец, В. С. Вяргей // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2002. – № 5. – С. 5–24.

36. Белявец, В. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў – стан і перспектывы даследаванняў / В. Белявец // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Bialorusi i Polski. – Warszawa, 2004. – S. 227–265.

37. Белявец, В. Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-I каля Пінска / В. Белявец, В. Вяргей // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2005. – № 20. – С. 87–106.

38. Белявец, В. Папярэднія вынікі вывучэння грунтовага могільніка вельбарскай культуры Пятровічы (Белая Гара) / В. Белявец // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2006. – Вып. 22. – С. 79–101.

39. Белявец, В. Г. Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускім Палессі / В. Г. Белявец // Актуальныя праблемы гісторыка-культурнага развіцця Палесся ў першай палове I тысячагоддзя н. э. / Раздел II. Белорусское Полесье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 345–394. – (Славянские древности Беларуси).

40. Белявец, В. Г. Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці тэрыторыі Беларусі на мяжы II/III – пачатку V ст. н. э. / В. Г. Белявец // Актуальныя праблемы гісторыка-культурнага развіцця Палесся ў першай палове I тысячагоддзя н. э. / Раздел II. Белорусское Полесье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 394–461. – (Славянские древности Беларуси).

41. Бидзиля, В. И. Липицкая культура / В. И. Бидзиля, И. П. Русанова // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 96–104.

42. Битнер-Врублевска, А. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмалями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур / А. Битнер-Врублевска // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 254. – М., 2019. – С. 171–210.

43. Бломквист, Е. А. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища, хозяйственные строения) / Е. А. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 31. – С. 4–458.

44. Бобровская, О. В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) / О. В. Бобровская // Сто лет черняховской культуре: сб. науч. ст. – Киев, 1999. – С. 150–170.

45. Бубенько, Т. С. Селище археологического комплекса у деревни Зароново Витебского района Витебской области: исследования 2017–2018 гг. / Т. С. Бубенько // Раздел III. Белорусское Подвинье и Днепро-Двинское междуречье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 2. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 272–298. – (Славянские древности Беларуси).

46. Бубенько, Т. С. Археологический комплекс в деревне Старое Село Витебского района Витебской области: предварительные итоги и перспективы изучения / Т. С. Бубенько,

П. Н. Подгурский / Раздел III. Белорусское Подвинье и Днепро-Двинское междуречье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 2. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 298–329. – (Славянские древности Беларуси).

47. Бяліцкая, Г. Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоўях р. Гарынь / Г. Бяліцкая // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2007. – Вып. 23. – С. 107–123.

48. Бяліцкая, Г. М. Даследаванні ва ўрочышчы Хабішча ў 2010 г. / Г. М. Бяліцкая // Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – Вып. 23. – С. 177–179.

49. Бяліцкая, Г. М. Праблемы вылучэння позназарубінецкіх комплексаў у Прыпяцкім Палессі / Г. М. Бяліцкая // Раздел I. Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тысячелетия н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – С. 451–503. – (Славянские древности Беларуси).

50. Бяліцкая, Г. М. Паселішча каля вёскі Бярэжцы Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці / Г. М. Бяліцкая, А. А. Байкоўская, В. М. Харытановіч // Раздел II. Белорусское Полесье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 514–555. – (Славянские древности Беларуси).

51. Бяліцкая, Г. М. Адкрыццё паселішча каля вёскі Яскавічы Салігорскага раёна Мінскай вобласці. Даследаванне 2017 г. / Г. М. Бяліцкая // Раннеславянскія помнікі другой чвэрці I тысячагоддзя н. э. ў басейне Прыпяці / Раздел II. Белорусское Полесье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 561–573. – (Славянские древности Беларуси).

52. Вакуленко, Л. В. Народ тайфалів та археалогічна культура / Л. В. Вакуленко // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов: сб. науч. тр. к 10-летию Германо-Славянской экспедиции Харьковского нац. ун-та им. В. Н. Каразина. – Харьков: Тимченко, 2009. – С. 222–230.

53. Вакуленко, Л. В. Українські Карпати у тзньоримський час (етнокультурні та соціально-економічні процеси) / Л. В. Вакуленко. – Київ, 2010.

54. Васкс, А. В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии / А. В. Васкс. – Рига: Занатне, 1991. – 197 с.

55. Вергей, В. С. Раннеславянское поселение Струга-1 на нижней Горыни / В. С. Вергей // Archaeoslavica. – Krakow, 1994. – № 2. – S. 63–85.

56. Вергей, В. С. Селище у дер. Лемешевичи на Припяти / В. С. Вергей // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 5. – Минск, 1994. – С. 133–151.

57. Винокур, И. С. Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы / И. С. Винокур // Древности эпохи сложения восточного славянства. – М.: Наука, 1964. – С. 176–185. – (Материалы по археологии СССР. – № 116).

58. Воронцов, А. М. Городище Велегож на правобережье Верхней Оки / А. М. Воронцов, Е. В. Столяров // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 4. – Ч. 1. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. – С. 9–56.

59. Воронцов, А. М. Тамга на предметах мощинской культуры / А. М. Воронцов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 2. – Ч. 1. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. – С. 69–76.

60. Воронятов, С. В. Сарматский и южно-балтийский культурные ипульсы постзарубинецких древностей горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II в.): дис. ... канд. ист. наук / С. В. Воронятов. – СПб., 2018.

61. Воротинская, Л. С. Археологические исследования Горошковского могильника в 2014 г. / Л. С. Воротинская, А. И. Дробушевский // Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гг. / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 27. – Мінск: Беларус. навука, 2016. – С. 5–19.

62. Воротинская, Л. С. Исследования Южно-Белорусской экспедиции на зарубинецком могильнике Горошков (предварительные результаты) / Л. С. Воротинская, А. И. Дробушевский // Даследаванне беларускіх старажытнасцей / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 30. – Мінск: Беларус. навука, 2019. – С. 173–181.

63. Вяргей, В. С. Даследаванне пражскай культуры ў Беларускім Палессі / В. С. Вяргей // Раздел II. Белорусское Полесье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – С. 574–621. – (Славянские древности Беларуси).

64. Гавритухин, И. О. Финал черняховской культуры / И. О. Гавритухин // Глава I. Днепровское лесостепное левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. – М., 2007. – С. 9–14. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 9).

65. Гопкало, О. В. Бусы и подвески черняховской культуры / О. В. Гопкало. – Киев, 2008. – 256 с., ил.

66. Гопкало, О. В. Черняховский могильник Ружичанка / О. В. Гопкало // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 3. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. – С. 330–400.

67. Гороховский, Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины / Е. Л. Гороховский // Труды V Междунар. конгресса археологов-славистов. – Киев, 1988. – Т. 4. – С. 34 – 46.

68. Горюнов, Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е. А. Горюнов. – Л.: Наука, 1981. – 135 с.

69. Горюнов, Е. А. Могильники колочинской культуры / Е. А. Горюнов // Трансформация и взаимовлияние в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (СПб., 14–17 ноября 2000 г.). – СПб., 2004. – С. 10–17.

70. Гуревич, Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья / Ф. Д. Гуревич. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 233 с.

71. Гурин, М. Ф. Древнее железо Белорусского Поднепровья: (I тысячелетие н. э.) / М. Ф. Гурин. – Минск: Наука и техника, 1982. – 126 с., ил.

72. Гурын, М. Ф. Гарадзішча Ліпнякі / М. Ф. Гурын, М. І. Лашанкоў // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1984. – № 2. – С. 67–73.

73. Гурын, М. Ф. Узнікненне, развіццё металургіі і апрацоўка жалеза / М. Ф. Гурын // Археалогія Беларусі: у 4 т. – Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – Т. 2. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – С. 10–28.

74. Данилайте, Е. А. Штрихованная керамика в Литве (некоторые данные по вопросу об этногенезе литовцев): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Данилайте. – Вильнюс, 1967. – 32 с.

75. Даниленко, В. Н. Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днепра / В. Н. Даниленко // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. – К., 1955. – Вып. 4. – С. 27–29.

76. Даниленко, В. М. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу / В. М. Даниленко // Археологія. – Київ: Наук. думка, 1976. – Вып. 19. – С. 65–92.

77. Деопик, В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. / В. Б. Деопик // Советская археология. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – № 3. – С. 202–232.

78. Дідик, В. В. Лунниці з виїмчастими емалями з пізньозарубинецьких пам'яток вододілу Дніпра і Дону / В. В. Дідик // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава: ВЦ «Археалогія» ЦОДПА, 2000. – Ч. 1–2. – С. 77–79.

79. Драбушэўскі, А. І. Уваравічы / А. І. Драбушэўскі, А. А. Макушнікаў // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 2. – С. 363–364.

80. Дробушевский, А И. Шепотовичское городище эпохи раннего железа / А. И. Дробушевский, М. И. Лошенков // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1995. – № 6. – С. 33–51.

81. Дробушевский, А. И. Погребальные памятники рубежа н. э. Нижнего Посожья / А. И. Дробушевский // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1996. – № 9. – С. 119–129.

82. Дробушевский, А. И. Уваровичское рало / А. И. Дробушевский // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Минск, 1996. – № 10. – С. 5–7.

83. Дробушевский, А. Хронология чечерской группы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры / А. Дробушевский // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 22. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. – С. 66–74.

84. Дробушевский, А. И. Памятники чечерской группы (типа Кистени-Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний / А. И. Дробушевский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы периода римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 3. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. – С. 306–329.

85. Дробушевский, А. И. Городища периода римских влияний на территории Республики Беларусь / А. И. Дробушевский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов – Конференция 4. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. – С. 163–177.

86. Дробушевский, А. И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья / А. И. Дробушевский / Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тыс. н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 38–136. – (Славянские древности Беларуси).

87. Дубіцкая, Н. М. Пасяленне па-над Бярэзінай / Н. М. Дубіцкая // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 1984. – № 4. – С. 42–43.

88. Дубицкая, Н. Н. Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь / Н. Н. Дубицкая // Старажытнасці Бабруйшчыны. – Бабруйск, 1998. – С. 5–17.

89. Дубицкая, Н. Н. Раскопки селища у д. Симоновичи Глусского района Могилевской области / Н. Н. Дубицкая // Старажытнасці Бабруйшчыны. – Мінск; Бабруйск, 1998. – Вып. 2. – С. 31–38.

90. Дубицкая, Н. Н. Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь / Н. Н. Дубицкая // Глуская зямля: дыялог з гісторыяй. – Глуск, 1999. – С. 5–22.

91. Дубицкая, Н. Н. Поселение I тысячелетия нашей эры Симоновичи на р. Птичь / Н. Н. Дубицкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2002. – № 5. – С. 93–101.

92. Дубицкая, Н. Н. Городище раннего железного века у д. Отрубы / Н. Н. Дубицкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 2003. – № 7. – С. 60–74.

93. Дубицкая, Н. Н. Поселение Симоновичи на р. Птичь / Н. Н. Дубицкая // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: материалы Междунар. историко-археологической конф. (19–20 октября 2004 г.). – Гомель, 2004. – С. 66–76.

94. Дубицкая, Н. Н. Раскопки городища у д. Отрубы Жлобинского района Гомельской области в 2002 г. / Н. Н. Дубицкая // Древности Белоруссии (железный век и средне-

вековье) / Материалы по археологии Беларуси. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. – Вып. 9. – С. 80–89.

95. Дубицкая, Н. Н. Раскопки городища у д. Отрубы на Нижней Березине / Н. Н. Дубицкая // Открыть миру душу белоруса»: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 150-годдзю з дня нараджэння Е. Р. Раманава. – Гомель, 2005. – С. 50–57.

96. Дубицкая, Н. Н. Исследования городища у д. Красная Горка Жлобинского района / Н. Н. Дубицкая // Древности Беларуси в системе межкультурных связей / Материалы по археологии Беларуси. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2006. – Вып. 11. – С. 50–57.

97. Дубицкая, Н. Н. Средневековые материалы из селища Прудок Светлогорского района Гомельской области / Н. Н. Дубицкая // Археалогія эпохі сярэдневякоўя (да 75-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. – Вып. 12. – С. 106–110.

98. Дубицкая, Н. Н. Новые результаты полевых исследований памятников железного века в бассейне Нижней Березины и Днепра / Н. Н. Дубицкая // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2007. – Вып. 23. – С. 210–211.

99. Дубицкая, Н. Н. Раскопки городища у д. Отрубы на Нижней Березине в 2006 г. / Н. Н. Дубицкая // Археалогія эпохі сярэднявечча (да 80-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2008. – Вып. 15. – С. 194–204.

100. Дубицкая, Н. Н. Раскопки на городище у д. Красная Горка Жлобинского района Гомельской области / Н. Н. Дубицкая // Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 г. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2009. – Вып. 17. – С. 162–168.

101. Дубицкая, Н. Н. Изучение древностей I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье / Н. Н. Дубицкая // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Вып. 25: да юбілею з дня заснавання Інстытута гісторыі НАН Беларусі. – С. 239–243.

102. Дубицкая, Н. Н. Полуземляночные постройки поселения Тайманово Быховского района Могилевской области / Н. Н. Дубицкая // Актуальныя праблемы ранняй гісторыі славян: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 верасня 2009 г. / Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – С. 84–96.

103. Дубицкая, Н. Н. Таймановский комплекс в системе древностей III–VIII вв. в Белорусском Поднепровье / Н. Н. Дубицкая // Основные итоги археологических исследований на территории Беларуси в 2006–2010 годах. – Минск, 2011. – Т. 2: Культуры эпохи камня, бронзы, железа и раннего средневековья. – С. 86–92.

104. Дубицкая, Н. Н. Изделия из глины на территории культуры Абидня в Белорусском Поднепровье / Н. Н. Дубицкая // Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гг. / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – Вып. 23. – С. 86–92.

105. Дубицкая, Н. Н. Раскопки поселения Симоновичи на р. Птичь / Н. Н. Дубицкая // Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца) / Н. Н. Дубицкая // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 2013. – Вып. 24. – С. 91–98.

106. Дубицкая, Н. Н. Новые находки оружия I тыс. н. э. в бассейне Березины / Н. Н. Дубицкая // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2012 г. – Гомель: ГГУ им Ф. Скорины, 2013. – С. 24–27.

107. Дубицкая, Н. Н. Раскопки городища Красная Горка в 2011 году / Н. Н. Дубицкая // Вынікі даследавання першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2011–2012 гг. / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – Вып. 25. – С. 285–287.

108. Дубицкая, Н. Н. Стеклянные бусы из археологического комплекса Тайманово / Н. Н. Дубицкая, Л. Д. Поболь // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – Вып. 29. – С. 267–275.

109. Дубицкая, Н. Н. Постзарубинецкие памятники Белорусского Поднепровья / Н. Н. Дубицкая // Раздел I. Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тысячелетия н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 137–145. – (Славянские древности Беларуси).

110. Дубицкая, Н. Н. Памятники культуры Абидня / Н. Н. Дубицкая / Могилевское Поднепровье в римское время // Раздел I. Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тысячелетия н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 284–333. – (Славянские древности Беларуси).

111. Дубицкая, Н. Н. Постзарубинецкие памятники Белорусского Поднепровья / Н. Н. Дубицкая // Раздел I. Белорусское Поднепровье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 139–147. – (Славянские древности Беларуси).

112. Дубицкая, Н. Н. Памятники культуры Абидни / Н. Н. Дубицкая / Могилевское Поднепровье в римское время // Раздел I. Белорусское Поднепровье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 286–335. – (Славянские древности Беларуси).

113. Дубицкая, Н. Н. Население Припятского Полесья в I тысячелетии н. э. / Н. Н. Дубицкая // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2021. – Т. 66, № 2. – С. 163–168.

114. Дубицкая, Н. Н. Итоги изучения древностей второй четверти I тысячелетия нашей эры в Белорусском Поднепровье / Н. Н. Дубицкая // Полесье в прошлом: к 90-летию со дня рождения П. Ф. Лысенко. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – С. 71–76.

115. Дубицкая, Н. Н. Предметы бытового назначения на памятниках Гомельского и Могилевского Поднепровья первой половины I тысячелетия нашей эры / Н. Н. Дубицкая // Полесье в прошлом: к 90-летию со дня рождения П. Ф. Лысенко. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – С. 77–85.

116. Дубіцкая, Н. М. Тэхналагічныя прыёмы вытворчасці посуду на зарубінецкім паселішчы Дражня ў Верхнім Падняпроўі / Н. М. Дубіцкая // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1988. – № 2. – С. 64–70.

117. Дубіцкая, Н. М. Атрубы / Н. М. Дубіцкая // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1. – С. 70.

118. Дубіцкая, Н. М. Вывучэнне помнікаў жалезнага веку і ранняга сярэднявечча ў басейне Ніжняй Бярэзіны / Н. М. Дубіцкая // Шацілкаўскія чытанні: матэрыялы II гісторыка-краязнаўчай канф. у Светлагорску (да 450-годдзя Шацілак). – Светлагорск, 2011. – С. 3–10.

119. Дубіцкая, Н. М. Помнікі ранняга жалезнага веку на тэрыторыі Жлобінскага раёна. Раскопкі гарадзішчаў Гарадок, Чырвоная Горка / Н. М. Дубіцкая // Шацілкаўскія чытанні: зб. навук. арт. – Светлагорск, 2011. – II вып. – С. 4–9.

120. Дубіцкая, Н. М. Прудок / Н. М. Дубіцкая // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. – С. 226–227.

121. Дубіцкая, Н. М. Сіманавічы / Н. М. Дубіцкая // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. – С. 292.

122. Дубіцкая, Н. М. Тайманава / Н. М. Дубіцкая, Л. Д. Побаль // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. – С. 343–344.

123. Егарэйчанка, А. А. Зарубінецкая культура / А. А. Егарэйчанка // Археалагія Беларусі: у 4 т. – Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – С. 232–289.

124. Егарэйчанка, А. А. Давыд-Гарадок / А. А. Егарэйчанка // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1. – С. 285.

125. Егорейченко, А. А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области / А. А. Егорейченко // Archaeoslavica. – Krakow, 1991. – № 1. – S. 61–82.

126. Егорейченко, А. А. Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 207 с.

127. Егорейченко, А. А. Памятники культур штрихованной керамики на северо-западе и в Центральной Беларуси / А. А. Егорейченко // Этнокультурное развитие региона в I тысячелетии н. э. / Раздел III. Белорусское Подвинье и Днепро-Двинское междуречье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 2. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 5–66. – (Славянские древности Беларуси).

128. Енуков, В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей / В. В. Енуков. – М., 1990. – 262 с.

129. Зайкоўскі, Э. М. Новыя знаходкі бронзавых рэчаў з выемчатымі эмалямі / Э. М. Зайкоўскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 20: Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. – С. 165–172.

130. Засецкая, И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.) / И. П. Засецкая. – Гос. Эрмитаж. – СПб.: Эллипс Лтд, 1994. – 224 с.

131. Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго. – Минск: Наука и техника, 1989. – 208 с., ил.

132. Звяруга, Я. Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўе / Я. Г. Звяруга // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2005. – Вып. 10. – 174 с.

133. Звяруга, Я. Г. Паселішча на беразе возера Свір / Я. Г. Звяруга, А. М. Мядведзеў // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1994. – № 3. – С. 27 – 37.

134. Ильютик, А. В. Селище Дедново на Березине / А. В. Ильютик // Старажытнасці Бабруйшчыны. – Бабруйск, 1998. – С. 25–42.

135. Ильютик, А. В. Новые материалы из раскопок Дедновского поселения / А. В. Ильютик // Старажытнасці Беларусі. – Мінск; Бабруйск, 1998. – Вып. 2. – С. 49–70.

136. Ильютик, А. В. Керамика городищ железного века бассейна Березины / А. В. Ильютик // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1998. – № 13. – С. 24–39.

137. Ильютик, А. В. Пряслица второй четверти I тысячелетия н. э. с поселения Абидня / А. В. Ильютик, Л. Д. Поболь // Древности Белоруссии (железный век и средневековье) / Материалы по археологии Беларуси. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. – Вып. 9. – С. 106–111.

138. Ильютик, А. В. Керамика Абидни / А. В. Ильютик, Л. Д. Поболь // Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси (к 60-летию О. Н. Левко) / Материалы по археологии Беларуси. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2007. – № 14. – С. 18–36.

139. Ильютик, А. Бусы с поселения Абидня (Белорусское Поднепровье) / А. Ильютик, Л. Поболь // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – Вып. 25 (да юбілею з дня заснавання Інстытута гісторыі НАН Беларусі). – С. 244–251.

140. Ильютик, А. В. Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника / А. В. Ильютик // Могилевское Поднепровье в римское время // Раздел I. Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тысячелетия н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 198–247. – (Славянские древности Беларуси).

141. Ильютик, А. В. Могильники второй четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье / А. В. Ильютик // Могилевское Поднепровье в римское время / Раздел I. Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тысячелетия н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 247–284. – (Славянские древности Беларуси).

142. Ильютик, А. В. Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника / А. В. Ильютик // Могилевское Поднепровье в римское время / Раздел I. Белорусское Поднепровье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 200–248. – (Славянские древности Беларуси).

143. Ильютик, А. В. Могильники второй четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье / А. В. Ильютик // Могилевское Поднепровье в римское время / Раздел I. Белорусское Поднепровье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 249–286. – (Славянские древности Беларуси).

144. Исланова, И. В. Культурная принадлежность середины I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья / И. В. Исланова // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 2. – Ч. 1. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. – С. 215–230.

145. Ільюцік, А. У. Адаменка / А. У. Ільюцік, Л. Д. Побаль // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. эцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1. – С. 19–20.

146. Казакявичус, В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы / В. Казакявичус. – Вильнюс: Мокслас, 1988.

147. Казанский, М. Оружие киевской культуры / М. Казанский // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. – СПб.; Псков, 1997. – С. 262–269.

148. Казанский, М. М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Беларуси в начале средневековья / М. М. Казанский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. – Вып. 1. – С. 304–324.

149. Каспарова, К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья / К. В. Каспарова // Советская археология. – 1976. – № 3. – С. 128–140.

150. Каспарова, К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена / К. В. Каспарова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1984. – Вып. 25. – С. 108–117.

151. Каспарова, К. В. Поздняя фаза зарубинецких могильников / К. В. Каспарова // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: Куйбыш. гос. университет, 1986. – С. 5–25.

152. Каспарова, К. В. О времени возникновения зарубинецкой культуры / К. В. Каспарова // Археологические вести. – СПб.: Гелла, 1993. – № 2. – С. 169–190.

153. Кенько, П. М. Поселение Бирули II в системе синхронных древностей / П. М. Кенько, С. Д. Дернович // Раздел III. Белорусское Подвинье и Днепро-Двинское междуречье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 2. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 246–256. – (Славянские древности Беларуси).

154. Кенько, П. М. Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры с селища Черная Лоза / П. М. Кенько // Раздел III. Белорусское Подвинье и днепро-двинское междуречье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию

со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 2. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 256–264. – (Славянские древности Беларуси).

155. Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – М.: Наука, 1973. – (Свод археологических источников. – Е1-36).

156. Ковалевский, В. Н. Отопительные сооружения в раннесредневековых восточнославянских жилищах Днепро-Донского междуречья / В. Н. Ковалевский // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 2001. – Вып. 15. – С. 130–140.

157. Козак, Д. И. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора и оружие / Д. И. Козак // Юго-Восточная Европа в первой четверти I тыс. н. э. по археологическим данным // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев: Наук. думка, 1990. – С. 72–85.

158. Козак, Д. Н. Венеди / Д. Н. Козак. – Київ, 2008. – 470 с., ил.

159. Козак, Д. И. Поселення неврів та германців на Стирі / Д. И. Козак / НАН України, Ін-т археології. – Київ, 2012. – 264 с.

160. Колесникова, А. Ю. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей римского времени в бассейне Дона: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Колесникова. – Воронеж, 2020. – 234 с.

161. Корзухина, Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье / Г. Ф. Корзухина. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 120 с. – (Свод археологических источников. – Е1-43).

162. Коробушкина, Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина. – Минск: Наука и техника, 1979. – 120 с.

163. Кравченко, Н. М. Киевская культура / Н. М. Кравченко, Р. В. Терпиловский // Археологические культуры I тыс. н. э. // Археология Украинской ССР: в 3 т. – Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. – Киев: Наук. думка, 1986. – С. 100–113.

164. Краснов, Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) / Ю. А. Краснов // Советская археология. – 1978. – № 4. – С. 98–114.

165. Краснов, Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю. А. Краснов. – М.: Наука, 1987. – 237 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР. – № 174).

166. Кренке, Н. А. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища / Н. А. Кренке, Л. Д. Сулержицкий // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1988. – Вып. 194. Железный век. – С. 39–44.

167. Кропоткин, В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) / В. В. Кропоткин. – М.: Наука, 1970. – 280 с., ил. – (Свод археологических источников. – Д1-27).

168. Кропотов, В. В. Фибулы сарматской эпохи / В. В. Кропотов. – К.: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. – 384 с.: 105 ил.

169. Кухаренко, Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья / Ю. В. Кухаренко. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 60 с., ил. – (Свод археологических источников. – Вып. Д1-29).

170. Кухаренко, Ю. В. Средневековые памятники Полесья / Ю. В. Кухаренко. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 40 с., ил. – (Свод археологических источников. – Вып. Е-57).

171. Кухаренко, Ю. В. Зарубинецкая культура / Ю. В. Кухаренко. – М.: Наука, 1964. – 88 с., ил. – (Свод археологических источников. – Вып. Д1-19).

172. Лашанкоў, М. І. Аб часе з'яўлення ранніх «штрыхавікоў» у Паўднёва-Усходняй Беларусі / М. І. Лашанкоў // Тезісы дакладаў і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнар. кангрэсе славянскай археалогіі (Ноўгарад, 26–31 жніўня 1996 г.). – Мінск, 1996. – С. 50–52.

173. Лашанкоў, М. І. Матэрыяльная культура і заняткі насельніцтва / М. І. Лашанкоў // Раздзел 2. Мілаградская і паморская культуры // Археалогія Беларусі: у 4 т. / Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – Т. 2. – С. 46–70.

174. Лашанкоў, М. І. Пятровічы / М. І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 2. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – С. 238–239.

175. Левада, М. Е. Сухоносивка / М. Е. Левада // Terra Barbarica. Monumenta archaeological Barbarica. – Series Germina. – T. II. – Lodz-Warszawa, 2010. – С. 557–594.

176. Левко, О. Н. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области / О. Н. Левко, Ю. В. Колосовский // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 182–208.

177. Липкинг, Ю. А. Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посемье / Ю. А. Липкинг // Раннесредневековые восточнославянские древности. – Л.: Наука, 1974. – С. 136–152.

178. Лихтер, Ю. А. Стеклянные изделия из могильника Оселивка / Ю. А. Лихтер // Могильники черняховской культуры. – М.: Наука, 1988. – С. 101–110.

179. Лопатин, Н. В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. / Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев. – М.: Ин-т археологии РАН, 2007. – 252 с. – (Раннеславянский мир. – Вып. 8).

180. Лошенков, М. И. Городище милоградской культуры Старое Красное / М. И. Лошенков // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы Второй Гомельской обл. научной конф. по историческому краеведению. – Гомель, 1991. – С. 16–19.

181. Лошенков, М. И. Раскопки в Бобруйском районе / М. И. Лошенков // Магілёўшчына. – Магілёў, 1992. – Вып. III. – С. 9–17.

182. Лошенков, М. И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси / М. И. Лошенков. – Минск: МФЦП, 2011. – 406 с., ил.

183. Лухтан, А. Б. Война V века в Литве / А. Б. Лухтан // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1997. – № 11. – С. 15–20.

184. Любичев, М. В. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков (Ostrogothica-Serie: Bande, том 2): в 2 ч. / М. В. Любичев. – Ч. 1. – Харьков: Естет Принт, 2019. – 268 с.

185. Любичев, М. В. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков (Ostrogothica-Serie: Bande, том 2): в 2 ч. / М. В. Любичев. – Ч. 2. – Харьков: Естет Принт, 2019. – 368 с.

186. Любичев, М. В. Ранняя история: о реконструкции культурных и исторических процессов рисмкого времени в днепро-донецкой степи / М. В. Любичев // Черная и белая магия в древности (с ее полным разоблачением) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2022. – С. 349–364.

187. Магомедов, Б. В. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) / Б. В. Магомедов // Могильники черняховской культуры. – М.: Наука, 1979. – С. 33–59.

188. Магомедов, Б. В. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружие / Б. В. Магомедов // Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев: Наук. думка, 1990. – С. 160–172.

189. Магомедов, Б. В. Оружие черняховской культуры / Б. В. Магомедов, М. Е. Левада // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / НАН Украины, Крымское отд-ние Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского. – Симферополь: Таврия, 1996. – Вып. 5. – С. 304–323, 558–566.

190. Магомедов, Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса / Б. В. Магомедов. – Lublin: Wydawnictvo Uniwersytetu Marii Curie Sklodowskiey, 2001. – 276 с.

191. Максимов, Е. В. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева / Е. В. Максимов, Р. С. Орлов // Раннесредневековые восточнославянские древности. – Л.: Наука, 1974. – С. 11–21.

192. Максимов, Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР / Е. В. Максимов. – Киев: Наук. думка, 1982. – 184 с.

193. Максимов, Е. В. Типы жилых и хозяйственных сооружений / Е. В. Максимов // Глава I. Юго-Восточная Европа в первой четверти I тыс. н. э. по археологическим данным // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев: Наук. думка, 1990. – С. 34 – 38.

194. Максимов, Е. В. Киевская культура / Е. В. Максимов, Р. В. Терпиловский // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 106–122.

195. Макушников, О. А. Поселение второй половины I тысячелетия н. э. близ д. Носовичи в Нижнем Посожье / О. А. Макушников // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1994. – № 5. – С. 227–237.

196. Макушников, О. А. Раннесредневековая керамика городища Колочин I на Гомельщине / О. А. Макушников // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 217–233.

197. Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2009. – 218 с.

198. Макушников, О. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII ст. Социально-экономическая, этническая, культурная история / О. Макушников. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 566 с.

199. Макушнікаў, А. А. Гудок / А. А. Макушнікаў // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1. – С. 278.

200. Макушнікаў, А. А. Насовічы / А. А. Макушнікаў // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. – С. 126–127.

201. Мальм, В. А. Промыслы древнерусской деревни X–XIII вв. / В. А. Мальм // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – Вып. 1 // Труды Государственного исторического музея. – М.: Советская Россия, 1956. – Вып. 32. – С. 106–138.

202. Медведев, А. М. Посоховидные булавки / А. М. Медведев // Гісторычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1995. – № 7. – С. 172–201.

203. Медведев, А. М. Раскопки городища в Белыничском районе / А. М. Медведев // Гістарычны лёс Верхняга Падняпроўя. – Магілёў, 1995. – Ч. I: Археалогія. – С. 110–120.

204. Медведев, А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. – V в. н. э.) / А. М. Медведев. – Минск, 1996. – 200 с.

205. Медведев, А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье / А. М. Медведев. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 350 с.

206. Мельниковская, О. Н. Поселение у дер. Барсуки на р. Сож / О. Н. Мельниковская // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. – М., 1962. – Вып. 87. – С. 54–56.

207. Мельнiківська, О. М. Поселенне і могильник зарубинецької культури в Пивденней Белорусії / О. М. Мельниківська // Археологія. – Т. XVIII. – Київ: Наук. думка, 1965. – С. 195–205.

208. Мельниковская, О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О. Н. Мельниковская. – М.: Наука, 1967. – 195 с.

209. Мелюкова, А. И. Вооружение скифов / А. И. Мелюкова. – М.: Наука, 1964. – 91 с., 23 отд. табл. – (Свод археологических источников. – Вып. Д1-4).

210. Минасян, Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) / Р. С. Минасян // Советская археология. – 1978. – № 3. – С. 101–112.

211. Минасян, Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р. С. Минасян // Археологический сборник Госэрмитажа. – Л.: Наука, 1978. – № 19. – С. 74–85.

212. Минасян, Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) / Р. С. Минасян // Археологический сборник Госэрмитажа. – Л.: Наука, 1980. – № 21. – С. 68– 74.

213. Митрофанов, А. Г. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.) / А. Г. Митрофанов / АН БССР. Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.

214. Митрофанов, А. Г. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) / А. Г. Митрофанов // Из древнейшей истории балтских народов. – Рига: Зинатне, 1980. – С. 102–110.

215. Молчанова, Л. А. Материальная культура белорусов / Л. А. Молчанова. – Минск: Наука и техника, 1968. – 232 с.

216. Мядзведзеў, А. М. Кіеўская культура / А. М. Мядзведзеў // Кіеўская і вельбарская культуры // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – С. 290–298.

217. Нефедов, В. С. Височные кольца культуры смоленских длинных курганов (по материалам погребений Смоленского Поднепровья и Подвинья) / В. С. Нефедов // Российская археология. – М.: Наука, 2009. – № 3. – С. 35–41.

218. Никитина, Г. Ф. Гребни черняховской культуры / Г. Ф. Никитина // Советская археология. – 1969. – № 1. – С. 147–159.

219. Обломский, А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. М. Обломский. – М., 1983. – 20 с.

220. Обломский, А. М. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины (препринт) / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский, О. В. Петраускас. – Киев, 1990.

221. Обломский, А. М. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I–II вв. н. э. / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский. – М., 1991. – 177 с.

222. Обломский, А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. / А. М. Обломский. – М.; Сумы, 1991. – 287 с.

223. Обломский, А. М. Позднезарубинецкие памятники / А. М. Обломский // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. // Археология СССР: в 20 т. – М.: Наука, 1993. – С. 40–52.

224. Обломский, А. М. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья / А. М. Обломский // Archeologia o poczqtkach Slowian. – Krakow, 2005. – S. 137–156.

225. Обломский, А. М. Вещевой комплекс / А. М. Обломский, О. А. Радюш // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). – М.: Ин-т археологии РАН, 2007. – С. 27–39. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 10).

226. Обломский, А. М. Периодизация и хронология / А. М. Обломский, О. А. Радюш // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). – М.: Ин-т археологии РАН, 2007. – С. 40–44. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 10).

227. Обломский, А. М. Приложение 2. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фро-

лова и Е. Л. Гороховского) / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–V вв. н. э.). – М.: Ин-т археологии РАН, 2007. – С. 113–141. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 10).

228. Обломский, А. М. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга / А. М. Обломский // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.). – М.: Ин-т археологии РАН, 2010. – С. 16–35. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 12).

229. Обломский, А. М. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники востока Днепровского Левобережья и Верхнего Подонья. Продолжение темы / А. М. Обломский // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VIII: сб. науч. ст. – Севастополь: Альбатрос, 2022. – С. 147–173.

230. Оледзки, М. Вельбарская и пшеворская культуры на рубеже раннего и позднего римских периодов. Динамика поселенческо-культурных изменений в хронологическом освещении / М. Оледзки // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2002. – № 17. – С. 84–95.

231. Памятники народной архитектуры и быта Белоруссии: методическое пособие по выявлению и собиранию / Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры. – Минск: Полымя, 1979. – 120 с.

232. Перхавко, В. Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В. Б. Перхавко // Советская археология. – 1978. – № 3. – С. 113–126.

233. Пилипцевич, В. В. К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье / В. В. Пилипцевич // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: материалы Междунар. историко-археологической конф. (19–20 октября 2004 г.). – Гомель, 2004. – С. 134–143.

234. Пилипцевич, В. В. Особенности погребального обряда зарубинецкой культуры на территории Беларуси / В. В. Пилипцевич // Материалы по археологии Беларуси. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. – Вып. 9. – С. 16–25.

235. Пилипцевич, В. В. К вопросу о датировке оружия и могильников зарубинецкой культуры на территории Беларуси / В. В. Пилипцевич // Материалы по археологии Беларуси. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. – Вып. 9. – С. 90–97.

236. Побаль, Л. Д. Славянскае жыллё Беларусі (на матэрыялах селішча ў Тайманаве Магілеўскай вобласці) / Л. Д. Побаль, С. А. Сергачоў // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1975. – № 3. – С. 88–93.

237. Побаль, Л. Д. Праблемы славянскага этнагенезу (па даных археалагічных крыніц) / Л. Д. Побаль. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 28 с.

238. Побаль, Л. Д. Ніжняя Тошчыца / Л. Д. Побаль, Н. М. Дубіцкая // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. – С. 132–133.

239. Поболь, Л. Д. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье / Л. Д. Поболь // Древности Белоруссии. – Минск, 1966. – С. 205–217.

240. Поболь, Л. Д. Поселение железного века около д. Щатково Бобруйского района / Л. Д. Поболь // Белорусские древности. – Минск, 1967. – С. 182–242.

241. Поболь, Л. Д. О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня / Л. Д. Поболь, Д. В. Наумов // Доклады к XI конференции молодых ученых БССР. – Минск, 1967. – С. 424–441.

242. Поболь, Л. Д. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья / Л. Д. Поболь // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (март 1969 г.). – Минск, 1969. – С. 89–117.

243. Поболь, Л. Д. Поздний этап зарубинецкой культуры / Л. Д. Поболь // Глава V. Памятники Южной Беларуси / Раздел второй. Железный век // Очерки по археологии Белорусии. Часть I. – Минск: Наука и техника, 1970. – С. 168–183.

244. Поболь, Л. Д. Белорусское Поднепровье в I тысячелетии нашей эры / Л. Д. Поболь // I Micdzynarodowy kongres archeologii slowianskiej. – Warszawa, 1970. – T. II. – S. 306–324.

245. Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры) / Л. Д. Поболь / АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1971. – 232 с., ил.

246. Поболь, Л. Д. Связи зарубинецкой культуры с римским миром / Л. Д. Поболь// Acta archaeologia Carpathica. – Krakow, 1971. – T. XII. – Fasc. 1–2. – S. 227–237.

247. Поболь, Л. Д. Посоховидные булавки (о времени их появления, территории распространения и этнической принадлежности) / Л. Д. Поболь // Acta archaeologia Carpathica. – Krakow, 1971. – T. XII. – Fasc. 1–2. – S. 239–247.

248. Поболь, Л. Д. О новых археологических памятниках БССР VI–XI вв. / Л. Д. Поболь // Славяните и средиземноморският свят VI–XI век. – София, 1973. – С. 221–230.

249. Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры) / Л. Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1973. – 280 с., ил.

250. Поболь, Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.) / Л. Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1974. – 424 с., ил.

251. Поболь, Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье / Л. Д. Поболь // Раннесредневековые восточнославянские древности. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 159–180.

252. Поболь, Л. Д. Раскопки в Тайманово / Л. Д. Поболь // Археологические открытия за 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 343.

253. Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век / Л. Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с., ил.

254. Поболь, Л. Д. Жилища второй четверти I тысячелетия из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) / Л. Д. Поболь, А. В. Ильютик // Матэрыялы па археалогіі Беларусі (да 70-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі). – Мінск, 2001. – № 3. – С. 102–153.

255. Поболь, Л. Д. Поселение Абидня. Постройки 1, 2, 4, 5 / Л. Д. Поболь, А. В. Ильютик // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э. – М., 2002. – С. 54–74. – (Раннеславянский мир. – Вып. 4).

256. Поболь, Л. Д. Жилища второй четверти I тыс. н. э. из Абидни (по материалам раскопок 1962, 1965, 1966 гг.) / Л. Д. Поболь, А. В. Ильютик // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2002. – № 5. – С. 124–142.

257. Поболь, Л. Д. Могильник у д. Тайманово / Л. Д. Поболь, Н. Н. Дубицкая, В. В. Пилипцевич // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 28–60.

258. Поболь, Л. Д. Могильник Абидня в Верхнем Поднепровье / Л. Д. Поболь, А. В. Ильютик // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 61–70.

259. Поболь, Л. Д. Жилища на поселении Тайманово Быховского района Могилевской области (по материалам построек № 1, 2, 3, 4) / Л. Д. Поболь, Н. Н. Дубицкая // Древности Белоруссии (железный век и средневековье) / Материалы по археологии Беларуси. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. – Вып. 9. – С. 98–105.

260. Поболь, Л. Д. Полуземляночные постройки на поселении Тайманово Быховского района Могилевской области (по материалам построек № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12) / Л. Д. Поболь, Н. Н. Дубицкая // Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 годзе / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2009. – Вып. 17. – С. 38–51.

261. Поболь, Л. Д. Полуземляночные постройки № 13 – 51 из поселения Тайманово Быховского района Могилевской области / Л. Д. Поболь, Н. Н. Дубицкая // Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Вып. 20. – С. 143–164.

262. Приходнюк, О. М. Пеньковская культура (культурно-хронологический аспект исследования) / О. М. Приходнюк. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1998. – 170 с., ил.

263. Радюш, О. А. Новые памятники III–V вв. в Курском Посемье / О. А. Радюш // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2008. – Вып. 1. – С. 181–208.

264. Радюш, О. А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения памятников зарубинецкой культуры / О. А. Радюш // Военная археология: сб. материалов Проблемного Совета при Государственном Историческом музее. – М.: Русская панорама, 2011. – Вып. 2. – С. 6–31.

265. Радюш, О. А. Новые данные о распространении вещей круга выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра, Немана, Западного Буга, Западной Двины, Ловати на территории Беларуси и России (материалы к каталогу) / О. А. Радюш // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зб. навук. арт. памяці Аляксандра Плавінскага. – Мінск: Колорград, 2021. – С. 59–105.

266. Радюш, О. А. Вооружение и кавалерийское снаряжение населения западной части Восточной Европы (II в. до н. э. – V в. н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. / О. А. Радюш. – ИА РАН. – М., 2022. – 32 с.

267. Радюш, О. А. Вооружение и кавалерийское снаряжение населения западной части Восточной Европы (II в. до н. э. – V в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. / О. А. Радюш. – ИА РАН. – Т. 1. – М., 2022. – 482 с.

268. Радюш, О. А. Вооружение и кавалерийское снаряжение населения западной части Восточной Европы (II в. до н. э. – V в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. / О. А. Радюш. – ИА РАН. – Т. 2. – М., 2022. – 232 с.

269. Раппопорт, П. А. Древнерусское жилище / П. А. Раппопорт. – Л.: Наука, 1975. – 180 с. – (Свод археологических источников. – Е1-32).

270. Рассадин, С. Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос / С. Е. Рассадин. – Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. – 106 с.

271. Рассадин, С. Е. Юхновская культура в белорусско-российском Посожье / С. Е. Рассадин // Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси (к 60-летию О. Н. Левко) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2007. – Вып. 14. – С. 37–53.

272. Родинкова, В. Е. Браслеты Никодимовского городища / В. Е. Родинкова, А. А. Седин // Восточная Европа в средневековье. – М.: Наука, 2004. – С. 234–246.

273. Романов, Е. А. Две археологические разведки / Е. А. Романов // Могилевская старина. – Могилев, 1903. – Вып. III.

274. Румянцева, О. С. Бусы массовых типов / О. С. Румянцева // Глава 3. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. – М.: ИА РАН, 2007. – С. 214–245. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 9).

275. Румянцева, О. С. Серия бус с полихромным декором с территории Поочья и Среднего Поволжья позднеримского времени / О. С. Румянцева // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. – С. 90–110.

276. Румянцева, О. С. Стеклянные украшения поздней античности и раннего средневековья: свидетельства производства, этнографические параллели, проблемы интерпретации археологического материала / О. С. Румянцева // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 3. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. – С. 512–522.

277. Румянцева, О. С. Условия возникновения, проблема организации производства и возможные причины упадка стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (по итогам технического анализа) / О. С. Румянцева // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточнославянского стиля (III в.). – М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. – С. 221–226. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 18).

278. Румянцева, О. С. Производственный комплекс поселения Абидня позднеримского времни: первые результаты комплексного исследования / О. С. Румянцева, И. А. Сапрыкина, А. Н. Белицкая // Журнал Белорусского государственного университета. История. – Минск, 2022. – № 2. – 73–94.

279. Русанова, И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом / И. П. Русанова. – М.: Наука, 1973. – 100 с., ил. – (Свод археологических источников. – Вып. Е1-25).

280. Русанова, И. П. Славянские древности VI–VII вв. (культура пражского типа) / И. П. Русанова. – М.: Наука, 1976. – 216 с.

281. Русанова, И. П. Компоненты пшеворской культуры / И. П. Русанова // Труды V Междунар. конгресса археологов-славистов (Киев, 18–25 сент. 1985 г.). – Т. 4: Секция I. Древние славяне. – Киев: Наук. думка, 1988. – С. 195–199.

282. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – М.: Наука, 1982. – 327 с., ил.

283. Седов, В. В. Славяне в древности / В. В. Седов. – М.: НПБО «Фонд археологии», 1994. – 344 с., ил.

284. Седов, В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 624 с., ил. – (Studia historica).

285. Середа, Д. В. Классификация керамики колочинской культуры (по материалам памятников Днепровского Левобережья) / Д. В. Середа // Краткие сообщения Института археологии РАН. – М.: Наука, 2003. – Вып. 215. – С. 20–29.

286. Скворцов, К. Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. / К. Н. Скворцов // Материалы охранных археологических исследований. – М.: Ин-т археологии РАН, 2010. – Часть первая. – 302 с.

287. Скворцов, К. Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. / К. Н. Скворцов // Материалы охранных археологических исследований. – М.: Ин-т археологии РАН, 2010. – Часть вторая. – 807 с.

288. Слонов, В. Н. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц / В. Н. Слонов // Советская археология. – 1989. – № 1. – С. 199–205.

289. Соловьева, Г. Ф. Славянские курганы близ с. Демьянки / Г. Ф. Соловьева // Советская археология. – 1967. – № 1. – С. 187–198.

290. Сымонович, Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине / Э. А. Сымонович // Славяне накануне образования Киевской Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 97–137. – (Материалы и исследования по археологии СССР. – № 108).

291. Сымонович, Э. А. Раннесредневековое поселение Тазово под Курском / Э. А. Сымонович // Советская археология. – 1986. – № 4. – С. 183–193.

292. Тарасенко, В. Р. Раскопки городища Барсучья Горка / В. Р. Тарасенко // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., 1947. – Вып. 15. – С. 102–105.

293. Терпиловский, Р. В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. н. э. / Р. В. Терпиловский. – Киев: Наук. думка, 1984. – 125 с.

294. Терпиловский, Р. В. Памятники киевской культуры: свод археологических источников / Р. В. Терпиловский, Н. С. Абашина / АН Украины, Ин-т археологии. – Киев: Наук. думка, 1992. – 224 с.

295. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. / Р. В. Терпиловский. – Lublin: Wed-wo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2004. – 232 с.

296. Терпиловский, Р. В. Киевская и вельбарская культуры: проблемы контактов / Р. В. Терпиловский // Nowe materialy i interpretacje: stan dyskusij na temat kultury wiebarskiej. – Gdansk, 2007. – S. 353–364.

297. Терпиловский, Р. В. Глава 1. Историография древностей позднезарубинецкого периода / Р. В. Терпиловский // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.). – М.: ИА РАН, 2010. – (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – Вып. 12). – С. 8–15.

298. Тимофеенко, А. Г. Система расселения на территории Юго-Восточной Беларуси во II–VII вв. / А. Г. Тимофеенко // Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Вып. 20. – С. 171–194.

299. Тимощук, Б. О. Слов'яни північної Буковини V–IX стст. / Б. О. Тимощук. – Київ: Наук. думка, 1976. – 176 с.

300. Третьяков, П. Н. Чаплинское городище / П. Н. Третьяков // Памятники зарубинецкой культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 119–154. – (Материалы и исследования по археологии СССР. – № 70).

301. Третьяков, П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. – М.; Л.: Наука, 1966. – 347 с.

302. Третьяков, П. Н. У истоков древнерусской народности / П. Н. Третьяков. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. – 160 с.

303. Третьяков, П. Н. По следам древних славянских племен / П. Н. Третьяков. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. – 144 с.

304. Фролов, И. К. Фибулы-броши с выемчатой эмалью / И. К. Фролов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1974. – Вып. 140: Восточная Европа в I–II тыс. н. э. – С. 19–27.

305. Фролов, И. К. Лунницы с выемчатой эмалью / И. К. Фролов // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). – Рига: Зинатне, 1980. – С. 111–124.

306. Фурасьев, А. Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян / А. Г. Фурасьев // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 49: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории старого света: материалы Междунар. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 26–38.

307. Харитонович, З. А. Находки изделий с выемчатыми эмалями на территории Беларуси / З. А. Харитонович // Раздел I. Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тысячелетия н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 1. – Минск: Беларус. навука, 2016. – С. 175–197. – (Славянские древности Беларуси).

308. Хомякова, О. А. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры / О. А. Хомякова // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 3. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. – С. 255–280.

309. Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) / В. І. Шадыра. – Мінск, 2006. – 150 с.

310. Шадыра, В. І. Матэрыяльная культура археалагічнага комплексу на возеры Селява ў Днепра-Дзвінскім міжрэччы: I–VIII стст. н. э. / В. І. Шадыра // Раздел III. Белорусское Подвинье и Днепро-Двинское междуречье // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. – Кн. 2. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 66–124. – (Славянские древности Беларуси).

311. Шарова, О. А. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I тыс. н. э. / О. А. Шарова // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. – Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкаревой, 2004. – С. 65–72.

312. Шмидт, Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства: Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.) / Е. А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 207 с.

313. Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2003. – 295 с.

314. Шмидт, Е. А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2008. – 256 с.: ил.

315. Шмидт, Е. А. Шугайлово (комплекс археологических памятников) / Е. А. Шмидт. – Смоленск: Свиток, 2013. – 135 с., ил.

316. Штыхаў, Г. В. Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска / Г. В. Штыхаў // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 259–274.

317. Щукин, М. Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой / М. Б. Щукин // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1972. – Вып. 14. – С. 43–52.

318. Щукин, М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций / М. Б. Щукин // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1979. – Вып. 20. – С. 66–89.

319. Щукин, М. Б. Рождение славян / М. Б. Щукин // Stratum: культуры и катастрофы. – Кишинев, 1997. – С. 110–147.

320. Щукин, М. Б. Реплика по поводу «киевской культуры» / М. Б. Щукин // Европейская Сарматия: сб., посвящ. Марку Борисовичу Щукину. – СПб., 2011. – Т. XLIX. – С. 239–244.

321. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. – Киев: Наук. думка, 1985. – 183 с.

322. Andrzejowski, J. Nadkole 2. A cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland / J. Andrzejowski. – Kraków: Secesja, 1998. – (Monumenta Archaeologica Barbarica. – T. V).

323. Andrzejowski, J. Hryniewicze Wielkie – cmentarzysko z pogranicza dwych swiatyw / J. Andrzejowski // Comhlam. Studia z archeologii okresu pzedrzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65. Rocznice urodzin. – Warszawa, 1999. – S. 17–59.

324. Banyti-Rowell, R. From Aestii to Esti. Conections between the Western Lithuanian group and the area of distribution of tarrand-graves / R. Banyti-Rowell, A. Bitner-Wróblewska // Culture and material culture. – Interarchaeologia, 1. – Tartu-Riga-Vilnius, 2005. – P. 105–120.

325. Bitner-Wróblewska, A. Cmentarzysko w Podliszewie, woj. Podlaskie. Między kulturą bogaczewską a sudowską / A. Bitner-Wróblewska, P. Iwanicki // Varia Barbarica. Zenoni Wożniak ab amicis dicata. – Warszawa-Lublin, 2002. – S. 105–184. – (Monumenta archaeological Barbarica. – Series gemina. – T. I: Fund).

326. Bitner-Wróblewska, A. Netta. A Balt cemetery in Northeastern Poland / A. Bitner-Wróblewska. – Warszawa, 2007. – (Monumenta Archaeologica Barbarica. – T. XII).

327. Bitner-Wróblewska, A. East European enameled ornaments and the character of contacts between the Baltic Sea and the Balck Sea / A. Bitner-Wróblewska // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. – Kristiansand – Simferopol: «Dolya» Publishing House, 2011. – P. 11–24.

328. Booth, A. Reassessing the long chronology of the penannular brooch in Britain exploring changing styles, use and meaning across a millennium / A. Booth. – Leicester, 2014.

329. Boya, L. The Rich Graves from Late Roman Iron Age on Eastern Zeland – with a Special View on Glass Beads / L. Boya // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia

towads the Black Sea. Abstracts of presentations. 3–7 October, 2012. Gaspra, Crimea, Ukraine. – Simferopol, 2012. – P. 41–50.

330. Böhme, A. Die fibeln der kastelle Saalburg und Zugmantel / A. Böhme // Saalburg jahrbuch. Bericht des Saalburg museums. – Walter de Gruyter. Berlin. New York, 1972. – T. XXIX. – S. 5–70.

331. Bursche, A. Terra sigillata from closed finds north of the Carpathians / A. Bursche // Probleme der relativen und absoluten chronologie ab latenezeit bis zum fruhmittelalter. – Kraków, 1992. – S. 141–148.

332. Butėnas, E. Sagtus iś rvmų lietuvos pilkapių (tipai, paskirtis) / E. Butėnas // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 1999. – T. 18. – P. 37–56.

333. Czarnecka, K. Padlocks in the Przeworsk and Chernyaknow Cultures in the Late Roman Periods, as an Evidence of Mutual Contacts / K. Czarnecka // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towads the Black Sea. Abstracts of presentations. 3–7 October, 2012. Gaspra, Crimea, Ukraine. – Simferopol, 2012. – P. 60–65.

334. Dąbrowska, T. Kameńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostomasowien / T. Dąbrowska. – Kraków: Secisja, 1997. – 334 s. – (Monumenta Archaelogica Barbarica. – T. III).

335. Dzięgielewska, M. Ciebłowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien / M. Dzięgielewska, M. Kulczyńska / Fudacja Monumenta Arhaeologica Barbarica, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. – Warszawa, 2008. – 216 s. – (Monumenta Archaelogica Barbarica. – T. XIV).

336. Godlowski, K. Kultura przeworska / K. Godlowski / Późni okres lateński i okres rzymski // Prahistoria ziem Polskich. – T. V. – Wydawnictwo: PAN, 1981. – S. 57–135.

337. Hahuła, K. Grzybnica. Ein Gräberfeld mit Steinkreisen der Wielbark-Kultur in Pommern / K. Hahuła, R. Wołągiewicz. – Warszawa – Koszalin, 2001. – 184 s. – (Monumenta Archaeologica Barbarica. – T. VIII).

338. Harasim, P. Rzadkie metody rytualnego niszczenia militariów kultury oksywskiej / P. Harasim // In Medio Poloniae Barbaricae Monumenta archaeological Barbarica. – Series Gemina. – Warszawa, 2014. – T. III. – S. 91–98.

339. Höck, A. Zu den Ringfibeln mit seitlich aufgerollten Enden / A. Höck // Brooches and other elements of dress as sources for reconstructing interregional movement and group boundaries from the Punic Wars to the decline of the Western Roman Empire / International conference from 27th – 29th April 2011 in Innsbruck, 2013. – S. 333–400.

340. Iwanowska, G. Cmentarzysko kurhanowe w Żwirblach pod Wilnem. W powadzenie w problematykę. Katalog / G. Iwanowska. – Warszawa, 2006. – 296 s.

341. Jakubczyk, I. Wokol zapinki typu A.158 ze Złotej, pow. Sandomierski / I. Jakubczyk // In Medio Poloniae Barbaricae Monumenta archaeological Barbarica. – Series Gemina. – Warszawa, 2014. – T. III. – S. 99–108.

342. Jaskanis, J. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen / J. Jaskanis. – Kraków: Secesja, 1996. – 226 s. – (Monumenta Archaeologica Barbarica. – T. II).

343. Jaskanis, J. Krupice. Ein Gräberfeld der Przeworsk-und Wielbar-kultur in Ostpolen / J. Jaskanis / Fundacja przyjaciył IA UW. Stowarzyszenie naukowe archeologyw polskich, Oddział w Warsszawie, PMA w Warszawie. – Warszawa, 2005. – 250 s. – (Monumenta Archaeological Barbaricana. – T. X).

344. Juga-Szymańska, A. Kontakty Pojezierza Mazurskiego ze wschodnia strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie szpil / A. Juga-Szymańska. – Warzszawa, 2014. – 504 s. – (Panstowe Muzeum Archeologiczne w Warzszawie. Seminarium Bałtyjskie. – T. III).

345. Kaczanowski, P. Klasyficja grotow broni drzeworskiej kultury Przeworskiej z okresu rzymskiego / P. Kaczanowski. – Kraków, 1995. – 77 s.

346. Kazanski, M. Les fibulas germaniques orientales et danubinnes en Gaule (périodes C2 – D2) / M. Kazanski // Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg 5, 1998. – S. 375–386.

347. Kliaugaite, V. Ažušilė Barrow Cemetery / V. Kliaugaite, L. Kurila, Z. Baubonis // Archaeological investigations in independent Lithuania 1990–2010. – Vilnius, 2012. – S. 90–94.

348. Kobal, I. V. Kultura przeworska na Ukrainie Zakarpackiej / I. V. Kobal // Wiadomości archeologiczne. – Warszawa, 1997. – T. LIII. – Z. 2. – S. 31–56.

349. Kokowski, A. Osiemnasty sezon badań na cmentarzysku ludności grupy Masłomęczu, stan. 15. woj. Zamojskie / A. Kokowski // Archeologia Polski Środkowowschodniej. – Lublin-Chełm-Zamość, 1998. – T. III. – S. 125–129.

350. Latvijas PSR arheoloģija. – Rīga: Zinatne, 1974.

351. Lund Hansen, U. What about Beads? Glass and Amber Beads in the Late Roman Iron Age – Relations between Scandinavia and the Black Sea? Thoughts about Production and Trade / U. Lund Hansen // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towads the Black Sea. Abstracts of presentations. 3–7 October, 2012. Gaspra, Crimea, Ukraine. – Simferopol, 2012. – P. 150–158.

352. Mackreth, D. F. Brooches in late Iron Age and Roman Britain / D. F. Mackreth. – Vol. 2. – The Plates, Figus. – Oxbow Books, Oxford, UK, 2011.

353. Madyda, R. Sprzączki i okucia paza na ziemiach Polskich w okresie rzymskim / R. Madyda // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. – Warszawa, 1977. – T. IV. – S. 351–411.

354. Madyda-Legutko, R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / R. Madyda-Legutko. – Berlin, 1986. – (BAR International Series. – 360).

355. Natuniewicz-Sekuła, M. Weklice a cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavation 1984–2004) / M. Natuniewicz-Sekuła, J. Okulicz-Kozaryn / Inst. Arch. I Etn. PAN. Pan. Muzeum w Warszawie. – Warzawa, 2011. – 431 s. – (Monumenta Archaeologica Barbarica/ T. XVII).

356. Nowakowski, W. Żelazne zapinki kuszowate z podwiniętą nóżką w europejskim Barbaricum / W. Nowakowski // Wiadomości Archeologiczne. – Warszawa, 1995–1998. – T. LIV. – S. 129–146.

357. Nowakowski, W. Korpus znalezik rzymskich z europejskiego Barbaricum. Polska / W. Nowakowski. – Mazury; Warszawa, 2001. – T. I.

358. Pietrzak, M. Pruscz Gdanski, fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie-und Wielbark-kultur in Ostpommern / M. Pietrzak / Inst. Arch. i Etn. PAN, Muzeum Arch. w Gdasku. – Kraków: Secesja, 1997. – 268 s. – (Monumenta Archaelogica Barbarica. – T. IV).

359. Pleinerová, I. Opočno ein brandgraberfeld der jűngeren und späten kaiserzeit in Nord-westböhmen / I. Pleinerová. – Kraków: Secesja, 1995. – 196 s., tabl.

360. Prahistoria ziem Polskich. – Wrocław: Osslineum, 1981. – T. V: Pożny okres latenski i okres rzymski.

361. Riha, E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseaugst / E. Riha. – Augst, 1979. – FiA. 3.

362. Riha, E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseaugst. Die Neufunde seit 1975 / E. Riha // Forschungen in Augst. Band 18. – Augst, 1994.

363. Rodzińska-Nowak, J. Fibula z podwiniętą nóżlą z Woli Duchackiej w Krakowie / J. Rodzińska-Nowak // Wiadomości archeologiczne. – Warszawa, 1997. – T. LIII. – Z. 2. – S. 133–143.

364. Rudnicki, M. Ostrogi z naczykowatymi zaczepami odiętymi na zewnątrz z obszaru grupy olsztyńskije w swietle zródełnarchiwalnych. Proba nowego spojerzenia / M. Rudnicki // Poganicze trzech swiatyw. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w swiele materiałow z badań i poszukiwań archeologicznych. – Warszawa: In-t archeologii UW, 2006. – S. 349–362.

365. Schmid, S. Die römischen Fibeln aus Wien / S. Schmid // Monografien der Stadtarchäologie Wien. – Band 6. – Wien, 2010.

366. Schulze, M. Die spätkaiserzeitlichen Armbrutfibeln mit festem Nadelhalter (gruppe Almgren VI, 2) / M. Schulze // Antiquitas. – Band 19. – Bonn, 1977.

367. Schuster, J. Przekłuwacze typy Dresden-Dobritz/Żerniki Wielkie. Uwagi na temat narzędzi z późnego okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów / J. Schuster // Wiadomości archeologiczne. – Warszawa, 2011. – Tom (Vol.) LXII. – S. 65–82.

368. Stawiarska, T. Paciorki szklane z okresu wpływów rzymskich występujące w kulturze zachodniobałtyjskiej / T. Stawiarska // Archeologia Polski. – Wrocław: Ossolineum, 1974. – T. XIX. – Z. 1. – S. 117–233.

369. Stawiarska, T. Paciorki szklane z obzaru Polski północhej w okresie wpływów rzymskich / T. Stawiarska // Biblioteca archeologiczna. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985. – T. 28.

370. Stawiarska, T. Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski połnocney w okresie wpływów rzymskich / T. Stawiarska. – Wrocław: Ossolineum, 1987. – 147 s.

371. Strobin, A. Pęsetka brązowa z cmentarzyska kultury oksywskiej w Wyczechowie, pow. Kartuski / A. Strobin // Wiadomości archeologiczne. – Warszawa, 2006. – Tom LVIII. – S. 127–143.

372. Tempelmann-Mączińska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / M. Tempelmann-Mączińska. – Mainz am Rhein, 1985. – 335 p. – (Römisch-Germanische Forschungen. – Bd. 43).

373. Thomas, S. Studien zu den germanischen Kaemmen der roemischen Kaiserzeit / S. Thomas // Arbeits-und Forschugsberichte zur säechsischen Bodendenkmalpflege. – Band. 8. – Leipzig, 1960.

374. Tyszler, l. Terra sigillata na ziemliach Polski / I. Tyszler // Acta archaeological Lodziensia. – Lódz, 1999. – Nr. 43. – Cz. 1. – 178 s.

375. Tyszler, l. Terra sigillata na ziemliach Polski / I. Tyszler // Acta archaeological Lodziensia. – Lódz, 1999. – Nr. 44. – Cz. 2. – 218 s.

376. Vaday, A. Cloisonne brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian basin / A. Vaday // Acta archaeologica academiae scientiarum Hungaricae. – Budapest, 2003. – T. LIV. – Fas. 3 – 4. – S. 315–421.

377. Volkaité-Kulikauskiené, R. Naujausi tyrimai apie baltų papuošalų dekorą / R. Volkaité-Kulikauskiené // Vakarų baltai: etnogenezė ir etninė istorija. – Vilnius, 1997. – S. 177–198.

378. Wołągiewicz, R. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychzasowego stanu badan / R. Wołągiewicz // Archeologia Polski. – T. XXXII. – Z. 1. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łodź, 1987. – S. 169–208.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. **История исследования вопроса. Территория распространения памятников. Поселения. Планировочная структура** 4

1.1. История исследования вопроса 4
1.2. Территория распространения памятников первой половины I тыс. н. э. 10
1.3. Поселения. Планировочная структура 12
1.3.1. Планировка поселений первой половины I тыс. н. э. 12
1.3.2. Жилища и хозяйственные постройки в I–V вв. н. э. населения Могилевского и Гомельского Поднепровья 34
1.3.3. Каменные очаги на памятниках культуры Абидня 59
1.3.4. Хозяйственные ямы на памятниках культуры Абидня 62

Глава 2. **Могильники населения первой половины I тыс. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья. Погребальная обрядность** 75

Глава 3. **Материальная культура населения первой половины I тыс. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья. Хозяйственные связи** 96

3.1. Керамическая посуда населения I–V вв. н. э. Могилевского и Гомельского Поднепровья. Керамическая посуда Тайманово 96
3.2. Вещевой комплекс и хозяйственные связи населения I–V вв. Могилевского и Гомельского Поднепровья 116
3.2.1. Орудия труда и инструменты 116
3.3. Предметы бытового назначения 124
3.4. Предметы поясного набора 129
3.5. Предметы снаряжения всадника 134
3.6. Оружие 137
3.7. Изделия из глины 140
3.7.1. Бытовые изделия из глины 141
3.7.2. Техническая керамика 144
3.7.3. Импортная посуда 145
3.8. Изделия из камня 146
3.9. Монеты 147
3.10. Украшения 148
3.10.1. Украшения головы 148
3.10.2. Подвески 150
3.10.3 Бусы 158

3.10.4. Браслеты 170
3.10.5. Булавки 171
3.10.6. Фибулы 173

Глава 4. **Связи с другими культурами. Хронология. Этническая принадлежность** 184

4.1. Периодизация и хронология памятников I–V вв. Могилевского и Гомельского Поднепровья 184
4.2. К проблеме решения славянского вопроса на территории Беларуси 208

Заключение 214

Приложение 1 225

Приложение 2 237

Приложение 3 271

Приложение 4 301

Приложение 5 342

Список использованных источников 425

Научное издание

Дубицкая Наталья Николаевна

**ДРЕВНОСТИ МОГИЛЕВСКОГО
И ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В I–V вв.**

Редактор *М. С. Макрицкая*
Художественный редактор *Д. А. Комлев*
Технический редактор *М. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 20.09.2023. Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 36,56. Уч.-изд. л. 27,3. Тираж 200 экз. Заказ 212.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск